

**Православие и грядущие судьбы России.
Из Дневников 1910–1916 гг.
архиепископ Никон (Рождественский)**

Год 1910

Архиепископ Никон (в миру – Николай Рождественский) родился 4 апреля 1851 года в селе Чашникове Верейского уезда Московской епархии.

В 1863 году двенадцатилетний отрок совершает паломничество в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, послушником которой он становится спустя еще четырнадцать лет. Затем – монашеский постриг, рукоположение во иеродиакона, иеромонаха...

В 1893 году он становится казначеем Лавры, а в 1901 – председателем епархиального училища иконописания. К этому же периоду относится и начало издательской деятельности будущего архиерея: он занимается изданием «Троицких Листков», «Троицкой Библиотеки», «Божией Нивы», «Троицких Цветков», «Троицкой Народной Беседы» и «Троицкого Слова».

В 1907 году Никон – к тому времени епископ Вологодский и Тотемский – становится членом Государственного Совета, а в 1912 – и членом Св. Синода. В 1913 году он возводится в сан архиепископа и назначается председателем Издательского совета при Св. Синоде.

Скончался архиепископ Никон 30 декабря 1918 года (12 января 1919), похоронили его в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

До революции имя Никона было широко известно в России и прежде всего – благодаря его выступлениям в «Троицком Слове» – самом популярном церковном издании тех лет. Выступления эти – а их каждый год собиралось ровно пятьдесят, по числу выпусков «Троицкого Слова», – составили впоследствии цикл сборников, получивших общее название «Мои дневники».

В «Дневники» наряду с публицистическими статьями входили и пастырские беседы, и воспоминания, и литературные рецензии, и исторические очерки, и путевые заметки, однако с наибольшею полнотою личность автора раскрывается именно в публицистике: человек проницательный и прозорливый,

архиепископ Никон прекрасно ориентировался в общественно-политической обстановке предреволюционной поры и с замечательной точностью предсказывал последствия тех или иных социальных явлений.

Сборник, предлагаемый вниманию читателей, составили избранные статьи из «Дневников» за 1910–1916 годы.

Священник Ярослав Шипов

Без елея гаснет светильник...

1 февраля. Ровно 31 год тому назад, 1 февраля 1879 года вышел № 1 «Троицких Листков»; ныне выходит № 1 «Троицкого Слова». Признаюсь, в 1879 году я робкою рукою ставил № 1 на листке, не уверенный, выйдет ли № 2. Бог благословил это начинание: по сей день вышло более 1300 № листков, в количестве более 140 миллионов оттисков. Благословит ли Господь новое начинание мое – во славу Его? Да будет Его святая воля! Верую, что ведь не мы творим добро, а Сам Он – в нас и через нас творит волю Свою святую...

Мы живем в тяжелое время. Со всех сторон мрак сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свечи... Если наше издание внесет хоть самую малую искру Божьего света в народную русскую душу, которая так исстрадалась от окружающего ее ядовитого тумана, – и за то слава Богу. Чувствуешь, как все дальше и дальше мы уходим от источника света – от святого нашего православия. И что особенно прискорбно – даже в среде верующих, считающих себя православными, теряется основное начало православного мировоззрения, православной жизни. Люди высокообразованные, верующие, как бы потеряв под собою почву, нередко позволяют себе рассуждать о предметах веры по своему мышлению, и не подозревая, что в таких вопросах есть непререкаемый авторитет, коему сын православной Церкви должен подчинить свое личное мнение. Получается впечатление умного, но невежественного младенца... Что уж говорить о тех, которые свое мышление ставят выше всякого авторитета? Беседу с такими о предметах веры, если они назовут себя верующими, кажется, всего практичнее начинать с вопроса: верите ли вы в Господа Иисуса Христа, Бога воплотившегося, воскресшего из мертвых и грядущего судить живых и мертвых? Верите ли вы в то, что вы сами – придет час – восстанете из гробов своих в последний день? Верите ли в сей Страшный суд, вечное блаженство праведных и вечные муки грешных? И если они на эти вопросы ответят

утвердительно, то можно продолжить беседу; если же станут колебаться, уклоняться от ответа, то и беседа бесполезна. Есть и еще вопрос подобного рода: веруете ли в бытие злых духов, в темное царство сатаны?.. И если не «устыдятся» эти просвещенные люди прямо сказать: «всеконечно веруем, что без этой веры нет и христианства», то есть надежда вернуть им православное мировоззрение. Иначе – напрасно они себя прельщают, будто они христиане – не говорю уже об их православии. И все эти люди – в недрах Православной Церкви! Правда, только на бумаге, только считаются православными, но ведь сколько же их! И они воображают, будто принадлежат к Православной Церкви!.. Не скорбно ли сознавать все это? Не больно ли чувствовать пастырскому сердцу?

И вот, такими-то полуверами, на деле же – неверами, и пользуется сатана – мы называем прямо этого князя тьмы – и пользуется, чтоб подготовить почву для полного неверия в среде православных. И такие-то полуверы нередко стоят у кормила правления в разных сферах русской жизни, они-то нередко и вершат вопросы, касающиеся Церкви в ее отношениях к государству, держат в руках своих законодательство, направляют его во вред святому православию и в пользу ересей и расколов. Под их влиянием отнимается ограждение закона от двора Христова, чтоб был туда свободный доступ врагам Церкви, чтобы младенчаствующие чада Церкви расхищались беспрепятственно волками хищными. Под их влиянием наше юношество начинает стыдиться исповедовать учение Церкви во всей его чистоте и полноте, наши писатели, даже из верующих, подслуживаются духу времени, наши ученые боятся пролагать самостоятельные пути в науках естественно-исторических, чтобы не показаться «отсталыми», умалчивают о всемогуществе Божьем, чтобы не быть осмеянными от врагов Бога и людей... Что делать нам, чадам Церкви?

Когда усиливаются ветры, дерево углубляет свои корни. Будем же укреплять в своих сердцах нашу святую веру. Когда на двор спускается ночь, усиливают свет в доме. Будем же возжигать светильники веры, умножая елей любви в лампадах

сердца. Без елея гаснет светильник: без дел любви, без смиренного исполнения Христовых заповедей нет живой веры. *Вера без дел мертва есть (Иак. 2:26).*

Спеши делать добро, каждый человек!

«Спеши делать добро, каждый человек!» Так в простоте сердца повторяла одна почтенная старица-мать, сама спеша первая исполнять свое правило и своим примером поучая своих детей.

Незабвенный святитель-затворник Феофан говорит: «Если придет к тебе добрая мысль, спеши ее исполнить: ведай, что это Ангел-хранитель твой говорит тебе в совести твоей, и Бог готов помочь тебе в этом».

Да, «спешить» надо. Жизнь слишком коротка. Обидно за человеческое достоинство, грешно перед Богом расходовать такое сокровище, как время, жизнь, на пустяки. Ведь временем покупается вечность. Временем покупается блаженство. Люди ценят деньги: иные самое время приравнивают к деньгам: время – деньги, говорят они. Но за деньги времени не купишь. Не пожалел бы миллиардер отдать все свои миллиарды за один час времени, но никто ему не может в этом помочь, никто не приложит к его жизни ни одной минуты ни за какие сокровища на земле. Так дорога человеку жизнь. И так мало он ценит ее.

Странное существо – человек! Что имеет – не хранит, а потерявши – плачет. Откуда эта странность?

Прочтите повнимательнее в послании Апостола Павла к Римлянам 7-ю главу и вы поймете эту роковую тайну грешной человеческой природы. *«Не понимаю, что делаю, – жалуется Апостол, – потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Желание добра есть во мне, а чтобы сделать оное, того не нахожу... Бедный я человек! Кто меня избавит от тела смерти?» (Рим. 7:15, 18, 24).* Вот причина, почему человек все свое время отдает на служение плоти и забывает о духе, о будущей вечности. Он в плену греха. От сего плена избавляет только Христос Сын Божий. Дух человека, как пленник из темницы, рвется на свободу – к добру, а грех его держит в цепях. И никто не в силах разорвать эти цепи без помощи Спасителя мира. Слышите, что он говорит? *«Аминь, аминь глаголю вам, яко всяк творяй грех, раб есть греха. Аще*

убо Сын высвободит, воистинну свободны будете» (Ин. 8:34, 36). Не только богомудрый Апостол, даже лучшие из языческих мудрецов смиренно сознавались, что если Сам Бог не сжалится над людьми и не придет спасти их, то не видать им спасения!

Христианину следует носить постоянно эту истину в своем сердце. Пусть эта тоска по духовной свободе неусыпно томит его сердце. Пусть он показывает ее Господу Иисусу Христу, жалуется Ему на свое бессилие, плачет с Магдалиною у подножия креста Христова... «Уступи, Магдалино, от Христову ногу! Мне даждь место: аз имам о грехе скорбь многу!»

А чтобы ближе восчувствовать сердцем Его благодатную помощь, пусть чаще приступает к животворящей Чаше пречистых Его Таин. Вот где источник жизни! Источник благодатных сил для доброделания! Сами по себе мы – ничто. И ничего доброго не можем делать своими усилиями. Можем лишь тосковать о добре, желать его. А когда соединимся с Христом, то воскликнем с Апостолом: *все могу о укрепляющем меня Господе Иисусе! (Флп. 4:13).* Только тогда, когда мы познаем свое бессилие, только тогда будет безопасна для нас и сила Божия, благодатная помощь, действие Самого Господа нашего в нас и чрез нас – в доброделании. Итак: кто хочет делать добро искренне, не лицемерно? кто стремится к доброделанию так, как стремился Апостол Павел? Сознай, как он признавал свое полное бессилие, с слезною мольбою о помощи. И Он придет. Он коснется твоего жесткого сердца и растопит его в слезах умиления и покаяния; Он разорвет узы, тебя связующие, и подаст силы на доброделание. И ты восчувствуешь себя живым членом того таинственного тела, которое именуется Церковью, которое есть тело Христово. И тогда ты поймешь великую тайну жизни христианина во Христе, в живом общении с Христом поймешь слова великого Апостола: *«Не к тому аз живу, но живет во мне Христос!» (Гал. 2:20).* Вот тогда легко будет и всякое доброделание для тебя: в глубоком смирении ты будешь благоговейно созерцать несказанные пути промысла Божия в твоей жизни и деятельности, будешь ощущать, откуда приходит к тебе добрая мысль, как дивно посылается тебе случай и силы к ее исполнению. Как олень

стремится к источникам водным, так и твоя душа будет жаждать добра, искать случая сделать его, припадать в сердце к подножию креста Христа Спасителя твоего, очищая слезами покаяния всякий помысл греховный, всякое греховное пожелание, ибо сказано: *«в злохудожну душу не внидет премудрость»* (Прем. 1:4), а следовательно, и благодать Божия.

Особенно благопотребно подумать, позаботиться об этом православному сыну Церкви Христовой в наше страшное время. Мир во зле лежит, во зле погибает. Бесчувственные стихии как бы возмущаются преступностью рода человеческого и Божьим попущением казнят преступников; а мы все это видим, но духовно спим: где наше покаяние? Доколь будем испытывать Божье долготерпение?

«Се, стою при дверях и толку», – глаголет Господь (Откр. 3:20). Надо спешить отверзти Ему двери нашего сердца. Надо спешить толкать и в двери Его милосердия, ибо Он же сказал: *«Толцые и отверзется»* (Мф. 7:7). Иначе мы будем безответны пред Его правосудием, если пренебрежем Его милосердие...

Спеши же, брат возлюбленный, к своему Спасителю и спасая спасай свою душу в исполнении Его животворящих заповедей!..

Суета сует на могилах почивших

Живу я в келье над конторою лаврских кладбищ. Каждый день мимо моих окон проносят и провозят на кладбище покойников. Каких, каких процессий тут не насмотришься! И пышные погребальные колесницы, под балдахинами, с хором певчих, собором священнослужителей, сопровождаемые странными, на взгляд русского человека, высокими людьми в белых длинных, узких балахонах, с белыми же цилиндрами на головах (несет фонарь с горящею свечою и – в цилиндре! как это режет по сердцу православного человека!), и скромные дроги простых смертных, и лафеты, на коих привозят сюда военачальников, и простые гробы, несомые на руках... То слышится погребальное «Святой Боже», то – прощальные залпы ружейных выстрелов при опускании гроба военачальника... Несут, а иногда и везут множество венков, идут толпы провожающих в последний путь. Опустят в могилу, раздастся последнее надгробное – «Вечная память», и скроются под землею останки человека – будь он знатный из знатных, будь самый скромный странник земли – всем один удел:

«Земля еси и в землю отъидеши!»

Настанет весна. Оттают снега. На могиле появится памятник – иногда роскошный, в несколько тысяч рублей, иногда – попроще... И видишь, как с утра до вечера и идут и едут к родным могилкам русские люди, и радуется сердце, когда подумаешь: что их влечет сюда? Да что же как не любовь?..

Ах, если бы то была любовь христианская, любовь на смирении и преданности сердца Богу воспитанная!

Но – увы! Когда присмотришься поближе, то увидишь нечто странное, чуждое духу христианской любви. Зайдите в контору, прислушайтесь, как тут бранят монахов за дорогие якобы расценки на все.

Но ведь эти монахи ни в чем не повинны: они исполняют лишь то, что им приказано. А приказано – Духовным Собором Лавры, который, конечно, строго обсудил таксы и не

руководился при этом слишком корыстными целями. За что же бранить монахов, сидящих в конторе?

– Сударыня! – пытается успокоить расходившуюся барыню инок, – сударыня, ведь мы не можем ни копейки уступить против таксы...

– Да я не вас и браню, а всех вас, монахов! Все вы – корыстолюбцы! – выпаливает благочестивая молитвенница за своего усопшего.

А сама покупает венок в несколько десятков рублей на могилу, венок, который, конечно, ни покойнику, да и никому не нужен. А того, что получаемые с кладбища деньги идут на дела благотворения, притом – не случайные, а обязательные для Лавры – она не хочет и знать. Она готова требовать, чтоб и за ее покойника молились, поминали его имя в Лавре совершенно бесплатно, и особые обедни служили даром... Что ей за дело до того, что таких капризных просительниц – тысячи!

Но оставим их в покое. Подумаем о другом, более важном. Ведь вот как люди заботятся, кажется, о покойнике, когда он уже на том свете: а позаботились ли о нем, пока он еще лежал больной? Пригласили ли к нему священника для напутствия Св. Тайнами? Приготовили ли его к христианскому переходу в вечность? Напротив: не отстраняли ли, следуя совету нынешних неумных врачей, всякую мысль о смерти от его сознания?

Да и сам покойный: давно ли он говел и причащался Св. Таин? Давно ли был в храме Божьем? Думал ли когда о вечности, верил ли в нее? О, как ныне много таких, о коих нас, пастырей, просят молиться, заказывают нам панихиды и обедни, а сии покойники – и в Бога-то не веровали! С какой совестью мы будем молиться за человека, который смеялся над нашею святою верою, как над суеверием? Но и этого мало: мир сей, лукавый и прелюбодейный, по слову Спасителя, хочет заставить нас, как бы издеваясь над нами, над нашею святою, молиться даже за явных богохульников и самоубийц! Как возмущаются эти неверы, когда архиерей решительно запретит священнику отпевать самоубийцу, следуя в сем случае указанию церковных правил! Иной раз думаешь: Господи! Да чего ради эти люди так хлопочут? Ведь и покойник,

и сами-то они никогда в церковь не заглядывали и не заглядывают: на что же им эта панихида, это, в сущности, какое-то кощунство? А им это доставляет особое удовольствие: заставить и попов «почтить» покойника их! Ведь знаменитого иудея самоубийцу Пергамента хотели обманом похоронить в Невской лавре, а по казненном изменнике Шмите заставили служить панихиду, да еще архиерея! Но да не вспомнятся дела минувших сумасшедших дней! В наши-то дни разве не творится нередко то же самое? Разве не творят насилие над служителями Церкви, требуя от них молитвы за тех, за кого их совесть, следуя церковным канонам, молиться не позволяет? А эти «панихиды» по неправославным, даже вопреки воле самих покойников, совершаемые в православных церквях?.. Мы молимся, часто против совести, и за армян, и за лютеран, и за римско-католиков, и за всяких еретиков – молимся «официально», иногда даже по распоряжению мирской власти... Не насилие ли это над свободой нашей православной совести и – это в наше-то время свободы совести! Пора бы решить этот, жгучий для совести православных служителей Церкви, вопрос так или иначе, но формально, окончательно: за кого из инославных усопших можно и за кого нельзя молиться? Но едва ли сей вопрос может быть решен раньше Церковного Собора.

Но я позволю себе еще раз возвратиться к тому, как и чем поминают у нас покойников? Я не говорю о роскошных, дорого стоящих поминальных обедах: кто же разумный человек скажет, что они приносят пользу душе почившего? Особенно когда они сопровождаются обильными угощениями, в виде разных вин и наливок... Суета суетствий и рабство моде, обычаю, полуязыческому преданию! Стыдно бы, кажется, просвещенным-то людям так рабствовать! Да и нам, пастырям Церкви, едва ли не грешно поддерживать эти поминальные обеды, особенно с винами, своим присутствием и благословением. Со злом надо бороться мужественно, а эти заупокойные выпивки разве не зло, разве не оскорбление памяти почивших? Но не об этом хотелось бы сказать. Ведь верующим в Бога известно, еще с ветхозаветных времен, что милостыни и молитвы очищают грехи. А много ли добра

делается теми, кто расходует тысячи вот на эти роскошные балдахины, на всю эту помпу, кончая длинноногими фигурами в белых балахонах и цилиндрах? Иной раз – грешный человек – думаешь: сколько бы добра-то можно было сделать, устранив всю эту роскошь и употребив истраченные на нее деньги – во славу Божию, на дела благотворения всякого рода? Вот там, в далекой Камчатке, нуждаются в храмах Божьих, а походный храм можно купить готовый в Петербурге у Жевержеева всего за триста рублей: сколько бы радостей и слезной благодарности вызвало пожертвование туда хоть одного походного храма в память почившего! Как плачут наши бедные переселенцы в Сибири, не имея храма Божия ближе ста-двухсот верст, как бы они возликовали, получив хотя бы вот такой походный храм для своего селения! Сколько детишек учится в развалившихся школах церковных, зябнут, бедные, вместе со своими учителями и учительницами: как бы они усердно помолились за неведомого им покойника, если бы в память его им поправили, не говорю уже – построили школку! В наших деревнях на сто верст одна больница, один фельдшер: какое сердечное спасибо сказали бы обитатели этих деревень, если бы им на средства и в память усопшего христианина прислали хоть временную медицинскую помощь! А сколько сироток на свете, беспризорных, бесприютных, сколько их плачет по улицам городов и селений, сколько вдов беспомощных – сколько бы можно было сделать добра в память усопших вместо пышных балдахинов, этих тысячных памятников, этих роскошных венков! Ведь стоило бы только кому-либо начать: смотришь, мало-помалу вошло бы в обычай, святой обычай, и дела благотворения, во имя любви к почившим, в духе матери-Церкви и под ее благодатным руководством, расцвели бы благоуханными розами по лицу родной земли. Может быть, поменьше было бы роскошных памятников на кладбищах наших обитателей и столичных; может быть, не так эти памятники были бы роскошны, но на Руси-то стало бы теплее, русской душе было бы отраднее. А теперь... выйдешь на кладбище и как-то грустно становится, когда эти каменные глыбы, эти мраморные и металлические часовни ничего не говорят моему сердцу,

кроме того, что тут лежит купец такой-то, генерал такой-то, тайный или действительный статский советник такой-то... Был человек, и не стало его, а кто он был, много ли добра на земле сделал – Бог его знает! И не движется черствое сердце на молитву за сего покойника, и равнодушно проходишь мимо такой могилы. А вот могила известного благотворителя, вот могила героя, душу свою положившего за веру, Царя и Отечество: и невольно поднимается рука для крестного знамения, невольно вырывается из души молитвенный вздох: «Упокой, Господи, душу его!» Как хотите, а есть тайное общение душ, для нас самих непонятное, но тем не менее реально ощутимое, когда эти души встречаются одна с другой. Как они встречаются? Да вот вы пришли на могилку, вы прочитали надпись, которая сказала вам, что тут лежит не простой Петр или Иван, коих миллионы, а – человек, оставивший по себе добрую память сделанным им добром, человек, исполнивший свой христианский долг до конца, а значит – живой член живого тела Церкви Христовой, коей мы все есть члены, и вот душа ваша уже почувствовала свое сродство с почившим, в ней уже шевельнулось чувство живой любви к нему – ведь он член того же таинственного тела, как и вы – и если вас потянуло к почившему, как к родному члену единого тела – Церкви Христовой, то почему же не предположить, что и его душа почувствовала взаимное к вам влечение? Вот то, что я назвал «встречей душ». А посредником сего таинственного влечения является то животворящее добро, которое мы делаем во имя и силу Христа, нашего Спасителя, изрекшего: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15:5).

А если сам почивший не успел сделать этого добра, хоть сколько-нибудь, то – как бесконечно милосердие нашего владыки Христа! – благодать Божия приемлет и от нас всякое истинное доброделание от имени почивших наших братии, как бы от них самих. Как же не спешить православным творить добро в память присных своих, отшедших в иной мир! Ах, если бы люди знали, если бы только знали всю благодатную силу такого добра! Ведь оно рекою лилось бы взамен всех этих знаков суеты земной, вроде венков, от коих некоторые

благоразумные заживо отказываются: «Просят венков не возлагать, согласно воле почившего». Почему бы не прибавлять к сему: «А вместо венков сделать что-либо доброе в память покойного»?..

Кошунственные похороны лицедейки

Прошлый раз я говорил о том, как поминают у нас покойников, ныне приходится говорить о том, какое впечатление произвели на меня похороны одной из тех, коих в газетах почему-то величают иногда «дивами». Охотно сознаюсь в своем невежестве: не знаю, что это за слово.

Хоронят актрису, по-русски – лицедейку, Комиссаржевскую, и десятки тысяч народа сопровождают ее гроб... Нет, не сопровождают: это только кажется, – дело проще: газеты, иудейские газеты прокричали, что это была великая служительница Мельпомены, сиречь театрального искусства, и вот праздной толпе захотелось посмотреть, как ее будут хоронить, кто пойдет за ее гробом, какие речи будут говорить над ее могилой. За гробом, в честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высших учебных заведений; ведь они лучшие ценители всякого лицедейного искусства, а поскольку сия актриса дерзала изображать в театре – даже страшно сказать! – Честнейшую Херувимов, прикровенно выводимую иудеями-авторами театральных пьес, то вот надо же оказать честь той, которая не убоялась выступить в такой «роли»... Это была жрица того идола, который именуется театром; ее «обожала» наша беспутная молодежь: и вот за ее гробом идут, идут, идут бесконечной вереницей юноши и девы, несут венки (их привезено целых 8 возов!) – прискорбно отметить, что был венок и от студентов здешней духовной академии – и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угоднице театра, не постыдились своего звания! А на венках красовались надписи, от которых ужас сжимал верующее сердце... Судите сами: «Радуйся, небо, принявшее твою душу!» – «Радуйся, чрево, носившее тебя!» – «Благословенна ты в женах!»... Правда, эти ленты сорваны в стенах Лавры, но спрашивается: кто же это так злобно издевается на святейшими истинами нашей святой веры? Кто смел сочинить такие надписи? Если бы вы, мой читатель, посмотрели поближе на эти толпы молодежи, сопровождавшей гроб до храма и бродившей потом с

папиросами в зубах по Лавре, то вы сразу поняли бы, с кем мы имеем тут дело... Сколько тут было горбоносых, смуглых, с черными злыми глазами типов! О, конечно, все это – не русские, это все – из «гонимого» племени, а за ними уж шли, как их послушные пленные рабы, несчастные русские, и в числе их – опять повторяю с горечью – студенты духовной академии!.. Видно, угар недавнего прошлого еще не прошел; и это не только здесь, в Петербурге, но и по лицу всей Русской земли. В Саратове требовали, чтоб панихида служилась непременно в соборе, в тот час, когда должна была совершаться литургия. Архиерей предложил служить в приходской церкви: не пошли, разослали повсюду телеграммы с клеветой на святителя Божия, будто он не дозволил служить панихиды, и на тройках отправились в село, где и заказали панихиду. В другом месте эти усердные «панихидники» пригласили служить... лютеранского пастора, забыв, что у лютеран, собственно говоря, и молитва-то за усопших вовсе не признается, считается чуть ли не грехом!.. А в Москве требовали от духовенства служить панихиду непременно на подмостках театра, там, где лицедействуют всякие кощунники нашего беспутного времени, а когда духовенство сочло это неприличным и предлагало пойти в Божий храм, то отказались и сами сочинили «гражданскую» панихиду с кощунственным пением «Вечной памяти» и «Со святыми упокой». Где тут здравый смысл? Где христианство? И при чем тут оно – христианство? Ведь, в сущности, весь этот шум вокруг гроба несчастной лицедейки никакого отношения к молитве не имеет, все это – сплошное издевательство над Церковью, желание обратить церковный обряд в прославление лицедейства, и я не знаю: не следовало ли вовсе отказать этим господам «демонстрантам» во всякой торжественности погребения, чтоб не допускать поругания церковных обрядов теми, которые позволяют себе явно выражать свое презрение к Церкви, кощунственно применять святые слова, приложимые только к Святейшей Херувимов, – к одной из таких же грешниц, как и все мы, с тою лишь разницей, что мы никогда не решимся уподобляться тому лицедею, которого так поразительно вразумила Сама Мать Божия за его кощунственные выходки

против Нея, Препоблагословенной. (Читайте «Луг Духовный».) Если она была верующая и притом православная христианка, то любовь христианская заповедует помолиться о ее душе: ведь она не покончила с собой, как кончают ныне некоторые интеллигенты, она умерла от страшной болезни, но все же естественною смертью. Мы не знаем, к сожалению, был ли приглашен к ее смертному одру священник для напутствования: если бы так, то больше дерзновения имела бы молитва верующих за несчастную душу все же верующей христианки... Но и теперь Церковь не отказывает в молитве за нее, но... разве эти пышные похороны, эти венки с кощунственными надписями, эти провожатые – некрещеные иудеи, эти молодые люди, хотя бы и из русских, со смехом и папиросами гуляющие по Лавре... разве это молитва? А нежелание служить панихиду в приходской церкви, а желание служить панихиду непременно в театре – ужели можно назвать это молитвой? Да это просто издевательство над Церковью – худшее того, какое Господь нашел в храме Иерусалимском, и заслуживающее такого же, если не более строгого, осуждения, как и то... Я уже не говорю о том, как мучительно тяжелы такие кощунственные почести для души почившей, которая ищет себе помощи, ко ангелом очи возводящи, к человеку руки простирающи...

Церковь наша смиренна, как Христова невеста; ее поносят, оскорбляют, над нею издеваются ее враги и в газетах, и в театрах, и теперь – все чаще и чаще вторгаются в ее заветное святое святых – Богослужение, пытаясь обращать ее обряды в кощунственные демонстрации, стремясь выставить ее как бы участницей в прославлении того, что в очах мира лукавого и прелюбодейного высоко и досточтимое, но что в ее очах – достойно презрения... И все терпит Христова невеста: она ждет, не вразумятся ли эти безумцы, не придут ли в чувство раскаяния... Но доколь же это будет? Не наступит ли скоро час, когда всем таким кощунникам будут закрыты двери храма Божия и над главою их блеснет тот страшный меч, который дан Церкви Самим Христом Господом и который грозит всем богоотступникам – анафема!.. Нельзя же допускать, чтоб иудеи и их прислужники, изменники Церкви и вере Христовой,

издевались над самою молитвой, требуя от нас, служителей Церкви, как бы прославления своих покойников, в бессмертие души коих, конечно же, они сами не верят... Мы хотели бы верить, что больше не повторятся такие сцены, какие в свое время мы видели над трупами Трубецкого в Москве или Пергамента в Петербурге...

Самоубийства молодежи

Никогда, кажется, так не было много самоубийств среди молодежи, как в наше смутное время. Газеты пестрят известиями о том, как молодые люди кончают расчет с жизнью. И большею частью эти несчастные сами объясняют причину совершаемой ими казни над самими собою: «надоело жить»... «смысла жизни не вижу»... «пожил столько-то лет, и довольно»... На днях три иудейки из «интеллигенток» заперлись в комнату, играли на рояле, пели веселые песни и... отравились. Трупы этих самоубийц молодежь осыпала розами, а на другой день «Новое Время» пишет уже: «За сегодняшний день в Петербурге вновь отмечен целый ряд самоубийств среди учащейся молодежи. Эти самоубийства принимают характер форменной эпидемии» («Нов. Вр». № 12, 207). Как будто сатана явно смеется над теми, кто чествует самоубийц, увлекая и их к тому же. Наша мирская печать не раз останавливалась над этим страшным явлением, пыталась решить вопрос: отчего, почему это происходит и как устранить зло? Даже «сам» идол нашей несчастной молодежи – Толстой заговорил... что «человек имеет право убить сам себя». Этот лицемер говорит только, что самоубийство и неразумно, и безнравственно. Вместо того чтобы показать весь ужас этого преступления, он как бы ободряет юношу, говоря, что акт самоубийства ничуть не страшнее табакокурения или пьянства. Понятно, что писатели ни единым словом не обмолвились о Боге, о душе, о вечности: напротив, они самым тщательным образом обходили главную и, если хотите, – единственную истинную причину сего явления и потому кончили свои рассуждения пустыми фразами. Разве наши «передовые» люди когда-нибудь сознаются, что вся причина в том, что несчастная молодежь – Бога теряет в душе, а без Бога душа, по природе своей христианская – жить не может?.. И вот, страшная пустота души, страшная тоска о Потерянном, но тоска несознаваемая, безотчетная – с одной стороны, а с другой – приращение темной силы, проще говоря – искушение от человекоубийцы исконного – сатаны (читайте

Иоан. 8:44) влекут юношу или деву к страшной развязке – к самоуничтожению. Напрасны эти рассуждения о «цели жизни», о «смысле жизни» – здесь на земле: эти цели, этот смысл жизни способны, пожалуй, на время утолить некоторым образом жажду вечного, томящую душу человеческую, но уничтожить эту жажду – никогда не в состоянии. Богач никогда не будет доволен своим богатством, и если бы весь мир приобрел – все же будет жаждать и жаждать богатства. Честолюбец, властолюбец, сластолюбец – никогда не скажут: «Довольно!» Мало этого: писатель, поэт, художник, достигнув своей «цели», после сознания, что дело кончено, после испытанного чувства удовлетворения, вдруг начинают как бы сожалеть, что дело кончено (вспомните, что испытывал поэт Пушкин, когда кончил своего «Бориса Годунова»), и начинают искать другой «цели», другой работы... Разве это не есть доказательство бессмертия души, предназначенной к вечности? Разве это не есть жажда вечности? вечного идеала? А где он? В чем он, как не в Боге – Существе вседовлеющем и всесовершенном? Ведь душа человека сотворена по образу и подобию Его: ужели неясно, что она Его и ищет, к Нему и стремится? И только в Нем едином и находит она свой идеал, свое успокоение и блаженство. А о Нем-то и боятся вспомнить все наши мудрые интеллигенты – передовые люди!..

Позвольте поделиться с вами, читатели мои, выдержками из письма одного молодого человека, стоявшего на самом краю пропасти и только чудом Божиим спасенного от самоубийства. Письмо это особенно поучительно для нашего времени. Это – не туманные рассуждения г. В. Розанова («Нов. Вр». № 12, 205) о «нахождении коня», о «моем и всеобщем призвании», о «бахроме житейских обстоятельств», об «общей цели жизни», о «цели жизни человека вообще»... Нет, это сама жизнь, это исповедь души, пережившей великое искушение...

Письмо начинается глубокою сердечною благодарностью тому Божию служителю, который, сам того не ведая, был орудием Промысла Божия в обращении этого молодого человека. Затем автор продолжает: «Будучи вполне сыном своего века, стыдясь открыто пред всеми исповедывать

православную веру, в которую я крещен младенцем, я, из этого ложного стыда, перестал ходить в церковь, перестал говеть и причащаться Св. Христовых Таин... в конце концов я совсем забыл, что я – христианин, жил, как живут, скажу к стыду моему, бессловесные твари. Ел, пил, спал, исполнял свои мелкие делишки, и так тянулись во мраке мои дни. Во всем полагался я только на свой «разум» и на то, что дала якобы «наука». Так прошло несколько лет: я совсем забыл о Церкви Христовой. Но вот, порой на меня стала находить какая-то необъяснимая тоска, мою душу стали наполнять какие-то сомнения и тревоги. И день ото дня мне становилось все тяжелее и тяжелее. Закралось в сердце отчаяние: нет ни света, ни выхода, мое существование бесцельно и бессмысленно, я – лишний на свете человек... И явилась мысль о самоубийстве. И эта гибельная мысль не казалась мне страшной: напротив – как будто желанной! Правда, я сначала боролся: искал ответов на мучившие меня вопросы в литературе, у современных наших писателей – прежние казались мне уже устарелыми, – но моя душа еще больше омрачалась от этого чтения, еще большее становилось на сердце. Тогда я решил покончить с собой. И вот, в одну несчастную минуту я зарядил револьвер и уже приставил холодное дуло его к виску... Ни страха, ни сомнений я в этот момент не испытывал: все мне казалось совершенно безразличным; в мысли как-то промелькнуло только, как я упаду после выстрела, начнется переполох, а там... Это – там, за гробом на секунду меня остановило. И вдруг с быстротою молний мне вспомнилось мое детство, училище, встреча Св. Пасхи и – то настроение, радостное настроение, какое я испытывал в те дни!.. И выпал из руки моей револьвер, и я вдруг заплакал горько – навзрыд!.. Что было со мною дальше – не помню: очнулся я уже лежащим на кровати, а около меня суетились мать, родные и доктор. На голове лежал компресс, и доктор уверял родных, что это – только простой обморок. Через два дня я оправился, явился аппетит, сон, хотя очень чуткий. Со мною как будто ничего не произошло особенного. Но мое состояние не укрылось от любящего взора матери моей! Она как-то незаметно для меня пригласила меня в вашу церковь ко

всенощной. Был день воскресный. Не желая оскорблять ее отказом, тем более что видел, как она тревожилась и хлопотала около меня, когда со мною был обморок, я пошел с нею в храм Божий. А я не был в церкви – целых восемь лет! Когда я вошел туда, мне стало как-то не по себе: так я отвык от храма. Матушка заметила мое смущение, но мне и вида не показала, что заметила, и пригласила меня пройти дальше вовнутрь церкви. С некоторым самопринуждением, но я пошел за нею. Она приложилась к св. мощам, частица коих была на аналое, за клиросом, а я не мог себя к тому принудить, а стоял и нервно пощипывал усы. Всенощная скоро окончилась; весь бывший народ запел громогласно: «Взбранной Воеводе победительная»... Это так на меня подействовало, что у меня дрожь прошла по телу. Но я приписал это своей нервности. Начался молебен, и трогательное общенародное пение – «Милосердия двери отверзи нам»... привело меня в умиление. И чем дальше пели, тем теплее становилось у меня на душе, и наконец вдруг я заплакал тихими, облегчающими слезами: с моей души, выражаясь словами поэта, как бремя скатилось, и стало легко и отрадно... И тут только я понял, что напрасно я метался, ища выхода для своей наболевшей и исстрадавшейся души. Этот выход был вот тут, в храме Божьем так близко, и те, кто посещает его, никогда не испытывают тех мук, какие я пережил, удалившись от Церкви! И ушел я в угол храма и там плакал горькими слезами, как малое дитя, как кающийся Петр... Но вот вышли вы, дорогой батюшка, ограждая себя крестным знаменем, и своим громким голосом провозгласили: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Глядя на вас, и я возложил на себя крестное знамение – в первый раз за все восемь лет моего духовного блуждания. Вы говорили о том, как крепко стояли за веру Христову древние христиане, как даже маленькие дети переносили за имя Христово страдания, а матери, смотря на их страдания, радовались, веруя, что их ждет мученический венец. А я... меня никто не преследовал, не мучил за Христа, а между тем я – отрекся от Христа! О Боже, милостив буди мне, грешному! На словах не выскажешь того, что испытывал я в эти минуты. Когда я пришел домой, меня потянуло почитать что-

нибудь из Священного Писания. Я взял у матушки Библию и, раскрыв наугад, прочитал: *«Добра, которого хочу, не делаю, а зло, которое не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то уже не я делаю то, но живущий во мне грех»* (Рим. 7:19–20). – Вскоре после этого дня я стал ходить в церковь, поговел, причастился Св. Таин и – нашел «смысл жизни». А слушая ваши поучения, уразумел и то, что смерть есть лишь одна из стадий к вечной жизни».

Оглядываясь назад, молодой человек далее размышляет: «До такой ясной мысли я не мог прийти, пока не посещал церкви; я ходил будто в заколдованном круге, из которого некуда было бежать, и я, дрожа, стоял пред мучительной загадкой: к чему мы живем? Ведь «жизнь – обман, она и кончится бессмысленно и гадко, среди телесных мук и сердца жгучих ран» (простите, что опять говорю чужими словами). Кругом я видел только зло и мне казалось, что зло в мире царствовало и смеялось над добром... А теперь я снова вернулся под опеку матери-Церкви, где нашел утешение и покой и даже радость, которой уже давно-давно не испытывал... Я чувствую себя так, как будто перенес тяжкую болезнь, но зато на душе моей так легко... А читая слово Божие, я все более и более убеждаюсь в истине слов Господа нашего Иисуса Христа: *«Ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам»* (Мф. 6:33).

В заключение автор говорит, что его письмо есть удовлетворение потребности сердца – раскрыть тайник души тому, кто был «невольным учителем и наставником на пути истины». О себе говорит, что ему теперь 24 года, он еще не женат, окончил курс гимназии, служит и внешним своим положением очень доволен.

Читатели видят, как благодать Божия подстерегает душу человеческую, чтоб пробудить в ней спящую совесть и обратить на путь спасения. Благо тому юноше, который носит в своем сердце благодатные воспоминания от дней детства. Видите, как в страшную минуту искушения автора этого письма спасли светлые впечатления пасхальных дней в детстве! Не ясно ли: в чем спасение от искушений для молодежи нашей? как застраховать детей от этих искушений? где искать спасения от

эпидемии самоубийств среди молодежи по преимуществу? А эти самоубийства растут с ужасающей силой... Возьмите любой № газеты и вы увидите этому страшное подтверждение. Вот, напр., № 12, 204 «Нового Времени»: больше столбца занято описанием самоубийств. Их за один день зарегистрировано в одном Петербурге 23! Только за один день! Сколько же за месяц! за год? сколько по всей России?! Ведь ужас берет от этой скорбной летописи! А наша интеллигенция все хочет как-нибудь обойтись без Бога, объяснить все как-нибудь туманными фразами! – Тут – простите – уж просто проглядывает какое-то упорство, нежелание иметь дело с религией, отречение от Христа... Тут и Сам Бог, никого насильно не желающий спасать, ничего не может. Ведь по учению слова Божия в том и состоит хула на Духа Святого, когда человек упорно сопротивляется очевидной истине. А эти лицемеры-интеллигенты не только сами не хотят знать истины, но и от других стараются ее укрыть. Невольно вспоминается слово Господа к подобным им фарисеям:

«Горе вам, яко затворяете царствие небесное пред человеком, вы бо не входите, ни входящих оставляете внити!» (Мф. 23:14). Невольно думается: как легко и просто разрешился бы мучительный, роковой вопрос о современном положении нашего отечества, вопрос о том, что делать, как выйти из той смуты, которая как ядовитый туман окутала нас со всех сторон, губит и молодых, и старых, и семью, и школу, и образованные классы, и простой народ, как, говорю, легко этот вопрос решился бы, если бы наша интеллигенция в целом обратилась к Богу отцов своих, к Христовой истине! Но – увы! Ко многим из ее среды приходится применить слово Исаии-пророка: «Еда убелит эфиоп кожу свою или изменит рысь пестроты своя?» Так и эти люди не способны к обращению, и о них может быть сказано: аще кто из мертвых воскреснет – они не имеют веры.

Пасхальная радость и пастырская скорбь

Христос воскресе, мои дорогие читатели! И да воскресит Он и наши сердца, да согреет их любовью к Себе, да вдохнет дух жизни в наши измученные, как бы замерзшие души!..

Нет в человеческом языке слов более сладостных, более чудодейственных, как эти два слова: Христос воскресе! Когда произносишь их – чувствуешь, будто и солнце тебя ласкает, и радость вокруг тебя всюду разливается. А когда представишь себе, что ведь эта радость, это ликование жизни над смертью, это живое общение с землею и земли с небом в сей нареченный и святой день идет по всей Руси, от востока до запада, от пустынной Камчатки до тех русских областей, которые уже соприкасаются с Западной Европой, то невольно воскликнешь: о, как счастливы мы, русские, что и родились, и пребываем неизменно в недрах святой нашей матери – Православной Церкви! Там, у западных христиан, торжественнейшим праздником христианства почитается праздник Рождества Христова; велик сей праздник и в нашей Церкви, и называется он тоже Пасхою в книгах богослужебных, но ведь рождение Спасителя есть только начало нашего спасения, а воскресение – завершение его, полное торжество Господа нашего над адом и смертью, над человекоубийцею исконным – сатаною. А ведь Его торжество есть торжество наше – торжество всего искупленного Им человечества. Есть верование, что кто умрет среди светлых дней Пасхи, для того отверсты врата райские. Верование это сложилось под впечатлением пасхального богослужения. В самом деле: в течение всей пасхальной седмицы в церкви усопших не поминают; «аще случится кому отъити ко Господу в сии святыя дни», то вместо обычного отпевания поется пасхальный канон, вместо: «Со святыми упокой» поется: «Аще и во гроб снишел еси Безсмертне», вместо «вечной памяти» поют все то же всерадостное «Христос воскресе»... Как будто смерти вовсе нет, ее Церковь не замечает, как бы презирает, восклицая с пророком: «Смерть, где же твое жало?» И это несчетное число раз поемое «Христос

воскресе», и этот полный священного восторга канон, и эти целую неделю незакрываемые царские врата во всех храмах православных, и этот целодневный, в продолжение всей недели звон на всех колокольнях святой Руси, и эти радостные приветствия и братские лобзания: «Христос воскресе – воистину воскресе!» – все это как бы свидетельствует, что небо соединилось с землею в великом торжестве всемирного обновления, и в этом торжестве участвует даже бездушная природа: ярко светит и будто играет весеннее солнце, теплом веют южные ветерки, повсюду пробуждается растительность, весело скачут горные потоки, – реки поспешно сбрасывают свои ледяные покровы; шумно и весело встречают грядущую весну не только пернатые гости-певуны, к этому времени возвращающиеся из далеких южных стран, но и домашние животные, выпускаемые на пажити... Воистину, всемирный пир веры, торжество в честь Воскресшего Жизнодавца! Христос воскресе, Христос воскресе!!!

* * *

Простите мне, добрые христиане-читатели мои... Я хотел на сих словах и кончить свой нынешний «дневник». Мне не хотелось омрачать вашу светлую радость воскресения словом обличения тех, кто заслуживает обличения; но в моей пастырской совести я слышу голос Божий, в глубокой, еще ветхозаветной, древности глаголавший пророку: *«Если страж видел идущий меч, и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен: то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража. И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня»...* (Иез. 33:6–7). Так глаголет Господь и в совести каждого пастыря Церкви Своей. Вот почему великий Апостол взывал: *«горе мне, аще не благовествую!»* (1Кор. 9:16). Вот почему и я долг имею сказать правду, по крайней мере тем, кто принадлежит к моей пастве, чтобы не отвечать Богу, по реченному: *«Кровь их от твоей руки взыщу!»* (Иез. 33:8).

Ликует душа пастыря, совершающего богослужение в первый день Пасхи, облаченного во весь светлейший, по выражению устава церковного, сан, обходящего многократно весь храм с сладостным и радостным благовестием – «Христос воскрес!» Будто шум вод многих слышит он в ответ на этот привет: «Воистину, воскрес!» Светлая утренняя подходит к концу. Уже поют чудные стихиры Пасхи. Наступает момент трогательного выражения взаимной любви, взаимного прощения: простим все воскресением! Выходят священнослужители из алтаря, будто ангелы Божии с неба, и начинается «христосование». В эти минуты каждому хотелось бы весь мир обнять и прижать к своему сердцу, полному радости и счастья, и вот Церковь Христова дает исход этому чувству сердца в прекрасном обряде христосования. Все ликуют, все лобзаются друг с другом, повторяя ангельское «Христос воскрес!» и отвечая на него апостольским – «воистину, воскрес!»

Но – что это значит? Церковь начинает пустеть... Служба еще не кончилась, а богомольцы, особенно люди чиновные, уже куда-то спешат... Что случилось?..

Тридцать лет жил я во святой обители, а раньше всегда встречал св. Пасху в родном сельском храме, и никогда не приходилось наблюдать того, что заметил в городских соборах, когда стал архиереем. Половина храма до сего момента обычно наполнена блестящими мундирами, а с этой минуты, как только сии мундиры похристосуются с архиереем и представителями высшей гражданской власти, так все уходят и их место во время Божественной литургии – пустеет... Я был грустно поражен, когда увидел это в первый раз: и омрачилась для меня радость светлого праздника грешною, может быть, в такой день, но тяжелою скорбью. Куда так спешат эти чиновные мундиры? Ужели уж так утомились, что не в силах достоять литургию?.. Нет, но они спешат – на разговенье... Позвольте же: да разве можно «разговляться» – до обедни? Спросите любую безграмотную старушку, и она вам скажет, что это – грех, что это оскорбление праздника Господня... Ведь что такое литургия? Это воспоминание всего великого искупительного подвига

нашего Господа, это великое, установленное Им, таинство, чрез которое мы можем иметь с Ним живое благодатное общение – в причащении Его Божественных Таин приискренне соединяться с Воскресшим, становиться – не в переносном, а в буквальном смысле – членами Его таинственного тела – Церкви, по реченному: *«Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем»* (Ин. 6:56), и: *«Един хлеб – едино тело есмы мнози, вси бо от единого хлеба причащаемся»* (1Кор. 10:17). Вот почему в доброе старое время, а в благоустроенных обителях и на св. горе Афонской еще и теперь, в этот день все присутствующие, все молящиеся в храме причащаются Тела и Крови Господних. – Увы! У нас дошло до того, что один «образованный» мундир спрашивает архиерея: «А что, владыко, важнее: утренняя или литургия?»... И вот, бегут от литургии, чтобы скорее выпить – да, именно выпить прежде всего, и закусить (позволительно спросить еще: все ли разговляются в этот день? Ведь многие и не нуждаются в «разговеньи», ибо и не «заговлялись» вовсе...), закусить и прилечь уснуть пока до визитов... И грустно становится пастырю – о, как грустно, когда он видит во время литургии половину храма пустующую, и только верные молятся с ним, молятся о всем мире и вот об этих неразумных «интеллигентах», что ушли из храма Божия прежде времени (С прошлого года, чтобы удержать богомольцев в соборе до конца литургии, я перенес обряд христосования с конца утрени на конец литургии. Спасибо: многие остались!)...

Но скорбь пастыря сим не оканчивается, а только начинается. Как проводят русские люди великие дни?

Все празднование полагается в праздности, в служении чреву, в празднословии и забавах. Работать во славу Божию почитают грехом, а проводить время в праздности, предаваться игрищам, не всегда безукоризненным, а – что хуже всего – пьянствовать, сквернословить, буйствовать, это – не грех, это можно – ведь «кто празднику рад, тот-де до свету пьян!»... Мнящие себя быть цветом народа, люди «общества», интеллигенты, с утра до вечера визитируют, а вечером, вместо того чтобы пойти в храм Божий, спешат в театр, на вечера, балы, где предаются танцам, картежной игре, пустословию и

нередко тому же пьянству, как и простой народ, только прикрытому приличиями... А простой народ – на гульбищах, на базарах, около винных лавок и – да не возглаголют уста мои грешных дел человеческих, что творятся в великие и святые дни праздничные, особенно же в дни св. Пасхи!.. И томится болью сердце доброго пастыря, и молится он: Господи, не постави им греха сего! И желает он, только бы скорее миновали эти дни...

И вспоминается завет великого Апостола Христова Павла христианам: *«Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом... ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины!»* (1Кор. 5:6–7).

Сердце очерствело

«Сердце наше окаменело, – пишет мне один из простецов-читателей, душа стала как воск на морозе, а царь Давид говорит, что воск тает от лица огня. Так и душа наша нуждается в солнце, чтобы согреться и умягчиться. Но лучи солнца мало проникают сквозь житейской суеты... Вот наступает праздников праздник – Светлое Воскресение Христово; какая радость для христианина, какое торжество, как душа волнуется!.. Мне уже 60 лет от роду; значит, я встречаю сознательно этот праздник, по крайней мере, в 50-й раз, и все одно и то же, – та же радость, то же душевное волнение, как и 50 лет назад! С нетерпением ждешь удара в колокол к светлой заутрени, с трепетом сердечным идешь в Божий храм, а при пении радостного «Христос воскресе» – от умиления слезы текут... А потом что? Иду домой, христосуюсь с домочадцами, и все садимся за стол, уставленный яствами и питьями... со спокойной совестью! А там, где-то далеко от нас, слышится жалобный голос: «Мама! мне холодно!.. Мама! я есть хочу!» А эта несчастная мама в нетопленной хате крепко прижимает к себе своих малюток, как птица птенчиков, чтобы согреть их, и слышит она торжественный звон, и заливается для праздника горячими слезами... А детки опять свое: «Мама, я есть хочу, мне холодно!»... – «Да обождите, родные мои! Вот Бог пошлет»...

«А мы с спокойной совестью разговляемся, мы не слышим этих горьких жалоб вдов и сироток, и мы смеем называть себя христианами!.. Св. Евангелие всегда пред нами; раскроем его и прочтем – вот что говорит Христос грешникам: *«Алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и вы не приняли Меня; был наг, и не одели Меня, болен и в темнице, и не посетили Меня... Идите же от Меня, проклятые, во огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его!»* (Мф. 25:42–43, 41)... О, как страшно! Так ли ты поступаешь, душа моя? Так ли, как велит Христос? О, как хотелось бы, хотя в этот великий торжественный праздник, обогреть и накормить этих несчастных сироток, согреть их

теплым отеческим словом, – какую радость мы принесли бы этим вдовицам, этим сироткам, в этот великий и пресветлый день Христов!

А какая радость была бы для нас самих, для нашей души: мы сказали бы: «Слава Богу! Хотя раз в году мы исполнили завет Христа!»

С удовольствием я делаю выписки из этого письма и радуюсь, что есть еще добрые христианские души, которые не совсем забыли заветы Христовы, что еще тоскуют сердцем по этим заветам. Далее в письме автор скорбит, что он одинок, что один он не в силах этого сделать – на это у него средств нет... Не скорби, добрая, православная душа! Не можешь ты сделать многого – сделай хотя немного; не можешь согреть и напитать всех сироток, которых видишь – пригрей и накорми хоть одного из них, приласкай и добрым словом утешь остальных: это-то ты уж, конечно, можешь, а Бог, видя твое доброе произволение, пошлет тебе невидимо средства и на других сироток... Ведь не мы делаем добро, а Бог в нас и чрез нас творит его, – мы же только орудие Его жизнедеятельности на земле... Христос ищет среди людей, среди верных Его заветам души таких, у коих сердце открыто для добра, и творит чрез них это добро, и делает их счастливыми, живыми членами Своего таинственного тела – Церкви Православной... Не знают этого счастья сыны мира, служащие богу века сего – мамоне; не знают еретики, высоко о себе думающие: это счастье доступно только смиренным душам, внимающим слову Христова: *«Егда твориши милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя»* (Мф. 6:3). И когда же мирянину творить такое животворящее для души добро, как не в праздники Господни, как не в светлые дни Христова Воскресения? Ведь то, что мы делаем ближнему – мы делаем Самому Господу нашему, слышите, что Он говорит: *«Аминь, глаголю вам: елика сотвористе единому братии Моих меньших – Мне сотвористе!»* (Мф. 25:40).

Я говорю: мирянину... А мы, пастыри, мы что должны делать в святые дни?.. О, конечно, по мере наших сил, идти впереди своих пасомых в доброделании, ибо сказано: *«Овцы по*

нем идут» (Ин. 10:6); мы должны первые подавать пример любви христианской во имя Воскресшего Христа. А затем – слышите: русская душа жалуется, что ей холодно? Так согреем ее благодатью Христовой! О, как преизобильно веет эта божественная благодать, всегда немощная, врачующая и оскудевающая, восполняющая в нашей Церкви Православной! Одно уже богослужение, разумно, благоговейно, истово совершаемое, как согревает верующее сердце! И особенно богослужение праздничное: какая дивная поэзия в песнопениях, какая красота, выразительность, осмысленность в обрядах! Привлеките к участию в богослужении молящийся народ, введите постепенно общее церковное пение: пусть дети поют и читают в церкви, а вы не опускайте ни одного богослужения без живого слова проповеди, хотя краткого, но сердечного, и – верьте: тогда никто не пойдет на эти скучнейшие собрания еретиков – пашковцев, штундистов, баптистов, им же ныне несть числа. Чтобы приучить народ к общему пению, ныне издано много сборников молитв и песнопений, ценою в несколько копеек: каждый может себе приобрести такую книжку и по ней петь то, что положено и чего не знает он наизусть. Затем, кроме богослужения, открывайте внебогослужебные собеседования и в храме, и в школах, и по деревням. И здесь учите народ пению: он так любит петь церковные песнопения. И научить этому не особенно трудно: ведь если он запомнит восемь напевов гласов, то уже может и петь стихиры, остальное еще легче усвоить. На собеседованиях облакайте истину Христову в образы, приводите больше примеров из жизни святых Божиих, как они прилагали к жизни учение Христово, а чтобы не сказал кто: то были святые, а нам, грешным, где же им подражать? – берите примеры и из современной жизни... Кто хочет исполнить свой долг по совести, кто любит сердцем своих пасомых, тот постоянно слышит в своем сердце голос Христа Спасителя: *«Жатва убо многа, делателей же мало»* (Мф. 9:37). И жаждущих слова Божия много, ах как много! Ведь почему-нибудь да идут к еретикам, на их собрания: что их влечет туда? Простое ли только любопытство? Нет, там они надеются пить воду живую, но вместо того – пьют яд вражды против матери

Церкви... «Отчего у нас понятия помутились, – пишет мне тот же простец, – отчего мы не можем отличить черное от белого? Да оттого, что нас не учат, с нами не беседуют по-отечески, оттого, что мы не чувствуем той теплоты в наших пастырях, какой просит наша душа... Если бы наши пастыри пошли в деревню на беседы, посмотрите, как повалил бы к ним народ послушать святой той проповеди, пришли бы и мужчины, и женщины, и дети: какая радость была бы для пастыря, да и для простых людей! Они долго помнили бы и проповедь, и проповедника. А у нас появились волки хищные в овечьей шкуре, именуемые баптисты, и увлекают из стада Христова добрых овечек. Везде, где они появляются, народ валом валит послушать проповедника-баптиста о слове Божиим. Простой человек рад хоть безбожника послушать, только бы говорил он о слове Божиим. А у нас нет бесед у наших пастырей, нет света, нет тепла, и остыли наши души, и перестают православные в церковь ходить... Дайте же нам света, дайте нам тепла, согрейте нас отеческой любовью!»...

Вот голос православной народной души. Ужели мы не услышим его? Страшно Богу ответим, если притворимся, будто не слышим его. Его нельзя не слышать. Алчущий и жаждущий народ – смотрите – идет к тем, кто дает ему камень вместо хлеба, змею вместо рыбы: кто ответит Богу за это, братья-сопастыри стада Христова?!

Дети и церковь

Утро. Прохожу мимо собора, где почивают мощи одного из великих тружеников для родной земли – благоверного Князя Александра Невского. Мимо меня, обгоняя друг друга, бегут школьники с сумками за плечами. Они заходят в собор, быстро подходят к художественной раке угодника Божия, делают поклоны и прикладываются.

У них – экзамен сегодня. Они просят благодатной помощи у небесного покровителя.

Смотрю на них и думаю: что влечет детские сердца в трудную минуту их детской жизни? Конечно, вера, чистая простая вера, которою веруют только дети да детски Богу преданные души таких праведников, как преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский. О, если бы эта вера сохранилась в них навсегда! Если бы не гасла никогда!

Вспоминаю свое детство. С первых дней сознательной жизни, как только я себя запомню, я вижу себя на руках родителя, который носил меня чрез сугробы снежные в Божий храм; я любил ходить туда не только в праздник, но и в будни, не только на службу Божию, но и в то время, когда мой родитель – дьячок топил церковные печи. Со стен церковных смотрели на меня лики угодников Божиих, лики серьезные, благоговейные, с молитвенным выражением. В воздухе ощущался запах ладана и воска. Казалось, что в этой священной тишине незримо, но сердцу ощутимо, носились Ангелы Божии. Таинственная завеса в царских дверях, святая плащаница за клиросом, старые, потемневшие хоругви, ряды икон, уходящие к сводам храма, в иконостас – все говорило детскому сердцу: это – не простое место, это – дом Божий...

Я не говорю об участии в Богослужении прислуживанием в алтаре, пением и чтением на клиросе: скажу только, что помню себя на руках; помню, как, получив эту священную книгу в первый раз, я целовал ее, детски радуясь ее «красной прописи», киноварью напечатанным строкам. Помню, что, под влиянием этой радости, тут же дал обещание – стать на клирос

с отцом, а затем и – прочитать шестопсалмие. Шестилетним мальчиком я уже сделал попытку к сему – уввы! – на первый раз неудавшуюся: тоненьким голосом прочитал я 5–6 строк и смутился, струсил, заплакал... А старичок-батюшка из алтаря уже возглашает отцу моему: «Читай сам!»... Но чрез неделю я уже победил себя и ликовал детским сердцем: я прочитал все шестопсалмие!..

Простите мне, дорогие читатели, это уклонение в сторону личных воспоминаний детства: ведь это маленькая иллюстрация к истории нашего духовного воспитания в недрах Церкви родной. Ведь вот эту любовью к храму, к службе Божьей и объясняется та устойчивость церковных воззрений, коею живет наше духовное сословие. Нас тянула в храм Божий неведомая, но сердцу ощутимая сила. Вот я уже в Заиконоспасском духовном училище. Раннее утро жаркого летнего дня (экзамены кончались тогда в половине июля). Мы, дети, поднялись рано, чтобы до экзамена успеть и соборы обойти, и слабо подготовленное подчитать, и кусок черного хлеба съесть (о чае мы тогда понятия еще не имели). И вот группами выходим из низких ворот с училищного двора, направляемся в Казанский собор, прикладываемся к чудотворным иконам Казанской и Млекопитательницы, идем к Иверской, оттуда в Успенский собор, чтобы поклониться мощам святителей всероссийских, ризе Господней и Владимирской иконе Владычицы. Вот и Архангельский собор, а в нем – мощи царственного младенца – Димитрия, который – это мы слышали – и теперь держит в ручке своей те орешки, коими играл он в момент нападения на него убийц... О, малютка-мученик, – мы крепко верим, – поможет нам, детям, на экзамене! А вот и Чудов монастырь, с его серебряным иконостасом и нетленными мощами великого печальника Святой Руси, друга преподобного Сергия, Святителя Алексия. Ему непременно нужно положить, по нашим детским понятиям, три земных поклона. Из Чудова – через святые Спасские ворота, непременно, с обнаженными головами, – мы идем в тот Покровский Василия Блаженного собор, который своею оригинальною архитектурю останавливает на себе внимание не только всякого русского

человека, но и всех иностранцев. Здесь, поклонившись св. мощам блаженных Василия и Иоанна, мы непременно выпьем глоточка три (конечно, натошак) св. водицы... Так готовились мы к экзаменам. Так по-детски льнули мы к Церкви-матери. И не мы одни: мы видели и гимназистов, и семинаристов, и других учащихся, паломничающих ко святыням в дни экзаменов. Обходили святыни, запасались духовными силами, укрепляли в себе веру...

То ли теперь?!

Еще недавно, еще десять лет назад было нечто подобное. Жил я около 30 лет в Лавре Преподобного Сергия. В последние годы моего там пребывания моим послушанием было, между прочим, руководить учащихся юных паломников. Отрадно было видеть школьную детвору, утомленную непривычным пешим хождением, но бодрую духом при виде заветных святынь. И невольно вспоминалось мне свое первое путешествие в эту самую обитель с моими родителями, в 1863 или 1864 году. Я скопил тогда три-четыре рубля на дорогу, отказавшись от чая, но откладывая кусочки сахара и продавая их, чтобы помочь родителям для этого путешествия. Когда настало благоприятное время, я стал просить отца и мать, чтобы отправиться в столь желанное странствование. Когда я услышал: «Знаем, сынок, что это дело доброе, да как же быть-то: ведь денег нет!» – я с торжеством выложил тогда пред ними свой «сахарный» капитал, и – о, радость! – я обезоружил их! Наутро мы были уже в пути. 60 верст сделано в полтора суток. Вот пред нами открылась и святая Лавра во всей ее красе. Вот поле, которое, по незнанию истории, конечно, родители мне называли «Мамаевым».

И в моем воображении уже пронеслась картина исторической битвы, о коей уже читал в житии угодника Божия. Вот собор – то покоище Сергиево, где поживает он в благоухании святыни. Что пережило тогда детское сердце – не перескажешь. Но потому-то я и понимал этих юных паломников, что когда-то сам пережил, что они, казалось мне, сердцем переживали на моих глазах. В течение одного лета 1903 года я насчитал учащихся паломников до 5000. Тут были не одни дети:

много было и юношей и девиц, студентов и курсисток и – в то время, семь, только семь лет назад – они приходили ко гробу Сергиеву, чтобы у этого источника животворящего, русскую душу напоющего, зачерпнуть благодатной силы, какою крепка была доселе наша Святая Русь.

То ли теперь?!

Какой-то буран пронесся над нашей родиной. Он ослепил глаза, закружил головы, свел многих с ума. На наших глазах произошло крушение духовных основ нашего исторического бытия. Будто сатана вышел из глубин преисподних и, Божьим попущением, пустил струю смертоносных веяний по Русской земле. Разгонит ли Господь духом уст Своих эти сатанинские веяния? Отрезвятся ли русские люди от этого губительного удара? Спасется ли Русь?..

Ответ на этот вопрос всецело зависит от нас. Дети чутким, чистым сердцем уже предрешают его. Они самым делом уже показывают, что если и обломались ветви от этого адского бурана, но корни древа целы: они сильны пустить новые ростки, сильны дать новые крепкие ветви... Только бы поддержать эти ростки, дать укрепиться ветвям. Только бы сберечь эти светлые, чистые порывы юных душ от тех миазмов, которыми еще пропитана окружающая нас духовная атмосфера.

Дай-то, Господи!

Отрава «правовым» началом

Предо мною прошение одного городского обывателя не из интеллигентных (а есть, к глубокому сожалению, много таких и из интеллигентов и даже высшего круга). В этом прошении он повествует, что в день причащения св. Тайн он пришел в монастырскую церковь к литургии и попросил позволения самому прочитать правило ко св. причащению. Служащий иеромонах отказал, и отсюда вышла целая история. Говельщик заспорил, бросил фразу: «Может быть, я недостойн читать и правило?» На что иеромонах ответил односложным «да», и тогда говеющий сказал: «Значит, я недостойн и слушать», и вышел из церкви, чтобы идти причащаться в другой храм. Но, вспомнив, что без записки об исповеди его не причастят, он вернулся в церковь, подошел к северным дверям алтаря и «громко», как сам пишет, стал просить «записочки»... Понятно, что иеромонах ему отказал в просьбе, ибо в это время совершал уже проскомидию. И вот сей говельщик подает мне прошение о том, чтобы я «уполномочил его помогать псаломщику» в служении, но «при другом иеромонахе». При этом говорит, что вот уже 5-й час утра следующего за сим дня, а он не может успокоиться...

Простите, читатели мои, что остановил ваше внимание на этом прошении, оно очень характерно. В нем так и сквозит какой-то уродливый правовой взгляд на такие отношения, где нет ни малейшего места для «правовых» отношений... А ведь этим взглядом пропитана почти вся наша интеллигенция, не только отколовшаяся от Церкви, но и мнящаяся пребывать в недрах Церкви, разумеется, исключая немногих верных Церкви сынов. Наши предки оставили нам в наследство мудрую пословицу: «В чужой монастырь с своим уставом не суйся», а ныне наоборот: всякий хочет быть хозяином и распорядителем в церкви. Человек говел, исповедался, готовится к причащению Божественных Тайн Христовых: казалось бы, должен быть настроен смиренно, проникнут чувством покаяния, должен бы хранить мир в себе самом, мир со всеми и ради сего мира

смиряться, не требовать того, что не в его власти, уступать во всем, не смутить своей кающейся души... Но вот, не исполнили его просьбу, и он заводит скандал, жалуется архиерею... Да скажите Бога ради: где же христианство его? Ужели это ученик Христов? Страшно становится за таких мнящих себя быть верными сынами Церкви. Я не оправдываю иеромонаха, но как пастырь не могу же стать на эту правовую точку зрения мирянина, во гневе на служителя Церкви желающего приступить к Божественным Тайнам и не замечающего за собою такого страшного порока... Чтобы вразумить его, я положил такую резолюцию: «Соборный протоиерей разъяснит просителю, что и сам архиерей не допустил бы его к св. Тайнам в таком немирном настроении, в каком он находился, ибо св. причащение было бы ему во осуждение. Апостол Павел говорит, что такие недостойные причастники даже внезапно умирали за это. Но и иеромонах, по-видимому, грубо обошедшийся с просителем, не прав: яко инок, он должен первый подать пример смирения. О. протоиерей объяснит обоим, что взаимное прощение и примирение, особенно ради светлого Христова праздника, обоим враждующим доставит счастье и радость»...

Не знаю, прав ли я в данном случае. Но право же, больно читать такие прошения! И такого рода жалобы идут к архиерею не только от мирян, но иногда и от духовенства. Христово учение о всепрощении, о мире со всеми, забывается; точно по векселю требуют возмездия – за всякое слово обидное, за всякую, иногда ненамеренную резкость... Если дело не стоит рассмотрения, то священнослужителям просто запрещается священнослужение до примирения и дело гаснет. Но что делать с мирянами? Запрещать причащение св. Таин? Да они по годам не говеют. Священнослужители еще не вытравили в себе сознание христианского долга и понятия об архиерее как примирителе и представителе Христа и признают за ним хоть право писать такие примиряющие резолюции: ну а миряне готовы жаловаться выше за такую попытку коснуться их совести, вразумить их учением Христовым. Для них архиерей не больше как мировой судья в таких случаях: он должен их удовлетворить. Так и пишет упомянутый выше проситель: «Вот

мой финал, и я буду удовлетворен за оскорбление, нанесенное мне иеромонахом...» И выходит, что истинного-то христианства остается одна скорлупка, а дух улетает... Больно быть непосредственным свидетелем всего этого! Говорите таким о заповедях Божиих: они ответят вам: «Заповеди-то мы знаем и без вас, а вы – архиерей, вы – начальник: мы вот жалуемся вам, и вы делайте свое дело – наказывайте виновных. А учить-то нас уж подождите». И нередко приходится «давать ход делу», назначать дознание, а затем следствие и виновный должен нести наказание. Недавно был случай, возмущивший меня до глубины души: священник 41 год служил на одном месте; по подговору одного кулака против него возбуждено было дело, взведено ровно 25 обвинений, из коих некоторые имели 35-летнюю давность, и в силу существующего закона, в виду доказанности обвинений (а обвинялся он, например, в том, что опоздал причастить умирающего, что требовал 5 р. вместо 2 р. за совершение брака, причем брачующиеся уже успели с тех пор поженить своих детей), пришлось уволить в заштат, смягчив наказание тем, что считать его уволенным по прошению, и заменив «исключение в заштат» монастырским послушанием на две недели.

Когда подумаешь, что такие явления год от году становятся все чаще и чаще, все грубее и уродливее, то невольно задумываешься: куда же мы, наконец, идем? Ведь на наших глазах совершается очевидная подмена нравственного мирозерцания: идеалом прежнего русского человека был подвиг смирения, послушания заветам Церкви, исполнения в возможном для человека совершенстве заповедей Христа, проникновения их духом... Исполнение долга, велений совести – вот к чему стремился прежний русский человек, если он еще не погашал в себе искры Божией, если не заглушал в себе голоса Божия. Он шел на врага с заветным кличем: «С нами Бог!» Но он же и умел от сердца прощать личным врагам с словами «Бог с вами!»

То ли теперь?! Не говорю уже об интеллигентах: они откололись от тела народного, ушли в сторону Запада, мыслят по-западному, не в состоянии понять народного мирозерцания

и идеалов народных (разумею, конечно, большинство, зная, что еще есть и исключения отрядные). Говорю о народной массе: она отравлена каким-то ядом самоцена, заражена самомнением, везде ищет своих каких-то прав, готова требовать исполнения своих мирских приговоров даже в той области, где уж положительно не имеет и тени таких прав... Бывало ли когда-нибудь в старые времена, чтобы крестьяне все поголовно подписывали приговор: сменить двух иереев, дьякона и псаломщика, – и присылали архиерею такой дерзкий приговор просто – к исполнению? А ныне стало и это возможно. И вот архиерею приходится вразумлять таких пасомых, что «овцы не судят своих пастырей», что такой приговор не может быть принят не только к исполнению, но и к рассмотрению, как незаконный и т.п. Следовательно: не только в личной жизни проявляется этот «правовой» принцип, но и в общественной и даже в церковной жизни. Вчера они исповедались у своего батюшки, сегодня приговаривают его к удалению, даже не объясняя его вины, готовы бойкотировать его, готовы судиться с самим архиереем... Да ведь это – искажение уже народной русской души! Это начало разложения не только церковной, но и вообще религиозной народной жизни! Пусть пока еще немного таких уродливых явлений: но и то, что есть, есть уже страшное знамение времени.

Еще немного, и мы, архиереи, будем получать приговоры с угрозами, что если откажем прихожанам в исполнении таких приговоров, то они не задумаются изменить вере православной, перейдут в раскол или штунду, во всякую ересь: ведь нельзя не признаться, что масса народная еще слишком темна и если держится веры своих предков, то бессознательно, не умея дать отчета вопрошающим о ее уповании, будучи не в состоянии дать отпор лжеучителям, сектантам и раскольникам, а эти волки ныне рыщут по всему лицу родной нашей земли... Народ любит веру православную, пока еще не выходит из-под благодатного влияния своей родной Церкви-матери, но это влияние, вследствие разных причин, становится в наши дни все слабее и слабее: его стараются всячески ослабить враги Церкви и посредством печати, и чрез либеральные законы, и чрез

проповедь социализма, правовых начал, и чрез школы, и заражением пороками самыми грубыми... Грозное время мы переживаем, еще более грозные времена наступают: пастыри Церкви! Готовьтесь отражать волков! Вам предстоит подвиг – может быть, до пролития крови! Мужайтесь! Подвигом очищайтесь! Силами благодатными запасайтесь! Враг у дверей вашей ограды... он уже вторгается в сию ограду! Горе нам, спящим, если он начнет свое губительное дело совращения и расхищения наших овец!..

Свобода совести имеет свои границы

(Сей дневник роздан членам Государственного Совета перед рассмотрением законопроекта о «старообрядческих общинах».)

Целую зиму работала особая комиссия Г. Совета над законопроектом о старообрядческих общинах, 30 заседаний посвятила на это дело и, наконец, представила свою работу в общее собрание Г. Совета. Думский законопроект, столь смутивший в прошлом году совесть верных чад Церкви своим противоцерковным характером, подвергся коренной переработке и стал, кажется, удобоприемлемым.

Удивительное время мы живем: время грозных фраз и туманных, расплывчатых понятий. Оттого мы нередко обманываем самих себя. Дело в том, что, чем шире известное понятие, чем оно отвлеченнее, тем легче подменить в нем признаки. И это делается тем скорее, что ныне мы отвыкли строго вдумываться в то, что читаем, что пишем и говорим. Ведь мы живем в век газетного легкомыслия: многие ли из интеллигентов ныне читают строго научные, зрело обдуманые книги? А вот пустит газетный писака какое-нибудь модное словечко: его и подхватывают, с ним и носятся, как с последним словом науки и мысли человеческой. Наши предки любили глубоко вдумываться в каждое слово, особенно честно относясь к слову печатному, и памятовали строгий завет нашего Спасителя: *«Всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный»* (Мф. 12:36). Памятником такого честного отношения к слову служит наш родной язык: какая точность признаков понятия в каждом слове! Мы не умеем своего слова найти в родном языке для обозначения нового понятия и часто заимствуем готовые слова из чужих языков и так испестрили печатное слово этими заимствованиями, что простой человек без словаря иногда не может читать наших писаний. А наши предки создали язык воистину творчески: что ни слово – то чистый алмаз! Вот почему изучать корни родных слов – истинное наслаждение. Возьмите,

например, слова: «человек», «книга», «соловей», «крещение»... многие ли из нас знают корни этих слов? А между тем в этих корнях указаны самые существенные признаки понятий, ими обозначаемых. Мы воображаем, что предки наши были круглые невежды, а на самом-то деле не они, а мы – воистину являемся в сравнении с ними такими невеждами. Мы треплем языком слова, оставленные ими нам в наследство как заветное сокровище, а смысла их, истинного смысла часто и не подозреваем. Мы воображаем себя такими умниками, такими передовыми людьми, что куда нашим предкам до нас! Рукою не достать. А если бы наши предки встали из гробов своих да произвели бы нам экзамен по родному языку: смотришь – и стыдно бы стало нам таким «образованным» их потомкам. И этим легкомыслием, этим – простите – нашим невежеством пользуются те, кому выгодно воду мутить, чтобы в мутной воде рыбку, по пословице, ловить. Пустят гулять среди нас какое-нибудь крылатое словечко, по своему смыслу такое широкое, что под него можно подставлять какие угодно признаки, а мы поймаем его и носимся с ним... В последнее время много напущено таких слов не только в газеты, но и в законопроекты. Последнее уже представляет немалую опасность, потому что, проникнув в законы, неточные, недостаточно определенные и растяжимые понятия могут замутить жизнь. Таково, например, слово: «свобода совести». Что такое совесть? Это – вложенный Богом в духовную природу человека закон для нравственной и религиозной жизни разумного существа. А что такое свобода? Само по себе это слово представляет какую-то пустоту, которую надобно наполнить. В самом деле оно означает просто – отсутствие ограничений для деятельности, и только. Какой деятельности – из этого слова еще ничего не видно. Между тем совесть, потемненная грехопадением первозданного человека, вовсе не одинакова у людей. Совесть христианина православного требует, чтоб мы желали добра даже нашим врагам, чтоб мы не привлекали насилием и преследованиями даже к нашей святой, спасающей вере людей инакомыслящих, чтобы ко всем относились с любовью и доброжелательностью. Совесть талмудиста – наоборот считает добродетелью убить

«гоя», позволяет спокойно обирать его, причинять ему всякое зло. Совесть исповедника Корана требует истреблять «гяуров», распространять лжеучение Магомета огнем и мечом. Совесть языческих царей требовала суровых мер борьбы с христианством. Да и у христиан не всегда и не у всех одинакова совесть: совесть иезуита признает правило, что цель оправдывает средства, совесть римско-католика не препятствует преследовать лютеран и православных; то же допускает, хотя не столь открыто, как у римско-католиков, и совесть лютеранина, протестанта, баптиста, молоканина: по крайней мере обман, так называемый «благочестивый обман», практикуется и у них нередко. Но и наша православная совесть бывает не у всех одна: есть совесть щепетильная, скрупулезная, есть совесть сожженная и т.д. Теперь, если уж говорить о законе, требующем особенной точности выражений, о свободе совести, то позволительно спросить: да какой же совести? Религиозной? Но выше я уже сказал, что она иногда, по нашим христианским понятиям, у талмудистов и магометан как раз требует того, что недопустимо самыми элементарными законами человеческого общежития и здравого смысла. Итак, понятие «свободы совести» приходится уже ограничить. Нельзя же допустить, чтоб талмудист и магометанин во имя своих религиозных убеждений истребляли «гяур» и «гоев», проща говоря – нас, христиан. Пусть их веруют, как знают, за их внутренние убеждения мы их не станем преследовать, но если они станут проводить в жизнь свои убеждения, будут касаться нашей христианской свободы – пусть извинят нас: мы не можем этого допустить, хотя бы этого и требовала их «свободная совесть». Мы должны лишить их свободы, связать им руки. Не стать же нам следовать теории Толстого о непротивлении злу.

Но касаться можно не одного только тела: инакомыслящий может касаться и заветных святынь человеческого сердца, может оскорблять их, может похищать эти святыни из сердца не насилием только, но и пропагандою лжеучений. Нам говорят: «Исповедывание веры естественным образом выражается не только в явном и осязательном проявлении своих религиозных убеждений, но и в стремлении повести других тем путем

спасения души, который верующий находит единственно правым». Это – правда. Если я верую, что моя вера одна только и есть святая и спасающая, то, конечно, я должен ее распространять всеми мерами, какие моя совесть мне предписывает. Но в том-то и дело: какая совесть? Совесть раскольника, принадлежащего к страннической секте, предписывает ему проповедывать, что теперь царствует антихрист; совесть беспоповца повелевает ему проповедывать, что нет священства, нет и таинств, и, следовательно, можно жить блудно; совесть каждого раскольника требует, чтобы он хулил святую нашу мать Церковь православную: ведь вся проповедь раскольниковых лжеучителей в том и состоит, чтобы всячески поносить Церковь и ее таинства, ее служителей: что ж, во имя либерального принципа свободы совести и следует допустить такую проповедь? – Самый опасный обман есть обман посредством правды. Нам говорят, что раскольники имеют стремление повести и нас тем же путем спасения, каким они сами мнятся спастись. Это естественно, это – правда. Но мало ли чего они хотят и захотят во имя такой правды и свободы своей совести? Они захотят требовать, чтоб им отдали все святыни наши исторические: напим., кремлевские соборы; они захотят, и, конечно, дайте им такую свободу хотеть – уже и хотели бы, чтобы наш Государь перешел в их согласие; ведь этого требует их совесть, а она ведь свободна... Но кто же скажет, что их желание, их требование следует удовлетворить? Так и в отношении свободы проповеди: они хотели бы всех православных сделать такими же раскольниками, как и они сами: так ужели же давать им свободу привлекать к себе в раскол всю Русь православную? Слава Богу: основные законы предоставляют это право исключительно только Церкви православной. Слава Богу: наше государство еще не отделилось от своей родной Церкви, еще ценит ее животворную для себя деятельность, еще умеет различать в своих законах истину от лжи, не ставит на одну доску раскольнические мудрования с церковным учением. Слава Богу: наше правительство, как благопопечительный отец, не допустит развращать своих детей, верноподданных Православного Царя

Самодержца, ересями и лжеучениями. Было бы безумно допускать все это во имя какой-то ложно понимаемой свободы совести раскольников. Надо же побережь и охранить и свободу православных простецов наших, не умеющих в вопросах веры отличить правой руки от левой – лжи от истины, пагубного обмана от спасительного учения. Нам говорят, что наш «многомиллионный народ убежден, что для торжества Православной Церкви не нужны никакие стеснения религиозной свободы иноверцев». Может быть, это отчасти и правда, но вопрос в том, как и что понимать под этой религиозной свободой? Если разуместь, что «пусть каждый по-своему Богу молится», то и это едва ли будет полная правда: несомненно, что православный желал бы, чтобы обратились к вере православной не только раскольники, но и все магометане, иудеи и язычники: ведь логика сердца, логика убеждений у всех одна и та же; если раскольник «стремится повести на путь своего спасения» православных, то ужели не желает того же для всех раскольников и православный? Зачем тут хотят иметь две марки? Это первое. А второе: наш православный народ, благодушно допуская, чтоб каждый по-своему Богу молился, вовсе уж не так равнодушно смотрит на то, если станут его братьев совращать в другую, хотя бы и «старую» веру. Он глубоко возмущается, когда слышит хулы на родную Церковь; не умея защитить словесно свои, дорогие ему верования, он нередко пускает в дело физическое воздействие против совратителей. Ужели православное правительство может равнодушно смотреть на совращения в расколе, не говорю уже о сектах и иновериях, своих православных подданных? Ужели не оградить их от всякого рода совратителей? И ради чего бы оно стало устранять себя от такого ограждения? Во имя чего дало бы открытый лист всякому лжеучителю хулить Церковь и совращать православных? Во имя свободы? Но ради Бога рассудите: ведь вопрос не о том, возможна ли или не возможна безграничная свобода проповеди, – кажется несомненно, что границы необходимы, – вопрос лишь в том: где проложить эти границы? Ведь не допустит же правительство проповедовать, что Царь есть антихрист, что не следует платить антихристу

подати и давать ему солдат, что брак церковный есть блуд, а блуд – простительный грех: «Семь раз роди, а замуж не выходи» и под. нелепости. Значит, граница есть. Говорят: эта граница – опасность государства и общественной нравственности. Но – во-первых: государство у нас в союзе с Церковью, опасность для Церкви разве не есть опасность и для государства? Церковные смуты разве полезны для государства? Хула на Церковь, поругание православных святынь – разве не бесчестит государства? Не думайте, что раскольники такие кроткие агнцы: они способны не только издеваться над Церковью и ее служителями, но и над каждым православным, лишь бы почувствовали свою свободу. И ужели все это будет отвечать той цели, какую поставил законодатель для законов о свободе исповеданий: «возвеличение Церкви православной?» Хорошо возвеличение, когда на всех перекрестках ее будут поносить и злословить, когда ее верным чадам и служителям не будут давать прохода издевательствами! Во-вторых, свобода распространения раскольничьих лжеучений несомненно будет подрывать и общую нравственность. Помните надо, что всякое лжеучение, в том числе и раскол, заражены страшною гордынею: просим мы, служители Церкви, поверить нам в этом на слово, – вся их религиозная жизнь в ее проявлении, в делах, зиждется на бессознательном лицемерии; *«несмы якоже прочии человецы»*... Эта подмена нравственных идеалов ужели полезна для государства? И во имя чего? Во имя какого-то отвлеченного принципа: давайте свободу лжи и не препятствуйте ее пропаганде! Да ужели это уж такой священный принцип, что нельзя от него отказаться? Ужели можно желать, чтобы проповедники его испытали сладость его плодов на своих детях? Если бы их дети совратились в раскол и стали хулить святую Церковь, стали поносить их, своих родителей, за то, что они не идут по их стопам: что бы они сказали о такой свободе? – И в этом вопросе делается подмена понятий у сторонников свободы проповедания или пропаганды: вместо откровенного слова «распространение лжеучений» они говорят – изложение и изъяснение учения. Но в том-то и дело: послушайте, если не верите миссионерам, в чем состоит все это «изложение и

изъяснение»? – В одних только хулах на церковное учение. Нам говорят, что на «собеседованиях» уже давно допускается такая свобода проповеди. Опять подмена понятий: собеседование и проповедование лжеучения с целью его распространения вовсе не одно и то же. При собеседовании хулы расколоучителя тут же изобличаются, их действие на слушателей православных тут же парализуется. Такою же подменою понятий можно назвать и слово «проповедание». Что хотят разуместь под этим словом? Нам говорят, что оно означает просто изложение и изъяснение учения. Но из чего это видно? Почему раскольник не может разуместь то, что ему захочется? Он скажет: «Нам закон дает право проповедовать, а проповедовать и значит распространять наше учение». И будет прав, потому что он не может иначе понимать это слово, как в самом широком его значении. А закон не ограничивает это значение.

Чтобы дать больше простора пропаганде раскола под покровом свободы проповеди, защитники сей свободы хотят допустить ее везде на основании общих узаконений о свободе собраний и слова. Приедет в деревню расколоучитель, заявит полиции, что желает устроить собрание, получит разрешение, соберет простецов и начнет ругать Церковь и ее служителей. Я уже сказал, что вся проповедь раскольников сводится к этой теме. И это будет твориться, по смыслу закона, якобы «к вящему возвеличению Церкви Православной»! Болью будет отзываться такое проповедание в душах простецов – православных слушателей; одни из них поколеблются, не зная, чем отразить нападение лжеучителя на Церковь, другие наоборот – могут в негодовании броситься на него, а что делать тогда представителю полиции, какому-нибудь уряднику или просто сельскому старосте? Ему, конечно, придется защищать проповедника от насилия, но тем самым ставить в глубокое недоумение сих простецов, которые ведь защищают свою веру от хульника-раскольника...

Нас страшат: «Всякое-де ограничение действия льгот, уже возведенных, способно вызвать в среде старообрядческого населения недоумение, готовое перейти в разочарование и смущение, недалекое, при благоприятных к тому

обстоятельствах, от смуты». Опять передержка. В Высочайших указах нет ни слова о свободе пропаганды – проповедания, а то, что дала или «возвестила» Г. Дума, еще не Высочайший указ. Если по местам свобода пропаганды уже идет, то ведь это совершается просто захватным правом, помимо всякого закона. Это следует пресечь, как восхищение не дарованного. Что ясно и точно указано в Высочайших указах, то и пусть входит в жизнь, но отнюдь не больше. Всякое расширение закона есть уже его искажение. А по отношению к расколу, который сам есть искажение истины, такое расширение есть намеренное содействие распространению лжи и заблуждений. – Нас хотят утешить статьей 84 Уголовного Положения, карающей виновных в совращении православных в расколоучение посредством злоупотребления властью (каковой лжеучители, конечно, не имеют, а, след., к ним это и не относится), принуждения, обольщения, обещания выгоды, обмана, насилия или угрозы. Но здесь все это, во-первых, в каждом отдельном случае надобно доказать, а во-вторых, и к делу не относится. Ни одного из указанных признаков не найдете в свободной проповеди расколоучителя, и он всегда останется прав, ибо он ведь не насилует, не угрожает, не злоупотребляет властью, не принуждает; правда, он обольщает и обманывает, обещая царство небесное тому, кто за ним пойдет, но ведь он сам убежден, что он прав, что так и следует делать... Следовательно, статью эту никогда не придется и применять в отношении к пропагандистам раскола.

Свожу все к кратким положениям. Совесть – есть внутренний закон, закон, Богом вложенный в сердце человека, закон, сокровенный в этом сердце так глубоко, что ни стеснить его, ни ограничить в его внутреннем действии никто совне не может, кроме самого носителя сего закона – человека. Другое дело – проявление сего закона вовне, в слове, в деле. Но ведь это будет уже не свобода совести, а свобода слова, свобода действий в отношении к другим. Смешивать эти понятия – значит подменивать их одно другим. Свобода слова, свобода действий одной личности всегда непременно ограничивается такою же свободой других, соприкасающихся с нею. Когда

лжеучитель распространяет свое лжеучение, он касается уже совести других, часто немощных, которые не в состоянии, по своей простоте, возражать ему. С его точки зрения, по суду его искаженной совести, он творит благо. Но если закон отличает истину от лжи, если для него не безразлично: распространяется ли истинное учение или зловерная ложь, просвещаются ли русские люди благодатным, воспитывающим народный дух учением православия или заражаются непримиримой враждою к нему, враждою к Церкви – союзнице государства, то он должен стать на страже истины и сказать твердо лжеучителю: доселе преjdeши и ни шагу далее! Не смей касаться чужой совести! Тут предел свободе лжеучителя, предел – не свободе его совести – пусть его верует, как хочет, молится, как ему угодно, – а предел свободе его слова, его действий (ибо, допустив свободу слова, нельзя логически отрицать уже и свободу действий). Необходимость полагать такие пределы естественно вытекает – во-первых, из чувства государственного самосохранения: доколе Россия живет идеалами православия, доколе государство обязано, в своих же интересах, охранять сии идеалы от искажения и разрушения, православную совесть от оскорбления, духовное единство русского народа от раздробления по сектам, братскую любовь от сектантской вражды и духовного междоусобия. Во-вторых, пределы свободы пропаганды нужны для государства из уважения к святой истине Христовой, православным государством признаваемой, и во имя простой справедливости: надо же оградить простецов от вторжения в их совесть; не может же православное государство спокойно смотреть, как беззащитных младенцев веры враг берет и уводит в плен заблуждений, как поселяет вражду, самую ожесточенную – религиозную вражду между русскими людьми, между членами одной и той же семьи. Наконец, закон должен положить предел свободе всякой пропаганды уже для того, чтобы не противоречить самому себе. Если право привлечения инаковерующих к своему исповеданию предоставлено нашими Основными законами одной только Церкви православной, то ясно, что для всех сект и расколов такого права не существует, а следовательно, всякая пропаганда лжеучений должна быть

законом воспрещена. И это тем более, что Государь наш именуется в законах защитником и покровителем Церкви православной, каковое именование обратилось бы в простой почетный титул, если бы закон не ограждал его жизненную силу строгим воспрещением всякой пропаганды угрозой кары за таковую...

Сторонникам раскола очень хотелось бы, чтобы закон называл их духовных (какие они «духовные»! Ведь в расколе благодати нет) – «священнослужителями». Ссылаются на римско-католиков и армян, указывая, что вот-де не боятся же называть их митрополитов, епископов и др. духовных лиц присвоенными им именами. Да, не боимся, ибо и у католиков, и у армян православная Церковь признает иерархию и приемлет от них приходящих в их сущем сани. А раскольничьих лжеархиереев и попов она признает простыми мирянами и принимает их как мирян. Уже по одному этому нельзя заставить закон величать их так, как величают раскольники. Но, кроме того: довольно с них и того, что закон усвоил им вовсе на деле им не принадлежащее наименование якобы «старообрядцев»: ведь если уж прилагать сей термин, то позволительно было бы не к раскольникам, а только к единоверцам. И почему это такая милость к раскольникам: нас хотят заставить величать даже по закону их лжеиерархов и попов священнослужителями, а вот нам хотят запретить называть их так, как велит нам наша православная совесть? Ведь уж если свобода и уважение к совести и убеждению, так и нам дайте сию свободу! Позвольте нам именовать их так, как велит нам Церковь своими канонами, а не мирская власть ее законами. Я уже не говорю о том, что наименование священнослужителями раскольничьих лжепопов и лжеархиереев будет великим соблазном для простецов православных. Ведь наша простота доходит до того, что в пребывание армянского католика в Петербурге простецы подходили к нему под благословение, хотя по канонам церковным он и есть еретик. Надо же ограждать младенчаствующих в вере от соблазна, а для сего гражданский закон должен держаться, по крайней мере, в сем отношении воззрений православной Церкви и не угодничать пред

расколом. Во имя терпимости к расколу не оскорбляйте православных. Не забывайте, что и правительство наше должно быть по духу только православное...

Христиане ли мы?

Часть 1

Вместо очередных дневников на темы по вопросам о текущих явлениях церковной, общественной и государственной жизни, хочу побеседовать с читателями «Троицкого Слова» на более тревожную тему: христиане ли мы? Ряд бесед на эту тему был предложен мною в доме одной почтенной ревнительницы Православной Церкви в Петербурге (слава Богу: еще есть такие и в маловерном Петербурге); сущность их и предлагаю здесь, хотя эти размышления уже и изданы мною в виде книжки, под названием «Где же наше христианство?»

I

Боюсь судить других, потому что боюсь суда для себя самого. Но не для того, чтобы судить, не для того, чтобы искать и карать виновных, а для того, чтобы все могли видеть воочию причину тех бедствий, какие обуревают нашу несчастную Русь, для того, чтоб услышали, наконец, те, кто еще имеет уши слышать, вот для чего наш пастырский долг властно повелевает нам, пастырям, беспощадно обличать зло, говорить Божию правду не только малым сим, но и сильным земли... Я уже слышу голос современных книжников и фарисеев:

«Вот еще явился пророк-обличитель! Кто дал тебе на это право?» Слышу, но не смущаюсь: если мы, епископы, будем молчать, то от кого услышат истину люди Божии? Нам заповедано: настой, запрети, умоли, и мы должны это делать, как бы ни было слово наше горько, а вот те книжники и фарисеи, о коих я упомянул, те представители печати, которые самочинно, не будучи призваны, пишут обличения по адресу власть имущих – вот они-то и суть настоящие самозванцы...

Итак, смотрю я вокруг – и сердце сжимается болью. Страна наша величается православною, следовательно – в самом чистом значении слова – христианскою, а где оно – наше христианство? Куда ни посмотришь – самое настоящее язычество! Какому богу не служит теперь русский человек? Один – золотому тельцу, другой – чреву, третий – своему

ненасытному «я». Простой народ пьянствует, полуобразованный – безбожничает, якобы «интеллигент» – мудрит без конца... *Вси уклонишася, вси непотребни быша!* (ср. Пс. 13:3). Ложь въелась до мозга костей в людей, которых хотели бы видеть «лучшими». В нашей «Государственной Думе» с пафосом рассуждают об отмене смертной казни для тех извергов рода человеческого, которые беспощадно убивают невинных детей, издеваются, бесчестят даже трупы несчастных девушек и всем этим похваляются, потеряв не только образ человеческий, но и скотский: вот об этих адских выходцах – у наших «законников» нежная забота, для них, видите ли, надо отменить смертную казнь: пусть себе сидят в теплом казенном помещении и едят народный хлеб, пока не убегут, чтоб дорезывать других. Ну а вот если один член сей человеколюбивой думы оскорбит словом – только одним невежливым словом другого – на казнь его, на смертную казнь!!! Ведь что такое поединок, как не смертная казнь друг другу? Что это, как не дикая расправа? Где же законы? Где человеколюбие? Где, наконец, то христианство, во имя коего эти лицемеры хотят отменить смертную казнь для злодеев? Кто решится назвать таких господ христианами? Не позор ли для Церкви считать их своими членами?

Вот – члены высшего государственного учреждения. Идет речь: когда назначить заседание? И назначают – в самый канун Сретения Господня в 8 1/2 часа вечера. Духовенство протестует. «А почему же нельзя? – Ах, мы забыли...» Скажите: что это – христиане? Это – православные? Они и великих праздников Господних не помнят: до того ли им, чтоб помнить средние или в честь святых Божиих?

Впрочем – помнят: новый год, это – величайший у них праздник. Почему? Конечно, потому, что в полночь на этот день они совершают возлияние тому богу, коему служат с особым усердием всю свою жизнь. Скажите: христиане это?

II

Под праздник идет в театре кошунственная пьеса; со страхом верующий помышляет: сохрани Бог – за такое кошунство обрушится театр и похоронит несчастных зрителей, которые привели сюда – увы! – даже деток своих... А зрители

благодушествуют, участвуют в кощунстве. Опять скажите: да неужели можно назвать их христианами?

Скажут: зачем же разрешают? Нет, скажи мне ты, именующий себя православным: зачем ты-то идешь в театр? Не столь виновен тот, кто соблазняет тебя: он делает свое дело: потеряв совесть, он наживает себе деньги; начальство не препятствует ему в том, ибо полагает, что ты – не дитя и тебя ведь никто не тащит в театр насильно; чего доброго – пожалуй, ты еще будешь роптать, если запретить театр, хотя и следовало бы запретить; но я спрашиваю тебя: где твоя-то совесть, если ты христианин? Да разве христиане не могут, если только захотят, сделать все театры пустыми? Стоит им только твердо сказать: «Не пойдем!» – и театры опустеют. Но театры полны: где же христианство?

То же – с печатью. Жалуемся, что задушила нас грязная, порнографическая литература, что отравляет нас иудейско-масонская печать: кто же виноват? Иудеи и масоны, опять скажу, делают свое дело – отравляют нас, подрывают под самые основы нашего государства, нашей Церкви – но, господа, ведь они не могут же навязывать нам своих книжек, своих газет – насильно; ведь можем же мы с негодованием отвращаться от этой отравы: кто же виноват, что мы отравляемся? Кто же мешает православным русским людям согласиться – в руки не брать ни одного иудейского листка, не подписываться ни на одну вредную газету? Ведь если бы мы в самом деле дорожили святынями православия, если бы ревновали о славе имени Христова, то не посмел бы ни один враг христианства проникнуть в нашу среду, ни один листок, ни одна газета не нашла бы себе читателя среди нас. Но этого нет; безбожная литература свободно гуляет не только среди легкомысленной молодежи, но и среди людей степенных, пожилых, которым, казалось бы, если они христиане, было и грешно, и стыдно брать в руки такую дрянь. Иудейские газеты распространяются сотнями тысяч экземпляров, безбожные книжонки выдерживают по несколько изданий, их читают, создают около себя губительную атмосферу мысли, задыхаются в ней и жалуются еще: жить тяжело! Дышать нечем!.. Да и поделом: оставили

источник воды живой, благодатной – учение Христа Спасителя и Его Церкви, отравляетесь мутью всяческих лжеучений, становитесь бессознательно язычниками в своем мирозерцании; кто же виноват? Где ваше христианство? Пойдем дальше.

III

Кому неизвестно, чем отличились наши учебные заведения – средние и высшие – в последние годы? Кто там учит? Много ли там оказалось педагогов-христиан, твердых, крепких в вере, готовых на все ради Христа? Увы, если и были немногие, то им пришлось перенести чуть ли не мученичество от сведенной с ума молодежи. А где же были родители учащихся? Почему они не заступились? Да странно было и говорить о таком заступничестве: вот именно родители-то, в огромном большинстве, и оказались на стороне развратителей их детей, они-то и травили немногих наставников, не преклонивших колена пред современным Ваалом безбожия и безначалия. Что ж, ужели можно назвать таких отцов и матерей – увy! – были и матери в числе сих травителей! – ужели, говорю, можно, не оскорбляя христианства, назвать их христианами?! До чего мы дошли! До какого позора пред всем миром христианским!..

Но и этого мало: мало было развращения средней и высшей школы. Оно спустилось и в низшую народную. И сюда направились толпы ни во что не верующих, никаких авторитетов не признающих учителей и учительниц, чтоб развращать души малых сих, младенцев в вере – детей народа. С изумлением смотрел народ на то, что творится в его школах. Ко мне лично приходили простые мужички и плакали, рассказывая о том, что возмущало их душу. Наши протесты, протесты даже повыше нас стоящих иерархов Церкви Христовой – оставались без последствий. Приходилось одно: учить добрых крестьян забастовкам против таких учителей и учительниц, которые губили их детей. Это средство иногда действовало: учащихся переводили, только переводили, а не удаляли совсем из народной школы. Зараза переносилась в другое место. А если не удаляли, то крестьяне, выведенные из терпения открытою пропагандою учащихся, – бывали случаи – сами расправлялись –

секли негодных учащихся. Знаю два случая с учительницами и могу сказать, что это средство оказывалось действительнее забастовки, ибо учительницы те улетучились в другую губернию. Так вот что творилось – а кто поручится, что и теперь не творится? – в нашей народной школе. Немного переменялось с того времени и теперь. Еще в январе месяце пришлось читать официальное донесение священника, законоучителя земской школы, о том, что учитель дал ему пощечину – ни за что ни про что. Еще на днях писал мне один уездный о. наблюдатель, как один почтенный г. становой пристав на именинном обеде поднял земского учителя за густую его шевелюру во время тоста за Государя Императора и продержал в стоячем положении, пока пели «Многие лета», потому что сей земский учитель не изволил добровольно встать во время тоста, показавшегося ему «несимпатичным»... Да, еще много и теперь – о, как много таких педагогов по селам и деревням Русской земли!

Вот, в Москве в конце лета нынешнего 1910 года собирается большой съезд деятелей по народному образованию. Что-то не слышно, пригласят ли на него деятелей наших церковных школ. А таких школ на Руси побольше 40 000, с 2 миллионами учащихся: казалось бы, стоило оказать внимание нашим деятелям, следовало бы выслушать их авторитетный голос... Но церковной школы для этого съезда будто не существует вовсе...

Так вот и судите, и решите: в христианской ли земле мы живем? А ведь если бы мы были христиане, то просто не допустили бы у себя ничего подобного. Раз учитель – где бы то ни было – в средней или низшей школе – безбожник, и мы это знаем, то – ни одно дитя не пойдет в такую школу! Пусть г. учитель сидит без учеников! А учебному начальству – требование, именно требование, а не просьба – сменить безбожника-анархиста! Но, увы, я уже выше сказал: такому-то учителю везде и поддержка... Так как же смеем мы называть себя христианами?!

IV

В нашем законодательстве тоже не все здорово, не все строится по началам христианства. Возьмем хотя бы ту же

народную школу. В последнее время много говорят о решении думской комиссии по народному образованию передать все церковные школы в ведение Министерства народного просвещения. Во имя и ради чего? Говорят: надобно объединить все школы в одном специальном ведомстве. Так, но почему же начинают не с того конца? Почему ни слова не говорят об изъятии школ из всех других ведомств, ни малейшего прикосновения к воспитанию души народной не имеющих, – ну хотя бы железнодорожного? Почему хотят отнять народные школы именно у Церкви-матери? Почему именно эти школы хотят извести измором – не давая на их строительные нужды ни гроша, всячески сокращая на них кредиты, а главное – клеветая на них без зазрения совести? Ведь чего-чего ни говорят, чего ни печатают о них! И слабы-то они, и «духовносословны», и народ-то к ним «безучастлив», и духовенство-то ничего не делает, и прочие безумные глаголы... Но ведь все это – сама бессовестная ложь! Ведь этого доказать никто не может! Но нашим «законодателям» дела нет до правды: им нужно во что бы то ни стало вырвать из рук духовенства это могучее средство воздействия на народ, лишит духовенство возможности воспитывать народ в духе Церкви, в заветах родной старины, поставить их «под педагогический надзор» и земства, и якобы министерства, на самом же деле – гг. Родичевых, Милюковых и кого-то еще похуже... Эти господа уже позаботятся наполнить школы родными им по духу учителями, вроде тех, о коих я только что говорил. Ведь они всею душою ненавидят Церковь Христову, они стремятся к ее разрушению, к вытравлению заветов Христовых из народной души: министерство тут – только ширма одна, а в земстве у них всюду есть свои люди, которые сумеют свое дело сделать незаметно, постепенно, вливая яд каплю по капле, захватывая душу народную во исполнение завета гг. Писарева, Чернышевского и комп., заповедавших еще полсотни лет тому назад: «поймать таракана...» И особенно возмутительно то, что ведь эти радетели народного образования, ставящие «конфессиональность» после интенсивной грамотности, арифметики, маленькой географии и

маленькой истории родной страны» – последнее, конечно, с устранением всякого упоминания о том, что составляет душу нашей истории, ее жизненный нерв, – все эти господа ведь именуют себя христианами, да еще – поди – едва ли не самыми идеальными христианами! Один из них ухитрился недавно с кафедры Государственного Совета бросить мне обвинение в атеизме за то, что по вопросу о свободе совести я в своей записке высказался в смысле недопущения полной свободы проповеди для сектантов и раскольников и вообще для иноверцев, ибо совесть раскольника иногда требует Царя называть антихристом, а Церковь – вавилонскою блудницею... Вот каковы эти гг. «христиане»! Вот каковы наши «лучшие люди», избранники якобы народа, наши законодатели! Они смеют прикрываться именем христиан, будучи на деле толстовцами! Толстовщина так глубоко пустила корни в нашу Государственную Думу, что, кажется, уже получила право гражданства во многих законах. Самое главное зло – это новый принцип: быть милосердее Самого Господа Бога к нераскаянным преступникам. Разве не из этого принципа вырос законопроект, например – об «условном» осуждении? Человек сделал преступление и не думает раскаиваться в нем, а его уже прощают – не говорите мне, что это не прощение, а условное осуждение: останется безнаказанным лишь тогда, если не повторит преступления, – он проще поймет, что «первая вина прощается». Благо, такая пословица есть. Но пословица имеет не юридический, а нравственный смысл, она подразумевает раскаяние. Но и этого мало нашим толстовцам: они поднимают вопрос об отмене смертной казни. Господа! Да примите же во внимание, что нынешние преступники нередко сами себя казнят, но не каются – кончают самоубийством, но не открывают тайных пружин своего злодеяния. Хотя бы поставили вы условием: если приносит искреннее раскаяние – смертная казнь заменяется гражданской смертью так или иначе. Если вы веруете в вечную правду Божию, то не идите же ей наперекор! Господь простил разбойника на кресте только одного – покаявшегося. Да и то – простил, рай обещал, а от креста не освободил. И сам покаявшийся разбойник снятия со креста не

просил, он покорно умер на кресте. Господь пошлет грешников на Страшном суде Своем – в муки вечные, правда, не им, а дьяволу и аггелам его уготованные, а все же внимайте, как грозен будет суд Его на грешников. Так ужели вы хотите быть милосердее Его – воплощенного милосердия? Но с сими господами говорить бесполезно: разве они говорят искренно? Они ведь только закрываются лоскутками, вырванными из Евангелия, а в целом его не хотят читать. Что им до Христова учения? Им бы только смутить совесть в простых верующих: разве это – христиане?..

В так называемом «большом свете», у людей, считающих себя образованными, просвещенными, теперь завелся обычай устраивать балы и вечера под праздники. В церквях идет всенощная, а у них съезжаются гости на бал. Молодежь танцует, проще говоря – пляшет в те святые часы, в которые православные хвалят имя Господне. И идет бал до 5–6 часов утра: вот так всенощная! И спят во время литургии, проплясав всенощную... С болью сердца пишу эти строки: знаю лично таких, даже православных, даже – хотелось бы сказать – благочестивых, но вот, подите же, и у этих верующих душ недостает мужества восстать против такого богохульного обычая! Знаю таких, которые стараются, для очищения совести, отстоять пред своим балом коротенькую всенощную, понуждают себя, легши в постель в 5 час. утра, встать в 9, чтобы по требованию православной совести быть и у обедни: воистину подвиг, но – разумный ли? Нужен ли он? Ведь это – пусть мне простят эти добрые христиане, это – служение двум господам, а не подвиг... Это мученичество не ради Христа, а ради мира и князя его (Ин. 16:11). И тем оно грешнее, что детки-то таких подвижников уже не в силах нести подобный подвиг: они после бала спокойно спят до полудня, и в храме Божием их не видно, и святых впечатлений их души не переживают, и растут они, бедные вне церковных благодатных веяний... О, хоть бы их-то пожалели!..

Но мир беспощадно суров в своих требованиях. Еще борются в своей совести люди старые, воспитанные под благотворными веяниями доброго старого времени; а

помоложе, а полиберальнее – уже с покойной совестью меняют богослужение на бал. Христа на Велиара.

Зараза идет глубже и дальше. Сатана в лице своих слуг становится все наглее; и неудивительно: ниоткуда ему отпора нет, даже верующие стыдятся открыто стать на сторону Христа, отчего же ему не командовать над неверующими? Ведь это – его союзники, они сами рады идти ему на службу. И вот он командует; беру прямо факт: в прошлом году в самый праздник Входа Господня во Иерусалим, или Вербное воскресенье, в некоторых высших учебных заведениях в Петербурге были экзамены... Не чернилами, а горькими слезами писала мне одна благочестивая мать, что ее детей заставили профессора пойти в этот день на экзамен, но идти надо, иначе в другой класс не переведут... Вот к чему ведет наше равнодушие, наша теплопрохладность в вопросах веры! Я уже не говорю об открытых врагах веры, об этих безбожниках-профессорах: христиане ли они? Вероятно, они сочли бы подобный вопрос оскорблением: «Отстань-де ты с своим христианством-то», – нет, я спрашиваю вот этих родителей, которые сами идут и детей ведут на бал в вечер субботний, *считаючи во едину от суббот* (Мф. 28:1) (часы священные! часы всемирной радости!): станьте в совести своей пред лицом Божиим, воззрите в благоговении на святое Христово Евангелие, на тот крест, который орошен Его пречистою кровию за грехи наши, вы, именующие себя христианами, вы, не желающие отречься от сего святейшего звания: скажите мне: христиане ли вы? Не бойтесь сознаться в том, в чем обличит вас совесть ваша, не оправдывайте себя, не допускайте и мысли оправдания: суд Божий – не суд человеческий, а вы стоите на суде Божиим! Верьте, что как только вы изречете над собою приговор, вы почувствуете в себе прилив мужества: вы тут же дадите себе слово никогда больше не посещать ни театра, ни бала накануне праздников; вы почувствуете в себе силы не только сдерживать свое слово, но и привить себе благодатную привычку бывать в эти часы в храме Божиим, а затем – таково свойство духовной жизни – затем вы ощутите в себе потребность и непреодолимое влечение слушаться совести, в которой будет говорить ваш

Ангел-Хранитель, слушаться Христа, поручившего дело вашего спасения Церкви, а следовательно – слушаться матери-Церкви... А раз вы обратитесь к сей благодатной матери – она укажет вам путь духовного обновления, откроет пред вашими очами иной мир, мир, дотоле, может быть, вам еще неведомый, и начнется иная, не только разумная, но и достойная богоподобного существа жизнь... Так, – кто знает? – так, может быть, совершится Божией благодатью переворот, начавшись с отречения от мирского обычая, и из этого отречения, этого малого некоего подвига во имя Христова и силою Христовою (опытом теперь видите, что и сего малого дела без Его помощи вы не в силах сделать), произрастет велие древо – ваш внутренний человек в вас воскреснет, станет расти, над вами откроется духовное небо, и вы ощутите в себе зачатки того царствия, которое, по слову Христову, внутри нас есть...

Часть 2

VI

Есть порок, о котором мы, пастыри, как-то стесняемся много говорить: думается, что у всякого совесть есть, что она, совесть, не молчит же, обличает этот порок, что есть у людей стыд, который, естественно, побуждает людей укрывать его от посторонних глаз: не довольно ли этого? Но, может быть, именно в силу такого нашего излишне-снисходительного суждения порок этот растет, постепенно заглушает чувство стыда, а затем заставляет молчать и совесть... Порок становится обычным явлением жизни, на него привыкают смотреть как на что-то простительное, как на слабость: ведь «все», ну, не все, то почти все – им заражены, ведь это – личное дело каждого, за кем греха не водится?.. И мы закрываем глаза, боимся делать даже намек согрешающему брату, – даже мы, пастыри, знаем этот порок, но будто не замечаем его... Вы знаете, о чем я говорю: это – похоть плоти во всех ее проявлениях! Высшие сановники, руководители юношества, гг. ученые профессора, представители искусства и литературы, промышленности и торговли, простые ремесленники, прислуга, солдаты, извозчики – да кто

неповинен, в той или иной степени, в этом грехе? Простой деревенский люд грешит естественно: блудит, прелюбодействует, грех грехом еще называет, а городской обыватель греха уже не хочет знать: чем выше стоит он на лестнице общественного положения, тем меньше тревожит его совесть: одни меняют себе жен и наложниц чуть не каждый год, другие отбивают их друг у друга, богачи не стыдятся иметь по несколько «содержанок», даже богатые дамы «содержат» молодых людей для разврата. Спросите духовников, – они обязаны строго хранить тайну исповеди, отнюдь не называть имена кающихся, не указывать мест, где творился грех, но свои общие наблюдения за нравами могут высказать: спросите их и вы услышите такие жалобы, такие стоны души, и именно по поводу вот этих тяжких плотских грехов, что страшно становится за человечество и невольно приходит на память страшный приговор неумолимого суда Божия на допотопных грешников: и воззрел Господь на род человеческий, и увидел, что люди стали плотью... Все погрязли в грехи плоти, все стремятся служить плоти, только плоти... И в наше время много ли избранников благодати, не осквернивших себя похотию плоти хотя бы только в мыслях, в пожеланиях?.. Где они, эти во плоти ангелы? Один почтенный старец-духовник говорил мне, что он каждый раз после исповеди целые сутки не может себя успокоить душою, страшно страдая за исповедников... Приходится слышать о таких грехах, о таких мерзостях, каких и не могло себе представить его воображение. Человек не только уподобляется скотам несмысленным, но и превосходит их. И что особенно страшно: зараза идет с молодежи, которую мы привыкли называть нашею надеждой. Молодежь до того распустилась, что большинство ее физически истощено, заражено омерзительными болезнями, открыто ходят в дома свиданий, устраивают тайные общества «огарков»; распутство растет, печатный станок дает ему обильную пищу... Полюбуйтесь, какие выходят теперь книжки, – вот, например, объявлениице из большой петербургской газеты, считающейся едва ли не самою порядочною газетою и читаемою всеми высокопоставленными лицами: «В вихре наслаждений!!!

Записки массажистки... Пикантные рассказы из интимной жизни современного Парижа. Книга рисует в ярких красках картину полового извращения во всех видах...» Вы скажете: да ведь это – учебник разврата, распутства, это – Бог знает какая мерзость!!! Да, все это правда. И все это разрешается... во имя свободы печати!! Ужас берет, когда подумаешь: если это возможно и допустимо, то что же не допустимо?.. Разве одно только: нельзя безнаказанно бранить премьер-министра? Но, кажется, и это иногда допускается... А уж богохульство-то является самым заурядным явлением. Так скажите же ради Бога: ужели можно нашу страну назвать христианскою, а нас – христианами? Воистину, имя Божие хулится чрез нас у каких-нибудь язычников – детей природы, и они, указывая на нас, говорят: «Где же светлый Бог вот у этих православных?»...

VII

Смотрю я на мир промышленный. Купцы, ремесленники, фабричные... Как в котле кипит их жизнь. У каждого своя забота, своя работа. Одних гонит нужда, потребность насущного хлеба, других – корысть, жажда богатства... Но у всех – одно на уме: деньги... И те, и другие в своих заботах, в своей суете не знают меры и границ. Богатому хочется быть еще богаче, и не удовлетворится он, аще и весь мир приобрящет; бедному труженику хочется, чтоб сыта была его семья, чтобы была она всем довольна, чтоб дети не нуждались так, как нуждается отец; а затем – отец мечтает отложить копеечку на черный день, а там – доставить себе удовольствие... И все, говорю, сводится к тому же знаменателю – деньгам. Многие ли помнят, зачем они живут на свете? А превратившись, в духовном отношении, в какие-то машины, и те и другие забыли, что они не животные, не машины, что есть вечная жизнь, для которой эта временная есть только – некая школа, преддверие, один миг. Все это возвестил нам наш Спаситель, и не только возвестил, но и трогательно зовет туда, в эту блаженную вечность, зовет, и руку простирает, и помощь обещает, да и все препятствия устраняет с пути. Знает Он, всеведущий и милосердный, что и хлеб нам насущный нужен, и говорит: просите, и дастся вам; молитесь: *Отче наш, хлеб наш насущный даждь нам днесь...* и будете

услышаны... Но ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся – все, что вам нужно, без чего жить не можете на земле, – все будет вам дано в придачу к тому единому на потребу – царствию Божию... Казалось бы: что еще нужно христианину? Чего ему недостает? Опыт показывает, что Христос Спаситель верен слову Своему: чудо умножения хлебов совершается Им на наших глазах постоянно. Посмотрите на бедняка, трудящегося не ради прибытка, а ради исполнения заповеди Божией, трудящегося и от своих трудов праведных ради Бога с ближним делящегося: нет у него ни капиталов, ни богатств, но зато с ним всегда милость Божия, он всегда сыт и доволен, и семья его видимо Богом благословляется: дети его радуют ученьем и поведением, выходят в люди и готовят ему спокойную старость... Казалось бы: для тех, кто считает себя христианином, в ком не погас еще луч веры, такой пример – лучшее побуждение к подражанию, к ободрению унывающего духа, а для тех, кого Бог наделил излишком – какой простор жить для Бога и ближнего! Сколько можно сделать добра! Как можно украсить, сделать поистине счастливою счастьем ближнего свою жизнь! Ведь нет легче заповеди о милосердии, и нет добродетели, которая так скоро и так могущественно могла бы преображать наше сердце, делая его милующим, как добродетель милосердия. Господь и на Страшном суде Своем будет судить именно по этой добродетели, и потому-то и будет сей суд столь строг, а грешник на нем столь безответен, что добродетель милосердия так свойственна сердцу человеческому, так сродна ему, мила, любезна и доступна, как никакая другая... Вы, еще не отрeksiиесе Христа, еще именующие себя Его святым именем, вы – христиане! Останьтесь хоть на минуту наедине с самими собою, загляните, при свете Христова учения, в свою совесть... не бойтесь, люди не увидят вас, ради Бога не лицемерьте: ведь Бога не обманешь; если верите еще в Бога, то вот и скажите себе перед Богом всю правду о самих себе: христиане ли вы? Не на словах, а по совести, на деле скажите, не обманывая самих себя... Христианин ли ты, поденный труженик, не знающий для себя отдыха в непрерывной почти работе!

Подумай: отчего так унывает твой дух? Откуда эта по временам такая безысходная тоска? Отчего не спорится у тебя и работа? Не покладаешь ты, кажется, рук, а дело у тебя будто уходит из-под рук. Я не говорю о тех несчастных, которые заливают свое горе вином; я к тебе обращаюсь, честный труженик: чего недостает тебе для полного счастья? Знаю, ты скажешь: средств к жизни мало, недостаток одолел. Так, но в том-то и дело, что ты сам не видишь, почему как будто нет Божия благословения на твоём труде. Я помогу тебе решить этот вопрос, если ты только в Бога веруешь, если в совести своей лукавить не будешь. Прежде всего спроси самого себя: так ли ты трудишься, как Бог заповедал? Не для того ли только, чтоб побольше денег достать да семью покормить? Ты скажешь мне: а то для чего же? Друг мой, если хочешь, чтоб на твоём труде почивало Божие благословение, то надо трудиться во исполнение Божией заповеди, а не ради корысти; заповедано нам: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3:19) – это первое. Если ты это постоянно себе повторяешь, если говоришь себе: «Бог велел мне трудиться, потому и тружусь», то ты – Божий послушник, и в своём труде Божие дело творишь, а не житейское только, для Божия царствия трудишься, а не для хлеба только насущного. Второе: надобно помнить всегда, что без Божией помощи мы ничего не сможем сделать: без Мене, говорит Христос, *не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5). А чтоб помощь сия пришла к тебе, надо, и приступая к труду, и продолжая его, и кончая, – Богу молиться. Скажи мне: вот стоишь ты за станком, руки твои работают, а ум твой чем занят? Кто мешает тебе хоть от времени до времени ум свой к Богу с молитвою обращать, краткую молитовку творить? Пусть никто не видит этой внутренней сердечной твоей молитвы, а Бог-то все видит, все слышит и невидимо благословит твой труд. И будет твой труд Богу угодным деланием во славу святого имени Его, и почует на нём Божие благословение, и легко будет тебе трудиться, и во всем будет тебе добрый успех. Есть ещё и третье средство привлечь себе Божие благословение: это – надо с Богом делиться от трудов своих праведных. Положи себе за правило: отлагать с каждого рубля на первое время по

копеечке на добрые дела: Богу на свечечку, нищему или бедняку на помощь, сироткам на хлеб, на рубашечку... Не нуждается Бог в нашем содействии Ему: силен Он и без нас голодных наплатить, сироток пристроить, одеть и обуть; но Он хочет и нас сделать участниками Своих благодеяний людям; Он хочет являть Свои милости – чрез нас, дабы сделать нас Своими верными слугами, Своими поверенными здесь на земле: не великое ли это счастье? Поделись же с Богом своею трудовою копеечкой. Беден ты, много дать не можешь, а вот эту-то Божью копеечку непременно Богу отдай: поверь, она вернется к тебе целым рублем! У Бога уж такой закон: Он ни у кого в долгу никогда не остается. Не велика сумма копейка, а смотришь, Ангел Божий счет подведет, и щедро Господь тебе за все оплатит. Надо же, надо, брат мой возлюбленный, понуждать себя к исполнению хотя бы вот таких нетрудных заповедей, как заповедь о милосердии. Ведь без этого душа наша мертва – не живет тою жизнью, к какой призвал нас Господь. Что же в том удивительного, что мы и не знаем этой жизни, не знает наше сердце этой радости во Христе Спасителе нашем, и тоскует наша бедная, голодная душа?! Ведь она по природе своей – христианка; ведь она сотворена не для этой краткой, земной, суетной жизни: она создана для вечной радости у Бога: как же ей не тосковать, не стремиться к чему-то такому, чего не найдешь на земле? Начни жить по-Божьи, храни свою совесть, трудись для Бога, делись с Богом от трудов, очищай свою совесть святыми таинствами Церкви, не пропускай ни одного праздника, не посетив храма Божия, и ты ощутишь в себе новые силы, почувствуешь, что началась другая жизнь, дотоле тебе незнакомая, и ты поймешь, что ты только теперь стал христианином, а доселе только именовался им, а на деле еще не знал, что такое христианин... Счастья тебе желаю, дорогой собрат, не от себя говорю тебе, а от имени Церкви-матери нашей благодатной, от имени Самого Христа – вот от имени Кого путь к счастью тебе показую!

VIII

Теперь обращаюсь к тебе, состоятельный русский человек, – купец, фабрикант, промышленник, тебя спрашиваю:

христианин ли ты? Не к тем богачам я слово мое обращаю, о коих говорит псалмопевец – «утолсти, расшири, забы Бога, спасающего его», – хотя, о как рад я был бы, если бы кто-либо и из них преклонил ухо свое к моему смиренному пастырскому слову, – но теперь я говорю тому, кто считает себя православным христианином... Брат возлюбленный! Проверь и ты свою совесть! Лучше самому, став пред Богом, обнажить язвы души своей, чем стать пред лицом всех ангелов, всех святых Божиих и всего рода человеческого и быть обнажену пред грозным Судиею мира... Ради Бога – не обманывай себя – пожалей себя! Вспомни, что ничего с собою в могилу не возьмешь, вспомни, что ты в сущности не хозяин, а только приставник Божия на земле достояния. И должен отдать отчет о приставлении домовнем. Твой Домовладыка есть Христос, искупивший тебя кровию Своею. Он поручил тебе все, что имеешь, что Он посылает тебе. Своего у тебя ничего нет. Если ты считаешь себя христианином, то ты должен согласиться со мною в этом. Вспомни того богача, которому Бог сказал: *«Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси – кому будут?!»* (Лк. 12:20). Прислушайся в тиши уединения, не говорит ли и тебе твоя совесть: вот и ты копишь злато на злато, капитал на капитал: что же, будет ли когда-нибудь конец этому скоплению? Знаю, что душа человеческая меры не знает в своих стремлениях: но ведь вот эта-то ненасытимость и доказывает, что не тем ты ее насыщаешь, чем должно... Она жаждет вечного, а ты питаешь ее временным, она ищет нетленного, а ты подносишь ей тленное, она ищет Бога, а ты влечешь ее к твари гбнущей... Нет, ничем тебе ее не насытить из земных благ, хотя бы всем миром ты овладел! И чем больше ты будешь приобретать, тем сильнее будет эта жажда. Как соленой водой жажды не утолить, так земными благами души не насытить. Вот настанет час твоей смерти: тоскующая, неудовлетворенная душа будет искать себе отрады, утешения в прошлой жизни, но увы! – ничего не увидит позади себя, кроме груды холодного металла, который будет для нее то же, что прах земной... А сколько можно бы сделать добра при помощи этого металла! Какою светлою радостью сияла бы

душа, если бы вместо этого праха-металла она увидела вдов и сирот, тобою утешенных и благодетельствованных, увидела храмы Божии, тобою украшенные, увидела все то добро, какое по внушению твоей совести сделал ты в продолжение своей жизни, употребив Богом тебе ниспосланное достояние на это добро! И возрадовались бы сему ангелы Божии и отнесли бы твою душу туда же, куда отнесли они душу бедного Лазаря – на лоно праотца Авраама! И услышал бы ты глас Небесного Домовладыки: *«вниди, рабе благий и верный, в радость Господа твоего: о мале был еси верен»*, в ничтожном и земном ты оказался верным – *«над многими ты поставлю»* (Мф. 25:21, 23), соделаю тебя участником Моего царства небесного! Брат мой возлюбленный! Оторвись хоть на минуту от суеты, тебя поработавшей, войди в храмину души твоей, останься там один, сам с собою наедине, представь себе, что наступает, что вот уже наступил последний день, приближается последний час твоего земного странствования... Что бы ты сделал в этот страшный последний час? Жизнь кончена, зовут туда, откуда нет возврата, а там потребуют строгого нелицеприятного отчета. Нагим ты пришел сюда на землю, почти нагим – лишь в погребальных пеленах, хочешь ли, не хочешь ли, а должен отойти туда. Ничего-ничего с собою не возьмешь. Все здесь же останется... Что бы ты сделал тогда? Конечно, ты готов бы был все отдать до последней копейки первому встречному бедняку, только бы не связывало тебя твое богатство здесь в совести твоей, не тянуло бы оно тебя к земле. Так вот и подумай теперь: не лучше ли, пока еще есть время, пока ты живешь на свете, благоразумно употреблять избытки своего достояния по Божию указанию, как заповедует Господь в Евангелии и в святом слове Своем? Понудь же себя хоть немного, начни исполнение заповеди Божией, сделай первый шаг, и ты почувствуешь, что в тебе, в твоём дотоле холодном сердце как будто вспыхнула светлая искорка Божия, душа твоя увидела просвет, и ты начинаешь понимать, что такое добро, как оно животворно, как близко к тебе счастье, о коем и говорит Господь: *царствие небесное внутри вас есть* (Лк. 17:21)... Ты тут только познаешь, что такое истинный православный

христианин, увидишь, что ты доселе был только по имени христианин, а теперь, только теперь ты сделал для себя самого великое открытие...

Часть 3

IX

Есть еще великая скорбь сердцу пастырскому, есть позорный порок и у богатых, и у бедных людей, порок, лишаящий и тех и других Божия благословения. Это – недостаток честности, совестливости или проще – добросовестности. Ложь, обман у нас редко считают за грех. Правда, на словах в этом сознаются, но на деле этот порок обычное явление. Спаситель сказал, что отец лжи – диавол; а вот какой-то сын диавола, может быть, один из тех, о коих говорит Господь в Евангелии от Иоанна, выдумал пословицу: «Не обманешь – не продашь» – и гуляет она по Русской земле среди людей торгового мира. Другой придумал другую пословицу: «От трудов праведных не наживешь палат каменных», и повторяют ее те, которые трудами рук своих приобретают себе хлеб насущный. Третий кощунник взял слова пророка Давида: «*Лож конь во спасение*» (Пс. 32:17) – не надежен конь для спасения, – и переделал их по-своему: «Ложь во спасение»... И вот купец торгует и обманывает, рабочий и ремесленник делают чужое дело и не думают о его прочности, чистоте, добросовестности; чиновник служит и хитрит, торгует своею совестью... И все они только и думают, как бы провести день до вечера. И до того въелась эта нечестность в нашу среду, что сложилось даже как бы присловие: «А кто ныне не подлец?» Как же после этого не спрашивать с болью в душе: да где ныне христиане – у нас, в православном Русском государстве?..

Что же? Ужели так тому и впредь быть? Ужели ложь, обман, подлость, хитрость – все эти мерзости и впредь будут сквернить нашу родную землю, лишать ее Божия благословения? Так уж не честнее ли будет совсем отречься от Христа? Ведь есть же теперь где-то на Урале секта сатанистов; вот и запишитесь, русские люди, в эту секту: это вам будет более к лицу!

Слышите, что глаголет Христос: *«Что Мя глашаете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?! Идите от Мене, не вем вас!»* (Лк. 6:46, 13:25)...

Больно писать эти строки. Но всмотритесь в жизнь. Вот ищут в городе «честного» дворника, прислугу, рабочего и берут татарина. Почему? Да русские «очень пьют»... Не больно ли это? Не позорно ли? Нужен мастер, артельщик, приказчик – смотришь, взяли немца, чухонца, они, видите ли, толковее русских, русские на руку нечисты, неисполнительны, ленивы... Да неужели все таковы? О, конечно, нет, но трудно найти, но большинство ненадежно, и рад бы русскому кусок хлеба дать, как своему родному, а возьмешь, говорят, и не рад будешь, раскаиваться придется. Рассказывал мне покойный протоиерей Иоанн Григорьевич Наумович, известный миссионер и издатель народных книжек: «Если наймется немец рабочий – ему можно смело поручить всякое дело: честно выполнит и не нужно за ним смотреть. Если вы увидите немца-работника на хозяйском поле и спросите его о чем-нибудь, то он ответит вам на вопрос коротко, не прерывая работы: а если вздумаете отвлечь его от дела разговором, он вам скажет: «Я нанимался работать, а не разговаривать». Так ли поступают наши русские работники? Заговорите с таким в отсутствии хозяина, и он будет рад с вами беседовать хоть целый час. А работа будет стоять...» Скажите по совести: честно ли это? По духу ли истинного христианства?.. И это, к несчастью, повсюду: недаром же хозяева фабрик и заводов предпочитают всяких инородцев, не исключая даже иудеев, своим, русским рабочим, особенно на окраинах России...

Та же нечестность, то же «несовестливое» отношение к делу, к чужому достоянию замечается у нас и в торговле: «Не обманешь – не продашь», а если продашь, то барыша не получишь – это повсюду. Извозчик запрашивает с вас 70 коп. и везет, после переговоров, за 40 коп.; скажите – честно ли он поступает? Ведь он покушается обмануть вас, взять с вас вдвое против того, что может взять, и нисколько ему не стыдно: таков обычай. Но ведь этот обычай – скажем прямо – бессовестный! Торговец запрашивает с вас рубль и отдает за полтину, а иногда

и дешевле: честно ли это? по-христиански ли? Мужичок продает на базаре сено: и в сено, для веса, подсыпает песок; а если продает сено не на вес, а возом, то делает воз пустой; баба вливает в молоко воду, подмешивает мел; в масло иногда кладет камень... да всего и не перечтешь: так многообразно проявляется бессовестность наша, с которою сравнится разве только бессовестность иудеев: не позорно ли это? Не обидно ли для нас, пастырей православной Церкви? Что мы скажем в оправдание своих чад духовных иноверцам, сектантам, тем же иудеям, бросающим в глаза упреки: «Вот ваши православные что делают! Им-де нельзя ничего доверять: все испортят, подменяют, сделают кое-как!» Как будто Церковь православная учит такой бессовестности! Как будто она одобряет или хотя снисходит ей! Ведь воистину имя Церкви Божией хулится в нас за нечестность и бессовестность нашу! И вот что горько: наши же православные нередко смущаются такими упреками и, уходя в ереси, оправдывают себя тем, что там живут и честнее, и трезвее... Вот до чего мы дожили в нерадении нашем! Вот – наше христианство!

Х

Теперь посмотрим поближе на наши добрые дела: все ли их можно назвать христианскими?

Вот богатый человек строит колокольню, отливает колокол, золотит главы... Кто смеет сказать, что он делает не доброе дело?

Однако же по долгу пастыря Церкви я должен предостеречь такого благотворителя от искушения. Ведь может случиться, что он-то будет уверен в себе, что за такое доброе дело ему уготована награда на небесах, а между тем, на суде Божиим, он услышит: *«Восприял еси благая твоя в животе твоём»* (Лк. 16:25)... И прежде всего я спросил бы такого доброго человека: с кем он посоветовался, когда решался на свое «доброе» дело? Не своеволие ли это было? А может быть, духовный отец, если только он знал о начинании своего духовного сына, и не давал ему совета непременно делать то, что задумал он? Вот и первое сомнение в чистоте этого доброго дела. Сын православной Церкви твердо должен помнить, что всякое

доброе дело может быть и медницей, и серебром, и чистым золотом в очах Божиих. Если ты делаешь доброе дело без совета и благословения, если делаешь ради расчетов земных, ради тщеславия, ради наград, орденов и медалей, ради похвалы людской, то твое дело – медница, которую не стяжешь ты себе царствия Божия. Тебя хвалят, тебя прославляют люди: и довольно с тебя этих похвал, этой славы человеческой – не жди себе славы Божией! Нельзя служить и Богу и мамоне, своему грешному «я». И все твое славное, по суду человеческого, дело много-много стоит медницы в очах Божиих, а может быть, равняется и круглому нулю. *Не и язычницы ли такожде творят*, говорит Господь о таких добрых делах (Мф. 5:47). А если так, то оно теряет уже цену и христианской добродетели, и напрасно себя будет льстить человек, указывая другим на такие добрые дела...

Вот другой любитель благолепия храмов Божиих жертвует на позолоту крашеного иконостаса, делает серебряные ризы на святые иконы, жертвует на поминание родных, и все это, согласно заповеди Спасителя – от имени неизвестного благотворителя. Это уже поистине доброе дело, исполняемое притом во смирении, как сказано: *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6:3). Но еще единого не dokonчил сей благотворитель: не отсек он воли своей, не положил ее вместе с даром своим к подножию креста Господня. Сего ради и его дело – еще только серебро, но не чистое золото в очах Божиих. Хочешь ли, о христианин, да будет оно чистым золотом пред Господом? Сице сотвори: вместе с твоим добрым намерением повергни к стопам распятого Господа и твое произволение; нет дара более приятного Господу, нас ради смирившемуся и Отцу Своему послушливу бывшему, даже до смерти, смерти же крестные, как наша воля, – это дрожайший дар Творца Своему богоподобному созданию, эта наилучшая черта богоподобия Божия в нашей душе... Отдай же ее как чистую жертву Господу, скажи в твоём сердце: «Господи! Вот я хочу сделать такое-то доброе дело, но не знаю: угодно ли оно Тебе? Не хочу я, чтоб непременно мое желание исполнилось, хочу, чтоб Твоя святая воля сказала, а я готов отречься от

своей воли и исполнить то, что повелишь Ты... Скажи мне святую волю Твою через моего духовного отца, моего духовного друга, руководителя, к которому расположена душа моя. Если он одобрит мое начинание – слава Тебе: я приму его слово, как ответ на запрос души моей; если же подскажет мне другое доброе дело, паки – слава Тебе: готов исполнить сие, хотя бы оно и не по сердцу было моему ветхому человеку...» Так молись, так ищи воли Божией и верь: никогда Господь не откажет рабу Своему, вопрошающему Его о деле, Ему благоугодном! Ты увидишь, как станут располагаться самые обстоятельства, чтоб не твоя, а Божия воля исполнилась, увидишь, как и сердце твое какая-то дивная сила повлечет к исполнению Божией воли... И будет тогда, только тогда твое дело доброе – чистым златом в очах Божиих.

Аще же не тако – то можно еще сомневаться: действительно ли ты поступаешь как истинный Христов ученик, как истинный христианин?

XI

Из городов пойдем в самую глушь деревенскую. Посмотрим, что там творится у православных христиан в праздники, например, или когда справляются свадьбы, похороны, крестины... Нужно ли много говорить о том пьянстве, которое разливается рекою, о том распутстве и драках, какими сопровождается это пьянство? У кого из людей, ревнующих о Церкви, о родине, о славе Божией, не сжималось сердце болью, не выступали слезы горькой обиды, стыда, унижения за родной народ при виде всех этих безобразий? Какой-то пьяница придумал складное слово: «Кто празднику рад, тот до свету пьян», а наша деревня приняла это глупое, богохульное слово как бы за заповедь, и вот храмы Божии в праздники пусты, в них только дети, старики да женщины, а мужички, домохозяева, эти «труженики», как они себя любят называть, они с раннего утра, минуя храм Божий, пошли верст за пять и дальше – туда, где можно водки достать, где есть винная лавка, трактир, харчевня: там они будут справлять праздник... А к вечеру вернутся домой, принесут с собою живительной влаги, будут насильно поить детишек своих, несчастных жен, отцов-стариков, матерей...

Ведь все это – столь знакомые картины, что говорить о них, право же, не хочется! Но как и молчать? Ведь эти несчастные полагают, что они тоже «христиане», что они в Бога веруют и вот – праздники помнят... Помнят!.. О, если бы они знали и помнили грозное слово Господа против такого празднования, возгремевшее устами великого пророка Божия Исаии почти три тысячи лет назад: *«Слушайте слово Господне: праздничных собраний ваших не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя... ваши руки полны крови: омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову... Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас, ибо уста Господни сие говорят!»* (Ис. 1 гл.). О, если бы, говорю, эти словеса Господни постоянно звучали в ушах современных христиан! Если бы пастыри повторяли их непрестанно и в храме, и в домах верующих, и на площадях при молебствиях, и в вагонах, и на пароходах, в пути! Но – увы! Редко слышится об этом голос пастырей наших: они, видно, уже отчаялись в возможности что-либо сделать для прекращения пьянства народного в праздники, не говорю уже о тех несчастных, которые сами не отказываются принимать участие в таком богопротивном праздновании... И вот, смотрите, что творится на Руси: давно видели весь ужас такого празднования народом дней святых люди умные, задумались и пришли к заключению: во всем повинны праздники, надо их уничтожить! И составили законопроект, и внесли в законосоставительное учреждение – Государственный Совет – сократить число праздников так, чтобы с воскресными днями их было не больше 66 или 67 в году. Не подумали эти люди умные, что ведь праздники-то сами по себе тут ни при чем, что виноваты люди, извращающие смысл праздников, искажающие порядок их празднования; что если бы православные люди праздновали святые дни свято, так, как учит Церковь, то ни пьянства бы не было, ни беспутства, напротив: праздники вносили бы

благодатную, оживляющую духовную струю в народную жизнь, облагораживали бы народ, умножали бы добро на родной земле, ибо в праздники делать добро Сам Бог повелевает! Праздник – день Божий, и требует Господь, чтоб он посвящался на дела Божии, на молитву, благотворения, дела милосердия. Уж если писать законы, то надо бы такие законы писать, чтоб они полагали пределы пьянству в дни праздничные, а не уничтожали бы самой идеи праздников... Но, увы! Наши законосоставители посмотрели на дело глазами сынов века сего, с точки зрения экономии, и смелою рукою хотят зачеркнуть 25 праздников из тех, которые отмечены в законе. Я спрашиваю: христиане ли это? Дерзнут ли истинные сыны Церкви вторгаться в ее порядки и законоположения? Позволят ли себе умничать в явное нарушение повелений своей матери-Церкви? И не выше ли их стоят вот эти простецы-пьяницы, которые все же не противоречат Церкви в том, что праздник – день Божий, что отдавать его на дела житейские грешно, – словом: не зачеркивают праздников, не равняют их с будними днями в идее. Да, они оскорбляют их, оскорбляют Бога недостойным их празднованием; но ведь и это – грех невежества, грех, который они все же добродетелью не назовут по совести. А эти люди умные, просвещенные, ставшие на высотах законодательных, они-то что делают? И ведь не бессознательно: вопрошали власть церковную, получили ее мнение о своей затее, значит, нельзя сказать, что не ведают, что творят. Нет, они отлично знают, что нарушают уставы и каноны церковные, нарушают «скверного ради прибытка», а не ради духовной пользы народа, они с пренебрежением относятся к Церкви Христовой; скажите же: кто это – христиане? И кто лучше, ближе к понятию христианина: те ли пьяницы, оскорбители праздников Господних, или сии современные – пусть они простят нас за резкое слово, – оно из Евангелия, – современные фарисеи?.. Пусть судит сие совесть православная христианская! А нам, пастырям, невольно приходит скорбная мысль: ужели у людей просвещенных, считающих себя христианами, до такой степени вытравлено понимание сути христианских понятий о праздниках, что они готовы даже в

некоторые двенадцатые праздники, например в Сретение Господне и Введение во храм Матери Божией, идти с спокойной совестью в канцелярии, лишь предварительно вычеркнув из таблицы эти дни? Они говорят, что работа будет производиться не утром, а с 12 часов дня, следовательно, кому угодно – может и в церковь сходить... Но разве можно говорить это серьезно? Кто же не знает немощей человеческих?

И – скажем откровенно: такой законопроект мог появиться только под влиянием людей, чуждых Церкви и ее благодатных деяний, по мысли или тайному подсказу врагов Церкви, масонов, коих бессознательными слугами и явились начинатели такого законопроекта... А для нас, служителей Церкви, несомненно, что масонами руководит сам князь тьмы чрез своих верных слуг – врагов Христовых...

XII

Так вся наша жизнь полна лицемерия; самые добродетели наши часто под большим сомнением; невольно думается: а что, если бы враги Христа стали нас подвергать пыткам, устояли бы мы или нет? Увы, на этот вопрос страшно даже отвечать... Судите сами: многие из нас боятся оградить себя крестным знаменем в общественном месте: ну какие же мы христиане? Многие боятся сказать открыто, что не могут пойти на бал в субботу вечером, ибо это – святое время: какие же это христиане? Их еще не подвергают пыткам, им грозит много-много шутивное прозвище «святоши» или «ханжи» – гораздо меньшая опасность, чем та, пред которою устрасился Апостол Петр, когда отроковица некая осторожно спросила его: и ты был с Иисусом Галилеянином?.. Мы боимся иудейской газеты больше, чем суда Божия! Это ли – ученики Христа?!

А что, если бы среди нас вдруг явился пророк Божий Илиия, этот беспощадный обличитель зла: что сказал бы он нам? Каким громом небесным прозвучало бы его грозное слово: доколе хромать вам на оба колена?! Если Ваал – мир – есть бог, то идите за ним; если же Христос, имя которого вы носите еще на себе, то за Ним и следуйте! Нельзя, никак нельзя служить и Богу и своей мамоне! Не обманывайте Господа Бога, а так как Бога не обманешь, то не обманывайте самих себя. Грядет Судия

вселенной, и неумолим будет суд Его на лицемеров, прикрывавшихся Его святым именем. Опомнитесь, покайтесь!

А время пришествия сего грозного пророка близится. Слово Божие непреложно говорит, что он явится пред вторым пришествием Господа нашего Иисуса Христа, а время сие приближается. Мы не знаем ни дня, ни часа сего страшного, но своими грехами приближаем сей час. Ведь если грех покроев всю землю, как водный потоп, если благодати Божией не будет места среди людей, то чего ради Господь будет отлагать суд Свой праведный? Для чего существовать еще миру грешному, если среди него не останется людей, способных к восприятию спасающей благодати?..

Со страхом и трепетом повторим словеса Господа, Судьи живых и мертвых: *«Так говорит Аминь, Свидетель верный и истинный: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч? Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* (Откр. 3:14–16)...

Подмена мирозерцания

Читатели, конечно, обратили внимание в прошлом № 30 «Тр. Слова» на голос Оптинского инокa об опасности, грозящей святой Руси от того вольнодумства, какое разливается ныне по лицу родной земли широкою мутною волною и захватывает все области русской жизни, не исключая – увы – и церковной... Горькое, вдохновенное слово старца, сказанное почти шестьдесят лет назад, можно бы назвать пророчеством, если бы простой здравый смысл, при вдумчивом, беспристрастном суждении, не говорил и теперь того же. Инок Евфимий, с точки зрения того времени, времени еще крепостного права, времени безграничного своеволия помещиков, всю вину возлагает на дворянское сословие: в то время, действительно, это сословие было руководящим в общественной и государственной жизни, но за 60 лет многое изменилось к худшему. Если и теперь, к несчастью, немало среди дворян гг. Долгоруковых, Петрункевичей и им подобных, оскорбляющих свое звание, зато теперь развелось видимо-невидимо бессословных «интеллигентов», каких 60 лет назад почти не было. Это люди

без веры, а потому и без совести, без чести, это духовные кастраты, у которых все, чем человек, отличается от скота, вытравлено, которые, нося образ человеческий, опаснее всякого зверя и способны на всякую мерзость, на всякое преступление, лишь бы не попасть на виселицу. Вот единственное нечто, их сдерживающее, и они знают, что делают, когда кричат о необходимости законопроекта об уничтожении смертной казни для подобных себе, а главным образом именно – для себя самих. Да и все «свободы», о коих они так горячо толкуют, в сущности, клонятся к свободе зла, к непротивлению злу, проповедуемому безбожником Толстым. И чем дальше мы живем, тем больше, частью якобы на законном основании, частью же просто захватным правом разливается это зло, а те, кто Богом поставлен преграждать ему путь, будто не видят этой духовной отравы: «Нелиберально: противно свободе совести...» О. Евфимий жалуется на продажность тогдашних дворян: но тогда, по крайней мере, грех грехом называли, брали всякие взятки, но в совести своей все же это не оправдывали, а ныне – все вытравлено, искажено, ныне хотят жить без совести, и это считают нормою жизни, «свободою от предрассудков», ныне стыдятся упомянуть имя Божие... Вдумайтесь в это, православные русские люди! Ведь ужас сжимает сердце! А нас насильно хотят приучить не видеть в этом ничего ненормального, как будто все это – самые неважные, пожалуй, даже невинные вещи! Сложилось как-то так: нас, верующих, поражает какое-либо явление, крайне, по нашему убеждению, ненормальное, прямо недопустимое; оно остается ненаказанным или же наказывается выговором, замечанием, ничтожным штрафом – словом, так, что ценность самого зла при этом низводится до минимума. Само собою понятно, что такое отношение представителей закона ведет к переоценке нравственных понятий: если то, что мы привыкли с детства считать недопустимым, возмутительным, считали тяжким грехом, преступлением, теперь расценено как неважный дисциплинарный проступок, то, стало быть, нам приходится волею-неволею мириться с такою расценкою: не в наших ведь силах потребовать иной расценки... И слабые люди первые

поддаются искушению считать неважным то, что прежде считали очень важным, и начинают мало-помалу позволять себе это... А за ними, точно под влиянием какого-то гипноза, мало-помалу и все мы привыкаем почти так же смотреть на дело. Так перевоспитывается наше поколение в новых понятиях о зле. О молодых людях уж и говорить не приходится: они сразу как-то усваивают эти новые расценки нравственных деяний: даже мы, старики, невольно чувствуем, как притупляется постепенно наше нравственное чувство, как сначала тоскует сердце, что творится что-то не так, как подобает по закону Божию и совести христианской, а потом, под влиянием повторения подобных фактов, при сознании своей беспомощности, бесполезности протеста, невозможности поправить дело, вернуть власть имущих к прежним понятиям, невольно сживаешься с новыми воззрениями, и хотя в своей совести не миришься с ними, хотя видишь, что это ведет к гибели, но по необходимости терпишь: чувство, говорю, нравственное притупляется, и ты плывешь по течению – прямо к пропасти... Нужны ли к сему иллюстрации? Жизнь и печать дают их на каждом шагу. Самые возмутительные кощунства, большею частью, остаются безнаказанными, богохульство, поругание заветных святынь – чуть не ежедневно и в газетах, и в жизни; мало того: вы лишены возможности, например, в дороге найти порядочную патриотическую газету: непременно извольте читать жидовские листы, вы задыхаетесь от этой удушливой атмосферы лжи, кощунства, безбожия, и ныне, и завтра – все одно и то же... Но и этого мало. Для людей, которые хотели бы поучиться не из газетных простынь, а из более или менее серьезных книг, теперь издаются и толстые якобы научные книги – отвратительно-враждебного в отношении к вере и Церкви направления... Если попадет такая книга вам в руки, вся душа ваша возмутится от негодования, а те, кому ведать надлежит, спокойно рассуждают: «Пусть издают – нельзя же стеснять свободы» якобы «научных мнений»... Недавно вышел перевод одной такой безбожной, глубоко возмутительной книги Велльгаузена, и книга пропущена, гуляет и отравляет молодежь... Да и издал-то ее некий «профессор», очевидно,

специалист по части безбожия. И ничего: сей профессор сидит на своей кафедре и продолжает «просвещать» наше юношество, и ему все разрешается... Да что говорить о профессорах университетских? Даже духовные академии, да, православные духовные академии, несмотря на недавнюю их ревизию, еще не свободны от таких профессоров. И вместо того, чтобы предложить таковым оставить церковную школу, вместо того, чтобы потребовать от них, если они каются, публичного отречения от своих либеральных бредней, им предлагают, как слышно, только «воздержаться от распространения первого издания» своих сочинений и «исправить» их для второго издания... Ну а что они проповедуют и будут проповедовать с кафедр духовному юношеству, будущим пастырям и учителям пастырских православных школ? Об этом кто позаботится? Кто поручится за чистоту их учения? Пусть простят нам те, от кого сие зависит: душа болит, сердце наше исстрадалось от такого слишком снисходительного отношения к ересям, если не сказать больше!.. Если уж государство не хочет противиться этому злу, если оно закрывает глаза на пропаганду всякого безбожия и антихристовых учений, то может ли терпеть это Церковь в своих недрах? Не должна ли она всею силою своего – увы, ныне столько уже поколебленного – авторитета восстать против зла, пускающего корни у самых источников ее православного вероучения? Если мирская власть, под гипнозом либеральных масонских веяний, «играет с огнем», то позволительно ли это для самой Церкви? Знаю, что горькое слово пишу я, знаю, что это не по духу нашего излукавившегося времени, но сил нет молчать, когда чувствуешь, как и тебя начинает затягивать это болото, когда сознаешь, что и ты начинаешь привыкать к безразличию, когда видишь пред собою пропасть, куда влечет Россию этот поток, и несть удерживающего от нея...

Утверждение на Тя надеющихся! Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию!..

Соблазн идет от интеллигенции

Как тяжело будут отвечать Богу люди, соблазняющие ближнего! Вспомните грозное слово Спасителя: *«Аще кто соблазнит единого от малых сих, верующих в Мя, уне (лучше) есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей...»* (Мф. 18:6).

Для неверующего эти слова – пустой звук, а для верующего – гром небесный. Кто – малые сии? Кто – соблазнитель их?

Малые это – не дети только. Это все меньшие братья наши, это – все те, кто около нас, кто меньше нас развит умственно, менее чуток нравственно, кто слабее нас и физически, и духовно, а следовательно, легко может быть увлечен нашим словом, нашим примером. И вот наша интеллигенция, именующая себя передовыми людьми, то есть мнящая о себе, будто она идет впереди народа (куда? – увы! – назад, к духовному одичанию!), страшно ответит Богу за тот соблазн, какой она вносит в народ – как в массы народные, так и в каждую отдельную душу. Если вы не соблюдаете постов, то вы не вправе требовать и от своей прислуги, чтобы она исполняла устав церковный. Вы не считаете нужным в праздники неопустительно ходить в церковь? Вы не можете посылать туда и свою прислугу. Вы не хотите, вы как будто стыдитесь перекреститься, сядясь за стол? Знайте, что прислуга видит это, сначала осуждает вас за это (а ведь и это – уже соблазн), а потом и сама перестанет молиться пред обедом и ужином. Но соблазн идет дальше. Недаром народ, то есть простых людей, сравнивают с детьми. Простецы зорко присматриваются к интеллигентам, как дети – к взрослым. Простецы так же прямолинейны в своих суждениях, как и дети. О детской наивности, прямолинейности существует немало рассказов. Но и простые люди нередко бывают так же прямолинейны и откровенны, как дети.

« – Я нанял прислугу, простую крестьянскую девушку, – рассказывал недавно один почтенный сановник. – Раз, по какому-то поводу, говорю ей: «Побойся Бога, Анна, так грешно делать.

– Э, барин, – отвечает она, – кто же из ученых людей ныне в Бога-то верует?

Прошло несколько времени. Приходит ко мне приятель. К слову, в присутствии прислуги, я говорю ему:

– Вон и моя Анна не верит в Бога. – Но что же слышу от Анны?

– Неправда, барин, я в Бога верую. Вот ты «интеллигентный тип» (ее выражение), а я вижу, что и утром, и вечером вы Богу молитесь. Значит, Бог есть...»

Не то же ли мы видим и в массах рабочего люда, который чаще, чем деревенские обыватели, соприкасается с интеллигенцией? Где простые люди заражаются неверием и всяким вольнодумством? В городах, особенно на фабриках и заводах. Два года тому назад, осенью, из Архангельска вернулись молодые парни в родную сольвычегодскую глушь. Накануне местного праздника Покрова Пр. Богородицы они учинили пляску с гармониками вокруг храма, а когда в самый праздник священник обличил их кощунственный поступок, они собрались вокруг его дома, выбили все стекла, грозили убить и зажгли самый дом... Мне пришлось перевести священника в другое село. И около года не находилось кандидата на его место. Да, таких случаев и даже более возмутительных – не перечесть: история последних пяти – несчастных для России – лет переполнена ими. И везде зараза, соблазн идет от тех, кто считает себя интеллигентом. А считают себя таковыми и сельские учителя и учительницы, и фабричная администрация, и фельдшера, и волостные писаря... Даже обидно за достоинство человека, когда представишь себе всю нищету мирозерцания этих «интеллигентов». Весь запас их «знаний» ограничивается газетной и брошюрной трухой, да много-много каким-нибудь справочником из множества уличных изданий... А каковы бывают эти справочники – я скажу в другое время. И вот эти-то убоженькие, у которых сердце совершенно опустошено даже от тех крох религиозного знания, какие запали, может быть, в детстве, эти-то уродцы духовные и мнят себя быть руководителями жизни умственной, жизни народной, величают себя «передовыми» людьми, судят и рядят обо всем, будто нет тайны, которой они не знали бы, нет мировой загадки, которую не могли бы они решить... Жаль наш бедный, несчастный народ!

Сколько зла и соблазна сеется этими непрошеными его руководителями! А число их все растет и растет: если статистика нам показала, что только за время, пресловутого «освободительного» движения сослано в Сибирь до 25000 народных учителей – только одних учителей из таковых, уже отмеченных, так сказать, с поличным пойманных: сколько же их остается на местах и продолжает отравлять народ своими бреднями! Недаром же враги Церкви и Отечества так рассчитывают на народную школу в деле совращения и развращения народа; недаром так усиленно добиваются вырвать из рук Церкви народную школу: расчет очевидный – не пройдет десятка лет, как все молодое поколение будет отравлено ими, забудет Бога, и тогда настанет их темное царство... Куда захотят, туда и направят они эту озлобленную, обезумевшую, голодную (ибо все будет пропито) толпу... Ужас берет, как подумаешь об этом! А наши «верхи» так спокойно беседуют о «передаче церковных школ в министерство»... не в министерство, господа, а в руки пропагандистов неверия и разрушения. В руки вот этих соблазнителей и губителей несчастного народа. Не обманывайте себя, грешно притворяться слепым, когда дело столь очевидно... Кто любит родину, кто любит родной народ, кто не хочет ему гибели, тот должен просить, умолять правительство – стать на страже народной души, не подпускать соблазнителей близко к святому делу народного воспитания, ограничить свободу развратителей – прелюбодеев печатного слова, всяких пропагандистов-лжеучителей: самому народу не справиться с ними... Иначе мы – на краю гибели!

Скорбное письмо

Скорбные думы, скорбные письма... Русь, да неужели ты перестала быть православною? Ужели все, что так дорого было сердцу русских людей, за что они душу свою полагали, теперь дозволено попирать, осмеивать, топтать в грязь всякому безбожнику, считающему себя «интеллигентом»? Не диво, что озверелый рабочий издевается над святыней: он ведь следует примеру того, кого считает человеком «образованным»; не диво,

что эти якобы «образованные» хотят «образовать» по образу и подобию своему массы народные: раз сами потеряли Бога в душе, они того же желают и для всех; то достойно удивления, то возбуждает страх за самое бытие государственное, что как будто никому до этого дела нет, как будто все это дозволено, как будто на наших глазах сбывается страшное пророчество апостола Павла об удерживающем (2Сол. 2:7)... По поводу моих «дневников» я получаю много откликов, и вот послушайте, что пишет, например, один священник – не из центра какого-нибудь, не из города, а из самой глуши, и притом – не из окраинной губернии, где много инородцев, а из одной из самых центральных губерний... И то, что пишет он, теперь творится почти повсюду...

«Тяжело положение сельского священника среди деревенской «интеллигенции», да еще вышедшей из недр самого же духовного сословия. В селе, где я уже 24 года священствую, «интеллигенцию» составляют: врач, у которого вместо св. икон портрет безбожника Толстого, фельдшера, учителя, акушерки, и т.п., а летом местные и наезжие «студенты», которые и «работают» по уезду статистиками, оспопрививателями, агрономами и т.п.

Для всех этих господ сельский священник есть представитель «реакции», «гасильник просвещения» и т.д., а дело пастыря – уже «служение отжившим предрассудкам»... «Вы бы лучше своей обедни-то поубавили», – сказал мне врач публично, когда я в пяток первой седмицы В. Поста попросил его отложить медицинский осмотр детей в школе, потому что они устали да и опять скоро пойдут на исповедь. В воскресный день у него нарочито прием в 9 часов, не исключая даже Пасхи, и все служащие обязаны быть во время обедни в больнице; а в пятницу – день неприемный «для отдыха врача и медицинского персонала». Можно подумать, что у нас большинство поклонников Магомета, тогда как сих последних нет ни единого...»

Не удивляйтесь, почтенный батюшка: в столице и не то делается, и делается на глазах самого правительства: там иудеи-профессора назначают экзамены в двенадцатые

праздники для юношей-христиан, и если эти юноши не пойдут на экзамен в святые дни, то их считают не выдержавшими экзамена... Плачут матери-христианки о таком поругании над нашею верою святой, о таком развращении их детей, но что поделаешь? Ведь теперь в государственных, якобы «законодательных» учреждениях хлопочут о совершенной отмене праздников Господних (сначала некоторых, ну а потом доберутся и до остальных). Так чему же удивляться, что в глухой провинции нахал-иудей издевается над нашими святыми днями?..

«За таким интеллигентом врачом, – продолжает священник, – тянутся и низшие служащие. Ранее, до врача, у нас и после литургии успевали принять больных, фельдшер успевал и в церкви помолиться, и к приему поспеть. Теперь же, в воскресенье, именно во время обедни – прием, а в пятницу – праздник. Накануне нового года в церкви всенощная, а в чайной комитета трезвости – в полночь танцы со встречей нового года. А простецы-крестьяне говорят: «Мы помолились Богу, а они и беса не забыли». Закладывают здание больницы, крестьяне просят Богу помолиться, а врач изрекает: «У вас и двор закладывают – так четверть пьют, вот когда выстроим больницу – освятят». Выстроили и постарались сделать освящение так, что никто из народа и не знал. Летом, когда наезжают «студенты», священнику, не сочувствующему их прогрессивным начинаниям, даже на улице показаться рискованно. О посещении «студентами» храма Божия и говорить не приходится. Мать-вдова собирает по приходу именем Христовым сыр и яйца, а детки, во главе с студентом, бывшим семинаристом, публично, напоказ, едят в Успенский пост мясо. Имел я неосторожность посоветовать мальчику оборониться палкой от собаки, принадлежащей студенту, а сей студент уже кричит на меня: «Отец, вы – пастырь Церкви, а проповедуете кровопролитие, вам бы нагайку, а не меч духовный, в физиономию вам плевать!» И это говорит юноша священнику, который его же учил грамоте! Но и этого мало: пишет жалобы и земскому начальнику, и архиерею, аттестует меня как «презираемого всеми», как «угнетателя всех лучших сил и лиц в

приходе», грязнит всю жизнь священника. И этого мало: собирает всю компанию товарищей, и объявляют они священнику, «оскорбившему студенчество» (читай: студенческую собаку), бойкот. Не забудьте, что все это – дети духовенства же, питомцы наших духовных семинарий... Ведайте, что по жалобам сего студента мне пришлось перенести и «дознание»... Горько все это, но еще более горько, еще более страшно, что простые мужички все это видят и говорят: «Учите вы в своих семинариях на церковные деньги своих детей, а они не только в пастыри, но и в пастухи не годятся (ну, это, пожалуй, неправда; видите, как они заступаются за своих собак: годились бы и в пастухи!). Лба не перекрестят».

Ясно, что народ начинает терять доверие к нашим семинариям, а следовательно, и к молодым священникам. А отсюда – один шаг до сектантства.

Читаешь вот такое письмо, – а их немало получается – и думаешь: да где мы живем? Ужели на святой Руси? Где ты, мать наша Русь православная?.. Ведь в языческой Японии того не приходится видеть, что творится у нас. И там не станут издеваться над своим бонзою, там, сколько мы знаем, умеют уважать даже чужие святыни. Идолопоклонники знают правила приличий, а наши мнимые христиане, нередко питомцы – увы! – наших духовных семинарий, поступив в число каких-то «студентов», становятся фанатиками неверия, заклятыми врагами родной Церкви и ее служителей, не щадят ничего священного, не хотят просто пожалеть старика священника, у которого когда-то учились грамоте... Ужели нет способов защитить сельских батюшек от этих хулиганов интеллигенции? Ужели священник должен идти в наши суды, где нередко, ах как нередко, сидят друзья-приятели вот этих же хулиганов, которые уж постараются выручить их из беды, а бедному священнику еще подлить горечи в его и без того горькую чашу? Нет, не подобает преемнику апостольского служения идти в мирской суд, когда его лично оскорбляют, поносят, издеваются над ним. Если всякий христианин должен помнить заповедь Господню: *«Блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол*

глагол на вы лжуще имене Моего ради» (Мф. 5:11), – тем паче сию заповедь должен носить в своем сердце тот, кому Господь поручил и других учить ей. Как он научит других, если сам не исполняет ее? Сказано ведь: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем» (Мф. 5:19). В деле проповеди только то слово и сильно, которое идет от опыта духовного. Св. Исаак Сирин говорит, что слово опыта есть живая вода, утоляющая жажду души, а слово без опыта – что вода, писанная на стенах. Отцы и братия! Архипастыри и сопастыри словесного стада Христова! Настают для нас времена исповедничества, а может быть, и мученичества. Язычество грязною волною врывается в среду христианства. Кажется, будто сатана вышел из бездны, чтобы обольщать народы на четырех концах земли... Вера гаснет в сердцах тех, которые считали себя верующими, а на место ее входит сатана в эти опустошенные от всего доброго сердца и властвует над ними. Ужас объемлет сердце, когда читаешь, что творится в Португалии, что еще так недавно творилось в Испании, что грозит нашим единоверным братиям христианам в Турции... С какою беспощадною злобою враги Христа издеваются над теми, кто не вотще носит имя Христово! И особенно эта злоба услаждается в издевательствах и истязаниях над теми, кто стоит ближе к Церкви: над служителями алтаря и иночествующими. Их прямо истребляют, как вредных животных. Да сохранит Господь нашу бедную Русь от такого несчастья! Ведайте, отцы и братия, что то, о чем пишет мне священник, что мы все видим воочию, о чем пишут ежедневно патристические газеты – все это только начало болезням, или – по народному присловию – лишь цветочки. Будут и ягодки, если попустит Господь по грехам нашим. Тайна беззакония уже назревает на земле. Заклятые враги христианства ведут свое дело искусно и неутомимо. Готовьтесь к исповедничеству, готовьтесь к мученичеству. И тем горше будет чаша наших испытаний, что нам поднесут ее не язычники, не римские воины, а изменники Христу. О, они злее всех язычников, ибо они суть «сборище сатаны», о котором говорит Тайновидец. Что все нынешние поношения, кои нам приходится терпеть, пред теми, какие ждут

нас впереди, если попустит Господь! Грозы Божии ходят вокруг нас, Господь зовет всех нас к покаянию. Не у гражданского закона ныне искать нам защиты: не тот дух веет ныне в тех сферах, откуда мы могли бы ждать этой защиты, – не внесут ныне законопроекта, который защитил бы нас, без наших жалоб, от поруганий, из уважения только к нашему сану и званию... Нет! Возьмем свой крест и бодро пойдем за Тем, Кто Сам впереди нас возшел чрез крест на небо, крестом отверз врата небесные. Кто и нам заповедь дал о крестоношении, Кто силен и нас укрепит в сем подвиге благодатию Своею! Будем себе постоянно напоминать слово великого труженика и страдальца за проповедь Христова евангелия Апостола Павла: *«Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое: ибо видимое временно, а невидимоеечно»* (2Кор. 4:17). Это знал еще Царь Давид: *«При умножении скорбей моих в сердце моем, – говорит он, – утешения Твои улаждают душу мою»* (Пс. 93:19). А Господь – слышите, что обещает? *«Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах!»* (Мф. 5:12).

Монастырские «миллионы»

Во дни оны недавние, во дни всероссийской смуты и нашествия иудейского, враждебные Церкви органы печати самым беззастенчивым образом лгали о несметных якобы богатствах наших монастырей и огромных якобы доходах, получаемых нашими архиереями. Помню, как я, бывший казначей Троицкой Сергиевой Лавры и, следовательно, знающий все ее «богатства», от души смеялся, когда в одной иудействующей газете прочитал провокаторскую заметку, будто в Лавре Преп. Сергия имеется капиталов на 75 миллиардов! Судите сами, какое впечатление должны были от такого известия получить люди, завистливым оком взирающие на монастыри. И это было в то время, когда Лавра, потратив сполна свои капиталы на постройку больницы-богадельни, признанная еще несколько десятков тысяч у Гефсиманского скита.

Но иудейская ложь не осталась без последствий. Г. Дума, вероятно, полагая, что в сих сообщениях иудеев есть хоть малая частица правды, высказала С. Синоду пожелание об «уравнении» получаемого архиереями содержания. И вот собраны точные сведения, какой архиерей сколько получает. Увы, оказалось, что есть епископы епархиальные, получающие не более 3000 руб., и для «уравнения» им содержания, примерно до 6000 р., потребовалось «изыскать» до 33000 р. из каких-нибудь источников, а от архиереев затребовано мнение по сему вопросу. Скажу откровенно: нам, монахам, преемникам апостольского служения, официально назначать себе ту или другую норму «содержания» воспрещает совесть... Архиерей в силу данной им присяги и уже по сущности своего служения нравственно обязан строго следовать примеру святых Апостолов, насколько видит к тому возможность. А св. Апостолы в сем отношении строго держались правила, которое один из них выразил так: *имуще пищу и одеяние*, то есть все необходимое, *сими довольны будем* (1Тим. 6:8). Возглавляя поместную Церковь, как светильник на свещнике, епископ должен во всем быть образцом для своей паствы: самым делом, самым отношением к своему материальному обеспечению он должен всем как бы говорить: смотрите на меня, будите якоже аз: вем и алкати, вем и избыточествовати, вем и лишатися... Как епископ, уже на основании священного Писания и в силу Апостольских Правил он имеет право пользоваться от своей епархии всем, лично ему потребным: епархия должна ему дать приличное его сану жилище, с храмом Божиим, потребное число священнослужителей при сем храме, певцов и чтецов и всех их также обеспечить в необходимом; затем – дать ему возможность совершать поездки по епархии, дать стол, отопление, освещение, прислугу, канцелярию, лошадей и пр. Все это он и может получить, и в большинстве случаев получает, хотя и не всегда от епархии, так сказать – натурою. А на одежду и обувь, равно на так называемые карманные расходы, было бы довольно для него и ста рублей в месяц. Но совсем иначе стоит дело, если принять во внимание необходимость для каждого епископа – стоять во главе всякого

рода благотворительности во имя Христово. Еще св. Златоуст сказал: «Широка заповедь сия», и, следовательно, как бы ни велики были суммы, отпускаемые в распоряжение епископа на сие дело, они все и всегда будут израсходованы им без остатка. Самым естественным источником для таких расходов, в силу Апостольского Правила 41-го, должны бы быть для епископа доходы всех церквей его епархии, но, к глубокому сожалению, епископ, будучи по канонам полным распорядителем церковного достояния своей поместной Церкви, на деле в настоящее время лишен возможности быть таковым. Церкви несут часто непосильные налоги на содержание духовно-учебных заведений и на другие епархиальные и общецерковные нужды, причем сии налоги и распределяются, в силу необходимости, самими иереями на их съездах, и архиерею предоставляется только право утверждать или не утверждать таковую раскладку, облагать же церкви новыми налогами нет возможности. Таким образом, сей – первый и законнейший источник для дел благотворения по личному усмотрению епископа для него закрыт. Между тем сим исчерпываются общие источники средств для благотворения, если не считать доходов собственно архиерейского дома, каковых во многих епархиях вовсе не имеется, и архиерейский дом содержится, как, например, в Вологде, при пособии епархиального свечного завода. Правда, есть еще источник для благотворительных расходов по усмотрению епископа, но этот источник может быть и не быть, может быть очень значителен и сокращаться до минимума и даже вовсе прекращаться. Рассчитывать на него никто не смеет. Я разумею частные жертвы православных мирян на дела благотворения, приносимые в личное распоряжение епископа благочестивыми людьми, желающими исполнить в совершенстве заповедь Спасителя: *«Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя»* (Мф. 6:3). Слава Богу: еще есть такие добрые души. Они в своем смирении рассуждают: «Епископ есть Богом поставленный пастырь и архипастырь, ему виднее нужды, как Церкви Божией, так и бедных сиротствующих; к нему вся эта беднота стремится за помощью; он имеет возможность чрез священников узнать и

степень нужды, и положение нуждающихся; да и Богу приятнее, когда я делаю добро не по своему смыслению, а отсекая свою волю так, чтобы мне и не знать: куда пойдет моя копейка, да не увести о том моя шуйца! Так делали и древние христиане. Итак, вручу мою лепту Богу через руки архиерея Божия». Повторяю: такие души еще есть в Церкви православной; расположить их к такому доброделанию может только благодать Божия. Но много значит в сем деле и личность самого архиерея. Если он подвигом личной своей жизни, благоговейным совершением богослужения, отеческим обращением со всеми, особенно с детьми, властным, сильным словом духовного опыта в проповедании слова Божия как в Церкви, так и в частных беседах с пасомыми всех званий и состояний, неусыпными заботами о сирых и вдовицах, о больных и несчастных, – словом: исполнением завета апостольского: *всем бых вся, да всяко некие спасу* (1Кор. 9:22), – привлечет к себе сердца пасомых, то можно сказать с уверенностью, что пасомые с любовью понесут ему свои лепты на дела благотворения во имя Христово, как христиане времен апостольских слагали к ногам Апостолов целые состояния. Но если епископ не входит в близкое общение с паствою, если его слово не доходит до сердца пасомых, если он безучастно относится к беспомощной бедноте, то никто не принесет ему и жертвы на благотворительность. Мы, епископы, должны с чувством самоукорения взирать на светлый образ доброго пастыря, еще так недавно прошедший пред нашими очами в лице незабвенного отца протоиерея Ионна Кронштадтского. Если он, иерей, облеченный силою свыше, имел возможность творить так много добра: то не показывает ли сие, что и в наше скудное верою, погруженное в эгоизм, житейский материализм, время упадка нравов, есть еще немало живых душ, ищущих света Божия, жаждущих благодати, готовых нести к стопам доброго пастыря нескучные лепты, лишь бы найти такового пастыря, лишь бы удовлетворил он их духовную жажду, утешил скорбящее сердце, примирил с Богом смущенную совесть... Ищите, пастыри и архипастыри, прежде всего царствия Божия и правды его, водворяйте хотя начатки сего царствия Божия

прежде всего – в сердцах собственных, а затем и в сердцах пасомых ваших, и вы с благоговением, в умилении сердца, сами воочию увидите, как верно обетование, что и материальные средства для доброделания вашего приложатся вам, ибо ведь еще в ветхом завете сказано, что рука дающего не оскудеет. Силен Пастыреначальник наш, Господь Иисус Христос, и в нашей немощи проявляет силу Свою, лишь бы мы признали и Ему постоянно показывали эту немощь нашу, лишь бы в глубине сердца взывали к Нему: Господи, помоги нашему маловерию! Грядет час, и восстанут на суд Христов с нами пастыри, подобные отцу Иоанну, и осудят нас, если мы в пределах наших епархий и приходов не будем по мере сил наших следовать стопам их.

Позволю себе сказать два слова по поводу предположений особой Комиссии при С. Синоде об установлении равномерности в получаемых Преосвященными по епархиям доходов привлечь для покрытия расходов по увеличению содержания некоторым епископам архиерейские дома и монастыри. Таковое привлечение архиерейских домов наиболее обеспеченных кафедр я признаю совершенно справедливым, ибо полагаю, что никто из святителей, более обеспеченных, не откажется поделиться, по долгу братской любви, со своими собратиями, менее обеспеченными, да будет, по выражению св. Апостола Павла, равенство. Что же касается Лавр и поименованных в указе монастырей, то, не входя в суждение о том, тяжел или не тяжел будет сей новый налог на монастыри, я полагал бы более справедливым обложить сим налогом все церкви и монастыри империи в самом малом размере, например, хотя бы 0,1%, дабы каждая церковь, каждый приход принимали участие, хотя в размере нескольких копеек, в расходах на содержание епископов. Это представляется тем более справедливым, что подобный налог по 1 руб. с каждой церкви и монастыря уже установлен в виде увеличения платы за «Церк. Вед»., для повышения содержания чиновников центрального управления. Епископы обслуживают нужды церковные несравненно более, чем сии чиновники, и их попечения и труды для приходских церквей несравненно

сложнее, чем для монастырей. В сем случае важно было бы установить самый принцип такого налога, ибо белое духовенство облагает церкви в размерах до 35 и более процентов на свои сословные нужды (особенно если считать прибыли от свечных операций), а епископ, будучи по канонам полным распорядителем всего церковного достояния в пределах своей епархии, не пользуется и малым процентом на дела благотворения по своему личному усмотрению. Справедливо ли это?..

О рассуждении

Святые отцы-подвижники выше всего в духовной жизни ставят «рассуждение». Что такое рассуждение? Это – особый дар Божий, дающий исполнителю заповедей Божиих способность познавать: как лучше и душеспасительнее делом совершить ту или другую добродетель, совершить дело доброе возможно согласнее с волею Божией. Сей дар дается Богом после великих подвигов в духовной жизни, а пока человек не удостоится получить его, он должен отсекал свою волю, даже свое смышление во имя послушания воле Божией, пред старцем или пред тем, к кому он находится в отношениях духовного подчинения, причем оба они руководятся опытом святых людей, имевших несомненно дар рассуждения. Вот почему св. отцы и говорят, что послушание есть мать смирения и рассуждения.

Знают ли миряне-христиане эту мудрость духовную? Не впервые ли многие из них сейчас читают о ней? А между тем – для православных это должно бы быть азбучкой их духовной жизнедеятельности. Без рассуждения – все равно: будет ли сие рассуждение смиренным послушанием опыту святоотеческому или уже плод опыта собственного, а следовательно, – Божий дар, плод смирения, – без рассуждения, говорю, ни одна добродетель не имеет настоящей цены в очах Божиих. Будет ли то молитва, или пост, или милостыня – без рассуждения все это может обратиться даже во вред делателю сих добродетелей, ибо подо все это, без рассуждения, может быть незаметно подложено, как почва, как тайное побуждение, например,

тщеславие или иная какая-либо другая страсть, и тогда вся ценность добродетели будет похищена врагом нашего спасения. Ведь сказано в Писании и о молитве: молитва его обратится в грех, а о посте и бдении сказал некогда бес одному подвижнику: «Ты постишься, а я никогда не ем, ты бодрствуешь, а я никогда не сплю». Без рассуждения самая любовь, сей верх нравственного совершенства, может обратиться или в буддийское непротивление злу, или же в туманный, расплывчатый, беспочвенный, холодный гуманизм... Самое смирение, сей воздух, коим дышат добродетели, может выродиться в смиреннолукавство. Так высоко ценится дар рассуждения, как основа христианской деятельности. Вот почему добродетель послушания, как одно из главных средств к приобретению рассуждения, так высоко ценится в духовной жизни святыми отцами и учителями Церкви.

Будучи по своей природе даром благодати Божией, стяжаваемым, однако же, личным подвигом человека, рассуждение делает человека, обладающего им, участником общецерковной жизни. Церковь есть единый живой организм, имеющий своею главою Самого Господа нашего Иисуса Христа и объединяющий в себе всех во Христе спасаемых от первозданного Адама до последнего его потомка, имеющего воспринять святое крещение пред пришествием Господа на суд всемирный – словом, все спасаемое во Христе человечество. Глава Церкви – Христос благодатию Духа Святого руководит духовною жизнью верующих в Него, а верующие, личным подвигом накапливая духовные опыты благодатной жизни, делятся ими со своими собратиями во Христе и таким образом не только единым сердцем и едиными усты, но и единомыслием дел в жизни во Христе исповедуют Его яко Главу свою и прославляют всемогущую спасающую силу Его. Да иначе и быть не может в Церкви Христовой. Ведь все, что мы делаем доброго, исполняя святую волю нашего Господа, делаем не мы: Он в нас и чрез нас исполняет Свои же заповеди. Ведь это Его слово: *«Без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15:5). Таким образом, жизнедеятельность Церкви, каждого отдельного ее члена и всех вместе в сущности есть жизнедеятельность

Главы Церкви – Самого Господа Иисуса Христа. Из сего видно, как для каждого члена Церкви должно быть обязательно сообразовать всю свою личную жизнедеятельность с волею Главы Церкви – Христа и с жизнедеятельностью всей Церкви – Его тела. Только то добро спасительно, которое вполне согласовано с сего Божественною волею, о котором и совесть наша свидетельствует, что оно не нами, не нашими личными силами, а благодатию Христовою соделано. Такое добро делает нас самих живыми членами единого тела Христова – Его св. Церкви, нашей матери, органами Христа в Его жизнедеятельности на земле. И в этом – наше счастье, в этом залог и начаток нашего вечного блаженства еще здесь на земле. И кто живо сознает это, кто живо в самом себе ощущает эту жизнедеятельность Христа, кто чувствует свое полное бессилие на добродетель без Его благодатной помощи, тот всегда с глубоким смирением будет благоговейно исповедовать силу Христову и все будет приписывать Ему единому, яко действующему вся во всех членах тела Его – Церкви. *«Живу не потому аз, – восклицал некогда в благодатном восторге великий Апостол Христов, – но живет во мне Христос. Вся могу о укрепляющем мя Господе Иисусе!»* (Гал. 2:20; Флп. 4:13). Отсюда – глубокое, для мира сего непостижимое смирение святых Божиих и всех вообще подвижников благочестия. В чувстве сердца все они ничего не видят в себе истинно доброго, что принадлежало бы лично им: «Наше – это грехи, а если что и делаем доброго, то – уже не наше, а Божие. Ведь сказано: *«Аще вся поведенная вам сотворите, глаголите, яко ради неключими есмы: ежи должны бехом сотворити – сотворихом»* (Лк. 17:10). Для таковых становится уже безопасен и дар чудотворений с даром пророчества или прозорливости: чувствуя и сознавая себя орудиями, органами жизнедеятельности Самого Христа, они не смеют и помыслить что-либо о себе высокое, напротив, с благоговейным смирением все относят ко Христу и за все прославляют Его всемогущую благодать. Мы, православные русские люди, имели великое счастье видеть своими очами высокое воплощение такого идеала смирения и вследствие смирения – чудодействующей благодати Божией в

лице досточтимого и приспособленного старца Божия о. Иоанна Кронштадтского. Всем, кто имел счастье знать его, памятно, как он – так сказать, пугался всякой похвалы людской, с каким негодованием, или лучше сказать, – святою ревностью о славе Божией отвергал он всякую благодарность людскую, когда по его святым молитвам Господь совершал исцеление недугующих или проявлял иную какую-либо милость Свою... «Бога благодарите, а не меня грешного: я – ничего, по вере вашей Бог услышал нашу молитву!» Вот что неизменно говорил он, когда его слезно благодарили за его молитвы. Читайте его дневники и вы поразитесь его глубоким смиренномудрием, его всецелою преданностью Христу. Вот почему он и дневники сии дерзнул назвать своею «Жизнию во Христе». Это была воистину жизнь во Христе, потому что была жизнью в Церкви Христовой, потому что сам он признавал себя живым членом этой Церкви, учил всех и исповедовал, что только чрез Церковь возможно соединиться со Христом, что кто вне Церкви, тот чужд и Христа. Живя в Церкви, а чрез Церковь и во Христе, он обладал и высшим даром «рассуждения духовом», как этот дар называет св. Апостол Павел. Но он же и свидетельствует, что все дары Божии стяжаются усердным исполнением заповедей Божиих во смирении и послушании Церкви, в духе учения слова Божия и отеческих писаний, а также, само собою разумеется, и смиренным восприятием благодати Божией в таинствах Церкви. В сих таинствах Господь простирает Свою спасающую десницу к людям, а в исполнении заповедей Божьих люди простирают свою руку навстречу деснице Божьей, укрепляющей их руку. Так наша жизнедеятельность объединяется с жизнедеятельностью Божией в нас и чрез нас, и таким образом совершается наше спасение во Христе.

Из всего сказанного видно, как для всех нас, верных чад Церкви, важно быть в единении духа с Церковью веков минувших, на небесах уже торжествующей в единении не только учения веры, но и самых принципов нашей христианской жизни. А искание этого единения есть то, что мы называем «рассуждением». Со стороны Главы Церкви это есть – Его дар, а со стороны нашей – всецелое стремление во всем и всегда

согласовывать волю свою с волею Его, внимая учению Церкви и ее благодатных, духовным опытом богатых пастырей и учителей духовной жизни. Господь не оставляет свою Церковь и в наше скудное верою и духовною жизнью время без живых руководителей в духовной жизни. Где они? Кто они? *«Ищите и обрящете, – глаголет Господь, – толцыте и отверзется вам»* (Мф. 7:7). Молитесь, просите, и дастся вам. Так молился св. Царь и пророк Давид: *«Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой»* (Пс. 142:10). *«Настави мя на истину Твою, скажи ми, Господи, путь, в онеже пойду, яко к Тебе от всякого житейского попечения и пристрастия взях душу мою»* (Пс. 24:5). Должно только помнить, что, по слову св. Иоанна Лествичника, тому, кто хочет познать волю Божию, прежде всего следует умертвить в себе всякое собственное желание, отречься от всякого своегомышления и только тогда вопрошать старцев или пастырей Церкви о том, в чем имеет он нужду. При этом он обязан принимать от них советы, яко от уст Самого Бога, хотя бы то и казалось противоречащим его желаниям и намерениям и хотя бы тот, кого он вопрошает, сам и не был строгим подвижником. «Несть бо неправеден Бог, – говорит великий учитель духовной жизни св. Иоанн Лествичник, – и не попустит, чтобы души, совету и суду ближнего с верою и незлобием (в простоте сердца) покоршился, были обмануты, и хотя вопрошаемые, были и неразумны (недостаточно опыты), однако есть в них Дух Божий бестелесный и невидимый». На сем основывается так называемое старчество. Не для иноков только, но и для всех, внимающих делу своего спасения, оно необходимо. Сами старцы всячески отсекают свою волю и пред духовными своими друзьями, и пред лицом Божиим, молясь слезно, да скажет им Господь волю Свою, да подаст им слово благопотребное ко спасению вопрошающих. И как бы ни было иногда горько это слово, они говорят его небоязненно, невзирая на лица, единственно внимая голосу своей совести. И верующие миряне с любовью внимают слову их и иногда издалека идут к ним или же ведут с ними постоянную переписку. Известно, сколько томов писем уже издано разными лицами и особенно Оптиной пустынью, писем, заключающих в себе

сокровища духовных советов, преподанных старцами по разным случаям духовной жизни. И строго следят старцы Божии, чтобы их ответы, их письма соответствовали учению св. Отцов-подвижников наипаче же слову Божию. Если их совесть колеблется, то они не дают никакого ответа, дабы не погрешить пред Богом и не подать вредного совета. И по мере их отречения от своей воли и смышления Господь дает им дар рассуждения на пользу ищущих их «окормления». И нередко вся судьба мудрого и ученого человека решается словом простеца-старца, Богом умудренного. И в этом порядке водительства Божия совершается та тайна, о коей некогда изрек Господь в молитве Отцу Своему Небесному: *«Благодарю Тя, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем»* (Мф. 11:25) – младенчеству в простоте верующего сердца.

Наше время тем и опасно, что самое нужное для христианина и забывается. Толкуют и спорят о самых превыспренних предметах, а духовной азбучки и не вспомнят. Оттого и происходит та бесплодность даже в добрых начинаниях, какая иногда приводит нас в недоумение: отчего это? – от недостатка духовного рассуждения, от излишней самонадеянности, от самочиния. Рассказывал мне покойный о. архимандрит Леонид об одном афонском молодом иноке, который возмечтал быть мучеником за Христа. Обратился он за советом к своему старцу. «Доброе дело, чадо, – ответил ему авва, – но нельзя на это самочинно вызываться – это уж дело гордости духовной. Господь учил: «Аще гонят вы во граде, бегайте в другой». – Но юный инок не убеждался сим советом аввы: «Сердце мое горит любовью ко Господу, хочу умереть за Него. Благослови, отче: я пойду к туркам, проклянущим Магомета и исповедаю Христа». Тогда мудрый старец говорит ему: «Нужно, чадо, прежде себя испытать: вынесешь ли страдания? Лучше сделать опыт». – «Готов, – говорит ученик, – на все». – «Вот тебе заповедь: если укусит тебя блоха или клоп – не смей чесаться». Ученик принял заповедь, но не прошло двух-трех дней, как прибежал к старцу с жалобой на самого себя: «Не могу, отче, вынести искушения, сними с меня заповедь!» Тогда

старец сказал ему: «Видишь, как ты немощен: где же тебе вынести муки за Христа? Видишь, что твое неразумное желание мук сих есть искушение от врага». И смирился инок, и просил у старца прощения. Такого рода искушение, влекущее на подвиг выше меры, называется поруганием от врага и происходит от гордости. Св. Иоанн Лествичник говорит: «Часто у врагов наших сей бывает умысел, да нам представят к деланию то, что силы наши превосходит, чтобы мы чрез то, презрев и потеряв и возможное, подвергнули себя величайшему у них посмеянию». «Видел я, – говорит он, – некоторых и слабосильных людей, которые, по причине множества грехопадений своих, принимались за подвиги, силу их превышающие, но поскольку понести их не могли, то я им сказал, что покаяние у Бога судится по количеству не трудов, а смирения».

Когда нет духовного рассуждения, то всякое добродетельное подвигается опасности быть бесплодным для нашего спасения. Или человек берется за подвиг выше меры своих духовных сил; или берется за дело, которое не нужно, и не делает того, что нужнее и полезнее; или делает нужное не так, как бы подобало; или вовсе не замечает, как под его доброе дело подкрадывается враг и скрадывает его тщеславием, корыстолюбием, самомнением... И сколько таким образом тратится сил и средств людьми добрыми если не напрасно, то с потерю духовного плода в жизнь вечную! А иногда от мнимых добрых дел, даже от таких, как пост и молитва, получается великий вред для души, и все это от недостатка духовного рассуждения, от самонадеянности, от нежелания смиренно проверить себя: разумно ли, по духу ли Христова учения подвизается он? Видал я прельщенных, носивших тяжелые вериги, изнурявших себя постом, полагавших не одну тысячу поклонов в сутки, читавших грешные помыслы в чужой душе и обличавших их и, наконец, на воздух поднимавшихся во время молитвы... И – увы! Все таковые находились в прелести бесовской, в самом погибельном состоянии, все они были заражены духовною гордостью и находились во власти сатаны, все забывали, что в очах Божьих смиренный грешник, охаивающий свои грехи, неизмеримо выше всякого гордого

праведника, любующегося на свои добродетели. Еще не потеряна надежда на спасение того, кто искренно заблуждается, кто самочинничает в духовной жизни по неведению: Господь вразумит его и изведет на путь смирения ими же Сам весть путями; но горе тому, кто знает этот Христов путь, но не хочет вступить на него; за то, что он в гордыне своей как бы презирает голос матери-Церкви, за то, что он в самомнении своем сам отделяет себя от жизни Церкви, которая дышит смирением, благодать Божия оставляет его и предоставляет его своей гибельной участи, по реченному: накажет тя отступление твое... Вне Церкви Христовой – нет благодати, нет и спасения! Мы знаем ведь, что и магометанские факиры, и индусские йоги совершают такие подвиги, коим нельзя не изумляться: и постятся по несколько недель, и истязуют свое тело всякими способами, но все это совершается вне благодати, скажу больше: все они, находясь в отчуждении от благодати, живущей только в Церкви Божией, находятся под влиянием врага рода человеческого, который не только помогает им в их лжеподвигах, но и других чрез то влечет к гибели... Но не столько виновны будут на Страшном суде Божиим все сии, вне Церкви и в прелести находящиеся, сколько христиане, знающие путь Христов и идущие путем гордыни сатанинской.

Что я сказал сейчас о подвигах духовных, то применимо и к подвигам всякого доброделания. Путь смирения один и тот же: и для монаха, и для мирянина. Будет ли то подвиг молитвы и поста, или же подвиг милостыни, храмоздательства, или же всякого служения ближнему – все будет ценно в очах Божиих только тогда, когда будет совершаться в смирении, в отсечении своего смышления, при проверке своего доброделания церковным о нем учением, дабы действовать так, как подобает члену Церкви – в единении с Церковью и Самим ее главою – Господом Иисусом Христом. В этой проверке себя, в этом искании единения, как я выше уже сказал, и заключается добродетель «рассуждения», которая должна руководить всяким начинанием нашим, всяким нашим доброделанием.

Скажи же нам, Господи, путь в онъже пойдем и научи нас непогрешительно творити волю Твою!..

Год 1911

Наше крещение и наш крест

Скоро исполнится тысяча лет с того благодатного дня, как наша Русь просвещена святым крещением, все мы имели счастье сподобиться сего великого таинства еще в первые дни своего земного странствования; но многие ли вдумывались в глубокий смысл самого слова: крещение? Где корень этого слова? И в греческом, и во всех европейских языках это понятие обозначается словом погружение, омовение чрез погружение в воду. Но наши мудрые первоучители христианства, наши предки – славяне для обозначения благодатного таинства, вводящего человека в новую жизнь, избрали другое слово, корень которого есть слово крест. Мудрое избрание, знаменательное слово!

В самом деле: что такое крещение для христианина? Это есть духовное возрождение в благодатную жизнь. Как оно совершается? Чрез смерть для греха и воскресение для Христа Господа. *«Неужели не знаете, – говорит Апостол Павел, – что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам уже не быть рабами греху, ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним»* (Рим. 6:3–8). Но Христос умер на кресте: следовательно, смерть со Христом есть крестная смерть, а крещение и есть сораспятие Христу, спогребение Ему. Вот почему при крещении иерей вопрошает крещаемого: отреклся ли еси сатаны? Сочетался ли еси Христу? Если же ты сочетался со Христом, ради тебя распятым, то и пребывай Ему верным, не отлучайся от Него, и тогда Он воскресит тебя с Собою, и твой крест, воспринятый тобою при святом крещении, обратит тебе в крылья, чтобы вознести тебя ими на небо и спосадить с Собою одесную Отца.

Итак, крест есть неотъемлемый залог нашего спасения во Христе Иисусе. Кто не несет креста, кто старается сбросить его с себя, убежать от него, – скажу больше: кто не распинается со Христом на кресте, тот не христианин. Христианин есть живой член тела Христова, которое есть Церковь. Если Глава сего таинственного тела – Христос страданиями вошел в славу Свою, Он, Агнец невинный, взявший на Себя грехи мира: то как же членам Его тела, верующим в Него, не сострадать Ему, не соучаствовать Ему в страданиях, хотя бы в той ничтожной мере, какая будет по силам каждому члену Его тела? Ведь только при том условии, *«аще с Ним страждем, с Ним и воцаримся»*. *«Что за похвала, – пишет св. Апостол Петр, – если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если делая добро и страдая терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны: потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его»* (1Пет. 2:20–21). *«Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете»* (1Пет. 4:13). Видите, как крест неразлучен с истинным христианином? Крест, скорби, страдания – это радость для верного последователя Христова. Читайте Деяния св. Апостолов, читайте их послания: везде они радуются скорбям, какие им приходилось нести за имя Господа Иисуса. Да и как им было не радоваться, когда Сам Господь сказал им: *«Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах»* (Мф. 6:12). Они не только с радостью терпели все скорби, но и на смерть шли как на брачный пир. С тою же радостью несли свой крест и все святые Божии. При всей скорбности для немощной плоти, они ликовали духом, когда Божиим попущением приходили скорби.

Мне скажут: то были скорби за имя Христова, а наши-то скорби – от нас самих, от грехов наших.

Так. Но вот послушайте, что пишет Апостол Павел: *«Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам как сынам: «Сын мой, не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает»* (Притч. 3:11–12).

Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы – незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12:4–8). Господь «бьет нас», по сильному выражению Апостола, значит, еще любит нас, значит, мы еще не потеряны для царствия Божья, Он очищает нас, исправляет яко детей Своих: возблагодарим же Его благодать, наказующую нас не по мере беззаконий наших, а по мере любви Своей бесконечной! По немощам нашим и малое наказание кажется нам тяжким, но ведь и Апостол пишет: «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалию; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности» (ст. 11). Вот почему все верные чада послушания, верные Господу Его рабы, смиренно всегда благодарили Господа за все скорби, и Господь укреплял их в терпении. Они знали по опыту, какое великое благо тот «мирный плод праведности», о коем говорит Апостол. Они знали и сладость креста, возлагаемого Господом на Своих последователей. Еще ветхозаветный праведник с умилением сердца взывал к Господу: «Благо мне, яко смирил мя еси. Господи, да научуся оправданием Твоим!» (Пс. 118).

Хочешь ли ты, сораспятый Христу во святом крещении, чтобы Он понес с тобою твой собственный крест? Хочешь ли, чтобы сей крест обратился для тебя в лестницу, возводящую на небо? Воздохни к Нему из глубины твоей души, скажи Ему: Господи! Ты лучше меня знаешь, что мне полезно: твори надо мною волю Твою святую! Ты ведь знаешь и немощи мои, я верую, что Ты непустишь мне искушения сверх сил, но при искушении подашь и облегчение, чтобы я мог понести (1Кор. 10, 13). Так молись в скорби души твоей, так отдавай себя в руки Божий, как дитя отдает себя на руки матери, и в этом самопредании Богу ты обретешь не только силы для несения твоего креста, но и великое утешение. Ты поймешь всю радость сострадания крестного со Христом. Ты почувствуешь, что Он с тобою, Он несет за тебя твой крест, и сей крест уже обращается для тебя в крылья, возносящие тебя над этою землею, над ее суетными радостями, которые покажутся тебе такими

ничтожными... И радость освобождения от сетей суеты земной будет тебе наградой за это самопредание Господу. Говорят, что христианство есть религия радости. Да, но той радости, к которой путь один – чрез Голгофу, радости, которая рождается в сердце от участия в страданиях Христовых!

Господь хочет, чтобы мы, сочетавшись с Ним в крещении, были живыми членами тела Его, и следовательно – чтобы были участниками и страданий Его, дабы быть потом участниками и славы Его. И наши скорби, наши кресты не есть юридическое наказание за наши грехи: если и наказание, то – лишь отеческое вразумление любви Божией к нам. Для искупления наших грехов достаточно было одной капли крови Сына Божия, а ее пролиты целые потоки, – но нужно наше личное, живое участие в жизни Главы нашей, а это и совершается с одной стороны – доброделанием, когда Христос в нас и чрез нас исполняет Свои заповеди, а с другой – самопреданием Ему в скорбях наших, восполнением в нас, по выражению Апостола, скорбей Христовых в плоти нашей. И начало всему этому полагается в св. крещении, в знамение чего и возлагается на нас крест... Таков смысл слова крещение!

Можно ли иудеям позволять носить христианские имена?

Газеты сообщают, что при С. Синоде образована еще одна комиссия для обсуждения вопроса о том: могут ли иудеи носить христианские имена? Давно назрел этот вопрос, и пора решить его раз навсегда и окончательно. Имя есть первая собственность, собственность неотъемлемая, которую человек получает здесь на земле и которую уносит с собою в загробный мир. Творец всемогущий, сотворив свет, нарек его днем, тьму – ночью, все звезды называет Он именами их... Имя есть символ власти над тем, кому оно дается. На всем пространстве Ветхого Завета, от первозданного Адама и Евы до праведных родителей Предтечи Господня, право давать имена принадлежало родителям. На имя смотрели как на нечто священное, с уважением. Имя не есть №, под которым разумеется тот или другой экземпляр, та или другая особь: имя может принадлежать только человеку, как разумнонравственному существу. Этот взгляд на значение имени можно усматривать еще в Ветхом Завете; в Новом Завете у христиан, особенно в Православной Церкви, оно получило еще большее значение. Вошло в священный обычай при крещении давать младенцам и взрослым имена святых, Богом прославленных. Угодник Божий, имя коего я ношу, есть мой небесный восприемник или от купели крещения, или от св. Евангелия при моем монашеском пострижении. Это – мой благодатный покровитель, мой заступник и молитвенник пред Богом, мой наставник в моем земном странствовании, мой второй ангел-хранитель. Вот почему для нас, православных христиан, особенно дороги те имена, которые мы носим. Это – священные символы нашего духовного родства с небесною Церковью, нашего постоянного с нею общения. Пусть иудеи носят имена ветхозаветных праведников: к сожалению, мы едва ли вправе запретить им это, хотя очень бы желали, – ввиду того, что и многие из нас носят сии имена, – чтобы иудеи и произносили эти имена не по-нашему, а по-своему – чтобы Моисеи именовались Мойшами,

Израили – Срулями; но допускать, чтоб они носили имена святых Божиих, во Христе прославленных, было бы кощунством и святотатством с точки зрения Церкви Православной. Приятно ли и простому человеку смертному, например хоть бы тому, кто возбудил вопрос о праве иудеев именоваться христианскими именами, приятно ли ему, если иудей, не испросив предварительно его разрешения, возьмет себе его имя и родовую его фамилию и будет величать себя ими? Приятно ли ему будет, когда все, что сей иудей сделает, будет, по недоразумению, ложиться тенью на него или его семью? Затем: если признать это право за иудеями, то по какому праву мы будем отнимать его у магометан, как известно, также носящих не мало библейских имен? А там, во имя свободы совести, свободы веротерпимости и других свобод, найдем ли мы основание отрицать это право и для язычников-буддистов, огнепоклонников и др. нехристиан? Ведь еще вопрос: кто более враждебно относится к св. вере нашей, иудей ли, или язычник и магометанин? Прочтите Шулхан-арух, эту, так сказать, эссенцию, иудейской ненависти к христианам, и вы поймете, как глубокооскорбительно было бы для православной веры, для угодников Божиих, для Самого Господа нашего Иисуса Христа такое попустительство. «Мне же зело честни быша друзи Твои, Боже», – говорит Царь пророк Давид. Не тем паче ли мы должны ревновать о чести, святых Божиих? Представьте себе, что какой-нибудь иудей, заклятый враг Христа и нашей веры святой, назовет себя именем святителя Христова Николая только ради того, что так ему будет удобнее, так сказать, замешаться в толпе православных людей, чтоб удобнее их обманывать: ужели не оскорбим мы позволением носить сие имя нашего великого заступника и святителя – чудотворца? Ужели не будет даже для нас самих оскорбительным, если иудей, в своем обществе издевающийся над нашими подвижниками, будет – без сомнения только у нас на глазах – носить имя преподобного Сергия? Я не говорю уже о тех иудеях, которые возбуждают против себя массы народные своею бессовестною эксплуатацией: даже те, которые стараются показать, что они – «честные евреи», даже и они – по какому

праву будут величать себя нашими православными именами, столь для нас священными, а для них, в сущности, ненавистными? И для чего все это нужно? Нет ни малейшего сомнения, что иудеи, почти две тысячи лет не имевшие в том нужды, теперь хлопочут о том, чтобы получить законное право на то, чем иногда пользовались незаконно – для того только, чтобы, прикрываясь христианскими именами, постоянно обманывать нас, укрывать от нас свою настоящую личину. Им это нужно, иногда очень нужно. Недаром они, некрещеные, имеют в своих домах иконы православные, в своих лавках на базарах теплят лампы, даже в праздники ходят в храмы православные, благо в этом отношении царит едва ли позволительная с точки зрения церковных правил терпимость, мало того: по местам принимают к себе наше духовенство: скажите ради Бога – что это, как не личина, обман, отвод глаз для простых верующих душ? Ужели еще надо узаконивать и имена, ими похищаемые у нашей Церкви? Нет, Церковь должна крепко отстаивать святину имен святых Божиих от такого святотатства. Еще шаг, и их синагоги будут, тоже для отвода глаз наших сентиментальных бюрократов, называться синагогами князя Владимира, Александра Невского, Николая-чудотворца, Георгия Победоносца... Уже и теперь иудеям дано слишком много свободы в отношении, например, фамилий: крестится ли, не крестится ли иудей – он именует себя любой фамилией, и вот вы слышите самую русскую фамилию, вы думаете, что имеете дело с русским человеком, а он – некрещеный иудей! Мне самому приходилось обманываться таким образом: какой-нибудь Николай Григорьевич Яковлев, подавший заявление о желании взять в аренду дом или лавку, оказывался у нотариуса Натаном Гиршевичем Янкелем, и приходилось уступать его мольбам, ибо он уже внес пошлину, акт записан и оставалось только его подписать... Это ли желательно узаконить?

Итак, даже с точки зрения гражданской, не говоря уже о церковной, давать право иудеям именоваться христианскими именами нежелательно. Вспомним, что теперь у нас входит в жизнь выборное право. Убедите простого человека, что Николай

Григорьевич есть Натан Гиршевич! Раз он формально запишет себя именем христианским – он для выборщиков будет равен по правам с христианином. Если и теперь в нашу несчастную Государственную Думу попадают иудеи даже от столиц, то при новом порядке вещей будут сплошь и рядом попадать даже некрещенные иудеи от православного населения. Ужели желательно это? Ужели мало зла на Руси от нашей дряблости, от нашей сентиментальности, якобы – гуманности, от лжелиберализма? Ужели и в этом вопросе возьмет верх все тот же беспринципный принцип равенства национальностей и исповеданий, который уже так много зла принес нашей бедной родине? Мы верим, мы надеемся, что от этого нового зла спасет нас мать наша Церковь Православная в лице нашего С. Синода, дав заключение, что не только нельзя, непозволительно с ее точки зрения давать право иудеям именоваться христианскими именами, но следует подтвердить им, что за самовольное присвоение христианских имен они подлежат строгой ответственности по закону, как за присвоение чужого имени, что посему следует восстановить несколько лет назад распубликованное распоряжение, чтобы иудеи на вывесках своих торговых и промышленных заведений писали не сокращенно, а сполна свои иудейские имена... Если ведь они себя уважают, то ничего в этом унижительного нет, а русские люди будут знать, с кем они имеют дело. Пусть комиссия вдумчиво перечитает правило 8-е 7-го Вселенского Собора и толкования на него. Правило это относится к иудеям, притворно принимавшим христианство, а разве некрещенные иудеи, принимающие имена христианские, не теми же целями руководятся, как и тогдашние, и разве позволять им носить наши имена не то же, что принимать их в некое общение с нами?

Помнить надо: в наше смутное время всякая попытка иудеев к незаметному слиянию с русским православным населением есть великое зло и поблажать этому злу есть великий грех. Повторяю: к счастью для нашего народа, вопрос этот теперь в руках церковной власти, которая обсудит его уже не с одной политической, но и с церковно-канонической точки

зрения и оградит народ от новой напасти со стороны иудейского иезуитизма...

Торжество царского самодержавия и истинная свобода

I

Полвека исполнилось с того достопамятного в русской истории дня, как радостным благовестом пронеслось с высоты Престола по Русской земле Царское слово: «Осени себя крестным знаменiem, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд!». Теперь уже немногие помнят ту светлую радость, которая озарила и согрела тогда русское сердце; еще меньше остается теперь тех старцев, которые сами были тогда под бременем крепостного права, являются и доселе живыми свидетелями того быта и строя, которые теперь, пожалуй, уже непонятны для нынешнего поколения. Крепостное право не было рабством в собственном смысле, но когда помещик злоупотреблял им, то подвластный ему крестьянин обращался почти в раба. Великий подвиг совершил Царь-Мученик, уничтожив крепостное право, такой подвиг, который может совершить только Царь-Самодержец! Посему день освобождения крестьян есть праздник свободы, торжества и славы Русского Самодержавия! Никто, кроме Самодержавного Царя, не в силах был бы сделать это – по крайней мере – так мирно, так спокойно, как совершил это самодержец Император Александр II. Справедливо Митрополит Филарет говорит: «Бог по образу Своего вседержительства дал нам Царя Самодержавного»: как Бог всемогущий все творит словом Своим: «рече и быша, повеле и создашася», по подобию сего повелевает Самодержавный Царь: «быть по сему» и бывает, и никто не смеет противостать воле Царской, и творит Царь благо народу Своему, как восхощет. Нет силы, нет закона, который мог бы воспрепятствовать Самодержцу сделать добро Своему народу, кроме Его же царской воли! Русские люди! Храните как зеницу ока Царское Самодержавие! Не позволяйте ни единому отступнику, ни единому изменнику ни слова молвить против Царского Самодержавия: гоните всякого такого врага царского прочь от себя, как заклятого врага вашего,

как противника воле Божией, ибо Богом Цари царствуют, и сердце Царево только в руце Божией! Царское самодержавие есть залог нашего родного счастья, есть наше народное сокровище, какого нет у других народов, а потому кто осмелится говорить об ограничении его, тот – наш враг и изменник!

II

Есть струна в нашем грешном сердце, которая особенно в наше время до болезненности отзывчива к каждому прикосновению, это – любовь к свободе. В нашу душу Творец всемогущий заложил как лучшую черту богоподобия свободную волю, дабы сотворенный по образу и подобию Божию человек имел возможность удовлетворить благороднейшей потребности своего сердца – отблагодарить своего Творца за все блага своего бытия, повергнуть к стопам Его сей бесценный дар: «Отче и Творче мой! Ничего у меня нет своего – все от Тебя и Твое: Твоя от Твоих Тебе и приношу – приношу мое сердце, мою волю, данную мне Тобою же свободу! Хочу единой Твоей всеблагой воли, ибо Ты лучше меня ведаешь, что мне благо есть, – отрекаюсь от своей воли, чтоб жить Твоею святою волею! Повелевай и аз раб Твой, готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!» И в таком самопредании воле Бога – Творца и Промыслителя человек обрел бы блаженство свое, обрел бы ту свободу, какой и ныне жаждет сердце его. В таком блаженстве, в такой свободе пребывают ангелы Божий; такой свободы, такого блаженства достигают отсечением воли своей в исполнении воли Божией – заповедей Божиих ? святые Божии. На них сбывается слово Господа: «Аще Сын свободит вы, воистину свободни будете» (Иоан. 8, 36).

Увы! Человек предпочел послушать змея вселукавого – диавола, который оклеветал пред ним Творца, подменил ему понятие о свободе – своим, лживым ее истолкованием, самоволием, увлек мечтою «быть яко бози» и пленил в рабство греху: «Всяк творяй грех раб есть греха!» (Иоан. 8, 34). С той поры грешное сердце человека ревниво оберегает свою мнимую свободу – рабствовать греху, подозрительно относится к каждому намеку на «послушание», всякое повеление закона считая нарушением этой свободы, отрицая всякую заповедь как

насилие этой свободы. Отсюда – то свободолюбие, которое никогда, может быть, не проявлялось так болезненно, как в наше время. О «свободе» только и слышишь повсюду, о ней все заботы у наших законосоставителей, о ней кричат на страницах всех изданий, даже тех, которые должны бы напоминать и о послушании, как величайшей добродетели, открывающей путь к истинной свободе. «Свобода» всякого рода – это идол современного культурного человечества. Пользуются всяким случаем, чтоб напомнить о ней, чтоб покадить ей. Пусть это будет только исторический факт, значение которого для жизни народа недостаточно выяснено, но раз в названии этого факта есть корень любимого словечка «свобода», пред фактом уже преклоняются, его вспоминают как великое событие, память деятелей чествуют, как великих людей, как создателей счастья человечества. Что до того, что история не оправдала всех надежд, возлагавшихся в свое время на этот, тогда ожидаемый, факт? Лишь бы звучало дорогое слово «свобода», «освобождение».

19 февраля исполняется 50 лет со дня издания манифеста об отмене крепостного права. Манифест возвестил об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Этого было довольно для глашатаев разных свобод, чтобы кричать о них, восхвалять их, призывать к ним... Никто не спрашивает: а как использовали свою свободу освобожденные? Много ли пользы принесла она им, да и принесла ли еще? В том-то и дело, что тут, как и в других случаях, когда идет речь о свободе, принимается за бесспорную истину, что свобода сама по себе есть уже благо, без всякого отношения к тому, как использует ее человек. Между тем ведь слово «свобода» есть чисто формальное понятие, не заключающее в себе никакого нравственного признака, а посему свобода не есть зло, но не есть еще и добро. Все дело в том, какое содержание вложишь в это понятие. Оно требует нескольких себе дополнений, чтобы получить нравственную ценность.

Надобно поставить вопрос: свобода кому? на что? Свобода доброму человеку творить добро, свобода преступнику делать зло, свобода трудиться, свобода бездельничать и т.п. Всегда как

будто подразумевается первое: свобода на все доброе и полезное. Но почему-то это подразумеваемое как будто намеренно умалчивается. Правда, мы слышали дополнительные слова к свободе, но опять такие неопределенные, что и эти слова непременно требовали себе опять дополнительных признаков: иначе они обращались в пустые звуки, только смущающие недалеких людей. Мы слышали слова: «свобода совести, свобода печати, слова, свобода личности, исповеданий, собраний, союзов» и так без конца. Этими громкими словами прикрывалась пустота и вносилась смута в умы молодёжи, рабочих, в умы нашей полуинтеллигенции, которая всегда мнит о себе больше, чем настоящая интеллигенция – то есть люди, получившие серьезное научное образование и доказавшие свое серьезное отношение и к науке и к жизни своим христианским смирением. Те, кому это было нужно, отлично пользовались такою смутуо для достижения своих целей, ничего общего с истинной свободой и общим благом не имеющих. А люди, отуманенные этими толками о свободах, воображали себя передовыми провозвестниками наступающего золотого века, на деле превращаясь в слепое орудие врагов Церкви, Отечества и всего человечества. От их сознания тщательно закрывалось главное: что всякая внешняя свобода есть только отсутствие препятствий для деятельности, а самая деятельность, ее нравственное достоинство должно быть определяемо уже самим «освобожденным» человеком, и именно – его духовною настроенностью, стремлением его сердца к добру или злу. Ведь всегда надо помнить, что человек не умом живет, а сердцем, что ум всегда на послугах у сердца. Если сердце не находится в плену у страстей, то и ум будет искать истины по требованию сердца, и вся деятельность будет направлена в сторону добра, и свобода используется человеком для добра. А если в сердце живут страсти, то оно прикажет и уму услужить тем же господам-страстям и тогда ум будет подыскивать для слова «свобода» таких дополнительных или определительных понятий, которые оправдывали бы греховную разнузданность в жизни якобы «свободного», на деле же жалкого раба страстей.

Нужно ли еще доказывать это? В последние пять лет мы измучились душою от зрелища такой лжесвободы, такого рабства страстям, доводящего человека до состояния не только животного, но и дикого, лютого зверя. Обращаясь мыслью к уничтоженному крепостному праву, невольно оглядываешься назад, невольно спрашиваешь: лучше ли стало теперь, чем было тогда, до 19 февраля 1861 года? Увы! Свобода не использована народом так, как того желал Царь-Освободитель; вместо помещика, который все же жалел крестьян, – а многие помещики прямо были великими благодетелями-отцами своих крепостных, – на Руси царствует и властвует кабак; крестьянин не столько работал тогда на помещика, сколько работает теперь на винные лавки; народное здоровье, как свидетельствуют военные врачи, пошатнулось настолько, что пришлось принимать молодежь на военную службу с более узкою грудью; по деревням не видно домов, свидетельствующих о благосостоянии их хозяев, а если и увидишь их, то это – дома кулаков-мироедов, эксплуатирующих народный труд не хуже жида; земледелие и скотоводство упало; народный дух измельчал; народные нравы стали неузнаваемы: прежних патриархов-старцев не видно; великодушие, честность, бескорыстие, чувство долга – исчезают; все помешались на «правах», искание «правов» проникло даже в церковные отношения: готовы судиться не только с священником, но и с архиереем; любовь к родной Церкви охладела; всюду расползаются мутные лжеучения, нередко самые сумасбродные, антихристианские; пропаганда политической мерзости проникает даже в отдаленнейшие, самые глухие деревушки; о любви к Отечеству нигде уже не слышно... Разве гром грянет – русский человек еще перекрестится. Вот как воспользовались враги народа тою свободой, какую Царь дал народу для его блага, для созидания, а не на разорение Святой Руси! Конечно, не свобода тут виновата, а злоупотребления ею. Плоды этого злоупотребления налицо, и невольно спрашиваешь себя: радоваться ли в знаменательный день 19 февраля или плакать? Плакать не о крепостном праве, а о том, что и последнее, что было хорошего в те времена, уходит от нас... И

само собою как-то уходит вследствие злоупотребления свободой, да и враги наши, притворяющиеся радетелями народа, уж очень усердно стараются о том, чтобы поскорее вытравить из души народной все то хорошее, что скопилось в ней, воспиталось веками. И опять: мне нет нужды указывать, кто эти враги: их все мы видим, кто еще не ослеп, у кого есть очи, чтобы видеть. В те, далекие теперь, времена крепостного права народ оберегали их естественные попечители-помещики, а теперь – двери открыты для всякого пропагандиста, как религиозного, так и политического. Свобода! Я никогда не кончил бы, если бы стал перечислять все те последствия разных свобод, от которых вот уже шестой год стоном стонет Русская земля. В наше время надо знать и помнить, что враги человечества зорко следят за течением жизни и, как я сказал выше, ищут всячески случая поджигать народные массы, возбуждая в них несбыточные мечты о всякого рода свободах: и гражданских, и политических, и религиозных, с единственной целью – затуманив и перепутав все понятия, повести эти массы на разрушение существующего порядка, общественного и государственного, а затем воцарить на всей земле такое рабство, какого она еще не видела со дня сотворения мира. Поработив людей греху, лишив их нравственной свободы в духе, превратить затем в скотов несмысленных и повелевать ими по своему усмотрению. А потому всеми мерами должно беречь душу народную от развращения: воспитывать народ в послушании закону Христову, в чем и состоит истинная свобода духа. В сердце человека неизгладимо живет стремление к благобытию, к счастью, к блаженству: нет человека, который не мечтал бы о счастье, не желал бы его, не искал бы... Но сердце, ослепленное живущими в нем страстями, искажает в самом себе понятие об искомом им благе, и каждый видит его в том, чего жаждет его грешное сердце. Люди хотят утолить жажду вечного блаженства соленою водою временных удовольствий. Понятно, что жажда только еще более разгорается, но не утоляется. Что же может утолить ее? Только то, что соответствует природе нашего духа, сотворенного по образу и подобию Божию; только то, что отвечает заложенным в этом

духе идеалам абсолютной истины, всесовершенного добра и вечной красоты. В области истины – Божественное откровение, в области добра – заповеди Божии или всесовершенная воля Божия, в области красоты – созерцание совершенств Божиих, как в творении, так и в откровении Божиим. Се – норма человеческого счастья! И чем ближе человек к этой норме, тем он совершеннее испытывает в своем сердце это счастье, это блаженство. Уже и в ветхозаветные времена, когда учение о благодати Духа Утешителя еще не было раскрыто вполне, люди, близкие к Богу по исполнению Его святой воли, восхищались тем счастьем, тем блаженством, какое они испытывали, переживали своим сердцем, когда жили по заповедям Божиим. Возьмите священную книгу Псалтирь: там более 25 раз вы прочтете это сладостное сердцу человеческому слово: блажен, счастлив! А в Новом Завете Законоположник наш. Господь Иисус Христос, самые заповеди Свои все облек в это слово: блаженны – счастливы нищие духом, плачущие, кроткие... Ветхий Завет властно повелевает еще: делай или не делай то или другое, а Евангелие говорит: хочешь быть счастливым, блаженным – вот к тому средство: будь смирен, кроток, милостив... Так изложить закон для человеческого сердца мог только Сердцеведец и Творец этого сердца. Может ли при этом быть речь о свободе или неволе? Наше сердце ищет, просит счастья: оно и дается ему, и всеконечно приемлется свободною волею, как восприяли это блаженство ангелы Божий, никогда не нарушавшие заповеди Божией. Свободны ли ангелы Божии согрешать? Никто не отнимал у них этой свободы, но они всем существом своим изведали все благо, все блаженство в послушании воле Божией и никогда уже не захотят потерять его: их свобода только еще крепче привязывает их волю к послушанию Богу. То же должно бы произойти и с первозданным человеком, если бы он своей свободы не отдал в послушание врагу. То же совершается с каждым спасающимся христианином, по мере исполнения им, силою Божией благодати, животворящих заповедей Христовых. Сочетавая свою волю с волею Божией в исполнении сих заповедей, он не порабощает себя, а, напротив, освобождает

себя от рабства греху, укрепляя в себе господство духа над плотью, над низшими влечениями душевного человека. В нем совершается чудное сочетание его свободного произволения с всеблагою волею Божией, подобно тому как в Самом Господе и Спасителе нашем в дивной гармонии сочетавалась воля Божия и воля человеческая, с тою лишь разницей, что Он был Бог всесовершенный, а мы – чада Его по благодати. И когда мы исполняем Его святые заповеди, то не мы действуем, а Он в нас и чрез нас совершает это Своею всемошною благодатию. Понятно посему то блаженство, какое испытывает христианин, когда благодать Христова действует в нем, когда он является живым и действенным членом единого благодатного тела Христова – Его св. Церкви. И чем более он отдает свою свободу воздействию благодати, тем более ощущает в себе веяние Духа Божия и той благодатной свободы, о коей сказано: «Где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3, 17). При таком понимании христианской свободы можно ли давать большое значение внешней свободе, политической, гражданской и какой бы то ни было? И становится понятным, почему св. Апостолы так спокойно учили и о свободе и рабстве – даже рабстве – в области житейских отношений: «Рабы, повинуйтесь господам своим, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как людям» (Еф. 6, 5–7) «Каждый оставайся в том звании, в каком призван. Рабом ли ты призван, не смущайся» (1Кор. 7, 20, 21). «И раб, и господин его – оба рабы Господни, оба равны пред Господом. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа, равно и призванный свободным (господин его) есть раб Христов» (ст. 22). Одно помните: вы куплены дорогою ценою – кровью Христовою: посему не делайтесь рабами людей в душе, в совести своей, не позволяйте себе из человекоугодничества грешных дел. А за внешнею гражданскою свободою не гоняйтесь: есть она – пользуйтесь ею, нет – предавайте себя в волю Божию. Храните свою духовную свободу, свободу от рабства греху: вот это – великое благо, это – счастье и блаженство, которого никто насильем не может отнять у вас.

Вот то, что благопотребно, думаю я, напомнить народу да и самим себе, нам, пастырям, при воспоминании великого дела, совершенного волею Самодержавной Власти Царя Освободителя. Бог да ублажит и упокоит душу Его и Его сотрудников в этом деле – в селениях праведных, а нам да подаст ясное разумение как истинной свободы, так и великого блага для народа нашего в Царском Самодержавии!..

Покаемся!

Пост – время покаяния, а что в наши смутные дни нужнее покаяния? Тучи гнева Божия сгущаются над нами, а чем мы умиловим праведного Судью, как не покаянием? Наш долг – долг пастырей Церкви громко призывать всех к покаянию наипаче в великие и святые дни Великого поста. В сей мысли я долгом почел разослать по всем церквам моей епархии нижеследующее послание. Если хотя один грешник примет к сердцу мое слабое слово, то буду счастлив: ведь Господь сказал, что на небе бывает радость у ангелов Божиих и о едином грешнике кающемся – больше, чем о 99-ти мнимых праведниках, не требующих покаяния. Тем паче возрадуется сердце пастыря, когда увидит, что благодать Божия оросила его слово силою Божией, что оно пало на доброе сердце и принесло некий плод во славу Божию. Сею радостью радовался Апостол любви Иоанн Богослов, когда писал: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3Иоан. 4). Порадуются и добрые сотрудники мои о Господе – пастыри, видя овцу заблудшую, возвращающуюся в стадо Христово.

Божиею милостию смиренный Никон, Епископ Вологодский и Тотемский, возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской мир и Божие вседействующее благословение!

І

Настало время святого и Великого поста, и святая мать наша Церковь Православная раскрывает пред нами книгу великого ветхозаветного пророка Исаяи, призывающего всех грешников к покаянию. Приклоним, братие, уши сердечные и выслушаем его обличения. 26 столетий прошло с тех пор, как возгремело грозное слово его, а оно так живо и действенно, как будто писано для наших дней. Сердце трепещет, внимая ему, как будто великий пророк стоит пред нами и своим глаголом жжет наши сердца. Не к одному какому-либо грешнику обращено грозное слово его, а к целому народу, и совесть наша свидетельствует, что весь народ русский, тяжко пред Богом

согрешивший, особенно в последние годы смуты и духовной распушенности, должен благоговейно внимать обличениям пророка.

«Слушайте, небеса, внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего, а Израиль – не знает Меня, народ Мой не понимает. Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями!.. Оставили Господа, презрели Святого Израилева, – повернулись назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло».

Братия и чада мои возлюбленные! Православные русские люди! Не говорит ли вам совесть ваша, что Израиль – это мы, народ русский, народ, обремененный грехами? Как древнему Израилю, народу Божию вверено было слово Божие, то есть истинное учение веры, для того, чтобы он передал это сокровище всем народам земным: так и нам Господь вверил великое сокровище Православной веры для того, чтобы мы берегли это сокровище для всего человечества. Изменил Богу народ еврейский, сам на себя призвал клятву Божию, когда кричал Пилату: кровь Его, то есть Иисуса Христа, на нас и на чадах наших, и проклятие отяготело на этом народе, и стал он поношением среди народов земных, и потерял он и царство свое, и язык свой, и веру свою подменил суеверием, и скитается он, рассеянный по всему лицу земному, как всеми презираемый бродяга, не имея отечества... А мы – храним ли вверенное нам Богом всемирное сокровище святой нашей веры православной? Дорожим ли ею? Не расхищают ли его разные еретики и раскольники, как волки хищные в одеждах овчих всюду бродящие? Дал нам Государь свободу исповедания, чтобы не стеснять никого из иноверцев: пусть каждый по-своему Богу молится; а многие из нас бросают сокровище бесценное – веру Православную и меняют ее на ереси и расколы, не хотят знать учения матери своей Церкви, не хотят слушать Богом поставленных пастырей, идут на беседы к сектантам и лжеучителям и, слыша хулы на Церковь, смущаются,

заражаются ересями, ибо не познали еще святой истины православия во всей ее чистоте. «Вол знает владетеля своего», а чада Церкви не знают, как учит их мать-Церковь! «Осел знает ясли господина своего», а православные не могут еретику ответить: как и почему так учит святая Церковь Православная, к которой они принадлежат! Не стыдно ли это? Не грешно ли так равнодушно, особенно в наше смутное время, относиться к святому учению своей родной Церкви? А не зная учения своей веры, такие православные не могут и защитить ее и легко поддаются искушениям отпадения от веры в ереси и расколы. Не зная истинной веры, такие люди не знают и того, чего требует от них эта вера. Не знают, как надо жить по-православному. И вот какой-нибудь сектант, еретик или раскольник приходит и говорит: «Смотрите, как плохо живут ваши православные: у них и пьянство, и распутство, и ложь, и обман, и лень, и сквернословие; идите к нам, смотрите, какие мы люди трезвые, трудолюбивые, честные, как мы любим друг друга, как помогаем друг другу».... Как будто наша святая вера учит порокам! Как будто уж нельзя быть и честным, и трезвым и исполнять все заповеди Божии, оставаясь православным! Стыд покрывает лицо наше, братие возлюбленные, когда слышишь все это! Св. Церковь немолчно зовет гласом велиим: «Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас!» Ведайте, чада мои, что «вера без дел – мертва есть!» Ведайте, что говорит Господь: «Не всяк глаголяй Мне: Господи, Господи, внидет в царство небесное», а только тот, «кто творит волю Отца Моего небесного»... Церковь учит, что надо исполнять все заповеди Божий, что одно наружное показное благочестие не спасет нас... Что же мы? Слушаемся ли своей любящей матери? Увы! Немало среди нас таких, которые охотнее слушают сектанта-лжеучителя, чем пастыря Церкви. Послушайте вот, как жалуется пророк Исайя на своих современников: «Горе тем, которые с раннего утра ищут крепкого напитка и до позднего вечера разгорячают себя вином, а на дела Господни они не взирают... Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом и свет тьмою, горькое почитают сладким и сладкое горьким!» (5, 11–

20). «Беда мне, увy мне, – плачет пророк Божий, – злодеи злодействуют и злодействуют злодейски... Основания земли потрясаются, шатается земля, как пьяный, качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней...» (24, 16, 18, 20). «Увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями!.. Оставили Господа, призрели Святого Израилева!... 2600 лет прошло с того времени, как гремели эти обличения на улицах Иерусалима, но не отзываются ли они и сейчас во совести нашей, православные, как будто прямо относятся к нам? Не то же ли творится и ныне на Руси грешной? Не злодействуют ли злодейски злодеи и у нас? Не находится ли и среди нас немало людей, которые добро уже называют злом, а зло добром, тьму безбожных учений – светом, а свет Христова учения – тьмою? А таких людей, которые с раннего утра ищут водки и до позднего вечера разгорячают себя вином – не встречаем ли мы на каждом шагу? Страшно подумать, больно говорить о том, сколько зла творится среди нас! Никогда, с самого начала Руси, не было слышно на нашей земле такого богохульства, такого кощунства, какое слышали и слышат уши наши. Никогда не было такого отступничества от святой веры православной, как в наши дни. Самые ужасные пороки ныне возводят чуть ли не в добродетели, самые добродетели смешиваются с пороками и тем лишают их всякой цены в очах Божиих. Ныне пляшут и любят на безнравственные зрелища в театрах – в пользу пострадавших от того или иного бедствия. Ныне ставят памятники безбожникам. Православные люди сквернят свои руки постройкою идольского капища. Распутство стало обыденным явлением. Отбить у соседа жену, прогнать свою, нанять лжесвидетелей, чтоб развестись – да этому уж никто не удивляется. Убить, отравить, развратить, загубить душу – да об этом мы читаем в газетах каждый день. И это творится во всех слоях общества: и среди простого народа, и среди образованных людей. Полная распущенность нравов, уподобляются люди скотам несмысленным!..

И вот гремят над нами громы небесные. Потрясается земля в основаниях своих! Были землетрясения в отдаленных землях: на острове Мартинике погиб большой город с 40000 жителей,

погибла Мессина, – теперь трясется земля уже в наших русских пределах – в Се-миреченской области. До тысячи человек убитых, а сколько раненых, сколько осталось семей без крова, без пищи и одежды! Но вразумляемся ли мы? Каемся ли во грехах наших? Надвигается на нас туча черная, чума страшная, смертоносная; она уже у границ наших, тысячи китайцев и наших братии русских косит она, как сухую траву: идет человек по улице и падает и тут же умирает; соседний с нашими владениями город китайский вымер почти весь. Черная смерть никого не щадит: а мы – мы каемся ли, братья мои возлюбленные? Готовимся ли к смерти? Умилостивляем ли господа Бога? Эта смерть уже переступила наши границы, уже в нашем Владивостоке, в расстоянии десяти – двенадцати дней пути от столиц наших: что же мы? Просим, умоляем Господа о помиловании? Горе мне, увы мне, приходится повторять с пророком Божиим: злодеи злодействуют и злодействуют злодейски по-прежнему!..

Братья мои, чада мои о Господе! Вот наступает Великий пост: Господь ждет нашего покаяния. Слышите, что говорит Он устами другого пророка: «Живу Я: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших! Для чего умирать вам, дом Израилев?» (Иез. 33, 11). Поспешите принести пред Господом покаяние во всех грехах ваших! Но не на словах только должно быть наше покаяние. Спешите принести плоды, достойны покаяния, и опять повторяю: слышите, что говорит Господь чрез пророка Своего Исаию? Говорит к тем, которые лицемерно приходили в святой храм Его, молились по-фарисейски? Которые приносили и жертвы Господу, а сердце их было далеко от Господа и полно было беззакония и всякой неправды? «К чему Мне множество жертв ваших? Крови тельцов и агнцев и козлов не хочу! Кто требует, чтобы вы топтали двory Мои? Не нужны Мне курения ваши, праздничных собраний ваших не могу терпеть: собрание – и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя, они – бремя для Меня. Мне тяжело снести их, потому что сопровождаются они пьянством и другими беззакониями! И когда вы простираете ко Мне руки свои, Я

закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови! Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряное – как снег убелю; если будут красны, как пурпур – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни это говорят!» (Ис. 1, 11–20).

Что может сказать слабое слово человеческое после сих грозных, потрясающих и совесть, и сердце, и все существо человеческое, словес Божиих? Братия мои, чада мои возлюбленные! Меч Божий уже висит над нами: чума, страшная черная смерть уже косит тысячами соседей наших китайцев, уже проникла в наши пределы... Господь еще ждет нашего покаяния, еще милует, еще долготерпит нам. Поспешим покаяться, исправиться. Дадим обет воздержания от пьянства; всем сердцем возненавидим грехи блудные, грехи мерзостные. Отбросим гордость, простим от всего сердца всем, кто в чем-либо согрешил пред нами. Начнем жить по-христиански, по-православному. Будем послушными сынами святой матери-Церкви, и она помолится за нас, грешных, правосудному, но и милосердному, Господу. И тогда услышит Он молитвы наши, услышит вопли кающихся, и отвратит гнев Свой, на ны праведно движимый. И минует нас гроза Божия, за молитвы Пресвятыя Владычицы Богородицы, нашей крепкой и усердной Заступницы. И речет Господь черной смерти, моровой язве или чуме: «Молчи, престани!» И отдохнет тогда наша грешная, нашими грехами измученная Русь. И возрадуются ангелы Божии на небе нашему покаянию, нашему обращению к Богу.

Господи Боже, Спасителю наш! Боже правосудный и многомилостивый! Не вниди в суд с рабами Твоими! Отврати гнев Твой, праведно на нас движимый! Удержи меч Твой, готовый посети нас! Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою; недостойны мы милости Твоей! Но

не ради нашей грешной молитвы – ради молитв Пречистой Матери Твоей и святых угодников Твоих, наших братии по плоти – смирись над нами, прости нас и помилуй, помилуй, помилуй! Аминь.

Наше духовное сиротство и бездерзновение веры

Еще на заре христианства один вдумчивый философ-христианин сказал, что душа человеческая по природе христианка. В самом деле; отчего так тоскливо живется на свете в наши смутные, безверные дни? Не оттого ли, что все дальше и дальше улетают от нашего сознания истинные христианские идеалы? Не оттого ли, что мы все больше и больше духовно сиротеем? Оглянешься назад, вспомнишь сравнительно недавнее прошлое: Митрополиты Филарет премудрый и Иннокентий препростый – московские, Филарет милостивый, Филофей-подвижник и другие – киевские, святители-затворники Феофан и Иеремия, старцы-подвижники Макарий и Амвросий Оптинские, Варнава Гефсиманский, Иероним и Макарий Афонские, пастырь-молитвенник о. Иоанн Кронштадтский... и много-много других имен, с любовью произносимых православным народом русским. И тепло было на душе сознавать, что они с нами и мы с ними, что во всяком горе можно прибегнуть к ним, в простоте сердца поведать им свои думы, заботы и недоумения, в уверенности, что получишь у них и ответ, и успокоение. А теперь где они – сии светлые носители Духа Христова, сии светочи веры православной? К Богу ушли. А мы осиротели. Может быть, да, конечно, это так и есть: без праведников свет не стоит. Может быть, и теперь есть рабы Божии, за грешный мир молящиеся, но как-то мало слышно о них, будто не открывает их нам Господь за недостойнство наше... И грустно, и сиротливо себя чувствует православный русский человек. И душа просит общения с теми, которых уже не видно среди нас; и идешь в храм Божий, как в дом Отчий, чтобы согреть свою скорбящую, томящуюся духовным одиночеством душу: ведь там – врата небесные, там можно всегда войти в благодатное общение с теми, по ком грустит сердце.

И счастлив ты еще, русский православный человек, что там, на небе, у тебя столько родных тебе по плоти святых Божиих, которые с такою любовью смотрят на тебя с высоты небесной,

молятся за тебя, с готовностью принимают твою слабую молитву и несут ее к Престолу Всевышнего! Только не оскудела бы твоя вера, а их любовь неоскудеваема! Счастлив ты, брат мой возлюбленный, что можешь не только взирать на святые лики их здесь, но в разных уголках твоей родной Руси можешь с любовью и детской простотой припадать и к нетленным останкам их, и у подножия их выплакивать горе твое, оплакивать духовное сиротство твое!

И царственный град св. Петра не лишен благодати сей: здесь почивает святыми костями своими один из величайших печальников за землю Русскую – благоверный Великий Князь Александр Невский. Подходишь к его блистающей серебром гробнице и невольно повторяешь этот чудный тропарь: «Познай свою братию, Российский Иосифе, не в Египте, но на небеси царствующий, благоверный княже Александре, и приими моления их!».».

Повторяешь устами и сердцем, а совесть тихо шепчет тебе: но можем ли мы, теперешние русские люди, вправе ли называть себя его братьями? Познает ли он нас? Что осталось в нас сходного с ним и с теми русскими людьми, которые жили в его время и страдали с ним за родную землю? Там – беззаветная любовь и сыновняя преданность родной Церкви православной, здесь – холодное равнодушие к ее судьбам, непростительное пренебрежение к ее заветам и уставам; там – готовность умереть за святую веру православную, здесь – полный простор для всех ересей и расколов до безбожия и богохульства включительно; там – умирительно-трогательная любовь к родной матери-земле, здесь – возмутительное презрение к заветным святыням русского сердца – до измены Отечеству... И скорбно, безмолвно никнешь грешною главою у священной раки, и слово молитвы смолкает на грешных устах...

То, что творится теперь на Руси, лишает нас дерзновения веры. Как будто пришел к нам на святую когда-то Русь какой-то незримый враг всего святого, враг Божий, и сначала обманом, лестью, а потом и насилием вырывает из нашей русской души все наше родное, заветное мирозерцание, подменивает там все прежние понятия новыми, им противоположными, отравляет

нас, особенно же детей наших, каким-то страшным ядом, а мы до того обессилели, стали до такой степени духовно дряблыми, что похожи на гипнотизированных, захлороформированных, с которыми – делай что хочешь – они не станут противиться... А все же – «душа наша христианка»: все же не может она не протестовать, и сбывается на нас слово Апостола Павла: «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим. 7, 18).

Опытные миссионеры говорят: надобно снисходительно относиться к тем заблуждающимся, которые начинают сознавать свое заблуждение, и не требовать от них немедленного формального обращения в Церкви: внутренний процесс переубеждения, а главное – окончательное склонение сердца на сторону истины до решимости изменить старой вере совершается медленно: сердце не скоро и не без боли расстаётся с заблуждениями, которые в него выросли глубоко своими корнями. Вот почему один приснопамятный наставник семинарии говорил нам, ученикам еще IV класса: «Каждый юноша переживает годы, когда его мучат вопросы: что, как и почему? Счастлив тот, у кого в сердце найдется прочное основание для решения этих вопросов, у кого заложены вечные истины в его духовной природе. В минуту колебаний он опрется на это основание и выдержит напор сомнений». Знают этот закон нашего духа и враги наши, и всеми мерами стараются его использовать. Теперь все их усилия и направлены к отравлению юношества; они знают, что если мы еще тоскуем душою по старым заветам родной Руси, то именно потому, что в нас действует этот закон, имеющий себе опору в том, что душа наша по природе христианка: значит, надобно с детства вытравить из души этот закон, захватить в свои руки воспитание юношества: наполнить всю атмосферу русской жизни ядом неверия, безбожия, анархизма, внести путаницу понятий в область нравственную, а чтобы этот яд скорее принять к сердцу – источнику духовной жизни, надо всячески развращать нравственно и физически молодежь... Расчет верный, ибо от юности прилежит человеку помышление на злая по вся дни – сердце наше грехолюбиво и падко на всякую греховную

приманку. А тут еще ему доказывают, что и греха-то вовсе нет ни в чем: все-де естественно! И вот окружает нас непроглядный туман: мы задыхаемся от проповеди всяческих лжесвобод и переоценок чрез якобы «свободную» печать, которая почти сплошь состоит в услужении у наших врагов; мы пережили сердцем когда-то лучшие дни, дни, когда так было тепло на душе, будто ясное весеннее солнышко согревало нас, будто небо было над нами открыто и Отец Небесный взирал на нас, как на детей Своих... А теперь?.. Какая-то темная сила нас пленила и хозяйничает на Руси! А мы во имя каких-то принципов, в коих сами себе отчета не можем дать, не дерзаем противиться ей... Удивительное дело: на наших глазах расхищаются духовные сокровища народной души, оскорбляются народные святыни нашего русского сердца: это измученное сердце готово крикнуть: «Руки прочь, лицемеры, неверы, изменники!» Но что-то, как темное привидение, стоит пред нами и властно повелевает нам: «Молчать! это нелиберально! Ныне век свободы слова, свободы печати, свободы совести!»... Совесть, которой именно и нет свободы от бессовестности! И мы смиряемся, и молчим... А если бы и вздумали поднять голос против этого привидения – бесполезно; нас остановят во имя тех же свобод. И вот наши цензурные учреждения снимают даже наложенный уже арест с самых возмутительных книг вроде толстовского «Учения Христа для детей», а сколько духовного яда распространяется теперь по лицу родной земли, сколько кощунства, богохульства – сил нет говорить! Еще на днях «Земщина» сделала выписки из одного казенного издания столь кощунственные, что я не решусь их здесь повторять. Скажите же ради Бога: какой смысл в такой, терпимости? За что мучают наше сердце разрешением на все это? Кому нам жаловаться? Где искать защиты от этого – простите – прямо сквернословия? Изволь, русский православный человек, терпеть всю эту мерзость во имя «свободы»! Ты не хочешь видеть этого кощунства? Иудеи и их приспешники принесут тебе на дом и картинку, и газету, и брошюру, начиненные этим ядом, под твоими окнами мальчишки прокричат об этой мерзости, всунут ее тебе в руки...

Миллионы листов рассылаются по селам и деревням нашей простодушной России – кем, на какие средства – никто из нас не знает, да и знать как будто не хочет, а благодушные представители власти во имя той же свободы не смеют положить предел этому развращению народа. В школах народ развращается учителями-безбожниками, в войсках – агитаторами, в высших учебных заведениях – бессовестными профессорами, в судах – адвокатами – да скажите: где еще нет пропаганды политического, религиозного и нравственного развращения? И мы все это видим, видим и терпим – во имя «свободы»... Господи, да что же это за сумасшествие такое? На что же власти? Куда мы идем?!

И тоскливо сжимается русское бедное сердце, а там, где-то в глубине этого сердца, в святилище совести, в нашем внутреннем человеке, – прислушайтесь – кто-то тихо, ласково, но настойчиво говорит: «Не вини других – на себя оглянись». В самом деле: ведь если бы все русские люди дали себе слово – не брать в руки ни одной газеты, издаваемой врагами Церкви и родного народа, то и печатать то, на что мы жалуемся, перестали бы. Если бы ни один русский человек не ходил на те зрелища, где проявляется кощунство и поругание всего святого для нас, то и зрелища закрылись бы. Если бы русские люди не пускали детей в те школы, высшие и низшие, где их развращают, то и учащие свою безбожную и бунтарную проповедь прекратили бы. Если бы православные, любя свою веру, твердо знали учение своей Церкви и могли отражать всякую хулу на это учение, то ни один еретик, ни один раскольник не посмел бы являться к нам с своею проповедью. Истина – одна, и мы ею обладаем, она в учении нашей родной Церкви: мы виноваты, что не знаем этого учения, не заботимся вкоренять его в сердца – не в умы только, но и в сердца наших детей, отчего и происходит, что всякие лжеучители смущают их и от Церкви отторгают. Не знаешь своей веры, не можешь защитить ее: тогда по крайней мере смиришься, сознайся в своем невежестве и не ступай в споры с врагом твоей веры. А у нас – от проповеди своего батюшки из церкви бегут, а появится лжеучитель – все стремятся послушать его; а он и рад смущать

слушателей своими хулами на Церковь Божию и ее служителей! Вот теперь на улицах Невской столицы на всех углах продают открытки с кощунственным изображением Христа Спасителя, обнимающего еретика и богохульника Толстого. Смысл понятен: Церковь отлучила еретика, а вот-де Сам Христос его принимает... Не насмешка ли это над нашей матерью-Церковью? А мы, ее дети, раскупаем эту открытку нарасхват. Что ж? Жидам-издателям хорошая нажива, да и соблазн великий: врагам Церкви вдвойне выгодно. А мы только сетуем: почему власть не запретит? Да кто же нам-то запрещает гнать от своих домов таких продавцов, отплевываться от них, не брать в руки богохульной открытки?! Власть – властью, но во имя той же препрославленной свободы мы и сами должны и можем ограждать себя от соблазна. Власть отвечает пред Богом за допускаемый соблазн, но и мы не безответны за наше равнодушие, за наше «непротивление злу». Ныне в моде всякие бойкоты и забастовки: кто нам запрещает тоже «забастовать» против покупки развращающих изданий, «бойкотировать» всех этих лжеучителей, все эти развращающие зрелища, школы, и т.п.? Вот – добрая задача для всех союзов, братств, обществ, поставивших себе целью охранение святынь нашего сердца! Этою мирною борьбою со злом, нас отравляющим, мы скорее оздоровили бы нашу родину, чем жалобами по начальству, хотя и это не воспрещается.

Но мне хотелось бы просить моих читателей еще поглубже заглянуть в свое – конечно – грешное сердце. Не кроется ли там, где-то на дне души какая-то необъяснимая боязнь выступить на борьбу со злом самому, начать с себя самого? Вот пусть бы власть запретила: тогда мне легче было бы с собою справиться... Запретите спектакли накануне праздников, и мы рады будем, мы-де на них не пойдём. А то – все идут, все во время всенощных устраивают балы и маскарады: как-то неловко нам выставлять себя святошами, и негодуем, и идем... Вот запретили бы... Так и во всем. На улицах выкрикивают тенденциозное название нового изделия масонской кухни, предназначенное для нашего отравления: все покупают, любопытство подстрекает и нас... А почувствовав в себе

действие яда, одни, в ком еще не замерла совесть, «душа-христианка», негодуют на власть: зачем позволяют продавать такую дрянь? Другие, уже достаточно пропитанные ядом, смакуют новую его порцию, и только потом, пресыщенные им, ощущают такую пустоту, такую безотрадную тоску, какая обычно свойственна всем ядам духовным. Вот это-то рабство греху и делает нас бездерзновенными пред Богом и святыми Его. Мы боимся заглядывать поглубже в свою совесть, а совесть все же будит нас, все же не молчит: мы слышим ее стоны, ее жалобы, и, безответные пред Богом пленники греха, мы не чувствуем в себе дерзновения молитвы. Мы обращаемся к нашим, небесным собратиям: познайте нас, своих братии, небесные граждане! А сами в себе не видим ничего, по чему они познали бы нас... Как будто мы стали им чужие. Как будто перестали быть христианами. И давит сердце чувство тоски, сиротства, одиночества...

Но ужели нет никакого исхода из этого чувства? Ужели все нити, соединяющие нас с небом, роднящие нас с Церковью небесною, оборваны? Ужели двери покаяния затворились, и Отец Небесный отвратил лицо Свое от нас? Нет, и паки реку: нет! «Живу Аз, – глаголет Господь, – не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему». Он ждет нашего покаяния. Только было бы оно искренно, чистосердечно, без лукавства и самооправдания, с, решимостью начать новую жизнь и расстаться с прежнею навсегда! Ныне время к сему благоприятное: ныне пост – весна душам, время покаяния. Приидите – очистимся, и возрадуются ангелы Божий, видя нас возвращающихся в объятия Отчи...

С чего начать?

Святое дело – покаяние, и время к тому самое благоприятное – Великий пост. Но с чего начать?..

Вот мы до чего дожили: считаем себя христианами всю жизнь, а быть на деле христианами еще и не начинали! Значит, проснулась совесть христианская, рванулась душа-христианка к Богу и видит, что еще и шага не сделано ее к Тому, Кто давно ждет ее, зовет и влечет к Себе – с любовью выше материнской, с любовью бесконечной... Прислушайтесь сердцем к этому нежно любящему голосу: приидите ко Мне вси труждающиеся, приидите ко Мне все душою смущенные, сердцем тоскующие, приидите обремененные грехами, измученные суетой житейской: всех вас Я успокою, всем пролью в сердце мир и отраду, всем дам то счастье, которого так давно, но так напрасно вы ищите. Полно вам мучить себя подобно капризным детям, которые упорно отказываются исполнить волю родителей, хотя всем сердцем чувствуют, что именно в этой воле – их счастье, их радость: только вот смириться не хочется, сознаться в своем упорстве, в своем своеволии... Но ведайте, если не будете, как дети, если смиритесь, не сломите свою самость, то не будете способны и войти в царствие Божие.

Итак, первое, что нужно, чтобы стать христианином, это – подобно блудному сыну притчи Христовой – «войти в себя», сознать свое греховное погибельное для души состояние, свою нищету, наготу духовную, беспощадно оттолкнуть от себя всякое самооправдание, всякое саможаление и, в таком состоянии духовной скудности и худости, повергнуть себя к стопам Господа Спасителя в таинстве покаяния. Вспомните Петра, начавшего утопать в волнах бушующего Галилейского моря, вспомните его отчаянный крик с простертыми ко Господу руками: «Господи, спаси меня, погибаю!» Вот образ грешника, познавшего свое погибельное состояние. Но не отчаяние должно звучать в его вопле у подножия креста Господня, а крепкая вера, что Господь затем и пришел, чтобы грешников спасти, от них же первый есть каждый из нас. Одной капли

крови Господней было бы достаточно, чтобы искупить грехи всего мира, а ее пролились целые потоки: ее ли неостанет для омовения твоих грехов? Грехи всего мира – горсть песка, брошенная в бесконечное море Божия милосердия: твои ли грехи могут победить это милосердие?.. Лишь бы не было с твоей стороны того самооправдания, того извинения себя, какое так свойственно всякому грешнику. Ведай: чем беспощаднее будешь себя обвинять пред лицом Божиим, тем скорее выйдешь с сего суда оправданным. Нет ничего противнее Богу, как самооправдание грешника. Не щади себя, чтобы пощадил тебя Бог. Выбрасывай со дна души твоей всякую нечистоту, всякое лукавство, все то, что тревожило и тревожит совесть твою, в чем тебе так хотелось бы оправдаться пред собою, чтоб успокоить совесть: не бойся, не смущайся. Бог и без твоей исповеди видит все тайны грешной души твоей, но Он хочет, чтоб ты сам, своим добрым произволением раскрыл пред Ним гноящиеся раны твои и вот именно – в присутствии духовника, который нужен тебе как свидетель твоего покаяния, как посланец Господа, Который сказал ему: все, что ты разрешишь, будет и Мною разрешено, что свяжешь – будет и Мною связано... Да, твое произволение, твоя исповедь нужны для тебя самого. Это – потребность искренне кающейся души. Душа сама просит исповеди. Таков закон ее природы. Душа требует, чтобы яд греховный, который терзает ее в совести, был совершенно из нее извергнут покаянием. Грех – это ядовитая змея, которая не перестанет мучить грешную душу, пока ее не убьешь, не выкинешь из души с отвращением и ненавистью к этой гадине, пока не пожалуешься Богу и на себя самого, допустившего эту змею поселиться в сердце, и на грех, восприявший над твоим сердцем некую насилующую его власть, по твоему нерадению, по реченному: «Творяй грех – раб есть греха». Повторяю: не нужно Всеведущему твоих оправданий: Он лучше тебя знает, как оправдать тебя! Ему, лучше сказать – тебе самому, нужно, чтоб ты вольною волею оторвал от своего сердца, с ненавистью отбросил от себя то, что томит твою душу, мучит твое сердце. Сделай же это с детской простотой, как дитя, когда его обижают: бежит к матери,

бросается в ее объятия и изливает ей всю свою душу, все скорбное сердце. Вот с такою же беззаветной любовью, с такою же детской преданностью спеши и ты к своему Господу и Спасителю, раскрывай пред Ним все язвы души твоей, плачь у ног Его вместе с евангельской блудницей, кайся с мытарем, жалуйся на себя с блудным сыном... «Отче, согреших на небо и пред Тобою! Несмь достоин нарещися сын Твой! Милостив буди мне грешнику!..». И вот, когда ты выбросишь из своего сердца все то, что отравляло его, что терзало твою совесть, когда иерей Божий накроет главу твою епитрахилью – символом Божией милости, и изречет тебе слово всепрощения от лица Господа, когда услышишь ты сии превознесенные слова священнодействия: «И аз недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа» – вот тогда – как бремя тяжкое скатится с души твоей и вольется в сердце твое такая радость, какую испытывают только истинно кающиеся грешники. Таинство совершилось: душа очищена от грехов, освобождена от плена, враг бежал, душа, как младенец, готова всецело отдать себя Тому, Кто не отверг ее покаяния, Кто разорвал узы, ее томившие, Кто примирил ее с Собою, все долги простил, все отпустил ей! Дорожи этими святыми минутами, брат возлюбленный! Напоминай себе: чем особенно увлекал тебя грех, пленял, уводил от твоего Господа, жалуйся Господу на него, проси Спасителя твоего укрепить тебя в борьбе с грехом, когда снова он будет приставать к тебе, закрепляй в себе решимость крепко стоять против его искушений.

Вслед за таинством покаяния обычно ты приступаешь к святейшему из таинств – к Животворящим Тайнам Господним. Ты причащаешься пречистого Тела и Крови твоего Господа и Спасателя. Кто может изобразить все величие сего Таинства! Есть ли на языке человеческом слова, чтобы достойно изъяснить всю неизреченную любовь Божию, излианную к нам, грешным, в этом святейшем таинстве? Подумать только, что совершается: мы приискренне соединяемся с Господом, в нас течет тогда Его Божественная Кровь, мы – становимся плоть от Плоти Его, едино тело с Ним: Он – наша глава, – мы Его

члены... Он с нами и в нас, мы с Ним и в Нем. Кто – Он и кто – мы?.. О, несказанная Любовь Божия! Мать питает дитя свое только молоком, а Он нас – пречистым Телом Своим и пресвятою Кровью Своею. Он говорит каждому из нас: если и жена забудет дитя свое, но Я не забуду тебя! «Се Аз с вами есмь до скончания века!» Но и по скончании века, в блаженной вечности Он пребудет с любящими Его во веки веков. А если Он с нами – кто против нас? И чего не в силах мы сделать, мы немощные, силою Его? «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе», – взывает великий Апостол Христов. Все можем и мы, если пребудем с Ним. Ведь и вся цель нашего земного странствования в том, чтобы, соделав себя живыми членами тела Христова – Его Церкви, соединиться со Христом и жить с Ним единою жизнью в блаженной вечности.

Мы, священнослужители, приступающие к трапезе Господней каждый раз, как служим литургию, удивляемся: как это миряне целый год живут без причащения Божественного Тела и Крови Христовых? Мы, грешные иноки, только и живем исповедью да сим спасительным таинством. Говорю о жизни духовной: изнеможет душа, очерствеет сердце, осуетится ум – что делать тогда? Пойдешь к духовному отцу, откроешь пред ним всю душу, очистишь совесть таинством покаяния, потом причастишься святейших Тайн Христовых и вот – опять станет легко, отрадно и светло на душе, опять ободришься, духом обновишься и легко гонишь прочь греховные помыслы. Да и одни ли иноки сие испытывают? Не все ли внимающие делу своего спасения ощущают то же самое? «Святому причащению обязана я, грешная, своим духовным возрождением, – пишет мне одна добрая христианка, – почему и сподобляюсь Св. Тайн часто, почти каждый месяц. Не могу жить без пищи нетленной, животворящей, спасающей». Поистине это – Хлеб небесный, это – Чаша жизни! Вкушая от них, наша душа живет жизнью бессмертною. Поистине это – величайшее чудо благодати, совершаемое непрестанно в Христовой Церкви ее Божественною главою – Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом. Загляните в писание богомудрых отцов и учителей Церкви: там вы найдете множество свидетельств тому,

что я говорю. «Когда мы, недостойные, – говорит преподобный Исихий, – сподобляемся со страхом и трепетом причаститься Божественных и пречистых Тайн Бога, тогда сей Божественный Огонь, входя в нас, тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и прощает нам прежде бывшие грехи, а ум наш тогда освобождается от беспокойной докучливости лукавых помыслов». «Ничто так не помогает усмирению страстей и отгнанию бесов, – пишут преподобные Каллист и Игнатий, – как возможно частое, от чистого сердца и усердия приобщение святых и животворящих Тайн Христовых». «Враг души не осмеливается нанести никакого вреда тому, в ком видит пребывающего Христа», – говорит наше «Православное Исповедание Церкви Восточной». Сами бесы неволею свидетельствуют, как страшны для них Божественные Тайны Христовы. Так они принуждены были сказать преподобному Иоанну Бострскому: «Если бы вы, христиане, хорошо умели хранить то, чего причащаетесь, то никто не посмел бы подойти к вам». Вникните с благоговейным вниманием в глубокий смысл тех молитв, которые положено читать пред причащением святых Тайн. Вот св. Иоанн Златоуст умоляет Господа и говорит: «Господи Боже мой!.. Да будет ми уголь пресвятого Тела Твоего и честныя Крове Твоя во освящение и просвещение... в соблюдение от всякого дьявольского действия, во умерщвление страстей»... «Сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Тайн Твоих в потребление и совершенное погубление лукавых моих помыслов и помышлений, и предприятий и ночных мечтаний темных и лукавых духов»... Вот и святитель Василий Великий молится: «Умилосердися, Господи, и да будут ми святая сия (св. Тайны) во отгнание всякого мечтания и лукавого деяния и действия дьявольского, мысленно в удесех моих действующего»...

Такова благодатная сила святейшего Таинства причащения Тела и Крови Господа нашего. Истинно слово Его: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь иматъ живот вечный. Аминь, аминь глаголю вам: аще не снесте Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе» (Иоанн. 6, 56, 54,

53). И сего-то святейшего Хлеба жизни люди лишают себя по целому году, – я не говорю уже о тех, которые не говеют по несколько лет: какие же это христиане?! И еще жалуется иной: никак не слажу с собою, не могу одолеть греховных влечений! Да разве человек сможет сделать это без всесильной помощи Господа Спасителя? Разве может христианин жить в удалении от Христа? Разве может приносить плод ветка, отсеченная от дерева? Ведь если мы и делаем какое добро как христиане, то не мы делаем его, а Христос в нас и чрез нас Свои же заповеди исполняет. Так как же мы хотим исполнить их – без Него?

Вот, други мои, причина, почему мы так ослабели, так духовно изнемогли, что не в силах бороться против волн бушующего моря житейского. Мы – одиноки, мы забыли Того, Кто один может держать нас за руку и присно говорит сердцу нашему: маловере, почто усум-нился еси? Кто может рещи и волнению морскому: молчи, престани! Чьего Имени трепещут демоны, Кому послушна вся тварь! Мы постоянно двоимся, хотим служить и Богу, и миру, а Бог не терпит такой двойственности: не можете работати Богу и мамоне, говорит Господь наш! Не можете делить свое сердце пополам! Хочешь быть христианином – имей же наконец мужество быть таковым на деле, а не на словах только! Вот ты поговел, очистил свою совесть исповедью, соединился с Господом, приял Его в свое сердце, в свою душу: не разлучайся же с Ним, не изменяй Ему! Как иногда немного нужно мужества, чтоб остаться верным Ему! В самом деле: много ли нужно мужества, например, чтобы отказаться от бала или театра под воскресный или праздничный день и пойти вместо того ко всенощной службе Божьей? Ужели много нужно усилий, чтобы в праздник не проспать – по крайней мере обедни?

Ужели у наших женщин и девушек-христианок, если они христианки не по имени только, неостанет твердой решимости и силы воли, чтоб отказаться, осудить, отбросить с негодованием хотя бы эти несносные смешные головные уборы, которые теперь так их безобразят, превращая в каких-то черкесов в папах или заставляя их носить на голове целые гнезда мертвых птиц? И не возмутительно ли, что эту

мертвечину, эту, говоря простым языком, падаль они дерзают вносить в храм Божий, откуда по канонам церковным следовало бы их гнать, яко оскверняющих Божий храм, а храм освящать, яко оскверненный падалью? А эти шпильки в несколько вершков – что это, как не оскорбление храма Божия? Не подобает ли изгонять вон из храма таких модниц, напоминая им словеса Божий, сказанные пророком Исаией: «Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои?» (Ис. 1, 12). Господи, до какой суетности доходят те, которые дерзают носить имя Твое на себе! Стыдно пред раскольниками, пред сектантами, у которых женщины скромно покрывают свои головы платочками, когда являются в молитвенное собрание... Говорить ли дальше?

Много ли нужно мужества, чтоб отказаться от лишнего наряда и вместо того прикрыть наготу сиротки одинокого или помочь вдове многосемейной? Скажу даже: в наше скорбное, можно сказать, траурное время, когда со всех сторон собираются над нами тучи гнева Божия, это сделать легче, чем в другое, мирное время. Есть причины, которые не только могут оправдать ревнующих о благочестии, но и пристыдить, увлечь примером нерадящих о своем спасении. Ведь надо же хотя перстом двигнуть, чтобы показать, что мы еще христиане! Ужели мы до того омирщились, до того стали рабами суеты и моды, что и этого не в силах сделать? Ужели стыд, ложный стыд – быть не такими, как сыны века сего, стыд прослыть в среде неверов «святошами» – сильнее любви ко Христу, к Его св. Церкви, сильнее голоса Ангела-Хранителя, голоса совести, долга христианского? Тогда какие же мы христиане? Как мы смеем называть себя сим священным именем?..

В моей совести звучат слова Господа, изреченные за 2300 лет до нашего времени чрез одного из великих пророков: «О тебе, сын человеческий, сыны народа твоего разговаривают у стен и в дверях домов, и говорят один другому, брат брату: «Пойдите, послушайте, какое слово вышло от Господа». И они приходят к тебе, как на народное сходбище, и слушают слова твои, но не исполняют их, ибо они в устах своих делают из этого забаву, и вот ты для них как забавный певец с приятным

голосом и хорошо играющий: они слушают слова твои, но не исполняют их» (Иезек. 33, 30–32). Не то же ли происходит и с нашею проповедью, с нашими пастырскими беседами, поучениями? К нам, проповедникам, приходят послушать, как ходят на концерт, в театр; бывает, что и умиляются нашим словом, но как только вышли от нас, так и забыли то, что слышали... Душа болит, когда сознаешь эту бесплодность проповеди, это удивительно равнодушное отношение нынешних христиан к делу своего спасения!

Но не быть же нам и отступниками от Христа. В нас еще не совсем погасла совесть. Надо возжигать этот светоч божественный. Пусть он горит и светит нам все ярче, все животворней! Вот он ярко осветил наше сердце, все наше духовное существо, во дни говения. Не давайте же ему гаснуть. Поддерживайте этот священный огонек. Чем, как? Прежде всего – ежедневною молитвою. Увы, я знаю, что многие, считающие себя образованными, именующие себя православными христианами, не только не читают, но и не знают всех утренних и вечерних молитв! Дай Бог, чтоб из тех, кто будет читать эти строки, не было ни одного такого! Таким, именуемым православными, все некогда, все недосужно – им, видите ли, минута дорога: когда тут молиться – дела ждут! Вот если целые часы терять на празднословие, пересуды, чтение печатных простынь – это нужно, на это тратится половина жизни... А с Господом побеседовать, с святыми Божиими – времени нет, досуга нет! А хотим, чтобы Господь нас миловал, благословлял труды наши, сами же не хотим понудить, – как скорбно мне произносить это слово: понудить себя вместо того, чтобы сказать – иметь счастье – с Отцом Небесным побеседовать, Его благословения себе на грядущий день. Его покрова на наступающую ночь испросить!.. Положим же за твердое, неотменное правило: читать, утром и вечером хотя по три молитвы: ведь на это только несколько минут нужно будет уделить. Садясь за обед и ужин, принимаясь за дело, хотя крестным знаменем себя ограждать, хотя мысленно к Богу обращаться. Видите, для начала христианской жизни надо же поставить себя в присутствие Божие, а это и совершается чрез

молитвенное обращение к Богу. Надо заставить себя делать это, приучить себя, сделать это насущною потребностью сердца. Ужели и на это воли неостанет? Ужели и тут ложный стыд нас удержит? Как же после этого требовать, как желать и ожидать, чтоб совесть наша не погасла?

Другим средством к поддержанию в себе духовной жизни служит ежедневное чтение или слушание слова Божия. У всех ли православных есть в доме Священное Писание? Мне как-то стыдно и больно ставить даже этот вопрос: ведь у протестантов и других инославных христиан Библия – настольная книга. Ее читают там каждый день. А у нас – увы – во многих домах не только Библии, но и Евангелия и Нового Завета не найдешь! Горькую правду говорю! Между тем в слове Божиим – великая благодатная, животворящая сила обитает! Ведь словом Божиим мир сотворен, словом Господа мертвые вставали из гробов; ведь это всемогущее слово заключено в книгах священных, оно – пред нами, стоит только взять священную книгу в руки, с благоговением и молитвою, оградив себя крестным знамением, раскрыть ее, и Дух Божий, вещавший чрез пророков и апостолов, заговорит с тобою, и душа почувствует Его веяние, и в сердце западет благодатное семя. Кто знает? Быть может, та святая мысль, которая упадет добрым семенем в твое сердце, охранит тебя в наступивший новый день твоей жизни не только от греха, но и от великой опасности, тебе угрожающей, но тобою непредвидимой. Быть может, это слово благодатное принесет и плод по роду своему и послужит началом доброго, дела, доброго настроения, началом новой благодатной жизни. Не напрасно св. Отцы советуют каждый день полагать начало благое. Не напрасно об этом учит молиться и св. Церковь в вечерних молитвах. Почитайте жития святых и вы увидите, какие чудеса в нравственной жизни совершались словом Божиим, его чтением или слушанием. Господи! А нам, грешным, все некогда и с тобою-то, нашим Творцом и Спасителем, побеседовать! Вот газеты, издаваемые врагами Твоей Церкви, другое дело: мы хватаемся за них еще в постели... А для того, чтобы внять сердцем глаголу Твоему, у нас и минутки в день не найдется... Изнывает душа-христианка от тоски по Господу, это

мы если не сознаем, то ощущаем – в той пустоте духовной, в холодности ко всему, что чувствуется сердцем, – а мы не хотим уделить минут пять-шесть утра, чтоб освятить свой ум, согреть свое сердце, укрепить свою волю – чтением слова Божия! Ну какие же мы христиане?

Но и молитва, и чтение слова Божия недостаточны для духовной жизни: нужно эту жизнь поддерживать и непременно исполнением заповедей Божиих. Эта жизнь, как я сказал, подобна огоньку. Благодать зажигает этот огонек в сердце, а мы должны подливать маслица в сию священную лампаду. Каждое доброе дело, сделанное нами во исполнение заповеди Господа нашего, и есть это маслице в лампаде нашей совести, нашей духовной жизни. Ведь не мы делаем добро, как я сказал уже, а Сам Христос чрез нас. Сделал ты добро – Христос его сделал. Христос прикоснулся к тебе, соделал тебя, так сказать, орудием Своей жизнедеятельности на земле. Ведь ты – член тела Его – Церкви. Вот теперь ты стал живым членом сего тела. В тебе проявилась жизнь Христова. И в твоём сердце ты не можешь не ощущать этого. О, если бы мы больше делали добра во имя и от имени Христова! Какое счастье ощущали бы мы в совести нашей, какой небесный мир обитал бы в сердце нашем! Мы сами себя лишаем сего мира, сей радости, о Господи, радости добродетеля. А ведь это счастье всегда к нам так близко! Хотя бы ради этой радости, коей мы в сущности недостойны, коей и искать нам не подобает, – хотя бы ради этого духовного утешения мы понуждали себя делать добро! И ближе всего дела милосердия христианского, творимые по заповеди: да не увещайца, что творит десница твоя. Вот первое дело милосердия: простить, забыть, из сердца выкинуть всякую обиду, какую нанес нам ближний наш. Скажите: легко ли это? Да, не легко, если злое чувство вросло в сердце, если оно грызет совесть, как змея. Но ужели это угрызение совести, эта мука адская приятнее чувства любви и всепрощения? Ужели лучше носить змею в пазухе, чем выкинуть ее? Я укажу вам, по руководству св. отцев, учителей жизни духовной, верное средство умиротворить и себя, и врага своего: это – помолиться за него, сделать для него какое-либо благодеяние. Помолиться не

только дома, единолично, но призвать и Церковь на помощь: подавать за врага просфоры на божественной литургии, вынимать частицы на проскомидии... А благодетельство оказывать врагу так, чтоб он не знал, откуда идет оно. Попробуйте это могущественное благодатное средство и вы увидите воистину чудо: в вашем сердце растает злое чувство ко врагу и затеплится чувство любви; вы каким-то чудным образом увидите, что не он, а вы виновны в своем с ним столкновении, заметите, что и в нем происходит перемена: при встречах с вами он не уклонится от вашего приветствия, он подаст вам руку, он заговорит с вами... Велика сила Божией благодати, действующей в нас и чрез нас, еще мы восхощем того! Но не врагам только благотворите, а и всем, кто нуждается в вашем благотворении, всем, кого укажет вам ваша совесть, руководимая Ангелом-Хранителем вашим. Понуждайте себя на дела милосердия: в них великая сила, содействующая помимо воли нашей сердце наше милующим, а следовательно, чувствующим и в себе милость Божию. И в сем есть тайна: твори добро и забывай, что творишь: твори добро и благодари Того, Кто в тебе и чрез тебя творит его. Твори добро и прячь его от себя самого: да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя! О, если бы мы тратили на такое добродетельное дело хотя только то, что тратим на свои удовольствия! Пусть человек состоятельный откажет себе в удовольствии быть в театре и употребит эти деньги на помощь сиротам. Пусть добрая христианка откажется от лишних нарядов и подумает, что она могла бы отдать от своих избытков бедноте, которой везде так много, или на украшение убогого храма Божия. Пусть даже простой поселянин, фабричный рабочий, ремесленник поставят правилом хотя половину того, что они тратят на водку, отдавать Христу в лице бедных собратий своих, и Христос молитвами сих бедных поможет им совсем оставить спиртные напитки и благословить их труды. Пусть даже дитя откажется от лакомств, от игрушек в пользу деток-сироток. Ведь и дети должны жить христианскою жизнью. Ведь в детстве-то и надобно закладывать в них прочные устои добродетельной жизни. Пусть детское сердце – оно ведь так восприимчиво – пусть оно познает

сладость самоограничения во славу Божию, во имя любви христианской. Ведь я не призываю к великим подвигам, к самопожертвованию, а предлагаю вам только млеко животворящего Христова учения, а не твердую пищу. Вкусите и видите, яко благ Господь! Я призываю вас к свободе, к истинной свободе от греха, – ныне же времена всяческих свобод! Освободите себя во имя Христа, Освободителя душ наших, от этого рабства миру и его бессмысленным обычаям, привычкам, приличиям! Дайте вздохнуть свободно душам вашим, измученным в этом плену житейской суеты! Познайте опытом сердца сладость это» свободы во Христе! Во дни покаяния вы стоите к ней ближе, чем « когда-либо в другое время. Пост – весна душам. Пусть же благотворное и животворящее веяние Духа Божия коснется сердец ваших. Пусть оно пробудит в них зачатки духовной жизни. Пусть эта жизнь пустит ростки, и мы начнем – да, начнем быть христианами, если досель только назывались таковыми. Помнить надо: время сокращенно есть прочее и суд Божий близко... Грехи человеческие умножились, как никогда, и вопиют на небо. Не медлите же обратиться к Господу – вы, имеющие счастье именовать себя чадами святой матери Церкви Православной!

Светлая радость Воскресения Христова. Христос Воскресе!

Яко воистину священная и всепразднственная сия спасительная ночь и светозарная, светоносного дне востания сущи провозвестница...

Если бы смертному человеку дано было подняться в высоту небес и оттуда созерцать, что творится на Русской земле в сию священную и спасительную полночь, то пред его взорами открылось бы чудное зрелище. Тихо спустилась на землю темная весенняя ночь. Смолкла суета земная, все будто притаилось, в ожидании чего-то великого, таинственного... И вот там, где-то на беспредельном пространстве далекого Великого океана, наступает полночь; она надвигается на пустынные берега нашей Камчатки и Сибири, и тут, в этих редко разбросанных селениях, где только имеются храмы Божий, зажигаются огоньки, будто звездочки падают с небес, начинается торжественный звон небольших колоколов сельских церквей,— полночь быстро движется от востока к западу по необъятному пространству Сибири: за нею будто светлый поток течет по лицу родной земли, этот свет пасхальных огней, этот торжественный, победный звон... Вот полночь перешагнула Урал, а за нею широкою волною светлая радость Воскресения залила всю Русь... Гудят тысячи колоколов, горят миллионы огней, десятки миллионов православных русских людей ликуют духом в тысячах храмах Божиих: настал праздников праздник – Светлое Христово Воскресение! Вся ночь проводится народом в храмах Божиих, встает радостное весеннее солнце и будто само ликует и радуется, и играет лучами своими, пробуждая всю природу все к той же всемирной радости о Воскресшем Спасителе мира...

Дивная картина! Чудное зрелище!

Небо спустилось на грешную землю и освятило ее, и земля стала небом: Христос воскрес!

Нигде в мире так светло не празднуется Воскресение Христово, как в Церкви Православной, и нигде так поэтично, так

трогательно не выражается эта радость праздника, как на Святой Руси. У христиан Запада праздник праздников – Рождество Христово: у нас – Светлое Христово Воскресение. Да так и быть должно. Ведь если бы Христос не встал из гроба, то тщетна была бы и вера наша, как говорит Апостол Павел; мы были бы несчастнейшими из людей. Но воскрес Христос, и – все исполнилось света, все обновилось, все ликует победу над смертью, торжествует мир с Богом, с небом, и льется благодатный мир и светлая радость по лицу всей земли...

Но особенно светло, живым ключом бьет эта радость небесная в храмах Божиих. И праздничное убранство храма, особенно же престола Божия, и отверстые в продолжении все седмицы врата царские, и благоухание фимиама, и многое множество горящих свечей и разноцветных лампад и эти ликующие, дышащие святым восторгом лица молящихся, и эти неподражаемые,, возвышенно поэтические песнопения пасхального канона – все это в совокупности переносит нас в ту вечноблаженную жизнь, которая настанет в последний день мира после онаго превозделенного призыва: Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царствие, уготованное вам от сложения мира... Даже воспоминание о грехах не смущает души: ведь св. Златоуст и грешника успокаивает: «Никтоже, – говорит он,– да плачется прегрешений: прощение бо от гроба возсия». Так глубока, всеобъемлюща, так светла и животворна радость Воскресения: Христос воскрес!

И тысячи раз повторяются эти два сладостные, поистине животворящие слова: Христос воскрес! И отовсюду слышится радостный отклик на них: Воистину воскрес!

Хотите ли, братие, чтоб эта радость не прекращалась, чтоб она хотя малым лучом озаряла ваше сердце, согревала вашу душу – всегда, во все дни вашего земного странствования? Чтоб она разгоняла этот холодный мрак современных настроений, была залогом той радости, какою возрадуются праведники, когда просветятся яко солнце во царствии Отца небесного?

Не уходите от Христа Жизнодавца. Держитесь за Него, идите за Ним, исполняйте святую волю Его. В Его святых

заповедях – жизнь, свет,, вечная радость. Ведь Он Сам сказал Своим Апостолам: «Прииду к вам, и узрю вас, и паки возрадуется сердце ваше, и радости ва-шея никтоже возьмет от вас». Он Сам приветствовал всех по воскресении Своем сим всерадостным словом: радуйтесь! Делитесь же своею пасхальною радостью с теми, кто не может радоваться полною радостью. Радость есть благодатный огонек в сердце: огонек не убавится, если от него зажигается другой светильник: от сего будет еще светлее, радость только умножится в вашем сердце, если вы будете радовать других... Порадуйте же ради Светлого праздника тех, кто нуждается в вашем участии! Порадуйте сироток, вдовиц, бедняков – и сами вы будете радоваться сугубою радостью о воскресшем Господе и Спасителе, и сей светлой радости никтоже возьмет от вас! Христос Воскресе!

Тонкая отравка язычества

Признаюсь откровенно: я перестал, потому что устал, удивляться тому, что творится у нас на православной Руси... Хочется уверить себя, что все это – тяжелый сон, кошмар, что вот-вот проснешься, и он рассеется, и утреннее солнышко приласкает тебя своими теплыми лучами, но время идет, а кошмар становится все тяжелее, все мучительнее для сердца... Боже милосердый! И будет ли просвет, проглянет ли красное солнышко, прояснится ли над Русью ныне столь мрачный, а когда-то чистый, светлый небосклон?..

От времени до времени я имею счастье – да, именно счастье получать письма от нашего святителя – апостола Японии Архиепископа Николая и всегда поражаюсь его светлым настроением, всегда отдыхаю душой, читая его жизнерадостные письма, и думаю: что это значит? Вот человек живет среди языческого мира, в стране, где царит идолопоклонство или открытое безбожие, а он так благодушен, так полон упования на Бога, светлых надежд на будущее... Отчего же нам все кажется в таком мрачном цвете, будто конец миру близок, будто все рушится вокруг нас?

В ответ на эти мучительные вопросы напрашивается мысль: да не обманываем ли мы самих себя? Мы ведь все хотим уверить себя, что если наша Русь именуется страной православною, то она и в самом деле такова, что и законы ее построены на православном мирозерцании, что и жизнь ее в общественном, государственном и особенно церковном смысле в общем течет по руслу, исторически проложенному нашими предками в духе родного нашего православия; мы забываем, что с недавнего прошлого наша Русь сдвинута с своих вековых оснований, что ее повели по новым, неведомым ей дотоле путям, и на этих путях, Божиим попущением, за грехи наши, мы попали в полосу туманов, где стали меркнуть светлые наши православные идеалы, от коих мы стали уходить, а взамен их появились чуждые нашему духу призраки языческих воззрений... И вот они охватывают нас со всех сторон; они

врываюся даже в ту область, где уж никак нельзя было бы их ожидать... И мы как-то теряемся, недоумеваем, негодуем, отбиваемся от этого кошмара и страдаем душою... Попытаемся на минуту – не примириться! тут мир невозможен, а просто признать за факт, что тонкое язычество как бы пронизало всю окружающую нас духовную атмосферу, что им заразились даже те, которые именуют себя, и притом – сознательно, православными, не сознавая в себе этого заражения; попытаемся, говорю, признать этот ужасный, – да, поистине ужасный факт некоего отступничества нашей интеллигенции от заветов веры и матери-Церкви, и тогда нечему будет удивляться: останется только плакать и скорбеть, скорбеть и все усилия наши направлять к тому, чтоб рассеивать мглу язычества вокруг нас. Наши братья потеряли дорогу, но мы-то ее видим, знаем, – так вот и будем неустанно призывать заблудившихся вернуться на этот путь. И если хоть одна душа услышит наш призыв, если откликнется, вернется – вот и будет для нас радость вдовицы, обретшей потерянную драхму. Не этою ли радостью живёт душа святителя-миссионера в далекой языческой Японии при обращении ко Христовой вере язычников? Не этой ли радостью постоянно сияло лицо незабвенного старца о. Иоанна Кронштадтского, да и всех старцев Божиих, свидетелей покаяния грешных душ?

Правда, есть у них другая, постоянная причина радостного настроения: живут они в Боге и с Богом, всецело служат Богу единому, а Бог ведь и есть весь – радость, весь – любовь... Где светит солнце, там птички радостно поют свои песни в выси небесной, какая бы грязь ни была внизу под ними на земле: где душа чувствует Бога, там никакой мрак и смрад чужих пороков не нарушит внутреннего мира души, пребывающей в Боге. Это и есть то, что говорит Господь наш: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21) и что поясняет Апостол Павел: «Царствие Божие есть праведность, мир и радость во Святом Духе». (Рим. 14, 17). Это и есть то, чего недостает нам, грешным, без чего так грустно и мрачно живется на земле. Вот мы прежде всего и должны заботиться об очищении своего сердца, чтобы там нашлось место этому миру, этой радости и праведности во

Святом Духе. Слава Богу и за то, что мы видим путь к сему, что можем и другим указать этот путь из мрака окружившего нас со всех сторон язычества: этот путь – один: жизнь в Церкви, в самом тесном единении с нею. Ведь чем больше опасность для детей, тем теснее они прижимаются к матери; чем больше опасности для верующих, тем неразлучнее они должны быть с матерью Церковью. К сему и должны мы звать наших собратий.

Наш призыв должен быть обращен прежде всего к тем, которые еще не совсем порвали своих связей с Церковью, которые еще не стыдятся называть себя православными христианами, но которые уже вошли в область языческой мглы, нас окружающей, и начинают сбиваться с пути... Таким-то вот и хочется крикнуть: братья, берегитесь! Враг близок, он хочет обмануть вас!..

Недавно в одной патриотической газете мы прочитали заметку какого-то «волковыского черносотенца Парфения Юрчука», который в простоте своей рекомендует, а газета, издаваемая почтенным борцом за Церковь, печатает эту рекомендацию – орудия борьбы с тайными и явными врагами Союза Русского Народа – откуда бы вы думали? Из спиритического журнала «Спиритуалист». На простой взгляд православно верующего, что могло бы быть общего у православия с сатанинским учением спиритизма? Мыслимо ли для верного сына Церкви входить в какое-либо сношение, даже просто – принимать к сведению спиритические сообщения? По учению Церкви все это учение есть погибельная прелесть бесовская, всякое прикосновение к спиритизму и его последователям грозит великою опасностью, оскорбительно для Духа Святого, может быть губительно для души. Но вот, по видимому, и Парфений Юрчук, и почтенная редакция патриотической газеты этого и не подозревают и признают возможным позаимствовать некий свет из сообщений этой области тьмы... Как не крикнуть им: братья, берегитесь! Помните слова Апостола: «Сам сатана принимает вид ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды, но конец их будет по делам их» (2Кор. 11, 14, 15). «Что общего у света со тьмою? Или какое согласие

может быть между Христом и Велиаром?» (6, 14, 15). Почитайте жития святых: там вы найдете множество примеров, как сатана обольщал подвижников ложными чудесами, как он обманывал их бдительность ссылками на Св. Писание (ведь и Самого Господа нашего он так же пытался обмануть!), а в писаниях даже современных нам подвижников можно найти рассказы и о том, как враг рода человеческого открывал тайны людские, чтоб сделать им прельщенных людей якобы пророками и провидцами... Я побеседую с читателями «Троицкого Слова» особо о том, что такое в своей сущности спиритизм; теперь скажу одно: вне всякого сомнения, с точки зрения учения христианского это – бесовская прелесть, просто говоря – колдовство, запрещенное еще в Ветхом завете под страхом смертной казни, и тем виновнее, непростительнее – в новозаветные времена. Понятно, что занятие спиритизмом должно быть приравнено к богоотступничеству.

Нужно ли говорить, как неразумно делает газета, помещая заметку г. Юрчука? Какой соблазн вносит она в души православно верующих? И вот я получаю письма, в коих сии верующие просят меня «высказаться в печати по сему поводу, дабы оградить души, готовые поддаться соблазну». Справедливо говорит один из моих читателей, что «если стать на этот путь, то легко прийти к убеждению в желательности получения советов от медиумов на спиритических сеансах по всем вопросам не только политической, но и духовной жизни». В самом деле: если не грешно спросить медиума о том, как примирить с собою политических противников, то почему же не спросить о том, как вообще достигнуть царства небесного? А тогда – зачем и Церковь, и ее пастыри, на что и слово Божие, и все писания богомудрых отцов и учителей Церкви, и весь опыт духовной жизни, скопленный Церковью на протяжении почти двух тысяч лет?..

Так должно думать по поводу упомянутой заметки по принципу. Сделаю несколько замечаний в отдельности.

Заметка говорит: «В высокой степени ценное указание получено (откуда? По нашему мнению, надо полагать – из преисподней!) одним из серьезных московских

спиритуалистических (спиритических?) кружков». Автора как видите, полагает, что спиритизм есть нечто «серьезное» в научном смысле: выше я уже сказал, как он в этом глубоко ошибается, принимая за «науку» прелесть диавольскую.

«Медиум, – говорит он, – настаивая на возможно частом приобщении св. Христовых Тайн и указывая те неисчислимыя благодаяния, которые изливаются на лицо, обновившееся чрез это таинство (перечисляются сии блага), между прочим обратил особенное внимание на следующее обстоятельство, о котором совершенно ничего неизвестно и в духовной и светской христианской литературе: каждый, вспоминая в высокий момент принятия св. Христовых Тайн одно или несколько имен отшедших, доставляет им чрезвычайно высокое облегчение, и, образно выражаясь, как бы сопричащает их с собой св. Христовых Тайн».

Остановимся на этом. Автор, видимо, хочет указать на какое-то открытие, идущее из области спиритизма, открытие, если оно верно, имеющее-де громадное значение в духовной жизни христиан. То, о чем идет тут речь, так запутано, что необходимо разобраться: есть ли тут открытие и что в этом сообщении имеет тень истины, а что – примысел от лукавого. Кто имеет мои «Троицкие Листки», тот пусть прочтет № 288 под заглавием «Как помочь усопшим братьям?». Там я даю совет, предлагаемый Церковью: приносить бескровную жертву за почившего, а при этом – и сам помолись, попостись, очисти и свои грехи таинством покаяния, соединишь и сам со Христом в причащении Его пречистого Тела и Крови... принеси Господу в молитве свое смиренное сердце, как жертву умиловления за усопшего: тогда благодать Божья непостижимо таинственным образом расположит к теплой молитве за него и служителей Церкви, и всех молящихся – и самую Церковь небесную, всех святых Божиих, и Господь примет твою молитву, примет Жертву бескровную, Церковь за усопшего приносимую, омоет грехи его пречистою Своею Кровию, в которую опускается частица, вынутая в память усопшего, и в сем уповании ты обретешь небесное утешение и выйдешь из храма Божия, будто повидавшись с усопшим, соутешившись с ним собеседованием!

Как видит читатель, мысль об общении с почившими посредством молитвы и причащения св. Тайн Христовых – не новая мысль, не открытие кого-то, а то, чему всегда учила Церковь; но обратите внимание на самую постановку дела в учении Церкви и в сообщении медиума: Церковь удит, что молитва, как кровь Церкви, как проявление жизни Церкви в деятельной любви неумирающей, будучи сама возгреваема и возжигается любовью Главы Церкви Христа Спасителя в нас, земных Его членах, подвигает и любовь Божию касаться благодатию спасающею немоществующих членов Церкви, в иной мир отшедших, очищая их и делая способными к восприятию жизни вечной. Здесь главным деятелем является не то лицо, которое причащается св. Тайн, а вся Церковь, с своею Вечною Главою – Господом Иисусом, а молящийся за почившего является в своем собственном сознании «первым из грешников», дерзающим во имя любви прибегнуть к молитвам Церкви за близкого ему человека. А в сообщении медиума центром является то лицо, которое причащается и вспоминает имена: дело представляется как бы совершающимся механически, с необходимостью химических или физических законов... Подходя к св. Чаше, вспомни, перечисли имена отшедших, и дело сделано: ты причастил их св. Тайн с собою. Справедливо пишет мне один мой читатель, что при таком механическом, так сказать, взгляде на дело причастник будет подходить к св. Чаше не столько помышляя о своем недостойнстве, сколько заботясь о том, чтоб не забыть имена своих близких, и, кто знает, может быть, не без тайной горделивой мысли о том, что он-де помогает участи усопших. Не кроется ли в этом случае у руководившего медиумом «духа» тайного желания – отвлечь причастника от самого себя и развлечь его мысли припоминанием имен усопших, а может быть, если причастник женщина, то и каким-либо усилиями воображения?.. Хитер враг в деле гибели нашей!

Но продолжаю выписку из заметки г. Юрчука. Переходя к живым, медиум применяет те же рассуждения и к ним: «Поминая имя кого-либо из живых, – говорит он, – причащающийся способствует тому же самому таинственному

благотворному воздействию яа дух, душу и жизнь воспоминаемого лица, которое в этот момент воспринимает все благотворные последствия этого великого таинства. Но этого недостаточно. Если это лицо обуревается неверием и не имеет видимой склонности проникнуться глубокой верой, благодаря чудному воздействию великого таинства, оно последовательно возвращается к утраченной вере. Если же это лицо питает враждебные чувства к тому, кто понимает его в момент восприятия великого Таинства, эта вражда, как огонь, обильно политый дождем, утрачивает свою интенсивность; и путем последовательных поминовений можно совершенно уничтожить эту вражду».

Здесь уже ясно проводится учение о перенесении плодов божественного Причащения с одного лица на другое, а отсюда не трудно вывести заключение и о возможности замены одного лица другим в св. Таинстве... То благодатное воздействие, которое Церковь приписывает благодати Божьей в силу молитвы самой церкви, чрез принесение бескровной Жертвы, приписывается в учении медиума внешнему акту принятия св. Тайн лицом, поминающим своего врага или вообще того, кого причастник поминает в момент причащения. И в этом случае я попрошу моего читателя прочесть мой же «Троицкий Листок» № 55 дополнительного счета: «Как молитва Церкви делает из врага друга». Частое, почти ежедневное поминовение врагов на проскомидии, с вынутием за них частиц, опускаемых, при совершении литургии, в кровь Господню, – поминовение, истекающее из всепрощающей любви к сим врагам, соединяемое с личною смиренною молитвою поминающего – вот что может сделать из врага друга. Только непременно условие при этом: ищи в самом себе, в собственном сердце причины разлада и вражды, а если не находишь – усердно проси у Господа даровать тебе зрение грехов твоих, пока наконец совершится это и ты убедишься, что виновен не твой враг, а именно ты: тогда действительно совершится чудо в твоём сердце: погаснет вражда, а затем погаснет она и в сердце твоего врага, и вы станете друзьями. Видите: не самый акт Божественного Причащения, который может быть и во

осуждение причастнику, приступающему в сознании своих ненормальных отношений с так называемым врагом, а бескровная Жертва, приносимая Церковью при условии смиренного сознания своей вины пред врагом со стороны молящегося за врага, вот что сильно примирит врага. Шед прежде сам смирися... А если не смиришься, то хотя бы ты каждый день причащался св. Тайн с поминовением твоего врага – не только не будет пользы от сего, но и будешь причащаться себе же во осуждение. А когда идет тебе этот совет от какого-то медиума, другими словами – человека, являющегося посредником в сношениях с духом тьмы, то тем паче бойся: очень может быть, что враг рода человеческого именно потому и старается подчеркнуть значение самого акта причащения, чтобы придать ему как бы •магическое свойство физического, слепо действующего закона, а не свободно действующей благодати Божией. Но ведь это уже граничит с богохульством...

Признаюсь, мне, архиерею, было страшно читать строки, написанные г. Юрчуком, в которых он обвиняет своих политических недругов в том, что они «потеряли якобы стыд и совесть, закрыли некоторые отделы Союза Р. Народа, стали убивать (конечно, не в буквальном смысле) своих же более храбрых воинов, почему- остается прибегнуть к помощи Того, без Которого всуе трудишася зиждущии». Страшно за г. Юрчука и за тех, кто последует его совету приступать в таком враждебном настроении к св. Чаше Господней, хотя и с молитвою,, но с гордою, лицемерною, осуждающею братьев и сознающею свое над ними превосходство... Ведь вот к чему ведет знакомство с бреднями спиритов и их медиумов, и я с болью сердца узнал из той же заметки Юрчука, что какой-то священник печатает свои заметки, хотя и полезные, в журнале спиритов «Смелые Мысли»... Служителю-то Церкви уж это никак не подобало бы: ведь для него это – сугубый грех!

Кстати: было время, когда служители алтаря всячески отрещивались от всего, что носило на себе печать вражды к Церкви; теперь нередко встретить батюшку, с интересом читающего спиритический журнальчик или иудейскую газетку. Года два назад, проезжая по Волге, я заметил священника с

«Спиритуалистом» в руках. «Что это вы, батюшка, читаете?» Он показал тетрадку. «Да ведь это издание спиритов!» – «Но тут вот есть ссылки на Евангелие», – ответил мне сей иерей. Пытался я доказать ему, что это положительно еретическое издание, но батюшка ничего не находил в нем зазорного. Даже наставления, как вести беседу с духами, находил полезными. Я любопытствовал: кто этот иерей? Оказалось, духовник одной из семинарий... Оставалось сказать, что если бы в моей семинарии оказался таковой любитель спиритизма, то я запретил бы ему священнослужение и удалил с должности. Он не понял даже, за что же?..

Вот наше горе: соль наша теряет свою силу!!! Не правда ли, что отравы язычества тонкою струею просачивается даже в наше пастырство?

Опасность новой моды благотворения

Есть особый вид людей среди нашей интеллигенции, посвятивших себя якобы благотворительности; на деле же изобретению всяких способов извлечения из чужих карманов денег, может быть, в некоторой доле поступающих и на дела благотворения, но главным образом идущих на прославление самих изобретателей этих способов, а в общем – Бог ведает на что... Недавно какой-то даме пришла счастливая мысль использовать в целях благотворения... угадайте – что? Скромность и привлекательность юных девушек и молодых женщин! Простите: иначе я не умею назвать такой способ благотворительного сбора, какой устроила г-жа Бруннер (любопытно бы знать, кто эта госпожа и какого происхождения?) под именем «белого цветка» в пользу страдающих чахоткою. И вот, в определенный день, именно 20 апреля, по всем улицам и переулкам, по всем общественным и даже государственным учреждениям, от кофейни и трактира до Государственного Совета, по всем трамваям и вагонам жел. дорог появились продавщицы белых цветков в нарядах и шляпках, обращающих на себя внимание, девушки и молодые женщины, предлагающие купить цветок... Расчет предпринимателей был верный: кто же откажется купить вещицу, цена коей объявляется в пятак, купить у девушки или молодой женщины: ведь отказать в таком случае значит оскорбить продавщицу, поступить против всяких рыцарских традиций?.. И вот вместо пятачков сыплются рубли, десятки рублей, собираются крупные суммы; едва ли нашелся кто-либо, отказавшийся купить цветок, тем более что цветки было удобно тут же приколоть себе на грудь, – получалось нечто вроде ордена на час, и из пятачков собирались сотни тысяч рублей, и никому в голову не приходило даже спросить, да кто же распоряжается этими деньгами? На каких «чахоточных» они пойдут?..

И вот в № 642 патристической газеты «Земщина» появляется заметка князя М. Н. Волконского под заглавием «Несколько вопросов г-же Бруннер». Привожу эту заметку,

ввиду ее важности – не в смысле обличения какого-либо обмана,— мы, да и князь, кажется, не допускаем мысли о грубой эксплуатации наших карманов в данном случае,— нет, а ввиду важности тех вопросов, тех размышлений, на какие наводит вся эта история сбора на «белый цветок». Вот что пишет князь:

Несколько вопросов г-же Бруннер

Письмо в редакцию

Госпожа А. А. Бруннер напечатала во всех петербургских газетах письмо, в котором в качестве «главной устроительницы» праздника белого цветка объявляет, что день этого праздника прошел и что подведены итоги... Затем г-жа А. А. Бруннер говорит о «светлой радости в душе», о «глубоком удовлетворении» и о том, что «смысл дня» нашел «пути» в «отзывчивые сердца людей».

Все это, конечно, хорошо, и мы все, вероятно, очень рады, что у г-жи Бруннер такие прекрасные чувства и что выражает она их в лирическо-повышенном тоне; но также, вероятно, нам было бы интересно узнать из ее уст, кроме лирики, и цифры подведенных итогов.

Наряду с этим да позволит нам г-жа Бруннер, раз уж она заговорила, обратиться к ней с следующими вопросами и ждать от нее печатный ответ на них:

Куда поступили собранные от продажи «белого цветка» деньги, и целиком ли они будут израсходованы в России, или часть их отошлется за границу, и если это случится, то под каким предлогом?

Под чьим контролем будут расходоваться деньги?

В чем будут состоять эти расходы, ибо «помощь» чахоточным и борьба с туберкулезом могут проявляться весьма различно?

Как г-жа Бруннер смотрит, если она христианка, на перечеркнутый лишней чертой не христианский, а масонский, «опороченный» (для ношения его евреями) крест, который она и ее помощницы носили на себе и на щитах и который совершенно неправильно именуется «восьмиконечным», ибо он не только весьма существенно разнится по начертанию от настоящего восьмиконечного креста – эмблемы христианской,

но и по мистическому толкованию совершенно противоположен идее христианства?

Обратила ли внимание г-жа Бруннер на промелькнувшее на этих днях сообщение в газетах о том, что в имении известного масона Новикова, в виде увековечения его памяти,— предположено устроить санаторию для чахоточных, и не пойдет ли часть собранных в день белого цветка денег на такое «увековечение» памяти «великого» масона и поддержание его «усадьбы» в неприкосновенности, как дорогой и «священной» реликвии?..

Князь М. Н. Волконский

Вопросы перепечатаны в «Колоколе».

Под впечатлением рассказа одной верующей матери, с негодованием наблюдавшей то, что творилось в гостинном дворе и на улицах Петербурга, я написал в «Земщине» же нижеследующие строки под заглавием:

Красиво ли? Допустимо ли?

Праздник «Белого цветка» послужил поводом для газет к восторженным похвалам нашей благотворительности.

Спасибо «Земщине», что она первая (надеюсь, и не последняя) обратила внимание на другую сторону этого дела, предложив инициаторше его пять весьма серьезных вопросов. Пождем, когда она ответит на них, а пока что обратим внимание на не совсем красивый, чтоб не сказать резче, способ этого нового благотворительного сбора. Ведь чего доброго, пожалуй, он у нас войдет в моду и, может быть, уже сейчас кто-нибудь из досужих благотворителей на чужой счет придумывает подобный сбор еще на какое-нибудь «доброе дело», под именем сбора на голубой или иной какой цветок...

Мне скажут: почему же этот способ я называю «некрасивым»? Отвечаю: спросите добрых матерей-христианок, которые были свидетельницами, как девушки, лет 17-ти, в фантастических нарядах и шляпках метались из магазина в магазин по крытым галереям гостиного двора, где толпились всякого рода студенты; как иные красавицы, чтобы получить побольше, чуть не кидались на шею мужчинам, навешивая им свои цветки, иногда против их желания; как они хвалились одна перед другой: а мне такой-то дал 10 руб., а мне 15, как гимназистки старались одна перед другой перехватить молодых людей, которые, в свою очередь, были рады показать свою щедрость...

Хорошо еще, что 20 апреля был дождь и творилось это не на открытой улице, и скажите: красиво ли это в нравственном отношении, можно ли это назвать христианской благотворительностью? Желательно ли, чтоб это повторилось? На чем, в психологическом отношении, построен был весь успех сбора? Был ли бы этот успех, если бы цветки продавались не девушками, не девочками, а простыми богаделками, артельщиками, ну, словом: не теми, которые своим нарядом, своими шляпками и, конечно, молодостью способны привлечь внимание к своей особе.

Как служитель Церкви, я ставлю прямо вопрос: нравственно ли пускать в ход такие способы сбора на добрые дела? Можно ли, не оскорбительно ли для христианства допускать такие способы сбора? Не действуют ли они разрушительно на нравственность сборщиц, невинных девушек?

Я знаю, что на меня набросятся г-жа Бруннер и ее единомышленники, что к ним присоединится весь хор иудейских газет, если только не замолчат мой протест; но я уверен, что ко мне присоединятся все верующие матери, все добрые христиане, коим дорога чистота души их дочерей, которые не утратили истинно-христианского понимания дела всякой благотворительности.

Может быть, денег и много собрано, но сколько юных сердец отравлено ядом тонкого порока?..

Одно несомненно: мы все дальше и дальше уходим от чистого идеала благотворительности: то концерты с танцами и плясками в пользу всякого рода пострадавших, то зрелища в их же пользу, то вот еще новый способ открывать скупые карманы на дела благотворения...

Я не напоминаю уже о заповеди Христовой: егда твориши милостыню, да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя, – это уже отходит в область добрых преданий, ныне ведь любят благотворить «за наличный расчет», чтоб тут же и удовольствие получить в том или в другом виде, – я ставлю только вопрос: допустимо ли это в целях воспитания молодежи в началах христианской нравственности?

Или ныне об этом и спрашивать не дозволяется?..

Думается: пора наконец восстать нам, пастырям Церкви, с беспощадным обличением того лицемерия, которое стремится под разными видами подменить христианскую добродетель мирскими развлечениями, отравляющими души тонким ядом пороков и совершенно отнимающими всякую цену доброго дела в очах Божиих. Я не раз говорил и не перестану повторять: язычество грязною волною вторгается в наше христианство: Пастыри Церкви! Берегите своих чад о Господе! Господь с нас взыщет их души!

А в данном случае мелькнула тень масонщины, а где масоны, там и заклятые враги Христовы – иудеи... Но об этом поговорим, когда дело станет яснее, когда г-жа Бруннер ответит, – если только удостоит ответа на вопросы черносотенных газет не презрительным молчанием, а дельным словом...

Но дельного, простого слова не последовало, а вместо того общество борьбы с бугорчаткою устроило 15 мая очень торжественное заседание, в котором читался отчет о денежных суммах, приводились цифры, но делалось это, по-видимому, так странно, что репортер газеты «Новое Время» слышал, что 10% валового сбора отчислено в запасный капитал, который достиг ныне суммы 36000, а репортер газеты «Речь» о запасном капитале ничего не слышал, а удостоверяет, что этот десятипроцентный остаток пойдет на устройство праздника белого цветка в будущем году...

Но Бог с ними, с этими деньгами. Для нас гораздо важнее то, что пишет тот же князь М. Н. Волконский в той же газете «Земщина»:

«Доктор Чигаев, – говорит он, – распространился о том, что «правая печать» «признала» крест, который был на всех кружках и лентах у продавщиц, масонским, «между тем, как знак этот является символом борьбы с бугорчаткой и был установлен конференцией по борьбе с туберкулезом».

Напрасно, однако, доктор Чигаев ломает такого наивного незнайку – само собою, что «знак этот» где-нибудь да установлен и для обществ борьбы с бугорчаткой, но вот что он является «эмблемой» этой борьбы – это неправда.

Уж если доктор Чигаев заговорил об эмблемах, то ему нужно было по крайней мере познакомиться с тем предметом, о котором он решился, и довольно развязно, говорить публично: «знак этот», т.е. опороченный лишними чертами христианский крест, был масонской эмблемой еще задолго до возникновения общества борьбы с бугорчаткой, и доктор Чигаев может справиться об этом в любом специальном издании или хотя бы в клубе общественных деятелей, где, вероятно, цел экран, на котором недавно г-жа Т. Соколовская демонстрировала «знак этот» как масонскую эмблему... По поводу «санатории» в

имении масона Новикова – ответа газеты не передали. Вероятно, его и не было.

И вся эта история с помпезным заседанием, вместо простого ясного и определенного, ответа, весьма похожа на масонскую манеру выходить из затруднений: говорить очень громко и ничего не сказать. Великолепно, но неубедительно настолько, что убеждает как раз в противном, т.е. что тут сильно пахнет масонами.

Итак, дело пока остается темным и подозрительным...

Что у людей высоко, то мерзость пред Богом

Я ждал, что мой голос, голос архипастыря Православной Церкви, по поводу сбора на чахоточных путем продажи белого цветка девушками и женщинами, или будет замолчан, или же вызовет злобный отклик в иудейских газетах. Так оно и случилось. Не утерпели те, кому выгодно вытравлять из православной русской души чистые идеалы христианского благотворения, кто всеми путями стремится подменить все мирозерцание христианское – масонскими бреднями, чтобы перевоспитать самую душу народную на свой лад. И вот они уже накинулись на меня в одном из своих органов, который известен, как орган иудейский. Этого достаточно для того, кто умеет распознавать, откуда ветер дует... Хоть бы газетку-то выбрали почище, чтоб прикрыться ею, а то – «Современное Слово»!.. Прикидываются людьми благородными, защищающими «прекрасное общественное дело и его работников, прекрасную молодежь и ее чистый христианский (!) порыв», от «беспримерного оскорбления», мною будто бы им нанесенного...

Я не стал бы отвечать на эту «грязную» выходку уличной газетки, если бы в наше время не было такой необходимости защищать наши святые идеалы от вторжения в их область, от подмены их со стороны иудеев и их усердных приспешников. Ведь вот какая-то другая газетка не дождалась даже до завтра, до выпуска своего №, и в корректурном оттиске прислала мне выдержку из «Современного Слова», в которой некто П. Николин (вероятно, псевдоним какого-либо иудея) ставит мне самым серьезным образом вопросы: почему никто из духовенства или монашества не откликнулся на призыв лиги борьбы помочь ей? Почему ни один священник, ни один монах не пришел на помощь? (Почему это – два вопроса, а не один и тот же?) Если-де священники, монахи могут брать деньги за требы (это какое же отношение к сбору?), собирать пожертвования и личные сборы в церкви (ой – писал иудей! ведь как хотите, русские люди, а тут выходит не по-русски...) и

на объездах своих прихожан (ну право же не по-русски: на объездах прихожан!), то почему стыдно было выйти на улицу и просить пожертвований на недугующих чахоточных? (Уже не священникам или монахам «выйти на улицу и просить»?) Монахи и монашки со своими тарелками ходят по кабакам и трактирам (последняя строка подчеркнута: любуйтесь-де на то, что творится у вас!).

Вот и извольте отвечать иудею: почему «стыдно»!.. Дело идет о юных девушках, которые – повторяю – своею красотою должны были привлекать внимание мужчин, чтоб собрать побольше: с точки зрения иудея, это ведь так естественно, он не понимает, не может себе даже представить: почему. А мы, христиане, вчуже стыдимся за современных, родителей и воспитателей, которые допускают это: целая пропасть нас разделяет, не говоря уже о том, «что с точки зрения христианской это уже оскорбление самой идеи христианской благотворительности, чистой, по духу учения Христова: нужно ли да и возможно ли втолковать иудею нашу точку зрения? Он не только не сможет, но и не захочет ее понять. Поставив мне такие нехитрые вопросы, он хвалится, что еще много таких вопросов мог бы задать мне. Пусть не трудится: мы ведь догадываемся, с кем имеем дело: лига очень бы рада была и, может быть, делала попытку войти в наши святые храмы с своими сборщиками, да не удалось: не пустили и не пустим, ибо не Христовым духом веет от всех этих «лиг» и православные должны подальше держаться от них. Ведь вот на вопросы, предложенные князем М. Н. Волконским, вы, гг. лигисты, так и не дали прямого ответа; мы так и не знаем: сколько же собрано и куда, на что, под чьим контролем пойдут деньги, что это за приют в имении Новикова и почему масона Новикова, а не где-либо в другом месте, что это за перечеркнутый крест и почему именно этот масонский знак лига избрала себе за эмблему и т.д. Мы даже и не пытаемся настаивать на решении таких вопросов; ведь так недавно, года три назад, какой-то князь приглашал нас, архиереев, не только приглашал, а и прямо записывал в члены какого-то общества помощи во всех несчастных случаях; я тогда же предостерегал людей нейти на удочку этого князя, и

вот оказалось нечто очень некрасивое в этой княжеской затее, и его судили и присудили к чему-то... У него тоже стоял масонский знак на бумаге – опрокинутый треугольник... Нет, господа: когда нас призывают хоть и к доброму делу, но под знаменем перечеркнутого креста или опрокинутого треугольника, мы не пойдем за вами, не посоветуем идти и православным, предостережем их...

Газета, поспешившая прислать мне корректурную выдержку из столь милой ее сердцу статьи г. Николина, называет мое скорбное слово по поводу «праздника белого цветка» глумлением над людьми, самоотверженно работавшими по сбору пожертвований для борьбы с чахоткой. Глумление значит насмешка, издевательство, а я не насмехаюсь, а глубоко скорблю, что среди христиан появляется мода, совершенно обесценивающая в очах Божиих и, следовательно, лишаящая Божия благословения доброе дело, совершаемое не ради Христовой заповеди, а ради служения своим же страстишкам: вот я и говорю, что это доброе дело уже не христианское, а языческое, и это почувствовали сердцем те христиане, родители и начальствующие в некоторых учебных заведениях, которые не позволили своим питомцам, учащимся в сих заведениях девушкам, принимать участие в «празднике белого цветка». А такие христиане – славу Богу – есть даже в полуязыческом Петербурге. Значит, не я один, а вот и эти люди сознавали, что в этой затее что-то неладно, некрасиво, неприлично...

В заключение своей заметки г. Николин бросает мне в лицо: «стыдно, ваше преосвященство!» Я не буду употреблять этого слова в отношении к нему: ведь он все равно меня не поймет, – я скажу: считаю за великую честь, что иудейская газета бранит меня, ибо давно сказал Господь наш: что у таких людей высоко, то – мерзость есть пред Богом!

Сей дневник был уже набран, когда появился «Отчет по организации праздника белого цветка» 20 апр. 1911 г. Отчет этот возбуждает ряд недоразумений... Во-1-х, он говорит, что «всей суммы» поступило 58514 р. 95 к., но не говорит: входят ли в эту сумму те деньги, которые собраны в Москве, Киеве, Одессе и

др. городах? Если да, то почему не указано: откуда сколько? Ведь газеты оповещали о десятках тысяч по каждому из сих городов: где же они? А если речь идет только о Петербурге и его окрестностях, то зачем же было упоминать о продаже цветов в провинции? Вообще, выходит что-то странное: не то «лига» действует только в Петербурге и окрестностях, не то она простирает свое действие на всю Россию или по крайней мере на упомянутые выше города... Что-то и почему-то не договаривается. В числе лиц организационного комитета больше чем наполовину имена нерусские...

Ну, повторяю: суть не в деньгах, не в сборе, а в тех загадках, тех вопросах, на которые лига не хочет отвечать... А в наше время приходится относиться подозрительно и осторожно к каждому загадочному явлению, к каждому недоговоренному слову...

Нечто о тайне беззакония

Мир добра, света и красоты и мир зла, тьмы и всякого уродства бесконечно противоположны друг другу, до полного взаимного отрицания; а человек живет посреди сих двух миров, склоняясь своею свободною волею то в сторону добра, то в сторону зла. Его сердце способно возноситься до превыспренных высот небесных, к самому престолу Бога Творца и Вседержителя, и опускаться до преисподних глубин сатанинских; духовная природа человека может совершенствоваться до богоуподобления и ниспадать до осатанения. И опасность для человека в том, что он не может стоять на одной точке: он или идет к совершенству, или ниспадает долу в нравственном отношении, причем и в том и другом случае он влечет за собою других, с ним соприкасающихся людей.

От веков древних были выдающиеся люди того и другого, типа. Христианская древность дала нам высочайшие образцы духовного совершенства святых людей; язычество дало нам образцы противоположные. Вседействующая сила благодати спасающей избирает себе от всех народов земных всех, способных воспринять спасение во Христе – так совершается тайна спасения людей; сатана ловит в свои сети всех, кто не способен становиться к восприятию благодати Божьей: так совершается тайна беззакония, о коей говорит св. Апостол Павел. И чем ближе подходит к концу круг Богом определенных для бытия сего мира времен, тем менее остается среди людей избранников благодати, тем дерзостнее становится враг Божий в распространении своего царства, тем ужаснее раскрываются глубины сатанины, о коих пишет св. Апостол Иоанн Богослов, тем более открывается и тайна беззакония. В наше время зло уже не считает нужным лицемерно только прикрываться именем добра: оно без всяких колебаний объявляет, что оно-то и есть настоящее добро. И до каких поистине ужасных пределов разрастаются замыслы сатаны в борьбе с добром – страшно подумать! Теперь уже не тайна, что существуют тайные

общества, имеющие специальною целью уничтожение христианства, разрушение государства, семьи, уничтожение собственности и всей культуры, тысячелетиями накопленной в человечестве, и обращение всего человечества к состоянию дикости каменного века... Не тайна это, а между тем многие ли верят этому факту? Недавно один из уважаемых святителей говорил мне: «Да что такое масоны? Что-то чудовищное говорят о них, а где они? Это похоже на какую-то сказку»... И в обществе нередко приходится слышать шутливое отношение к этой «сказке».

Недавно вышла небольшая книжка графини С. Д. Толь под названием «Ночные братья. Опыт исторического исследования о масонстве в Германии». Эту книжку я усердно рекомендовал бы прочитать всем, сомневающимся в существовании масонства как опаснейшей организации для всего культурного мира. Речь идет о Германии, но когда читаешь книжку, то невольно страшно становится за нашу матушку-Россию. Уж если хитроумные немцы попались на удочку этим агентам сатаны, то тем скорее может попасть на эту удочку наше простодушие, наша широкая русская натура. И перечитывая то, что совершалось в Германии, невольно вспоминаешь и то, что творилось в последние годы у нас на Руси...

Автор упомянутой книжки имеет целью фактами доказать и убедительнейшим образом доказывает, что: 1) масоны, или, как они называются в книжке, «ночные братья» – озлобленные враги всякой христианской веры, а в особенности Божественной Личности нашего Спасителя; 2) что они враги всякого монархического правления и вообще государственности; 3) что они враги семейного начала и – 4) упорные преследователи института частной собственности, кроме, конечно, своего личного имущества. Для достижения вышеозначенных целей они действуют тремя способами: лукавством, насилием и изменой. Для тех, кто склонен считать масонство сказкой, может оказать незаменимую услугу опубликованная еще в 1818 году так называемая «Кельнская хартия». Ничего бы не пожалели масоны, если бы было возможно уничтожить или по крайней мере дискредитировать этот документ; по счастью для

человечества этого сделать невозможно. Эта грамота была найдена в архиве главной масонской ложи в Гааге с постановлениями Конвента Вольных Каменщиков, бывшего в Кельне 24 июня 1535 г. Насколько этот документ важен для самих масонов, видно уже из того, что в 1835 году ими была выбита особая медаль в память 300-летия этой хартии. Из этой хартии видно, что масонство представляет собою тайное государство в государстве, что во главе его стоит «мало кому ведомый невидимый начальник или патриарх», что при этом патриархе имеется «совет мастеров высших степеней», что богослужение масонов совершенно отличается от церковного богослужения, что и само масонство совершенно чуждо и враждебно христианству, и последняя фраза этой хартии: «по летосчислению, называемому христианским» дышит явным пренебрежением к Христу, почти ненавистью к Нему. Но что особенно поразительно, что особенно должно бы обратить на себя внимание верующих лютеран – это три из 19-ти подписи лиц, вполне исторически известных. Вот эти лица: Гарманнус, архиепископ Кельнский, приложивший все свои усилия, чтобы перевести свою паству из католичества в лютеранство, адмирал де Колиньи, бывший главою гугенотов во Франции, и наконец, знаменитый Филипп Меланхтон, всем известный друг Лютера, его сподвижник и самый близкий к нему человек. Итак, трое известнейших деятелей Реформации являются отрицателями Христа, врагами христианства, врагами не только католичества, но и самого лютеранства со всеми его бесчисленными разветвлениями... Отсюда нетрудно вывести заключение, что и сама Реформация была делом рук масонов, причем если еще не доказано, что Лютер был масон, зато теперь бесспорный факт, что его присный друг, имевший на него беспредельное влияние, был один из главарей масонских... Справедливо замечает графиня Толь: «После этого как-то странно звучит название «Евангелической церкви», которое так любят присвоить себе последователи Виттенбергского монаха, почему-то- присвоившие себе исключительную монополию Св. Евангелия». После этого замечу и я от себя: становится понятным, почему масоны так усердно стараются совратить и

наш русский народ из православия в то же лютеранство: ведь оно, это лютеранство, есть их же детище, созданное для разрушения христианства при помощи тех искажений христианства, какие допустило католичество. Далее автор и показывает, как масонство шло рука об руку с лютеранством, как оно возродилось в немецком иллюминатстве, приводит из секретных документов масонства речи к посвящаемым, в коих раскрывается масонская теория происхождения священников и царей, патриотизма, любви к родине... Инструкции этим «священникам» в сильной степени напоминают недавно опубликованные «Протоколы Сионских мудрецов». Любопытно, что сам основатель иллю-минатства Вейсгаупт в письме к своему сообщнику смеется над своими же последователями. «О люди! – восклицает он. – Подумаешь, что можно внушить вам такие мысли! Никогда не думал я, что я сделаюсь основателем новой религии...»

Интересна та страшная клятва, какую приносят масоны в сохранении тайны своего учения: уже из этой клятвы можно заключать, как ужасна эта тайна. «Если я не сдержу, – говорит масон, – этой тайны, то да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата, как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по ветру, чтобы на земле не оставалось ни следа, ни памяти изменника...»

Пусть вдумаются в эту ужасную клятву те, которые считают масонов какими-то невинными мечтателями. Автор замечает при этом: «И это – не пустые угрозы; дословно они теперь, конечно, не исполняются, но масону, изменившему ордену, несдобровать и в наши дни...»

Но что же это за ассоциация – масонство? Какая его цель? Кому оно нужно?

Автор отвечает: «Существуют два предположения: или масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все народы, чтобы завладеть мировым могуществом, или оно создано иудеями для достижения той же цели. Выдающуюся

роль Англии в насаждении масонства легко доказать исторически, так как основателями всех лож во всем мире всегда являлись англичане. Проследить же иудейское влияние исторически пока невозможно: Его фактами нигде доказать нельзя, его можно доказать только логически. Рассеянные уже более двух тысячелетий по лицу земли, часто гонимые, упорные и мстительные, ненавидящие арийские народы, иудеи, привыкшие действовать тайно, хотя бы из чувства самосохранения, всегда мечтали царствовать над миром, а этого они могут достигнуть лишь тогда, когда рушатся все устои христианской цивилизации, а для этого нужно объявить беспощадную войну христианству, монархическому строю, семейному началу и праву собственности, т.е. сделать то, что делают масоны».

Если мы вспомним, что богоотступный народ иудейский ослеплен непримиримой злобой к самому имени Господа нашего Иисуса Христа, что он сам на себя призвал страшную клятву за Христоубийство, что за это ужасное преступление на время некое (Рим. 11, 25, 26) отступила от него та благодать Божия, которая промыслительно охраняет все народы земные, приуготовляя их к принятию учения о спасении, что именно от этого народа произойдет последний враг христианства – антихрист, то невольно приходишь к заключению, что именно сей народ и является орудием сатаны в осуществлении им тайны беззакония по всякому образу, и в том числе в виде страшного масонства... В безумной вражде против Бога и люди могут дойти до осатанения и потерять здравый разум, который должен бы подсказать и масонам, что в общей гибели культуры неизбежно погибнут и они, как бы ни хитро были сплетены их мудрецами – «мастерами» козни, направленные против христианства и всей христианской культуры...

Поездка по епархии

Мир добра, света и красоты и мир зла, тьмы и всякого уродства бесконечно противоположны друг другу, до полного взаимного отрицания; а человек живет посреди сих двух миров, склоняясь своею свободною волею то в сторону добра, то в сторону зла. Его сердце способно возноситься до превыспренных высот небесных, к самому престолу Бога Творца и Вседержителя, и опускаться до преисподних глубин сатанинских; духовная природа человека может совершенствоваться до богоуподобления и ниспадать до осатанения. И опасность для человека в том, что он не может стоять на одной точке: он или идет к совершенству, или ниспадает долу в нравственном отношении, причем и в том и другом случае он влечет за собою других, с ним соприкасающихся людей.

От веков древних были выдающиеся люди того и другого, типа. Христианская древность дала нам высочайшие образцы духовного совершенства святых людей; язычество дало нам образцы противоположные. Вседействующая сила благодати спасающей избирает себе от всех народов земных всех, способных воспринять спасение во Христе – так совершается тайна спасения людей; сатана ловит в свои сети всех, кто не способен становиться к восприятию благодати Божьей: так совершается тайна беззакония, о коей говорит св. Апостол Павел. И чем ближе подходит к концу круг Богом определенных для бытия сего мира времен, тем менее остается среди людей избранников благодати, тем дерзостнее становится враг Божий в распространении своего царства, тем ужаснее раскрываются глубины сатанины, о коих пишет св. Апостол Иоанн Богослов, тем более открывается и тайна беззакония. В наше время зло уже не считает нужным лицемерно только прикрываться именем добра: оно без всяких колебаний объявляет, что оно-то и есть настоящее добро. И до каких поистине ужасных пределов разрастаются замыслы сатаны в борьбе с добром – страшно подумать! Теперь уже не тайна, что существуют тайные

общества, имеющие специальною целью уничтожение христианства, разрушение государства, семьи, уничтожение собственности и всей культуры, тысячелетиями накопленной в человечестве, и обращение всего человечества к состоянию дикости каменного века... Не тайна это, а между тем многие ли верят этому факту? Недавно один из уважаемых святителей говорил мне: «Да что такое масоны? Что-то чудовищное говорят о них, а где они? Это похоже на какую-то сказку»... И в обществе нередко приходится слышать шутливое отношение к этой «сказке».

Недавно вышла небольшая книжка графини С. Д. Толь под названием «Ночные братья. Опыт исторического исследования о масонстве в Германии». Эту книжку я усердно рекомендовал бы прочитать всем, сомневающимся в существовании масонства как опаснейшей организации для всего культурного мира. Речь идет о Германии, но когда читаешь книжку, то невольно страшно становится за нашу матушку-Россию. Уж если хитроумные немцы попались на удочку этим агентам сатаны, то тем скорее может попасть на эту удочку наше простодушие, наша широкая русская натура. И перечитывая то, что совершалось в Германии, невольно вспоминаешь и то, что творилось в последние годы у нас на Руси...

Автор упомянутой книжки имеет целью фактами доказать и убедительнейшим образом доказывает, что: 1) масоны, или, как они называются в книжке, «ночные братья» – озлобленные враги всякой христианской веры, а в особенности Божественной Личности нашего Спасителя; 2) что они враги всякого монархического правления и вообще государственности; 3) что они враги семейного начала и – 4) упорные преследователи института частной собственности, кроме, конечно, своего личного имущества. Для достижения вышеозначенных целей они действуют тремя способами: лукавством, насилием и изменой. Для тех, кто склонен считать масонство сказкой, может оказать незаменимую услугу опубликованная еще в 1818 году так называемая «Кельнская хартия». Ничего бы не пожалели масоны, если бы было возможно уничтожить или по крайней мере дискредитировать этот документ; по счастью для

человечества этого сделать невозможно. Эта грамота была найдена в архиве главной масонской ложи в Гааге с постановлениями Конвента Вольных Каменщиков, бывшего в Кельне 24 июня 1535 г. Насколько этот документ важен для самих масонов, видно уже из того, что в 1835 году ими была выбита особая медаль в память 300-летия этой хартии. Из этой хартии видно, что масонство представляет собою тайное государство в государстве, что во главе его стоит «мало кому ведомый невидимый начальник или патриарх», что при этом патриархе имеется «совет мастеров высших степеней», что богослужение масонов совершенно отличается от церковного богослужения, что и само масонство совершенно чуждо и враждебно христианству, и последняя фраза этой хартии: «по летосчислению, называемому христианским» дышит явным пренебрежением к Христу, почти ненавистью к Нему. Но что особенно поразительно, что особенно должно бы обратить на себя внимание верующих лютеран – это три из 19-ти подписи лиц, вполне исторически известных. Вот эти лица: Гарманнус, архиепископ Кельнский, приложивший все свои усилия, чтобы перевести свою паству из католичества в лютеранство, адмирал де Колиньи, бывший главою гугенотов во Франции, и наконец, знаменитый Филипп Меланхтон, всем известный друг Лютера, его сподвижник и самый близкий к нему человек. Итак, трое известнейших деятелей Реформации являются отрицателями Христа, врагами христианства, врагами не только католичества, но и самого лютеранства со всеми его бесчисленными разветвлениями... Отсюда нетрудно вывести заключение, что и сама Реформация была делом рук масонов, причем если еще не доказано, что Лютер был масон, зато теперь бесспорный факт, что его присный друг, имевший на него беспредельное влияние, был один из главарей масонских... Справедливо замечает графиня Толь: «После этого как-то странно звучит название «Евангелической церкви», которое так любят присвоить себе последователи Виттенбергского монаха, почему-то- присвоившие себе исключительную монополию Св. Евангелия». После этого замечу и я от себя: становится понятным, почему масоны так усердно стараются совратить и

наш русский народ из православия в то же лютеранство: ведь оно, это лютеранство, есть их же детище, созданное для разрушения христианства при помощи тех искажений христианства, какие допустило католичество. Далее автор и показывает, как масонство шло рука об руку с лютеранством, как оно возродилось в немецком иллюминатстве, приводит из секретных документов масонства речи к посвящаемым, в коих раскрывается масонская теория происхождения священников и царей, патриотизма, любви к родине... Инструкции этим «священникам» в сильной степени напоминают недавно опубликованные «Протоколы Сионских мудрецов». Любопытно, что сам основатель иллю-минатства Вейсгаупт в письме к своему сообщнику смеется над своими же последователями. «О люди! – восклицает он. – Подумаешь, что можно внушить вам такие мысли! Никогда не думал я, что я сделаюсь основателем новой религии...»

Интересна та страшная клятва, какую приносят масоны в сохранении тайны своего учения: уже из этой клятвы можно заключать, как ужасна эта тайна. «Если я не сдержу, – говорит масон, – этой тайны, то да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата, как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по ветру, чтобы на земле не оставалось ни следа, ни памяти изменника...»

Пусть вдумаются в эту ужасную клятву те, которые считают масонов какими-то невинными мечтателями. Автор замечает при этом: «И это – не пустые угрозы; дословно они теперь, конечно, не исполняются, но масону, изменившему ордену, несдобровать и в наши дни...»

Но что же это за ассоциация – масонство? Какая его цель? Кому оно нужно?

Автор отвечает: «Существуют два предположения: или масонство есть дело рук Англии, желающей довести до анархии все народы, чтобы завладеть мировым могуществом, или оно создано иудеями для достижения той же цели. Выдающуюся

роль Англии в насаждении масонства легко доказать исторически, так как основателями всех лож во всем мире всегда являлись англичане. Проследить же иудейское влияние исторически пока невозможно: Его фактами нигде доказать нельзя, его можно доказать только логически. Рассеянные уже более двух тысячелетий по лицу земли, часто гонимые, упорные и мстительные, ненавидящие арийские народы, иудеи, привыкшие действовать тайно, хотя бы из чувства самосохранения, всегда мечтали царствовать над миром, а этого они могут достигнуть лишь тогда, когда рушатся все устои христианской цивилизации, а для этого нужно объявить беспощадную войну христианству, монархическому строю, семейному началу и праву собственности, т.е. сделать то, что делают масоны».

Если мы вспомним, что богоотступный народ иудейский ослеплен непримиримой злобой к самому имени Господа нашего Иисуса Христа, что он сам на себя призвал страшную клятву за Христоубийство, что за это ужасное преступление на время некое (Рим. 11, 25, 26) отступила от него та благодать Божия, которая промыслительно охраняет все народы земные, приуготовляя их к принятию учения о спасении, что именно от этого народа произойдет последний враг христианства – антихрист, то невольно приходишь к заключению, что именно сей народ и является орудием сатаны в осуществлении им тайны беззакония по всякому образу, и в том числе в виде страшного масонства... В безумной вражде против Бога и люди могут дойти до осатанения и потерять здравый разум, который должен бы подсказать и масонам, что в общей гибели культуры неизбежно погибнут и они, как бы ни хитро были сплетены их мудрецами – «мастерами» козни, направленные против христианства и всей христианской культуры...

Часть 1

Приглашаю моих добрых читателей мысленно сопутствовать мне по епархии. Пишу эти строки в Ульяновском монастыре, в 1183 верстах от Вологды. Было время, когда такой путь требовал и трудов нелегких, и потери времени; теперь он

совершается на пароходе в течение 5–6 дней, да еще с большими остановками у городов.

Еду по Вычегде. Эта река помнит апостольские подвиги святителя Стефана. Начиная от Яренска и даже ранее слышится зырянская речь. По берегам красуются высокие белые храмы Божий. Зыряне любят строить такие храмы: они не доросли еще до того, чтобы любоваться внутренним благолепием храмов Божиих, и потому внутри храмы лишены живописи; белые стены как-то однообразно смотрят на вас, в то время как снаружи храм иногда прямо поражает вас своим величием. Кстати: любовь к построению храмов иногда доходит до излишества: при одном священнике, например, в Устькуломе (1210 верст от Вологды) в одной ограде теснятся три каменных храма с несколькими престолами в каждом, и ни один из них внутри не украшен стенописью.

В Устькулом пришел пароход в 5 часов утра 17 июня. Несмотря на ранний час, собралась масса народу. Я говорил поучение о том, как жить, чтобы душу спасти, всячески стараясь упростить речь для этих простецов. Мужчины почти все говорят по-русски, женщины больше по-зырянски. Священник говорит с ними по-зырянски.

Из Устькулома мы вернулись в Ульянов в тот же день утром. Это – лавра зырянского края, отросток Соловецкого монастыря. Величественный храм и своеобразная, с четырьмя башнями по углам колокольня, несколько корпусов, обнесенных каменной оградой, по которой можно совершать крестные ходы – все это расположено на высоком холме, с вершины которого, особенно с колокольни, открывается вид на безбрежное море лесов, на сотни верст расстилающихся вокруг обители, и на долину реки Вычегды, прихотливо извивающейся среди этой дремучей тайги северо-восточной Европы. Говорят, чем дальше к Печоре и Уралу, тем природа суровее, леса дремучее, болота непроходимее.

И вот в такой обстановке приютилась обитель иноков с ее строгим, можно сказать, суровым уставом. Братия большею частью зыряне. Подобно Соловкам здесь живет до сотни

годовиков-мальчиков по обету. Их обучают главным образом тому, чем занимаются сами иноки – сельскому хозяйству.

Здесь я совершил Божественную литургию в воскресенье, 19-го числа. Поют дружно, но о нотах, о гармонизации и понятия не имеют. Зато звон – единственный в крае. Большой колокол весит 1012 пудов. Это радость и утешение велие для простеца зырянина. С удовольствием прислушался и я к могучим звукам, разносившимся в воздушном океане над вершинами беспредельных лесных пространств.

Здесь мне очень понездоровилось.. Однако все же я побеседовал с братией о сущности монашеского подвига. Слушали внимательно. Подростков-годовиков оделил я Троицкими образками.

20-го ждали парохода, но он запоздал, и мы двинулись вниз по Вычегде на двух больших лодках. Верстах в 10 нам встретился пароход, идущий в Устькулому. Мы спросили: когда он будет обратно в ближайшем селе Деревянске? Ответ был: в 9 часов вечера. Мы заказали себе каюты и направились вниз – к Деревянску. Здесь второклассная школа. В храме собралось множество народа. Я побеседовал с ними, благословил их, оделил Тр. книжками. Затем зашел в школу. Там был один сторож, но вслед за нами собрались дети-подростки. К сожалению, немногие из них могли мне ответить на самые простые вопросы по Закону Божию, и то при помощи взрослых крестьян, служивших переводчиками на зырянский язык. Помогала и матушка, жена священника, хорошо знающая зырянский язык. А местный о. дьякон подбадривал детей: «Гора, гора!» – громче, смелее!

Местный священник, по должности благочинного, с моего разрешения, был в отлучке. Его заменила матушка – тип старинных неученых в школе, но «толченых» жизнью матушек – добрых спутниц сельских пастырей. Многому могли бы научиться у таких простушек современные молодые матушки из епархиалок. Чтобы не смущать ее смирения и христианской простоты, я не буду здесь распространяться о ее деятельности в качестве помощницы мужу по приходу; скажу только, что благодаря ее заботам построена и в некоторой степени

обеспечена приходская богадельня, в которой призирается пять-шесть старушек, а иногда принимают и бесприютных круглых сирот. Матушка тут и начальница, и попечительница, и кормилица. Она даром доставляет сюда и молочко, и все, что Бог ей пошлет... Дай Боже побольше таких тружениц-помощниц нашим пастырям. Вековой опыт показывает, что им не столько нужно школьное образование ума, сколько доброе воспитание христианского сердца и закаление воли в добре. Увы! Ныне моду предпочитают здравому смыслу, и ради этой моды бедные священники в ниточку тянутся, чтобы дать своим дочкам «научное» образование – не только в епархиальных училищах – это бы еще добро, но и высшее, на каких-то высших курсах, откуда чаще всего выходят существа неопределенного пола с искаженной до неузнаваемости душой... Больно то, что не могут устоять против сего искушения и очень почтенные батюшки и матушки и уступают просьбам своих неразумных умниц-дочек, во что бы то ни стало стремящихся в столицы на разные курсы...

В Устьсысольск мы пристали вместо 20-го – только 21-го к вечеру. Город очень красиво расположен на слиянии с Вычегдою Сысолы. Краса города – Стефановская церковь. В ней я и решил 23-го совершить литургию. 22-го – была устроена, в здании духовного училища, беседа с духовенством. Об этих моих беседах скажу следующее.

И по громадным расстояниям, и по немощам моим я не могу объезжать свою епархию так, как делают другие архиереи: от села до села. Посему я собираю священников в пункты моих остановок и беседую с ними, сколько позволит время и силы. Говорю о всем, что подскажут мне архиерейская совесть, наблюдения над жизнью епархии и опыт пастырского служения. Говорю о том, что мы, служители Церкви, – сотрудники Самого Господа в деле спасения душ человеческих, в деле воспитания чад Царствия Божия. Говорю о том, какое в этом счастье для нас, с каким благоговением должны мы проходить свое святое служение. Напоминаю обетование Господа не забыть наши нужды, если мы будем пещись о деле Его. Даю советы, как бороться с народными пороками, пьянством, распутством,

сквернословием, бессовестностью... Как составлять поучения без записи оных на бумагу, вести беседы вне храма, в семьях, на дому, в школах с детьми... Как пользоваться святоотеческой и старческой литературой, дабы использовать святой опыт духовной жизни, в ней заключающийся. Касаюсь пороков самого духовенства: нетрезвости, немирства, сутяжничества и умоляю отцов бегать всего этого. Иногда священники сами предлагают вопросы и дают темы для беседы. Не знаю, много ли пользы от таких бесед; но мне думается, что такие свидания с архиереем, хотя малое с ним знакомство для священников полезно: в свою очередь и я выношу с таких бесед чувство сближения с Богоданными мне сотрудниками, узнаю их лично и составляю себе понятие о духовенстве моей епархии не по бумагам уже, а из личных наблюдений. И слава Богу: среди них немало смиренных тружеников на Божией ниве, с верою в помощь Божию, не ища похвалы людской, делающих свое дело. Касаюсь в беседах и современных опасностей, угрожающих Церкви Божией от ее заклятых врагов, коим и числа нет в наше многоскорбное время. Не хочу оскорблять собратий моих во Христе подозрением в лести: нет, они искренно благодарят меня за такие беседы и мы расстаемся по-родному. В Устьсысольске даже упросили меня сняться с ними на общей карточке.

Я посетил женскую прогимназию, где оказались и ученики мужской прогимназии, и побеседовал с учащимися о том, в чем счастье для человека. Всех оделил Троицкими образками. Был в приходском и городском училищах и там беседовал с детьми и оделял образками.

Посещая школы, я думаю: дети так редко в жизни видят архиерея лицом к лицу, что грешно было бы целым сердцем не приласкать их... Ведь у них на всю жизнь останется воспоминание о том, что делал, что говорил им архиерей: как же не воспользоваться случаем бросить им в души, в их открытые в то время сердца – семечко благодатного Христова учения? И вот, пользуешься сими посещениями школ, чтобы сказать деткам то, что в эти минуты общения с ними подскажет совесть пастырская, сказать в духе горячей любви к этим еще неиспорченным душам, показать им светлый, любящий Лик

Христов, тронуть их нежное сердечко красотою добродетели, указать им простейшие средства общения с Богом в молитве, в доброделании... И надо видеть, с каким иногда вниманием они слушают простое слово архипастыря! Глазки блестят, уста открыты, личико как-то преображается, одухотворяется... После приходится слышать от их родителей, что детки по частям пересказывали дома, о чем говорил архиерей. Разве это не великая награда сеятелю слова Божия на детские сердца? Разве не счастье быть такими сеятелями? Иногда думаешь: что мог бы сделать хороший законоучитель среди малых сих! Но много ли понимающих это счастье? Ездил в село Вильгорт, верстах в 7 от города. Здесь строится церковь. Беседовал с народом, посетил школу, долго беседовал с детьми.

23 июня я служил и говорил слово о непобедимости Церкви вратами ада и о кознях ада в наше время. Обширный Стефановский храм был полон народа, 24-го выехал на пароходе в Устьвым, а оттуда на лошадях, чрез село Серегово, в женский Крестовоздвиженский монастырь, в 14 верстах от Серегова.

Лишь только мы вышли из лодки, переправившей нас на левый берег Выми, как нас облепила всякая мушкара, начиная с мошки-невидимки, комаров и слепней и кончая оводами, не уступавшими по величине майским жукам. Сопровождаемые этими докучливыми насекомыми и обороняясь от них всякими способами, мы ехали лесной просекой, проложенной напрямик к монастырю. Был уж 12-й час ночи, когда впереди открылась в полусвете северной белой ночи красивая панорама обители. Монастырь расположен на возвышении прямо пред вами – в глубине картины временный деревянный храм с такою же колокольней; влево – каменный пятиглавый трапезный храм, еще не оконченный отделкой, тут же деревянные кельи, а кругом, точно темно-зеленая рама – хвойный лес и лес...

«Обитель тружениц» – вот лучшее название для этого монастыря. Во главе сестер – почтенная старица игуменья Филарета и 11 монахинь. Всех, живущих в обители, до 150-ти. Основал эту обитель и обеспечил ее существование известный в этом краю купец А. Булычев, скончавшийся иноком в

Соловецком монастыре: его дочь А. А. Беляевская свято блюдет заветы своего отца, продолжая благотворить юной обители. Она строит теперь трапезный храм и корпус для сестер и в скором времени предполагает начать постройку собора и колокольни. Теперешний временный храм очень тесен и не вмещает даже всех обительниц монастыря, а обитель посещают многие богомольцы из Яренского и Устьысольского уездов.

С раннего утра до поздней ночи, исключая время Богослужения, сестры трудятся: кто – ткёт и шьёт, кто пишет иконы, кто делает обувь, кто работает на гончарном, смоляном и скипидарном заводах; на гончарном черноризница при мне сделала несколько чашечек и молочник, на котором я, по просьбе монахинь, собственноручно надписал на мягкой глине: «Будь послушен Богу, как глина горшечнику». Видел и великий труд этих отшельниц – корчевание огромных пней для расчистки поля под пашню: пни выворачиваются при помощи рычагов, коими служат целые бревна; за каждый вывороченный пенёк, смотря по величине, сестры получают гонорар в виде сухих баранок, которые здесь почему-то зовутся калачами, почему и поле, разработанное таким способом, именуется «Калашниковым».

Здесь я служил литургию и говорил поучение народу, а с сестрами беседовал особо накануне пред всенощной. С отрадным чувством душевного отдыха я покинул обитель. Старица-игумения провожала меня до 7-й версты по пути в Серегово.

В это большое торговое село мы прибыли вечером и прямо в церковь. Беседа с народом и благословение заняли немало времени. Пришлось ночевать. Рано утром в двух больших лодках мы спустились по Выми до Устьвыми. Тут меня уже ожидали священники со всего благочиния, и я отслужил соборне с ними молебен святителю Стефану Пермскому, который 13 лет жил здесь (почему Устьвым и называлась «Владычным городом»), и трем его преемникам: Герасиму, Ионе и Питириму, почивающим здесь под спудом. После молебна я довольно долго беседовал с народом. В этом селении особенно живы предания о святителе – просветителе зырян: храмы, по

преданию, построены на холмах, насыпанных по его повелению; указывают места, где был его владычный дом, где росла волшебная прокудливая береза, им срубленная... К сожалению, вещественных памятников после него никаких не сохранилось.

Часть 2

После беседы с священниками я отправился на пароходе в захудалый городок Яренск.

И здесь служил, говорил поучение народу о том, что есть Церковь и почему должно повиноваться ей; вел беседу со священниками, посетил школу, где собрались дети из разных школ и прогимназий города. Стоит отметить особенную любовь детей к местному о. протоиерею: где бы ни показался на улице этот почтенный старец, священствующий уже 52-й год, дети, как только завидят его, бегут к нему, чтобы принять его благословение. Чем он заслужил эту любовь детскую? Конечно – лаской и отеческой добротой. Всегда я говорю ставленникам-иереям: не опускайте случая приласкать ребенка, хотя бы то был еще несмысленный малютка на руках матери. Пусть в его детском воображении рядом с дорогим ему образом матери запечатлется и ваш облик, ваша духовная одежда, блистающий на вашей груди крест... Не худо для таких малюток иметь при себе какие-либо грошовые лакомства: верите, что это привлечет к вам любовь не только сих маленьких будущих прихожан ваших, но и их родителей, особенно матерей... Лишь только покажетесь вы в деревне, как детишки побегут к вам со всех концов навстречу, чтобы принять ваше благословение. А вы пользуйтесь этими встречами, чтобы побеседовать с ними, чтобы заронить в их чистые сердца семечко учения Христова. Коли есть у вас свободная минутка, то присядьте где-нибудь у избы на завалинке или на бревнах и поведите отеческую беседу с детьми – о том, что Бог на душу положит; к вам непременно подойдут матери их, а может быть, и отцы, и вот устроится у вас сама собою беседа – «набревная» по подобию беседы Христовой, именуемой «нагорною»... Ведь для таких бесед не нужно никакой обстановки, никаких помещений. Зато посмотрите, какую любовью отплатят вам простые души

слушателей ваших: ведь русская душа жаждет «божественного» и тоскует по нем.

Из Яренска мы спустились до Коряжемского монастыря. Здесь почивают под спудом мощи преподобного Лонгина, одного из духовных потомков великого аввы Сергия Радонежского. Монастырь расположен на крутом высоком берегу Вычегды. В нем всего до 50 человек братии, общежительный. Строится новый храм с трапезою и кельями. У самого монастыря – кедровая роща. Иноки рассаживают это дерево с любовью.

Здесь я беседовал с братией, осматривал хозяйство и ночевал. Утром рано отправился в Сольвычегодск на парходике, присланном из сего города почтенным Я. В. Хаминовым.

Сольвычегодск известен своим собором, который представляет собою наиболее уцелевший тип храмов Божиих XVI столетия. Это – целый музей священных древностей того века. Лишь войдете в него, как на вас повеет седою стариной: старинный иконостас, узорчатые с слюдой царские врата, старые фрески на стенах, древние иконы в иконостасе, на стенах: кругом всего собора по стенам тянется пояс из древних икон. В ризнице множество шитых пелен такой чудной работы, что знатоки затрудняются указать что-либо подобное. Здесь была куплена за 500 р. древняя плащаница, перекупленная потом в Париже императором Александром II за 25000 р. Все эти сокровища древности – дары создателей храма, предков графов Строгановых.

В этом храме я совершил литургию 3 июля. В пении приняли участие дети всех учебных заведений города, с которыми я накануне провел беседу. Приятно было молиться в этом святилище Божиим: его древности будили в сердце те струны, которые некогда звучали в сердцах наших благочестивых предков, и душа чувствовала: что значит наша Русь православная в ее прошлом... Когда видишь ее как бы лицом к лицу в этих остатках древности, сохранившихся в такой неприкосновенности, то начинаешь понимать не только религиозные, но и эстетические идеалы ее, сердцем ощущать

духовную красоту этих идеалов, сравнивать их с занесенными к нам с латинского запада чужими идеалами и любить, крепко любить нашу родную старину за эти, так сказать, переживания, оживляющие в нас наше народное самочувствие, народное самосознание... И невольно повторяешь кем-то давно сказанные слова:

«О Русь моя родная! Нет-то тебя в мире краше, нет сердцу милее». Счастливы художники вроде В. М. Васнецова, умеющие читать в памятниках старины родной заветы., этой старины и воплощать эти заветы в своих поистине бессмертных произведениях искусства! Счастливы писатели и поэты, являющиеся истолкователями этих заветов в своих словесных творениях! Но еще более счастливы те носители духа народного благочестия, которые воплощают эти заветы в жизни.

Из Сольвычегодска мы отправились вниз по Большой Двине до села Черевкова. Здесь три священника и больше 1200 жителей. Мы прибыли в 2 часа ночи; 4 июля в 8 часов утра в обширный храм собралось множество народа. Я долго беседовал с ним, благословлял, оделял книжками и образками. Ввиду близости раскольников особенно раскрывал учение о Церкви, о послушании пастырям Церкви, предостерегая от раскольничьих заблуждений. Зашел в часовню, на могилку страдальца иерея Петра, убитого поляками в 1610 году. Местные обыватели чтут его память как угодника Бо-жия, невинно пострадавшего за веру и отечество. В часовне на могиле стоит столик для совершения панихид. У меня просили разрешения поставить надгробие.

В полдень пришел снизу пароход, на котором мы и отправились обратно вверх до Красноборска. Этот небольшой заштатный городок весной пострадал от пожара. Храм Божий уцелел, и я совершил в нем всенощное бдение по случаю праздника преподобного Сергия. После всенощной в местной школе я долго беседовал с собравшимся из соседних сел духовенством, а на другой день совершил литургию и говорил слово о преподобном Сергии.

В этом храме очень изящный, в стиле рококо, иконостас, но неприятно поражают глаз изваяния крылатых существ,

рассаженных по карнизу этого иконостаса, а в алтаре, около престола, по углам сени стоящие фигуры ангелов с свечами в руках. Я сказал: «Изваяния крылатых существ», не желая назвать их херувимами, ибо понятие херувима как-то не вяжется с изображением обнаженных детей, хотя и с крыльями. А у алтарных ангелов руки безобразно толсты. Тела раскрашены и производят антихудожественное впечатление. Приходилось встречать такие изображения и в некоторых других церквях: в Тотьме, например, в Предтеченской церкви сень над престолом поддерживается четырьмя фигурами ангелов с обнаженными ногами, а у царских дверей с одной стороны стоит ангел-хранитель с младенцем, которому показывает рукою на небо, а с другой – архангел Михаил, поражающий сатану. Но копье архангела давно сломано, осталась только поднятая рука, а сатана с рогами, оскалив зубы, смотрит на молящихся и будто смеется... Я приказал немедленно убрать эти фигуры, а обнаженные ноги ангелов, держащих сень, прикрыть парчой. В Красноборске над самым престолом, на плафоне сени, резное изображение Бога Отца с простертыми вниз руками, тоже раскрашенное, я также велел снять. Уж очень тяжелое впечатление производят такие фигуры на молящихся: по крайней мере я это испытал на себе. Церковная власть не раз делала распоряжение, чтоб не допускать резных изображений, кроме распятий искусной резьбы; и однако же, эти распоряжения часто нарушаются и даже находятся защитники «елисаветинской старины», которые обращаются к архиереям с просьбами беречь эту «старину». Пусть бы это были еще художественные изображения, без всякой раскраски: можно бы их за «старину» потерпеть, но когда такое изображение раскрашено, когда оно, как вышеупомянутое изображение сатаны, граничит с кощунством, по крайней мере вызывает шутки у зрителей, то пусть гг. археологи простят мне это – я требую убрать их с иконостаса... Закон искусства говорит, что два искусства: ваяние и живопись не терпят смешения: возьмите статую великого неподражаемого ваятеля древности Фидия и поручите ее раскрасить не менее великому живописцу Рафаэлю – получится безобразие... Зачем же допускать такое

безобразие в наших святых храмах? Ваяние и без раскраски слишком плотяно, слишком грубо-вещественно, чтоб служить православной Церкви: оно усвоено латинской церковью, как наследство времен языческих (известно, например, что одна фигура Юпитера в Риме превращена в изображение Апостола Петра: только вместо перунов в руку его даны ключи). Нам нужно помнить, что в церковном искусстве наша Церковь полагает в основу одухотворение, а латинская – оплотянение; отсюда у нас идеал иконы – иконопись, а на западе – живопись, у нас – иконы, а там – статуи, у нас – дивный обряд, а там – театральная церемония... Восемнадцатый век, век измены родным идеалам старины православной, без всякого разбора насаждал у нас и вносил во святая святых – в наши св. храмы плотяный реализм западного искусства и вот – его плоды: эта портретная живопись с натурщиков и натурщиц, эти статуи почти топорной работы, эти обнаженные фигуры у самого престола Господня, эти обнаженные дети, сидящие на карнизах иконостасов... Ужели все это надо охранять как «елисаветинскую старину»? Ужели беречь и этого сатану, злобно-насмешливо выглядывавшего в открытых царских дверях? Думаю, что ни один православный археолог не станет защищать все это. Я не говорю, что нужно уничтожать, а просто убрать из Божиего храма: если угодно – берегите это в музеях, как памятник неразумного увлечения наших предков западными реалистическими идеалами и пренебрежения высокими, чистыми, духовными идеалами старой Руси, вследствие непонимания их... Кстати сказать: в Сольвычегодске под историческим собором есть целый музей таких статуй, особенно статуй Христа в темнице: все они производят очень тяжелое впечатление. А в нашем Вологодском древнехранилище есть даже гроб с резным изображением Христа... Что же: ужели и это все оставлять в церквях?

В Красноборске мы сели на пароход до Устюга, куда и прибыли утром 6-го числа. Два дня посвятил я осмотру монастырей, училищ, некоторых церквей беседовал с духовенством, а 8-го числа, в день праведного Прокопия юродивого, служил у его св. мощей вместе с преосвящ.

Алексием, викарием Великоустюжским. Слово было сказано мною о том: храним ли мы заветы праведника и не грозит ли нам туча гнева Божия, которую некогда предвидел великий святитель Московский Митрополит Филарет?

Устюг – самый красивый город во всей Вологодской губернии. Подъезжая к нему на пароходе – только и видишь: церкви, церкви и церкви... На одной площади пять приходских церквей! Невольно задумываешься над этой любовью наших предков к постройке церквей: казалось бы, какая нужда была строить их столько? Что в Устюге, то и в Тотьме, и в Сольвычегодске, и даже в некоторых селах. Теперь при некоторых приходских есть даже по две, по три приписных церкви. Видно, церковное строение было в старину потребностью русской души; видно, наши предки почитали это дело, независимо от того, нужен или не нужен храм для прихода, делом, Богу угодным, душеспасительным... И почти в каждом храме имеется по несколько приделов. Когда осматриваешь эти храмы, когда переходишь от одного к другому, то будто переносишься духом в старые добрые времена, когда все эти храмы были полны народа, когда все они, без сомнения, имели свои причты, когда благочестие народное питалось богослужением в этих храмах... И грустно становится, когда ту старину сравниваешь с нашим временем, когда и в храмах стало просторно, хотя, без сомнения, народонаселение значительно увеличилось, когда и служба Божия совершается уже не так истово, как было во дни оны древние...

Вот скорбь велия и забота неотложная: большинство храмов (в Устюге, например, 11) стоит на берегу капризной Сухоны, которая каждый год подмывает их беспощадно. В Устюге один храм уже перенесен сажень на 50 выше, и прежнее место его под водою. В древних храмах появляются трещины, свидетельствующие о том, что берег оползает, а чтобы укрепить берег, нужно полмиллиона. Вычегда также грозит разрушением знаменитому Сольвычегодскому собору: берег песчаный, говорят, каждый год отмывает на сажень. До сего времени обращаемые ходатайства оказывались

безуспешными... Да и не такова нынешняя Дума, чтоб ожидать от нее заботы о храмах Божиих.

8 июля к вечеру мы расстались с Устюгом и направились вверх по Сухоне к Тотье, куда и прибыли 9-го ко всенощной, 10-го я с трудом отслужил литургию в Тотемском Богоявленском соборе и весь день лежал больной. Вечером едва поднялся, чтоб провести беседу с собравшимся духовенством, 11-го посетил духовное училище, куда собралось до 300 учащихся из разных учебных заведений города, с коими провел две беседы, а вечером сел на пароход до села Шуйского, куда прибыли рано утром 12-го. Здесь уже ждало меня собранное духовенство, с коим я побеседовал часа полтора, и отправился в Вологду...

Наконец-то я дома. Вот итоги моего путешествия по епархии: посетил 5 городов, 9 монастырей, до 50 церквей; провел более 30 бесед с народом, с священниками, с учащимися; видел до 150 священников. Видел многих добрых пастырей и утешался беседою с ними, видел любовь народную к носителю Божией благодати – епископу, любовь к Церкви святой, к богослужению, совершаемому благолепно. Слышал трогательный отзыв одного старца иерея о простецах-зырянах, о их благоговении к сану иерея: «Когда идет батюшка после обедни, то следует целовать следы ног его: ведь он Христа в себе несет»... Не правда ли: поучительно не для простых только, но и для так называемых интеллигентов? Как трогательно это усердие простецов, жаждущих архиерейского благословения! Многие с крестным знаменем подходят под благословение архиерея и снова крестятся, получив благословение. Многие матери подносят и подводят своих детей к архиерею: младенец на руках да два-три малютки держатся за платье матери: как тут не призвать от всего сердца благословения на сих чад царствия Божия? Кажется, не ушел бы из церкви, если бы не немощь моя, если бы не необходимость спешить дальше к таким же верным чадам Церкви Божией, ожидающим меня в другом месте... Как жаль, что архиереи не имеют возможности быть в постоянном общении с своею паствою вот при такой обстановке!

Надо, чтоб архиерей был для своей паствы не каким-то полубогом, витающим в недоступных для простецов палатах, а истинным пастырем; отцом, к которому был бы открыт доступ всякому пасомому, который жил бы среди пасомых, по крайней мере возможно чаще посещал бы все приходы своей епархии. Волки-хищники – еретические наставники – часто объезжают своих единомышленников, а мы, архиереи, далеко не всегда имеем к тому возможность. Причин к тому слишком много, чтобы перечислить их.

Два слова о «мелочах»

Мои читатели просят меня обратить внимание на то, что мы привыкли называть «мелочью», но над чем действительно следовало бы задуматься, особенно если вспомнить правило врагов христианства масонов: мелочами следует пользоваться, чтобы незаметно подменивать понятия, обесценивать нравственные истины, приучать к небрежному, шутивому, а затем и кощунственному употреблению таких слов и понятий, к каким мы, христиане, привыкли относиться с должным уважением. Ведь слова и предметы, ими обозначаемые, так тесно связываются в нашем сознании, что употребляя шутивно или кощунственно, например, имя какого-либо угодника Божия, мы не можем в совести своей не чувствовать, что тем самым оскорбляем сего угодника. Вот почему святитель Филарет Московский строго относился к обычаю некоторых называть животных христианскими именами: он не одобрял этого и в баснях знаменитого нашего Крылова. Для христианина нет мелочей, нет вещей и понятий безразличных; для него апостольское правило: «Вся благообразно и по чину да бывают» – распространяется не только на область жизни, но и на область мысли и слова. Нельзя сказать, чтобы на это и у нас не было обращено внимание: еще так недавно, например, первый приобретенный во Франции дирижабль сначала был назван «Россией», но потом, как бы спохватившись, переименовали его «Лебедем». Какое-то внутреннее чувство подсказало, что если упадет этот дирижабль и погубит несколько жизней, то будет неприятно сказать: «Россия» упала, погибла и т.п. Несколько лет

тому назад заговорили о подземных трамваях, называемых за границей «метрополитенами», и приходилось слышать от русских людей недоумение: «Ужели у нас будут называть эти трамваи таким словом? Ведь для православного русского человека будет неприятно, оскорбительно звучать: «Мы едем на метрополитене» – несомненно, и для краткости речи, и для красного словца, за коим у русского человека дело не стоит и он ради него не жалеет ни матери, ни отца – будут говорить: «Едем на митрополите»... К сожалению, это бережное отношение к хорошим словам и понятиям у нас, кажется, отходит в область добрых преданий. У нас дошло дело до того, что в высших сферах задумались и заколебались над вопросом: почему бы иудеям не дать права называться христианскими именами; право, давно ими захваченное на практике, обратить в право юридическое? Нашелся даже один представитель богословской науки, который охотно соизволял на это, да слава Богу: С. Синод не послушал его, а принял мнение своей комиссии, которая отвергла такую возможность. Но уже самое возникновение такого вопроса показывает, как далеко ушли наши правящие сферы от идеалов и заветов нашей православной старины. А если припомнить вышеупомянутое правило масонов, то поневоле приходится быть и мнительным, и осторожным даже в отношении к «мелочам». Да и мелочи ли это, например: в местной газетке читаешь объявление, что на «преподобном Зосиме или Савватии будет увеселительная прогулка с танцами» и т.п.? Назовите пароход Зосимою просто – куда ни шло, на свете Зосим немало, а то ведь «преподобный»... Разве не больно отзываются в сердце такие объявления? Разве не вызывают иногда шуток, граничащих с кощунством? И это ли мелочь? А когда встречаешь эти надписи на головном уборе не вполне трезвого матроса: «Преподобный Зосима», «Наследник Цесаревич», «Царь», «Царица» и т.п., то невольно думаешь: ужели и это признано уместным? Я помню, когда-то были стальные перья с изображением Распятия, теперь появляются и галоши, и папиросы с изображением креста Господня на Императорском гербе. И это – все мелочь? А таких мелочей не перечесть – так их много! Невольно думаешь, что

все это делается нарочито, по подказу врагов веры Христовой, на радость масонам, делается чаще всего бессознательно, но те, которые вводят такую «моду», знают свое дело и сознательно идут к своей цели. Не по их ли подказу у русских интеллигентов, кажется еще с 18-го столетия, явилась мода: заменять в своих палатах большие св. иконы такими крохотными образками, что их не скоро найдешь в переднем углу? Не из угождения ли им православные русские люди стыдятся лоб перекрестить, садясь за стол к обеду или к ужину? Больно сказать: стыдятся креста Господня, стыдятся, следовательно, – Распятого на нем Господа Спасителя нашего! Как будто крестное знамение – суеверие какое! А вот если встретят священника на пути, думают: быть беде! Вот в это – увы – многие интеллигенты не стыдятся верить! Что подумал бы о таких суеверах разумный человек, чуждый всяких суеверий? Не счел ли бы их за дикарей Полинезии и Антильских островов? Когда поставишь рядом в своем суждении, с одной стороны, это стыжение креста Господня, а с другой – такое глупое, ничем не оправдываемое суеверие – стыдно становится за нашу интеллигенцию, превозносящуюся своим якобы образованием перед простым нашим народом. Невольно думаешь: и что у них в голове сидит? Что за мирозерцание? Как это у них укладывается в голове самый грубый, бессмысленный предрассудок рядом с презрительным отношением к обряду церковному, имеющему глубокий смысл, если они еще не потеряли веры во Христа, а если потеряли – рядом с отрицанием всего, уму непонятного? Впрочем, удивляться тут, пожалуй, и нечему: ведь вот бытие злого духа они считают суеверием и смеются над таким верованием, забывая, что в учении христианском это невырываемое звено, а охотно идут на сеансы к спиритическим медиумам, чтобы войти в сношение с какими-то загадочными духами, которые в конце концов и оказываются вот этими самыми злыми духами, коих они отрицают... Да, невольно скажешь: хитер вселукавый диавол, столь зло смеющийся над самомнением человеческим!..

Но обращаюсь к «мелочам». Кому не попадали на глаза открытки с священными изображениями? Да, как-то писали в

газетах, что они запрещены, а между тем и теперь их можно достать сколько угодно. Место ли изображению лика Христова или Богоматери на бланке для открытого письма? Всякому понятно, что если бы даже не лик Господень, а просто – ваш портрет был испачкан штемпелями, то вам было бы обидно. Но и этого мало. Я уже писал как-то в своих дневниках, что некий художник Стыка пустил в оборот открытку с изображением Христа Спасителя, обнимающего анафе-матствованного еретика гр. Толстого. Писали, будто открытка запрещена. Но ведь это только писали, а все же ее можно получить где угодно. В иллюстрированных журналах нередко можно видеть на одной странице изображение Богоматери, а на другой – какой-нибудь актрисы вроде несчастно погибшей Комиссаржевской: думаете ли вы, что это спросту, случайно? Увы, я не думаю. Какая-то непримиримая, хотя и трудноуловимая вражда к Церкви, ко всему, что благоговейно чтит христианин, носится в воздухе, сказывается в печати, чувствуется даже в житейских отношениях. Иудеи набросились на меня прошлую весною за мои дневники по поводу праздника белого цветка, а между тем я оказался прав: официозная газета «Россия» засвидетельствовала, что это была затея врагов Церкви и Отечества – иудеев и их приспешников кадетов... Казалось бы: почему русским православным людям, прежде чем поддаваться этой уловке врагов Церкви, не спросить: а почему цветок, а не крест Христов? Почему это крест-то у «лиги борьбы с чахоткой» перечеркнут, как будто зачеркнут? Нет, никто не догадался спросить, все увлеклись новинкой, и затея врагов наших удалась: собраны большие суммы, которые, как говорят газеты, пойдут главным образом на агитацию в революционном духе. А русские люди, вероятно, рассуждали: ну, что за пустяки? крест ли, цветок ли – все равно: лишь бы на доброе дело деньги пошли... А вышло, что крест-то перечеркнут уже... И много-много таких «мелочей» приходится замечать, и равнодушно относимся мы к ним. А совесть-то все же говорит: не согрешаем ли мы и пред Богом, и пред святою Русью таким равнодушием?..

Отклики с неба

Бог привел меня еще раз поклониться святителю Тихону, Задонскому и всея России чудотворцу. 32 года тому назад я был здесь еще послушником; составляя свои «Троицкие Листки», я нередко мысленно беседовал с угодником Божиим, извлекая соты духовные из его воистину медоточивых писаний, и всегда, при воспоминании его святого имени, миром и тишиною веяло на мое сердце. Благодарение угоднику Божию: я не только помолился у его нетленных мощей, но и литургию совершил, и сподобился слышать много утешительного о том, как он и ныне чудодействует. Достопочтенный отец архимандрит, настоятель его обители, поведал мне, что особенно много было смиренных богомольцев этим летом: одних барашков привели до тысячи «в жертву обители», много ржи, пшеницы, овса нанесли, и все это – в благодарность святителю Божию за его милости верующим душам. «Спросите, – говорил он, – и каждый приносящий что-нибудь расскажет вам из дел милости чудотворца. Кто получил исцеление, кто – помощь в житейских делах, которой усердно просил у угодника Божия, давая обещание поклониться ему, принести ему посильную жертву в простоте сердца». На 50-летию прославления мощей святителя 13 августа и в ближайшие дни было, говорят, до ста тысяч богомольцев здесь.

Наплыв богомольцев замечается и в других обителях: и в Киеве, Сарове и в нашей Сергиевой Лавре. Сердцу верится, что православная Русь, в ее лучших представителях, в этих смиренных сердцах, в простоте верующих простецах, стосковалась по своим заветным святыням, как ^ы очнулась от тяжкого кошмара, который переживала эти смутные годы, и спешит паки к живоносным источникам, которые искони питали ее жаждущее сердце. О, если бы эти волны народные увлекли с собою и тех, которые мнятся стоять выше простецов, считают себя вершителями судеб народных, руководителями государственной и общественной жизни! Если бы и эти люди смирились сердцем и слились бы в простоте веры с этими добрыми душами, от них позаимствовали бы ту теплоту, ту непосредственности детской веры, какими жива народная

русская душа! Ведь тогда наша Русь стала бы снова могучею, славною исполнительницею воли Божией в исторических судьбах народов земных, тогда не страшны были ей никакие козни ее врагов непримиримых, тогда – наоборот: к ней стали бы и другие народы обращаться как к носительнице Божией правды, с упованием взирали бы на нее слабые, с уважением – сильные... О, если бы!..

И вот что достойно внимания: где пробуждается вера, там проявляются и чудеса. Святые Божий откликаются на призыв душ верующих проявлением милостей своих. А Господь, в бесконечной благодати своей, прославляет преимущественно носителей тех добродетелей, которые нужны в наше грешное время. Вспомните прославление мощей святителя Черниговского Феодосия, преподобного Серафима Саровского, Анны Кашинской, а ныне святителя Иоасафа Белгородского: все это – носители глубочайшего смирения, беззаветной любви к ближнему, любви к родной России, близкие к народу носители народного духа. И немало их почивает еще непрославленных, и вот когда сие благоугодно Господу, когда особенно благопотребно для нас, грешных, Господь являет чрез них знамения и чудеса во славу имени Своего, для пробуждения веры народной, для укрепления духа народного в годину искушения. 300 лет смиренно почивал в Успенском соборе святитель-мученик за отечество святейший Патриарх Гермоген: только нетление мощей его свидетельствовало о его прославлении в селениях небесных; а ныне, когда сатана усердно сеет плевелы свои в среде нашего народа, когда враги Руси святой проповедуют какой-то космополитизм, отрицают добродетель любви к отечеству, ныне, говорю, как бы восстает из своего гроба святейший сей Патриарх, проявлением дивных знамений от мощей своих свидетельствуя, что любить отечество, стоять за него даже до пролития крови, до смерти – есть исполнение заповеди Господней, достойное венца мученического. Гордыня была отличительным свойством минувшего XIX века: и какие же дивные образы Христоподрожательного смирения прославил Господь в лице святителей: Митрофана, Тихона и Феодосия! Еще более

заражен гордостью, доходящей до осатанения, до отрицания Бога, нынешний XX век; и вот просиявают светильники смирения в лице Серафима Саровского, который был воистину дитя Божие, и святителя Иоасафа Белгородского, напоминающего своею жизнью, своим милосердием и даже своею строгостью всемирного заступника чудотворца Николая... Слава милосердию Твоему, Господи наш, дивный во святых Своих! До конца сотвори милость Твою с нами, и да не в суд и во осуждение будут сии милости Твои к нам, грешным!..

Святые Божий видят нас с высоты небесной и всегда готовы нам на помощь, лишь бы мы не забывали их. И это должно сказать не об одних только уже прославленных Богом праведниках, но и о тех, коим еще не пришел час их прославления, с которыми мы имеем общение в молитве, не столько обращенной к ним, сколько приносимой еще за них... Вот трогательный рассказ, слышанный мною от о. Архимандрита Нафанаила в Задонске.

Приходит в обитель один торговый человек из Ельца и просит показать ему могилу великого подвижника Антония Алексеевича, юродствовавшего Христа ради. Когда его привели в усыпальницу и показали могилу, он, взглянув на висящий тут же портрет праведника, с умилением склонил колена и в чувстве благодарного сердца поведал, что именно сей старец явился ему во сне и исцелил его от тяжелой болезни. «Я предавался пьянству, – сказал он, – и заболел наконец воспалением мочевого пузыря. Но сего праведника я помнил всегда и поминал его на своей грешной молитве вместе с своими родными. И вот он является мне и с свойственною ему при жизни простотою говорит: «А ты все жрешь еще водку? Смотри, вот ведь до чего ты дошел!» Говорит это, а сам как бы разглаживает мне живот. Я проснулся и почувствовал себя совсем здоровым. Теперь я бросил совсем водку пить».

Видите: как Господь не остается в долгу, воздавая и за одну чашу студеной воды, поданной во имя Его, так и святые угодники Божий не остаются в долгу пред теми, кто не только призывает их в молитве; но пока они еще не прославлены Церковью, молится за них... Ну что уж, казалось бы, за молитва

несчастливого пьяницы за праведника, а вот смотрите: и она слышится на небе, и за нее воздаст сторицею угодник Божий и вразумлением, и от болезни исцелением... Как близко к нам небо и как непростительно мы забываем это!

Этот рассказ напомнил мне чудо Матери Божией, описанное в «Руне Орошенном» у святителя Димитрия Ростовского. Там повествуется, как один грешник, каждый раз, как собирался на грех, становился пред иконою Богоматери и произносил Ей архангельское приветствие: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!» И вот однажды он видит, что икона как бы ожила и из язв на руках и ногах Богомладенца течет кровь... В ужасе воскликнул он: «Кто это сделал. Владычице?!» – «Ты и подобные тебе грешники, – отвечала Матерь Божия. – Вы каждый раз распинаете Сына Моего, когда согрешаете»... И в покаянном чувстве стал грешник умолять Владычицу походатайствовать за него пред Сыном и Богом Ее, и Матерь милосердия стала просить Господа и трижды умоляла Его за грешника и испросила ему прощение.

Видите: казалось бы, что уж за молитва, что за приветствие из уст того, кто идет на грех? А вот и эта ничтожная, почти грешная молитва не забыта Царицей Небесной, и за эту молитву Она вразумила и к покаянию обратила сего грешника! О, как велико милосердие Божие, как несказанно милосердие и Его Пречистой Матери!

Грешники, подобные мне! Не будем отчаиваться! Но не будем и терять время, благоприятное для покаяния! Кто знает? Может быть, скоро затворятся пред нами двери милосердия Божия: итак, пока они отверсты, пока есть еще время на покаяние – будем каяться, будем просить милости у Господа и святых Его, милости себе и родине нашей многострадальной!

Бог привел меня еще раз поклониться святителю Тихону, Задонскому и всея России чудотворцу. 32 года тому назад я был здесь еще послушником; составляя свои «Троицкие Листки», я нередко мысленно беседовал с угодником Божиим, извлекая соты духовные из его воистину медоточивых писаний, и всегда, при воспоминании его святого имени, миром и тишиною веяло на мое сердце. Благодарение угоднику Божию: я не только

помолился у его нетленных мощей, но и литургию совершил, и сподобился слышать много утешительного о том, как он и ныне чудодействует. Достопочтенный отец архимандрит, настоятель его обители, поведал мне, что особенно много было смиренных богомольцев этим летом: одних барашков привели до тысячи «в жертву обители», много ржи, пшеницы, овса нанесли, и все это – в благодарность святителю Божию за его милости верующим душам. «Спросите, – говорил он, – и каждый приносящий что-нибудь расскажет вам из дел милости чудотворца. Кто получил исцеление, кто – помощь в житейских делах, которой усердно просил у угодника Божия, давая обещание поклониться ему, принести ему посильную жертву в простоте сердца». На 50-летию прославления мощей святителя 13 августа и в ближайшие дни было, говорят, до ста тысяч богомольцев здесь.

Наплыв богомольцев замечается и в других обителях: и в Киеве, Сарове и в нашей Сергиевой Лавре. Сердцу верится, что православная Русь, в ее лучших представителях, в этих смиренных сердцем, в простоте верующих простецах, стосковалась по своим заветным святыням, как ^ы очнулась от тяжкого кошмара, который переживала эти смутные годы, и спешит паки к живоносным источникам, которые искони питали ее жаждущее сердце. О, если бы эти волны народные увлекли с собою и тех, которые мнятся стоять выше простецов, считают себя вершителями судеб народных, руководителями государственной и общественной жизни! Если бы и эти люди смирились сердцем и слились бы в простоте веры с этими добрыми душами, от них позаимствовали бы ту теплоту, ту непосредственности детской веры, какими жива народная русская душа! Ведь тогда наша Русь стала бы снова могучею, славною исполнительницею воли Божией в исторических судьбах народов земных, тогда не страшны были ей никакие козни ее врагов непримиримых, тогда – наоборот: к ней стали бы и другие народы обращаться как к носительнице Божией правды, с упованием взирали бы на нее слабые, с уважением – сильные... О, если бы!..

И вот что достойно внимания: где пробуждается вера, там проявляются и чудеса. Святые Божий откликаются на призыв

душ верующих проявлением милостей своих. А Господь, в бесконечной благодати своей, прославляет преимущественно носителей тех добродетелей, которые нужны в наше грешное время. Вспомните прославление мощей святителя Черниговского Феодосия, преподобного Серафима Саровского, Анны Кашинской, а ныне святителя Иоасафа Белгородского: все это – носители глубочайшего смирения, беззаветной любви к ближнему, любви к родной России, близкие к народу носители народного духа. И немало их почивает еще непрославленных, и вот когда сие благоугодно Господу, когда особенно благопотребно для нас, грешных, Господь являет чрез них знамения и чудеса во славу имени Своего, для пробуждения веры народной, для укрепления духа народного в годину искушения. 300 лет смиренно почивал в Успенском соборе святитель-мученик за отечество святейший Патриарх Гермоген: только нетление мощей его свидетельствовало о его прославлении в селениях небесных; а ныне, когда сатана усердно сеет плевелы свои в среде нашего народа, когда враги Руси святой проповедуют какой-то космополитизм, отрицают добродетель любви к отечеству, ныне, говорю, как бы восстает из своего гроба святейший сей Патриарх, проявлением дивных знамений от мощей своих свидетельствуя, что любить отечество, стоять за него даже до пролития крови, до смерти – есть исполнение заповеди Господней, достойное венца мученического. Гордыня была отличительным свойством минувшего XIX века: и какие же дивные образы Христоподражательного смирения прославил Господь в лице святителей: Митрофана, Тихона и Феодосия! Еще более заражен гордостью, доходящей до осатанения, до отрицания Бога, нынешний XX век; и вот просиявают светильники смирения в лице Серафима Саровского, который был воистину дитя Божие, и святителя Иоасафа Белгородского, напоминающего своею жизнью, своим милосердием и даже своею строгостью всемирного заступника чудотворца Николая... Слава милосердию Твоему, Господи наш, дивный во святых Своих! До конца сотвори милость Твою с нами, и да не в суд и во осуждение будут сии милости Твои к нам, грешным!..

Святые Божий видят нас с высоты небесной и всегда готовы нам на помощь, лишь бы мы не забывали их. И это должно сказать не об одних только уже прославленных Богом праведниках, но и о тех, коим еще не пришел час их прославления, с которыми мы имеем общение в молитве, не столько обращенной к ним, сколько приносимой еще за них... Вот трогательный рассказ, слышанный мною от о. Архимандрита Нафанаила в Задонске.

Приходит в обитель один торговый человек из Ельца и просит показать ему могилу великого подвижника Антония Алексеевича, юродствовавшего Христа ради. Когда его привели в усыпальницу и показали могилу, он, взглянув на висящий тут же портрет праведника, с умилением склонил колена и в чувстве благодарного сердца поведал, что именно сей старец явился ему во сне и исцелил его от тяжелой болезни. «Я предавался пьянству, – сказал он, – и заболел наконец воспалением мочевого пузыря. Но сего праведника я помнил всегда и поминал его на своей грешной молитве вместе с своими родными. И вот он является мне и с свойственной ему при жизни простотою говорит: «А ты все жрешь еще водку? Смотри, вот ведь до чего ты дошел!» Говорит это, а сам как бы разглаживает мне живот. Я проснулся и почувствовал себя совсем здоровым. Теперь я бросил совсем водку пить».

Видите: как Господь не остается в долгу, воздавая и за одну чашу студеной воды, поданной во имя Его, так и святые угодники Божий не остаются в долгу пред теми, кто не только призывает их в молитве; но пока они еще не прославлены Церковью, молится за них... Ну что уж, казалось бы, за молитва несчастного пьяницы за праведника, а вот смотрите: и она слышится на небе, и за нее воздает сторицею угодник Божий и вразумлением, и от болезни исцелением... Как близко к нам небо и как непростительно мы забываем это!

Этот рассказ напомнил мне чудо Матери Божией, описанное в «Руне Орошенном» у святителя Димитрия Ростовского. Там повествуется, как один грешник, каждый раз, как собирался на грех, становился пред иконою Богоматери и произносил Ей архангельское приветствие: «Радуйся, Благодатная, Господь с

Тобою!» И вот однажды он видит, что икона как бы ожила и из язв на руках и ногах Богомладенца течет кровь... В ужасе воскликнул он: «Кто это сделал. Владычице?!» – «Ты и подобные тебе грешники, – отвечала Мать Божия. – Вы каждый раз распинаете Сына Моего, когда согрешаете»... И в покаянном чувстве стал грешник умолять Владычицу походатайствовать за него пред Сыном и Богом Ее, и Мать милосердия стала просить Господа и трижды умоляла Его за грешника и испросила ему прощение.

Видите: казалось бы, что уж за молитва, что за приветствие из уст того, кто идет на грех? А вот и эта ничтожная, почти грешная молитва не забыта Царицей Небесной, и за эту молитву Она вразумила и к покаянию обратила сего грешника! О, как велико милосердие Божие, как несказанно милосердие и Его Пречистой Матери!

Грешники, подобные мне! Не будем отчаиваться! Но не будем и терять время, благоприятное для покаяния! Кто знает? Может быть, скоро затворятся пред нами двери милосердия Божия: итак, пока они отверсты, пока есть еще время на покаяние – будем каяться, будем просить милости у Господа и святых Его, милости себе и родине нашей многострадальной!

Год 1912

Бог привел меня еще раз поклониться святителю Тихону, Задонскому и всея России чудотворцу. 32 года тому назад я был здесь еще послушником; составляя свои «Троицкие Листки», я нередко мысленно беседовал с угодником Божиим, извлекая соты духовные из его воистину медоточивых писаний, и всегда, при воспоминании его святого имени, миром и тишиною веяло на мое сердце. Благодарение угоднику Божию: я не только помолился у его нетленных мощей, но и литургию совершил, и сподобился слышать много утешительного о том, как он и ныне чудодействует. Достопочтенный отец архимандрит, настоятель его обители, поведал мне, что особенно много было смиренных богомольцев этим летом: одних барашков привели до тысячи «в жертву обители», много ржи, пшеницы, овса нанесли, и все это – в благодарность святителю Божию за его милости верующим душам. «Спросите, – говорил он, – и каждый приносящий что-нибудь расскажет вам из дел милости чудотворца. Кто получил исцеление, кто – помощь в житейских делах, которой усердно просил у угодника Божия, давая обещание поклониться ему, принести ему посильную жертву в простоте сердца». На 50-летию прославления мощей святителя 13 августа и в ближайшие дни было, говорят, до ста тысяч богомольцев здесь.

Наплыв богомольцев замечается и в других обителях: и в Киеве, Сарове и в нашей Сергиевой Лавре. Сердцу верится, что православная Русь, в ее лучших представителях, в этих смиренных сердцах, в простоте верующих простецах, стосковалась по своим заветным святыням, как ^ы очнулась от тяжкого кошмара, который переживала эти смутные годы, и спешит паки к живоносным источникам, которые искони питали ее жаждущее сердце. О, если бы эти волны народные увлекли с собою и тех, которые мнятся стоять выше простецов, считают себя вершителями судеб народных, руководителями государственной и общественной жизни! Если бы и эти люди смирились сердцем и слились бы в простоте веры с этими добрыми душами, от них позаимствовали бы ту теплоту, ту

непосредственности детской веры, какими жива народная русская душа! Ведь тогда наша Русь стала бы снова могучею, славною исполнительницею воли Божией в исторических судьбах народов земных, тогда не страшны были ей никакие козни ее врагов непримиримых, тогда – наоборот: к ней стали бы и другие народы обращаться как к носительнице Божией правды, с упованием взирали бы на нее слабые, с уважением – сильные... О, если бы!..

И вот что достойно внимания: где пробуждается вера, там проявляются и чудеса. Святые Божий откликаются на призыв душ верующих проявлением милостей своих. А Господь, в бесконечной благодати своей, прославляет преимущественно носителей тех добродетелей, которые нужны в наше грешное время. Вспомните прославление мощей святителя Черниговского Феодосия, преподобного Серафима Саровского, Анны Кашинской, а ныне святителя Иоасафа Белгородского: все это – носители глубочайшего смирения, беззаветной любви к ближнему, любви к родной России, близкие к народу носители народного духа. И немало их почивает еще непрославленных, и вот когда сие благоугодно Господу, когда особенно благопотребно для нас, грешных, Господь являет чрез них знамения и чудеса во славу имени Своего, для пробуждения веры народной, для укрепления духа народного в годину искушения. 300 лет смиренно почивал в Успенском соборе святитель-мученик за отечество святейший Патриарх Гермоген: только нетление мощей его свидетельствовало о его прославлении в селениях небесных; а ныне, когда сатана усердно сеет плевелы свои в среде нашего народа, когда враги Руси святой проповедуют какой-то космополитизм, отрицают добродетель любви к отечеству, ныне, говорю, как бы восстает из своего гроба святейший сей Патриарх, проявлением дивных знамений от мощей своих свидетельствуя, что любить отечество, стоять за него даже до пролития крови, до смерти – есть исполнение заповеди Господней, достойное венца мученического. Гордыня была отличительным свойством минувшего XIX века: и какие же дивные образы Христоподрожательного смирения прославил Господь в лице

святителей: Митрофана, Тихона и Феодосия! Еще более заражен гордостью, доходящей до осатанения, до отрицания Бога, нынешний XX век; и вот просиявают светильники смирения в лице Серафима Саровского, который был воистину дитя Божие, и святителя Иоасафа Белгородского, напоминающего своею жизнью, своим милосердием и даже своею строгостью всемирного заступника чудотворца Николая... Слава милосердию Твоему, Господи наш, дивный во святых Своих! До конца сотвори милость Твою с нами, и да не в суд и во осуждение будут сии милости Твои к нам, грешным!..

Святые Божий видят нас с высоты небесной и всегда готовы нам на помощь, лишь бы мы не забывали их. И это должно сказать не об одних только уже прославленных Богом праведниках, но и о тех, коим еще не пришел час их прославления, с которыми мы имеем общение в молитве, не столько обращенной к ним, сколько приносимой еще за них... Вот трогательный рассказ, слышанный мною от о. Архимандрита Нафанаила в Задонске.

Приходит в обитель один торговый человек из Ельца и просит показать ему могилу великого подвижника Антония Алексеевича, юродствовавшего Христа ради. Когда его привели в усыпальницу и показали могилу, он, взглянув на висящий тут же портрет праведника, с умилением склонил колена и в чувстве благодарного сердца поведал, что именно сей старец явился ему во сне и исцелил его от тяжелой болезни. «Я предавался пьянству, – сказал он, – и заболел наконец воспалением мочевого пузыря. Но сего праведника я помнил всегда и поминал его на своей грешной молитве вместе с своими родными. И вот он является мне и с свойственною ему при жизни простотою говорит: «А ты все жрешь еще водку? Смотри, вот ведь до чего ты дошел!» Говорит это, а сам как бы разглаживает мне живот. Я проснулся и почувствовал себя совсем здоровым. Теперь я бросил совсем водку пить».

Видите: как Господь не остается в долгу, воздавая и за одну чашу студеной воды, поданной во имя Его, так и святые угодники Божий не остаются в долгу пред теми, кто не только призывает их в молитве; но пока они еще не прославлены

Церковью, молится за них... Ну что уж, казалось бы, за молитва несчастного пьяницы за праведника, а вот смотрите: и она слышится на небе, и за нее воздает сторицею угодник Божий и вразумлением, и от болезни исцелением... Как близко к нам небо и как непростительно мы забываем это!

Этот рассказ напомнил мне чудо Матери Божией, описанное в «Руне Орошенном» у святителя Димитрия Ростовского. Там повествуется, как один грешник, каждый раз, как собирался на грех, становился пред иконою Богоматери и произносил Ей архангельское приветствие: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!» И вот однажды он видит, что икона как бы ожила и из язв на руках и ногах Богомладенца течет кровь... В ужасе воскликнул он: «Кто это сделал. Владычице?!» – «Ты и подобные тебе грешники, – отвечала Мать Божия. – Вы каждый раз распинаете Сына Моего, когда согрешаете»... И в покаянном чувстве стал грешник умолять Владычицу походатайствовать за него пред Сыном и Богом Ее, и Мать милосердия стала просить Господа и трижды умоляла Его за грешника и испросила ему прощение.

Видите: казалось бы, что уж за молитва, что за приветствие из уст того, кто идет на грех? А вот и эта ничтожная, почти грешная молитва не забыта Царицей Небесной, и за эту молитву Она вразумила и к покаянию обратила сего грешника! О, как велико милосердие Божие, как несказанно милосердие и Его Пречистой Матери!

Грешники, подобные мне! Не будем отчаиваться! Но не будем и терять время, благоприятное для покаяния! Кто знает? Может быть, скоро затворятся пред нами двери милосердия Божия: итак, пока они отверсты, пока есть еще время на покаяние – будем каяться, будем просить милости у Господа и святых Его, милости себе и родине нашей многострадальной!

Берегите сокровища народного сердца!

Возвращаясь с юга, я посетил Белгород, чтобы здесь поклониться новоявленному чудотворцу святителю Божию Иоасафу, служил литургию и молебен с акафистом и говорил поучение... Сердце радуется, когда приобщаешься молитве народной, когда становишься в ряды вот этих смиренных сердцем и нищих духом простых русских людей, когда сливаешь свою немощную хладную молитву с их теплою молитвою и ощущаешь тихий прилив умиления в этом молитвенном общении с Церковью, веруя, что на крыльях их молитвы пойдет к Богу и твоя убогая молитва!.. Вглядитесь поближе в эти добрые, умиленные лица: сколько отражается в них сердечного умиления, сколько смиренной простоты: преданности Богу, Его святой воле, сколько духовной, неопикуемой словами красоты! Тихо, бесконечной вереницей тянутся они, по четыре, по пяти в ряд, ко гробу чудотворца, все со свечами в руках: выжидают своей очереди по несколько часов, может быть, по несколько суток, чтобы только прикоснуться устами к покровцам на святых мощах, чтобы вздохнуть лишний раз в безмолвной, молитвенной беседе с новым своим молитвенником, тихо поведать ему свои скорби, свои нужды и немощи!.. Кажется, если бы кто и захотел оскорбить этих смиренных молитвенников, ему не удалось бы вызвать чувства гнева, негодования: они не способны на» это, в их сердце нет места таким чувствам! Они скажут только: «Видно, недостойны мы, грешные, и близко-то подойти к угоднику Божию, видно, Бог не судил...» И тихо отойдут в сторону от обидчика. Читал я в газетах, что на великом торжестве открытия св. мощей святителя Иоасафа так и было: с народом обращались грубо, не пускали в монастырь даже прибывших с крестными ходами, гнали из города, вон, в поле, в лагери, и народ смиренно все переносил из любви к угоднику Божию... Один почтенный богомолец поведал мне: «Я стоял в Толпе народа, прижатого к стене; на уступе лепились женщины, была опасность – вот заколеблется толпа, их столкнут и неминуемо растопчут

насмерть. Это опасение и высказала одна дама женщинам. И что же слышит в ответ? «Хорошо и умереть при таком святом деле!» И мне невольно вспоминалось, как в 1892 году при праздновании великого 560-летнего юбилея представления преподобного Сергия вот так же стеклись сотни тысяч народа православного, хотя в то время не было слышно жалоб на грубость полиции, но все же многим пришлось только издали взглянуть на святую обитель Живоначальная Троицы: и никто не поскорбел, и сбылось тогда слово самого преподобного:

«Бог дал такую благодать сему месту, что никто отсюда не уходит неутешенным». Помню, как один убеленный сединами старец стоял на противоположной от Лавры горе на коленях и со слезами умиления усердно клал поклоны; подходит к нему кто-то и говорит: «Дедушка! пришел бы ты в другое время, а теперь вот видишь, тебе не придется и взглянуть на мощи преподобного!» А он в ответ: «Я-то его, батюшку, не увижу, да он-то меня видит!» И, конечно, видел великий печальник Русской земли этих смиренных ее чад, видел и радовался на них, как радуются всё угодники Божий, изливая на них милости Божий, лаская их незримою ласкою духовного утешения, исцеляя их недуги, утешая их в их скорбях...

Таково сокровище народного верующего сердца. Скажите, мудрецы, историки и философы: кто воспитал это сокровище – нашу народную православную душу? Не мать ли наша родимая – Церковь православная? Где, у какого еще народа найдете такое сокровище? И это-то сокровище пытаются похитить лютые враги народа Русского! И это-то сокровище не ценят наши интеллигенты! И сего-то сокровища не берегут наши законосочинители! Напротив: готовы, кажется, отдать на расхищение, готовы сами содействовать скорейшему вытравлению его из сердца народного!.. Господи, вступишь за нас ради молитв Твоих великих угодников, наших крепких пред Тобою заступников и молитвенников. Огради наше родное православие от разных хищных волков, на него устремляющихся! Открой очи тем, кто творит зло Церкви Твоей бессознательно, вразуми и сдержи тех, кто идет на это зло сознательно!..

Об этом надобно молиться русским людям непрестанно, молиться усердно, молить Бога и святых заступников Русской земли. Известно ведь, что провинция прислушивается к тому, что говорит или о чем мечтает столица, и что столица умеет завернуть в красивые либеральные фразы, то провинция выражает в грубых формах, что в столице еще только пропагандируется, то провинция уже спешит провести в жизнь... И всего печальнее то, что творят это органы власти, лица, коим деревня беспрекословно повинует. В виде иллюстрации приведу один факт, взятый не из газетных сообщений, а прямо из жизни. Земский начальник назначил сход сельского общества как раз в воскресный день, в 9 часов утра. Народ был в храме Божиим у литургии. И вот является в церковь сельский староста и начинает бегать по церкви, разыскивая домохозяев, объявляя им, что земский начальник уже сидит в волостном правлении и ждет их. Староста буквально выгонял народ из храма, исполняя волю начальника. Произошел шум, богомольцы возмущались, однако же пришлось идти в правление, и храм опустел. «И стало у всех на душе страшно тяжело, – пишет священник. – Каждый из оставшихся в храме невольно подумал: вот уже настало и такое время, что в православном государстве чиновники Его Величества, называемые православными, открыто глумятся – издеваются над верою православной... Но и этого мало: земский начальник посадил одного десятского под арест на семь дней за то, что он, не получив точных сведений, в какое время будет сельский сход, позволил крестьянам идти в церковь помолиться... А 15 августа тот земский начальник вызвал всех домохозяев в количестве 88 человек в 9 часов утра в свою квартиру по своему делу и крестьяне таким образом лишены были возможности сходить помолиться в храм в такой великий праздник».

Скажите, читатель, что это, как не издевательство над верою простых людей? Мне скажут: таких уродов на службе немного. А я напому, что одних учителей и учительниц из земских и министерских школ было выслано за участие в революции в разные отдаленные и не столь отдаленные места более 22000, а ведь все эти «просветители» одинаково

относятся к нашей святой матери Церкви и православной вере...

Но чтобы не кончать дневника такой мрачной картиной, приведу выписки из отчета одного моего благочинного. Вот что пишет из Устьсысольского уезда о. Димитрий Попов:

«Прихожане Устьнемской Спасской церкви употребляют все усилия, чтобы закончить постройку храма, уплачивая ежегодно на это дело по 7 рублей с ревизской души, что для небогатых в течение 4 лет тяжело отзывается на их скудном бюджете. Но они не ропщут. «Ничего, батюшка, – говорят они, – меньше будем водки выпивать, перетерпим и другие недостатки в домашнем хозяйстве, а больше будем работать, вот и скопится на храм. Бог поможет». Нередки случаи, что прихожане, не считая возможным уклониться от взносов на постройку храма, даже стыдясь отстать в этом святом деле от более состоятельных, принуждают себя к лишениям в пище, одежде, откладывают чаепитие, продают намеченных к рождению телят и жеребят, чтобы только «не быть без пая в постройке», как выражаются они.

«В Пожегодском Троицком приходе 19 июня, в воскресенье, происходило торжество закладки храма. Сечение народа было громадное. Боголюбивые жертвователи-прихожане несли на устройство храма и зерна, и пеньку, и овчины, и холст, каждый считал себя обязанным принести на храм не только деньги, но и что-либо из своего земледельческого хозяйства. Лично я заметил после молебствия, как почтенный старик сгибался под тяжестью мешка с зерном, подносимого им к храму. «Что ты, дедушка, надрываешься? Разве уж некому поднести ношу?» – спросил я. «Как некому, батюшка? Есть сыновья, да они сами свое несут, а это – мое: сам еще заседал, когда был помоложе, сам и поднесу Святой Троице. Куда мне беречь себя и свои силы? Скоро ведь все равно умру!» – ответил этот старец и продолжал нести, хотя, видно, приходилось ему очень тяжело...»

Читая такие отчеты, утешаешься мыслию, что еще жива наша святая Русь, что пока наш народ еще благоговеет пред святынями своими, пока любит родные храмы Божий, дотоле не

страшны все эти земские начальники, эти учителя-безбожники, все эти статистики, фельдшера и вся эта либеральная безбожная шушера... Но в том-то и опасность, что враг Церкви подбирается к народной душе, чтоб обокрасть ее, чрез школу, чтоб в зачатке вытравить все то, что Церковь внедряла в народную душу в продолжение почти тысячи лет...

Благослови, Господи, всех любящих благолепие дома Твоего и огради их силою животворящего Твоего креста от всех сих искусителей!

«Мои дневники», 1912

Чем больна наша матушка Россия?

От чего болеет Россия?

Что наша матушка Россия духовно болеет – это, кажется, для всех очевидно, но в чем корень болезни, какие условия в самом государственном организме благоприятствуют этой болезни – об этом высказываются самые разнообразные, до противоположности, суждения. Не буду разбирать все эти суждения, тем более что в наше время много таких писателей, которые сами не верят тому, что пишут, высказывают свои суждения лишь для того, чтобы скрыть свои настоящие мысли. Не стоит тратить времени на полемику с такими публицистами: все равно – их ничем не убедишь, ибо они не хуже современных Господу Иисусу Христу книжников и фарисеев знают истину, но нарочито закрывают свои глаза, чтоб ее не видеть... Попытаюсь ответить на поставленный вопрос от лица тех русских людей, которые единомысленны со мною, которые искренно любят свою родину, вдумчиво относятся к тому, что теперь творится на Руси, и целым сердцем желают ей добра.

Россия духовно болеет от великого духовного раскола между верхними, интеллигентными ее слоями и всею многомиллионною массою народной, не того церковного раскола, что произошел из-за обрядов церковных при патриархе Никоне, а того, начало коему положено при Великом Петре. В самом деле: не болезненное ли это явление в организме великого народа, что его верхние слои, его мыслящая часть не хочет знать тех заветных идеалов, коими жива народная душа, которые являются стихией его духовной жизни, без которых немыслима самая личность народная? Если бы великий преобразователь предвидел, к чему приведет его увлечение западными формами политической и общественной жизни, то он не назвал бы своего стольного города немецким именем, не перенес бы к нам всю ту мишуру, без которой и можно и должно было бы обойтись при введении реформ, признанных им необходимыми для государственного преуспевания столь любимой им России. Но роковая ошибка была сделана, и вот к

концу еще XVIII столетия наши верхние слои, наша бюрократия, представители высших сфер государственной жизни, науки, искусства, за исключением очень немногих, уже были заражены вольнодумством, вольтерьянством, масонством и всеми теми духовными ядами, которые постепенно, но верно вели западные народы к разложению. Пока этот раскол, эта духовная болезнь находила себе место в области личной жизни, в области мысли, дотоле явление это было, сравнительно говоря, терпимо: народ сторонился от изменивших его идеалам интеллигентов, жил своею жизнью, храня по мере сил заветы отцов, снисходительно смотря на «бар», среди которых, к счастью, видел и верных сынов Церкви, и преданных сынов отечества, которые хотя и не всегда соблюдали посты, не всегда исправно посещали храмы Божий, но все же и не вторгались в духовную жизнь народа, не порицали ее открыто, а иногда, хотя внешним образом, проявляли свое участие в этой жизни. Во всяком случае православный народ твердо знал и помнил, что его вера есть единая святая и богопреданная, что его Церковь – святыня неприкосновенная, что его Царь есть Божий Помазанник, коего слово – закон непогрешимый... Прошло полтора века с той поры, как появилась эта духовная болезнь народного раскола. В половине прошлого столетия, пользуясь великими реформами Императора-Освободителя, под влиянием веяний масонства, незримо и неуловимо всюду проникающего и всюду вносящего свой тлетворный, разлагающий яд, наша интеллигенция стала постепенно заражать народ своею болезнью легкомыслия в, вопросах веры, а следовательно – и нравственной жизни. Свобода печати разносила яд лжеучений всюду по Руси, 60-е годы положили прочное начало тому движению, которое в самое последнее время наименовало себя «освободительным». Роковой в истории России 1905 год, год смуты и всяческих послаблений, раскрыл, какая пропасть отделяет нашу интеллигенцию от самого народа. Правящие сферы колебались: вместо того чтобы ясно, твердо и определенно стать на стороне народных, идеалов, интеллигенты-бюрократы как бы стыдились этих идеалов и вносили один за другим законопроекты, решительно

неприемлемые народной душой... Началась и досель продолжается какая-то ненужная, непонятная борьба: с одной стороны – интеллигенты, желающие во что бы то ни стало навязать народу чужие идеалы, с другой – народ, крепко стоящий за свои родные заветы; с одной стороны – стремление внести в самые законы, а чрез законы и в жизнь народную равнодушие к родной Церкви, к Православной вере, к идеалу Самодержавия, к родному народу; с другой – твердое, стихийное, хотя не всегда правильно организованное отстаивание всех этих заветных святынь... Удивительно то, что ведь интеллигенция – горсточка в сравнении с великаном-народом, а между тем хочет весь народ в духовном отношении переделать по образу и подобию своему... Ради чего? Во имя чего? Сама не дает себе отчета. Еще удивительнее, что в этой интеллигенции есть ведь люди искренние, – о продавших себя иудеям и масонам, конечно, не стоит и говорить, – люди, думающие, что они хотят облагодетельствовать народ... Как будто туман какой-то застилает глаза этим доброжелателям народным, а когда им указывают на их основную ошибку, то простое самолюбие не позволяет им сознаться, и они стараются убедить себя и других, что они-то и есть настоящие благодетели народа! А этим великим заблуждением пользуются враги народа и спешат поддержать заблуждение в умах сих, чужим умом мыслящих, людей. Опасность в том, что такие люди не верят в самое существование этих врагов, а сии враги ими же и верховодят! Ведь почти вся печать захвачена именно этими врагами, они имеют своих агентов среди самих правящих сфер, искусно внушают там все, что им нужно, между тем как наши благонамеренные интеллигенты и подозревать того не хотят! А народ инстинктивно, историческим чутьем видит эту опасность и всячески, хотя и неумело, протестует против этого духовного насилия. Слава Богу, что еще имеются среди самой интеллигенции, как выше сказано, люди, не порвавшие связи с народом, еще живущие народными идеалами, хотя и немного их. Они объединяются в сообщества и союзы, чтобы выяснить эти идеалы, укреплять их в своем собственном сознании, отстаивать их пред лицом прочей интеллигенции. Шесть лет

назад, когда в Петербурге образовалось Русское Собрание, нам, русским православным людям, казалось как-то странным, что в русской столице образуется Русское Собрание... как будто столица-то не русская? Но когда это Собрание стало проявлять свою деятельность, то осталось только благодарить основателей такого учреждения. Стало ясно, что тут хотят объединиться истинно русские люди, чтоб послужить по мере своих сил своей родине, своему родному народу, чем и как могут. С того времени появилось немало таких содружеств, союзов, собраний, братств... Но вот в чем опять-таки крайне прискорбное явление: в правящих сферах им как будто не доверяют, их голосу не внимают, нередко ставят препятствия их деятельности и как будто считают их тормозом в деле «обновления» России... Стань правительство рядом с носителями народной мысли, народных идеалов, пойдя за ними рука об руку, и Россия действительно обновится, окрепнет, и народ, в его лучших представителях, возликует, готов будет на все, на всякие жертвы, только бы представители власти поняли и оценили его заветные идеалы. К сожалению, в верхних кругах этого бесповоротного решения не замечается: там все какое-то колебание, как будто стыдятся прямо и решительно, открыто и мужественно заявить, что они ни в каком случае не допустят ни малейшего оскорбления Церкви Православной, не позволят ни под каким видом соблазнять простецов пропагандой лжеучений, что, допуская свободу исповедания, отнюдь не допустят свободу распространения лжеучений...

Гипноз всеобщего обучения

I

Говорят, что индийские йоги обладают такою силою внушения, что могут загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мне думается, что сила гипноза, если понимать ее в более широком смысле, идет гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только определенную толпу, которую можно сразу окинуть взглядом, но и, тысячи людей, разбросанных на сотни тысяч квадратных верст, можно внушить им самую неприемлемую трезвым рассудком и даже здравым смыслом идею и заставить их преклониться пред этой идеей, беспрекословно служить ей... Я говорю о духовном гипнозе. Самым наглядным, как доходящим до смешного, до нелепости, примером такого гипноза служит мода: как бы ни была нелепа, как бы ни была разорительна – ее предписания выполняются беспрекословно, и, если только имеются какие-нибудь средства, считается неприличием, своего рода позором явиться на бал не в модном платье...

Я сейчас назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранее знаю, что за это многие обзовут меня обскурантом, мракобесом и другими не менее лестными именами существительными и прилагательными. Я прошу об одном: не искажать моей мысли, взять самое зерно ее и поглубже в него вдуматься. Итак, слушайте: я утверждаю, что идея всеобщего обучения в том виде, как ее понимают наши радетели народного просвещения, есть внушение, гипноз, мечта, здравым разумом не приемлемая при современных условиях народной русской жизни. Знаю, мне скажут: вы – враг народного просвещения, поборник невежества и т.п. Но кто же доказал, будто всеобщее обучение есть просвещение народа? Эти два понятия отстоят одно от другого как небо от земли. Всякое обучение, не исключая даже и обучения в высших учебных заведениях, в разных университетах и академиях, есть только именно обучение, сообщение той или другой суммы знаний, развитие только одной стороны человеческого духа –

умственной его деятельности, да притом еще далеко не всегда имеющее нравственную ценность. А это еще не есть просвещение. Вспомните, как определял наш великий Гоголь понятие просвещения. Просветить, говорит он, значит высветлить, насквозь пронизать все духовное существо человека чистым светом Христова учения, очистить его от всякой духовной нечисти: лжи, суеверия, нравственной нечистоты... Было бы недобросовестно с нашей стороны не признаться, что такого просвещения почти ни одна школа не дает, или если какая дает, то в очень малой степени. С большей справедливостью следовало бы просвещением называть не обучение, а воспитание, следовало бы переставить в отношении их ценности эти два понятия: во-первых – воспитание, во-вторых – обучение. Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае – воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро, ни зло: это только средство делать добро или зло, а без воспитания чаще всего является злом...

Ведь все это давным-давно известно, все это – неоспоримые истины, и, однако же, давайте нам обучение, да еще всеобщее, и – ни слова о воспитании!..

Мне скажут: при обучении само собою разумеется и воспитание.

Не будем лицемерить, будем смотреть в глаза самой жизни, самому делу обучения, как оно стоит... Мне кажется, не стоит напрасно тратить время, чтобы доказывать, что все наши школы, и высшие, и средние, и низшие, почти не думают о воспитании: вся их забота сосредоточена на учебе. Разве только наша бедная церковноприходская школа еще делает кое-что для воспитания детей народа, но не за то ли ее и гонят, несчастную, не за то ли и хотят измором извести? Я не враг грамотности, но и не считаю ее таким великим благом, чтобы выбрасывать на нее те миллионы, которые выжимаются из народа преступным поощрением пьянства: простите мне, иначе я не умею назвать систему монополии в продаже водки. О, конечно, если бы не было на нас десяти-одиннадцати миллиардов долгов, если бы не приходилось каждый год

выплачивать по этим долговым обязательствам полмиллиарда одних процентов, тогда наш первый долг лежал бы позаботиться о народной школе, – говорю о школе, но еще не о всеобщем обучении, ибо для всеобщего обучения надо прежде всего позаботиться о том, кого приставить к этому делу – о воспитателях народа – учителях, а еще первее – о пастырях, об отцах духовных, как воспитателях народа в духе Христова учения. Но попытайтесь сказать это вслух некоторым нашим законосоставителям – на вас обрушатся все громы и молнии этих якобы просвещенных господ!.. Как не признать это гипнозом, своего рода помешательством на внушенной идее? А что она внушена, в этом для меня сомнения нет. И внушена она врагами рода человеческого – масонами и иудеями. И нужно это всеобщее обучение в том виде, в каком оно несомненно будет вводиться – нужно не народу, а вот этим непрошеным радателям народного блага. Ведь никакого сомнения нет в том, что дело обучения, если оно попадет в руки этих просветителей, поведется так, что из души народной будет вытравлено все, что так дорого русскому человеку, за что он умирал, что выстрадал и сберег за тысячу лет своего исторического бытия. Попробуйте потребовать, чтобы в народные школы ввели старые, столь любимые нашим народам книги Часослов и Псалтирь: да одно наименование сих священных книг способно вывести их из состояния духовного равновесия: мыслимо ли де это? Какое мракобесие, клерикализм, обскурантизм и прочие безумные глаголы... Вот если вместо Евангелия и Псалтири учить детей по Толстому – вот это будет «просвещение»! На это и учителей достаточно: говорят, из Сибири и других не столь отдаленных мест в последнее время вернулось до 22000 таких народных просветителей: вот им и надо дело и место дать!

Я со страхом помышляю о том времени, когда осуществится такое всеобщее обучение. Уже и теперь по местам юные грамотеи, наслушавшись всяких освободительных бредней, начитавшись жидовских газет и брошюр, потеряли и Бога, и совесть, и стыд, и всякий страх, и терроризируют деревню: что будет, когда все молодое поколение заразится этой отравой? Что станет с народом, когда наше старое поколение

все сойдет в могилу? Что будет с Русью нашей, когда отравленное неверием, кощунством, богохульством и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся в идиотов от алкоголизации, новое, больное и духом и телом поколение явится хозяином на родной земле?.. Ведь надо помнить, если мы христиане, что Бог поругаем не бывает! Надо помнить, что даже наука, – не говорю уже о нравственном законе, о правосудии Божиим – даже беспристрастная наука свидетельствует, что в самых законах природы лежит закон возмездия за нарушение закона нравственного...

Мы открываем новые университеты в то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладели иудеи, когда годами пустуют десятки кафедр в иудействующих университетах, когда жрецы науки в большинстве обратились в прислужников недобросовестной, противонародной политики и антихристианских лжеучений, и вот в такое-то время мы готовы бросить десятки миллионов на новые университеты, сотни миллионов на всеобщее обучение, не желая давать себе отчета даже в том: найдем ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новые народные школы?.. Что все это, как не гипноз, какое-то помешательство на искаженной идее просвещения?

Нужно сначала отрезвить народ, потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели... А то «просвещение», которое готовят ему ввиду «всеобщего обучения» с учителями нового типа, только ускорит эту гибель. Если есть у вас лишних сто миллионов – то сократите на эту сумму спаивание народа. Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, уничтожить всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом наравне с опиумом, гашишем и подобными отравками, строжайше преследуя его продажу и выделку, – то постепенно сводите доходы от этого яда на нет. Этих доходов получает государство в чистом виде, за покрытием расходов по монополии, положим, полмиллиарда в год. Признано возможным чрез десять лет тратить на «всеобщее обучение» лишних по сто миллионов в год. Если иметь мужество

отказаться на время не только от «всеобщего обучения», но и еще от многих прихотей и предметов роскоши, от казенных театров, например, предоставив заботу на все это изыскивать средства тем, кто хочет пользоваться этой роскошью; если, взамен питейного дохода, обложить акцизом, например, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконец, ввести снова подоходный или иной какой налог на все, без исключения, население империи, то кто знает, может быть, мы и победили ли бы кажущегося досель непобедимым врага – народное пьянство! А затем еще несколько лет усилий, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливейшим народом среди народов земных, без всякого питейного дохода. Ведь если сказать правду, то весь чистый (как это слово не к месту приходится употреблять! Лучше бы сказать – весь нечистый) доход от питья приходится отдавать кредиторам как процент, и не будь долгов – не было бы этого расхода. Вот тогда и можно было бы говорить и о всеобщем обучении, и – непременно условие: под надзором и руководством Церкви, и об университетах; конечно с составом профессоров – честных служителей науки, и о многом другом, о чем теперь и мечтать нельзя...

Но я скажу нечто более отрадное: если бы можно было сделать опыт: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернию, оградив ее от водки совершенно, то – я уверен – чрез пять лет в ней само собою появилось бы, без участия казны, и всеобщее обучение... И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропивает эта губерния, осталось бы в ее экономии, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явилась бы потребность, нашлись бы и средства у самого населения, без пособия казны, к открытию школ, развитию ремесел, кустарного производства...

Ужели это невозможно? Как же в Америке есть штаты, где абсолютно нет алкоголя? Или что у других народов возможно, то у нас «немыслимо? Да проявите же наконец мужество взять в руки вожжи, поверьте в совесть народную, призовите св. Церковь в помощь!.. Ведь речь идет о спасении народа, великого народа, великого государства, ведь пред нами стоит

неотступно вопрос: быть или исчезнуть в истории нашей Руси святой?

«Время всякой вещи под небесем», – говорит великий царственный мудрец. Придет время и всеобщему обучению. Но на очереди прежде всего стоит вопрос о спасении народа от вырождения, от алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионов на всеобщее обучение, то бросьте эти миллионы на борьбу с алкоголем. Как это сделать – особый вопрос. Быть может, постепенным территориальным вытеснением алкоголя, например: с такой-то губернии получается 20 миллионов, постановите, чтобы в течение двух лет были закрыты все до единого места продажи алкоголя в этой области, а против тайной продажи ввести драконовские законы, чтобы не повадно было шинковать. Через 10–20 лет Россия избавится от водки... А может быть, люди умные придумают другую систему борьбы с алкоголем. Так ли, иначе ли, но если мы не хотим исчезнуть бесследно со страниц истории или обратиться в вьючный скот для иудеев, то прежде всего надо объявить беспощадную борьбу с алкоголем. А всеобщее обучение нас не спасет от всеобщей гибели...

Пишу я эти строки и думаю: а дочитают ли их до конца мои читатели? Не скажут ли: «Ну, замечтался архиерей? Мыслимо ли то, что он проектирует?»

Да, конечно, немыслимо, если нет среди нас налицо богатырей мысли и дела, если мы так дряблы, что не хотим проявить на малейшей инициативы, если идем на поводке у разных либералов – рабов масонства и иудейства. И до боли горько сознавать, что какие-то азиаты-японцы, язычники по вере, неблагородные арийцы, а желтокожие монголы, больше нас любят свою родину, больше нас проявляют инициативы в государственной жизни... А мы, потомки великих собирателей Руси, мы, носители лучших заветов христианской культуры в православии, мы, сумевшие еще так недавно объединить в одно целое шестую часть земного шара, мы, имеющие у себя идеальнейшую власть в лице Божия Помазанника – Самодержца, мы – увы – боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся

высказать что-либо такое, что покажется нелиберальным «Европе», а лучше, прямее сказать – иудеям-масонам, мы рабски повторяем то, что подскажут нам эти фарисеи-лицемеры!.. Ведь у них такой богатый запас красивых, хотя в сущности пустейших слов: «свобода совести, свобода печати, свобода собраний, союзов... всеобщее обучение, высшая наука» и т.д. и т.д. без конца! И все эти слова имеют какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не в силах противостоять этому очарованию. Мы не смеем даже подумать русским свободным умом, русскою, как говорили наши деды, смекалкою... И они, наши враги, отлично это знают и отлично играют на этой нашей больной струне. Стоит громко свое русское, прямое слово сказать, как они поднимают такой лай, что не рад будешь проявлению своего мужества, ибо нет уверенности, что и свои-то, русские люди, тебя поддержат. До чего мы дошли? До такого унижения, до такого позора! Право же, стыдно становится за нашу интеллигенцию, за наши правящие классы! Стыдно, но и – грешно! Грешно пред Богом, грешно и пред народом...

III

Я кончил свой дневник, о всеобщем обучении, когда мне подали № 282 «Русского Знамени», в котором я прочитал статью г. Фиты «Как франкмасонство завоевало народную школу во Франции». Я очень и очень рекомендовал бы всем, кто еще не запутался в сетях этой проклятой тайной организации, кто любит нашу матушку Русь православную, кто желает ей добра, не раз перечитать эту статью. Он увидел бы, что воистину ничто не ново под солнцем и нашу бедную родину ведут по тому же богоотступническому пути, по какому франкмасоны уже привели несчастную Францию на край гибели. Мы спим, а эти дети сатаны у нас работают настолько успешно, что на последнем масонском конвенте в прошлом сентябре произведено было несколько «победных салютов», то есть взрывов рукоплесканий в честь «той великой страны, в которой, несмотря на все трудности, франкмасонству удалось достигнуть в эти годы чрезвычайно важных результатов». Какая

это страна и какие это результаты замечает автор, нетрудно догадаться всякому...

Официально масонам отказано в разрешении пропаганды в России. Но они вторглись к нам под разными наименованиями и крепко засели и раскинули свои гибельные сети по всей России. У нас образовалось множество всевозможных «лиг», а в последнее время в Петербурге возник «французский институт», поставивший себе задачей «более широкое распространение французских идей среди русского народа». Какие это идеи – чтый да понимает. Как масонам не торжествовать победу над нами! Удивляться надо, как ослепли наши власть имущие, что ничего не видят, ничем не тревожатся, ничего не подозревают?

История Франции последнего столетия ясно указывает, к чему стремятся масоны и у нас. Их главная задача – «обесхристианивание» всего человечества, уничтожение христианства, а с ним и всякой культуры на земле и превращение всех людей в рабочий скот для себя. С этой целью они захватывают в свои руки школу, вытравляют у детей всякое религиозное, нравственное и патриотическое чувство, тщательно вычеркивают имя Божие из учебников, а когда это неудобно, то нарочито сочиняют учебники, в коих ни слова нет о Боге, о Церкви, о любви к отечеству... В несчастной Франции все это почти достигнуто, а у нас стоит на очереди... И там началось с закона о всеобщем бесплатном обучении и изгнанием из школ духовенства, как мечтают сделать и у нас. И там отобрали все школы у церкви, как хотят отнять и у нас. Там дошло дело до того, что учителя всех школ состоят членами масонских лож, что Распятия и др. священные изображения выброшены из школ, молитва в школах запрещена, строжайше запрещено учителям и учительницам ходить и водить в церковь детей и пытаются даже родителей наказывать штрафом, если будут водить детей в храм Божий... Специалистами безбожия выработан и катехизис, кончающийся таким исповеданием веры:

«Я верую в Землю, созидательницу всякой материи; я верую в Разум, Творца всяческой справедливости; я верую в Солидарность, источник всякого могущества. Человечество

обладает этими тремя вещами, человечество может поэтому достигнуть само Совершенства. Так должно быть, так и будет. Аминь».

Таким образом начальное народное образование очутилось целиком во власти масонов. Несравненно легче и скорее масоны овладели средними и высшими школами. Могучим орудием к этому послужила печать, которая почти вся в их руках. Печать подготавливала общественное мнение. Автор говорит: «Все было с замечательной предусмотрительностью обсуждено и учтено. Великий Восток (центральная ложа масонов) понимал хорошо, что великие дела не проходят без затруднений, и потому, когда иной его проект встречался в палате криками ужаса и протестов, он этим нисколько не смущался, ибо это было уже предусмотрено. Обыкновенно, после внесения такого сногшибательного предложения, последнее передавалось в парламентскую комиссию, которая согласно полученным, откуда следует, инструкциям несколько видоизменяла законопроект, кое-что смягчая и выкидывая из него. Яд был разбавлен, чаша подслащена, Но напиток сохранял всю силу своей вредоносности. А между тем негодование мало-помалу умерялось, протесты становились слабее... Что ж? И то хорошо, чего добились! Хуже ведь могло случиться... Наконец, когда законопроект снова передавался на усмотрение палаты, в него вводились еще одна-две легоньких, пустяжных поправки и – злодейский закон прошел!.. Утомленное, обескураженное общественное мнение покоряется. А печать не дремлет: создает лукавыми статьями иллюзию якобы достигнутого новым законом успеха».

Читая эти строки, поражаешься: да ведь все это буквально происходит и у нас, в наших «палатах»! Все это мы, члены Г. Совета, видим воочию! Ведь вот именно так прошел (слава Богу – не утвержденный Государем) законопроект о расстригах; так прошел законопроект о переходе из одной веры в другую; так идут теперь законопроекты о праздниках и о всеобщем обучении. Очевидно, масоны работают и у нас без всякого стеснения. Да и чего им стесняться, когда все – к их услугам: и печать, и общественное мнение, и представители власти, и

наши якобы законодательные учреждения... Если заглянуть им в душу, то и они мечтают о том же, о чем уже говорят французские их «братья»: «Пока мы не изменим радикально мозг наших сограждан, пока мы не дадим совершенно другого направления умственности французских (читай: русских) детей, франкмасонство должно считать себя еще ничего не сделавшим... Поэтому надо всеми мерами добиваться проведения закона, которым возбранялось бы формально родителям, родственникам и опекунам воспитывать своих детей в какой-либо религии под страхом лишения их родительского, родственного и опекунского авторитета и легальной власти, и отобрания детей, и поручения таковых, за счет виновных, государству».

И нет сомнения, если русский народ не даст могучий отпор этим вождениям, то и у нас будет то же, что во Франции. И мы с ужасом увидим прямое гонение на веру православную со стороны этих слуг сатаны, которые и детей наших будут отнимать у нас, чтобы воспитывать их в ненависти к нашей св. вере, и у нас, как хорошо выразился «Колокол», будут свои «янычары», и у нас – скорее, чем во Франции, – польется кровь христианская...

Вот край желаний тех, кто так радеет у нас о всеобщем обучении! Не гг. министров, которые составляли законопроект, а тех, кто все уши прожужжал сим министрам, требуя сего законопроекта...

Пора же наконец опомниться, пока не поздно! Пора решительно и твердо порвать дружбу с правительством Франции, изменяющим Христу и открыто служащим сатане! Пора взяться за свой, русский ум и идти своей, Богом указанной дорогой! Ведь, право же, тошнит от этого подслуживанья врагам рода человеческого, этого пресмыкания пред мерзостью запустения, что царит в несчастной Франции, что губит уже многие народы...

Памяти великого священномученика за отечество

I

Говорят, что индийские йоги обладают такою силою внушения, что могут загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мне думается, что сила гипноза, если понимать ее в более широком смысле, идет гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только определенную толпу, которую можно сразу окинуть взглядом, но и, тысячи людей, разбросанных на сотни тысяч квадратных верст, можно внушить им самую неприемлемую трезвым рассудком и даже здравым смыслом идею и заставить их преклониться пред этой идеей, беспрекословно служить ей... Я говорю о духовном гипнозе. Самым наглядным, как доходящим до смешного, до нелепости, примером такого гипноза служит мода: как бы ни была нелепа, как бы ни была разорительна – ее предписания выполняются беспрекословно, и, если только имеются какие-нибудь средства, считается неприличием, своего рода позором явиться на бал не в модном платье...

Я сейчас назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранее знаю, что за это многие обзовут меня обскурантом, мракобесом и другими не менее лестными именами существительными и прилагательными. Я прошу об одном: не искажать моей мысли, взять самое зерно ее и поглубже в него вдуматься. Итак, слушайте: я утверждаю, что идея всеобщего обучения в том виде, как ее понимают наши радетели народного просвещения, есть внушение, гипноз, мечта, здравым разумом не приемлемая при современных условиях народной русской жизни. Знаю, мне скажут: вы – враг народного просвещения, поборник невежества и т.п. Но кто же доказал, будто всеобщее обучение есть просвещение народа? Эти два понятия отстоят одно от другого как небо от земли. Всякое обучение, не исключая даже и обучения в высших учебных заведениях, в разных университетах и академиях, есть только именно обучение, сообщение той или другой суммы знаний, развитие только одной стороны человеческого духа –

умственной его деятельности, да притом еще далеко не всегда имеющее нравственную ценность. А это еще не есть просвещение. Вспомните, как определял наш великий Гоголь понятие просвещения. Просветить, говорит он, значит высветлить, насквозь пронизать все духовное существо человека чистым светом Христова учения, очистить его от всякой духовной нечисти: лжи, суеверия, нравственной нечистоты... Было бы недобросовестно с нашей стороны не признаться, что такого просвещения почти ни одна школа не дает, или если какая дает, то в очень малой степени. С большей справедливостью следовало бы просвещением называть не обучение, а воспитание, следовало бы переставить в отношении их ценности эти два понятия: во-первых – воспитание, во-вторых – обучение. Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае – воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро, ни зло: это только средство делать добро или зло, а без воспитания чаще всего является злом...

Ведь все это давным-давно известно, все это – неоспоримые истины, и, однако же, давайте нам обучение, да еще всеобщее, и – ни слова о воспитании!..

Мне скажут: при обучении само собою разумеется и воспитание.

Не будем лицемерить, будем смотреть в глаза самой жизни, самому делу обучения, как оно стоит... Мне кажется, не стоит напрасно тратить время, чтобы доказывать, что все наши школы, и высшие, и средние, и низшие, почти не думают о воспитании: вся их забота сосредоточена на учебе. Разве только наша бедная церковноприходская школа еще делает кое-что для воспитания детей народа, но не за то ли ее и гонят, несчастную, не за то ли и хотят измором извести? Я не враг грамотности, но и не считаю ее таким великим благом, чтобы выбрасывать на нее те миллионы, которые выжимаются из народа преступным поощрением пьянства: простите мне, иначе я не умею назвать систему монополии в продаже водки. О, конечно, если бы не было на нас десяти-одиннадцати миллиардов долгов, если бы не приходилось каждый год

выплачивать по этим долговым обязательствам полмиллиарда одних процентов, тогда наш первый долг лежал бы позаботиться о народной школе, – говорю о школе, но еще не о всеобщем обучении, ибо для всеобщего обучения надо прежде всего позаботиться о том, кого приставить к этому делу – о воспитателях народа – учителях, а еще первее – о пастырях, об отцах духовных, как воспитателях народа в духе Христова учения. Но попытайтесь сказать это вслух некоторым нашим законосоставителям – на вас обрушатся все громы и молнии этих якобы просвещенных господ!.. Как не признать это гипнозом, своего рода помешательством на внушенной идее? А что она внушена, в этом для меня сомнения нет. И внушена она врагами рода человеческого – масонами и иудеями. И нужно это всеобщее обучение в том виде, в каком оно несомненно будет вводиться – нужно не народу, а вот этим непрошеным радетелям народного блага. Ведь никакого сомнения нет в том, что дело обучения, если оно попадет в руки этих просветителей, поведется так, что из души народной будет вытравлено все, что так дорого русскому человеку, за что он умирал, что выстрадал и сберег за тысячу лет своего исторического бытия. Попробуйте потребовать, чтобы в народные школы ввели старые, столь любимые нашим народам книги Часослов и Псалтирь: да одно наименование сих священных книг способно вывести их из состояния духовного равновесия: мыслимо ли де это? Какое мракобесие, клерикализм, обскурантизм и прочие безумные глаголы... Вот если вместо Евангелия и Псалтири учить детей по Толстому – вот это будет «просвещение»! На это и учителей достаточно: говорят, из Сибири и других не столь отдаленных мест в последнее время вернулось до 22000 таких народных просветителей: вот им и надо дело и место дать!

Я со страхом помышляю о том времени, когда осуществится такое всеобщее обучение. Уже и теперь по местам юные грамотеи, наслушавшись всяких освободительных бредней, начитавшись жидовских газет и брошюр, потеряли и Бога, и совесть, и стыд, и всякий страх, и терроризуют деревню: что будет, когда все молодое поколение заразится этой отравой? Что станет с народом, когда наше старое поколение

все сойдет в могилу? Что будет с Русью нашей, когда отравленное неверием, кощунством, богохульством и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся в идиотов от алкоголизации, новое, больное и духом и телом поколение явится хозяином на родной земле?.. Ведь надо помнить, если мы христиане, что Бог поругаем не бывает! Надо помнить, что даже наука, – не говорю уже о нравственном законе, о правосудии Божиим – даже беспристрастная наука свидетельствует, что в самых законах природы лежит закон возмездия за нарушение закона нравственного...

Мы открываем новые университеты в то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладели иудеи, когда годами пустуют десятки кафедр в иудействующих университетах, когда жрецы науки в большинстве обратились в прислужников недобросовестной, противонародной политики и антихристианских лжеучений, и вот в такое-то время мы готовы бросить десятки миллионов на новые университеты, сотни миллионов на всеобщее обучение, не желая давать себе отчета даже в том: найдем ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новые народные школы?.. Что все это, как не гипноз, какое-то помешательство на искаженной идее просвещения?

Нужно сначала отрезвить народ, потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели... А то «просвещение», которое готовят ему ввиду «всеобщего обучения» с учителями нового типа, только ускорит эту гибель. Если есть у вас лишних сто миллионов – то сократите на эту сумму спаивание народа. Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, уничтожить всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом наравне с опиумом, гашишем и подобными отравками, строжайше преследуя его продажу и выделку, – то постепенно сводите доходы от этого яда на нет. Этих доходов получает государство в чистом виде, за покрытием расходов по монополии, положим, полмиллиарда в год. Признано возможным чрез десять лет тратить на «всеобщее обучение» лишних по сто миллионов в год. Если иметь мужество

отказаться на время не только от «всеобщего обучения», но и еще от многих прихотей и предметов роскоши, от казенных театров, например, предоставив заботу на все это изыскивать средства тем, кто хочет пользоваться этой роскошью; если, взамен питейного дохода, обложить акцизом, например, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконец, ввести снова подоходный или иной какой налог на все, без исключения, население империи, то кто знает, может быть, мы и победили ли бы кажущегося досель непобедимым врага – народное пьянство! А затем еще несколько лет усилий, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливейшим народом среди народов земных, без всякого питейного дохода. Ведь если сказать правду, то весь чистый (как это слово не к месту приходится употреблять! Лучше бы сказать – весь нечистый) доход от питья приходится отдавать кредиторам как процент, и не будь долгов – не было бы этого расхода. Вот тогда и можно было бы говорить и о всеобщем обучении, и – непременно условие: под надзором и руководством Церкви, и об университетах; конечно с составом профессоров – честных служителей науки, и о многом другом, о чем теперь и мечтать нельзя...

Но я скажу нечто более отрадное: если бы можно было сделать опыт: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернию, оградив ее от водки совершенно, то – я уверен – чрез пять лет в ней само собою появилось бы, без участия казны, и всеобщее обучение... И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропивает эта губерния, осталось бы в ее экономии, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явилась бы потребность, нашлись бы и средства у самого населения, без пособия казны, к открытию школ, развитию ремесел, кустарного производства...

Ужели это невозможно? Как же в Америке есть штаты, где абсолютно нет алкоголя? Или что у других народов возможно, то у нас «немыслимо? Да проявите же наконец мужество взять в руки вожжи, поверьте в совесть народную, призовите св. Церковь в помощь!.. Ведь речь идет о спасении народа, великого народа, великого государства, ведь пред нами стоит

неотступно вопрос: быть или исчезнуть в истории нашей Руси святой?

«Время всякой вещи под небесем», – говорит великий царственный мудрец. Придет время и всеобщему обучению. Но на очереди прежде всего стоит вопрос о спасении народа от вырождения, от алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионов на всеобщее обучение, то бросьте эти миллионы на борьбу с алкоголем. Как это сделать – особый вопрос. Быть может, постепенным территориальным вытеснением алкоголя, например: с такой-то губернии получается 20 миллионов, постановите, чтобы в течение двух лет были закрыты все до единого места продажи алкоголя в этой области, а против тайной продажи ввести драконовские законы, чтобы не повадно было шинковать. Через 10–20 лет Россия избавится от водки... А может быть, люди умные придумают другую систему борьбы с алкоголем. Так ли, иначе ли, но если мы не хотим исчезнуть бесследно со страниц истории или обратиться в вьючный скот для иудеев, то прежде всего надо объявить беспощадную борьбу с алкоголем. А всеобщее обучение нас не спасет от всеобщей гибели...

Пишу я эти строки и думаю: а дочитают ли их до конца мои читатели? Не скажут ли: «Ну, замечтался архиерей? Мыслимо ли то, что он проектирует?»

Да, конечно, немыслимо, если нет среди нас налицо богатырей мысли и дела, если мы так дряблы, что не хотим проявить на малейшей инициативы, если идем на поводке у разных либералов – рабов масонства и иудейства. И до боли горько сознавать, что какие-то азиаты-японцы, язычники по вере, неблагородные арийцы, а желтокожие монголы, больше нас любят свою родину, больше нас проявляют инициативы в государственной жизни... А мы, потомки великих собирателей Руси, мы, носители лучших заветов христианской культуры в православии, мы, сумевшие еще так недавно объединить в одно целое шестую часть земного шара, мы, имеющие у себя идеальнейшую власть в лице Божия Помазанника – Самодержца, мы – увы – боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся

высказать что-либо такое, что покажется нелиберальным «Европе», а лучше, прямее сказать – иудеям-масонам, мы рабски повторяем то, что подскажут нам эти фарисеи-лицемеры!.. Ведь у них такой богатый запас красивых, хотя в сущности пустейших слов: «свобода совести, свобода печати, свобода собраний, союзов... всеобщее обучение, высшая наука» и т.д. и т.д. без конца! И все эти слова имеют какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не в силах противостоять этому очарованию. Мы не смеем даже подумать русским свободным умом, русскою, как говорили наши деды, смекалкою... И они, наши враги, отлично это знают и отлично играют на этой нашей больной струне. Стоит громко свое русское, прямое слово сказать, как они поднимают такой лай, что не рад будешь проявлению своего мужества, ибо нет уверенности, что и свои-то, русские люди, тебя поддержат. До чего мы дошли? До такого унижения, до такого позора! Право же, стыдно становится за нашу интеллигенцию, за наши правящие классы! Стыдно, но и – грешно! Грешно пред Богом, грешно и пред народом...

III

Я кончил свой дневник, о всеобщем обучении, когда мне подали № 282 «Русского Знамени», в котором я прочитал статью г. Фиты «Как франкмасонство завоевало народную школу во Франции». Я очень и очень рекомендовал бы всем, кто еще не запутался в сетях этой проклятой тайной организации, кто любит нашу матушку Русь православную, кто желает ей добра, не раз перечитать эту статью. Он увидел бы, что воистину ничто не ново под солнцем и нашу бедную родину ведут по тому же богоотступническому пути, по какому франкмасоны уже привели несчастную Францию на край гибели. Мы спим, а эти дети сатаны у нас работают настолько успешно, что на последнем масонском конвенте в прошлом сентябре произведено было несколько «победных салютов», то есть взрывов рукоплесканий в честь «той великой страны, в которой, несмотря на все трудности, франкмасонству удалось достигнуть в эти годы чрезвычайно важных результатов». Какая

это страна и какие это результаты замечает автор, нетрудно догадаться всякому...

Официально масонам отказано в разрешении пропаганды в России. Но они вторглись к нам под разными наименованиями и крепко засели и раскинули свои гибельные сети по всей России. У нас образовалось множество всевозможных «лиг», а в последнее время в Петербурге возник «французский институт», поставивший себе задачей «более широкое распространение французских идей среди русского народа». Какие это идеи – чтый да разумеет. Как масонам не торжествовать победу над нами! Удивляться надо, как ослепли наши власть имущие, что ничего не видят, ничем не тревожатся, ничего не подозревают?

История Франции последнего столетия ясно указывает, к чему стремятся масоны и у нас. Их главная задача – «обесхристианивание» всего человечества, уничтожение христианства, а с ним и всякой культуры на земле и превращение всех людей в рабочий скот для себя. С этой целью они захватывают в свои руки школу, вытравляют у детей всякое религиозное, нравственное и патриотическое чувство, тщательно вычеркивают имя Божие из учебников, а когда это неудобно, то нарочито сочиняют учебники, в коих ни слова нет о Боге, о Церкви, о любви к отечеству... В несчастной Франции все это почти достигнуто, а у нас стоит на очереди... И там началось с закона о всеобщем бесплатном обучении и изгнанием из школ духовенства, как мечтают сделать и у нас. И там отобрали все школы у церкви, как хотят отнять и у нас. Там дошло дело до того, что учителя всех школ состоят членами масонских лож, что Распятия и др. священные изображения выброшены из школ, молитва в школах запрещена, строжайше запрещено учителям и учительницам ходить и водить в церковь детей и пытаются даже родителей наказывать штрафом, если будут водить детей в храм Божий... Специалистами безбожия выработан и катехизис, кончающийся таким исповеданием веры:

«Я верую в Землю, созидательницу всякой материи; я верую в Разум, Творца всяческой справедливости; я верую в Солидарность, источник всякого могущества. Человечество

обладает этими тремя вещами, человечество может поэтому достигнуть само Совершенства. Так должно быть, так и будет. Аминь».

Таким образом начальное народное образование очутилось целиком во власти масонов. Несравненно легче и скорее масоны овладели средними и высшими школами. Могучим орудием к этому послужила печать, которая почти вся в их руках. Печать подготавливала общественное мнение. Автор говорит: «Все было с замечательной предусмотрительностью обсуждено и учтено. Великий Восток (центральная ложа масонов) понимал хорошо, что великие дела не проходят без затруднений, и потому, когда иной его проект встречался в палате криками ужаса и протестов, он этим нисколько не смущался, ибо это было уже предусмотрено. Обыкновенно, после внесения такого сногшибательного предложения, последнее передавалось в парламентскую комиссию, которая согласно полученным, откуда следует, инструкциям несколько видоизменяла законопроект, кое-что смягчая и выкидывая из него. Яд был разбавлен, чаша подслащена, Но напиток сохранял всю силу своей вредоносности. А между тем негодование мало-помалу умерялось, протесты становились слабее... Что ж? И то хорошо, чего добились! Хуже ведь могло случиться... Наконец, когда законопроект снова передавался на усмотрение палаты, в него вводились еще одна-две легоньких, пустяшных поправки и – злодейский закон прошел!.. Утомленное, обескураженное общественное мнение покоряется. А печать не дремлет: создает лукавыми статьями иллюзию якобы достигнутого новым законом успеха».

Читая эти строки, поражаешься: да ведь все это буквально происходит и у нас, в наших «палатах»! Все это мы, члены Г. Совета, видим воочию! Ведь вот именно так прошел (слава Богу – не утвержденный Государем) законопроект о расстригах; так прошел законопроект о переходе из одной веры в другую; так идут теперь законопроекты о праздниках и о всеобщем обучении. Очевидно, масоны работают и у нас без всякого стеснения. Да и чего им стесняться, когда все – к их услугам: и печать, и общественное мнение, и представители власти, и

наши якобы законодательные учреждения... Если заглянуть им в душу, то и они мечтают о том же, о чем уже говорят французские их «братья»: «Пока мы не изменим радикально мозг наших сограждан, пока мы не дадим совершенно другого направления умственности французских (читай: русских) детей, франкмасонство должно считать себя еще ничего не сделавшим... Поэтому надо всеми мерами добиваться проведения закона, которым возбранялось бы формально родителям, родственникам и опекунам воспитывать своих детей в какой-либо религии под страхом лишения их родительского, родственного и опекунского авторитета и легальной власти, и отобрания детей, и поручения таковых, за счет виновных, государству».

И нет сомнения, если русский народ не даст могучий отпор этим вожделениям, то и у нас будет то же, что во Франции. И мы с ужасом увидим прямое гонение на веру православную со стороны этих слуг сатаны, которые и детей наших будут отнимать у нас, чтобы воспитывать их в ненависти к нашей св. вере, и у нас, как хорошо выразился «Колокол», будут свои «янычары», и у нас – скорее, чем во Франции, – польется кровь христианская...

Вот край желаний тех, кто так радеет у нас о всеобщем обучении! Не гг. министров, которые составляли законопроект, а тех, кто все уши прожужжал сим министрам, требуя сего законопроекта...

Пора же наконец опомниться, пока не поздно! Пора решительно и твердо порвать дружбу с правительством Франции, изменяющим Христу и открыто служащим сатане! Пора взяться за свой, русский ум и идти своей, Богом указанной дорогой! Ведь, право же, тошнит от этого подслуживанья врагам рода человеческого, этого пресмыкания пред мерзостью запустения, что царит в несчастной Франции, что губит уже многие народы...

Часть 1

Счастлив народ, помнящий заветы своих предков благочестивых; счастлива Церковь, присно пребывающая в

благодатном общении с Церковью веков минувших; счастливы, православный русский народ, что есть у тебя крепкие пред Богом стоятели и печальники, но счастлив дотоле, пока идешь по стопам их, пока свято хранишь заветы их!

Мы переживаем крайне опасное для отечества нашего время, когда темные силы вражьи стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказив или по крайней мере подменив все наше народное православно-русское мирозерцание. И вот, промыслом Божиим, это печальное и опасное для народа, для России, время совпадает с годовщинами великих воспоминаний далекого по времени, но близкого сердцу прошлого в истории нашего отечества. И встают пред нами великие герои духа из того отдаленного прошлого, и во главе их – несокрушимый адамант веры, богатырь духа, святейший Всероссийский Патриарх Гермоген. 17 февраля исполняется ровно триста лет, как заморенный голодом в мрачном подземелье Чудова монастыря отошел к Богу святою своей душой этот священномученик за отечество. Благовременно вспомнить его священные заветы, особенно благопотребные для нашего, столь измельчавшего духом и оскудевшего верою поколения.

За свое ревностное служение Церкви и строгую подвижническую жизнь удостоенный сана митрополита только что покоренной Казани, святитель Божий весь отдался святому делу утверждения в православии новокрещенных татар, из коих некоторые возвращались в магометанство, а другие уклонялись в католичество и лютеранство. Митрополит Гермоген испросил у Царя Федора Иоанновича указ, в силу которого новокрещенные татары поселены были вместе с русскими в особой слободе, где для них построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посещали богослужение, носили кресты на груди, имели у себя иконы и жили по-православному. А иноверцам было запрещено брать на службу к себе православных. Святитель Божий не пускался в рассуждения о какой-то свободе совести: он веровал, что истина православия превыше всех сокровищ на земле, и ограждал ее всею силою своей святительской власти. И ни в какие сделки с своею

совестью он не входил, и грехом почел бы допускать соращения из православия в какую бы то ни было иную веру.

Вот урок вашим законопоставителям! Вот завет великого поборника веры православным русским людям! Хотите милости Божией – не стыдитесь исповедать православную веру, как едину истинную, едину спасающую, как неоцененное сокровище, нам вверенное; старайтесь и другие народы делать участниками и причастниками этого бесценного сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсем либеральные меры – вроде тех, какие применяются к неразумным детям...

Но вот святитель вызван в Москву. На престоле русских царей – ставленник поляков самозванец Лжедмитрий. Он высказывается за унию с римским папой. Он хочет жениться на польке-католичке, не присоединяя ее к православной Церкви. И почти все молчат, никто не протестует против новшества, которое грозит уничтожением православия на Руси... Только митрополит Гермоген да коломенский святитель Иосиф открыто встают против этого оскорбления Церкви Православной, только они громко заявляют, что невеста названного Дмитрия должна принять крещение, торжественно исповедать истину православия, иначе брак не будет законным... Самозванец за такое дерзновение высылает Гермогена в Казань, где он не лишился своей кафедры только потому, что Лжедмитрий вскоре после того был растерзан народом...

Вот урок и нам, святителям, и каждому, кто поставлен говорить правду пред сильными мира сего. Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на те беды, которые, может быть, грозят тебе за правду Божию: смело стой за святую веру православную, если видишь где-нибудь и в чем-нибудь опасность для нее! Истина Христова, вера православная, дороже нашей жизни. Святое православие есть душа русской души народной. Не будет православия на Руси – не будет и народа русского. За истину святого нашего православия мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и все блага земные, и самую жизнь. Станем же в своей совести пред лицом этого великого стоятеля за православие, святителя Гермогена, и

спросим себя: готовы ли мы на это? Не лукавим ли во имя разных либеральных бредней, во имя масонской свободы совести, гуманизма и прочих бессмысленных глаголов?.. А время, нами переживаемое, несмотря на проповедь всяческих «свобод», именно требует такого мужественного исповедания и не лишено возможности гонений...

Царствует Василий Иоаннович Шуйский, а смута не утихает: является второй самозванец, метко заклеянный в истории именем «Тушинского вора». Святитель Гермоген уже на престоле патриаршем. Он мужественно стоит против смутьянов. Он посылает к мятежникам для увещания Крутицкого митрополита Пафнутия. Он рассылает по городам грамоты, в которых извещает о гибели первого самозванца-еретика Гришки Отрепьева, о перенесении св. мощей Царевича Димитрия в Москву, о воцарении Шуйского – Царя благочестивого и поборателя по православной вере. Он предупреждает, что явился новый самозванец, и требует от духовенства, чтобы грамоты были по несколько раз прочитаны народу при служении молебнов о здравии и спасении Богом венчанного Государя. Так он старался утвердить в умах и сердцах тогдашних русских людей верность законному Царю. И его слова ложились на добрые русские сердца, и многие отстали от самозванца и вернулись на службу к Василию Иоанновичу.

Чтобы еще более рассеять туман смуты в умах, Царь и Святитель Гермоген вызвали из Старицы бывшего Патриарха Иова, чтобы он даровал народу разрешение от грехов – нарушения крестного целования и измены. 20 февраля 1607 года в Успенском соборе произошло всенародное покаяние пред престарелым Патриархом Иовом, который разрешил виновных в клятвопреступлениях и изменах. На многих это подействовало благотворно, но не на всех. Смута развратила умы до того, что люди забывали долг свой в отношении к родине, к родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца – Тушинского вора, несмотря на то, что он вовсе даже не был похож на первого Лжедимитрия (говорят, это был просто – жид из Польши). Этого бродягу сопровождали иезуиты, которым был дан наказ действовать осторожнее, чем при

первом самозванце, в деле распространения унии и латинства в России. Иезуиты должны были удалять от самозванца русских людей, окружая его католиками и униатами, всячески склонять бояр к измене православию, заводить в России католические и униатские школы, строить костелы, изгонять из России греков и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось от всех русских людей, но прозорливый Патриарх раньше других разгадал лукавые цели поляков. Он еще ревностнее стал поддерживать Царя Василия Иоанновича, как защитника православия. Он не останавливался даже пред анафемою против изменников Царю и отечеству. В 1609 году мятежники вытащили его на Лобное место среди Красной площади и, трясая его за ворот, бросая ему песок в лицо, требовали, чтобы он присоединился к ним для низложения Царя Василия Иоанновича с престола, ссылаясь на то, что этот Царь был избран одною Москвою, без участия других городов, и что из-за него льется кровь многая. Но Патриарх решительно сказал изменникам: «Досель ни Новгород, ни Псков, ни Тверь, ни Астрахань, ни другие города Москве не указывали, а Москва всем им указывала; а что кровь льется – то не вина Царя». Твердость первосвященника способствовала тому, что крамольный замысел на сей раз не удался, а заговорщики убежали в Тушино. Тогда Патриарх и туда отправил свою грамоту. «Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина и возраста, – писал он, – а ныне не ведаем, как и назвать вас, ибо вы возненавидели правду, отпали от соборной и Апостольской Церкви, отступили от Бога и святым елеем помазанного Царя, вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались, возрастали; преступили крестное целование и клятву – стоять до смерти за дом Пресвятыя Богородицы и за Московское государство и пристали к ложно-мнимому царику вашему. Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых, посмотрите, как отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются св. иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли,

сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не свое ли отечество разоряете? Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас кающихся, и упросим Государя простить вас: он милостив...»

Увы, и этот трогательный отеческий призыв не имел успеха.

Что сказал бы святитель Божий, если бы он ныне встал из гроба своего к нынешним «бывшим христианам» – смутьянам всякого чина и возраста? Не повторил ли бы он свои грозные слова: «Не ведаем, как и назвать вас, отступники от Бога и Апостольской Церкви, изменники Царю – Божию Помазаннику, приставшие – не к Тушинскому вору, а к еще более постыдному «ложно-мнимому царику» – современному «прогрессу», под которым укрывается заклятый враг христианства и всего человечества – масонство, руководимое теми, которые некогда сами на себя призвали небесное проклятие, когда взывали: «Кровь Его на нас и на чадах наших!» Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и рыдаю... Заклинаю вас именем Господа Бога: пожалейте себя, пожалейте отечество!»...

Скоро в пределы России вторгся сам польский король Сигизмунд и осадил Смоленск. А 17 июля в Москве вспыхнул мятеж против Царя Василия Иоанновича. С Красной площади толпы двинулись к Серпуховским воротам, куда насильно привели Патриарха Гермогена. Здесь раздался только один голос за Царя Василия: то был голос Гермогена, который продолжал стоять за него, по присяге, как за законного Государя, венчанного Церковию на царство. Он говорил народу, что там нет спасения, где нет благословения Божия, что измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог, и что она не избавит России от бедствий, а еще глубже погрузит ее в их бездну. Но увещания старца-святителя были безуспешны, и Царь Василий Иоаннович в тот же день был низвержен и удален из Кремля в свой дом на Арбате... На другой день Патриарх еще раз вышел на площадь к народу и уговаривал его возвратить Шуйского на царство, но враги Царя Василия успели уже насильно постричь его в монахи. Несмотря

на то что Царь наотрез отказался от пострижения, громко кричал: «Не хочу!» – князь Туренин произносил за него обеты, а Ляпунов с наглостью держал его за руки, чтобы он не отмахивался, когда на него надевали монашеские одежды. Царицу Марию насильно увезли в Вознесенский монастырь и там постригли. Она рвалась из рук, стенала, звала супруга своего, называла его милым государем, кричала, что будет называть его своим мужем и в монашеской рясе. Патриарх объявил незаконным это насильственное пострижение, молился за Василия Иоанновича в храмах, как за законного Царя, и не считал его иноком, а монахом признал князя Туренина, который вместо него произносил священные обеты. Все это произвело сильное впечатление на москвичей...

Между тем поляки делали свое дело. Они всюду рассылали свои прокламации, возбуждая ненависть против Царя Василия, указывая на то, будто в царстве Московском все идет дурно в его правление, что из-за него и чрез него непрестанно льется кровь христианская. Умы волновались. Поляки подкупили податливых на измену русских людей, которые готовы были поймать Царя Василия и отправить пленником к королю Сигизмунду. А многие из тех, которые стояли во главе переворота, буквально исполняя план польский, думали искренно, что служат своему отечеству. Тем выше проницательность первосвященника Церкви Патриарха Гермогена, провидевшего в этом деле смуты величайшую опасность для России, ее веры, государственности и народности. И тот, кто держал в это трудное время в своих твердых руках посох Всероссийских Первосвященителей: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, столько потрудившихся для создания единого и мощного Московского государства, головою был выше всех своих современников в государственном отношении. Он больше, чем кто-либо из героев этого страшного времени, сделал для спасения России и запечатлел свои подвиги мученической смертью в 1612 году.

Когда верховная власть перешла к боярской думе, когда бояре решили призвать на русский престол польского королевича Владислава, снова громко поднял свой голос

против этого опасного для отечества шага святейший Патриарх Гермоген. Он не смутился тем, что не достигнет цели, и прямо заявил, что он против призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престол православного Царя из русских, причем первый указал на юного боярина Михаила Феодоровича Романова, как на лицо, достойное царского венца по его родству с угасшим родом св. Владимира. Он напоминал о том, что пришлось испытать Русскому народу от поляков при Гришке Отрепьеве.

«Теперь же чего ждете? – спрашивал он изменников. – Разве только конечного разорения царству и православной вере?»

Но польские приспешники осыпали Патриарха насмешками.

«Твое дело, – говорили они, – святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские дела тебе не следует вмешиваться».

Как это похоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям Церкви, современные нам приспешники масонов и иудеев: не ваше дело мешаться в политику! Как будто любовь к отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Святитель Гермоген не слушал тогдашних изменников: он дал нам пример и завет, как относиться к таким толкам. Он отстаивал правду Божию по архиерейской совести, а не по толкованию тех, кто и Бога потерял и врагу продался...

Бояре не послушали Патриарха, но все же сделали ему уступку: по его настоянию они потребовали, чтобы Владислав, прежде вступления на престол, принял православие, не сносився с папою, не строил на Руси костелов, не допускал к нам кзсендзов и казнил смертью тех, кто перейдет из православия в латинство; женился бы на русской, не раздавал должностей полякам и, для обеспечения государства от внесения в него чего-либо нерусского, требовали, чтобы королевич ничего не предпринимал в верховном управлении без согласия боярской думы, а в законодательстве и налогах – без одобрения Земского Собора. Это было сделано не ради присвоения народу власти, а ради защиты русских начал жизни от подавления их иноземцем. Тогдашние русские люди,

несмотря на всю смуту в их умах, еще помнили, что они – русские, и тщательно старались оберегать свои народные заветы, свои основы русской жизни. Только на этих условиях и после тяжелой внутренней борьбы Патриарх дал свое согласие на приглашение Владислава. К Сигизмунду под Смоленск были отправлены послы (именно те лица, которые были особенно опасны для королевича Владислава: ясно, что выбор сделан под влиянием советов польского гетмана Жолкевского) для переговоров: Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов и князь Василий Голицын, так же, как и сын Филарета, Михаил, намечавшийся в цари. Сами бояре предали в руки поляков низведенного с престола Царя Василия с его братом Димитрием. Патриарх не одобрял всего этого, но вынужден был выжидать, пока поляки яснее раскроют свои планы. Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмунд стал требовать, чтобы вместо Владислава русские присягнули ему самому, и уже начал издавать указы от своего имени касательно русских государственных дел. Это значило, что он считает Россию уже покоренною провинцией Польши... Нет нужды говорить, что это грозило гибелью и вере православной и русской народности. Момент был страшный. Бояре стояли за польского королевича, в своей слепоте не подозревая опасности; Москва была в руках поляков; смута и измена увеличивались; люди, верные отечеству и православной Церкви, были загнаны и забиты... В это-то роковую пору «был един и уединен», как выражается современный ему летописец, святейший Патриарх Гермоген. Мог ли он, казалось, в своем полном одиночестве поднять Россию против поляков и самозванца на смертную борьбу? Но что же будет, если и этот, досель твердый, как адамант, столп Церкви и всея Руси – теперь поколеблется? Что, если и он, изнемогши в своем тяжком одиночестве, под грозой гонений омрачит себя мыслию, будто путем уступок и угодничества Польше и католичеству можно спасти хоть часть исторических сокровищ России?..

Но благодарение Богу! Этот великий и непокрушимый столп не колебался, этот светильник не угас и по-прежнему, в сгущавшейся тьме, светил России своим немерцающим светом,

который по мере роста бедствий и опасностей разгорался все ярче и ярче. Посох великих первосвященников России, который верной и твердой рукою держал Патриарх Гермоген, указал для России пути и орудия спасения от смут и порабощения. Ему именно принадлежит первенство в этом великом и святом деле. За ним дружными рядами пошло все русское православное духовенство. Доблестный старец знал, что «иному некому пособить ни в слове, ни в деле», и геройски стал на великую стражу России. Он следил за каждым, даже скрытым шагом врагов, готовый поднять против них всю силу Церкви и еще неугасший в народе дух русской государственности и русской народности. Сначала Патриарх, как говорит древнее сказание, «видя людей Божиих в Велицей России мятущихся и зело погибающих», говорил им: «Чада паствы моя, послушайте словес моих! Что еще мятетесь и вверяете души свои поганым полякам? Которое вам, словесным овцам, общение с злохищными волками? Весте сами, яко издавна православная вера наша христианская греческого закона от иноплеменных стран ненавидима. Киими же нравы примирихомся с иноплеменниками сими?..».

Как эти слова подходят и к нашему времени! И в наше время так же, как и тогда, наша вера православная «всеми иноплеменниками ненавидима есть»; и теперь, как и тогда, эти «иноплеменники», эти французы и англичане, немцы и итальянцы и все народы Запада, в сущности с презрением относятся к нашей вере православной, а те из них, которые потеряли всякую веру, всячески стремятся и у нас вырвать из народного сердца веру православную, а среди нас, людей русских, немало изменников, которые готовы содействовать им в этом и чрез то загубить родную Русь...

В ноябре 1610 года в патриаршие палаты явился вождь полякующей партии, боярин Михайло Салтыков, и начал речь о Сигизмунде, «все на то приводя, чтобы крест целовати самому королю». Но напрасна была эта коварная попытка: непреклонный и всегда решительный Патриарх властно прекратил эти хитрые речи Салтыкова. Тогда на другой день изменник явился к первосвященнику уже с боярами

правительствующей думы и стал прямо требовать разрешить народу целовать крест польскому королю, отдаваясь в его полную волю и чтобы первосвященник Церкви отписал об этом к королю под осажденный Смоленск в грамотах.

«Стану писать к королю грамоты, – мужественно сказал Патриарх, – и духовным властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, если королевич крестится в Православную веру нашу, а литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дело, что нам крест целовать самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклиная того, кто писать их будет; а русским людям напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру».

Вот решительное и мощное слово о неустанной борьбе за то, что всего дороже для нашего народа, за веру православную! Это слово привело в ярость изменника Салтыкова, который понял всю силу этого слова. С наглыми ругательствами наступал он на святейшего Патриарха и даже бросился на него с ножом. А Гермоген, подняв руку с крестным знамением, сказал: «Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа. Будь ты проклят в сем веке и в будущем!»

Часть 2

«Это твое начало, господин, – обратился Патриарх к первому советнику боярской думы – князю Мстиславскому: – Ты больше всех честию, тебе следует больше других подвизаться за веру православную: если ты прельстишься, то Бог скоро прекратит жизнь твою, и род твой возьмет от земли живых и не останется никого из рода твоего в живых».

Такие потрясающие слова Патриарха привели в сильное волнение присутствующих: даже такой закоренелый изменник, как Салтыков, поспешил испросить у Патриарха прощение, извиняя себя тем, что «безумен был и без памяти говорил».

Патриарх отпустил бояр, но не успокоился на сих объяснениях. Несмотря на то, что поляки своими патрулями сторожили Кремль и весь город, святитель разослал своих дворовых людей собирать народ в Успенский собор. С церковного амвона он объяснил им всю грозную опасность настоящего положения для Церкви и отечества и прямо запретил целовать крест польскому королю Сигизмунду, убеждая народ стоять за веру православную. Вот где первое начало народной борьбы с поляками и русскими изменниками! Во главе ее стал сам первосвятитель Церкви, и его слова стали разноситься по всем концам России. Поляки не успели помешать этому важному и решающему собранию, вскоре после него окружили Патриарха своим надзором и стражею, но начало народной борьбе было уже положено. В следующем году жители Ярославля писали в своей грамоте по городам: «Если бы Патриарх Гермоген не учинил такого досточудного дела, то никто, из боязни польских и литовских людей, не смел бы молвить ни одного слова...»

Между тем наши послы под Смоленском на все требования поляков отвечали отказом. Когда Салтыков от имени бояр прислал им грамоту с приказом, чтобы послы приказали смольнянам сдать город Сигизмунду, митрополит Филарет сказал: «Таким грамотам по совести повиноваться нельзя: писаны они без воли Патриарха, а нас отпускал сюда Патриарх». А князь Голицын прибавил: «Когда мы стали без государя, Патриарх у нас человек печальный, и без него в таком важном деле решать не подобает». Что же касается требования, чтобы смольняне, изменив своей присяге, сдали город полякам, то послы отвечали: «Бог и русские люди никогда не простят нам этого, и земля нас не понесет».

В половине декабря самозванец был убит в Калуге, и Патриарх властною рукою стал поднимать Русский народ и по областям уже на вооруженную борьбу с поляками. На Рождестве он начал писать грамоты, которые были образцом всех последующих грамот смутного времени. Эти грамоты поднимали мощные волны народного одушевления и самоотверженной готовности на великие жертвы для спасения веры и отечества. Исходя от «первопрестольника Апостольской

Церкви и поборателя по истинной христианской православной вере», они придавали народному движению характер прежде всего борьбы за веру, войны священной. В этих грамотах Патриарх выставлял требование польского короля как измену клятвенным обязательствам самих поляков. Поэтому он разрешил Русский народ от присяги, данной королевичу Владиславу. Это давало полнейшее право русским людям гнать клятвопреступных поляков из России. Царя на Руси не было; боярская дума изменила, Патриарх являлся «начальным человеком Земли Русской», и потому он счел себя вправе призвать народ к оружию. В своих грамотах он кликнул клич по областям: «Всем, не мешкая, по зимнему пути, собрався со всеми городами, идти вооруженными ополчениями к Москве на польских и литовских людей». Святитель Божий не останавливался пред мыслию: дело ли Патриарха, служителя Церкви, говоря по-нынешнему – «мешаться в политику», призывать к оружию; пошел по стопам своих великих предшественников, принимавших самое деятельное участие в делах народно-государственных и действовал по заветам Церкви, которая, в лице Преподобного Сергия, вооружила мечами и копьями своих схимонахов и послала их на битву, на Куликово поле... В начале 1611 года гонцы Патриарха скакали по всем областям. Грамоты Патриарха породили целый ряд подобных грамот; призывные послания городов подклеивались к патриаршим грамотам и вместе с ними пересылались от города до города. Уже в том же 1611 году они вызвали сбор двух ополчений, во главе которых потом стал князь Пожарский вместе с Мининым. Эти грамоты пробудили народный дух, воскресили надежду на спасение отечества, зажгли ревность к этому святому делу. Движение народное росло с каждым днем. И из-под Смоленска пришла в Москву от наших послов грамота, извещавшая, чтоб не надеялись на то, что королевич будет царем в Москве: поляки выведут из России лучших людей, опустошат ее и завладеют ею. «Ради Бога, – писали эти русские люди, – положите крепкий совет между собою, разошлите списки с нашей грамоты и в Новгород, и в Вологду, и в Нежин, и в другие города, чтобы всю землю сообща встать за

православную веру, пока мы свободны, а не в рабстве и не разведены в плен».

Поляки не могли простить Патриарху такого дерзновения. Чтобы отнять у него возможность рассылать грамоты, «у него дьяки, подъячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен». С этого времени его стали держать «как птицу в заклепе». Но это насилие еще больше возбуждало в народе уважение и любовь к Патриарху, еще больше придавало силы его грамотам. Сами москвичи стали писать в другие города: «Вслед за предателями христианства, Михаилом Салтыковым и Феодором Андроновым с товарищами, идут немногие. Святейший же Патриарх прям, как сам пастырь, душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане. Будьте с нами обще заодно против врагов наших и ваших. Помяните одно: только коренью основание крепко, то и древо неподвижно. Если коренья не будет, к чему прилепиться? Здесь корень нашего царства, здесь — знамя отечества — образ Божией Матери, заступницы христианской, который Евангелист Лука писал. Здесь великие светильники и хранители Петр, Алексей и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, то ни во что поставить?..».

Чрезвычайно сильно и глубоко было действие призывов Патриарха. Чистые, не омраченные смутой и изменой души были всецело на его стороне. Но заговорила совесть и у тех, которые в это смутное время измалодушествовались, проживая в стане самозванцев и дружа с поляками. Особенно поразительный и глубокий переворот произвели грамоты Гермогена в душе Прокопия Ляпунова: из этого человека, дотоле колебавшегося семо и овамо, они сделали верного и твердого исполнителя наставлений Гермогена. В каких только лагерях не перебивал этот человек! Сначала он был в стане Болотникова, откуда явился с повинной к Царю Василию Иоанновичу; затем он перешел на сторону его врагов и, вопреки Патриарху, участвовал в крамоле против Шуйского. Потом передался королевичу и его партии, но сильные слова Патриарха сделали его наконец верным даже до смерти сыном отечества. Он образовал в Рязани стройное ополчение; при

вести о насилии над Патриархом он отправил в Москву грамоту в защиту его, и она подействовала на правивших бояр: «С тех мест, – говорит летопись, – Патриарху стало повольнее и дворовых людей ему немногих отдали».

Наконец, по призыву Патриарха, образовалось стотысячное войско из 25 городов и большие отряды казаков. Сидевшие в Москве поляки и их русские приспешники заволновались, а Салтыков в марте 1611 года опять явился к Патриарху Гермогену и угрожающим тоном сказал ему: «Это ты по городам посылал грамоты; ты приказывал всем собираться да идти на Москву! Отпиши им, чтоб не ходили». Патриарх мужественно ответил: «Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру. Вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть». Поляк Гонсевский сам заговорил: «Ты, Гермоген, главный заводчик всего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан».

Но запугать готового на мученичество первосвященника было нельзя.

Теперь поляки уже ничем не прикрывали своей ненависти к русскому народу. Они стали держать под стражей Патриарха: стали жестоко поступать с московским населением. Поляки пытались обольстить народ, суля ему разные свободы, выхваляя свои порядки, свой сейм, ограничивающий власть государя, но преданные самодержавию русские люди им отвечали: «Вам дорога ваша вольность, а нам – наша неволя. Да ведь и у вас, собственно, не настоящая воля, а своеволие: сильный грабит слабого, может отнять у него имение и жизнь. Искать правосудия по вашим законам долго – ничего не возьмешь; а у нас самый знатный не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе Царь творит суд и расправу. Как Бог, карает он и милует». А которые были посмелее, те говорили, чтоб поляки убирались из Москвы подобра-поздорову. «Россия де не такая невеста, чтобы ей не найти жениха получше их Владислава».

Все предвещало приближение страшной грозы. Гроза разразилась на Страстной неделе. Во всех концах Москвы зазвучал набат. Поляки бросились на народ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чем попало; стали защищаться. Поляки, видя, что им не удастся взять верх, отступили к Кремлю и подожгли город во всех концах. Летописцы рисуют нам страшную картину этих дней. Пожар длился всю неделю. Во вторник на Святой уже стали подходить главные силы русских ополчений. Они со всех сторон окружили Кремль и Китай-город, где засели поляки. Изменники и поляки снова приступили к Патриарху и заговорили: «Прикажи Ляпунову и товарищам, чтобы они ушли назад: иначе ты умрешь злою смертью».

«Боюсь Единого Живущего на небесах, – отвечал непреклонный первосвященник, – Вы мне сулите злую смерть, а я надеюсь чрез нее получить венец небесный и давно желаю пострадать за правду».

Тогда они объявили его низвергнутым с патриаршества и передали его кафедру уже давно низложенному приверженцу Лжедмитрия I, греку Игнатию, а самого Гермогена бросили в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему в окно хлеб и воду. «В храмине пусте, яко во гробе, затвориша», – говорит летопись.

Прошло три месяца. Защитники отечества, лишенные духовного вождя, ссорились между собою. Ляпунов был изменнически убит казаками. О Гермогене ничего не было слышно.

Но вот 5 августа 1611 года в Кремль пробрался некто Родион Мосеев к Патриарху Гермогену. А тот воспользовался этим, чтобы отправить в Нижний свою, уже последнюю, предсмертную грамоту. Она гласила следующее: «Благословение архимандритам, и игуменам, и протопопам, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему миру: от Патриарха Гермогена Московского и всея Руси – мир вам и прощение и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы митрополит писал в полки боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они

стояли крепко в вере, и боярам бы и атаманье говорили бесстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятого Маринкина сына... не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властем пишите ж; также бы писали в полки: да и к Рязанскому владыке пишите тож, чтобы в полки также писал к боярам учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму и разврат, и имели бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, как реклись, души свои положить за Пречистыя дом, и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишите, чтобы из городов писали в полки к боярам и атаманье, что отнюдь Маринкин сын не надобен: проклят от святого собора и от нас. Да те бы вам грамоты городов собрати к себе в Нижний Новгород да пересылать в полки к боярам и атаманье; а прислать же прежних, коих есте прислали ко мне с советными челобитными, – свияженина Родиона Мосеева да Романа Пахомова, – а им бы в полках говорити бесстрашно, что проклятый отнюдь не надобен; а хотя буде постраждете, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в города для грамот посылать их же, а велети им говорити моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно: а я должен за вас Бога молить».

Поразительно это величие духа в святейшем Патриархе: одинокий, беспомощный, в глубине подземелья, под грозой мученической смерти, этот «начальный человек Земли Русской» чувствует себя вождем народа и как бы великим государем и считает себя вправе передавать свои государственные полномочия лицам духовным и воеводам, даже городам и наконец – отдельным лицам, каковы Мосеев и Пахомов, и велит им говорить бесстрашно народу все от его имени.

Принесенное в Нижний Новгород, это призывное послание нашло глубокий отклик в народе. Его клич – идти на спасение родины поддерживали его присные ученики и послушники: поставленный им и близкий к нему архимандрит Сергиевой Лавры преподобный Дионисий и ее келарь Авраамий Палицын, также повсюду рассылавшие свои грамоты с призывом ополчиться на спасение отечества. Мы знаем, что в Нижнем во

главе народного движения стали земский староста Козьма Минин, князь Димитрий Михайлович Пожарский и местное духовенство.

Из глубины подземелья великий священномученик за отечество не мог телесными очами видеть движение собранных по его призыву народных ополчений и девяти месяцев не дожил до совершенного освобождения Москвы и России. Но он имел утешение узнать, хотя от врагов своих, что эти ополчения идут...

Удивительна была слепота врагов святителя Божия и России! Изменники все еще думали, что под влиянием тяжкого заточения можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются в подземелье его, опять требуют, чтобы он своим проклятием остановил Пожарского, Минина и их сподвижников и заставил их возвратиться назад. «Он же, великий государь-исповедник, – говорит летописец, – рече им: да будет над теми, кто идут на очищение Московского государства милость от Господа Бога, а от нашего смирения благословение; а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем».

Это – последние слова, которые дошли до нас от несокрушимого духом первосвятителя. Они должны отзываться в сердцах русских людей и чрез триста лет – в наше время: в сердцах верных сынов отечества – отрадою благословения, а в сердцах изменников родине – грозным проклятием...

Враги не могли быть спокойными, пока был жив святитель Божий. Они порешили освободиться от него насильственной смертью. Современники согласно между собою говорят, что он скончался мученически. Большинство из них утверждают, что его, «по многом страдании и тесноте, уморили голодною смертью», а поляки говорят, что он был удушен... Он преставился к Богу 17 февраля 1612 года.

Есть древнее предание, что поляки, вместо хлеба, стали Патриарху давать нечеловеческую пищу: «меташа в неделю сноп овса и мало воды». Очевидно, это делалось с неслыханною жестокостью, несвойственной русским людям.

Понятно, что когда русские люди узнали о мученической кончине своего великого первосвятителя, то в глубокой скорби

своей еще более вдохновились к исполнению его завета – в святом деле освобождения Руси от нашествия поляков и очищения ее от своих же изменников. 22 октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля следующего 1613 года на царский престол был избран тот благословенный родоначальник Дома Романовых, на которого указывал святейший Гермоген. Если Россия не была разделена между поляками и шведами, если не истреблено в ней Православие, если самый народ Русский не потерял своего духовного облика, не обратился в поляков и шведов, а частью и немцев, то всем этим мы обязаны великому подвигу Святителя Гермогена больше, чем кому-либо из защитников Руси того времени. Все они и руководимы были, и одушевляемы – никем другим, как Патриархом Гермогеном: он был их вождем, их душою... Вот почему его святое имя записывалось в святцы наряду с прославленными угодниками Божиими.

Святейший Патриарх был первоначально погребен в Чудове. Царь Алексей Михайлович повелел перенести гроб его в Успенский собор (в 1653 году), причем тело его оказалось нетленным. Поэтому оно и не было положено в землю, а поверх земли, в особой гробнице, обитой бархатом. В 1812 году французы, отыскивая сокровища и в гробах, кощунственно выбросили его мощи из гроба, но по уходе их они были найдены целыми и опять положены в ту же гробницу. Чрез 270 лет по кончине, в 1883 году, когда пред коронаванием Императора Александра III производились работы в Успенском соборе, упавший со стены камень пробил каменное надгробие и самый гроб Патриарха, и при этом его св. останки оказались нетленными.

В наши дни эта святая гробница привлекает к себе множество народа со всех концов России и здесь совершаются непрерывною чередой панихиды по святителю. Его молитвам многие недужные получают исцеления, и близок, верится, день, когда святая Церковь, причислив его к лику святых, откроет его св. мощи для всеобщего поклонения и лобзания...

Час уже нам от сна востати!

Во всем году нет такого благоприятного времени для покаяния и исправления нашей жизни, как святой и Великий пост. Душа человека – по природе христианка: она тоскует о небесном отечестве даже тогда, когда о нем и не думает. Грех противен ее природе, как яд, принятый внутрь: душа чувствует потребность извергнуть его вон. Отсюда неутолимая тоска, тяжесть на сердце, томление духа, никакими так называемыми развлечениями не облегчаемое... И если это можно сказать о всякой душе человеческой, о душе во Христа верующей, бессознательно ко Христу влекомой самою природою духа, то тем паче должно сказать о душе православной, душе русской. Русская душа не способна входить в какие-либо сделки с совестью, как это, к сожалению, бывает в других исповеданиях, коих учение построено на началах юридических: в католичестве – на учении об оправдании добрыми делами, а в лютеранстве и др., ему сродных ересь – на оправдании верою без дел, – православная душа не позволяет себе и думать о каких-либо своих заслугах, вера ли то или добрые дела: она просто кается пред Богом, беспощадно себя осуждая; все добро, ею сделанное, Божией помощи и благодати усвоя и самую веру свою стремлением к доброделанию оживляя. Она знает, что чем беспощаднее будет себя осуждать пред судом Божиим, тем скорее будет оправдана Божиим милосердием. И вот настает Великий пост; редкий печальный звон колоколов, продолжительные службы, умирительные песнопения, земные поклоны с молитвою пр. Ефрема Сирина и – строгое воздержание в пище – все это так расположено Церковию, что невольно душа приходит в себя, размягчается, согревается благодатию Божией и, так сказать, растопляет вокруг себя ледяную кору нечувствия, духовного омертвения, и оживает духом... Знают верующие эту благодатную силу св. поста и ждать не дождутся, когда он наступит.

Казалось бы: не все ли равно, в какое бы ни было время человеку каяться, говеть, исправлять свою жизнь? Но ведь и в видимой природе растения оживают не во всякое время и не при всяких условиях: нужны свет и теплота весеннего солнца, чтоб они ожили. Так и в духовной жизни есть своя весна, весна

благодатного веяния на грешные души – это святой и Великий пост. Не напрасно же он так в книгах богослужебных и называется: пост – весна душам. Еще за четыре недели до наступления его уже как бы начинает веять его благодатным дыханием в службах церковных: сначала – неделя о Закхее, когда читается Евангелие об этом мытаре, с таким простосердечным усердием принявшем Господа Спасителя и услышавшем от Него: «Днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть: Сын бо Человеческий прииде взыскати и спасти погибшего». Затем – урок смирения в лице другого мытаря с его трогательною, на все века для всех грешников столь драгоценною молитвою: «Боже, милостив буди ми грешному!» Потом – еще неделя – о блудном сыне: эта чудная притча Христова, так наглядно изображающая бесконечное милосердие Божие к кающемуся грешнику... Потом – неделя о Страшном Суде Божиим, напоминающая конец мира и неотвратимую судьбу людей в вечности... С его воскресного дня начинается сырная неделя – приготовление к посту, причем в среду и пяток уже полагаются по уставу великие поклоны. Наконец – прощенное воскресенье – пред самым постом, с воспоминанием грехопадения Адама и Евы, с трогательным обрядом всеобщего прощения на вечерне...

Грешно нам, пастырям, не пользоваться этим святым временем, чтобы призывать людей Божиих к покаянию. Вот почему каждый раз я долгом почитаю, если бываю в Вологде, то лично, а если отсутствую, то чрез пастырское послание обращаться к моей пастве, ближайшим образом к жителям Вологды, с призывом к покаянию. Ныне я писал следующее послание:

«Возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской мир и Божие благословение!

Сегодня день всепрощения и преддверие святого и Великого поста. Не имея возможности по немощам моим лично преподать вам благословение Божие на грядущие великие дни поста и покаяния, мыслию и сердцем переношусь к вам, братие, и долгом почитаю повторить то, что сегодня вы слышали, если

были у Божественной литургии, в чтении из послания св. Апостола Павла к Римлянам:

«Час убо нам от сна востати!» Пора проснуться нам от греховного сна, пора стряхнуть с себя суету житейскую, пора взглянуть в светлое зеркало заповедей Божиих, опомниться, познать свое опасное состояние и прибегнуть к Богу в покаянии!

«Ныне бо, – говорит Апостол, – ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом», – ныне время благоприятнее для спасения, чем когда-либо, – настает св. Великий пост, время покаяния; все нас располагает к покаянию; Церковь зовет и печальным звоном своих колоколов, и скорбными песнопениями, и земными поклонами с умиленной молитвой преподобного Ефрема Сирина, и заповедью строгого воздержания во смирение нашей бунтующей плоти. «Ночь убо прейде», ночь греховного самозабвения, ночь блуждания по распутиям греха прошла, «а день приближися», день духовного прозрения, день благодати нас осиявающей, очищающей, просвещающей – уже наступает: только поспешим воспользоваться им! «Отложим убо дела темная», дела грешные, «и облечемся во оружия света» – украсим себя добрыми делами как светлую одежду! «Яко во дни благообразно да ходим»: будем вести себя так, как подобает добрым христианам: «не козлогласовании и пьянстве», не предаваясь ни пированиям, ни пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти, «но облечытеся Господем нашим Иисусе Христом», во всем смотрите на Господа нашего Иисуса Христа, во всем с Него берите пример, и «плоти угодия не творите в похоти»: не угождайте своим плотским страстям. Пора вступить в непримиримую борьбу с грехом в своем сердце, довольно рабствовать ему. Жизнь течет, как быстрый поток: и не увидим, как придет конец, позовет Господь на суд Свой праведный и – что тогда ответим Ему? С чем предстанем пред сим Судиею правосуднейшим? Бог дает нам время для того, чтоб мы приготовились к вечности; Церковь Божия дает все средства, чтоб мы очистились от грехов, чтобы потом наше сердце полюбило животворящие заповеди Господни и в их исполнении находило свое счастье, еще на земле предвкушая

вечное блаженство. И вот святой пост есть наилучшее и благоприятнейшее время для такого переворота в нашей духовной жизни. Поверьте, возлюбленные, что заповеди Господни тяжки не суть! Только начните исполнять их, только имейте мужество стать противу греха, оторвать от него свое сердце, соединиться с Господом в таинстве причащения и – сердце почувствует ту свободу, какую дает только Господь, и опыт духовной жизни покажет, как близок Он ко всем призывающим Его во истине! Господь дал Своим заповедям животворящую силу, и кто во смирении тщится исполнять их, тот знает, что это за благодатная сила! Да иначе и быть не может: ведь не мы делаем добро, а Сам Господь, яко Глава Церкви, в нас, яко ее членах, живет и действует, и проявляет Свою жизнедеятельность в тех добрых делах, какие мы творим Его благодатною силою во смирении сердца по реченному Им: «Без Мене не можете творити ничесоже».

Итак, ныне время благоприятное, ныне день спасения! Ныне день всеобщего прощения и примирения. Приидите, возлюбленные чада мои о Господе, простим друг другу всякую обиду, всякое прегрешение, да и от Господа примем всепрощение грехов наших! «Аще от-пускаете, – глаголет Он, – человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный согрешения ваша; аще ли не отпускаете человеком согрешений их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 7, 14, 15). Без примирения с согрешившим противу тебя и не приступай ко Господу. Это первое и неперемное условие, под которым Господь обещает нам прощение грехов наших. Если тот, у кого ты должен испросить прощение, с которым ты должен примириться, находится далеко от тебя, то теперь пока примиришься с ним мысленно, но искренно: помолись за него Господу, как за твоего благодетеля, как за любимого брата, попроси и ему у Господа прощения его грехов, а когда откроется возможность, не замедли исполнить обет своего сердца – непременно примириться с ним и лично. Напиши ему смиренное послание, возьми всю вину размолвки вашей на себя – лишь бы он умиротворился, лишь бы не на словах, а на деле мир между вами водворился. И лишь только это ты сделаешь,

нелицемерно, от всего сердца, себя во всем обвиняя, молясь Богу за брата твоего, – сам увидишь, опытом сердца узнаешь, как коснется благодать Божия твоего грешного сердца, и станет у тебя на душе так легко-легко...

О если бы мы, братие, знали всю благодатную силу Господних заповедей! Мы только бы и думали о том, как угодить Господу, как исполнить волю Его святую... Заела нас суета земная; все думаем, что своими заботами да хлопотами можем устроить свое земное благополучие, а то и забыли, что сказал Господь: «Ищите прежде царствия Божия и правды его», и тогда – сия вся, все что потребно для сей жизни – приложатся – в придачу дано будет вам! Ведь это не человек сказал – это сказал Господь Бог всемогущий! Ужели Ему-то не верим мы?.. Тогда смеем ли мы и называть себя христианами?..

А ведь надо твердо помнить: нас ждет вечность, подумать только: вечность!.. Вечность или светло-радостная, блаженная, в раю Божиим, во славе со святыми, вечно – с Господом нашим, с пречистою Его Материю, с ангелами и архангелами и всеми святыми Божиими, в нескончаемом наслаждении лицезрением Божиим, – или же – в отвержении от Бога, в сообществе с сатаною, в вечной муке адской, в нескончаемой тоске, беспросветной тьме, с богохульниками и еретиками, с предателем Иудою и всеми изменниками святой вере и Христу Спасителю... И это – вечно-вечно – без конца! И это – теперь – в наших руках, в нашей воле: покайся, исправься, начни жить по Христовым заповедям, в послушании Церкви Божией, в доброделании, в общении с Господом в таинствах Церкви и – наследуешь жизнь вечную, получишь райское блаженство. А забудешь Господа, не станешь Его святых заповедей исполнять, удалишься от матери-Церкви – жди гибели вечной, муки бесконечной. И это – истина непреложная: «Аще хочеши внити в живот – соблюди заповеди», – глаголет Сам Господь. «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех». «И идут сии в муку вечную, – говорит Господь о грешниках – козлищах, – а праведницы в живот вечный».

И еще раз повторю: ныне время благоприятное. Час уже нам от сна встать! Пора о душах своих подумать. Пора сказать себе: «Душе моя, душе моя, встань, что спишь? Конец приближается...» Поспешь покаяться, поспешь взяться за исполнение заповедей Христовых. Что первое тебе подскажет совесть твоя – с того и начинай. Только не откладывай. Вот, например – дела милосердия. В нескольких губерниях люди страдают от голода. На сих днях мне говорил один святитель, прибывший из тех губерний: «Поверите ли, как тяжело приходится нашему бедному духовенству? Один священник сознавался мне, что посылает своих детишек просить милостыню под окнами – по ночам, чтоб не узнали, чьи эти детки: хоть корочку хлебца принесут!» Вот до чего доходит нищета! Вот и соберите, братие мои, кто что может, и пошлите туда... Или – пришлите мне и я передам сему святителю на голодающих. Да мало ли добра можно делать! Только пожелай. Только не сжимай руки твоей скупостию. Широка заповедь милосердия, и различен милования образ, говорит св. Златоуст. Хотите, чтобы Бог был к вам милостив? Сами окажите милость ближнему. Хотите, чтобы Он простил вам грехи ваши? Сами простите всякому, кто чем-либо обидел вас. «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут». Прощайте своим врагам и сами получите прощение от Господа.

Призываю на всех вас Божие благословение и молитвенно желаю, да будет грядущий пост душам вашим во обновление, да положите начало благое доброй истинно-христианской жизни: этого ждет от вас Церковь, любящая мать ваша, этого ждет и наша Русь, толико страдающая за наши грехи.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь».

Это послание было прочитано в Вологодском кафедральном соборе после вечерни в прощенное воскресенье. После чтения собрано было в пользу голодающих тут же, на блюде, 41 р. 8 к.

И за то слава Богу и спасибо добрым людям.

Свет и тепло истинного доброделания

Так часто, так много приходится говорить об уродливых явлениях в нашей общественной, государственной и даже церковной жизни, что с радостью хочется остановиться на самых, по-видимому, малых проявлениях добра, во имя Христова творимого, отдохнуть душой на этих малых искорках Божиих и указать на них моим добрым читателям, как на добрый пример. Добро, творимое по заповеди Господней, ради Бога, ради сей заповеди, есть истинный свет, истинное тепло, животворно проливающее свои благодатные лучи не только на того, кто творит его, но и на того, кто имеет счастье быть только простым посредником в его творении. И когда вдумаясь, почему так, становится ясно: Тот, кто сказал: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века», – Он, по непреложному Своему обещанию, присно пребывая в Церкви, с верующими во имя Его, в них и чрез них проявляет Свою жизнедеятельность в Своем теле, которое и есть сия Церковь, коей членами мы имеем счастье быть... А когда чрез нас проходит Его животворящая сила, то можно ли нам не ощущать своим сердцем ее действие, не только благодетельное чрез нас, но и благотворно оживляющее нас самих? Слава благости Твоей, Господи наш, тако благоволившей, слава силе Твоей, слава неизреченному милосердию Твоему, Спасителю наш и Творче! Об одном мы должны умолять Тебя, не пропусти нам себе приписать, у Тебя предвосхитить то добро, какое Ты чрез нас делаешь!

С радостью и благодарением ко Господу отмечаю я такое отрадное явление: на мой призыв в дневниках моих откликаются мои добрые читатели, откликаются не словом только: почти каждый день я получаю от них письма, столь для меня утешительные, – но и делом; получаю лепты на те Божьи дела, к которым я призываю их. И сугубо радуюсь, что сии отклики получаю я от собратий моих о Господе, от иереев Божиих, и не из моей только епархии, но и из других, иногда самых отдаленных. Читатели мои помнят в прошлом году пожертвования на походные церкви: они были получены мною от иереев Божиих: один прислал 300 р., другой 200 р., затем еще двое по 300 рублей – и все священнослужители... И все

почти просили меня не печатать поименно: от кого получена жертва, все предоставляли мне самому направить ее туда, куда я найду более благопотребным. Воистину – так, как заповедал Господь: «Да не увести шуйца, что творит десница твоя!»

Мне, говорю, особенно отрадно отметить эти проявления жизни Христа Спасителя именно в Его служителях; ведь в наше время так часто обвиняют духовенство наше в том, что оно будто бы умеет брать, но не дробит давать, а вот подите же: наши миряне, имеющие возможность жертвовать тысячами, не так охотно отзываются на призыв архиерея. Увы, было время во дни оны, еще не так отдаленные, когда и они охотно делились с Богом своими избытками, – а теперь – вот эти смиренные батюшки сельские опережают их своими лептами воистину не от избытка – какой уж избыток у сих рабов Божиих! – а от лишений своих и несут эти лепты на дело Божие! Благослови их, Господи! Воздай им благодатными утешениями в их добрых, в простоте сердца верующих сердцах!

Отрадно отметить и то, что наши добрые пастыри в сем случае являются носителями истинно христианского духа благотворительности. Мы живем в такое печальное время, когда в недрах самого христианства подменяются уже не только идеалы, но и самые символы благотворительности: самый крест Христов стараются испразднить, как будто он стал ненавистен духу века сего лукавого и прелюбодейного, будто сей век стыдится креста Христова, будто боится его (а известно, кто больше всего боится и «трепещет и трясется», по выражению песни церковной, креста Христова). Уже не во имя Христа, нашего Спасителя, а во имя какой-то «гуманности» (неопределенной туманности, как читают это слово простецы-грамотеи), уже не под сенью креста-знамения нашего спасения, а под знаком то «белого цветка», то «колоса ржи», то «василька», призывают нас к делам благотворения. И имеют дерзость рассылать даже нам, архиереям, приглашения стать во главе сборов под такими эмблемами! Вероятно, не за горами время, когда станут собирать на дела «благотворения» и под масонскими треугольниками. Понемногу, понемногу стараются подменить крест Христов, удалить его из сознания верующих,

покрыть туманом забвения, а с ним затушевывать в христианском мирозерцании и самую идею искупления Христом рода человеческого, постепенно вытравить самую суть христианства из сознания современного человечества... Хитрый, искусный план семитысячелетнего человекоубийцы – сатаны! В сущности это – продолжение того же подкопа под христианство, какому положили начало еще еретики первых веков христианства, а позднее – Лютер, этот несчастный слуга масонов – верных слуг сатаны: ведь еще тогда объявлено, будто крест Христов, как орудие казни, – прости нам Господи сие слово – виселица, достоин поругания, а не поклонения, хотя Апостол Павел и хвалился им как лучшую своею похвалою. Прошло почти четыреста лет после Лютера, и вот, как-то без шума, незаметно, под предлогом добра, под влиянием моды на всякую новинку, знамение креста упраздняется и даже архиереи приглашаются стать под эмблему «ромашки», «колоса ржи», «василька» и подобных ничтожных предметов. Не думаю, чтоб кого-либо из архиереев удалось обмануть сим ненавистникам креста Христова, а мирян много пошло за ними, пошло, думается, скорее из моды, бессознательно, хотя, конечно, затейники сего знали, что делали, и смеялись в душе над простотою тех, кто шел на их приманку, забывая о кресте Господнем, под сенью которого собирает жертвования святая Церковь на те же добрые дела. Я остановился на сем потому, что мои читатели спрашивают меня: как относиться к подобным сборам? Их совести, очевидно, претит такой способ сбора, избегающий всякого благословения Церкви, действующий помимо креста Господня. Вот я и отвечаю: избегайте всякого участия в таких якобы добрых делах, которые сторонятся Церкви, идут мимо ее благословения, не могут быть допущены в храмах Божиих с теми эмблемами, под которыми ходят по улице и врываются в частные дома и в разные учреждения. Для христианина есть путь к благотворению – в церкви, чрез служителей Церкви, чрез учреждения, стоящие под ее благодатным крылом. Так будет надежнее, Богу приятнее и нравственно чище.

Есть и другая сторона в этих попытках подменить христианскую благотворительность новыми модами сбора

пожертвований. Обратите внимание на то, что праздники православной Церкви хотят постепенно сократить, а взамен их вводят новые праздники: «праздник белого цветка», «праздник колоса», «праздник древонасаждения» и т.п. Разве мы не видим тут целый план постепенной подмены христианства? Кто читал «Протоколы сионских мудрецов», для того ясен весь план постепенного уничтожения христианства врагами Церкви, давно задуманный и незаметно для нас, но последовательно проводимый в жизнь христианских народов...

Истинно христианское добро скромно, так сказать – стыдливо: оно тщательно укрывается от очей людских. Вот почему оно и не так заметно: люди творят добро и молчат о нем, и стараются забыть то, что сделали» и на мысль им не приходит не только показывать его людям, но и самим в душе любоваться им: так надо, так Бог велел, Бог помог и слава Ему, что благословил чрез мое недостойнство, чрез мое ничтожество сделать это добро. Так думают они о своем добре. А если уж нельзя укрыть его, то просят не называть их имен: творят добро от имени неизвестных благодетелей, чрез третьи лица. Но свет, но теплота этого добра помимо их воли льется вокруг их, и чувствуют это не только те, кому оказывается добро, но и те, чрез чьи руки проходит оно... Вот почему паки и паки приношу им свою сердечную благодарность и призываю на них Божие благословение!

Эта статья была уже набрана, когда я получил от секретаря управления подворий Палестинского Общества в Иерусалиме С. Г. Щербачева письмо, из которого привожу выдержки: «Едучи на пароходе с паломниками, я читал им ваш дневник о переселенцах и бедные паломницы совали мне в руки деньги – всего собрали 1 р., немного по количеству, но дорого по чувству. Посылаю вам эту святую жертву на храмы в Сибири. Трогательны рассказы некоторых паломников! Нет, не погибла, не погибла Россия, имея таких глубоко верующих сынов и дочерей, каких я встретил в лице паломников. Ни расходы, ни неудобства, ни качка, ни холод, ни голод – ничто не останавливает их могучим потоком стремиться в святую землю. Спасибо славному Палестинскому Обществу, приходящему на

помощь этим подвижникам. Одна старушка 12 лет жила мыслью ехать в Иерусалим и вот, по копеечке, набирала по 5 рублей в год, набрала 60 руб., и теперь она с нами, на пароходе «Королева Ольга», плывет туда, где жил, учил, страдал и умер Сам Господь. Другой молодой парень на шутку соседа, что капитан корабля может отправить его назад и деньги пропадут, ответил с христианским добродушием и твердым решением попасть во что бы то ни стало в Иерусалим: «Ну что ж, буду опять собирать деньги». Это – не пасынки России, это – ее законные дети, чистые, верующие и простые души»...

Душою отдыхаешь, когда читаешь такие письма.

Небесная Заступница Русской земли

Когда читаешь наши старые летописи, когда вспоминаешь давно минувшие судьбы родной нашей земли, то верующее сердце невольно исполняется благодарным чувством умиления пред теми дивными явлениями покрова и заступления Матери Божией, какие мы видим во всей девятивековой истории нашего отечества со дня крещения Руси князем Владимиром и даже до наших дней... Воистину, возлюбила Она, Мать Божия, нашу землю Русскую, православную, и нигде в мире нет столько чудотворных икон Ее, как у нас на Руси: их насчитывается до 300 только общеизвестных, а сколько их местно чтится по разным градам и весям обширной Русской земли! Нет, кажется, ни одного отдаленного уголка в России, где не было бы особенно чтимого образа Богоматери; не говорю уже о храмах православных: нет ни одной православной семьи, в коей не нашлось бы Ее лика пречистого! С детской любовью, в простоте смиренного сердца прибегают к Ней и старые и малые, и богатые и бедные, и простецы и люди, истинною наукою просвещенные, и несут к Ее стопам и скорби и радости свои, и на всех взирает Она, воистину, с материнскою любовью, всех ласкает благодатным взором Своим, всех утешает, благословляет, всем помогает в их нуждах! И тепло русскому в простоте верующему сердцу под благодатным покровом Ее, и называет оно Мать Божию самыми трогательными именами: Она – заступница усердная, Она – грешных споручница, Она –

скоропослушница, Она – радость скорбящих, утление в печали сущих, взыскание погибших. Она – благодатная исцелительница и небесная домостроительница, Она – града Москвы вратарница неусыпная, а для всего воинства христоролюбивого – воевода небесная... Ее святые иконы сопутствовали всем нашим благоверным князьям и Царям, и благочестейшим Императорам во всех их походах на врагов и супостатов Руси православной; Ее заступлением не раз спасалась Москва да и другие грады страны Российской от нашествия иноплеменных. И как трогательны летописные сказания о сих делах Божиих, явленных нашим предкам по молитвам Заступницы нашей усердной! Вот одно такое сказание: настал 1395 год. Русь стонет еще под игом злой татарщины. А с дальнего Востока, из глубин Монголии надвигается страшная туча. Там, где-то в Синей Орде, появился «некий царь, горее давнего и пуще прежнего лют губитель и разбойник»... И он идет, он надвигается со своими полчищами на Русь... Его имя – Тимур Ленг или Тамерлан; он задумал покорить всю вселенную. Заслышав привычный крик вождя, завидя взмах его кривой сабли, его воины бросались как тигры, почуявшие кровь. Страшные рассказы о его нечеловеческой свирепости леденили кровь в жилах. На его пути вместо цветущих городов, окруженных роскошными засеянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, оставались только развалины да прочные, на цементе, пирамиды из человеческих голов... Граждане одного города, чтобы умиловить этого зверя, выслали ему навстречу всех своих детей. При виде малюток, одетых в белые одежды и шедших с пальмами в руках и пением священных гимнов, в нем внезапно проснулся губительный демон, и он помчался вперед на своем коне... «За мной!» – крикнул он своей коннице... И несчастные родители с ужасом увидели со стен города, как их дети были растоптаны конскими копытами... И вот, такой-то губитель явился в пределах нашего отечества. Великий князь Василий Дмитриевич, сын Донского героя, собирал войска, готовился к бою... Но что значили ничтожные дружины князя в сравнении с несметными полчищами Тамерлана? Не ждали себе спасения ни князь, ни народ. По

всей Русской земле возносились пламенные молитвы: все церкви были открыты с утра до глубокой ночи. Народ проливал слезы, постился, все готовились к смерти...

В это ужасное время вспомнил князь о дивной иконе Богоматери, находившейся во Владимире. То была теперь известная под именем «Владимирской» икона, писанная, по преданию, св. Евангелистом Лукою. И послал Великий Князь за той иконой, и со слезами и многою скорбью проводили владимирцы великую свою святыню в стольный град Москву, где у всех была в то время одна мысль, одно желание – увидеть поскорее пречистый лик Царицы небесной, заступницы усердной рода христианского. И весь город вышел навстречу ей, все, от мала до велика, и не было человека, который не плакал бы, и отовсюду слышалось умильное моление: «Не предай же нас, Заступница наша, надежда наша, не предай нас в руки татарам!»... Это было 26 августа того же 1395 года. И вняла Мать Божия воплям русских людей. В ту же ночь под 26 августа сам грозный «владыка мира», как величал себя Тамерлан, почивал в великолепной ставке своей в окрестностях Ельца, среди необозримых полчищ своих. Бессменно, не сморгнув глазом, князья и ханы Азии окружали ставку, охраняя сон грозного повелителя. Но ему нет сна от страшных видений... Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы с золотыми жезлами в руках, грозящие ему... Свет ярче солнечных лучей, и в свете том дивная Царица, в багряных ризах, сияющая паче солнца молниезрачными лучами... А в лучезарной небесной выси – бесчисленные воинства, готовые устремиться по первому мановению той Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горе. И вдруг, грозно взглянув на него, Тамерлана, Царица повелевает всем тьмочисленным воинствам обрушиться на него... Отчаянный крик раздается в царской ставке. Вбежавшие вельможи находят своего владыку в таком виде, в каком никогда не видали. Неустрашимый в боях, он теперь лежал и стонал в полном изнеможении... Наутро свирепый завоеватель отдает приказ немедленно сниматься и быстро отступить.

Можно ли описать радость наших предков, когда они узнали, что страшный враг сам, никем не гонимый, ушел в степи Азии! Митрополит Киприан, Великий Князь и народ с слезами восторга возносили благодарные молитвы пред чудотворным образом Богоматери, а на том месте, где встретили св. икону, построили церковь во имя ее сретения, да не забудут людие дел Божиих. Тогда же было установлено празднование в честь Владимирской иконы 26 августа.

А что же Тамерлан? Он излил свою злобу на улусах Кипчакской орды, на татарских городах – Астрахани и Азове; он испепелил их. И что грозило святой Руси страшной гибелью, то принесло ей величайшую пользу: Тамерлан нанес смертельный удар не ей, а ее вековому врагу – Золотой орде...

Вот один из многочисленных примеров заступления Матери Божией за Русь православную! Все эти татарские ханы и царевицы – Мазовша, Ахмат, Махмет-Гирей, Казы-Гирей и др. испытали на себе грозный гнев и вышний покров и заступление за Русскую землю небесной Воеводы – Матери Божией. История свидетельствует, что во всех походах Царя Алексея Михайловича, Петра Первого и др. наших Императоров при войсках их находилась икона Богоматери – Явление Преподобному Сергию. Уже самим изображением склоненного пред Пречистою в молитвенном положении старца – печальника Русской земли, эта икона располагала воинов прибегать к заступлению Матери Божией, призывая на помощь и великого молитвенника Сергия Радонежского. И росла наша Русь православная под мощным крылом небесной Заступницы рода христианского; и сильна была верою своею, и непобедима для врагов – дотоле, пока крепка была вера русских людей, пока не стали люди русские отравляться разными модными лжеучениями, пока гнали от себя прочь всяких искусителей, вроде штундистов, баптистов и других сектантов, пока не подпускали к себе русские воины и особенно рабочий люд разных политических развратителей, социалистов, революционеров и всех этих слуг антихриста, иудейских наемников... Но стали проникать к нам на Русь все эти слуги сатаны, стали русские люди к ним прислушиваться, и пошла

духовная отравка в народе, и стали размножаться секты и расколы, появились разные «социалы» да «демократы», а за ними и революционеры-безбожники, и отвратила от нас пречистый лик Свой Царица Небесная, и понесли мы тяжкое унижение от японцев-язычников, и пронесли по лицу родной земли все невзгоды революции, и пролилось немало крови русской во дни смуты и усобицы...

Увы, стыд должен бы покрывать лица наши! Исстрадалась за последние годы душа русская, каждый из нас готов бы сложить голову свою у ног Царя-батюшки, только бы избыть горькую беду, только бы не видеть того позора, какой мы переживали в последние годы! Куда прибегнуть? Где искать помощи благодатной, укрепления духовного?.. Да где же, если не у Матери Божией? Она всегда заступала землю Русскую. Она и теперь неотступна с нами. Ведь это только – мы отступаем от Нее, убегаем из-под Ее крова благодатного! Итак, скорее – под благодатный кров Матери Божией, православные русские люди! Поучимся у малых детей: когда провинятся они в чем-либо пред матерью, то к ней же бегут со слезами и, не смея смотреть ей прямо в лицо, укрываются на груди ее. Прибегнем и мы, припадем к благодатной Заступнице рода нашего в покаянии, восплачемся пред Нею о наших тяжких грехах, и Она забудет наши вины и укроет нас от гнева Божия.

«Не имамамы иные помощи, не имамамы иные надежды, разве Тебе, Владычице! Ты нам помози», – Ты нас заступи, и как древле спасала от безбожных татар, от всех этих Тамерланов, Батыев, Мазовшей, Казы и Мехмет-Гиреев, так и ныне спаси землю Русскую от лютых врагов ее – богоотступников! Много развелось их по лицу родной земли нашей; всюду проникают они с своими безбожными книжками и газетами; отравляют они молодежь нашу, расхищают сокровища православной русской души своею пропагандою среди рабочих, среди крестьян, и даже – страшно сказать – среди войск наших христоролюбивых: не попусти. Царица Небесная, скрадывать души наши, души простецов верующих, и покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором!..

Отчество царской власти

Сегодня открыл «Моск. Церк. Ведомости» и сразу прочитал слова в записках архиеп. Леонида: «Русские смотрят на государство патриархально: государство – семья, Царь-Отец».

Я прибыл в родную Лавру, когда она была полна светлых воспоминаний о посещении ее Царской Семей. Иноки с умилением рассказывали разные подробности этого посещения. Более десяти лет прошло с того дня, как Государь посещал обитель Преподобного Сергия; много скорбей пережила бедная Русь за это время, а с нею скорбела и святая Лавра. Ведь если Москва есть сердце России, то обитель Сергиева есть один из жизненных нервов этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена тою проклятою революцией, которая пыталась убить нашу мать – Русь православную... Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!.. И горячо молились иноки о мире всего мира, о Царе своем, о родной земле, молились и у гроба чудотворца, и во всех храмах, и по кельям своим... «Как будто наступило затишье, говорят они: дай-то, Господи! Пошли мир людям Твоим!»

Не стану повторять то, что в свое время описано в газетах. Отмечу лишь то, что ускользает обыкновенно от зорких глаз газетных описателей.

Говорят, были предприняты некоторые меры, чтобы массы народные не переполняли улиц посада. Но народ проник в посад такими путями, о коих полиция не думала: чрез посадские лощины или овраги и все улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь пред Лаврой пестрела от головных уборов крестьянок, у вокзала всюду, где только было возможно, теснился народ. Когда Цесаревич показался из вагона и направился прямо в Царскую коляску, то буря народного восторга не поддавалась никакому описанию. Государь в эту минуту находился в царском павильоне: Он взглянул в открытое окно павильона, и радостным чувством озарилось его лицо... Восторженными громовыми перекатами гремело «ура» по всему пути до Лавры, а лаврская колокольная приветствовала Царя чудными звуками четырехтысячепудового

царя-колокола и его сорока медных детей. С крестным ходом Лавра встретила Помазанника Божия у св. ворот. Митрополит приветствовал Его сердечным словом. И вот Государь в древнем соборе Живоначальныя Троицы, у нетленных мощей великого печальника Русской земли, Преподобного Сергия. Он, Самодержавный Обладатель шестой части света, яко един от простых богомольцев, смиренно склоняет венчанную главу Свою пред гробом смиренного отшельника лесов Радонежских, молитвенно поручает ему Своего Сына – Наследника и всю Свою Царственную семью. Торжественно идет молебен Преподобному, и горячо молится Царь, молится Царица, молятся их Дети у гроба чудотворца. Говорят, трогательно было видеть, как Государь Цесаревич благоговейно принял икону из рук митрополита и поцеловал ее, истово оградив Себя крестным знаменiem.

Государь с Царевнами посетил келлии Митрополита, а Государыня с Своим Царственным Отроком изволила оставаться в это время в притворе, именуемом келлией Преподобного Сергия. Здесь царица земная горячо молилась Царице Небесной, явившейся некогда на сем месте Преподобному Сергию и рекшей: «Неотступна пребуду от места сего». Государь еще раз посетил эту келейку, милостиво и просто беседовал с братией, расспрашивал об иконах и иконописной школе. С умилением поведуют иноки, как Государь Наследник, выходя из келлии Преподобного, еще раз обратился назад и протянул ручки, чтобы принять благословение Владыки Митрополита. Невольно хотелось сказать Царственному Дитяти: «Ты испрошен у Бога молитвами новоявленного чудотворца Преподобного Серафима: да будут же всегда, во все дни жизни Твоей угодники Божий с Тобою, и Божие благословение да будет над Тобой!»...

Государь с Своею Царственной Семейей отбыл из святой обители; праздник кончился, но светлые воспоминания о Его пребывании здесь живы и надолго будут одушевлять сердца, Ему преданные, горячей любовью к Божию Помазаннику и всему Дому Его. ^от телеграмма, которою Государь порадовал обитель и всех жителей посада после Своего отъезда. Она

прислана на имя губернатора и в ответ на телеграмму жителей посада:

«Вместе с Моей Семьей сохраню радостные чувства от посещения святой обители и совместной молитвы с жителями Сергиева посада, которым поручаю передать Мою благодарность за выраженные чувства преданности.

Николай".

Каждый раз, когда мне приводил Бог быть свидетелем и участником встречи Государя, я переживал какое-то особое чувство, особое, так сказать, мистическое настроение... Думаю, меня поймут православные русские люди, сердцем преданные заветам родной земли. Как выразить словами это чувство?.. Я сказал бы: это ощущение всем существом русской души того отчества Верховной Власти, которое выражается в беззаветной, а следовательно, и безусловной любви и преданности народа к своему Царю и такой же любви Царя-Отца к народу, когда всякая мысль о какой-то конституции, о каком-то договоре Царя с народом является кощунством, непростительным оскорблением не только Царя, но и Бога, Которым Царь царствует. Наше русское Самодержавие носит характер чисто религиозный: «Бог, по образу Своего Вседержительства, дал нам Царя Самодержавного», – говорит великий учитель Русской Церкви Митрополит Филарет, и Царь наш царствует по образу Божия о нас промышления, как слуга Божий, как уполномоченный Им, Царем Небесным, и только Им единым: Он – наш беззаветно любимый, наш родной Отец, и никогда, пока Русь стоит, пока она Русь православная, народ Русский не допустит и мысли о каком-либо ограничении Его самодержавной власти, ибо не может допустить и той мысли, чтобы Благочестивейший Божий Помазанник когда-либо позволил Себе поступить вопреки велениям Своей Царской совести, руководимой благодатию Духа Божия, дарованною Ему в священном таинстве миропомазания. Пожелает ли отец недоброго своим детям? Мыслимо ли от отца требовать отчета в его делах? Возможно ли, не будет ли нарушением всяких законов и божеских и человеческих вторгаться в права отца, ограничивать их, ставить ему какие-то условия, кроме тех, в

какие он поставлен Богом в его совести? Народ есть единый целый организм, организм живой, возглавляемый Царем, яко Главою своею: что тело без головы – то государство без Царя, что семья без отца, то и царство без Царя. Когда была наша Русь наиболее сильна и славна и могущественна среди народов земных? Тогда, когда наиболее сознавала эту истину: пример – царствование незабвенного носителя идеала Царя Миротворца Александра III. Он воплотил в Себе, в Своем царствовании, в Своей личной жизни народный идеал Царя, и никогда Россия не стояла так высоко в глазах всего мира, как во дни – благословенные дни Его царствования. Мы переживаем иные дни, когда идеал наш тускнет, меркнет в нашем сознании, и вот – плоды этого на наших глазах. Но в душе народной он, этот идеал, жив: народ беззаветно любит самое имя Царя, чтит в Нем Божия помазанника и беззаветно предан Ему... И эта сыновняя преданность, это благоговейное отношение к Царской власти, к личности Царя и всех членов Его Августейшей Семьи, Бог даст, спасет Россию, если только врагам ее не удастся поколебать самой основы отчества Царской Власти. И они, наши супостаты, видят это, сознают, быть может, лучше многих из нас, отлично понимают и то, на чем все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни – в Церкви, в вере православной, и посмотрите, как они стараются расшатать эти основы! Ни иудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никаких сект не трогают, напротив: готовы всеми мерами им содействовать в укреплении и расширении, – на одно только православие устремлены все их нападения, против него всюду и везде строятся козни, ведутся подкопы, составляются «блоки» и – какой позор! – в этом всеобщем походе врагов наших против Церкви православной принимают едва ли не главное участие, по крайней мере по количеству членов этого «блока», люди, именующие себя русскими, даже православными! Что за ослепление! Что за безумие, граничащее с самоубийством! Уж пусть бы прежде совсем отреклись от православия, от русской народности, открыто заявили, что перешли... ну хотя бы в иудейство, магометанство, буддизм, во что угодно, только бы не

обманывали народ именем русских людей! Но увы! Им эта-то маска и нужна: без нее они бессильны, они знают это и только под маскою благодетелей народа надеются достигнуть своих преступных целей. Верится, что народ своим здравым умом сумеет наконец распознать их и с чувством грозного для них негодования отвернется от них, заклеив их именами, им свойственными...

Все миросозерцание нашего народа построено на началах нравственных, церковно-религиозных, в противоположность миросозерцанию народов западных. Там, напротив, все строится на началах правовых, юридических. Если мы хотим, чтобы наш народ занимал подобающее ему место в среде народов земных, то мы не должны насиловать его миросозерцания, а все законы строить в народном духе. И если бы наши образованные классы усвоили себе это основное начало русской жизни, то не наделали бы тех ошибок, в коих – увы! – они и теперь не каются. Призвание Царем «лучших людей», народом избранных, они поняли как открытие парламента, тогда как Царь-Отец хотел видеть при Себе советниками детей, а не парламентских говорунов, людей дела, людей опыта жизненного и, по возможности, разума государственного. А Ему в первую же Думу послали большинство самых негодных людей – разных «эсеров» и «эсдеков». Кто послал? Конечно, не народ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вот эта «интеллигенция», которая, пропитавшись западною отравой масонских учений, хотела и Русь переделать на западный шаблон. Царь распустил негодную Думу. Собралась вторая, но не лучше первой. Тогда Царь изменил выборный закон и получилась Дума... сносная. По крайней мере, ее терпели до конца срока ее полномочий. Желательна ли 4-я Дума такая же? Конечно, нет. Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям – мы не знаем; знаем одно: Царь есть высший источник законов и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо.

Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь Он дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их? Отец устанавливает порядки в семье, и если эти порядки оказываются непригодными, отменяет их. Закон может быть хорош по идее, но не отвечать жизни: ужели следует держаться его неотменно, хотя бы он оказался вредным для государства? Да, наконец: дети не исполняют воли отца – присылают ему не «лучших», а худших избранных: ужели нельзя лишить таких детей (для их же пользы, как неразумных, не понимающих намерений отца) и того права, какое подарил им отец? Бог – источник благодати, но и Он карает грешников, лишая их Своей милости. Раскройте страницы всемирной истории, читайте историю избранного народа. Мы, христиане, веруем слову Божию и видим из него, видим из нашей родной истории, как Бог лишал народы Своей милости, когда они переставали быть верными исполнителями Его святой воли... Даже с юридической точки зрения, когда одна сторона, заключившая условие, бывает неверна своим обязанностям, то другая освобождается от принятых ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и верною им... В самом деле: Царь хочет, чтобы Ему выбрали в Его Думу «лучших», а ему присылают худших людей: что же, разве Он не вправе сказать: «Такие Мне не нужны»? И мы признали бы только делом мудрой справедливости, если бы те области, те учреждения, которые и в 4-ю Думу прислали бы «эсеров» и «эсдеков», были лишены впредь до новой Думы, на пять лет, права иметь своих избранных в Г. Думе или Г. Совете, а эти негодные люди были изгнаны из сих почтенных учреждений немедленно. Худая трава из поля вон: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будет только благодарна, если ее прополют в этом смысле, если среди ней не окажется открытых врагов Церкви и отечества. И при нравственных основах государственной жизни это было бы только естественным явлением, и народ, верный этим началам, только горячо поблагодарил бы Верховную Власть за такую прочистку...

В истории бывают моменты, когда люди, понимающие смысл совершающихся события, должны всячески прояснять в

сознании народном те жизненные начала, которые заложены в духовный облик народа, и к таким святым началам – в церковной жизни нашего народа должно отнести – общение наше с Церковью небесною, с Церковью веков минувших – общение в мысли, в вере и жизни, а в государственной жизни – сознание отчества Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а с нами и все просвещенные русские люди, верные этим началам, должны стоять на страже их, зорко следя за всеми покушениями на них со стороны наших врагов...

О том, как иудеи отравляют нашу Русь православную

Несчастливая Россия!.. Не нужно быть мудрецом, чтобы видеть, что ты гибнешь, – не надо быть пророком, чтобы предвидеть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границ той необузданной свободе, какую захватили себе иудеи и их наемники и приспешники, изменники вере родной из сынов твоих! Мы, русские люди, дожили до того, что нас насильственно отравляют духовным ядом, нам не дают самой возможности иметь здоровую духовную пищу: иудеи нагло смеются над нами, подсовывая нам вместо этой пищи яд, всюду – только яд и никакого противоядия...

От чтения хороших книг отучили, все заполонила газета, а вся газетная печать – почти вся, за немногими редкими исключениями – в руках иудеев, и мы, читатели, должны или читать непременно только их – извините за выражение – зловонные листки, или же совсем не знать, что на свете Божиим творится. Когда сидишь еще дома – можно выписать кое-что из патриотической печати, – надо правду сказать: по неимению достаточных к тому средств – какой-то захудалой, тощей сведениями, сообщающей нередко то, что в иудейских газетах напечатано уже два-три дня назад; но когда судьба заставит вас путешествовать, то вы уже обречены на плен иудейский, горший вавилонского. Ни на пароходе, ни на станциях жел. дорог, ни в вагонах – ни одной патриотической газеты. Спросишь «Моск.

Ведомости» или «Колокол» – отвечают: «Нет». «Почему же не имеете?» – «Спроса нет». – «Да, вот я спрашиваю!» – «Извините, не имеем». Или: «Вышли все». Да у вас и не было их!..

Загляните в сумку продавца, и пред вами запестреют все иудейские издания: и «Речь», и «Руль», и «Биржовки», и «Копейки», не говорю уже о «Русском (когда-то действительно – Русском, в котором и мне не стыдно было, напротив – почетно – сотрудничать!) Слове», «Современном Слове» и т.д. А если заглянете как-нибудь неосторожно в издания иллюстрированные, то краска стыда покроет ваше лицо: такая там печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцелеть тут простому читателю? А ведь газета в последние годы стала насущной потребностью массы полуинтеллигентов, что-то вроде папиросы или чашки чаю. Иудеи, прикрываясь заманчивым для недалеких людей словом «свобода», захватили в свои цепкие руки печатное слово, захватили, говоря коммерческим языком, газетный рынок, поставили нас в невозможность противостоять им, и вот мы – в плену у них: чем хотят, тем нас и питают, особенно во время наших путешествий: точь-в-точь как содержатели буфетов: или ешь скоромное, или голодай в дороге. И это называется у нас свободой печатного слова! О, конечно, свобода – свобода злу, свобода отравлять русских людей, свобода издеваться над нами, над всем, что для нас дорого и священо! Но, гг. власть имущие: ведь это плен, худший плена японского, немецкого, какого угодно, это плен жидовский: ужели это не видно вам?.. Или погибни Русь, лишь бы был неприкосновенен принцип свободы печати, свободы слова и т.д.?

Нам говорят: и вы пользуйтесь тою же свободой, – кто вам запрещает!

Совесть, господа, запрещает! Мы не можем допустить тех способов отравления народа, какие допускают и на какие способны иудеи. Мы не имеем и тех средств, какими располагают для сей цели иудеи. У нас нет фондов, подобных кагальному, нет миллиардеров, бросающих миллионы на

завоевание нашего народа, в надежде пить его кровь... Нет, если вам жаль русского человека, если жалеете родную Русь и хотите, чтоб она еще жила среди народов земли, то гоните от нее прочь этих чужеродных насекомых...

На эти мысли навел меня недавний случай. Еду я в вагоне, один из спутников подает мне № московского иудейского «Руля» и говорит: «Почитайте». Говорю ему: «Охота и вам брать в руки этот листок: разве не чувствуете, что от него несет чесноком?» – «Да нет, – говорит, – посмотрите, любопытная статья... Одно заглавие чего стоит! «Новое религиозное сознание»! А в скобках: «Что же такое голгофское христианство?» И тут же реклама автора, будто какой знаменитости: «Статья Ионы Брихничева». А под статьей опять стоит это же, столь милое редакции имя: «Иона Брихничев».

Взял я листок, пробежал статейку, писанную известным расстригой. Что же проповедует сей отступник от учения Церкви? А вот послушайте, чему он поучает читателей иудейской газеты. «Христиане, – видите ли, – на протяжении двух тысяч лет не усвоили себе христианского учения о благодати (милостыни хочу, а не жертвы)». – Заметим: даже текст слов Спасителя искажен: вместо «милости» стоит «милостыни», что, конечно, не одно и то же. «До сих пор члены этих церквей называют себя рабами Господа, забывая о Богосыновстве, а следовательно, абсолютной свободе от заповедей – пережитых времен рабства». Что-то не складно, по-иудейски: «пережитых времен рабства», но не в том суть. Как видите, г. Брихничев, бывший православным священником, как будто не читал никогда молитвы Господней, начинающейся словами: «Отче наш»... Совсем не помнит и словес Господа и Спасителя нашего: «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте». «Но рабство есть зло, – поучает он, – следовательно, и заповеди не добро»... Слышите, читатель, что проповедует иудейский прислужник? «Проповедуя личное спасение каждого человека, – говорит он, – как довлеющую цель и ношу (?!), которую каждый человек только и может понести, все современные христианские учителя и нехристианские законодатели учат исключительно

самоспасению (?!). Все для себя, для спасения своей души»... Не правда ли: писать так, значит, вовсе не понимать самого духа учения о спасении. Как это непросительно бывшему священнику – говорить ли об этом? Очевидно, ему и в голову не могло прийти общее правило спасения: «Спасайся в Церкви, и ты будешь содействовать спасению многих душ». Однако г. Брихничев изрекает уже свой суд на учение Церкви: «Это жестокое (курсив автора) учение, по которому «праведник» (знаки вносные показывают, что автор изволит иронизировать над этим словом) может покойно блаженствовать «в раю» (опять те же знаки), когда грешник томится муками адского пламени, проводит последовательно, что и в общественной жизни здесь, на земле, проводится, благодаря ему, в большей или меньшей степени система самоспасания, личной святости, дрожания только за свою шкуру («моя хата с краю», – поясняет он в скобках)». Поймите тут, что он хочет сказать? «Христианство подлинное, голгофское, религия свободного человека учит иному: не самоспасанию и рабским добродетелям, а иному – Спасению Целого (прописные буквы автора). Не всё для себя, а всё – для всех (для тела и души всего человечества)». Далее автор развивает свою мысль в виде молитвы, размышления, патетически говорит о том, что «Скорбь (опять почему-то с прописной буквы) Христа не прекратится и руки и ноги Его не перестанут кровоточить, доколь не отдельные лица будут подносить Ему ненавистный фимиам – личного самоспасания, личной «чистоты» (опять в лапках), личной доброты, а пока весь мир, воскреснув, не придет в свободу чад Божиих, нравственными усилиями отдельных его членов».

Забыл несчастный экс-священник слова Господа, что на небесах бывает радость великая и о едином грешнике кающемся, забыл страшное пророчество Господа о том, что во второе Его пришествие нераскаянные грешники будут отосланы в муки вечные, а следовательно, и всеобщего спасения мира не будет... Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лет назад, и не г. Брихничеву ее реставрировать... Далее г. Брихничев уже прямо богохульствует, говоря, что «Христос не искупил мира, а

положил начало совместному с нами искуплению», что «всякие обещания спасения за чужой счет, хотя бы по вере – есть злая и опасная шутка», что покаяние состоит «в отвержении всех своих старых верований, в бесповоротном и неуклонном (даже до смерти) осуждении рабской религии заповедей» и что это покаяние «должно вылиться в какой-то свободной жизни, свободном усовершенствовании, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очистит личность, Он же спасет мир»... Что же это за огонь? Автор отвечает: тот Огонь, о котором Христос сказал: «Огонь Я принес на землю и как бы хотел, чтобы Он разгорелся!» Автор намеренно уклоняется от церковного толкования словес Господних и придает им какой-то, видимо, особенный смысл, ибо везде слово Огонь с прописной буквы... Он говорит: «Огнем горящие, пламенеющие сердца человеческие, объединенные одним общим желанием воскрешения всего, составят из себя то Вселенское Пламя, в котором земля и все старые тела сгорят»...

Едва ли найдется какой мудрец, который смог бы разобраться в этом богословствовании г. Брихничева; вероятно, он и сам не ведает, не дает себе полного и ясного отчета о том, что говорит. Но читатели иудейской газеты твердо запомнят, что «заповеди – не добро», что, стало быть, их и не нужно, что где заповеди, там рабство и прочие безумные глаголы... А иудеям только то и нужно, чтоб такими бреднями отравлять христиан. И вот к их услугам является расстриженный иерей г. Брихничев. И листы газетные с его бреднями (хотелось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилию) разносятся по лицу бедной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за православие, что такому господину не поздоровилось бы... сидел бы где-нибудь в Суздале или в Соловках. А ныне все можно: издевайся сколько угодно над верою Апостольской, сочиняй ереси, продавай не только перо, но и душу врагам Христовым!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь православная, терпи поношение, поругание от таких отверженцев, а если кто из нас вступится за ее поруганную честь, если кто назовет ее поносителей их собственным

именем, того имя проносится яко зло... Но мы больше верим слову Христову: радуйтесь и веселитесь в таких случаях; с радостью несем поношение Христово и крепко веруем, что истина Господня пребывает во век, а все враги ее, исчезая, исчезнут яко дым, яко прах, его же возмывает ветер от лица земли... Жаль только собратий наших отравляемых этими бреднями и отторгаемых от матери Церкви...

Голос смиренной науки в защиту веры

Несчастливая Россия!.. Не нужно быть мудрецом, чтобы видеть, что ты гибнешь, – не надо быть пророком, чтобы провидеть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границ той необузданной свободе, какую захватили себе иудеи и их наемники и приспешники, изменники вере родной из сынов твоих! Мы, русские люди, дожили до того, что нас насильственно отравляют духовным ядом, нам не дают самой возможности иметь здоровую духовную пищу: иудеи нагло смеются над нами, подсовывая нам вместо этой пищи яд, всюду – только яд и никакого противоядия...

От чтения хороших книг отучили, все заполонила газета, а вся газетная печать – почти вся, за немногими редкими исключениями – в руках иудеев, и мы, читатели, должны или читать непременно только их – извините за выражение – зловонные листки, или же совсем не знать, что на свете Божиим творится. Когда сидишь еще дома – можно выписать кое-что из патриотической печати, – надо правду сказать: по неимению достаточных к тому средств – какой-то захудалой, тощей сведениями, сообщающей нередко то, что в иудейских газетах напечатано уже два-три дня назад; но когда судьба заставит вас путешествовать, то вы уже обречены на плен иудейский, горший вавилонского. Ни на пароходе, ни на станциях жел. дорог, ни в вагонах – ни одной патриотической газеты. Спросишь «Моск. Ведомости» или «Колокол» – отвечают: «Нет». «Почему же не имеете?» – «Спроса нет». – «Да, вот я спрашиваю!» – «Извините, не имеем». Или: «Вышли все». Да у вас и не было их!..

Загляните в сумку продавца, и пред вами запестреют все иудейские издания: и «Речь», и «Руль», и «Биржовки», и «Копейки», не говорю уже о «Русском (когда-то действительно – Русском, в котором и мне не стыдно было, напротив – почетно – сотрудничать!) Слове», «Современном Слове» и т.д. А если заглянете как-нибудь неосторожно в издания иллюстрированные, то краска стыда покроет ваше лицо: такая там печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцелеть тут простому читателю? А ведь газета в последние годы стала насущной потребностью массы полуинтеллигентов, что-то вроде папиросы или чашки чаю. Иудеи, прикрываясь заманчивым для недалеких людей словом «свобода», захватили в свои цепкие руки печатное слово, захватили, говоря коммерческим языком, газетный рынок, поставили нас в невозможность противостоять им, и вот мы – в плену у них: чем хотят, тем нас и питают, особенно во время наших путешествий: точь-в-точь как содержатели буфетов: или ешь скоромное, или голодай в дороге. И это называется у нас свободой печатного слова! О, конечно, свобода – свобода злу, свобода отравлять русских людей, свобода издеваться над нами, над всем, что для нас дорого и священно! Но, гг. власть имущие: ведь это плен, худший плена японского, немецкого, какого угодно, это плен жидовский: ужели это не видно вам?.. Или погибни Русь, лишь бы был неприкосновенен принцип свободы печати, свободы слова и т.д.?

Нам говорят: и вы пользуйтесь тою же свободой, – кто вам запрещает!

Совесть, господа, запрещает! Мы не можем допустить тех способов отравления народа, какие допускают и на какие способны иудеи. Мы не имеем и тех средств, какими располагают для сей цели иудеи. У нас нет фондов, подобных кагальному, нет миллиардеров, бросающих миллионы на завоевание нашего народа, в надежде пить его кровь... Нет, если вам жаль русского человека, если жалеете родную Русь и хотите, чтоб она еще жила среди народов земли, то гоните от нее прочь этих чужеядных насекомых...

На эти мысли навел меня недавний случай. Еду я в вагоне, один из спутников подает мне № московского иудейского «Руля» и говорит: «Почитайте». Говорю ему: «Охота и вам брать в руки этот листок: разве не чувствуете, что от него несет чесноком?» – «Да нет, – говорит, – посмотрите, любопытная статья... Одно заглавие чего стоит! «Новое религиозное сознание»! А в скобках: «Что же такое голгофское христианство?» И тут же реклама автора, будто какой знаменитости: «Статья Ионы Брихничева». А под статьей опять стоит это же, столь милое редакции имя: «Иона Брихничев».

Взял я листок, пробежал статейку, писанную известным расстригой. Что же проповедует сей отступник от учения Церкви? А вот послушайте, чему он поучает читателей иудейской газеты. «Христиане, – видите ли, – на протяжении двух тысяч лет не усвоили себе христианского учения о благодати (милостыни хочу, а не жертвы)». – Заметим: даже текст слов Спасителя искажен: вместо «милости» стоит «милостыни», что, конечно, не одно и то же. «До сих пор члены этих церквей называют себя рабами Господа, забывая о Богосыновстве, а следовательно, абсолютной свободе от заповедей – пережитых времен рабства». Что-то не складно, по-иудейски: «пережитых времен рабства», но не в том суть. Как видите, г. Брихничев, бывший православным священником, как будто не читал никогда молитвы Господней, начинающейся словами: «Отче наш»... Совсем не помнит и словес Господа и Спасителя нашего: «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте». «Но рабство есть зло, – поучает он, – следовательно, и заповеди не добро»... Слышите, читатель, что проповедует иудейский прислужник? «Проповедуя личное спасение каждого человека, – говорит он, – как довлеющую цель и ношу (?!), которую каждый человек только и может понести, все современные христианские учителя и нехристианские законодатели учат исключительно самоспасению (?!). Все для себя, для спасения своей души»... Не правда ли: писать так, значит, вовсе не понимать самого духа учения о спасении. Как это непростительно бывшему священнику – говорить ли об этом? Очевидно, ему и в голову не

могло прийти общее правило спасения: «Спасайся в Церкви, и ты будешь содействовать спасению многих душ». Однако г. Брихничев изрекает уже свой суд на учение Церкви: «Это жестокое (курсив автора) учение, по которому «праведник» (знаки вносные показывают, что автор изволит иронизировать над этим словом) может покойно блаженствовать «в раю» (опять те же знаки), когда грешник томится муками адского пламени, проводит последовательно, что и в общественной жизни здесь, на земле, проводится, благодаря ему, в большей или меньшей степени система самоспасания, личной святости, дрожания только за свою шкуру («моя хата с краю», – поясняет он в скобках)». Поймите тут, что он хочет сказать? «Христианство подлинное, голгофское, религия свободного человека учит иному: не самоспасанию и рабским добродетелям, а иному – Спасению Целого (прописные буквы автора). Не всё для себя, а всё – для всех (для тела и души всего человечества)». Далее автор развивает свою мысль в виде молитвы, размышления, патетически говорит о том, что «Скорбь (опять почему-то с прописной буквы) Христа не прекратится и руки и ноги Его не перестанут кровоточить, доколь не отдельные лица будут подносить Ему ненавистный фимиам – личного самоспасания, личной «чистоты» (опять в лапках), личной доброты, а пока весь мир, воскреснув, не придет в свободу чад Божиих, нравственными усилиями отдельных его членов».

Забыл несчастный экс-священник слова Господа, что на небесах бывает радость великая и о едином грешнике кающемся, забыл страшное пророчество Господа о том, что во второе Его пришествие нераскаянные грешники будут отосланы в муки вечные, а следовательно, и всеобщего спасения мира не будет... Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лет назад, и не г. Брихничеву ее реставрировать... Далее г. Брихничев уже прямо богохульствует, говоря, что «Христос не искупил мира, а положил начало совместному с нами искуплению», что «всякие обещания спасения за чужой счет, хотя бы по вере – есть злая и опасная шутка», что покаяние состоит «в отвержении всех своих старых верований, в бесповоротном и неуклонном (даже до

смерти) осуждении рабской религии заповедей» и что это покаяние «должно вылиться в какой-то свободной жизни, свободном усовершенствовании, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очистит личность, Он же спасет мир»... Что же это за огонь? Автор отвечает: тот Огонь, о котором Христос сказал: «Огонь Я принес на землю и как бы хотел, чтобы Он разгорелся!» Автор намеренно уклоняется от церковного толкования словес Господних и придает им какой-то, видимо, особенный смысл, ибо везде слово Огонь с прописной буквы... Он говорит: «Огнем горящие, пламенеющие сердца человеческие, объединенные одним общим желанием воскрешения всего, составят из себя то Вселенское Пламя, в котором земля и все старые тела сгорят»...

Едва ли найдется какой мудрец, который смог бы разобраться в этом богословствовании г. Брихничева; вероятно, он и сам не ведает, не дает себе полного и ясного отчета о том, что говорит. Но читатели иудейской газеты твердо запомнят, что «заповеди – не добро», что, стало быть, их и не нужно, что где заповеди, там рабство и прочие безумные глаголы... А иудеям только то и нужно, чтоб такими бреднями отравлять христиан. И вот к их услугам является расстриженный иерей г. Брихничев. И листы газетные с его бреднями (хотелось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилию) разносятся по лицу бедной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за православие, что такому господину не поздоровилось бы... сидел бы где-нибудь в Суздале или в Соловках. А ныне все можно: издевайся сколько угодно над верою Апостольской, сочиняй ереси, продавай не только перо, но и душу врагам Христовым!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь православная, терпи поношение, поругание от таких отверженцев, а если кто из нас вступится за ее поруганную честь, если кто назовет ее поносителей их собственным именем, того имя проносится яко зло... Но мы больше верим слову Христову: радуйтесь и веселитесь в таких случаях; с радостью несем поношение Христово и крепко веруем, что истина Господня пребывает во век, а все враги ее, исчезая,

исчезнут яко дым, яко прах, его же возмечает ветр от лица земли... Жаль только собратий наших отравляемых этими бреднями и отторгаемых от матери Церкви...

Год 1913

I

Я закончил свой дневник о том – «Кто культурнее: они или мы?» и уже послал рукопись в редакцию, когда мне пришлось прочитать в одной рукописной автобиографии половины прошлого века следующие строки:

«Да, большой недостаток в русском высшем обществе, что там мало ценят милость Божию, что родились в православном исповедании. То, что человеку с прекрасными качествами, благородством и ученостию, но родившемуся в католичестве или протестантстве, еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имеет без всяких усилий, внедренное в сердце своем, всосанное с молоком матери своей, как бы сросшееся с ним и приобретенное без всяких трудов и усилий. Но, видно, правду говорят, что то, что получено без всяких трудов и усилий, то так мало и ценится! Если бы этим началам православия давали развиваться и укореняться, каких бы они не принесли благодатных плодов! Но они оставляются пренебреженными, засариваясь разным хламом лжемудрований, лжеумствований, ложных мнений; человек между тем узнает, что есть христианские же религии, которые смотрят снисходительнее на слабости человеческие и даже потворствуют им, не стесняют ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержанием порывов плоти и крови; и вот, рожденный, но не укачествовавшийся в православии, соблазняется мнениями, чуждыми православию, наконец становится равнодушным к религии своей – дотоле, пока милующая Десница Всевышнего не образумит его своими наказаниями».

Это пишет человек светский, офицер, воспитанный в среде светского общества того времени и видевший главную причину зла в том, что у них, т.е. в этом обществе, было так много гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, что дядя автора говаривал: «Когда это моя Европа разъедется?..».

Прошло с того времени, о коем говорит автор, сто лет, но «мадамы и мамзели», гувернеры и гувернантки-иностранки не составляют ли и теперь необходимой принадлежности в деле воспитания детей нашего не только интеллигентного, но и полуинтеллигентного общества? Не говорю уже о дворянских семьях: даже у купцов, которые сами нигде не учились, из мужичков вышли, около их детей увиваются уже француженки и немки, а иногда и англичанки: без новых языков, видите ли, обойтись нельзя, а им выучиться без этого рода педагогов очень трудно, и вот ребенок в самом золотом расцвете детства отдается на руки этим «европейцам» ради того только, чтобы была использована его в высшей степени восприимчивая память для изучения чужих языков... Родители не понимают, какую дорогою ценою они покупают легкость для их дитяти изучения иностранных языков; они не понимают, что, сами того не сознавая, поручают этим чужим людям не только разрушать некие малые зачатки православного мирозерцания, но незаметно, может быть, даже бессознательно, – кто поручится, что в иных случаях и сознательно? – строит в детской душе неправославное мирозерцание? Если русская безграмотная няня имела и без сомнения имеет и теперь такое великое значение в воспитании Пушкиных и др. великих русских людей, то как отрицать влияние на весь слагающийся строй души ребенка всех этих мамзелей и мадам?.. Не они ли первые, повторяю, может быть, произвольно, первые закладывают в душе будущего нашего интеллигента семена преувеличенного уважения ко всему западному, неправославному и пренебрежения к родному, православному? Не вследствие ли общения с ними наши дети еще с отрочества начинают пренебрежительно относиться к заветам старины родной? Хорошо, если сами родители строго держатся этой старины, как, например, держались ее родители автора вышеприведенной выписки. Вот что говорит он в своих записках: «У покойного деда моего всегда производилась на дому служба весь Великий пост, даже без священника, который приглашался только на первую и страстную седмицы, на все годовые праздники, во дни нарочитых святых и на все воскресные всенощные; мой отец, не

желая изменять порядка своего отца, имея уже и детей, также три недели справлял службы Великим постом и все праздники. Так дошло и до меня. Прочие братья и сестры этого уже не помнят: они были очень малы, а я обыкновенно читал сам вечерни, повечерия, полунощницы и утрени дома, при крестах, и в церкви часы, а бабушка почти каждый день заезжала к матери, возвращаясь от обедни из Лебяжского Троицкого монастыря, в котором она и погребена». Но то было почти сто лет назад; теперь едва ли найдешь такую семью не только в высших сословиях, но и в купеческом и мещанском. И растут детские души вне той духовной атмосферы, которая называется церковностью, и обвевают их другие веяния. Церкви чуждые, ложатся на нежное детское сердце другие впечатления, незаметно, но прочно создается другое мирозерцание.

II

Дети! Какое бесценное сокровище вручает нам Бог в лице малых сих! Не напрасно детские души называются ангельскими: из св. купели крещения наши дети выходят чистыми, чуждыми греха прародительского, невинными существами. Вспомните слово Христово: «Если не будете и сами как дети, то не внидете в царствие небесное». Ведь о детях Господь сказал и сие: «Ангелы их всегда видят лице Отца Моего Небесного». Где дети, там и Ангелы Божии. Как же должно беречь это сокровище – детскую душу!..

А мы что с нею делаем? С первых шагов сознательной жизни, лишь только ребенок начинает лепетать, мы спешим отдать его на руки людям, чуждым нам и по духу, и по языку, и по всему их нравственному мирозерцанию. Дитя еще не научилось как следует называть окружающие его предметы, как в его невинную головку уже засевают французские, немецкие, английские фразы. Родители не хотят подумать хотя бы о том, что русское дитя ведь при таких условиях и мыслить будет не по-русски... Покойная Анна Феодоровна Аксакова в своих умных, философски обдуманных беседах не раз мне жаловалась, что затрудняется «думать по-русски»: с детства привыкла говорить по-немецки и думать по-немецки.

Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не без труда подыскивала русские слова для выражения какого-либо отвлеченного понятия в области предметов возвышенных. Но она не виновата, что ее отец жил большею частию за границей, в Германии, хотя надо ему честь отдать: знал в совершенстве русский язык и умел воплощать в нем свои чудные поэтические произведения.

Имею основание, и кроме общих суждений, сказать, что иностранцы, допущенные к нашим детям, вредят и самому главному – они незаметно посевают в них свои религиозные воззрения. Понятно, что атеист не может говорить о Боге с должным благоговением. Но так же понятно, что фанатичная католичка найдет и время, и случай внушить ребенку свои понятия о чистилище, о непорочном зачатии; она с деланным благоговением говорит ему о «святом отце», о «сердце Иисусове» и пр. Хорошо, если умное дитя спросит своих родителей: как относиться к таким непрошеным урокам? А если не спросит?.. Невольно задумываешься над вопросом: что это значит, что даже коренные русские семьи, вроде купцов Абрикосовых, вдруг ни с того ни с сего ушли в латинство? Кто их подготовил к сему? О, конечно, патеры-иезуиты не упускают случая поймать в свои сети наших младенцествующих в вопросах богословия интеллигентов; но впереди патеров, очень вероятно, шли усердные их послушницы – мадамы и мамзели. С давних пор наше купеческое сословие отличалось от других интеллигентных сословий большею религиозностью; правда, в последнее время и оно пошло за интеллигентами из других, отравленных иудейской печатью, сословий, и даже в иных случаях опережает их; а все же в среде купеческих семей можно еще встретить людей, искренно верующих в Бога, не забывающих и единого на потребу. И вот сюда устремляют взоры латинские пропагандисты, здесь ищут себе поживы... Как же надобно беречь детей от этих алчных взоров, от всяких гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, бонн и репетиторов!

Меня поражает эта преступная беспечность – не говорю уже о вере, о спасении души, а хотя бы только о благе своей

родины, о том, чтоб чужеземцы не захватили в свои руки то, что веками скопляли отцы наши, не заставили нас быть батраками на них, не издевались над нами, как над глупыми, презренными неграми, из которых можно делать все, что им будет угодно! А ведь если мы будем так беспечны и вперед, то недолго и до этого... Нашей интеллигенцией будто какой-то гипноз овладел: вот, непременно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всем походить на них, усвоить их идеалы, их формы жизни, их языки, даже их, платье, манеры, привычки... А того не видят люди русские, что европейцы только смеются над этим, только презирают нас еще больше, как париев, как некультурных дикарей. И особенно это на руку заклятым врагам Христовым – иудеям и масонам: они руки потирают от радости, им это-то и нужно. И всеми мерами они стараются содействовать этому гипнозу, всего больше боятся, как бы не очнулись русские люди, не вспомнили заветов предков своих благочестивых. И вот, захватив в свои руки печать, они всячески внушают, что этот гипноз есть явление в высшей степени отрадное, как признак культурности, прогресса, победы над мракобесием, торжества цивилизации... Что мы – невежды, что мы во всем, решительно во всем отстали от Европы, что стыдно нам быть православными, что христианство «сыграло свою роль в истории, отжило, умирает», – все это изо дня в день, под разными видами, внушается иудейской печатью, впитывается в мозги нашей модничающей интеллигенции, как неоспоримая аксиома, против которой могут спорить только глупцы... Чем все это грозит нам в самом близком будущем? Русские люди, опомнитесь! Стыдно и непростительно грешно так унижать себя, так позорить изменой родным заветам старины, родной Церкви, родному народу! С недоумением смотрит он, этот народ, на ваши «барские причуды», с сожалением – на ваши заморские выдумки, с глубокою скорбью вздыхает, когда видит ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его совратить на свой путь погибельный... Ведь он все ждал, что вы пойдете впереди его по завещанному ему историей и Божьим Провидением пути, что как люди, более его наукою просвещенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Ваалу

и идете путем служителей Молоха... Горе вам, когда народ потеряет всякое к вам доверие, когда среди вас не найдется достойных сынов Руси веков минувших! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: он не замедлит, восприв в свое сердце яд духовного развращения, ниспасть и в разврат телесный, превратиться в такого зверя, какого мир еще не видел, какого история человечества еще не знала...

И вы первые – помните это! – первые погибнете в когтях этого лютого, беспощадного зверя!

«Мои дневники»

Меч обоюдоострый

I

Я закончил свой дневник о том – «Кто культурнее: они или мы?» и уже послал рукопись в редакцию, когда мне пришлось прочитать в одной рукописной автобиографии половины прошлого века следующие строки:

«Да, большой недостаток в русском высшем обществе, что там мало ценят милость Божию, что родились в православном исповедании. То, что человеку с прекрасными качествами, благородством и ученостию, но родившемуся в католичестве или протестантстве, еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имеет без всяких усилий, внедренное в сердце своем, всосанное с молоком матери своей, как бы сросшееся с ним и приобретенное без всяких трудов и усилий. Но, видно, правду говорят, что то, что получено без всяких трудов и усилий, то так мало и ценится! Если бы этим началам православия давали развиваться и укореняться, каких бы они не принесли благодатных плодов! Но они оставляются пренебреженными, засариваясь разным хламом лжемудрований, лжеумствований, ложных мнений; человек между тем узнает, что есть христианские же религии, которые смотрят снисходительнее на слабости человеческие и даже потворствуют им, не стесняют ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержанием порывов плоти и крови; и вот, рожденный, но не укачествовавшийся в православии, соблазняется мнениями, чуждыми православию, наконец становится равнодушным к религии своей – дотоле, пока милующая Десница Всевышнего не образумит его своими наказаниями».

Это пишет человек светский, офицер, воспитанный в среде светского общества того времени и видевший главную причину зла в том, что у них, т.е. в этом обществе, было так много гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, что дядя автора говаривал: «Когда это моя Европа разъедется?..».

Прошло с того времени, о коем говорит автор, сто лет, но «мадамы и мамзели», гувернеры и гувернантки-иностранки не составляют ли и теперь необходимой принадлежности в деле воспитания детей нашего не только интеллигентного, но и полуинтеллигентного общества? Не говорю уже о дворянских семьях: даже у купцов, которые сами нигде не учились, из мужичков вышли, около их детей увиваются уже француженки и немки, а иногда и англичанки: без новых языков, видите ли, обойтись нельзя, а им выучиться без этого рода педагогов очень трудно, и вот ребенок в самом золотом расцвете детства отдается на руки этим «европейцам» ради того только, чтобы была использована его в высшей степени восприимчивая память для изучения чужих языков... Родители не понимают, какую дорогою ценою они покупают легкость для их дитяти изучения иностранных языков; они не понимают, что, сами того не сознавая, поручают этим чужим людям не только разрушать некие малые зачатки православного мирозерцания, но незаметно, может быть, даже бессознательно, – кто поручится, что в иных случаях и сознательно? – строит в детской душе неправославное мирозерцание? Если русская безграмотная няня имела и без сомнения имеет и теперь такое великое значение в воспитании Пушкиных и др. великих русских людей, то как отрицать влияние на весь слагающийся строй души ребенка всех этих мамзелей и мадам?.. Не они ли первые, повторяю, может быть, произвольно, первые закладывают в душе будущего нашего интеллигента семена преувеличенного уважения ко всему западному, неправославному и пренебрежения к родному, православному? Не вследствие ли общения с ними наши дети еще с отрочества начинают пренебрежительно относиться к заветам старины родной? Хорошо, если сами родители строго держатся этой старины, как, например, держались ее родители автора вышеприведенной выписки. Вот что говорит он в своих записках: «У покойного деда моего всегда производилась на дому служба весь Великий пост, даже без священника, который приглашался только на первую и страстную седмицы, на все годовые праздники, во дни нарочитых святых и на все воскресные всенощные; мой отец, не

желая изменять порядка своего отца, имея уже и детей, также три недели справлял службы Великим постом и все праздники. Так дошло и до меня. Прочие братья и сестры этого уже не помнят: они были очень малы, а я обыкновенно читал сам вечерни, повечерия, полунощницы и утрени дома, при крестах, и в церкви часы, а бабушка почти каждый день заезжала к матери, возвращаясь от обедни из Лебяжского Троицкого монастыря, в котором она и погребена». Но то было почти сто лет назад; теперь едва ли найдешь такую семью не только в высших сословиях, но и в купеческом и мещанском. И растут детские души вне той духовной атмосферы, которая называется церковностью, и обвевают их другие веяния. Церкви чуждые, ложатся на нежное детское сердце другие впечатления, незаметно, но прочно создается другое мирозерцание.

II

Дети! Какое бесценное сокровище вручает нам Бог в лице малых сих! Не напрасно детские души называются ангельскими: из св. купели крещения наши дети выходят чистыми, чуждыми греха прародительского, невинными существами. Вспомните слово Христово: «Если не будете и сами как дети, то не внидете в царствие небесное». Ведь о детях Господь сказал и сие: «Ангелы их всегда видят лице Отца Моего Небесного». Где дети, там и Ангелы Божии. Как же должно беречь это сокровище – детскую душу!..

А мы что с нею делаем? С первых шагов сознательной жизни, лишь только ребенок начинает лепетать, мы спешим отдать его на руки людям, чуждым нам и по духу, и по языку, и по всему их нравственному мирозерцанию. Дитя еще не научилось как следует называть окружающие его предметы, как в его невинную головку уже засевают французские, немецкие, английские фразы. Родители не хотят подумать хотя бы о том, что русское дитя ведь при таких условиях и мыслить будет не по-русски... Покойная Анна Феодоровна Аксакова в своих умных, философски обдуманных беседах не раз мне жаловалась, что затрудняется «думать по-русски»: с детства привыкла говорить по-немецки и думать по-немецки.

Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не без труда подыскивала русские слова для выражения какого-либо отвлеченного понятия в области предметов возвышенных. Но она не виновата, что ее отец жил большею частию за границей, в Германии, хотя надо ему честь отдать: знал в совершенстве русский язык и умел воплощать в нем свои чудные поэтические произведения.

Имею основание, и кроме общих суждений, сказать, что иностранцы, допущенные к нашим детям, вредят и самому главному – они незаметно посевают в них свои религиозные воззрения. Понятно, что атеист не может говорить о Боге с должным благоговением. Но так же понятно, что фанатичная католичка найдет и время, и случай внушить ребенку свои понятия о чистилище, о непорочном зачатии; она с деланным благоговением говорит ему о «святом отце», о «сердце Иисусове» и пр. Хорошо, если умное дитя спросит своих родителей: как относиться к таким непрошеным урокам? А если не спросит?.. Невольно задумываешься над вопросом: что это значит, что даже коренные русские семьи, вроде купцов Абрикосовых, вдруг ни с того ни с сего ушли в латинство? Кто их подготовил к сему? О, конечно, патеры-иезуиты не упускают случая поймать в свои сети наших младенцествующих в вопросах богословия интеллигентов; но впереди патеров, очень вероятно, шли усердные их послушницы – мадамы и мамзели. С давних пор наше купеческое сословие отличалось от других интеллигентных сословий большею религиозностью; правда, в последнее время и оно пошло за интеллигентами из других, отравленных иудейской печатью, сословий, и даже в иных случаях опережает их; а все же в среде купеческих семей можно еще встретить людей, искренно верующих в Бога, не забывающих и единого на потребу. И вот сюда устремляют взоры латинские пропагандисты, здесь ищут себе поживы... Как же надобно беречь детей от этих алчных взоров, от всяких гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, бонн и репетиторов!

Меня поражает эта преступная беспечность – не говорю уже о вере, о спасении души, а хотя бы только о благе своей

родины, о том, чтоб чужеземцы не захватили в свои руки то, что веками скопляли отцы наши, не заставили нас быть батраками на них, не издевались над нами, как над глупыми, презренными неграми, из которых можно делать все, что им будет угодно! А ведь если мы будем так беспечны и вперед, то недолго и до этого... Нашей интеллигенцией будто какой-то гипноз овладел: вот, непременно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всем походить на них, усвоить их идеалы, их формы жизни, их языки, даже их, платье, манеры, привычки... А того не видят люди русские, что европейцы только смеются над этим, только презирают нас еще больше, как париев, как некультурных дикарей. И особенно это на руку заклятым врагам Христовым – иудеям и масонам: они руки потирают от радости, им это-то и нужно. И всеми мерами они стараются содействовать этому гипнозу, всего больше боятся, как бы не очнулись русские люди, не вспомнили заветов предков своих благочестивых. И вот, захватив в свои руки печать, они всячески внушают, что этот гипноз есть явление в высшей степени отрадное, как признак культурности, прогресса, победы над мракобесием, торжества цивилизации... Что мы – невежды, что мы во всем, решительно во всем отстали от Европы, что стыдно нам быть православными, что христианство «сыграло свою роль в истории, отжило, умирает», – все это изо дня в день, под разными видами, внушается иудейской печатью, впитывается в мозги нашей модничающей интеллигенции, как неоспоримая аксиома, против которой могут спорить только глупцы... Чем все это грозит нам в самом близком будущем? Русские люди, опомнитесь! Стыдно и непростительно грешно так унижать себя, так позорить изменой родным заветам старины, родной Церкви, родному народу! С недоумением смотрит он, этот народ, на ваши «барские причуды», с сожалением – на ваши заморские выдумки, с глубокою скорбью вздыхает, когда видит ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его совратить на свой путь погибельный... Ведь он все ждал, что вы пойдете впереди его по завещанному ему историей и Божьим Провидением пути, что как люди, более его наукою просвещенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Ваалу

и идете путем служителей Молоха... Горе вам, когда народ потеряет всякое к вам доверие, когда среди вас не найдется достойных сынов Руси веков минувших! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: он не замедлит, восприв в свое сердце яд духовного развращения, ниспасть и в разврат телесный, превратиться в такого зверя, какого мир еще не видел, какого история человечества еще не знала...

И вы первые – помните это! – первые погибнете в когтях этого лютого, беспощадного зверя!

«Мои дневники»

Часть 1

Никогда, может быть, даже во времена гонений от язычников, не было столько опасностей для Церкви, как в наши якобы мирные дни. Ей грозят и внешние и внутренние враги. Внешние – это секты и расколы, открыто отпавшие от нее; внутренние – это не порвавшие открыто единения с нею, но уже не единомышленные, уже мудрствующие по своему смыслению в вопросах веры и понимания жизни по вере. И последние, при известных условиях, могут быть опаснее первых. Потеряв доверие к авторитету руководства церковного, они легко могут подчиниться влиянию еретичесствующих мудрований и запутаться в сетях, расставленных еретиками. И это может произойти незаметно для них самих: некоторое время они будут еще считать себя православными, полагая, что усвоенные ими разномыслия не существенны, но потом, укрепившись в этих разномыслиях, будут уже и самую Церковь обвинять в неправом понимании своего учения и тем увлекать других, верных чад Церкви. А сии чада Церкви, зная их за православных, без всякого опасения будут прислушиваться к их мудрованиям и отравляться ими. Вот почему нам, пастырям Церкви, необходимо зорко стоять на страже святынь православия, внимательно следя за всеми, даже, по-видимому, благоприятными течениями и явлениями в духовной жизни народа и образованного общества, зная, что и сатана иногда преобразуется в ангела света, и яд иногда подносится под видом лекарства... И чем невиннее кажется внешняя форма, в

которую облечена опасная для Церкви тенденция, чем полезнее представляется то или иное начинание, та или иная добрая мысль, тем тщательнее следует обсудить это с точки зрения церковного учения, тем больше должно осветить это светом церковным. Да это, кажется, и сознается, по крайней мере некоторыми из тех, кто верен заветам Церкви и понимает опасности, ей грозящие в наши дни. Поневоле становишься чуток, иногда до болезненности, когда постоянно видишь, как враг подкрадывается с той стороны, откуда его не ожидаешь. А посему, пусть простят нам, пастырям Церкви, те добрые миряне (от пастырей я этого не ожидаю), которые ненамеренно, неосторожно, по неопытности в духовной жизни и в деле учительства иногда односторонне освещают тот или иной вопрос в области этого учительства и тем дают нам повод обращать внимание на эту односторонность в предостережение чад Церкви от увлечения этою односторонностью. Мы полагаем, что такие указания полезны не только сим чадам Церкви, но и тем, кто является вольным или невольным виновником этого увлечения. В Церкви Божией, как в живом теле Христовом, все члены должны беречь друг друга и каждый должен знать и делать свое дело в духе любви и святого послушания Господу и ей, матери нашей, – Церкви.

Недавно мне пришлось быть в собрании «Христианского содружества учащейся молодежи». Доклад делал председатель общества распространения Священного Писания в России почтенный Э. К. Пистолькорс на тему «О практическом значении слова Божия в жизни». В живой, одушевленной любовью к слову Божию речи докладчик изобразил «различные грани» слова Божия, сравнивая его с драгоценным алмазом, – его действие на душу человеческую, необходимость для христианина изучать его, проводить в жизнь, «реагировать им на печальную действительность нашего времени» и стремиться к духовному возрождению чрез слово Божие... Речь окончилась, но, как говорится, в воздухе чувствовалось, что осталось что-то недосказанное. Руководитель «Содружества», протоиерей Лахостский предложил присутствующим высказаться по содержанию доклада, и на кафедре появилась молодая

девушка. Чуткая юная душа попыталась высказать то, что, мне казалось, было на душе не у нее одной. Она указала, что докладчик как-то замолчал Церковь: призывая читать слово Божие, он не упомянул, что в церкви, при богослужении, оно читается постоянно, что при домашнем чтении надобно быть особенно осторожным в его понимании... После обмена мыслей нескольких лиц, я с своей стороны сказал, что очень был рад встретиться не только с представителем, но и с председателем того общества, с коим лет 25 тому назад вел полемику в «Церковном Вестнике». Я указал тогда на один существенный недостаток устава этого общества, недостаток, который ощущается особенно в наше время. Дело в том, что общество поставило своею задачею распространение исключительно слова Божия, Священного Писания, не допуская к распространению чрез своих книгонош каких-либо, даже и Церковию одобренных, даже святоотеческих толкований слова Божия. Такая односторонняя постановка дела совершенно не соответствует нашему православному пониманию этого святого, в сущности, дела. Еще апостол Петр, например, заметил, что в посланиях апостола Павла «есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей гибели, превращают, как и прочие Писания» (2Петр. III, 16). Тот же апостол, одобряя верующих, что они обращаются к слову Божию, «как к светильнику, сияющему в темном месте», однако же, предупреждает, «что никакого пророчества в Писании нельзя разрешать самому собою» и что это надо «знать прежде всего» (2Петр. I, 20). Сам докладчик сказал, что слово Божие, по свидетельству апостола Павла, есть меч духовный, и притом оно «острее всякого меча обоюдоострого» (Евр. IV, 12). Кто умеет владеть сим мечом, тот поражает врагов своего спасения, а кто не умеет владеть им, как должно, тот легко может нанести им вред своей же душе. Всегда должно помнить, что сим оружием часто пользуются и враги наши – диавол и его слуги верные, разные лжеучители. Вспомните, как сатана искушал Господа: и он ведь ссылался на Священное Писание: писано есть... Подобным образом искушал он и святых подвижников: например, склоняя их к нарушению обета целомудрия, он

указывал на слова Писания: не добро быти человеку единому... честна женитва во всех и ложе нескверно. Все ереси, все лжеучения и расколы произошли оттого, что люди не понимали истинного смысла Священного Писания. Прочитает человек какое-либо место в Писании и начнет толковать по-своему, как вздумалось, погрешит в своем толковании, а там и от единства Церкви Божией отделится, сделается ересиархом. Нужно ли приводить примеры? Вздумал Арий протолковать по своему слова Христа Спасителя: Отец Мой болий Мене есть – и преткнулся своим мудрованием, и впал в богохульную ересь: Сына Божия, Отцу единосущного, назвал такою же тварию, как и Ангелы Божий, за что и предан был анафеме на первом Вселенском Соборе. И сколько было таких безумных, самочинных толкователей Священного Писания, и все они были упорными противниками святой Церкви, сынами погибели! Один толковал по-своему вторую заповедь Божию и стал иконоборцем, другой стал по-своему объяснять слова апостола: един ходатай Бога и человеков – Христос Иисус, и стал мудрствовать, будто уже вовсе не нужно призывать в молитве на помощь ни Матери Божией, ни святых Ангелов, ни святых угодников Божиих; третий прочитал слова того же апостола: благодатию есте спа-сени, чрез веру, и начал толковать, будто уж и добрых дел совсем не требуется для спасения... Вот какие богохульные лжеучения происходят оттого, что люди берутся не за свое дело – толкуют слово Божие по-своему, как им на ум придет, а не так, как изъясняет оное святая Церковь православная.

Как же быть, что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания? Как научиться владеть сим мечом обоюдоострым? Прежде всегда помни, что ты спасаешься не сам по себе, не как отдельный человек, якобы имеющий непосредственный доступ к своему Спасителю, а только как член тела Его – Церкви, спасаешься в Церкви и чрез Церковь. Все дело спасения Господь поручил Церкви, и вне ее спасительного лона нет спасения, как никто не избежал всемирного потопа вне Ноева ковчега. Блаженный Августин говорит: «Спасается только тот, кто имеет главою Христа, а

имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь». Она и только она есть столп и утверждение истины (1Тим. 3, 15), в ней – богоучрежденное священноначалие, в ней все богоустановленные таинства, она – хранительница священного предания и непогрешительная истолковательница слова Божия. «Не должно у других искать истину, – говорит святой Ириней, – ее легко заимствовать от Церкви, ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежит истине. Где Церковь, там и Дух Божий, там и всякая благодать». «Кто Церкви не слушает, – говорит другой святой отец, – тот не сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца, кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни». «Хочешь спастись? – поучает святитель Златоуст. – Пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя. Церковь есть ограда: если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк, а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же от Церкви: нет ничего в мире сильнее ее. Она – твоя надежда, в ней твое спасение». Помни: «Кому Церковь не мать, – говорит святитель Киприан, – тому и Бог не Отец!»

Вот вам заветы святых отцов и учителей Церкви! В этом руководственном общем правиле, или догмате, спасения уже заключается ответ и на вопрос: что делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания. Крепче держись учения и руководства матери Церкви; когда встретишь в слове Божиим что-либо для тебя непонятное, ищи объяснения не в своем мудровании, не в мудровании самочинных толковников Писания, коих ныне развелось так много, а там, где повелевает искать его святая мать твоя – Церковь православная. А она указывает нам такие объяснения в самом же Священном Писании (например, что непонятно в Ветхом Завете, то часто объясняется в Новом), предлагает в своих символах, или изложениях православной веры, в определениях святых соборов, в писаниях отцов и учителей Церкви – вот где найдешь ты разрешение всех твоих недоумений. Святые отцы толковали Священное Писание так, как их учили сему святые апостолы. Из 2-го послания апостола Петра уже видно, что он объяснял

своим ученикам «неудобовразумительные» места посланий апостола Павла. Апостол Павел не раз ссылается на то, чему он учил словесно. А как строго святые отцы и учителя Церкви хранили, все то, что приняли от святых Апостолов, это видно из их же писаний. Так, св. Иринея решительно говорит, что «незнающие предания апостольского не могут познать истину из одного Священного Писания». Св. Климент Александрийский говорит, что «те, кои толкуют Священное Писание не по церковному преданию, а по своему мудрованию, потеряли правило истины». «Только тогда прекратятся заблуждения человеческие, – пишет святитель Киприан, – когда мы будем толковать слово Божие согласно с преданием Церкви». «Не следует самому вдаваться в изъяснение Священного Писания, – предостерегает св. Варсонофий Великий, -ибо дело сие представляет немалую опасность для неверующих. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о Священных Писаниях по своему разумению – есть безумие». Вот почему святая Церковь на шестом Вселенском Соборе решительно законоположила: «Аще будет исследуемо слово Писания, то не иначе да изъяснится оное, разве как изложили светила и учителя Церкви – богоносные отцы» (пр. 19).

Вот общее правило для тех, кто ищет разумения Священного Писания. Живи в Церкви, мысли по-церковному, вопрошай о всем Церковь, ищи у нее разрешения всех твоих недоумений, смиряя свой разум в послушание Церкви. А вышших себе не ищи и креплеших не испытай: яже ти повеленная – в сих пребывай. «Кто не в Церкви, – говорит св. Иларий, – тот вовсе не может разуместь божественного слова». И это понятно: слово Божие есть слово жизни, а благодатной жизни вне Церкви – нет! Вот почему для погибающих оно есть юродство в то время, когда для спасаемых – сила Божия. И пока человек не живет в Церкви, не исполняет животворящих заповедей Христовых, дотоле для него и слово Божие – книга запечатленная, как бы написанная на чужом языке. Кто знает, например, еврейскую азбуку, тот может читать по строкам и еврейскую Библию, но чтобы понимать каждое слово в ней, надо знать еврейский язык. Иначе можно громко читать

еврейский текст, но вовсе не понимать, что читаешь. Есть много ученых, знающих Библию от доски до доски, исследовавших ее текст на всевозможных языках, но совершенно чуждых ее духа, рассуждающих о сем духе как слепой судит о цветах или глухой – о музыке. А кто живет по заповедям Божиим, в благодатном общении с Церковью, на том сбываются слова Христовы: «Утаил еси, Отче, сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем». Великий началоположник монашеского жития, преподобный Антоний, прозванный Церковью именно Великим, не знал даже грамоты, а слово Божие знал так, как не знают его наши ученые. Преподобная Мария Египетская, проведшая бурную молодость в грешных наслаждениях, а затем очищенная 47-летним подвигом в пустынях Иорданских, так поразила преподобного Зосиму знанием Писаний, что старец воскликнул: «Где ж ты научилась писаниям?» – и получил ответ от смиренной подвижницы: «Бог посылает знания смертным»... И такие чудеса просвещающей благодати Христовой возможны только в православной Церкви. Та же благодать руководила и тех святых мужей, которые, живя в Церкви, освящаясь и, так сказать, питаясь ее таинствами, очищая свое сердце от страстей, писали свои толкования на слово Божие. О святителе Златоусте, например, рассказывал его ученик и друг, а впоследствии и преемник по кафедре, св. Прокл, что сам он, Прокл, видел не раз ночью, как в часы писания Златословесным учителем его бессмертных толкований на послания апостола Павла сам сей апостол таинственно руководил пишущим святителем, и это видение было как бы олицетворением верования древней Церкви, что кто благоговейно изучает слово Божие, руководясь преданием Церкви (а Златоуст сам свидетельствует, что пишет «не свои слова, а слова отцев наших, чудных и знаменитых мужей»), тому таинственно содействует в сем святом деле благодать Божия за молитвы Церкви, на небесах торжествующей. Что в живом человеке память, то в теле Церкви – предание: это живой голос Церкви небесной, присно пребывающей в благодатном общении с Церковью земной. Руководиться одним своим смыслением в толковании слова Божия, отвергая предание, значило бы то же,

что потерять память в личной жизни, забыть свой личный опыт, все уроки прошлого. По мере того, как человек живет, у него накапливается опыт, обогащается память; то же и в Церкви: с течением веков историческая жизнь Церкви осложнялась, являлись новые запросы, появлялись новые лжеучения, и собирательный ум Церкви должен был все глубже и глубже опускаться в «море писаний», как выражается святитель Златоуст, и оттуда доставать все новые и новые жемчужины учения церковного, а избранные мужи, носители духа церковности, верные хранители церковных преданий, запечатлевали это в своих писаниях и таким образом вносили их в сокровищницу церковного предания. Благодатию Божией православная Церковь живет и поныне, тщательно охраняя сокровищницу своих преданий, а Дух Божий, веруем, обогащает сию сокровищницу и в наши грешные времена, по нуждам Церкви воздвигая в Церкви таких мужей веры и духовного опыта, как святители Филарет Московский, Феофан Вышенский и другие. Их вклады в сокровищницу церковного понимания слова Божия останутся на веки драгоценным достоянием церковного предания. Если даже примешалось к их мнениям что-либо человеческое, то оно ответится потом само собою, а чистая пшеница, а дух церковности в их писаниях останется и будет питать грядущие поколения чад Церкви. Церковь оценит смиренный, благоговейный «труд любви» сих и им подобных пастырей и учителей по истолкованию слова Божия, оценит их любовь к преданиям ее и будет ставить их в пример их грядущим преемникам... Так создается церковное предание и в наши скудные верою дни, и Дух Божий, веруем, руководит в сем созидании, ими же Сам ведет путями. Оно всегда зиждется на слове Божиим, на предании Церкви веков минувших, всегда согласно с сими источниками церковного учения и лишь раскрывает сие учение, применяясь к потребностям нашего времени. И в сем проявляется жизнь Церкви, яко тела Христова, присно живого и присно единого. Вот почему Церковь в своем Катехизисе признает священное церковное предание источником Божественного откровения наравне с Священным Писанием. Вот почему и ревнители распространения

Священного Писания, отказываясь распространять одобренные Церковью толкования оного и тем как бы предоставляя читателям руководиться своим смыслением в этом святом деле, погрешают против Церкви, против тех, кто жаждет разуместь слово Божие по разуму Церкви. Вот почему, скажу в заключение, нельзя не пожелать, чтобы Общество распространения Священного Писания изменило, наконец, свой устав, стало уже без всяких сомнений на православную почву в своем святом деле, перестало, так сказать, действовать одною рукою и включило в круг своих обязанностей распространение не только книг священных, но и одобренных Церковью толкований сих священных книг. Мы живем в такое время, когда ничего недосказанного, ничего сомнительно быть не должно... Об анонимах, об «инакомыслящих» и ответ одной из них.

Часть 2

Ныне в большом ходу анонимные письма. Обычное их содержание – колкости, попреки, прямая ругань или же клеветы, и все это – из-за угла, чтобы получивший не знал, кто пишет. Правда, иногда пишущие имеют будто и добрую цель: указать на те или иные недостатки, непорядки, но тогда зачем же честным людям укрываться, по крайней мере от того, кому пишут?.. Другое дело просить адресата, чтоб не оглашал имени автора письма, а для адресата имя должно ставить точно, с полным адресом. Иначе и сии якобы «благонамеренные» корреспонденты ставят себя на одну доску с клеветниками и ругателями, а всем таковым и имя одно: трусы; в первых двух случаях – подлые трусы, в последнем – трусливые зайцы!

Вот почему покорнейше прошу всех, кто даже хвалит меня, в письмах ко мне подписываться сполна, чтоб я мог иногда ответить письменно же, не занимая строк в моих печатных дневниках. Ведь нередко выходит просто ничтожное недоразумение, и отвечать-то печатно не стоит, можно бы ответить письмом, а тут жаль человека оставлять в заблуждении, но и занимать внимание нескольких тысяч читателей печатным ответом не стоит. Так и бросаешь письмо в корзину.

Само собою разумеется, что моя просьба «подлых трусов» не вразумит, ругаться они не перестанут, доказывая тем только ту старую истину, что у бессильнозлобствующего на голове «шапка горит» и он воображает, будто мне причиняет огорчение своею руганью, тогда как цена таким ругательным письмам известна: они только всякий раз доказывают мне, что слово правды, мною высказываемое, кого-то беспокоит, а стало быть и для дела Божия полезно, за что и слава Богу! Что же до клевет на ближнего, коих так много бывает в анонимах, то мы, пастыри, следуем примеру Царя Давида, который всякого тайного клеветника выгонял вон (Пс. 100, 5), – рвем такое письмо и бросаем в корзину или в камин.

Обращаюсь к тем, кто думает, что Богу служит анонимными письмами. Наше учение: цель не может оправдывать средства. Бог не нуждается в помощи сатаны, который есть отец лжи и всякого обмана. Если угодно, чтоб я не называл в печати своего корреспондента, то пусть сей корреспондент мой о сем и скажет в письме ко мне: я исполню его желание. А мне лично надобно знать, с кем я беседую посредством письма. Повторяю: нередко хотелось бы ответить автору анонима письмом же, а он спрятался за какую-нибудь букву или вовсе не изволил подписаться. Так и лишает он сам себя средства узнать то, что я считаю за истину. А я из сего вправе заключить, что мой анонимный корреспондент и не хочет знать того, что я ему мог бы ответить. По меньшей мере – вежливо ли это?

Недавно я получил из Вологды от некоей «инаковерующей» (следовательно, неправославной) интеллигентки большое письмо по поводу моего прощального послания к вологодской пастве. Она возмущается тем, что мое послание «не дышит миром, любовью, всепрощением» к каким-то «обиженным и оскорбленным». Интеллигентка восклицает: «А ведь люди все братья, все равные чада Церкви, правые и левые, грешные и праведные, еретики и раскольники, политические агитаторы и союзники». Если с первым еще можно примириться, хотя с оговоркой, что чада, непослушные Церкви, не могут же равняться с послушными, то уж с последним-то никак нельзя: еретики и раскольники вовсе не чада Церкви, а враги ее, не

овцы Христова стада, а козлища, политические же агитаторы даже волки, хотя в овчих одеждах. Письмо продолжает: «Не с ненавистью, злобой отвращения отнеситесь вы к погибающим людям дома Израилева (ах, если бы эти люди не увлекали в погибель верных Церкви чад ее, если бы не губили их своими мерзостными, богопротивными лжеучениями!), а с чувством всепрощения, любви, отнеситесь как сердобольный и любящий отец к заблудшим, но милым детям своим, отнеситесь так, как отнесся Христос на кресте к разбойнику (прибавлю: да, только покаявшемуся, а не к хульнику, погибшему в то время, когда Христос сказал покаявшемуся: «Днесь со Мною будеши в раи!»), и к людям, поднявшим на Него руку, как простил Он всем Своим врагам, губителям, поносителям...» Так поучает меня «инаковерующая». А то забывает, что все это относится к личным врагам Христовым, что Христос Спаситель беспощадно клеймил развратителей народа страшными словами: «змия, порождения ехиднова (Мф. 23, 33), вожди слепые, лицемеры, гробы подкрашенные, безумцы» и под. Апостолы Его делали то же по отношению к еретикам. Да и я, грешный, кажется, ни одного слова не употребил в своем послании своего, а все брал у св. Апостолов. «Не разделяйте паствы на лжеучителей, еретиков и верных чад Церкви», – поучает архиерея инаковерующая. Ну нет, милостивая государыня: этого никогда вы не дождетесь ни от одного православного архипастыря! Волка он должен и всегда будет называть волком, а овцу – овцой. Послушных Церкви – чадами Церкви, а еретиков – врагами ее. Так учит нас Господь, так заповедали нам св. Апостолы Его. Так и будем делать всегда, чтобы волки не проникали в стадо Христово, нам вверенное. На то и посох нам дан, чтоб отгонять их. Обличать «инакомыслящих» – наш священный долг, и что бы там ни говорили разные проповедники иудейских свобод, мы будем делать дело, нам от Христа порученное, обличая и отгоняя от своих овец волков, расхищающих стадо Божие! В своем прощальном послании к пастве вологодской я уже указывал, как даже Апостол любви – Иоанн Богослов заповедует относиться к «инакомыслящим», к еретикам: он не позволяет принимать их в дом: запрещает

приветствовать их (2Иоан. 10), а св. Апостол Павел запрещает с ними даже разделять трапезу (1Кор. 5, 11). Ужели Апостолы Христовы забыли учение Христа о «всепрощении, любви» и пр.? Ужели наши «инакомыслящие», вроде моей корреспондентки, лучше их понимают дух сего учения? А если они не дерзнут так о себе сказать, то почему же замалчивают эти заповеди апостольские? Да притом, если мы предостерегаем чад Церкви от лжеучителей, именуя их так, как именовали св. Апостолы, то делаем это вовсе не из ненависти какой-то. Не ненависть, не вражду мы проповедуем в отношении к сим людям, нет, мы только предупреждаем верных чад Церкви, чтобы береглись сих волков! Мы не «отталкиваем и сих заблудших от Церкви»: мы стадо, Богом нам вверенное, оберегаем от их отравы! Пусть, если правда, будто они «находятся под гнетом сомнений, нравственных запросов», пусть открыто поведают нам эти запросы, эти сомнения: мы готовы с любовью ответить на них. Но отравлять сими сомнениями, запросами верующих в простоте сердца чад Церкви – мы не позволим: это – волки, это нравственные отравители: берегитесь их! «Всепрощение» в делах веры подается под условием покаяния, отречения от своих заблуждений, от своего «инаковерия»: иначе сколько бы мы ни прощали – Бог не простит! Вспомните, какие страшные анафемы произносит Апостол Павел на инаковерующих, инакопроповедующих: аще мы или Ангел с небесе – слышите: даже мы, т.е. Апостолы, даже Ангел с небесе!– благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет! Этого мало: Апостол счел нужным и еще повторить: «Якоже предрекохом и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет!» Так вот чему учат нас Апостолы Христовы! Вот как строго мы должны оберегать чистоту веры православной! Не приторное любезничанье и лобызание с лжеучителями (слышите, сударыня: лжеучителями), не «всепрощение» к убийцам православных душ проповедуют и нам заповедуют они, а грозными анафемами грозят им и нам дают на это право «инако» проповедующих и своим лжеучением обольщающих предавать анафеме! И горе нам, если мы будем закрывать глаза на деятельность разных «инаковерующих» и

внушать православным относиться безразлично к их проповеди и слушать вот таких внушений, какие делает мне г-жа «инаковерующая»: «Пусть между вами и нами будет мир... пусть люди разных толков и мнений живут рядом и славят Бога, каждый по-своему... у каждого свой бог, своя вера» и пр. Все это – только льстивые словеса: пусть бы каждый по-своему Богу молился, но не смел касаться совести другого, но ведь и вы, «инаковерующие», и мы, православные, считаем каждый свою веру чистою и спасительною, понятно, что каждый и желал бы в свою веру обратить другого, и вот для сего-то и нужна вам эта свобода, эта столь подчеркиваемая вами «любовь, всепрощение», – чтоб беспрепятственнее совращать в свою ересь чад православия. А в душе вы презираете нас, хотя никогда в том не сознаетесь. Живите смирно, молитесь по-своему, не смейте касаться православной души, и все мы будем мирны к вам – только жалеть будем вас. А если вы, во имя «мира, любви» и прочих сладких словес, будете подкрадываться к сокровищу веры православной, то мы обнажим меч духовный, иже есть глагол Божий, и грозная анафема прогремит над вашими главами... Правда, вы ее не боитесь, но это будет полезно для тех, кто еще не потерял веры в Церковь Христову, кто знает и верует, что глагол ее не возвращается тощ... Вы говорите, что «Бог принимает в Свое лоно (?) всех инаковерующих, инакодумающих... Господь не делал различия между Своими детьми...» Ну, не так думает, не так учит Апостол Павел. Если бы так было, то не стал бы он «инаковерующим, инакодумающим» грозить такими страшными анафемами, да еще повторять их. По-вашему, пожалуй, и еретик Толстой получит спасение, несмотря на отлучение от Церкви? Тогда зачем и Церковь Свою создал Господь? Да еще обетовал ей, что и врата ада не одолеют ее?! Ведь если все дело в «любви и сострадании, всепрощении и мире», то к чему все заботы о Церкви, все эти вселенские соборы, учение св. отцов, подвиги и страдания исповедников? Иди за Толстым, повторяй слово любовь и спасешься... Нет, не так, моя «инаковерующая» корреспондентка: знаете ли, что и добрых-то дел нельзя делать спасительных, если не право веруешь? Вы

удивлены? Вы не понимаете меня? И не поймете, если не усвоите со смирением учения Церкви православной! В том-то и дело, что мы веруем и исповедуем, что благодать Божия спасительная изливается только в недрах Церкви православной, а без таковой благодати нельзя и добра делать истинноспасительного. И кто уходит из Церкви, тот сам лишает себя сей благодати. Делают добро и язычники, но это добро только приближает их к Церкви, как это было с Корнилием-сотником, а спасти их не может: для сего надобно войти в недра Церкви чрез спасительные таинства Церкви. Так ли вы веруете? Конечно, не так? Тогда о чем же мы с вами будем говорить? Скажу одно: если вы искренно ищите истины, то не скрывайтесь под анонимом, пишите мне свой адрес и я с любовью буду отвечать на ваши «сомнения и запросы», по мере моих сил и свободного на то времени. А если своим индифферентизмом в отношении к чистоте православной веры будете заражать других, то и вам – простите – истину глаголю, не лгу: и вам грозит та же анафема, какой Апостол подвергал всех «инаковерующих и инакопроповедующих». А что касается моих личных немощей, моего недостаточества по моему служению церкви вологодской, то одно скажу: все это видел я в себе, скорбел о сем, поведал многожды власти церковной о немощех моих, но ждал воли Божией, когда она скажется ясно в воле власти церковной. Пришел час, – и я с радостью ушел с кафедры, на коей служение было мне не по силам. Сего, думаю, довольно с вас. Разве прибавлю еще: по нашему православному разумению, не овцы судят пастыря, а пастырь – овец. Но это надо простить вам:, ведь вы – «инаковерующая»...

В заключение одна просьба: избавить меня от выписок из Евангелия на французском языке... Может быть, по-русски вы не читаете никогда Евангелия? Но ведь вот пишете-то по-русски хорошо. Почему я, не знающий французского языка, должен читать в вашем письме французские цитаты? Тогда я вправе и вам писать по-гречески, это для меня легче, да и язык-то – подлинно апостольский! К чему эта мода? это щегольство языком народа, чужого, зараженного неверием, масонщиной, заражающего и наше отечество сими недугами??? Или вам

милее Евангелие на французском языке, чем на русском?.. Ах, сударыня! Ведь вот как мы расходимся далеко друг от друга: ну где же сойтись нам в столь важных вопросах, как о спасении души, вере, любви и пр.?..

Читатели мои удивятся, что я столько места отвел для ответа какой-то анонимной корреспондентке из Вологды.

Дело тут не в Вологде, не в анонимной барыне. Это письмо есть характернейшее выражение той заразы масонством, безразличием к истинам веры, какое стало в последние годы господствовать в некоторых интеллигентных кругах нашего общества. Я произнес слово: масонство. Да, слава Богу, теперь, сорвана уже маска с этого векового врага Христовой истины. Мы кое-что знаем из его планов, намерений, знаем, что его цель – уничтожение христианства на земле, превращение всего человечества в скотов, пригодных только на служение масонам, вернее сказать – иудеям, которые, как это уже давно известно, считают всех людей за скотов без души человеческой, скотов, коим дал Бог только облик человеческий, дабы иудеям не противно было пользоваться этими скотами. Это – не клевета на иудеев: это буквально читается в их талмудических сочинениях. Этой цели, конечно, препятствует христианство, а из всех христианских исповеданий – Православие, самое чистое учение христианское, а потому и самое ненавистное для иудеев. И вот пущены в ход все лжеухищрения, все софизмы, все клеветы против Православия, привлечены к сотрудничеству в разрушении Православия все секты, все ереси, все безбожные учения, чтобы пошатнуть этот столп истины Христовой. А поскольку сразу в безбожие не обратишь православного человека, то сначала его стараются совратить в какую-нибудь секту, вроде штунды, баптизма, молоканства, затем идут: спиритизм, оккультизм, буддизм и наконец – уже прямое безбожие... Так вот кому служат наши полуинтеллигенты всех рангов, полов и состояний, проповедующие безразличие в исповедании христианства: в конце концов, они служат масонам и жидам! Вот от чего всеми силами мы, пастыри, должны предостерегать верующих православных. Вот почему нельзя не раскрывать весь вред тех сладкоречивых, якобы мирных,

разглагольствований, какие приходится слышать от наших «инаковерующих», не по-русски думающих, сознательно или бессознательно, но совершенно неосновательно прикрывающихся иногда якобы евангельским учением о любви и расточающих нам, пастырям Церкви, попреки и даже ругань за нашу якобы нетерпимость к ним, инаковерующим. Мы приводим слова Апостолов, которые клеймили современных им сектантов словами: волки, безводные облака и т.п. А нас упрекают: зачем бранитесь? Это-де не по духу учения Христова. Относите, господа проповедники толстовского непротивления, сии упреки к святым Апостолам, если на то у вас достанет дерзновения!.. А мы боимся угрозы Имеющего острый с обеих сторон меч: «Как ты не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих!» (Ап. 3, 16).

Один из невидных стражей души народной

(Памяти моего дядюшки).

Помянух дни древния и поучахся...

Наше мутное и смутное время невольно заставляет переноситься мыслью к первым векам христианства, ко временам гонений на веру Христову, и страшно становится, когда подумаешь: как далеко ушли мы от тех веков – не говорю уже в жизни, но и в мысли, в мирозерцании, в самых идеалах, столь помутившихся и потускневших в нашем сознании...

Вот пример. Древние христиане называли смерть успением, преставлением, а день смерти даже – днем рождения – рождением в другую лучшую жизнь. Оттого и праздновали день кончины мучеников и других святых как радостный праздник, как торжество над смертью. «Почивает в мире», «Почивает во Христе» – вот обычные надписи на местах погребений в древних катакомбах, этих усыпальницах, где погребено до 300 000 мучеников... А ныне?.. Пышные надгробия, вовсе не нужные покойнику венки, суета сует, которая, однако же, стоит тысячи и сотни тысяч, – стоит столько, что на эти деньги можно бы построить сотни храмов Божиих там, где православная душа жаждет места молитвы, но не имеет сего утешения... А ведь в этих храмах Божиих до скончания веков приносилась бы

бескровная Жертва за упокой души тех, которые теперь покоятся под бесполезными для них памятниками!..

Но отвратим очи свои от этой суеты. Утешим себя тем, что и в наши дни есть рабы Божии, отходящие в другую жизнь «в мире», с надеждою воскресения, как бы на временный покой после трудовой жизни в этой юдоли скорбей. У их гроба как-то тепло становится на душе, мысль о смерти отходит на второй план, на место ее является созерцание таинства смерти... «Спит спокойно во Христе» – думается, когда смотришь на спокойное лицо усопшего, или лучше: «Созерцает в благоговении то, что для нас еще закрыто, неведомо, но что ему – усопшему – теперь открылось, стало уже не предметом веры, а живую действительностью»...

И сердце спрашивает почившего: в чем тайна его спокойствия? Почему у его гроба не веет призрак смерти, почему так тянет именно к этому покойнику: тогда как от другого бежать хочется? А тайный голос, голос совести нашей отвечает нам: посмотрите, оглянитесь на его жизнь, и вы все поймете...

5 февраля скончался почтенный старец, мой дядюшка, протоиерей Григорий Иоаннович Грузов, на 89-м году своей труженической, праведной жизни. 65 лет служил он в священном сане, почти 55 лет – в одном и том же бедном приходе, и только тяжкая болезнь заставила его расстаться с любимую паствою, с теми, кого он крестил, венчал, с кем делил все скорби и радости... Помнится, раз, проезжая чрез Кострому, я стоял обедню в соборе, где служил преосвященный Тихон. На сем служении он дал сан протоиерея одному из вот таких смиренных служителей алтаря, восьмидесятилетнему старцу: во время причастного стиха он представил мне сего старца с словами: «Вот кем стоит Русская земля!» Да, вот такими смиренными служителями Церкви Божией, как этот неведомый мне старец, как мой ныне почивший дядюшка, пока и крепка наша Русь православная; в тишине и безвестности, скромно и в простоте сердца они делают свое дело, воспитывая народ в страхе Божиим, в послушании родной матери-Церкви, в преданиях и заветах родной старины, в беззаветной любви к Царю и отечеству... С ними, вот с этими смиренными

батюшками, наш народ прошел чрез всю свою тысячелетнюю историю, перенес и иго татарское, и крепостную зависимость, и глады, и моры, и нашествия иноплеменных, они утешали его во всех невзгодах исторических, делили с ним горе его, помогали ему нести тяжелый крест жизни, согревали его сердце утешениями веры и благодати Христовой. Это были пестуны народные на протяжении тысячи лет истории нашего народа, это были стражи народной души и всех тех сокровищ, которыми наградила русский народ его любящая мать – православная Церковь. Храм Божий да «батюшка родимый» – вот кто ближе всех стоял к народу, кто воспитал душу народную, кто был ее ангелом-хранителем...

Таким вот был и покойный отец Григорий. Сын бедного сельского дьячка (род. в 1825 году), он провел свое детство в родном Чашникове, в многолюдной семье отца, под благодатными веяниями родного храма Живоначальной Троицы, пел и читал на клиросе, ходил по приходу славить Христа в Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами, воспитываемый матерью во страхе Божиим и уважении к старшим. С добродушною шуткой рассказывал покойный, как мать, провожая его до Москвы, чтобы записать в духовное училище, строго наказывала ему: «Смотри, сынок, будь ко всем почтителен, всем старшим кланяйся». И воспринял послушный сын урок матери: лишь только вошли в заставу, как Гришенька снял шапку и стал кланяться направо и налево проходящей публике. Увидев это, мать спросила: «Что это ты делаешь?» – «А как же, маменька? Ведь все они старше меня: надо кланяться»...

На время ученья в училище пришлось мальчику приютиться в темном углу у какого-то столяра, на первом же уроке ему пришлось отведать и детского горя: книг не было, учить урок не по чему; он так и сказал учителю, когда тот стал спрашивать урок. Но его оправдание, которое ему казалось столь законным, не было принято во внимание, и за незнание урока мальчик был наказан розгою. И всю жизнь, до глубокой старости, он помнил эту розгу и называл ее благодетельницей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до рассвета бегать в

училище, чтобы там у товарищей брать книги и готовить по ним уроки...

Кончилось ученье. Грузов вышел из семинарии в первом разряде. Ему предлагали даже идти в академию, но доброго юношу-идеалиста влекло призвание послужить Церкви в селе. Старая семинария умела воспитывать такое стремление в юношах. Мои братья, учившиеся спустя лет десять после дяди, еще привозили вороха списанных проповедей разных авторов: это они готовили себе запас на время пастырского служения. Теперь – увы!– семинаристы об этом не думают... И вот молодой студент идет в консисторию и подает Митрополиту Филарету прошение на первое открывшееся священническое место в селе Петрове Рузского уезда, верстах в 70-ти от Москвы. Место было из бедных, соперников не оказалось, и он определен туда. Надо искать невесту. Спрашивает родных, знакомых... Указывают ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невесты. Григорий Иванович, преодолевая семинарскую застенчивость, идет к будущей теще, знакомится, начинает посещать ее дом... Но зачем ходит – сказать недостает решимости. Старушка-просфорница решается наконец помочь юноше: «Да не стесняйтесь, пожалуйста, Григорий Иванович: ведь я знаю, зачем вы к нам ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вам больше нравится?» – «А какую, мать, благословишь, – отвечает жених, – такую и возьму!» И мать, следуя примеру ветхозаветного Лавана, отдает ему старшую из дочерей своих, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась. Взял Григорий Иванович у одного барина сюртук для венчания, посвятился во иереи и с молодою супругою отправился в неведомое дотоле Петрово.

Был ненастный ноябрьский вечер. Грязь, слякоть, холод, дождь хлестал в лицо. Тьма такая, что в пяти шагах ничего не видно. Возница провез молодого иерея мимо церкви и по старому проспекту времен Екатерины Второй привез его в соседнюю деревню. Увидев в избе огонек, о. Григорий слез с телеги и постучал в окно, чтобы спросить дорогу. Окно

открылось, и старик сказал батюшке, чтоб поворачивали назад: село они проехали...

Вернулись. Разглядели церковь. Рядом чей-то дом. Постучались и здесь. Оказалось – тут живет о. дьякон. Хозяин радушно принял своего будущего настоятеля. Наутро о. Григорий пошел в храм Божий, где Бог привел ему служить и... при виде его заплакал!.. Старый деревянный храм весь перекосялся, отворишь дверь – не затворишь, стены немшоны, с потолка сыплется иней, а стало быть, если сойдется народ, то польет и дождь...

После храма пошел осматривать свое будущее жилище. И тут – хоть плачь! Бедная избушка, в два окна, вросла в землю, полы провалились... Это дом священника, его предшественника.

Что делать? Как жить?..

Пошел знакомиться с соседями, а их было только два приказчика или, как они себя величали, управляющие имением. Приходит к первому – оказался добрым человеком: ободрил батюшку, приласкал, пообещал помочь, чем может. Заговорил о. Григорий о доме: «Надо, – говорит управляющий, – строить новый». – «Но ведь нет ни денег, ни лесу». «Все найдется, отец!» – «Кто же поверит мне?» – «Но почему же не поверит? Ведь жить приехал – не сбежишь. Вот поедем к соседу: у него есть готовый сухой лес – отпустит!»

Поехали. Долго о. Григорий не решался сказать, зачем приехал, да спасибо первому соседу: выручил! «Что ж, батя, молчишь? Проси NN-ча!» – «Простите: духу недостает!» – «А в чем дело?» – спрашивает хозяин. О. Григорий рассказал свою нужду. «Ах, отец Григорий! Да бери, сколько тебе нужно!» – «Ведь взять – платить надобно, а денег нет у меня». – «Сочтемся, когда-нибудь заплатишь».

И о. Григорий, при помощи тех же добрых людей (которые и денег дали), построил себе домик, и, не теряя времени, в том же домике, где сам жил с молодою супругою, собрал ребятишек деревенских и стал их учить грамоте. Так, еще в 1848 году положено было начало церковноприходской школе, лучше сказать – школе грамоты. Тогда не «изыскивали средств», не

ожидали помощи ниоткуда и творили святое дело в простоте сердца: брали ребят, учили их по семи с полтиной с головы за выучку читать, писать и четырем правилам арифметики, горшок каши да мерку гороху на придачу – и дело кончено. Так велось с незапамятных времен, в такой школе учились и мы когда-то у своих родителей. Так учил и о. Григорий. А учить он был мастер: все время, пока учился в семинарии, давал уроки в барских домах, откуда иногда за ним, как он, бывало, хвалился, «и каретку посылали». Детей он всю жизнь любил страстно, умел как-то особенно ласкать их, завладевать их сердечком, умел говорить их детским языком так, что ребятки льнули к нему не как даже к отцу, а как к родной матушке.

Шли годы, и школа о. Григория росла, ширилась, впоследствии разделилась на две: одна обратилась в начальную церковноприходскую, другая – в двухклассную для питомцев воспитательного дома. Пока не было последней, о. Григорий готовил питомцев к экзамену, и когда те выдерживали экзамены, то он получал за выучку от воспитательного дома рублей уже по 17, по 18 с ученика.

Настала весна. Оказалось, что рядом с домом – болото. О. Григорий немедленно принялся осушать это болото: провел канавы, выкопал пруд и все это – один, своими руками. А затем насадил и сад из плодовых деревьев, который впоследствии стал давать ему до 70 рублей: яблоки и вишни он сам возил для продажи в Белокаменную.

Но главную заботу его был храм Божий. Он задался мыслию – непременно построить каменный храм. Двадцать пять лет строил он его, строил без крупных жертвователей, только на лепты прихожан да сбором по матушке-России чрез «дядю Власа», и построил ведь, да еще какой! Трехпрестольный, с золоченым пятиярусным иконостасом, с каменной колокольнею, и колокол в 200 пудов отлил... «Все Бог, – говаривал старец, – Бог да добрые люди – мои прихожане. Трудились, трудами создали Божий храм. Устроили свой кирпичный завод, 25 лет возили дрова из лесных дач, кирпич, товары на фабрику покойного Павла Григорьевича Цурикова, – они возили, а я являлся в контору фабрики да за провоз-то что

следует и получал и отвозил в Москву при случае, сдавал в сохранную казну. Так и копили по грошикам, а когда скопили малость, строить стали... Все Бог да мои добрые прихожане!»

Но смиренный пастырь и сам работал немало. Каждый день не раз он в летнее время поднимался по лесам на стройку, сам вместе с десятником (архитектор-то наезжал раза два во весь строительный сезон) следил за работами, делал указания, сам ездил закупать материалы, сам управлял кирпичным заводом, словом – везде являлся сам лично, не доверяя никому из посторонних – не потому, чтобы не было у него добрых и честных прихожан: были в те времена хорошие люди всюду, – а потому, что «свой глазок – смотрок», и товар выберешь получше, и купишь подешевле... Помню, в 1874 году он заехал ко мне в Новый Иерусалим, где я был тогда послушником, радостный, торжествующий. «Слава Богу, – говорит, – освящение храма разрешено!» И рассказал, как принял его незабвенный святитель Московский митрополит Иннокентий. «Пришел я к нему не вовремя: он, батюшка, ушел в баньку, – говорят мне. – Так я завтра приду, – говорю я. – Ах, нет, отец: этого у нас нельзя, владыка приказал докладывать о всех, кто издалека придет, безотказно. – Сижу жду. Говорят: пришел. Зовет к себе. Вхожу в кабинет. А он, батюшка, царство ему небесное, выходит ко мне запросто, в одном подрясничке, а с головки-то и бородки так и течет водица... Ну, что, отец, скажешь? Зачем пожаловал? – Рассказал я ему, в чем дело. – А издалека ты приехал-то? – спрашивает меня. – Верст за 70. (Надо помнить, что в те времена еще не было ни железных дорог, ни шоссейных.) А где, – говорит, – остановился? – На постоялом дворе, отвечаю. – Ах, как это неудобно-то, – заботливо сказал святитель. – Надо поскорее тебя отпустить, а то консистория-то затянет дело... Да вот что: я напишу резолюцию сейчас же, тебе канцелярия моя даст копию засвидетельствованную, и ступай ты с Богом, покажи благочинному, да и освящайте святой храм... Вот какой был ангел Божий!» И слезы благодарности к великому равноапостольному святителю орошали старческие ланиты моего дядюшки. «Каждый день, и утром и вечером, поминаю я

его на своей грешной молитве, – прибавлял старец, – а когда служу, то имя его с родными своими неотменно поминаю».

И храм был освящен о. благочинным. О. Григорий сказал своим добрым сотрудникам-прихожанам слово, растрогавшее их до слез. Вообще он поучал своих духовных чад не мудрствуя, в простоте сердца и от сердца, слов своих не писал, а говорил то, что подсказывало ему сердце да любовь к детям духовным. И слово его, как доброе семя, ложилось на простые сердца и приносило плод по роду своему. Но следуя заповеди Апостола – любить не словом только, но и делом, о. Григорий показывал и на деле свою любовь к прихожанам. Случалось, например, что, обходя приход с святынею в Пасху, он замечал, что у бедняка мужика двор раскрыт, солома снята с крыши и скормлена скоту: ясно, что платить батюшке за посещение у него нет ни гроша. Мужичок встречает батюшку у ворот, берет благословение, а о. Григорий его спрашивает уже: «Что, брат, заплатить-то нам нечем?» – «Не обессудьте, родной», – отвечает тот. И о. Григорий, вынимая из кармана 15–20 к., сует мужичку в руку, оглядываясь, как бы этого не заметил дьячок. «Возьми, брат, расплатись с нами, а то дьячок-то будет скорбеть: ведь я-то, поп, я-то как-нибудь проживу, а он получает восьмую копейку: как ему жить с его большой семьей?» И не бывало случаев, чтоб эти двугривенные или пятиалтынные не возвращались батюшке, хотя поздней осенью, с глубокой благодарностью. Вот почему так горячо любили его прихожане, и надо было видеть, как они провожали его, когда он после тяжелой, в течение целого года, болезни решился выйти за штат: толпами проводили его до границы прихода и горько плакали – эти мужики, эти грубые на вид натуры... А когда старец поселился в Москве, то нередко, бывая в Москве, навещали его, своего «батюшку родимого», приносили ему немудрые деревенские гостинцы. Да и в Петрове, несмотря на бедность прихода, дом его, милостию Божией и любовью прихожан, можно было назвать полною чашею: были у него и лошадки, и коровки, были и гуси и утки на его трудовом пруду, родилась у него в поле и ржица, и гречиха, и картошка, и вика... Все Бог благословлял!

Любил покойный переноситься воспоминаниями в свое родное Петрово. С какою благодарностью к Богу рассказывал он о своем житье-бытье в этом скромном уголке московской епархии! Нередко слезы лились из очей его, слезы, сопровождаемые славословием ко Господу. И стоит отметить эту добрую черту в его духовном облике: умел он крепко привязываться к людям, зато, где он ни бывал, где ни жил – везде Бог посылал ему людей, которые умели ценить его доброе сердце, отвечали ему любовью и давали его отзывчивому сердцу пищу к излиянию благодарности к Богу за любовь этих людей и к молитве за них.

Можно думать, что благодаря вот этой кристальной чистоте и простоте его доброго сердца добрые люди помогли ему и сыновьям дать образование незаурядное: милостью Божией, они служат теперь в чинах превосходительных, сердцем унаследовав доброе сердце своего старца-родителя...

Любил, страстно любил старец сельскую природу: до восхода солнечного вставал он в летнее время, шел в лес или поле косить, пахать, в поле и отдыхал, а если бывала служба, то еще до утрени, бывало, наработается и вечером ложился после заката солнца. Спал так мало, что все удивлялись ему. Питался тем, что приготовит ему матушка – его верный неизменный спутник в жизни, друг в скорбях, помощник в трудах. Она была ему ровесница: только на три месяца моложе, и скончалась лишь в августе минувшего года, за пять месяцев до его кончины. Жили как два ласковых голубка, давая пример и детям и прихожанам. В характере, в личных качествах они как будто восполняли друг друга. Покойный приписывал эту милость Божию тому, что не сам он выбрал себе подругу жизни, а положился на волю Божию. И когда скончалась эта добрая старица, о. Григорий подошел к ее постели, преклонил колена и, целуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвил: «И зачем ты меня покинула? Уж взяла бы и меня с собой!»... И стал готовиться к исходу в вечную жизнь: часто говел, причащался св. Тайн и, наконец, освятился елеопомазанием. Отпраздновав день своего ангела, 25 января, он уже не вставал с постели и 5 февраля тихо отошел ко Господу...

В погребении его участвовали несколько иереев – сродников его, и хотя он недавно жил в приходе св. Троицы, что на Капельках, но к погребению собралось много народа: видно, так было угодно Богу почтить старца Божия общецерковною молитвою...

О. Григорий являл в себе тип патриархального священника: всецелая преданность Богу, служение ближнему в простоте любящего сердца, готовность во всякое время отдать последнее нуждающемуся, крепкая вера в промысл Божий – вот чем он жил сам и учил других тому же. И на нем удивительно исполнялось слово Господа: «Ищите прежде всего царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам». Он по мере сил, в простоте сердца делал свое дело и верил, что Господь во время благодетельное не оставит его. И по вере его всегда бывало так. И храм, и колокольню, и школу, и дом себе он построил, и детей воспитал, а долгов не оставил: во всем Бог помогал!

Когда мне приходится беседовать с молодыми-иереями, то я указываю им на примеры таких старцев Божиих – иереев, питомцев старой школы, носителей старых заветов Руси святой. И грустно, и больно становится, когда оглянешься кругом и не видишь в молодом поколении таких патриархальных типов служителей Божией Церкви. Встречаются ревностные проповедники, школьные деятели, борцы с пьянством, – и за то, конечно слава Богу, – но слишком мало таких, в коих самоцен был бы совершенно убит сознанием, что сами-то они – круглый нуль, ничто, что если что и творится доброе через них, так ведь это отнюдь не они делают, а Бог через них: Бог и средства посылает, и случай дает, и силы, и время – все от Бога, и слава Ему – милосердому! В душе таких старцев живет страх: как бы не приписать себе чего-нибудь в деле Божиим, как бы не лишиться за это Божия благословения и помощи в будущем. Это – страх Божий, начало – основа духовной мудрости, духовного рассуждения. Даже помыслить, что вот это сделал я, они считают святотатством. Оттого и проявляется в их пастырской деятельности незримое для других, но для них самих сердцем осязаемое водительство десницы Божией.

Нельзя быть добрым пастырем, если не воспитаешь в себе, в чувстве своего сердца этого мистического настроения, этого живого ощущения водительства Божия в пастырском служении. Не свое дело делаем, а Христово: мы Его послушники, Его работники и даже более – соработники. И дело Его – великое: воспитывать чад царствия Божия, будущих граждан Иерусалима небесного. «К сим кто доволен?» – восклицал некогда избранный сосуд благодати – Апостол Павел. А он имел «ум Христов», он дерзал говорить о себе: «Не к тому аз живу, но живет во мне Христос...» Живет, а следовательно, и действует. Если же так судил о себе великий Павел, паче всех потрудившийся в благовестии Евангелия, первоверховный среди Апостолов, то что речем о себе мы, грешные, недостойнейшие носители благодати Божией, служители Церкви?.. Но у Христа таков закон: чем кто больше сознает свою немощь, свое недостойнство, тем ближе к тому и Его благодать: «Сила бо Его в немощи совершается». Вот почему, если и всякому христианину, то тем паче пастырю Церкви подобает всяким хранением хранить, как неоцененное сокровище, как нежный благоуханный цветок оберегать в чувстве сердца сознание своего ничтожества, своей беспомощности, постоянной нужды в Божией помощи...

Вот чем сильны были иереи Божии, подобные смиренному о. Григорию. Они крепко веровали, что Христос не оставит без помощи, не допустит до голодания и нужды безысходной Своего работника, и в основе их нравственного устройства глубоко лежало сознание, что смиренное чувство своего недостаточества есть та стихия, которой должен жить истинный служитель Христов...

Моя октябрьская проповедь и память о ней в жидовствующей печати

Прав был автор статьи в «Русской Речи», которую я привел в прошлом моем дневнике, что иудеи не забудут и не простят Никону его проповедь 16 октября 1905 года. Только что я сдал прошлый дневник в типографию, как мне кто-то прислал в

бандероли «Утро России», в котором какой-то самозванец – «баккалавр» делает строгий выговор Святейшему Синоду за то, что он послал меня на Афон – меня, «человека крайне узкого, одностороннего, неуживчивого, придирчивого, капризного, не стесняющегося в приемах борьбы с почему-либо неугодными ему лицами, который за все эти качества да еще за крайне неудачное авторство пресловутой погромной проповеди от 16 октября 1905 года был удален из Москвы по единодушному желанию ее духовенства, поддержанному бывшим синодальным обер-прокурором кн. А. Д. Оболенским». Так пишется иудеями история. «Научнее такого легата, – говорит «баккалавр» из синагоги, – трудно было что-либо и придумать: он и мирных-то обитателей способен раздражить, и довести чуть не до бунта, а его послали вразумлять и примирять уже и без того достаточно ожесточенных людей». Так аттестует меня пред своими читателями жидовско-раскольничья газета. К сожалению, она настолько невежественна в моем послужном списке или же настолько нечестна пред своими читателями, что – или не знает, или знает да умалчивает, что речь идет не об епископе, а об архиепископе, не о заштатном епископе, а о постоянном члене С. Синода, не о каком-то неуче, а удостоенном высокого звания почетного члена Московской Императорской Духовной Академии, хотя он в сей Академии и не учился, и получившего за свои труды две Макарьевские премии. Прошу прощения у читателей, что вынуждаюсь немного вразумить относительно своей особы «баккалавра» из синагоги. Ну да что с такими «баккалаврами» толковать: им ведь закон честности не писан, хотя все же следовало побольше уважать своих читателей и не обманывать их: а что как да они все умолчанное газетою знают? Ведь тогда и аттестации газеты не поверят, а обзовут ее лгуньей...

Но не затем я заговорил об этом уличном листке, который православные презирают, а вот уж не впервые снова идет в газетах речь о моей «пресловутой погромной проповеди 16 октября», и многие читатели мои просят меня ознакомить с нею, чтобы самим судить, а не со слов жидовской прессы, о достоинствах и недостатках сей проповеди. Разыскал я ее в

«Московских Ведомостях» от того самого числа, когда она произнесена, и помещаю в этом дневнике: может быть, и моим врагам полезно ее перечитать.

Что нам делать в эти тревожные наши дни?

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междоусобицы, – обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле с слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..».

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожай, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне – завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без

освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их – за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христова: так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужого, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копеей, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обрешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного

спасения берегитесь их! Горе миру от соблазн, – говорит Спаситель,– но еще больше горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя – целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнитель-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную лень и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лесь их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знамением, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь еще немного, и люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божии, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? Что делать?– вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет. Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего – надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно нами забытой духовной

жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братии своих, если это будет Богом суждено. Это – в самих себе. А затем – около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, «да вразумит их Господь ими же весть путями», – словами любви и братского увещания к ним попытаемся приложить все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это – святое христианское дело. «Обративый грешника от заблуждения пути его, – говорит слово Божие, – спасет душу от смерти и покрывает множество грехов», – и его, и своих. А затем – каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальцы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: чти, люби, береги свою мать. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполни то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои бестрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, понынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту родной земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, на куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал-рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое «Осанна». Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костями нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжкую годину междоусобицы, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев – сегодня прольем пред Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смуту увлеченных на погибельный путь...

«Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибам от множества прегрешений! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...»

Вот моя проповедь 16 октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней погромного? Что – такого, чтобы применять ко мне слова Спасителя, сказанные сынам громовым: «Не веста, коего духа еста вы?» А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествующих. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских: устав св. Горы не допускает пребывание на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на св. Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествующих. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками, и сожалеет, что зараза «не локализована» на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно, иудеям не по душе такое вмешательство гражданской власти в это дело, ибо оно разрушило их планы – создать гнездо смуты на св. Горе под видом, как выражается г. «баккалавр», «вещей самых невинных». Придется искать другого места для такого «почтенного дела», как разрушение Церкви и Русского государства...

«Мои дневники», 1914

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междоусобицы, – обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле с слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..».

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне – завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их – за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного,

они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христова: так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужого, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копеей, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обрешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазн, – говорит Спаситель, – но еще больше горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя – целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнитель-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную лень и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лесь их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знамением, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь еще немного, и люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божии, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек

хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? Что делать?– вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет. Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего – надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братии своих, если это будет Богом суждено. Это – в самих себе. А затем – около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, «да вразумит их Господь ими же весть путями», – словами любви и братского увещания к ним попытаемся приложить все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это – святое христианское дело. «Обративый грешника от заблуждения пути его, – говорит слово Божие, – спасет душу от смерти и покроет множество грехов», – и его, и своих. А затем – каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальцы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если

бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: чти, люби, береги свою мать. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполни то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои бестрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, понынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту родной земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, на куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример

человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал-рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое «Осанна». Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костями нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Матерь Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжкую годину междоусобицы, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев – сегодня прольем пред Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смуту увлеченных на погибельный путь...

«Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаем от множества прегрешений! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...»

Вот моя проповедь 16 октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней погромного? Что – такого, чтобы применять ко мне слова Спасителя, сказанные сынам громовым: «Не веста, коего духа еста вы?» А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествующих. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских: устав св. Горы не допускает пребывание на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на св. Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествующих. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками, и сожалеет, что зараза «не локализована» на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно, иудеям не по душе такое вмешательство гражданской

власти в это дело, ибо оно разрушило их планы – создать гнездо смуты на св. Горе под видом, как выражается г. «баккалавр», «вещей самых невинных». Придется искать другого места для такого «почтенного дела», как разрушение Церкви и Русского государства...

«Мои дневники», 1914

Год 1914

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междоусобицы, – обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле с слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..».

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне – завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто

подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их – за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христова: так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужого, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копеей, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обрешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазн, – говорит Спаситель, – но еще больше горе тому, чрез кого соблазн

приходит. Смотрите, сколько горя – целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнитель-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лезть их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знамением, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь еще немного, и люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божии, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? Что делать?– вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет. Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего – надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно

сделает нас способными положить с радостью души свои за братии своих, если это будет Богом суждено. Это – в самих себе. А затем – около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, «да вразумит их Господь ими же весть путями», – словами любви и братского увещания к ним попытаемся приложить все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это – святое христианское дело. «Обративый грешника от заблуждения пути его, – говорит слово Божие, – спасет душу от смерти и покроет множество грехов», – и его, и своих. А затем – каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальницы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: чти, люби, береги свою мать. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным

слугою своего Царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои бестрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, понынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту родной земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, на куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал-рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое «Осанна». Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костями нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Мать Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжкую годину междуцарствия, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев – сегодня прольем пред Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смутою увлеченных на погибельный путь...

«Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаем от множества прегрешений! Не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...»

Вот моя проповедь 16 октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней погромного? Что – такого, чтобы применять ко мне слова

Спасителя, сказанные сынам громовым: «Не веста, коего духа еста вы?» А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествовавших. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских: устав св. Горы не допускает пребывание на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на св. Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествовавших. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками, и сожалеет, что зараза «не локализована» на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно, иудеям не по душе такое вмешательство гражданской власти в это дело, ибо оно разрушило их планы – создать гнездо смуты на св. Горе под видом, как выражается г. «баккалавр», «вещей самых невинных». Придется искать другого места для такого «почтенного дела», как разрушение Церкви и Русского государства...

«Мои дневники», 1914

Святитель Николай Японский о кончине мира и грядущих судьбах России

Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..

Вот молитвенный вопль, с каким триста лет назад обратилась бедствующая Москва, а с нею и вся Русь Православная к Матери Божией в тяжкую годину междоусобицы, – обратилась, и Москва была освобождена от поляков, и гнев Божий был преложен на милость. Близится день, когда Москва благодарственно воспоминает это великое заступление Царицы Небесной, но как благопотребно и сегодня не только Москве, но и всей Русской земле с слезами покаяния, с горячею мольбою воззвать к Матери Божией: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, всех нас заступи!..».

Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас... Уже не поляки, не внешние враги, а свои же, русские люди, потеряв страх Божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу как бы в осаде. И без того тяжело жилось нам по грехам нашим: то неурожаи, то болезни, то несчастная война, а теперь творится нечто доселе неслыханное на Руси: как будто Бог отнял разум у русских людей. По приказу подпольных крамольников начались всюду стачки и забастовки, и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. И вот дошло до того, что прекратился подвоз жизненных припасов, и с каждым днем они становятся дороже, несчастные семьи, питающиеся почти одним хлебом, теперь должны жить впроголодь, ибо хлеб дорожает; а сколько несчастных страдальцев больных теперь томятся голодом и жалуются Богу на этих жестоких забастовщиков, прекративших всякий подвоз молока! Сколько больных остается без помощи, потому что забастовщики не позволяют готовить лекарство в аптеках! Не ныне – завтра можно ожидать, что эта ужасная эпидемия забастовки охватит городских рабочих, и вся столица останется без воды, без освещения улиц и домов, без движения дешевых конок... О,

если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных! Ведь это – так называемые «социал-демократы», это – революционеры, давно отрекшиеся от Бога в делах своих, они отреклись, а может быть, и вовсе не знали веры христианской, поносят ее служителей, ее уставы, издеваются над ее святынями. Главное гнездо их – за границей: они мечтают весь мир поработить себе; в своих тайных секретных протоколах они называют нас, христиан, прямо скотами, которым Бог дал, говорят они, образ человеческий только для того, чтобы им, якобы избранникам, не противно было пользоваться нашими услугами... С сатанинской хитростью они ловят в свои сети людей легкомысленных, обещают им рай земной, но тщательно укрывают от них свои затаенные цели, свои преступные мечты. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления якобы ради общего блага и действительно обращают его в послушного себе раба. Они всячески стараются вытравить из души, или по крайней мере извратить, святое учение Христова: так, заповедь Христова говорит: не укради, не пожелай себе ничего чужого, а они говорят: все – общее, бери у богатого все, что тебе нравится. Заповедь Христова говорит: делись с ближним твоим последним куском, последней копеей, а они учат: отнимай у других все, что тебе надобно. Заповедь Христова говорит: воздадите Кесарево Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорят: никакого царя не нужно, царь – тиран... Заповедь Божия говорит: в терпении вашем стяжите души ваши, а они говорят: в борьбе обрешь ты право свое. Заповедь Христова велит полагать души свои за други своя, а они учат губить людей ни в чем не повинных, убивать их только за то, что они не согласны с ними, не идут на разбой, хотят честно трудиться и готовы до смерти стоять за закон, за Царя, за Церковь Божию...

Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого!.. Берегите же себя, возлюбленные братия, берегите себя и детей своих от этих льстецов, ради Бога, ради вашего вечного спасения берегитесь их! Горе миру от соблазн, – говорит

Спаситель,— но еще больше горе тому, чрез кого соблазн приходит. Смотрите, сколько горя — целое море слез разливается по лицу родной земли от этих соблазнитель-крамольников: судите же сами, какое страшное горе, какой строгий суд Божий ждет этих несчастных злодеев и их сообщников. Пора нам одуматься, пора перестать быть равнодушными к этому великому бедствию на Руси, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не подпускать к себе и к детям нашим этих опасных, зачумленных людей. Прочь лезть их и обман, прочь коварное дьявольское наваждение! Оградим себя крестным знамением, взглянем опасности прямо в глаза! Ведь еще немного, и люди превратятся в хищных зверей, станут громить жилища наши, грабить храмы Божии, убивать друг друга, как делают безумцы... Говорят, что человек, потерявший страх Божий и совесть, человек, которому закон не писан, который потерял и страх человеческий, такой человек хуже всякого лютого зверя. И нам грозит беда, что в таких лютых зверей и обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты. Вот этого-то и добиваются всячески наши заклятые враги, подпольные наши крамольники и их заграничные руководители. Братья, ужели мы допустим это? Ужели и теперь будем безучастно смотреть на все эти безобразия?

Но что же делать? Что делать?— вот вопрос, неотступно терзающий душу.

Что делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Оглянуться вокруг надо: не заразила ли эта нравственная чума кого из близких наших? Заглянуть в свое сердце надо: чем оно живет, ради чего и для кого оно бьется? К совести своей прислушаться надо. Она подскажет. Ангел Божий, хранитель наш, чрез совесть нашу заговорит с нами о том, что надо делать. Он скажет нам, что прежде всего — надо принести Богу искреннее, слезное, всенародное покаяние. Оно, это покаяние, очистит нас, обновит наше сердце, нашего внутреннего человека. Оно положит начало благое новой, быть может, еще нам неведомой или давно нами забытой духовной жизни, жизни по заповедям Божиим. Оно сделает нас

мужественными, бодрыми среди великих испытаний, оно сделает нас способными положить с радостью души свои за братии своих, если это будет Богом суждено. Это – в самих себе. А затем – около нас. Молитвою за несчастных, одержимых духом смуты, гордыни и противления, «да вразумит их Господь ими же весть путями», – словами любви и братского увещания к ним попытаемся приложить все усилия вразумить их, на путь истины обратить. Это – святое христианское дело. «Обративый грешника от заблуждения пути его, – говорит слово Божие, – спасет душу от смерти и покрывает множество грехов», – и его, и своих. А затем – каждый из нас есть сын родной земли, верный подданный своего Царя. Может ли сын быть равнодушным к стонам своей страдальцы-матери? А ведь она, наша родная, некогда святая, а ныне столь пред Богом согрешившая, она стонет, измученная, терзаемая своими же детьми – нашими несчастными братьями. Что сделал бы ты, любящий сын, если бы твой умалишенный брат стал бить, мучить вашу общую мать, издеваться над нею, позорить ее? О, конечно, самая природа возопила бы в тебе словами заповеди Божией: чти, люби, береги свою мать. Защити ее от безумца-брата, лиши его возможности вредить ей! Если бы твой, лишенный ума, потерявший совесть брат стал издеваться, как Хам, над отцом вашим, ужели ты стал бы равнодушно смотреть на эти издевательства? Ужели ты не заставил бы молчать этого брата-безумца? Но вот, смотри: твою дорогую мать, родную твою Русь ее несчастные безумцы-дети терзают, собираются на части разорвать, хотят отнять у нее заветную святыню – Веру Православную, в грязь топчут все, чем она доселе жила, крепла, красовалась... Твоего Батюшку-Царя поносят, рвут Его изображения, хулят Его царские повеления, издеваются над Ним: может ли твое сердце быть спокойным при этом, русский человек? Не горько ли тебе, не больно ли все это переносить? Не кипит ли ревностью твое сердце, не потрясается ли от негодования, справедливого негодования все твое существо? Что же тебе делать?..

Опять спроси у своей совести. Она напомнит тебе верноподданническую твою присягу. Она скажет тебе: будь

любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего Царя. Исполни то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что скажут тебе пастыри Церкви. Будь готов умереть за Царя и за Русь. Вспомни, как предки твои бестрепетно за Него умирали. Вспомни, как простой посадский человек, понынешнему мещанин, Козьма Минин Сухорук поднял Нижний, а за ним и всю Русь на защиту родной земли. Посмотри, как он, на своем памятнике, благородно-энергически показывает на родной, заветный, столь священный для русского сердца Кремль болящему князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Вспомни, как вечнопамятный костромич крестьянин Иван Сусанин с радостью и мужеством положил душу свою за Царя, на куски изрубленный врагами-поляками. Не всем судил Бог быть такими героями, но всем заповедал: чти отца твоего и мать твою. Царя чтите, братство-народ возлюбите! Сам Христос Спаситель подал нам трогательный пример человеческой любви к Своему родному городу, родному народу. Вспомните, как Он плакал-рыдал, смотря на Иерусалим и предсказывая его гибель в те торжественные минуты, когда народ Иерусалимский кричал Ему громкое «Осанна». Нам ли не любить земли отцов своих? Ведь она вся русскою кровью полита, ею спаяна; ведь и сами мы, костями нашими, в ней же ляжем, смешав прах свой с прахом предков наших...

Братья возлюбленные! Чада Русской земли! В те дни, когда мы вспоминаем, как Мать Божия по молитвам предков наших спасла землю Русскую в тяжкую годину междоусобицы, как освободила Она нашу первопрестольную Москву Своею иконою Казанскою от нашествия поляков и литовцев – сегодня прольем пред Нею и Ее Божественным Сыном пламенные мольбы о спасении родной земли нашей от крамольников. Поплачем пред Нею о грехах наших. Помолимся Ей о несчастных братьях наших, смуту увлеченных на погибельный путь...

«Владычице, помози, на ны милосердовавши! Потщися, погибаем от множества прегрешений! Не отвержи Твоя рабы тщи, Тя бо едину надежду имамы...»

Вот моя проповедь 16 октября, столь ненавистная жидам. Я спрашиваю православных русских людей: что в ней

погромного? Что – такого, чтобы применять ко мне слова Спасителя, сказанные сынам громовым: «Не веста, коего духа еста вы?» А иудейско-раскольничья газета именно это делает. По-видимому, она хочет представить дело в искаженном виде, приписывая мне, как это делает и кн. Мещерский, то, что сделано государственною властью: удаление с Афона еретичествовавших. Газетам такого направления нет дела до уставов монашеских: устав св. Горы не допускает пребывание на ней еретиков, а потому протат, или кинот, святогорский решительно заявили, что они еретиков на св. Горе не потерпят и если русская власть сего не сделает, то сами изгонят еретичествовавших. Газетный лицемер уверяет, что простой народ будет считать изгнанников мучениками, и сожалеет, что зараза «не локализована» на Афоне. Как видите, это немыслимо даже по уставу св. Горы, не говоря уже о прочем. Да и то сказать: видно, иудеям не по душе такое вмешательство гражданской власти в это дело, ибо оно разрушило их планы – создать гнездо смуты на св. Горе под видом, как выражается г. «баккалавр», «вещей самых невинных». Придется искать другого места для такого «почтенного дела», как разрушение Церкви и Русского государства...

«Мои дневники», 1914

Часть 1

Наш Православный катехизис говорит, что в «Слове Божиим открыты некоторые признаки близкого пришествия Христова, а именно: уменьшение веры и любви между людьми, умножение пороков и бедствий, проповедание Евангелия всем народам, пришествие антихриста». А на вопрос: «Скоро ли придет Иисус Христос на Суд? Катехизис отвечает: «Сие неизвестно, и потому надобно жить так, чтобы мы всегда были к тому готовы».

Наблюдая все, что вокруг нас, да и во всем мире, совершается, внимательные к судьбам Церкви Христовой и к делу своего спасения сыны Церкви со страхом помышляют: не близок ли уже последний страшный час Суда Божия? В самом деле: примите во внимание хотя только последние 20 – 30 лет:

как оскудела вера наша! Сколько отпадений от Церкви Православной! Какое дерзкое издевательство над нею и в печати, и в обществе, и в безбожных выходках против всего святого и священного, и опять-таки больше всего против Церкви со стороны потерявших и стыд, и совесть, и страх Божий, и страх человеческий разных хулиганов – не уличных только пьяниц, но и носящих приличную одежду, якобы интеллигентов, считающих признаком прогресса – издевательство над святынями нашего верующего сердца! А любовь... никогда столько не говорили о любви, как в наше время всякого либерализма и гуманности, и – никогда так не попирались те начала, на коих зиждется истинная любовь! Любовь на устах, а корысть в сердце требуют любви к себе – и равнодушны к другим; «любят», то есть ласкают и льстят только тому, кто полезен, и отвращаются от того, кто истинно нуждается и заслуживает помощи и любви... Пороки же так умножились, что стали общим тоном жизни, заурядным явлением, тогда как добродетель, даже самая легкая, как помощь брату и соседу, становится как бы исключением. А за пороками следуют Судом-Божиим и бедствия: *нужно ли говорить о них?* Их тяготу волею-неволею ощущает каждый из нас. Остается проповедание Евангелия всем народам. Еще ветхозаветный пророк сказал: «Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их», – и эти слова сами св. Апостолы применяют к себе. Мы, люди позднейших времен, воочию видим поразительное исполнение этих словес пророческих. Перенеситесь мыслию за две почти тысячи лет: вот рыбаки с озера Галилейского уверенно говорят, что их проповедь распространится до пределов известного и даже неизвестного тогда мира: что думали тогда, слушая их, гордые фарисеи, а потом – греческие мудрецы-философы, могли ли они принять и вместить сии глаголы рыбаков? Наверное, признавали сих благовестников или невеждами, мечтателями или же прямо помешанными на идее величия. Но пронеслись положенные Богом времена и сроки, и немыслимое стало делом: есть ли теперь хоть один город, который не слышал вовсе о Христе, Спасителе мира? Есть ли уголок земли, куда не донеслось бы Слово Евангелия?

Правда, далеко не все народы обратились ко Христу, хотя и слышали о Нем, но о таком обращении пророчества Христовы прямо и не говорят: сказано только, что будет проповедано Евангелие всем народам. Но следует прислушаться и к голосу тех, кто несомненно, ближе нас к Богу, кто не только любит Церковь Божию, но и сам участвует в ее жизни, сам является орудием промысла ее Главы и другом ее Жениха Небесного.

Более тридцати лет я имел счастье быть в дружественной переписке с почившим в Бозе равноапостольным мужем нашего времени Архиепископом Николаем Японским. В своих письмах поведал я ему свои скорби о положении православия на Руси, об опасностях, ему угрожающих, словом, о всем том, чем болит наше пастырское сердце. И вот что писал он мне от 10 ноября 1909 года:

«Опечалился я очень, прочитавши теневую часть Вашего письма: «Грозные тучи ходят над бедною Россией. Не без причины многие думают, что близок конец мира» и т.д. Но не устояла во всей силе печаль моя против дальнейших размышлений. В пылу битвы воин видит кровь, много крови; но не прав будет он, если скажет: «Вот только и есть кровь, нет больше мира, рушится мир!» Вы в самом центре разгоревшейся битвы и сами получаете раны. Как не страдать Вам, не исходить кровью Вашему сердцу и как удержаться от крика боли! Но окиньте взором пространство мировой истории от Адама до ныне: -когда же были времена вполне утешительные? Дохристианский мир задыхался в беспросветной атмосфере зла до того, что лучшие тогдашние люди прибегали, как к последнему утешению, к самоубийству. Лишь только блеснул на земле небесный свет, подана людям чаша утешения, люди, вошедшие в полосу этого света и принявшие чашу, тем не менее, видя окружавший их внешний мрак, страдали до того, что свое время считали концом мира. Вспомните, как апостол Павел убеждал Солунян «о пришествии Господа не спешить колебаться умом», что хотя тайна беззакония уже деется, но кончина не теперь. А когда? «Проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем языком, и тогда придет кончина». На что яснее и вернее, а также и

утешительнее сего указания! Еще большая половина языков вселенной не слышала Евангелия Царствия. А и слышавшая разве достоительно усвоила его? Разве у европейских народов Евангелие проникло до глубины сердца? Нет, оно еще на поверхности их душ. И это потому, что западные народы слушают Евангелие, затемненное извращениями католичества и протестантства; Россия слушает всесветлое Евангелие непросветленным, невежественным, неразвитым умом и неуглубленным сердцем. Разве для того Бог сходил на землю и Сам изрек людям учение, чтобы оно вскорости же явилось в потемненном виде католичества и протестантства, а там, где сияет полным своим светом, только немногие до дна их умов и сердец были просвещены и претворены им, – каков сонм святых Православной Церкви, масса же более по влечению сердца шла в сем свете, ясно не давая себе отчета, каким сокровищем она обладает?.. Жизнь и отдельного человека, тем более каждого народа и, несомненно, всего человечества проходит периоды, назначенные ей Творцом. В каком же возрасте теперь человечество со времени рождения его в новую жизнь? О, конечно, еще в юном! Две тысячи лет для такого большого организма совсем небольшие годы. Пройдут еще многие тысячи лет, пока истинное Христово учение и оживотворяющая Благодать Святого Духа проникнут во все члены этого организма, пока все народы и в них все отдельные личности усвоят Христово учение и подвергнутся благодатному действию его: правда Божия сего требует. Истина Христова и Благодать Святого Духа всю свою силу должны войти в человечество и произвести полное свое действие. Тогда только настанет зрелый возраст человечества: этот великий организм станет во весь свой рост *станет столько добра творить, насколько способна созданная Богом Творцом и оплодотворенная Богом Спасителем природа человеческая. Еще древние пророки провидели и в восхитительных чертах изображали это время, когда «не будет пути нечистого и не заблудят люди, и не будет льва и никакого зверя лютого, а волки и агнцы будут пастись вместе»; тогда «будет едино стадо и один пастырь», по вожделенному слову Самой воплощенной*

Истины. Далеко-далеко еще человечеству до этой вершины! А потом оно пойдет вниз и опустится до таких глубин зла, до которых и пред потопом не достигало; жизненные сипы света и добра почти вконец иссякнут в одряхлевшем человечестве, – тогда-то, и не раньше как тогда, настанет конец мира. Вот мысли, успокоившие мое, взволнованное Вашим письмом сердце. Они не больше мои, чем Ваши; но да перельются они из Вашей головы в сердце, и да послужат облегчением и Вашей душевной боли, которой я вполне сочувствую и которую сам, вероятно, так же остро чувствовал бы, если бы не стоял несколько в стороне от поля битвы».

Так утешал меня святитель Японский. Нарисованная им художественным словом картина грядущих судеб рода человеческого давала надежду видеть в будущем еще отрадное: дело Христово еще не завершено на земле: еще немало народов ждут своей очереди, когда придет к ним Царствие Божие и Благодать Божия заложит в них свою закваску. А чтобы закваска возымела свое действие, нужно время; если она сделала свое дело среди народов, уже покончивших свое историческое призвание, то в нас это призвание еще не исполнено, а такие великие народы, как Китай и Индия, еще ждут своего, Богом предназначенного дела в Царстве Божием, где нет разницы между иудеем и эллином, между европейцем и азиатом. Святитель Феофан Затворник также пишет, что пока Благодать Божия не выберет из всех народов земных всех способных ко спасению, хотя бы то был один-единственный человек, дотоле нельзя ждать пришествия Христова и кончины мира. В тоже время нельзя не принять во внимание и той истины, что Господь никогда не отнимает свободы у человека: благодать-то всем и всегда готова помочь во спасение, да мы-то не всегда приемлем своею свободною волею и разумом ее помощь. Чудная картина, начертанная апостолом Японии, основная мысль его письма, что «все народы и в них отдельные личности усвоят Христово учение и подвергнутся благодатному действию его», едва ли может быть принята безусловно. История не дает права думать так. Она

знает много народов, и народов великих, от коих не осталось теперь потомства, или же едва прозябают жалкие остатки, как, например: сирохалдейцы, копты, сирийцы и др. Где слава древнего Египта, Карфагена, Финикии? Да и Греция, и Рим – эти владыки мира когда-то, не кончают ли свое историческое дело? Но можно ли о них сказать, что «все отдельные личности» в них «усвоили учение Христово»? Ясно, кажется, что мысль в Бозе почившего святителя Николая Японского требует оговорки или поправки: конечно – все отдельные личности, «способные воспринять Благодать спасения», принадлежавшие к сим народам, восприняли ее и вошли в состав сынов Царствия Божия, и относительно их дело Божие завершено. Но в целом ни об одном народе нельзя сказать, чтоб он проникался вполне идеалом учения Христова, а только в сих избранных Благодати. Само собою понятно, что тут разумеются не одни Богом прославленные и Церкви известные лица, записанные в святцах церковных: если во дни пророка Илии, когда нечестие народа Израильского достигло крайнего предела и пророку Божию казалось, что он остался один, Господь знал Своих верных и считал их более семи тысяч, то, конечно, в каждом народе Он знал и спасал в Царство Свое вечное множество избранных. И если оглянуться назад и обозреть историю Церкви, то мысль святителя Николая в исторической перспективе окажется исполняющеюся, только не в общем, не во всем человечестве «сразу», а постепенно, в его отдельных членах, отдельных народах. Невольно вспоминаются слова притчи Христовой в их буквальном смысле: «Царство небесное подобно купцу, ищущему доброго бисера» – дорогой жемчужины: Благодать Божия как бы обходит все народы и ищет дорогой жемчужины – человеческого свободного произволения ко спасению и отбирает сии жемчужины в кошницу свою, и очищает их, и соделывает силою Христовою носителей сих жемчужин сынами Царствия Божия. Царствие Божие растет и совершает свое дело в человечестве, но, по слову Христову, творится сие незаметно, не – «с соблюдением». И когда оно кончит свое дело, тогда и миру конец. Между прочим, потому и неизвестно, когда это будет, что людям неизвестны в точности

успехи дела Божия, ибо сие дело не может входить в круг их наблюдений. Сие ведомо только единому испытующему сердца и утробы, единому Сердцеведцу, Который знает все и всему сроки уставляет. Что касается ветхозаветных пророчеств, изображающих в светлых чертах царство Мессии, то ведь известны толкования на эти места Священного Писания у святых отцов: «вершины совершенства» человечество достигнет не на этой грешной земле, а на земле новой, на небе новом, где живет правда, по слову Апостола Христова.

Часть 2

Я написал свои мысли святителю Николаю, и от него получил такой ответ:

«Я не говорю и не думаю, что «каждый народ должен достигнуть высшей степени христианизации». Моя мысль и твердое мое убеждение, основанное на Слове Божиим, то, что все народы в мире и каждый народ в отдельности непременно должны услышать Евангелие: а какой степени христианизации достигнет каждый народ, это зависит от свойств его, от того, широко или узко он отверзает свое сердце для принятия Благодати Божией. Но отдельных святых личностей, «достигших высшей степени христианизации», непременно должен дать каждый народ, хотя бы он в массе не был высоко достоин пред Богом. Так мы имеем почти недостижимых по обилию благодатных даров Ефрема из Сирии, Антония из Египта, Павла Фивейского из Африки и под. Что до родимого нашего русского народа, к которому мы имеем честь и счастье принадлежать, то я тоже твердо убежден, что он еще на пороге своей исторической жизни, и что сомневаться в его будущем, и тем более отчаиваться за него просто грех. Разные болезни нападают на юное тело: корь, оспа, скарлатина, но если оно не хило от природы, то благополучно переносит их и продолжает расти и развиваться. И насекомые любят нападать на мягкое юное тело, – тоже времен ная и переходящая напасть, пока тело окрепнет, мускулы сделаются более твердыми. В Японию, например, не сунутся евреи, потому что японскому народу от роду более 25 столетий, – это неюный и мягкий организм, а

взросший и окрепший; японцы сами могут поучить евреев деловитости и практичности во всем мирском обиходе, а не наоборот: скорее сами могут сделать натиск на евреев, а не терпеть от них натиска. Ну а русский народ на 15 столетий моложе японского, оттого отношение к нему евреев иное. И это весьма понятно и едва ли устранимо до более зрелого возраста русского организма. И много-много других еще насекомых точит и будет точить мягкое и рыхлое тело (инородцы, иноверцы, сектанты, атеисты); но по течению времени они будут сбрасываться, тело очищаться, и оно заживет, наконец, всеми своими силами, и Бог весть потом сколько веков пройдет, пока страшный червь могильный нападет на великий, уже одряхлевший, русский организм и свалит его в могилу. Таковы мои искренние убеждения, немало одушевляющие и ободряющие меня. Если Ваше Преосвященство в письмах моих найдете что-либо пригодным для «Троицкого Слова», то я могу быть только благодарен Вам за эту честь». (Письмо от 2 апреля 1910 года. Я просил разрешения некоторыми местами из его писем воспользоваться для своего издания).

Не могу без глубокого волнения и молитвенного чувства благодарности к почившему святителю, великому труженику Божию не поделиться с читателями и еще несколькими утешительными строками из писем незабвенного старца Божия. Бот что писал он мне от 16 октября того же 1910 года:

«Крайне прискорбно, что Вы болеете телом. Укрепи вас, Господи, на пользу Всероссийской Церкви Православной! Об этом и усердно молюсь. Не менее прискорбно что болеете духом: но здесь нужно советовать Вам подкрепиться самому, почерпнув силы и в Вашем произволении. Печальны духовные обстоятельства в России? Нет спора. Но от этого они не улучшатся, что Вы до болезни духовной печалитесь? Нимало! Напротив, излишний печаль, несомненно, атрофирующая некоторую часть духовной энергии у Вас, и делу вред от потери этой части поддержки с Вашей стороны, и врагу настолько же прибавка радости. У христиан времени апостольского разве меньше было врагов веры, меньше борьбы? А что им внушали Апостолы? «Всегда радуйтесь», – писал Апостол Павел к

Солунянам: «Радуйтесь всегда о Господе, и паки реку: радуйтесь», – писал он Филиппийцам. Почему так? Да потому, что мы – рядовые воины, а военачальник у нас Христос, Всемогущий Бог; Он знает, как управлять обстоятельствами, и ведет дело к победе. Каждый на своем месте, мы должны, не покладая оружия, бороться и биться бодро, с сердцем, полным радостного упования, а не печали, всегда более или менее расслабляющей; общее же распоряжение битвой должны предоставлять Господу, делая это с спокойным духом. Еще царь Давид взывал: «Возверзи на Господа печаль твою...» Последуйте же всем сим святым внушениям. Вы их знаете лучше меня и братски простите, что я как будто собрался учить вас: не учить, а братски ободрить, – любящее вас сердце то велит.

Так умел утешать святитель Божий, сам всегда жизнерадостный, всегда благодатный. Он не только заботился о моем добром настроении, но и о моих читателях. Получив от меня первые 37 номеров «Троицкого Слова», он благодарит за них и снова обращается к современному тяжелому положению России в духовном отношении, снова ободряет, что Россию ждет светлое будущее, что она еще не стара, что посему самые обличения надобно срастворять некоторым утешением.

В письме от 10 июня 1911 года он говорит: «Примите сердечную благодарность за «Троицкое Слово». Ваши дневники писаны кровью Вашего сердца и вызывают скорбь и боль сердца, когда читаешь их; они точно анатомическим ножом вскрывают нагноения, которыми страдает наше бедное отечество. Весьма желательно, чтобы они изданы были отдельною книгою и получили возможно широкое распространение. Польза будет великая: благочестивых они будут возбуждать к подобным же иеремиадам, каждого в своем кругу, колеблющихся утверждать, отчаянных, наподобие юноши 8 номера, спасать от гибели, равнодушных возбуждать и научать ратованию... Хотелось бы одного, именно, чтобы Вы, нисколько не умаляя силы Ваших обличений, растворяли их некоторым утешением. Такой пример подают пророки. Они свои грозные и громовые прещения всегда оканчивают утешениями.

Правда, им, за нависшими тучами современных им пороков, всегда виделся Свет Христов, и на него именно они указывали, как на утешение. А нам разве не видится вдали или, по крайней мере, не грезится светлое будущее России? Ужели Господь создал такой многочисленный народ и вместе такое необъятное тело Церкви только для того, чтобы отдать его на съедение червям? Разве Россия развила все свои силы на таланты, заложенные в ее организме, и изжила их? Нет: по всем признакам она молодое историческое тело, возрастающее на смену стареющих организмов. Думать иначе было бы хулою на Промысел Божий. Тогда отчего же и мрачно смотреть? Молодому организму свойственны разные болезни: и корь, и оспа, и расстройство желудка от незрелых или несвежих плодов, и ушибы, и поранения, и разное другое. Все это и есть ныне с Россией. А прежде этого не было? Или было меньше? Полноте! Несколько в другом роде, но, пожалуй, было и побольше. Припомните так близкие к нам еще времена барщины, с ее жестокостями, ее безнравственностью, ее бесшабашным произволом; бросьте взор дальше, когда собак называли именем патриарха, и дальше – до беспросветной татарщины и непрерывной эгоистической распри князей. Когда же было лучше? Никогда. Если сложить сумму добра, теперь, под лучами Божией Благодати, разлитого по всему миру России, и сравнить с сумою такого же добра какого хотите периода прежних времен, то, наверное, окажется теперь значительный перевес, как и подобает в возрастающем организме. Я отнюдь не веду речь к тому, чтобы теперь не следовало обличать пороки. Напротив, непременно нужно строго обличать, беспощадно греметь прещениями, вот так, как Ваше Преосвященство делаете, и нужно, чтобы во всех концах России явились такие строгие обличители с огненными речами и прещениями. Пусть иеремиады гремят неумолчно, и по всей России, но пусть они, как у Иеремии, Исаяи и иных, растворяются и словом утешения. Пусть каждое прочтение этих иеремиад сопровождается не поникновением головы с печалью и унынием, а бодрым поднятием ее и решимостью при Божией

помощи исправиться, обновиться, выйти на полный свет Божий...»

Так светло смотрел в будущее России почивший святитель Японский Николай. А из такого взгляда на судьбы России и других народов делал вывод, что кончина мира еще далеко-далеко, может быть, на несколько тысяч лет отдалена от нас...

Можно разделять или не разделять его взгляд, но нельзя отказать ему в обоснованности: это не поверхностный взгляд обыкновенного образованного человека, а продуманное, строго проверенное слово того, кто всю свою жизнь отдал великому делу Царствия Божия среди одного из тех народов, которые давно ждут пришествия к ним Царствия Христова. 52 года тому назад пришел он в языческую Японию, где тогда преследовали христиан, научился японскому языку, стал переводить Священное Писание, а потом и богослужебные книги на этот язык, – через десять лет у него уже был сотрудник японец, а через 53 года 35000 православных христиан, сердечно ему преданных, веру свою в делах являющих, истинных сынов Царствия Божия. Но и этого мало: даже среди язычников он заслужил не только уважение, но и любовь: в столице этих «селящих во тьме» сынов мира сего лукавого стоило произнести его имя: «Никорай» (японцы не могут выговорить буквы «л»), как японец улыбался и готов был к услугам русского, чтобы указать ему путь к русскому святителю...

Нередко люди, даже искренно верующие, пытаются проникнуть в тайны, от них глубоко сокровенные, прикрываясь как бы покровом веры. Они должны бы подтвердить запомнить то, что о таких сокровенных тайнах говорит Господь и Его святые Апостолы. В самый день вознесения Своего на небо Господь сказал ученикам Своим на их вопрос: «Аще в сие лето устроиши царствие Израилево? – Несть наше» – не ваше дело – «разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти» (Деян. 1, 6, 7). А еще раньше, во дни земного служения своего и проповеди, на такой же вопрос ответил, к удивлению, может быть, своих Апостолов, что даже «Сам Он», яко ' человек, конечно, не знает, когда Его Отцу благоугодно будет послать Его на Суд: «О дни же том и часе никто же весть, ни ангели, иже

суть на небесах, ни Сын, токмо Отец» (Мр. 13, 32). Не сказал: «чей Сын», но говорил здесь о Себе, яко Сыне Человеческом только, а не яко Богочеловеке, А если чистые духи, святые Ангелы, не ведают сего, если даже Он, по человечеству Своему безгрешному, не знает дня и часа Своего Второго пришествия, то нам ли, грешным, смертным, дерзать приоткрывать завесу сей тайны Божией своими гаданиями? Мы знаем некоторые признаки, по коим можем судить о близости сего страшного дня, и довольно с нас. Но признаки, указанные Самим Господом, относятся не только к кончине мира, но и к разрушению Иерусалима: по крайней мере, некоторые из них не строго отделяют одно событие от другого. Дело в том, что разрушение Иерусалима было прообразом кончины мира. И в том и другом событии видны законы правды Божией, карающей зло и венчающей добродетель. Эти законы вечны и неизменны и прилагаются правдою Божией ко всем народам земным, Что применено ею в отношении богопротивного народа еврейского, то применено может быть и к народу русскому, – если, сохрани Боже, его беззакония превзойдут меру долготерпения Божия. Естественно, что непосредственным свидетелям и невольным участникам сих событий кажется, что исполняются пророчества, относящиеся ко Второму пришествию Господа и страшному Всемирному Суду Его, тогда как на самом деле совершается только частный суд над тем или другим народом. Так первенствующие христиане, видя суд Божий над Иерусалимом, могли думать, что настает время Суда всемирного – последнего. Вот почему и Апостол Павел, в своем послании к Фессалоникийцам, счел нужным предупредить их и успокоить – «не спешить колебаться умом и смущаться, ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов» (2Сол. 2, 2). Нет сомнения, что мы, люди двадцатого века ближе к сему страшному дню, чем первенствующие христиане, тем не менее и мы можем думать, что скорбные явления нашего времени представляют собою признаки близкого пришествия Христова на Страшный суд, тогда как на самом деле они только относятся к нашему грешному народу и зовут нас к покаянию, угрожая Судом Божиим.

Всемирное событие, каково и есть грядущий Страшный суд, должно и признаки иметь всемирного характера, а не местного. Но можно ли сказать это о тех знамениях времени, какие мы видим в наше время? Правда, о некоторых признаках и Господь сказал, что они будут иметь местный характер, как, например, землетрясения, но вообще сказано, что будет скорбь великая, какой не было на земле никогда. И сие должно помнить, что у Господа нашего «день един яко тысяча лет и тысяча лет яко день един» (2Петр. 3, 8). Мы должны смирять свой пытливый ум в послушание вере: аще Господу неугодно было открыть сию тайну, то грешно и пытаться своим умом постигать ее. Стало быть, это – нам не полезно. Ведь для нас, для каждого из нас гораздо ближе час смертный; однако же Господь и сие открывает лишь немногим Своим избранныкам, которые тщательно приуготовляли себя к часу сему в продолжение всей своей жизни, а от нас премудро сокрывает, дабы мы, зная, что еще не скоро наступит сей час, не стали нерадивыми, а если уже близок – не предались унынию и отчаянию; Бог хочет, чтобы мы всецело предавали себя во Святую Волю Его. Он хочет, чтобы мы всецело предавали себя во Святую Волю Его. Он хочет, чтобы мы всегда были готовы к страшному часу смертному к Суду Божию. Час смертный отнимает у нас возможность покаяния после нашей смерти; судьбы своей там мы сами переменить не можем уже, а потому должны готовиться заранее, пока живем здесь, на земле. Правда, верующие надеются на молитвы Церкви и по смерти, но не следует забывать, что Дающий молитву молящемуся Бог располагает сердца верующих к молитве так, что о недостойном и не будет пламенной, отверзающей небеса молитвы, хотя бы имя его и произносилось в храме... Поведал мне один в Бозе почивший Афонский старец, иеросхимонах Михаил (в монашестве Малахия): «Имею я, грешный, обыкновение поминать на молитве всех известных мне усопших братии, но одного из них как-то забыл; и вот, прошло много лет, как покойник является ко мне во сне и просит поминовения. Я сказал об этом покойному батюшке о. Иерониму. Тот сказал мне: стало быть, пришло время молиться за него, Бог вот и

вразумляет любовь твою не забывать его: видно, он нуждается вообще в молитве».

Да и тяжкий грех – грешить в надежде на молитвы Церкви: это значит искушать Божие долготерпение. Столь же грешно пытаться приоткрывать тайну Богом сокровенную: приоткрыть ее все равно человек не может, а за дерзновенную попытку к сему, при сознании ясно выраженной воли Божией сокрыть ее, неминуемо понесет наказание...

Пусть примут сие во внимание все те, которые решаются вычислять не только год, но и день пришествия Христова на Суд последний...

Умеем ли мы молиться Богу?

Что есть молитва в духовной жизни христианина? В сущности, она есть дыхание души, живущей с Богом, постоянное возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом к Богу – или гласно, или же внутренне, сердечно.

Умеем ли мы «дышать молитвою», возносить свое сердце, свой ум к Богу так, как подобает, как научил нас Господь, как учат святые угодники Божий? Умеем ли мы молиться?

Как ни скорбно, но должно сказать, что мы, нынешние христиане, или разучились, или вовсе не научились молиться. И не потому ли, что мы в молитве уходим от Бога, сердцем далече отстоим от Него, гаснет в нас и жизнь духовная, и многие из нас даже понятия не имеют о том, что такое есть сия жизнь духовная, и мы живем только жизнью плоти и души, вовсе забывая, что в нас есть еще дух, существенно отличающий нас от других живых существ, духа не имеющих?.. Не потому ли так быстро прививаются к нам такие учения, как дарвинизм, производящий человека от обезьяны? В самом деле, если человек вовсе не ощущает в себе начал духовной жизни, жизни духа, то он живет жизнью только животную, душевную, с миром духа не соприкасается, дух в нем как бы замер, не дышит, и ему становится как бы естественно уже и ощущать себя – только животным, а остаток неизгладимого в нем образа Божия, последние следы его всячески стирать под

давлением греховных страстей, заглушая голос совести хитросплетаемыми софизмами лженаук естественных... Человек постепенно погружается опять в ту тьму богозабвения, в какой он находился несколько тысяч лет до Рождества Христа Спасителя и уподобляется снова скотам бессмысленным.

Молитва есть великий дар Божий, но подается он только тому, кто за ним простирает к Богу руки, кто идет к Богу с произволением молиться. Являем ли должное произволение, стремимся ли мы к Отцу небесному, яко елень к источникам водным, ищет ли, просит ли наше сердце молитвы?

Не умеем мы, разучились мы молиться, но – слава Богу: есть среди нас еще жаждущие молитвы, взывающие к Богу сердцем: Господи, научи нас молиться! На мой дневник, под заглавием «Нечто о молитве и смиреномудрии», получил я от читателей новые письма с вопросами и недоумениями, показывающими, какие мы младенцы в делании молитвы. Настало время святого поста и покаяния; без молитвы невозможно покаяние; побеседуем же о молитве в ответ на письма моих читателей, в коих слышатся запросы духовной жизни.

«Вы пишете, владыко, – говорит один из моих читателей, – что отнюдь не следует своей фантазии позволять представлять себе того, кому молишься. Простите, я не понимаю вашего указания. О. Иоанн Кронштадтский сказал: «В молитве с Отцом небесным живо представляй Его стоящим пред Тобою и с любовью внимающим каждому твоему слову». К чему же нам тогда образа, которые служат нам для нашего настроения и представления того, к кому обращена наша молитва: ведь не самой же доске мы молимся. Да как же не воображать и не ощущать при молитве Господа Бога нашего? Он – вездесущий».

Надо быть осторожным, чтоб не смешивать слов и понятий между собою сходных, но не тождественных. «Живо представлять» еще не значит: «рисовать в воображении». В дневниках о. Иоанна везде, где говорится о таком представлении, разумеется стояние благоговейною мыслию пред вездесущим, всевидящим и всеведущим Богом и святыми Его, когда человек сознает себя в присутствии незримого

существа, как бы ощущает сие присутствие, не допускает и мысли о том, чтоб оно его не слышало, – тем не менее – не дерзает вторгаться своим грубым воображением в область незримого мира и сохраняет ум свой «безвидным», по выражению святых подвижников. На вопрос моего читателя относительно значения святых икон полстолетия тому назад ответил покойный автор «Аскетических опытов», известный подвижник епископ Игнатий Брянчанинов. «Святые иконы, – пишет он, – приняты святою Церковью для возбуждения благочестивых воспоминаний и ощущений, а отнюдь не для возбуждения мечтательности. Стоя пред иконою Спасителя, стой как бы перед Самим Господом Иисусом Христом, невидимо вездесущим и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится; стоя пред иконою Божией Матери, стой как бы пред Самою Пресвятою Девой, но ум твой храни безвидным: величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу, или – воображать Господа. Ощущение присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе, – душу приводит в ложное состояние – состояние самообольщения».

Вот что говорит муж высокого опыта духовного и говорит не от себя, хотя мы не сомневаемся, что и сам он на опыте все это изведal, – но говорит на основании опыта и писаний святых и богоносных отцов. «Самый опасный, неправильный образ молитвы, – пишет он в другом месте, – заключается в том, когда молящийся сочиняет мечтательные картины (а начинается это именно с мечтательного воображения Господа и святых Его), заимствуя их, по-видимому, из Священного Писания, в сущности же из своего состояния падения и самообольщения; этими картинами льстит своему самомнению, своему падению, своей греховности, обманывает себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, не существует на самом деле, есть вымысел и ложь, столь сродные и свойственные падшему ангелу. Мечтатель с первого шага на пути молитвенном исходит из области истины, входит в область

лжи, страстей, греха, сатаны. Св. Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ее так: «Он воздымает к небу руки, глаза и ум, воображает в уме своем божественные совещания, небесные блага, чины святых ангелов, селения святых, короче, собирает все, что слышал в Божественном Писании, в воображении своем, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо и всем этим возбуждает душу свою к божественному желанию и любви; иногда проливает слезы и плачет. Таким образом, мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтобы сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это – признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не сойти с ума и не сделаться сумасшедшим. Если же и не случится с ним этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовного разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония обонянием своим, слышавшие гласы ушами своими. Одни из них возбесновались и переходили умоповрежденными с места на место; другие приняли беса, преобразившегося во ангела светлого, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от кого из братии; иные из них, подучаемые дьяволом, убили сами себя; иные низверглись в пропасти, иные удавились... Вот какой вред происходит от этого образа молитвы», – заключает св. Симеон.

Вот что значит давать волю своему воображению во время молитвы, скажем и мы.

Достоинно внимания вот что: в нашей Православной Церкви, милостию Божией, еще хранится священное предание о том, как творить Богу угодную и спасительную молитву; а отпадшей от единения с нею церковью западной, латинской, по-видимому, оно совсем утрачено и подменено мечтательной молитвою и состоянием прелести, как это видно из жизнеописаний всех западных святых после отпадения Запада от Востока. Прочтите, например, сказания о жизни Франциска Ассизского: там сплошь – все состояния прелести, принимаемые и самим Франциском, и

его почитателями за состояния благодатные. Это отобразилось даже в религиозном искусстве: в то время, как православная икона, особенно написанная в духе древних преданий церковных, не увлекает воображение в область мечтательного натурализма: эти тонкие линии, прямые черты, высокие темные фигуры, как бы только условно напоминающие живых людей, почти не способны увлечь воображение, разжечь фантазию, – живопись латинская пленяет красотой внешних, телесных форм и быстро овладевает воображением, способствуя тем мечтательной молитве. Это, конечно, отображается и в литературе, особенно духовной, в латинской церкви. Даже такие, уважаемые у нас книги, как «Подражание Христу» Фомы Кемпийского, по отзыву опытных в духовной жизни писателей наших, каков затворник епископ Феофан, написаны из «мнения», то есть в состоянии мечтательности, близкой к состоянию прелести.

В житиях святых можно видеть много примеров погибельного состояния прелести от неправильной молитвы; встречаются они и теперь как в монастырях, так и среди мирян. Епископ Игнатий Брянчанинов приводит такие же примеры из современной жизни. Он рассказывает об одном чиновнике, который при молитве постоянно видел свет от икон, слышал благоухание, чувствовал во рту необыкновенную сладость и т.д. Когда этот молитвенник рассказал об этом монаху, то монах спросил его: «Не приходила ли вам мысль убить себя?» – «Как же, – отвечал чиновник, – я уже был кинувшись в Фонтанку, да меня вытащили». Оказалось, что чиновник употреблял упомянутый способ молитвы, разгорячал свое воображение и кровь, при чем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию, действие, и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Монах стал уговаривать чиновника, чтобы он оставил употребляемый им способ молитвы. С ожесточением воспротивился чиновник совету его. «Как мне отказаться от явной благодати?» – говорил он. «Когда чиновник ушел, я, – пишет преосвященный Игнатий, – спросил

монаха: с чего пришла ему мысль спросить чиновника о помысле самоубийства? Монах отвечал: «Как среди плача по Богу приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовскою прелестию, приходят минуты, в которые эта прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти минуты ужасны! Горесть их и производимое этою горестию отчаяние – невыносимы! По этому состоянию, в которое приводит прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Но увы! начало прелести – гордость, и плод ее – преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя причастником божественной благодати, почти всегда презирает совет ближних, как это заметил св. Симеон».

Рассказывает также епископ Игнатий об одном афонском иеросхимонахе, которого он просил научить его молитве. «Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником, – говорит он, – и – о ужас! с величайшим разгорячением начал мне передавать способ восторженной мечтательной молитвы. Вижу: у него разгорячены и кровь, и воображение, – он в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине учащегося, предлагать ему учение св. отцов о молитве, указывая его в «Добротолюбии» и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он вовсе незнаком с учением св. отцов о молитве. В беседе говорю ему: «Смотри, старец: будешь жить в Петербурге, никак не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем». – «Отчего так?» – спросил афонец. «Оттого, – отвечал я, – что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга на Афон и они понесут тебя из верхнего окна да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижнего, то только ушибешься». – «Представь себе, – отвечал афонец, – сколько раз, когда я стоял на молитве, приходила мне живая мысль, что ангелы восхитят меня и поставят на Афоне!» Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи и чувствует в теле

такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. Я стал просить афонца, чтоб он испытал способ, преподанный св. отцами, заключающийся в том, чтобы ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению св. Иоанна Лествичника, в словах молитвы, причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк подвижник: «Ум, неразвлеченно молящийся, утесняет сердце: сердце же сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Когда же ты испытаешь над собою, сказал я афонцу: то и мне сообщи о плоде опыта, потому что самому мне предпринять такой опыт неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой. Афонец с охотой согласился. Через несколько дней приходит он опять ко мне и говорит: «Что ты со мною сделал»? – «А что?» – «Да как я попробовал молиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним». Далее в беседе с афонцем я не увидел той самонадеянности и дерзости, которые были заметны в нем при первом свидании. Я посоветовал ему не отличаться наружностью от других, потому что это ведет к высокоумию, и он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он еще раз был у меня и сказывал, что жар в теле его прекратился, что он нуждается уже в теплой одежде и гораздо более спит. Искушение таким образом кончилось».

Случалось и мне встречать примеры такой прелести среди самочинных подвижников неправильной молитвы. Лет двадцать пять тому назад, в Троицкой Сергиевой Лавре был послушник, слепец от рождения, звонарь по послушанию. Он и жил на колокольне, под колоколами. Ходил он ко всем, службам исправно, жил крайне воздержанно, утрени никогда не просыпал, словом – был усердным послушником. Однажды он открылся духовнику, что «видит все, что совершается в монашеских кельях по ночам». – «Как же ты видишь, когда ты слеп, и притом живешь на колокольне?» – спросил духовник. «Сижу в келье, – говорит послушник, – и брожу мыслию по кельям и вижу, кто что делает». – «А как ты молитву творишь в

келье? Какое исполняешь правило?» – «Кладу каждую ночь по тысяче поклонов», – отвечал тот и рассказал способ молитвы мечтательной. Тогда старец строго запретил ему творить поклоны самочинно, разъяснил опасность того способа, какой он употреблял, и дал заповедь: творить не больше десятка поклонов сверх положенного ему от духовного правила. Прошла неделя какая-нибудь, и послушник является к духовнику. «Отче, – говорит, – что со мною случилось? Я уже не вижу ничего, что по кельям монахи делают, я не могу себя принудить положить те поклоны, какие ты заповедал». Так закончилось искушение сего брата. Но не всегда кончается дело так благополучно. Иные и с ума сходят, и видения видят, и самоубийством кончают...

Вот почему следует строго держаться правила молитвы, которое епископ Игнатий выражает такими словами: «Ум во время молитвы должно иметь и со всею тщательностью сохранять безвидным, отвергая все образы, рисующиеся в способности воображения, потому что ум в молитве предстоит невидимому Богу, Которого невозможно представить никаким вещественным образом. Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемою завесою, стеною между умом и Богом». – «Те, которые в молитвах своих не видят ничего, видят Бога», – сказал преподобный Мелетий Исповедник.

«Самый простой закон для молитвы, – пишет святитель-затворник Феофан, – ничего не воображать, а, собравшись умом в сердце, встать в убеждение, что Бог близ, что Он видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам».

О слезах спасительных и опасных

Мой добрый читатель пишет мне: «Вы говорите: «Не должно гоняться за умилительными слезами при молитве». Да ведь когда раскрываешь свою грешную душу на молитве пред Вседержителем, слеза умиления невольно изойдет. В чем же тут опасность для человека? Зачем же думать, что если я прослезился при молитве, то молитва стала уже угодна Богу? Нужно сознавать свою духовную немощь: это-то и может

вызвать у сокрушенного сердца покаянную слезу и сознание своей греховности. Какая же будет молитва, когда я, не настроив себя молитвенно, не смогу вообразить, что я стою пред Господом, Которого только по греховности моей не могу видеть, но Он видит меня и душу мою...»

Не знаю, что смущает писавшего сии строки. Ведь большая разница сказать: «гоняться за умильными слезами», то есть искусственно как бы выжимать их из своих очей, и сказать: «Слеза умиления невольно изойдет». В последнем случае, конечно, нет опасности, если при такой слезе человек скажет себе: «Вот как непостоянно мое молитвенное настроение: сейчас будто слезинка канула из грешных очей, а час назад полонили и через час потом опять заполняют грешные мысли мою душу... Минутное, только минутное движение сердечного чувства – как же я духовно немощен, грешен, непостоянен!»... Да, при таком настроении сокрушенного сердца – пусть льются эти сладкие невольные слезы! Блаженны такие плачущие! Хорошо и то, если грешник при этом «стоит пред Господом», – стоит, но не воображает, не рисует себе в фантазии Его лик, Его образ. Вот этого воображения, как я писал в предыдущем дневнике моем, надо остерегаться. И смущаться тем, что говорят св. отцы, а согласно с их благодатным словом и мы, грешные пастыри Церкви, не подобает. Если не все понятно – надо смиряться, а не смущаться, ибо смущение святые отцы называют «вражескою колесницей». Оно свидетельствует о недостатке смирения в душе смущающегося: смиренный, говорят св. отцы, не смутится, если и небо упадет на землю...

Теперь о слезах. Всякие бывают слезы. Бывают слезы благодатные: это роса благодати Божией, на смиренное сердце сходящая. Само собою понятно, что это – слезы спасительные. Кто познал свою нищету духовную, кто видит пред собою грехи свои, тот не может не плакать над сим духовным мертвецом своим. Такими слезами плакал Адам у дверей потерянного рая; такими слезами плакала блудница у ног Христовых и Петр после минутного отречения от Христа Спасителя в ночь спасительных страданий Господних... Такими слезами оплакивали свои грехи все грешники кающиеся, в покаянии к Богу обращающиеся. О,

если бы Господь послал и нам эти слезы – жемчужины, собираемые нашими Ангелами-хранителями и приносимые к престолу Божию, как благоуханный фимиам, как чистая жертва любви к Тому, Кто не только слезы, но и кровь Свою пролил за спасение наше! И были такие рабы Божий, которые всю жизнь проводили в таких слезах покаяния, которые говорили себе: пред тобою лежит мертвец – душа твоя, умерщвленная грехами, она дороже для тебя всего мира: как же не плакать о ней? И плакали, и одному из таких плачущих явился Сам Господь в сонном видении и сказал: «О чем ты плачешь и скорбишь?» – «Как же мне не плакать, Господи, – отвечал он, – когда я столько оскорбил Тебя?» Тогда Спаситель положил руку Свою на сердце его и сказал: «Не скорби; поскольку ты сам оскорбил себя, за это Я не оскорблю тебя. Ради тебя Я кровь Мою пролил, а потому и помилую тебя, как всякую душу кающуюся». Но эти слезы – дар Божий душе кающейся, дар от Того, от Кого всякое даяние благое. Кто дает и молитву молящемуся, и покаяние ищущему истинного покаяния. Никогда смиренный сердцем и не припишет таких слез своему настроению, никогда не станет ставить их себе в какую-либо заслугу, он просто не будет и думать о том, что он воздухом дышит. Послал Бог слезинку – поблагодари Его мысленно за сие утешение; не посылает – благодари Его паки за Его благое промышление, ибо, по словам преподобного Иоанна Лествичника, есть и богоугодный плач, «с которым часто сплетается гнуснейшая слеза тщеславия», конечно, тонкого, для неопытных в духовной жизни не приметного но тем не менее душевредного и опасного. У сего великого учителя покаяния, в его Богом вдохновенной «Лестнице», есть большое слово, состоящее из 70 глав, в которых он подробно говорит о плаче во всех его видах. Между прочим, он пишет: «Благий и праведный наш Судия, как во всем, «так, без сомнения, и в плаче судит по мере сил естества; ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не по слезам. Думаю, что и Бог так же судит». Преподобный Иоанн называет покаянный плач

матерью добродетелей, но тут же говорит: «Велика злоба врагов наших, так что они матерей добродетелей делают матерями зол и средства к достижению смирения превращают в источник гордыни. Я видел, что у некоторых и в городах, и среди молвы возбуждаются слезы. Это бывает по злоумышлению лукавых бесов, чтобы мы подумали, будто никакого вреда не получаем от этой молвы, и чтобы сближались с миром». Конечно, тут речь у св. отца о монахах, но опасность есть и для мирян: «Сие на опыте узнаем, – говорит он, – когда увидим, что плачем и в то же время предаемся гневливости». Вот почему и должно остерегаться слез, искусственно в себе возбуждаемых: не самые слезы приятны Богу, а наше покаянное настроение, наше сердце сокрушенное и смиренное, которое Он никогда не отринет. «Не верь слезам твоим, – говорит св. Лествичник, – прежде совершенного очищения от страстей; ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключено в сосуд». «Не выжимай из себя искусственно слез», – писал некогда святитель Филарет своему другу архимандриту Антонию.

Такие слезы могут привести к самообольщению. Глубоко сердце человеческое, говорит св. Писание, и незаметно подкрадывается к нему враг и скрадывает его. Всегда есть опасность принять явление простой слабонервности за благодатные слезы: так лучше, безопаснее принять иногда и благодатную слезу умиления, считая себя недостойным такого прикосновения благодати, за слезу естественную, чем наоборот. А главное: побольше смотреть на грехи свои, не мерять себя, не думать о том, до какой степени ты дошел в духовном устройении, а задняя забывая, в передняя простираться, свое сердце очищая от тех мерзостей, какие въелись в него, как ржавчина в железо, и помнить, что в очах Божиих кающийся грешник – мытарь неизмеримо выше самодовольного праведника – фарисея, любующегося на свои мнимые совершенства. Если бы и было что у тебя доброе, то поскорее постарайся забыть это, а тем более что и это ведь не твое, а все Божие, от Бога, Богом же через тебя соделанное. Богу и предоставь помнить это, а смотри на свои грехи, вот это – твое, твоя собственность, от которой надо всячески отделаться. Ведь

если иметь храбрость, не давая воли своему самооправданию, взглянуть в лицо всем безобразным формам своих беззаконий, то какая печальная картина представится пред тобою! До того ли будет, чтоб любоваться теми ничтожными искорками добра, вроде слезинки умиления во время молитвы? До того ли, чтоб замечать грехи твоего ближнего? Самая мысль о чужих грехах будет противна тебе, как о чужом тяжком бремени, когда у тебя нет сил нести свою тяжелую ношу! А чтобы такое настроение было прочнее, молись Господу: даруй ми зрети моя прегрешения и покрой от очей моих лукавых грехи братии моих! Чаще беседуй с отцом твоим духовным, старайся достигнуть такой степени самоосуждения, чтоб последний злодей, влекомый на казнь, казался тебе святым в сравнении с тобою. Углубляй в себе, как говорит святитель Феофан-затворник, чувство и убеждение в своем непотребстве и безответственности пред Богом. Когда почувствуешь себя проникнутым таким убеждением, как бы растерзанным в сознании своего беззакония, тогда поймешь, что такое раскаяние. Раскаяние настойчиво потребует от тебя очищения совести спасительным таинством покаяния и исповеди. «Искреннее сокрушение Бог подает, – говорит епископ Феофан, – и молить Его надобно о сем всеусердно, не переставая однако же и своими усилиями вызывать сокрушительные чувства. Устыди себя пред людьми, ангелами и святыми, подосади на себя за оплошность, поскорби за себя ради потерь, причиненных грехом, поболей, что оскорбил Бога, не престававшего изливаться на тебя Свои милости и тогда, когда ты работал греху, устраши себя горькою участию, ожидающею тебя в будущем и тогда – поплачь обо всем, если Бог подаст слезы. Сокрушение слагается из всех этих чувств, из коих каждое, в настоящей силе, то же для сердца, что удар молота для камня. Сокрушился? Благо тебе, но надобно же подумать и о том, чтоб поправить свое горькое состояние. Это производится решимостью – не ходить более теми путями, которые довели до него. Все тут в двух словах: «Согрешил, не буду». Но во всех видах раскаяния надо доходить до причин уклонения от правоты и придумывать: как чего избежать вперед, чтобы, когда

будет произноситься: «Согрешил, не буду», ясно было, что и как будет делаться потом.

Вот истинный путь к покаянным слезам! Но опять скажу: все дело, вся цель деяния сего – не в стяжании собственно слез, а в покаянном настроении, в сокрушении кающегося сердца. А слезы суть лишь проявление сего сокрушения. Пошлет Бог сей сладостный источник – слава и благодарение Ему, приими рукою смирения, а не пошлет – укори себя, яко недостойного, за черствость сердца твоего и сие самоукорение Господь примет яко источники слез.

Строгость закона во имя любви

Пьянство – исконный порок русского человека. Нет нужды говорить о том, как оно губит, отравляет, развращает и душу и тело, нет нужды доказывать, что от него может в конец погибнуть и Русское государство. Слава Богу, хотя и поздно, но на все это обращено внимание: в высших государственных учреждениях вот уже пять лет, даже больше, обсуждаются меры борьбы с пьянством, а с высоты Престола последовало властное указание – изменить всю финансовую политику так, чтоб она не строилась на доходах от этого порока. Слава Богу: заря занимается, начало полагается; дал бы только Бог мужества и духа разума составителям законов пойти прямолинейно навстречу народному горю, избежать гипноза лживого либерализма, фальшивой гуманности, понять психологию и логику простого русского человека и не допустить к святому делу отрезвления народа его тайных и явных врагов, которые могут отравить его, взамен алкоголя, духовным ядом – похуже алкоголя...

К сожалению, внимательно наблюдая за ходом суждений по вопросу о борьбе с пьянством, нельзя не заметить, что все такие пожелания и опасения имеют свои основания. В самом деле: мне кажется, что в своих рассуждениях о борьбе с пьянством составители законов как будто ходят вокруг да около этого большого вопроса, а прямолинейно подойти к самой сути его как будто боятся. Обсудили, например, «Законопроект об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже

крепких напитков, постановлений»; приступили к обсуждению «Законопроекта о преобразовании попечения о народной трезвости», – что все это, как не хождение вокруг и около вопроса о пьянстве? Деревня тревожно прислушивается к этим суждениям, проверяет их по-своему, прилагая к жизни своей, и решает: «Нет, это вовсе не то!». Вот что пишет мне один священник, внимательно наблюдающий деревню и все, что она говорит: «Сыплются у вас там, в Питере, трескучие речи, указываются разные виды борьбы с пьянством, но ни один голос не указал на более целесообразную меру, а если и указал, то не договорил и вопрос этот долго-долго еще будет вращаться в беличьем колесе. Если причины такой неудачи в решении его не понятны жителям столицы и губерний (губернских городов), то они весьма понятны жителям деревни, которые стоят лицом к лицу с этим злом. Невольно думаешь, что столичные ораторы или не русские люди, или вовсе незнакомы с укладом русской жизни и русского духа. Вопрос же этот решает сам простой русский человек. Почему русский человек от мала до велика пьянствует? Потому, что можно пить безнаказанно. Я хочу и пью, а тебе и кому другому до этого дела нет. Так, а если ты пьяный безобразничаешь, оскорбляешь жену, семью, стариков родителей, задеваешь проходящих по улице – зачем ты это делаешь?.. В этом-то и вся суть дела: если я выпью и лягу спать, меня никто не видит; если я пойду на улицу и площадь – меня все увидят, и уже повеличаюсь я тогда!.. Я «свободен», и никто мне не указ, а кого хочу разделать, так уж берегись! А если бы за безобразия, чинимые на улице, строго наказывали, тогда и пить охоты не было бы, да не будет резона пить и дома. Таково глубокое убеждение, высказываемое откровенно простым русским человеком».

Такова уж психология русского человека. Он пьет, чтобы развернуться во всю ширь своей натуры, чтобы дать волю своей удали, чтобы снять с себя некоторым образом те нравственные узы, какими он чувствует себя связанным в трезвом виде, хотя бы эти узы были и не особенно высокого нравственного качества: например – страх полиции и стыд человеческий. В пьяном виде в нем просыпается животный

инстинкт, теряется духовное равновесие и он, по слову псалмопевца, действительно, уподобляется скотам несмысленным. Ему нравится не вкус водки: ведь он морщится, когда пьет ее, – нравится ему состояние опьянения и вот это «ослабление задерживающих центров», как говорят врачи, когда он воображает, что «ему все можно»... Понятно, что отсюда и хулиганство во всех его видах: что у трезвого на уме, говорит пословица, то у пьяного на языке. Что в трезвом состоянии таится на дне грешной души, что сдерживается совестью, стыдом, страхом Божиим и человеческим, с чем человек борется и, при помощи благодати Божией, побеждает, то все у пьяного прорывается наружу и проявляется в самых уродливых формах пьяного безобразия и всевозможных преступлений. Пьяный человек – безоружный пленник пороков. А между тем пьянство захватило все сословия, оба пола, все почти возрасты, кроме разве младенческого. «Пьет интеллигент, студент, гимназист, ученик городского и сельского училища, пьет мещанин, рабочий, крестьянин»...

Невольно возникает вопрос: можно ли ограничиться в борьбе с таким губительным пороком такими средствами, какие предлагаются в законопроектах, касающихся пьянства, какие рассматриваются в Г. Совете? Все эти чайные, читальни, дешевые столовые, ночлежные дома, так называемые развлечения: театр, гимнастика, световые картины, кинематографы, разные чтения и пр. – все это, в сущности, сводится к отвлечению от водки, но на слабую волю человека, уже поработившегося страсти, едва ли подействует в должной мере: слишком уж вошел в плоть и кровь нашего народа этот порок, чтоб можно было много надеяться на столь «благородные» средства борьбы с ним. Надо прежде всего воспитать в народной душе представление об опьянении, как о позорном деянии, как о преступлении против закона, строго караемом не только общественным мнением, но и самим законом. Вот чего ждет, вот чего просит деревня. Мне пишет тот же священник: «Если бы законодательные учреждения сказали бы: пей, сколько угодно, а пьян не бывай!» – получилась бы иная картина. Каждый скажет: «Коли пить только дома, а на

людях не порисоваться, то не стоит овчинка и выделки, – лучше совсем ее, проклятую, не пить!» Я исключаю больных запоем, пьющих в большинстве случаев скрытно и украдкой. Положение дела говорит само за себя. Необходим закон, строго карающий поведение пьяных и их появление в публичных местах: площади, улицы, вагоны, станции, волостные и сельские правления, аптеки и пр. Мне знакомы такие факты. В деревне есть известный пьяница и хулиган, никогда не отходящий от монополюшки. Хвативши изрядно, он идет домой и проходит мимо зажиточного мужика, имеющего четырех взрослых сыновей. Проходя мимо, хулиган начинает кастить его отборною бранью за то, что тот не дает ему на «магарыч». Надоело мужику выслушивать ежедневно оскорбления, засел он с четырьмя своими молодцами в укромном местечке, подстерег хулигана, – и всыпал ему и в зубы, и в губы. Проходит после того день, другой, неделя, – не видно и не слышно хулигана. Поинтересовался мужик о его судьбе у соседей, а те и говорят ему: «Спасибо, родимый, что поучили: как сто бабок пошептали: идет каждый день пьяный, да только ругается уж тогда, когда отворит в своем дворе калитку». Другой хулиган, не дававший всей деревне покоя, как-то вечером догнал своего родственника, повалил его на землю и начал душить, сдавливая ему горло и пичкая в рот землю. Родственнику удалось кое-как освободиться, и он убежал домой. Минут чрез десять явился к нему и хулиган с топором и стал рубить тому спину и плечи. Хозяин схватил попавшиеся под руку железные вилы и, обороняясь, всадил их в грудь хулигану... К истекающему кровью был приглашен священник, который, со скорбью, спросил его: зачем он напал на хозяина? Хулиган спокойно ответил: «Если бы я знал, что он заколет меня вилами, то и топора в руки не взял бы».

Ясно, что деревня просит закона, усиливающего наказание за преступления, совершаемые в пьяном виде, закона, карающего самое появление пьяницы вне своего дома. Что делать? Приходится прибегать к мерам строгости там, где бессильно нравственное воздействие. Надо воспитывать народ, особенно молодежь, в новых понятиях относительно самого

состояния опьянения. Ныне говорят: «Пьян да умен – два угодыя в нем»; надо, чтоб говорили: «Умен, но пьян: никуда не годен».

Мне могут сказать: не дело архиерея возбуждать вопросы о строгостях закона; он – представитель Церкви, а Церковь должна проповедовать всюду любовь, и только любовь, а не кары закона.

В ответ на это я напомним, что еще 900 лет тому назад именно Церковь, а не кто другой, ходатайствовала о восстановлении даже смертной казни пред мягкосердым князем Владимиром, который уничтожил было смертную казнь. Тогдашние святители не убоялись сказать правду властителю Русской земли, что такая отмена преждевременна. Усилились-де разбои на земле, и житья не стало честным людям.

И в наши дни усилились беззакония на Русской земле от пьянства; надо пожалеть тех, кто невинно страдает от пьяниц, особенно жен и детей. В защиту этих-то невинных страдальцев и возвышаю я свой голос: если меры нравственного воздействия не в силах сократить пьяный разгул и преступность от пьянства, то надобно усилить строгость закона против сего зла. Я напоминаю слово одного мудреца: «Чем мягче законы, тем грубее нравы». Пусть лучше будут законы построже, только бы нравы были помягче!

Уготовим себя к подвигу!

Все мысли, все сердца русского народа теперь сосредоточены на том великом испытании, какое было благоугодно Господу ниспослать нам для нашего вразумления, для нашего наказания, для нашего очищения от всех тех духовных нечистот, какими пропиталась духовно-нравственная атмосфера нашей жизни. Последние годы мы жили как бы окруженные каким-то ядовитым туманом: чтобы рассеять, разогнать этот туман, Господь и попускает нам скорбь велию – эту ужасную общеевропейскую войну. И верится, что она сделает свое дело, что туман рассеется и над Русской землей снова засияет яркое солнце Божией правды, Божия благословения и православного смирения, как это было встарь!

Газета «Вечернее Время» запросила меня, что я думаю о современных событиях, о смысле войны и пр. Я ответил кратко: «Совершается суд Божий над народами земли».

Немцы согрешили гордынею – грехом сатаны. Много согрешили и мы пред Богом. Но грянул гром, и мы ограждаем себя крестным знаменем. В народе заметно заговорила совесть. Он вспомнил Бога. Те нравственные начала, которые глубоко заложены в основу народной души родною Церковью, несмотря на сильный на них натиск со стороны темных сил, еще живы, еще могут вспыхнуть ярким пламенем и очистить народ от греха. И вот Бог посылает народу великий крестоносный подвиг: полагать душу свою за страждущих братьев по вере и по крови. Подвиг очистит и обновит народ. Это – общий нравственный закон.

Народ чувством сердца понимает это и с преданностью в волю Божию возлагает на свои плечи тяжелый крест. Дал бы Бог, чтобы поняли наши передовые люди великий смысл грядущего подвига! В помощи Божией мы не сомневаемся: славянские народы, доселе поработанные тевтонам, будут освобождены от тяжкого нравственного ига. Сице верую, сице уповаю!

Моя мысль, откровенно говорю, сосредоточивается не столько на ходе внешних событий, сколько на проявлении внутренних настроений в разных слоях народной массы. Все дело теперь в том, чтобы народ оглянулся на себя, на свои немощи, на свои грехи и постарался исправиться, покайся пред Богом. И не один простой народ, нравственно опустившийся, но и его верхние слои, начиная с средних классов. Бога забыли, от Церкви отвращаются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество... И вот, наблюдая из тишины своей кельи, с отрадою я замечаю, что как будто есть некоторый поворот к лучшему, есть признаки некоторого отрезвления, просветления. И слава Богу. И сказать ли?.. Если бы Богу было благоугодно ввести нас в большой подвиг временным над нами успехом врага, то и на сие мы должны быть готовы: да будет воля Твоя, Господи милосердый! Но непусти нас впасть в уныние и сотвори со

искушением и скорое избытие. Так бывало в нашей истории, в; достопамятных годах 1612 и 1812. Тут приложим физический закон: чем сильнее пламень, тем лучше закаляется сталь; чем бедственнее, до степени, Богу ведомой, всенародное испытание, тем более очищается народная душа. Бог лучше нас ведает, какое врачество потребно для нашего очищения и духовного обновления. Наше дело предать себя Богу, внимать Его гласу в грядущих событиях, каяться, просить помилования и идти к выполнению того великого подвига, на какой Он зовет нас. Предавая себя всецело воле Господней, веровать должно, что непреложно слово Христово: «Елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Просите и примете». (Иоан. 16, 23, 24.) А совесть наша свидетельствует, что просим у Господа не худого: просим мира всему миру, просим Его помощи в борьбе с врагами Его Церкви святой, просим нашим братьям свободы от гонений за веру православную, за любовь к родному своему народу. Мы просим у Бога милости, но тогда и сами должны широко оказывать милость нуждающимся в милости. Таков у Господа закон: просишь прощения? Прежде сам прости. Просишь милости? Прежде сам помилуй, смилуйся, окажи милость. Сжался над теми, которые изранены, изуродованы на поле брани: помоги, чем можешь, святому делу забот о раненых воинах. Смилуйся над их беспомощными семьями: сколько вдов и сирот теперь будет оплакивать своих отцов и мужей, душу свою положивших на поле брани! Сколько матерей, оставленных воинами без пропитания, может быть, без приюта! О, поистине, различен милования образ, по слову святого Златоуста, и широка заповедь сия!

И сие широкое поле благотворения открывается пред нами милостию Божией, дабы мы сами заслужили сию милость, Самому Богу подражая в милосердии. «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут». И – суд без милости не сотворшему милости!

Выступление гордыни и подвиг любви

Притча Христова говорит, что хозяин сеял пшеницу, а среди пшеницы появились и плевелы. Слуги предлагали ему выполоть

плевелы, но он не позволил, жалея пшеницу, которую легко было вырвать с плевелами.

Господь щадит и грешников ради праведных и готов был пощадить преступные города Содом и Гоморру, если бы там нашлось хотя десять праведников. Пока грех поработывает себе отдельные личности, пока он не становится характерною чертою целого народа, дотоле Господь терпит грешникам, дотоле не губит их со беззакониями их. Но когда грех становится стихией народной жизни, когда им заражаются, ему поработываются, им хвалятся, как каким-то достоинством, как национальной добродетелью, уже не только отдельные лица, но и массы народные, тогда – наступает час суда Божия и изливается на народ пламенный фиа́л гнева Божия.

И прежде всего над таким народом исполняется древнее изречение: кого Бог хочет наказать, у того отнимает ум. Он теряет способность здраво рассуждать, он смотрит на все в те очки, какие подставляет ему его национальный порок он все явления окружающей его жизни видит, оценивает, старается истолковать и использовать как средство служения обуревающей его страсти. И ему кажется, что он думает и действует разумно, законно, что лучше нельзя и действовать. А со стороны изумляешься его ослеплению, его помешательству на своей страсти.

Пример такого всенародного греха у нас пред глазами. Народы германского племени помешались на идее всемирного господства, и вот, в наши дни, весь мир возмущен их гордынею, и нет уголка на земле, где эта гордыня не заставляла бы, по крайней мере, говорить о себе, а десять держав, великих и малых, уже составили союз, чтобы смирить буйного помешанного тевтона, и к сим державам, возмущенным высокомерием немцев, шлют свое сочувствие, а может быть, в потребную минуту и примкнут содействием многие не только, христианские, но и языческие народы: так всем стала ненавистна гордыня немецкого народа, обуянного сатанинским грехом!

И вот мы являемся свидетелями поразительного явления. Мы как будто переживаем события, предсказанные в

апокалипсическом откровении: так все необычно, так все неожиданно и непредвиденно!

С одной стороны два государя, один, считающий себя преемником преданий благородного рыцарства, честности, лучших заветов средневекового западноевропейского христианства; другой, носящий титул «апостолического величества», величающий себя «христианнейшим» среди христианских государей, – два государя и их – в сущности один, с ними единомысленный народ немецкий, гордящийся своею наукою, своим просвещением, считающий себя носителем культуры и цивилизации, – государи, как представители сего народа, и народ, как исполнитель их воли, объединились ненавистию к разрозненным, ими же угнетаемым народам только за то, что эти народы не принадлежат к их роду-племени, исповедуют христианскую веру не в том виде, как исповедуют они, хотят говорить на родном языке, не хотят, да и не могут превратиться в немцев... Но за этими народцами стоит великий их старший брат, исполин – народ Русский, и вот вся сила злобы, ненависти обрушивается на этого могучего заступника угнетенных народностей, и начинается война... Страшная, едва ли в летописях мира бывалая война.

Много и мы, русские, согрешили пред Богом. Быть может, мы, как мытари времен Христовых, и поделом заслужили Божие наказание: в нашей истории, подобно истории древнего избранного народа Божия, так часто проявлялись судьбы промысла Божия, то наказующего, то милующего, что самая история народа неразрывно сплетается с судьбами Церкви Божией на земле. И народ наш привык смотреть на все бедствия очами веры: то нашествие татар, то – поляков и литовцев, то – французов, а теперь – немцев – все это народ принимает, как Божие наказание за народные грехи: за уклонение от заветов отцов, от заветов матери – Церкви, за пьянство, нравственную распущенность; и, сознавая это, народ кается, подобно ниневитянам, подобно евреям лучших времен их исторической жизни; и Господь внимлет всенародному покаянию и, по ходатайству родных нам не только по вере, но и по крови угодников Своих, милует нас и паки возвращает нам

Свое благоволение, и Русь паки обновляется и народ паки служит Богу отцов своих. Но есть грех, так сказать трудно поддающийся покаянию как в личной, так особенно в государственной жизни, это – грех гордыни. Наш Русский народ – дети православия, а основная стихия православной жизни есть смирение. Русскому народу чужда национальная гордыня: для русского человека и немец, и француз, и всякий другой иностранец, даже и некрещеный еврей, татарин и даже – язычник – все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды, когда они не обижают, не следует – грешно, не по-божьи. Вот почему даже с пленными врагами – турками и японцами – наши русские люди всегда обходились миролюбиво, сохраняя достоинство христианина, и это миролюбивое настроение русской души не только проявлялось, например, в добрых отношениях русского солдата к врагу во время перемирия или в отношении к пленным, когда солдат делился с пленным последним куском своего хлеба, но и в тех крайностях, с которыми нельзя мириться, когда, например, наши интеллигенты брали пленных французов в гувернеры к своим детям или наши дамы подносили цветы пленным туркам: это уже уродство какое-то! Мы знаем и помним, ибо этому учит нас мать наша Церковь православная, – что всякая гордость есть грех, – мы радуемся, мы счастливы, мы благодарим Бога, что мы – русские, но не гордимся этим: это милость Божия, за которую, мы и благодарим Господа. Внимая судьбам Божиим, проявляемым в истории нашей Руси православной, мы с благоговением и смирением видим, что Господь зовет наш народ и ныне на святое дело – не только освободить наших братьев славян от духовного порабощения немцам, от пленения их неправославною культурой Запада, от вытравления в них тех начал, какие заложены были нашими первоучителями Кириллом и Мефодием равноапостольными, – но и самому Западу показать, если только он захочет познать, сокровище православной духовной культуры нашей, всю красоту ее, всю ее животворность для человеческого духа. Все это задачи будущего, может быть, очень и очень не близкого, и ко всему этому мы должны еще готовиться и готовиться не покладая рук:

до гордости ли нам? До того ли, чтобы мерить себя и высоко о себе мудрствовать? Помог бы Бог, хотя в некоей малой мере, выполнить поставленную нам промыслом Божиим задачу.

В целях народных, в их жизни и истории, повторяются законы духовной жизни отдельных лиц. Известно, что святые Божии, чем выше поднимались по ступеням духовной жизни, чем более приближались к Богу, тем более смирялись, считали себя как бы полными нулями в среде людей, и за то Бог избирал их орудиями Своей Божественной жизнедеятельности в человечестве и даже облакал их силою свыше творить чудеса. Прилагая этот закон к жизни народов, можно сказать: чем более наш народ будет смиряться, всецело вручая себя Богу, сознавая, что без Божией помощи, без Божия благословения он не может исполнить возложенного на него промыслом Божиим дела, тем скорее придет к нему эта помощь Божия. Такие великие праведники, как покойный отец Иоанн Кронштадтский, совершая своею молитвою чудо исцеления, всячески гнали от себя самую тень мысли, будто они тут «при чем-то»: все – Бог, все Его сила благодатная да вера тех, кто просил их молитв. А они – они ничто, только свидетели сей чудотворящей веры, привлекающей силу Божию. Не то же ли бывает и с народами – исполнителями судеб Божиих? Когда Моисей воздевал руки в своей пламенной молитве во время битвы евреев с амаликитянами в пустыне, тогда евреи брали верх; когда же опускал руки, то брали верх амаликитяне. Поднятие рук – символ крепкой, всепобеждающей веры, возносящей к Богу ум и сердце молящегося пророка и низводящей от Бога чудотворящую силу Божию, поражающую врагов. Подобно Моисею и святая Церковь ныне непрестанно воздевает свои руки, простирает к Богу свои горячие молитвы в то время, когда Русский народ, в лице своих воинств, выступает против нового Амалика, в гордыне своей возносящегося превыше облак небесных и беспощадно, зверски истребляющего беззащитных жителей и даже детей, имевших несчастье быть застигнутыми в своих местах пребывания. Сердце обливается кровью, когда читаешь об этих зверствах. Справедливо говорит один публицист: «Ничем иным, кроме поразительного безбожия и

потери совести (без Бога – какая уж совесть!), нельзя объяснить чудовищных случаев насилия, проявленного немцами над несчастными нашими соотечественниками, среди мира захваченными ими в плен. Исчерпаны все виды издевательства, брани, побоев, лишения свободы, томления голодом, оплеваний, истязаний. Исчерпано воровство, ложь, клевета, ограбление церквей и икон, изнасилование женщин и, наконец, самое циническое человекоубийство. Все заповеди христианской веры растоптаны немцами и осмеяны».

Не перечислишь всех видов зверства, каким подвергали немцы русских людей, случайно оказавшихся в их владениях во время объявления войны. Тем хуже для них. Бог все видит и воздаст каждому по делам его. А так как в преступлениях сих повинен не один человек, а, как это видно из сообщений очевидцев, весь немецкий народ, наущаемый своим кейзером, то и ответит Богу весь немецкий народ. «Мне отмщение, Аз воздам», – глаголет нелицеприятный Судия! И чем глубже падает он в гордыне своей, тем выше должен стать наш народ, носитель Божией правды в душе своей, тем дальше должен он поставить себя от сих извергов рода человеческого, открещиваясь, по своему русскому обычаю, от всякого подражания немцам-безбожникам. И чем выше станет он, наш родной народ, в нравственном подвиге, тем скорее привлечет к себе благословение и благоволение Божие, тем скорее Господь простит ему грехи его и совершит чрез него дело Свое, как чрез избранное орудие Свое. Выступление немцев – дело гордыни сатанинской; наш подвиг – есть подвиг любви в защиту православия, в защиту братьев по крови, в защиту родной земли, которой грозит нашествие воистину безбожных тевтонов, потерявших образ человеческий.

Предоставляя все дело, всю судьбу Русского народа и народов славянских суду Божию, будем крепко вопиять к Богу: «Господи Сил! С нами буди! Иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы: Господи Сил, помилуй нас! Суди, Господи, обидящая нас и братьев наших, побори борющая нас! Приими оружие и щит и востани в помощь нашу! Не помяни беззаконий наших, но призри на нас милостивым оком ради пречистыя

Матери Твоя и всех святых Твоих, наипаче же присных нам по плоти угодников Твоих! Аминь».

В утешение многоскорбным подвижницам любви

Много крови льется на полях битв; еще больше льется слез по лицу родной земли. И собирают эти слезы Ангелы Божии, наши хранители бесплотные, и несут их, как дорогие жемчужины, к престолу Царя царей Господа Бога, и приемлет их Господь как жертву чистую, благоуханную, от любящих сердец приносимую во искупление и очищение многих грехов много пред Богом согрешившей Руси, когда-то святой. О, Господи, Боже милосердый! Да будут эти слезы купелью, очищающей наши сердца, загрубевшие в нерадении и духовном разлениении!..

Немного на Руси семейств, которые не имели бы в рядах христоролюбивого воинства родных людей. И нет сомнения, что всюду льются больше всего именно женские слезы. Плачут матери, проводив на войну сыновей – надежду и опору их старости; плачут жены, оставаясь с малыми детьми, без хозяина-кормильца; плачут дети, расставаясь с горячо любимыми отцами... Плачут, но вот что достойно особенного внимания, вот что трогает и умиляет: все эти плачущие матери, жены, сестры прекрасно сознают, что их дорогие родные исполняют святой долг послушания Царю, Помазаннику Божию, что идут они на святое дело – защищать родину и братьев-славян от лютого врага – немца нечестивого, что, следовательно, удерживать сих защитников веры, Царя и Отечества, если бы и можно было – нельзя, грешно, позорно, а стало быть, надобно от всего сердца благословить их в дальний путь – на бранное поле: «Идите, дорогие наши, сердцу нашему милые: стойте крепко за святую нашу Русь-матушку, за веру нашу православную, за Царя нашего батюшку... Благослови нас Господь, помоги нам Матерь Божия и святые угодники. Идите, а мы будем целым сердцем молиться за вас, делайте свое дело святое, а о нас не тревожьтесь: Бог, да Царь-батюшка, да

добрые люди нас не покинут. Знайте, что каждый день, каждый час мы сердцем нашим будем с вами, что детки ваши будут усердно молиться за вас Царице небесной, чтоб Она покрыла вас Своим честным покровом, чтоб помогла вам и на всякого врага и супостата». И в таком святом настроении, прощаясь с грядущими на бранный подвиг, эти истинно русские женщины мужественно отрекаются от самих себя, от своих личных чувств, всецело предавая и присных своих, и самих себя воле Божией, и осеняют их крестным знамением дотоле, пока скроется из виду уносящий их поезд...

Не видите ли вы пред собою, как совершается великое добровольное святое жертвоприношение этих смиренных русских женщин на алтарь любви за веру православную и Русь-матушку? Не вспоминается ли вам при этом отец верующих Авраам, приносящий в жертву своего сына за послушание Богу? И что особенно ценно в очах Божиих: им, этим подвижницам любви, и на мысль не приходит, что они совершают великий подвиг, напротив, они готовы при этом упрекнуть себя, что не имеют достаточно мужества сдержать эти слезы, которые так неудержимо льются из их очей, что ведь это – малодушие... О, добрые русские матери, жены, сестры! Пусть льются эти слезы – жемчужины; повторяю: их собирают ваши ангелы-хранители в сосуды златые и относят к престолу Божию как жертву чистую, жертву вашей любви к родине; там эти слезы смешаются с кровью дорогих вам воинов – страдальцев за веру православную, смешаются с молитвами Церкви, святой нашей матери, с молитвами вашими и детей ваших, и услышит Господь эти молитвы веры, молитвы любви, и благословит оружие русское победою на врагов!

Была одна великая страдальца – единственная в мире: это – Пресвятая Дева, Матерь Божия. Кто измерит всю глубину скорбей, в какую Она была погружена, когда стояла под крестом Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа? Что испытывало, какие муки переживало Ее чистое, беззаветною любовью преисполненное сердце! Потоками струилась Пречистая Кровь из язв гвоздинных – из рук и ног Божественного Страдальца Ее Сына; тяжелыми каплями падала на землю эта Кровь с Его

чела, изъязвленного тернием колючим; и каждая капля ее падала на Ее материнское сердце и жгла его нестерпимую болью, большее каленого железа. Прочитайте, русские женщины, в минуты жгучей скорби вашей, канон на плач Пресвятой Богородицы, который читается в Великую Пятницу на повечерии: вы почерпнете в этом излиянии неизмеримой скорби Пресвятой Девы себе великое утешение. Сколько самых нежных, самых трогательных чувств выражено в словах канона, которые влагает святая Церковь в уста Матери Богоневестной! «Свет Мой сладкий, надежда Моя, радость, жизнь – Чадо Мое возлюбленное! Ты один был светом очей Моих, и вот Я лишилась Тебя, Чадо Мое любимое! С Тобою хотела бы Я умереть, ибо не могу видеть Тебя бездыханным мертвецом... Не скажешь ли хотя одно словечко Рабе Твоей, Слове Божий! Увы, не услышу Я больше сладкого Твоего голоса, не увижу красоты лица Твоего, как прежде было: Ты сокрылся от очей Моих! Возьми же Меня с Собою, Чадо Мое, не оставляй Меня здесь одинокою»!.. Чье сердце не тронется от таких излияний многоскорбного плача Пренепорочной Матери? И ужели сия Преподобная всемирная Страдалица, собственным сердцем пережившая такую невыносимую, казалось бы, муку, муку матери, у которой отняли единственного сына, ужели Она, Мать милосердия, не услышит сердечных воздыханий, не увидит слез русских матерей, жен, сестер наших воинов, ужели не согреет Своею матернею любовью сих подвижниц любви, изливающих пред Нею свои пламенные молитвы за родных своих, там, на полях битв, мужественно подвигающихся? О, русские православные женщины! Как счастливы вы, что имеете такую всесильную Заступницу и Ходатаицу пред Господом: много бо может Ее молитва, как молитва матерняя, ко благосердию Владыки! Ведь и Сам Он Ей поручил всех истинно верующих в Него, когда изрек Ей со креста, указуя взором на любимого Своего ученика Иоанна: «Жено, се – сын Твой». А ученику сказал: «Се – Мати твоя». Он Сам, по неизреченной благодати Своей, называет верующих братьями Своими, а если так, то все мы – дети Матери Божией, для всех нас раскрыто Ее бесконечно любящее сердце: приходите, припадайте Ее стопам,

поведайте Ей, в простоте детской души, свои скорби, изливайте свое горе в слезах любви и веруйте: Она утешит, Она прикроет наших близких в страшную минуту опасности смертной. Она сама примет их души, если Богу благоугодно будет, чтоб они положили сии души за веру, Царя и Отечество, Сама увенчает их венцом мученическим, а вашему израненному сердцу прольет такое утешение, что вы будете считать себя счастливейшими из русских женщин, и расположит добрые сердца позаботиться о вас и малютках ваших. Дивны пути Промысла Божия, нередко так располагающего делами человеческими, что люди и не подозревают, а между тем исполняют то, чего хочет Бог. Слава Богу, на Святой Руси еще много добрых людей, сердцами которых управляет Бог. Пошлет Бог таких людей и для ваших детей, если осиротеют они: они станут тогда сугубо детьми всего Русского народа, родными всем нам, русским людям. Грешно будет нам не позаботиться о них. И уже заботится о них прежде всего – Сам Царь-батюшка: Он учредил особый Всероссийский Верховный Совет, чтоб иметь попечение о семьях воинов наших христолюбивых. Сам Бог внушил Ему такую святую мысль. Он поможет Ему и исполнить ее, в жизнь провести. А во главе Сама Матушка Царица, наша народная Печальница.

Но не всем же Господь судил умереть на поле брани: несравненно больше таких, которые вернутся оттуда в добром здоровье, вернутся, мы твердо верим милости Божией, победителями, на радость всей родной нашей матушке Руси православной, наипаче же, русские женщины, на радость вам. Будем же молить Царицу небесную, чтобы помогла Она Царю-батюшке и воинству православному скорее победить всех врагов и супостатов, скорее избавить братьев наших славян и родных нам русских людей, которых бесчеловечно истязуют немцы, подвергая всевозможным пыткам не только мужчин, но и женщин и детей и истребляя их поголовно.

Мати Божия, Мати милосердия! Заступница наша усердная! Утешь скорбящих, исцели болящих душою, помоги воинам, на поле брани подвигающимся, согрей Твоею любовью стариц – их

матерей, их жен, их детей: всем буди помощь и покров, печалей утешение, от злых избавление и скорое заступление!..

Господь зовет нас к делам милосердия

Как милосерд Господь наш Иисус Христос!. Что может быть грознее, что ужаснее праведного Суда Его, когда придет Он во славе со всеми ангельскими силами судить всему миру в последний день мира? Но и в этом, воистину страшном, суде Своем Он будет судить, не требуя великих подвигов, не взыскавая строгого поста, всенощных стояний на молитве, непосильных трудов: нет. Он потребует только дел милосердия, дел любви к ближнему: «Аминь, глаголю вам, – речет Он подсудимым, – елика сотвористе или не сотвористе единому сих братьев Моих меньших – Мне сотвористе или не сотвористе!». При таком милосердии, в самом суде праведном, – кто и в чем может найти себе оправдание? В обычных немощах человеческих? Но заповедь о милосердии – самая легкая из всех заповедей Христовых, и нет человека, который не мог бы ее исполнить. Если нет у тебя средств для дел милости телесной, не можешь ты так или иначе помочь бедняку в нужде его, то кто может воспрепятствовать тебе помолиться за него, утешить его добрым участливым словом в скорби его, помочь его страждущей душе в деле спасения его? Воистину, различен милосердия образ, как говорит святой Златоуст, и широка – воистину, неизмеримо широка заповедь сия!

Мы переживаем дни, когда заповедь о милосердии и может, и должна исполняться во всей ее широте и глубине. Там, на границах нашего отечества, реками льется кровь наших христоролюбивых воинов: тысячи раненых подбираются с полей сражений и направляются к нам, во внутреннюю Россию, и распределяются по лазаретам. Они нуждаются в уходе, в лечении, в добром христианском утешении. Какой простор для тех, кто хочет оказать им помощь посильным приношением на эти, лазареты, на лекарства, на содержание врачей, сестер милосердия, прислугу, пищу, белье. Жертвуйте все, кто что может и чем может: у кого денег нет – может жертвовать вещами, провизией для лазаретов, бельем: и старое белье,

чисто вымытое, пригодно будет для перевязок ран наших страдальцев-воинов. Жертвуйте книгами, пригодными для чтения больным воинам, жертвуйте чаем, сахаром и чем вам Бог на душу положит, что у вас найдется полезного и пригодного для госпиталей и для раненых. Все Бог примет как свечу трудовую, как жертву от любящего сердца, как дело милосердия. Кто умеет, кто может – приди и послужи болящим, ради Господа, посети их, утешь доброю беседою, помолись, почитай больному у постели его хорошую книжку, хорошую газетку: о, как он будет рад узнать, что там, на поле брани, без него делается! Ведь его сердце и в лазарете – туда рвется, чтоб снова стать в ряды защитников родной земли, снова поражать врагов отечества, не щадя жизни своей. А если ему тяжело, если видишь, что не встать ему с одра болезни, то постарайся осторожно направить его мысли к тому, чтобы он мирно готовился в вечную жизнь, чтобы всецело предавал себя в волю Божию, чтоб почаще обращался с молитвою к Матери Божией, к Ангелу-хранителю, к святым Божиим. Любовь к ближнему нелицемерная, молитвою о сем ближнем возгреваемая, подскажет тебе, как расположить его к таинству Божественного причащения, как рассеять в его душе страх смертный, возбудить в сердце его чувство покаянное и надежду на Божие милосердие. И это будет величайшая милостыня, какую только ты можешь сделать в сей жизни, ибо, по слову святого Апостола Иакова, брата Господня, спасешь душу от смерти и покроешь множество грехов – и его, и своих собственных.

Из больниц и лазаретов пойдем в дома наших христолюбивых защитников веры. Царя и отечества. Там плачут матери и жены, плачут дети сих воинов, плачут, открывая Богу свое скорбящее сердце, Его несказанному милосердию предавая себя и дорогих своих, там, где-то далеко-далеко, на поле брани сражающихся, или в лазаретах страдающих, или же уже в могилах, на чужой земле, упокоившихся...

Что мы можем сделать для утешения сих плачущих и сердцем болезнующих? Спроси каждый у своей совести, и она, а лучше сказать – твой Ангел-хранитель подскажет тебе, что надо сделать. Имеешь средства – помоги их нужде деньгами,

одеждою, обувью, пропитанием; нет средств – прииди на помощь трудом: обработай поле того, кто за тебя, за веру, Царя и отечество пошел на поле брани и, может быть, уже душу свою там положил: он – своей жизни не щадит ради тебя, а ты – ужели не можешь его бедной семье поле вспахать, ниву засеять, дров привезти, снопы убрать с поля? Постоянно напоминай себе об этих семьях многоскорбных. Чего один не в силах сделать – проси других, зажигай в них огонек любви к несчастным, собирайтесь вместе, целым миром делать им добро, работать на них: помните, Бог с вас, ближайших соседей их, взыщет прежде всего, если они будут лить слезы безутешно, если будут Богу жаловаться на то, что их люди забыли... Эти семьи – наши родные семьи, их дети – наши кровные дети.

Слава Богу: мы видим, мы читаем, что и без наших пастырских поучений, увещаний добрые души уже делают такое добро. Недавно до слез трогательно было читать, как одна старушка сделала великое доброе дело: она видела, как на одной Волжской пристани мать и трое малюток провожали на войну запасного: женщина в минуту прощанья не выдержала, ее сердце не выдержало гнетущего горя: оно разорвалось при последнем прощании с кормильцем семьи, и она тут же упала мертвою. Можно себе представить, как потрясен был муж... Он только обвел скорбным взором окружающих, не зная, что делать. Но вот из толпы выступает старушка: «Не беспокойся, родимый, – говорит она, – хоть у меня и своих пятеро, но и твоим деткам место будет, с голоду не умрут, я возьму их к себе. Иди, с Богом, куда тебя Царь посылает». И воин со слезами благодарности перекрестился и в последний раз перекрестил своих деток-малюток и пошел на пароход... Другой случай. На молебне напутственном для воинов один воин обращается к провожающим: «С радостью иду, куда Царь-батюшка велит, да только вот забота: у меня четверо детишек, жена умерла, в доме женщины нет: позаботьтесь о них, православные». И опять из толпы провожающих выходит женщина, которая берет троих детишек, а местный священник берет убогую девочку, не владеющую ногами, четырех лет, берет

себе в дочки... Так, в простоте сердца, делают добро православные русские люди: благослови их, Господи!..

И много-много творится такого добра теперь на Святой Руси. И будто проснулась она, наша матушка, от сна греховного, и кается, и молится, и спешит делать добро в покаянном подвиге, обновляя свое сердце делами милосердия. И сбывается воочию пред нами мудрое слово святителя Иоанна Златоустого: «Добродетель милосердия делает сердце наше милующим». Она смягчает наше черствое сердце, согревает его, растворяет умилением и вносит в него чувство неземной радости, той радости, какою будут радоваться на небе праведники, всю свою жизнь добро делавшие. И для верующего христианина открывается возможность еще здесь, на земле, сердцем ощутить то райское блаженство, куда зовет нас Господь наш, ради нашего спасения кровь Свою на кресте проливший. И не для того ли попустил Господь эти ужасы настоящей войны, чтобы пробудить в нас чувство жалости, чтоб расположить нас к делам милосердия – к исполнению той легкой заповеди, по коей Он будет нас судить на страшном суде Своем... И кто знает судьбы Его? Времена и лета положил Он во Своей власти и не позволил нам вопрошать о дне Своего страшного пришествия; но признаки указал ясно: восстанет, сказал Он, народ на народ, и царство на царство... и иссякнет любовь, и оскудеет вера, и будет скорбь великая, какой не было от создания мира... и если бы не было избранных, то не спасалась бы всякая плоть на земле...

Не видим ли мы все сие уже сбывающимся пред нашими очами? И мысль невольно вопрошает: не близок ли день Христов? Не готовит ли нас Господь на сей день грозный сим призывом к делам милосердия, ибо Его святой закон говорит: «Суд без милости несотворшему милости, и хвалится милость на суде...»

«В чем застану, в том и сужу», – глаголет Господь. Застанет Он в духовной беспечности, в делах угождения плоти и миру, во грехах и беззакониях, и судить будет по правде Своей и произнесет над нами грозный Свой приговор. Застанет – в делах любви и милосердия, и суд Его будет преисполнен милосердия.

И всеконечно Он хочет заставить всех нас в делах милующего сердца, чтобы и нам оказать милость. Он всем хочет спастись и в разум истины прийти. Он готов помиловать весь род человеческий. Он всем напоминает и в совести, и в обстоятельствах жизни, чего Он хочет от людей. Но люди-то не все внимают Его призыву. Его напоминаниям. Он и в войне зовет к делам любви и милосердия. И воинство наше творит дело любви к страждущим братьям нашим, славянам, исполняя волю Помазанника Божия, Который хочет освободить сих братьев от ига немецкого. И мы все, русские люди, призваны Богом в сие наипаче тяжкое время являть дела милосердия – и к страдальцам раненым воинам, и к бедствующим семьям их. Широка заповедь милосердия, братья мои, много дела пред нами: не упустим случая исполнить свой долг, поблагодарим Господа, что случай нам подает делать добро, смягчать свое черствое сердце, согревать его делами любви и дать ему счастье – порадоваться радостью Ангелов Божиих, всегда радующихся пред лицом Отца нашего небесного о всяком деле добром, какое творится людьми на земле. Аминь.

Послание троицких иноков

Православному Христолюбивому воинству на поле брани против полчищ немецких подвизающемуся от обители Живоначальной Троицы и Преподобного Сергия-чудотворца

Божие благословение

Братья – воины христолюбивые!

Вы знаете, что все заповеди Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, заключаются в слове: «Люби». Люби Бога, люби ближнего. И нет больше той любви, как кто душу свою положит за ближнего. Это – слова Самого Господа. Кто же во всей полноте может показать такую любовь на деле, как не вы? Христолюбивый воин есть верный слуга Помазанника Божия, Царя Православного; Он – грудью стоит, он каждую минуту кровь свою готов пролить за веру, Царя и Отечество – три заветные святыни его верующего, любящего сердца.

И вы, братья-воины, в эти великие дни испытания для родной Руси нашей матушки с честью, с достоинством,

мужественно отстаиваете эти святыни. На то благословил вас Царь-батюшка, на то послала вас родина-мать; и святая Церковь православная во всех святых храмах своих каждый день, каждый час молит Господа: да укрепит вас в день брани, да благословит оружие ваше, да покорит под ноги ваши всякого врага и супостата. Молимся и мы, смиренные иноки обители Преподобного Сергия; молимся у самого гроба сего великого печальника и молитвенника земли Русской; как солнце среди звезд, так и он, угодник Божий, среди родных нам по плоти угодников Божиих сияет своею любовью к родной земле. Еще при жизни своей он благословил великого князя Дмитрия Иоанновича Донского на бой с полчищами злочестивого Мамаю и предрек ему победу: «Гряди, княже, победиши враги твоя». Он дал Дмитрию из своей братии и двух бояр-схимников – Пересвета и Ослябю, из коих один, Пересвет, и пал в битве с татарским великаном Челибеем. И в самый день битвы Куликовской, пред самым началом ее, явились от Преподобного Сергия к Великому Князю два посланца-инока с просфорою и грамоткой, в которой угодник Божий еще раз ободрял Князя надеждою на милость и помощь Божию: наши летописи сохранили последние трогательные слова этой грамотки:

«А поможет ти Бог и Троица».

И сильна была у Бога молитва Сергиева, и победил Дмитрий Иоаннович злого татарина Мамаю, и разбил его полчища, положил начало освобождению Руси от ига татарского. И много бед пронеслось с той поры над родною землей, а Преподобный Сергей стоял на страже ее, и даже тогда, когда самое сердце России – матушка Москва бывала в руках вражиих, его обитель, его святая Лавра, оставалась неприкосновенною, нога вражья не переступала порога ее, и отсюда, из обители Сергиевой, исходило спасение для самой Москвы, для всей Русской земли, в самые смутные и трудные времена.

Жив он, угодник Божий, жив и поныне. Он предстоит престолу Божию и с высоты небесной смотрит и на вас, братия наши, воины христолюбивые, видит он ваш подвиг святой за братьев наших славян, от немцев страждущих за веру

православную, видит все преподобный и благословляет вас на битвы с потерявшими совесть христианскую нашими соседями – немецкими народами. И тем дерзновеннее наша надежда на его помощь молитвенную, тем крепче наша вера в его заступление пред Богом, что ведь он возлюбленный избранник Самой Царицы Небесной, Матери Божией: ему обещала Она неотступно пребывать в его обители, а Она – кто же этого не знает из православных русских людей – Она наша теплая Заступница усердная пред Богом за землю Русскую, наша Воевода возбранная, наш покров и щит от всех супостатов. Ни один народ не получил столько милостей от Матери Божией, ни один не видел столько знамений Ее покрова и заступления, как народ Русский православный. Вы – сыны родной земли, вы сами знаете: точно звездочки на небе благодатном – по всей Русской земле сияют иконы Ее чудотворные: одних чудесами прославленных насчитывают больше трехсот, но нет града, нет веси, нет, можно сказать, храма, где не было бы особо чтимой иконы Владычицы мира.

Вот наша надежда непостыдная! Не в оружии, не во множестве людей наша сила, а в крепкой надежде на помощь небесную. Сии на колесницах и сии на конех: враги наши вооружены всеми страшными средствами для ожесточенного боя; они кипят злобою, ненавистью к самому имени нашему, а мы – все упование наше на Господа возлагаем и в помощь Его и Царицу небесную и святых Божиих призываем. С нами Бог! «Не в силе Бог, а в правде», – говорил еще вечно незабвенный наш герой, боровшийся с теми же немцами, Благоверный Великий Князь Александр Невский. И в уповании на эту правду крепкий верою преемник его, Благодетельнейший Государь наш Николай Александрович посетил обитель великого печальника Русской земли Преподобного Сергия и склонился там, у его гроба, до праха земного, горячо испрашивая его молитвенного заступления за землю Русскую и за вас, воины – сыны родной земли. И благословил Его небесный воевода и чудотворец предивный на великий подвиг защиты правого дела, и видимым знаком его благословения служат святая икона явления ему Царицы Небесной, икона, писанная на его гробовой доске и

бывшая во всех походах нашего воинства со времен Царя Алексия Михайловича и до последней японской войны. Сия икона и ныне пребывает среди вас, в действующей армии, приосеняя вас, братья наши, небесным благословением угодника Божия. Дерзайте убо, дерзайте, воины Божии! Господь Сил, Бог воинств, крепкий во бранех – с вами! Той победит враги яко всесилен!

Дорогие братья! С вами сердцем – вся Русская земля. На вас с любовью, с надеждой, с пламенной молитвой о вас взирают ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши дети, братья и сестры. Нет нужды напоминать вам о мужестве – всему миру известны доблести нашего христолюбивого воинства. Еще отец нашего славнодержавного князя Владимира Равноапостольного, язычник Святослав говорил: «Ляжем костями за родную Русь, победим или умрем: мертвым срама нет!» И этот завет древнего вождя, завет, освященный заповедью Христовою о любви, полагающей душу свою за други своя, стал неизменным священным заветом для каждого русского воина. И свято соблюдали этот священный завет наши воины на протяжении целых, тысячи лет, и охотно полагали души свои за родную землю в битвах кровавых – и с печенегами, и с половцами, и с татарами, и с немцами, и со шведами, и с японцами. Их кровью полита вся родная земля из края в край; этою святою кровью да беззаветной к ней любовью спаялась она и выросла в великое царство, занимающее шестую часть света. Теперь воюет с нами немец, который исстари хвалится своею честностью, гордится своею образованностью; один из воюющих с нами императоров носит даже титул «апостолического величества» и «христианнейшего» императора. Но увь! Куда девалась и их честность, и образованность, и все их хваленые добродетели? Лишь началась война, как они показали себя хуже дикарей, хуже турок и татар, хуже всяких неверующих в Бога язычников. Ужас сжимает сердце, когда читаешь, что творили они в Калише, например, и в других местах, коими удавалось им овладеть. Они прикалывали раненых русских воинов, бесчестили девушек, резали ремни из тела их, выкалывали глаза старикам,

топтали ногами на смерть детей, вырезали груди женщинам... Язык немеет, отказывается перечислять все их жестокости. К небу вопиют их издевательства над нашими святынями. Совесть строго запрещает подражать этим неистовым дикарям, потерявшим и стыд человеческий, и страх Божий, и всякую совесть. Сохрани вас, Боже, дорогие братья, русские воины, в минуты гнева справедливого увлечься чувством мщения и обижать мирных жителей тех областей, которые Бог поможет вам завоевать от неприятеля. «Мне отмщение, – глаголет Господь. – Аз воздам!» И мы веруем, что воздаст – так воздаст, что будут враги наши помнить свои злодеяния навеки. А вы стоите за правое дело. Вы готовы и умереть за это дело. Но кто стоит за правду, тот и сам должен любить правду, носить ее в душе своей, как сокровище, и беречь себя от всякой неправды. Того требует закон самой правды Божией. Слово Божие говорит, что правда и от смерти избавляет (Пр. 11, 4). Смерть щадит тех, кто отдает себя в руки Божии, кто боится сотворить неправду и не боится умереть за правду.

Мы, смиренные иноки обители Сергиевой, ваши богомольцы у гроба сего великого чудотворца, мы умоляем вас именем преподобного Сергия: помните, что звание воина – святое звание, что в лике святых Божиих немало и святых воинов, таковы: Лонгин-сотник, стоявший у креста Господня, Корнилий-сотник, упоминаемый в книге Деяний Апостольских, Георгий-победоносец, Евстафий Плакида, Феодор-стратилат, Иоанн-воин и многие другие. Воинское звание не воспрепятствовало им получить венец мученический. Сего же венца просит у Господа св. Церковь и тем воинам, коим Бог судит душу свою положить на поле брани. Христолюбивый воин есть земной ангел-хранитель всех беззащитных – и малых деток, и старцев беспомощных, и всего своего отечества. Вот почему Сам Господь, по слову св. Писания, «научает руки верных Своих на ополчение и персты их на брань» (Пс. 14, 31). Он благословил оружие кроткого праотца Авраама, который воевал за освобождение из плена племянника своего Лота; Он повелел завоевать народу Своему землю обетованную; Он помогал и кроткому Давиду на иноплеменников, помогал и другим святым

мужам и нашим предкам благочестивым защищать св. веру и отечество от неверных и нечестивых врагов. Так высоко звание воинское! Не напрасно же бывали случаи, что иной, находясь в великой скорби и желая привлечь на себя милость Божию, давал обещание идти в военную службу, подобно тому как дают обещание идти в монастырь или совершить какой другой подвиг, и Бог видимо принимал от него такой обет и благословлял его Своею милостию. Так один старец-воин рассказывал о себе, что в молодости у него болели глаза; года два лечили их, но он все же ослеп. И вот он дал обещание – охотою пойти в солдаты, и – он в тот же день прозрел, и 25 лет служил Царю и Отечеству, и никогда глаза у него не болели. Предтеча Господень Иоанн давал воинам особое наставление, как Царю служить, чтобы и Богу угодить. «Никого не обижайте, – говорил он, – ни на кого не клевете и будьте довольны своим жалованьем» (Лук. 3, 14). Не обижайте врага бегущего, врага лежащего, истекающего кровью, лежащего не бьют, учит родная пословица. Излишнюю обиду врагу не оскорбляйте поборающего по вас Ангела-хранителя вашего. К чужому добру не прикасайтесь. Сейчас ты осквернил совесть грабежом, а минуту спустя твое тело, уже бездыханное, с горстью золота в кармане будет уложено в могилу: а в могиле червонцы чему помогут? Да в могилу-то они и не попадут: оберут другие... А пред Богом целыми горами золота душу не искупишь. Не обижайте же никого! Не прикасайтесь к тому, что запрещено врачами: известно, что во все наши войны мы теряли людей во много раз больше от болезней, чем от вражеских пуль. А болезни бывают от того, что не хотят слушаться врачей, когда приходится жить в чужой стране, в чужом климате.

Берегите свою совесть, братья воины, как зеницу ока, и Бог вас сохранит. Наши предки, идя на войну, хранили себя в чистоте; собираясь в бой, говели, исповедовались, с Господом в пречистых Тайнах Его соединялись и в час битвы осеняли себя крестным знамением, имели на устах пресвятое имя Божие. Так поступали и святые Божии, например Георгий-победоносец. Святой Никон был сын язычника, а мать его была христианка. Отпуская сына на войну, мать умоляла его ограждать себя в

минуту смертной опасности крестным знаменем. И вот в пылу жаркой битвы вспомнил он завет матери, взглянул на небо и, ограждая себя крестным знаменем, сказал: «Христе Боже всемогущий, покажи на мне силу креста Твоего, и я отныне буду Твоим рабом вместе с моею матерью». И вдруг почувствовал он в себе такое мужество, такую силу, что бросился на врагов и переколол их столько, что и сам невольно в изумлении воскликнул: велик Бог христианский, столь дивно побеждающий врагов крестным знаменем. И Никон стал христианином, обратился ко Христу многих товарищей, а потом принял монашество и пострадал за веру Христову. А как Бог хранит на войне тех, кто сам себя хранит в чистоте и целомудрии, вот тому пример. Один греческий воин шел на войну против болгар. По пути ему случилось ночевать в селении. Прельстилась его красотой одна легкомысленная девица и ночью стала на грех соблазнять. Но юноша удержался и три раза от себя ее прогонял. Потом он заснул и видит ему поле, и на том поле видит он много греков убитых: все поле покрыто трупами, а посреди их порожнее место – так, как можно лечь одному человеку. И было ему сказано: «Лежать бы тебе на этом месте, но за то, что три раза боролся ты со змеем – ты не будешь убит». Так хранит Бог того, кто сам хранит себя от греха. Великое дело и молитва. Лет 30 назад хоронили в Одессе одного почтенного старца – генерала Петрова. Отпевал его известный проповедник архиепископ Никанор. И поведал святитель Божий в надгробном слове своем, что покойный участвовал в 160 боях, под градом пуль и всяких смертоносных снарядов, пред лицом тысячи смертей, и ни разу не был ранен. Вспомнил тогда святитель и о другом герое, графе Остене-Сакене, который также участвовал в ста почти боях и также ни разу не был ранен. Отчего? Откуда это чудо? А известно, что эти герои, становясь лицом к смерти, всегда с верою читали про себя дивный псалом: «Живый в помощи Вышняго...» И что это за чудный псалом! Какая сила веры и крепость упования на помощь и охрану Божию слышится в нем! Заучите его и вы, воины православные, на память, читайте его каждый день и утром и вечером. В этом псалме верующая душа всю себя

отдает в волю Божию и говорит Господу: «Заступник мой еси, и прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него». И Царь пророк Давид успокаивает эту верующую душу дивными обетованиями; он говорит ей: «Господь избавит тебя от сетей ловца» – от незримых козней диавола, от клеветы и злобы человеческой. «Плещма Своима» – своими крылами «осенит» тебя. Как орел защищает от врага свое детище, так и Он покроет тебя Своею силою всемогущею, и ты, как птенец, «под криле Его надеешься» – будешь в полной безопасности. «Оружием окружит тебя истина Его и не убоишься ты ни страха ночного, ни стрелы, летящей во дни». Пусть градом сыплет враг на тебя ядовитые стрелы свои и справа и слева – Бог защита твоя; падет от шуй страны твоей тысяча пуль или стрел, и тьма – десятки тысяч – одесную тебя, к тебе же ни одна из них не приблизится. Ты сам своими очами увидишь, что враги твои не останутся безнаказанными: «Воздаяние грешников узриши. Вышняго положил еси прибежище твое»: за то и «не приидет к тебе», не повредит тебе никакое «зло, и рана не приблизится телеси твоему», ибо Ангелам Своим Господь заповедает охранять тебя во всех путях твоих. В минуту опасности они на руках поднимут, поддержат тебя, да не «преткнешь о камень ногу твою....» И все это непременно сбудется на тебе, ибо слышишь: Сам Господь вещает о тебе: «Яко на Мя упова, избавлю его, покрыю его» от всякой беды, «яко позна имя Мое», потому что знает Меня одного, исполняет благую волю Мою: «Воззовет ко Мне и услышу его, с ним есмь во всякой скорби» и беде, и Я не только избавлю его от скорбей, но и прославлю его, и скорби на радость ему преложу. «Долготою дней исполню его и явлю ему спасение мое» как в сей временной, так и в будущей жизни.

Вот вам, дорогие наши защитники, воины христолюбивые, крепкий щит и ограда в час битвы. Оградите себя крестным знаменiem, возложите на себя крестики или образки – ваше родительское благословение: нередко бывали случаи, что от такого образка или крестика отлетала и пуля вражеская, и – с Богом – за святую веру, за родную Русь, за Царя-батюшку – Божия Помазанника. Ведайте, что за вас молится вся Русь

православная, вся Церковь Божия, за вас молятся все святые угодники Божии – печальники родной им Русской земли. Ведайте, что на вас смотрит с высоты небесной Сама Заступница рода христианского – Матерь Божия. Она приосенит вас Своим честным омофором в минуту смертной опасности; Она Сама воспримет души ваши, если Бог кому судит лечь костью за Святую Русь. И жизнь, и смерть – в руках Божиих; но разве не великое счастье отдать жизнь за святую веру, за Царя и родную землю? Церковь просит у Бога за такой подвиг венца мученического, вот почему наши предки шли на битву с священными песнопениями их победным кличем было: «С нами Бог!»

«Господи Сил, с нами буди, иного бо разве Тебе помощника в скорбях и не имамы: Господи Сил, помилуй нас...»

Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Священно-Архимандрит, Макарий, митрополит Московский и Коломенский.

Троицкие иноки: Редактор-цензор всех Троицких изданий Член Святейшего Синода Архиепископ Никон, Наместник Троицкой Сергиевой Лавры Архимандрит Товия, Казначей Лавры Архим. Досифей.

Соборные старцы: Экклес. Архим. Аполлос. Архимандрит Нил, Игумен Анания, со всею о Христе братиею.

Угодны ли Богу иные веры?

(Ответ вопрошающему)

Истина только одна.

Истинная вера только одна. Это – вера православная.

Всякая неправославная вера имеет в себе или примесь лжи, или вся ложна.

Отец лжи есть диавол, а Бог ненавидит ложь.

Кажется, все это для православного христианина самые простые, самые неоспоримые истины. Если он верует во святую, соборную и- апостольскую Церковь, то он должен верить и в то, что она одна есть столп и утверждение спасительной истины, что в нее, как в сокровищницу, Апостолы и богоносные мужи – учителя Церкви вложили все, что православному христианину нужно для спасения. А стало быть:

слушайся Церкви, пользуйся ее таинствами, делай то, что она тебе заповедует, и спасешься. А заповедует она соблюдать и исполнять заповеди Божии. Вот и все...

К чему же после этого православному христианину еще вопрошать: «Угодны ли Богу другие веры: лютеранство, латинство и прочия, им же несть числа?» Ответ ясен сам по себе. Не говорю уже об язычестве, магометанстве, иудействе с его талмудом. Даже о христианских исповеданиях верный сын Церкви скажет то, что говорил незабвенный святитель Феофан: «Не хочу входить в суждение: спасутся ли католики, – одно знаю: если я оставлю православие и уйду в латинство, то – несомненно погибну». Бог всем хочет спастись и в разум истины прийти; Его пути неисповедимы; кто не мог познать истины чистой, какова истина нашего святого православия, с того меньше и взыщется, а все же взыщется, кто же и имел к тому полную возможность и познал сокровище православной истины, но изменил сей истине, тому нет прощения: он погибнет, аще не покается.

Казалось бы: ясно, как Божий день: «Высших себе не ищи и крепльших не испытай: яже ти поведена суть – в сих пребывай» и – довлеет тебе! Кто ты, что хочешь знать неиспытываемые суды и судьбы Божии? Знай себе, и будет с тебя.

Но вот есть такие пытливые люди, которые не довольствуются такими бесспорными истинами и готовы спорить даже против них. Они хотят проникнуть в суды Божии и как бы возражать Самому Господу Богу. Забывают мудрое слово Апостола: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим. 9, 21). Или ты недоволен, что ты являешься сосудом для «почетного употребления»? Смирись в уме своем, возблагодари, что обладаешь чистым сокровищем истины, молись, да пребудеши во истине, и предоставь Богу судьбы тех людей, которые не принадлежат к твоей матери Церкви, хотя бы они и родные тебе по плоти. Тебе тяжело это слышать? Но ужели думаешь, что ты милостивее Господа Бога, премудрее Церкви, сей таинницы мудрости Божией? Укоряя себя, что ты не хочешь, не умеешь, нерадишь о том, чтобы

родных своих делать соучастниками сокровищ благодати, столь приизобильно изливаемой от Церкви в ее таинствах, в ее богослужении, в ее учении о спасении нашем. Это твой долг, ты должен озаботиться присоединить к Церкви наипаче присных тебе по крови, но еще чуждых по духу людей. А ты как будто хочешь, чтобы Церковь насилием привлекла их к себе, в свои недра, помимо их воли и соизволения, и притом уже после их смерти? Ты хочешь, чтобы Бог, Господь наш Иисус Христос, создавший Церковь Свою для хранения чистой истины, допустил пребывать в ней сознательной, упорной лжи в виде тех заблуждений, коих держатся латины, лютеране и другие инославцы, держатся столь крепко, что считают православную Церковь причастною какой-то ереси: возможно ли это? Конечно, един Ведущий сердца человеческие знает, насколько сознательно кто из неправославных отстоит от православной истины и держится лжи: ожесточенный фанатик иезуит, называющий православие «песьей верой», ставящий ложь в ряд нравственно-допустимых понятий чрез свое правило: «Цель оправдывает средства», или же простой французский крестьянин, едва умеющий читать и вовсе незнакомый с тонкостями богословских споров, верующий в простоте сердца, как его учит духовный отец и с верою принимающий таинства своей церкви? Известно слово Господа, что ведевый волю господина своего и несотворивый биен будет много, а неведевый и несотворивый по воли его биен будет мало. Кто ведает пути Господни? Пути милосердия Его? Вот, может быть, для таких-то простецов, почти неповинных в своем уклонении от православия, «земные перегородки», по выражению митрополита Киевского Платона, «и не доходят до неба», но это уж дело Божие, а не наше, и надеяться на сие рассуждение православному, и в этой надежде искать оправдания измене православию для себя – было бы преступно... Это ведь не общецерковное учение, а лишь мнение одного святителя; его могут разделять многие, но это еще – не Церковь. Для православного христианина нет и нужды углубляться в исследования: можно ли спастись в неправославии? Если бы было можно, то Церковь и принимала бы инославных в свои

недра без всякого отречения от лжеучений, которые она считает еретическими, неправославными. Не было бы и разницы исповеданий. Очевидно, Церковь уклоняется от общения в молитве и таинствах с инославными, как чуждыми ей, как нечадами ее. И чада ее не имеют права мудровать по своему и должны склоняться пред ее божественным авторитетом. Спасение было бы возможно даже и для сатаны, но Бог не насилует свободы Своих созданий, а сатана, по своей богопротивной гордыне, никогда не склонит свою волю к смиренному признанию своего богоотступничества. Люди – не бесы, не духи злобы, они имеют полную возможность смириться, и прочтите поучительную повесть в житии преподобного Антония Великого о том, как два беса приходили к нему с вопросом: возможно ли для них покаяние? Ангел Божий возвестил угоднику Божию, что Господь не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел, но «злоба древняя не может быть новою добродетелью». Люди – не бесы, не духи злобы: они имеют полную возможность смириться и принести покаяние, но надо, чтоб это они приняли своим произволением, открыли свое сердце для благодати, которая всегда готова помочь нам в деле спасения нашего. А мы, любя их, должны все меры употреблять, чтоб содействовать им в сем деле, располагая их к общению с Церковью, раскрывая им, если, конечно, не станут отвергать, все сокровища благодати, Церковью хранимые. И сие будет бесконечно благотворнее пытливых вопрошений о том: угодны ли Богу веры, в коих, по свидетельству нашей матери Церкви, ложные мудрования примешаны к чистой истине православия. Надо жалеть заблуждающихся, а не потворствовать им в заблуждениях. Тем паче беречь себя от заражения сими заблуждениями. Ереси, конечно, Богу не угодны: это плевелы среди пшеницы чистого учения, и, как вредные семена, примешанные к пшенице, делаются отравой, когда пшеница обратится в хлеб, так и ложные учения, воспринятые в сердце вместе с чистим учением Церкви, вредят душе христианина. Можно ли даже и спрашивать: угодны ли Богу такие, отравленные ложным учением, исповедания веры? Ясно, что

неудобны. На вопрос о возможности спасения в сих исповеданиях общий ответ: только в Церкви православной обрести можно спасение. Так учит сама Церковь. Так и должно быть. Ибо спасение только в истине, а истина только в Церкви, только одна, как и Церковь – одна: верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь, говорит наш символ веры.

«Мои дневники»

(Ответ вопрошающему)

Истина только одна.

Истинная вера только одна. Это – вера православная.

Всякая неправославная вера имеет в себе или примесь лжи, или вся ложна.

Отец лжи есть диавол, а Бог ненавидит ложь.

Кажется, все это для православного христианина самые простые, самые неоспоримые истины. Если он верует во святую, соборную и- апостольскую Церковь, то он должен веровать и в то, что она одна есть столп и утверждение спасительной истины, что в нее, как в сокровищницу, Апостолы и богоносные мужи – учителя Церкви вложили все, что православному христианину нужно для спасения. А стало быть: слушайся Церкви, пользуйся ее таинствами, делай то, что она тебе заповедует, и спасешься. А заповедует она соблюдать и исполнять заповеди Божии. Вот и все...

К чему же после этого православному христианину еще вопрошать: «Угодны ли Богу другие веры: лютеранство, латинство и прочия, им же несть числа?» Ответ ясен сам по себе. Не говорю уже об язычестве, магометанстве, иудействе с его талмудом. Даже о христианских исповеданиях верный сын Церкви скажет то, что говорил незабвенный святитель Феофан: «Не хочу входить в суждение: спасутся ли католики, – одно знаю: если я оставлю православие и уйду в латинство, то – несомненно погибну». Бог всем хочет спастись и в разум истины прийти; Его пути неисповедимы; кто не мог познать истины чистой, какова истина нашего святого православия, с того меньше и взыщется, а все же взыщется, кто же и имел к тому полную возможность и познал сокровище православной истины,

но изменил сей истине, тому нет прощения: он погибнет, аще не покается.

Казалось бы: ясно, как Божий день: «Высших себе не ищи и крепльших не испытай: яже ти поведена суть – в сих пребывай» и – довлеет тебе! Кто ты, что хочешь знать неиспытываемые суды и судьбы Божии? Знай себе, и будет с тебя.

Но вот есть такие пытливые люди, которые не довольствуются такими бесспорными истинами и готовы спорить даже против них. Они хотят проникнуть в суды Божии и как бы возражать Самому Господу Богу. Забывают мудрое слово Апостола: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим. 9, 21). Или ты недоволен, что ты являешься сосудом для «почетного употребления»? Смирись в уме своем, возблагодари, что обладаешь чистым сокровищем истины, молись, да пребудеши во истине, и предоставь Богу судьбы тех людей, которые не принадлежат к твоей матери Церкви, хотя бы они и родные тебе по плоти. Тебе тяжело это слышать? Но ужели думаешь, что ты милостивее Господа Бога, премудрее Церкви, сей таинницы мудрости Божией? Укоряй себя, что ты не хочешь, не умеешь, нерадишь о том, чтобы родных своих делать соучастниками сокровищ благодати, столь преизобильно изливаемой от Церкви в ее таинствах, в ее богослужении, в ее учении о спасении нашем. Это твой долг, ты должен озаботиться присоединить к Церкви наипаче присных тебе по крови, но еще чуждых по духу людей. А ты как будто хочешь, чтобы Церковь насилием привлекла их к себе, в свои недра, помимо их воли и соизволения, и притом уже после их смерти? Ты хочешь, чтобы Бог, Господь наш Иисус Христос, создавший Церковь Свою для хранения чистой истины, допустил пребывать в ней сознательной, упорной лжи в виде тех заблуждений, коих держатся латины, лютеране и другие инославцы, держатся столь крепко, что считают православную Церковь причастною какой-то ереси: возможно ли это? Конечно, един Ведущий сердца человеческие знает, насколько сознательно кто из неправославных отстоит от православной истины и держится лжи: ожесточенный фанатик иезуит,

называющий православие «песьей верой», ставящий ложь в ряд нравственно-допустимых понятий чрез свое правило: «Цель оправдывает средства», или же простой французский крестьянин, едва умеющий читать и вовсе незнакомый с тонкостями богословских споров, верующий в простоте сердца, как его учит духовный отец и с верою принимающий таинства своей церкви? Известно слово Господа, что ведевый волю господина своего и несотворивый биен будет много, а неведевый и несотворивый по воли его биен будет мало. Кто ведает пути Господни? Пути милосердия Его? Вот, может быть, для таких-то простецов, почти неповинных в своем уклонении от православия, «земные перегородки», по выражению митрополита Киевского Платона, «и не доходят до неба», но это уж дело Божие, а не наше, и надеяться на сие рассуждение православному, и в этой надежде искать оправдания измене православию для себя – было бы преступно... Это ведь не общецерковное учение, а лишь мнение одного святителя; его могут разделять многие, но это еще – не Церковь. Для православного христианина нет и нужды углубляться в исследования: можно ли спастись в неправославии? Если бы было можно, то Церковь и принимала бы инославных в свои недра без всякого отречения от лжеучений, которые она считает еретическими, неправославными. Не было бы и разницы исповеданий. Очевидно, Церковь уклоняется от общения в молитве и таинствах с инославными, как чуждыми ей, как нечадами ее. И чада ее не имеют права мудровать по своему и должны склоняться пред ее божественным авторитетом. Спасение было бы возможно даже и для сатаны, но Бог не насилует свободы Своих созданий, а сатана, по своей богопротивной гордыне, никогда не склонит свою волю к смиренному признанию своего богоотступничества. Люди – не бесы, не духи злобы, они имеют полную возможность смириться, и прочтите поучительную повесть в житии преподобного Антония Великого о том, как два беса приходили к нему с вопросом: возможно ли для них покаяние? Ангел Божий возвестил угоднику Божию, что Господь не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел,

но «злота древняя не может быть новою добродетелью». Люди – не бесы, не духи злобы: они имеют полную возможность смириться и принести покаяние, но надо, чтоб это они приняли своим произволением, открыли свое сердце для благодати, которая всегда готова помочь нам в деле спасения нашего. А мы, любя их, должны все меры употреблять, чтоб содействовать им в сем деле, располагая их к общению с Церковью, раскрывая им, если, конечно, не станут отвергать, все сокровища благодати, Церковью хранимые. И сие будет бесконечно благотворнее пытливых вопрошений о том: угодны ли Богу веры, в коих, по свидетельству нашей матери Церкви, ложные мудрования примешаны к чистой истине православия. Надо жалеть заблуждающихся, а не потворствовать им в заблуждениях. Тем паче беречь себя от заражения сими заблуждениями. Ереси, конечно, Богу не угодны: это плевелы среди пшеницы чистого учения, и, как вредные семена, примешанные к пшенице, делаются отравой, когда пшеница обратится в хлеб, так и ложные учения, воспринятые в сердце вместе с чистим учением Церкви, вредят душе христианина. Можно ли даже и спрашивать: угодны ли Богу такие, отравленные ложным учением, исповедания веры? Ясно, что неуютны. На вопрос о возможности спасения в сих исповеданиях общий ответ: только в Церкви православной обрести можно спасение. Так учит сама Церковь. Так и должно быть. Ибо спасение только в истине, а истина только в Церкви, только одна, как и Церковь – одна: верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь, говорит наш символ веры.

«Мои дневники»

Год 1915

(Ответ вопрошающему)

Истина только одна.

Истинная вера только одна. Это – вера православная.

Всякая неправославная вера имеет в себе или примесь лжи, или вся ложна.

Отец лжи есть диавол, а Бог ненавидит ложь.

Кажется, все это для православного христианина самые простые, самые неоспоримые истины. Если он верует во святую, соборную и- апостольскую Церковь, то он должен веровать и в то, что она одна есть столп и утверждение спасительной истины, что в нее, как в сокровищницу, Апостолы и богоносные мужи – учителя Церкви вложили все, что православному христианину нужно для спасения. А стало быть: слушайся Церкви, пользуйся ее таинствами, делай то, что она тебе заповедует, и спасешься. А заповедует она соблюдать и исполнять заповеди Божии. Вот и все...

К чему же после этого православному христианину еще вопрошать: «Угодны ли Богу другие веры: лютеранство, латинство и прочия, им же несть числа?» Ответ ясен сам по себе. Не говорю уже об язычестве, магометанстве, иудействе с его талмудом. Даже о христианских исповеданиях верный сын Церкви скажет то, что говорил незабвенный святитель Феофан: «Не хочу входить в суждение: спасутся ли католики, – одно знаю: если я оставлю православие и уйду в латинство, то – несомненно погибну». Бог всем хочет спастись и в разум истины прийти; Его пути неисповедимы; кто не мог познать истины чистой, какова истина нашего святого православия, с того меньше и взыщется, а все же взыщется, кто же и имел к тому полную возможность и познал сокровище православной истины, но изменил сей истине, тому нет прощения: он погибнет, аще не покается.

Казалось бы: ясно, как Божий день: «Высших себе не ищи и крепльших не испытай: яже ти поведена суть – в сих пребывай»

и – довлеет тебе! Кто ты, что хочешь знать неиспытываемые судьбы и судьбы Божии? Знай себе, и будет с тебя.

Но вот есть такие пытливые люди, которые не довольствуются такими бесспорными истинами и готовы спорить даже против них. Они хотят проникнуть в судьбы Божии и как бы возражать Самому Господу Богу. Забывают мудрое слово Апостола: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим. 9, 21). Или ты недоволен, что ты являешься сосудом для «почетного употребления»? Смирись в уме своем, возблагодари, что обладаешь чистым сокровищем истины, молись, да пребудеши во истине, и предоставь Богу судьбы тех людей, которые не принадлежат к твоей матери Церкви, хотя бы они и родные тебе по плоти. Тебе тяжело это слышать? Но ужели думаешь, что ты милостивее Господа Бога, премудрее Церкви, сей таинницы мудрости Божией? Укоряя себя, что ты не хочешь, не умеешь, нерадишь о том, чтобы родных своих делать соучастниками сокровищ благодати, столь преизобильно изливаемой от Церкви в ее таинствах, в ее богослужении, в ее учении о спасении нашем. Это твой долг, ты должен озаботиться присоединить к Церкви наипаче присных тебе по крови, но еще чуждых по духу людей. А ты как будто хочешь, чтобы Церковь насилием привлекла их к себе, в свои недра, помимо их воли и соизволения, и притом уже после их смерти? Ты хочешь, чтобы Бог, Господь наш Иисус Христос, создавший Церковь Свою для хранения чистой истины, допустил пребывать в ней сознательной, упорной лжи в виде тех заблуждений, коих держатся латины, лютеране и другие инославцы, держатся столь крепко, что считают православную Церковь причастною какой-то ереси: возможно ли это? Конечно, един Ведущий сердца человеческие знает, насколько сознательно кто из неправославных отстоит от православной истины и держится лжи: ожесточенный фанатик иезуит, называющий православие «песьей верой», ставящий ложь в ряд нравственно-допустимых понятий чрез свое правило: «Цель оправдывает средства», или же простой французский крестьянин, едва умеющий читать и вовсе незнакомый с

тонкостями богословских споров, верующий в простоте сердца, как его учит духовный отец и с верою принимающий таинства своей церкви? Известно слово Господа, что ведевый волю господина своего и несотворивый биен будет много, а неведевый и несотворивый по воли его биен будет мало. Кто ведает пути Господни? Пути милосердия Его? Вот, может быть, для таких-то простецов, почти неповинных в своем уклонении от православия, «земные перегородки», по выражению митрополита Киевского Платона, «и не доходят до неба», но это уж дело Божие, а не наше, и надеяться на сие рассуждение православному, и в этой надежде искать оправдания измене православию для себя – было бы преступно... Это ведь не общецерковное учение, а лишь мнение одного святителя; его могут разделять многие, но это еще – не Церковь. Для православного христианина нет и нужды углубляться в исследования: можно ли спастись в неправославии? Если бы было можно, то Церковь и принимала бы инославных в свои недра без всякого отречения от лжеучений, которые она считает еретическими, неправославными. Не было бы и разницы исповеданий. Очевидно, Церковь уклоняется от общения в молитве и таинствах с инославными, как чуждыми ей, как нечадами ее. И чада ее не имеют права мудровать по своему и должны склоняться пред ее божественным авторитетом. Спасение было бы возможно даже и для сатаны, но Бог не насилует свободы Своих созданий, а сатана, по своей богопротивной гордыне, никогда не склонит свою волю к смиренному признанию своего богоотступничества. Люди – не бесы, не духи злобы, они имеют полную возможность смириться, и прочтите поучительную повесть в житии преподобного Антония Великого о том, как два беса приходили к нему с вопросом: возможно ли для них покаяние? Ангел Божий возвестил угоднику Божию, что Господь не отверщается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел, но «злоба древняя не может быть новою добродетелью». Люди – не бесы, не духи злобы: они имеют полную возможность смириться и принести покаяние, но надо, чтоб это они приняли своим произволением, открыли свое сердце для благодати,

которая всегда готова помочь нам в деле спасения нашего. А мы, любя их, должны все меры употреблять, чтоб содействовать им в сем деле, располагая их к общению с Церковью, раскрывая им, если, конечно, не станут отвергать, все сокровища благодати, Церковью хранимые. И сие будет бесконечно благотворнее пытливых вопрошений о том: угодны ли Богу веры, в коих, по свидетельству нашей матери Церкви, ложные мудрования примешаны к чистой истине православия. Надо жалеть заблуждающихся, а не потворствовать им в заблуждениях. Тем паче беречь себя от заражения сими заблуждениями. Ереси, конечно, Богу не угодны: это плевелы среди пшеницы чистого учения, и, как вредные семена, примешанные к пшенице, делаются отравой, когда пшеница обратится в хлеб, так и ложные учения, воспринятые в сердце вместе с чистим учением Церкви, вредят душе христианина. Можно ли даже и спрашивать: угодны ли Богу такие, отравленные ложным учением, исповедания веры? Ясно, что неуютны. На вопрос о возможности спасения в сих исповеданиях общий ответ: только в Церкви православной обрести можно спасение. Так учит сама Церковь. Так и должно быть. Ибо спасение только в истине, а истина только в Церкви, только одна, как и Церковь – одна: верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь, говорит наш символ веры.

«Мои дневники»

Почему же не навсегда?

Война многих отрезвила, многим раскрыла глаза на те опасности, коими грозило нашему народу немецкое засилье. Сорок лет люди церковные твердили, что немецкая пропаганда штундобаптизма в сущности есть перевоспитание нашего народа в духе немецком, что вытравление из народной души идеалов православия есть духовное пленение его немцами, что поэтому – допускать распространение ереси лютеровой в русском народе, не говоря уже о духовном развращении, о гибели душ, есть грех против русского государства с точки зрения политической. Казалось бы, раз православная вера основными законами нашими признана господствующею, а прочие исповедания – только терпимыми, не следовало бы и говорить о какой-то свободе распространения ересей на Руси; если всякая ересь есть несомненное зло, а в отношении лютеровой ереси – не только зло религиозное, губительное для души русского человека, но и вредное для государства, то и вопрос надо считать решенным: всякого проповедника этой злой ереси надо гнать вон из России, гнать навсегда, как врага России, русского народа, как развратителя его, подкапывающегося под самые основы государства русского. К сожалению, хорошо понимали это только люди церковного направления, но они-то и не могли ничего сделать, чтоб пресечь зло духовного отравления народа. А там, в верхах, не понимали этого, не хотели вдуматься в страшную опасность от духовной заразы, вносимой в народ штундобаптизмом и другими ересями. Враги Церкви православной вбили в головы руководящим кругам, что «свобода исповеданий» есть высшее благо, во имя коего нельзя преследовать проповедников иных вер; что до того, что эти проповедники развратят духовно, оторвут от родной Церкви, а затем и от родного народа несколько тысяч простецов? Зато принцип «свободы» будет сохранен, зато-де нас не будут немцы звать варварами, отсталыми, фанатиками и т.под.

Грянул гром войны, и даже те, которым вера православная казалась делом безразличным, даже и они прозрели, и для них стало очевидно, что совращение русского народа в немецкую веру вовсе уж не такое безразличное дело, что приходится принимать против сего меры. И принимают. В газетах читаем: в Одессе закрыто столько-то общин, в Москве – столько-то; в Петрограде выслан за границу известный совратитель нашего народа в баптизм Фетлер (скажу в скобках: щуку утопили в море!) и т.п. Но вот что никак не вмещается в наше сознание: тут же читаешь оговорки, что эти меры принимаются только на время войны... Стало быть?... И общины откроются, и фетлеры-развратители снова появятся по окончании войны?... Стало быть – с окончанием военных действий, с заключением мира все опасности, теперь замеченные, сами собою исчезнут? Или то, что в военное время считается зловредным, в мирное время по меньшей мере безвредно? Но ведь речь идет об основах народной жизни русской, о самых корнях народного мирозерцания, о сокровищах души народной! Стало быть, в мирное время расхищать эти сокровища разным Фетлерам разрешается? Народ – младенец умом в вопросах веры; надо оберегать его от таких хищников, а тут во имя какой-то – простите – бессмысленной свободы веры дается полный простор этим развратителям народа, соблазнителям малых сих, – простор подрывать доверие к родной Церкви-матери, подкапываться под нее, а вместе и под устои русского государства... и только тогда, когда сии Фетлеры уж слишком усердно поведут свою враждебную пропаганду, когда их подкопы под государство станут до очевидности ясны, когда пожар распространится, принимаются против них меры, – скорее полумеры, как будто лишь для того, чтоб не слишком громко раздавался протест верующих русских людей, свидетелей зловредной деятельности этих Фетлеров... А если не так, то – скажите ради Бога: как же понимать эту свободу, которая как бы уже заранее обеспечена Фетлерам после окончания войны? Вы не хотите допускать, чтоб они играли роль мучеников? Да пусть их, сколько их душевке угодно, кичатся своим мученичеством, которое и все-то будет заключаться лишь

в лишении права проповедовать свою ересь в среде нашего родного народа, права, коего они по закону и не имеют пока, но которое предвосхищают себе под разными лукавыми предложениями, прикрываясь нашим широколиберальным простодушием и равнодушием к родной вере наших отцов.

Но Фетлеры – это, так сказать, только частичное явление; покушение на православие, как на основу народного духа, идет в разных видах, проявляется в разных областях жизни. На душе наболело отношение к Церкви нашей – наших лжелиберальных газет, отношение некоторых земских учреждений; отношение наших судебных учреждений... Особенно непонятна, с нашей точки зрения, свобода изданий разных сектантских газет и журналов. Кому они нужны? Кому служат, как не врагам России? А если так, то ужели мы уж так связаны либеральными идеями, что себе во вред принуждены допускать существование у себя этих червоточин русской души?.. Изодня в день какая-нибудь «Утренняя Заря», какой-нибудь баптистский «Христианин» сеет смуту в православной русской душе, клеветая на духовенство, подрывая уважение к церковным обрядам, искусно делая намеки кощунственные на все, что нам дорого, что для нас свято... А нам говорят: кто же вас заставляет читать? Эти газеты, эти журналы издаются для сектантов, не читайте их и не станете смущаться. Но позвольте: газета есть публичная кафедра, поставленная среди площади: с нее слышится речь всякому проходящему; газета, журнал могут попасть в руки православного, а мы знаем, что они и издаются-то именно для соблазна православных, – мы имеем немало жалоб от православных на этот соблазн: что же, ужели, хотя бы во имя той же пресловутой «свободы», ужели нельзя освободить нас, православных, от этой отравы, от оскорбления наших святых чувств, от того соблазна, который вносится в простую душу читателя этих изданий, существующих на немецкие деньги? Ужели теперь, когда милостью Божией раскрыты все злоухищрения нашего врага-немца, не ясно, что надобно просто, без всяких разговоров закрыть навсегда подобные издания и впредь зорко следить, чтоб они не возрождались на святой Руси?..

Признаемся, мы, старики, не можем никак усвоить себе эту масонскую теорию свободы. Нам все кажется: раз известное явление признано злом – надо с ним бороться законом, запрещением, наказанием, если средства нравственные, по упорству злой воли, не достигают цели. Между тем мы постоянно видим: против воров и разбойников, посягающих на чужую собственность, принимаются меры: их ловят, сажают в тюрьмы, ссылают куда-нибудь; а против посягающих на сокровища души народной, развращающих народ ложными учениями, отравляющих душу, похищающих веру из простой души русского человека – почти не принимается никаких мер. Вот, наконец, нужда заставила принять кое-какие меры: слишком уж резко стали выступать враги Церкви с своею пропагандой; но и тут – оговорка: эта мера принята на время, пока существует военное положение, а там – милости просим опять, г. Фетлер с товарищи, в Петроград, опять выступай смело с клеветами на православие, опять публично перекрещивай православных невежд, кого удастся загубить своею отравой...

Нет, решительно мы этого в толк взять не можем и во имя здравого русского смысла взываем: зло есть зло и никакой ему свободы быть не должно! В немецких землях собираются провести закон совсем запрещающий наше родное православие, а мы спокойно смотрим, как немецкие проходимцы под видом благочестия совращают наш простодушный, младенчествуящий в вере народ? Мыслимо ли это? Торговать ядом строго запрещается, а издавать духовную отраву в виде газеты или журнала, в виде книг и брошюр – дозволяется? Да ведь отравы-то духовная, если уж вам угодно оберегать только целостность государства, а не православие, – ведь это отравы дала себя почувствовать хотя бы и в государственном отношении в эту войну. Уважая якобы свободу религиозных убеждений, у нас не требуют, например, от менонитов строевой службы, якобы противной их религиозным убеждениям, а православного не спрашивают об убеждениях, и если бы он отказался идти в строй, то подвергся бы строгой каре военных законов. Следовательно: человек ложных убеждений, убеждений вредных для государства, притом

заразительных для народной массы, получает привилегию освобождения от опасностей для его жизни; об этом хлопочут даже некоторые земства, требуя для санитарной службы в своих лазаретах исключительно менонитов... Продолжите основную мысль такого отношения к менонитам и сами увидите: к каким придете выводам. Что же: это безразлично для государства?... Говорите по совести!..

Враг каждого искушает сообразно с его наклонностями: немца он заражает гордынею и презрением к другим народам, а русского – его мягкосердечием, идеализмом, искажая сей идеализм и подменивая его ложными либеральными идеями. Немец отлично видит это и смеется над русским и пользуется его простодушием, его мягкосердечием для того, чтобы обманывать его и поработать себе духовно и материально... И одним из могучих средств такого поработания является совращение русского православного человека в немецкую веру, расхищение его духовных сокровищ, духовное его обезличение. И видят это люди умные, люди власть имущие, и принимают меры, но... только на военное время. Почему же не навсегда? С болью сердца мы ставим этот жгучий вопрос!..

Суеверные письма и молитвы

Лет пятьдесят тому назад, когда я еще учился в духовном училище, крестьянские мальчики, мои сверстники, принесли мне листочек, переписанный полууставом, под заглавием «Святое письмо». В нем говорилось, что в святом граде Иерусалиме близ Гроба Господня был слышан глас с неба: «Поражу весь мир бедствием!» А чтобы это бедствие не постигло, предписывалось читать, а главное – переписывать и рассылать приложенную при письме молитву, причем обещалось счастье тому, кто перепишет девять таких молитв и разошлет своим знакомым, а кто этого не исполнит, того поразит беда. И вот крестьянские дети старались переписывать эту безграмотную молитву и снабжали ею соседей, в том числе и меня. Помню, что молитва та показалась мне очень безграмотной и даже еретической, и я толковал своим простецам друзьям, что верить ей не следует, что надо молиться теми молитвами, какие есть в книгах церковных, а не какими-то, секретно распространяемыми неведомо кем.

Представьте себе, что это суеверие с молитвою и святым письмом живет и доселе! И теперь странствует эта молитва по святой Руси, и теперь тщательно переписывают ее досужие простецы и посылают повсюду, воображая, что сим делают доброе дело! Худо то, что, по-видимому, такими письмами закидывают наше христолюбивое воинство, благо пересылка в действующую армию бесплатная. Пишущий сии строки получил несколько писем, коими просят разъяснить: что это за молитва, что за «святое письмо»? Можно ли верить им? Конечно, воины могли бы обращаться с такими вопросами ближе – к своим военным священникам, но или не догадываются, или нет близко священников, а бумага и карандаш под руками, да и пересылка даровая.

Недобросовестные сочинители подобных писем не страшатся быть «лжесвидетелями о Боге», как говорит св. Апостол Павел, потому что приписывают Богу то, чего Он не делал (1Кор. 15,15). Так, в одном таком «письме» мы читаем:

«Сие письмо найдено за иконой в Почаевской лавре. Письмо это писано золотыми буквами Самим Иисусом Христом. Кто это письмо хочет прочесть, то оно само раскрывается, потом опять закрывается в скором виде(?) и возвращается в собор за образ св. Михаила». Далее идут наставления, после которых следуют обычные в таких апокрифических письмах угрозы и обетования: «Кто не будет верить этому письму, тот будет проклят отныне, а кто будет давать списывать и прочитывать письмо, то хотя бы имел столько грехов, как на небе звезд и в море песку или на земле травы, то все будет прощено, а кто это письмо имеет и не дает списывать другим, тот будет Богом наказан и изгнан из царствия Божия. И кто будет иметь это письмо на войне, то ни один неприятель не повредит, а кто это письмо носит при себе, тот везде будет счастлив и получит царствие Божие».

Подумаешь: как все просто: возьми лоскуток бумаги с полуграмотным письмом, какое написал какой-то сочинитель от имени Христа – и будешь цел на войне, а вот если будешь носить на себе святое Евангелие, крест Христов, то этого тебе сочинитель не обещает, – его писанье, оказывается, имеет какую-то чудотворную силу, а слово Божие – нет... Бедные невежественные простецы, верящие подобным вымыслам! И трудятся ведь, и переписывают «письмо», переписывают и молитву, в коей даже ересь есть, ибо трисвятое: Святой Боже – в этой молитве относится к одному Лицу Святой Троицы – Иисусу Христу. И при этой молитве те же обетования, те же угрозы... Если кто получит такую молитву или письмо, – сжигайте эту бумажку, как писанье какого-то невежды, дерзающего даже на Господа Бога «лжесвидетельствовать». А ему отвечайте, что письмо его сожжено и верить сему письму грешно...

Слово – серебро, молчание – золото

Хорошо было в старое доброе время: слова имели определенный смысл, добро и называлось добром, а зло – злом; наши старики любили точность в выражении своих мыслей и не терпели неопределенности. Ныне не то: ныне пущено в ход множество слов, смысл которых предоставляется определять кому как угодно. Таковы столь любимые ныне слова: «свобода», «равенство», «братство», «любовь»; таково же и слово «гласность». Обыкновенно о смысле этих слов не спорят: все признают их словами хорошими, бесспорными, если бы кто усумнился в этом, такого сочли бы отсталым, «ретроградом», а то и человеконенавистником. Между тем как все подобные слова требуют себе непременно дополнения: свобода – кому и для чего? разбойнику грабить и убивать? Равенство в чем и кому? бесталанному лентяю и бессовестному обманщику – с честным человеком, трудолюбивым и талантливым? Братство – в каком отношении и опять кому? заведомому эксплуататору – иудею с честнейшим христианином? Тоже и о гласности: говорят и хотят всех уверить, будто это уж такая полезная и хорошая вещь, что и спора быть не может. Однако же мы на деле видим, что она способна входить в союз с ложью, обманом, клеветой и тогда, конечно, уж ни в каком случае не может быть признана полезною.

В наши дни именно гласность стала орудием обмана целых народов, как это ни казалось бы невозможным. На наших глазах миллионные массы простого народа в Германии, Австрии и Турции находятся в состоянии обманутых, верят тому, что находят нужным печатать во всеобщее сведение правительства этих народов, и нет средств разубедить их дотоле, пока самое дело, а не слова, не печатные листы, покажет, как их обманывали руководители народной жизни. И горько будет тогда народное разочарование!

Гласность считается каким-то благом. На самом деле она может быть благом, но – увы – чаще бывает величайшим злом.

И особенно много зла вносит в нашу жизнь гласность в наше время, когда печатью – надо в этом сознаться – завладели в громадном большинстве иудеи, которые еще во времена пророка Исаии отличались искусством зло называть добром, а добро – злом, черное представлять белым и обратно. Они больше всех кричали о свободе гласности и больше всех злоупотребляют этою свободой. Но и не одни иудеи, – наши интеллигенты либерального лагеря не уступают иудеям в злоупотреблении гласностью. Скажу больше: понятие о гласности, как о каком-то бесспорном благе, проникает даже туда, где ему уже никак не подобало бы быть. Я говорю о духовной печати, о той гласности, которой хотят пользоваться некоторые духовные писатели. Если кому, то им-то уж во всяком случае подобало бы помнить слово Спасителя: «Всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный». Печатное слово есть то же, даже больше, чем проповедь на площади, среди улицы, в миллионной толпе. Прежде чем выйти на такую проповедь, оратор должен заглянуть в свою совесть, проверить себя: составляет ли задуманная им проповедь – его долг пред совестью, пред Богом, или же он хочет только использовать свободу слова, предоставленную всякому гражданским законом? Тем паче служитель алтаря Христова должен проверить себя, да не только своею совестью, но и совестью другого, кого он считает стоящим выше себя в духовном отношении, должен ли, обязан ли он выступить со словом обличения в печати? Откуда идет к нему помысл, желание такого выступления? С какой стороны: справа или слева? Я говорю, что ему следует проверить себя совестью другого, кто опытнее его в духовной жизни, потому что наша совесть, потемненная страстями, нередко позволяет, вернее сказать – насилуема бывает попускать нашему уму, который почти всегда находится на послугах у грешного сердца, лукавовать в решении таких вопросов, и слушаться не ее, совести, а пришедшего от страсти помысла слева... Объясню примером. В церковной жизни замечается тот или иной недостаток, остановивший на себе внимание мирян. Для них правило, о коем я только что упомянул: проверять свою совесть

советом другого – к сожалению, неведомо. Разве из тысячи один вспомнит о нем. Обычно под видом ревности о Церкви, о ее канонах, уставах и дисциплине миряне начинают обсуждать в газетах этот недостаток, обвиняя в нем по обычаю власть церковную. С своей точки зрения, пользуясь в известных пределах свободой печатного слова, они внешне, юридически, правы. По крайней мере, если бы им напомнили вышесказанное правило, они с изумлением посмотрели бы на напоминающего или же прямо сказали бы: «Вот чего вы захотели! А где же свобода слова, свобода совести?» Но вот с словом критики выступает священник. Прежде всего он должен спросить свою совесть: призван ли он своим званием, своим пастырским долгом к такому выступлению? Затем откуда: справа или слева явился у него помысл, побуждение к этому выступлению? Не было ли в его прошлом так называемого на языке аскетов «приражения» к церковной власти? Не немирствовало ли его сердце по отношению к этой власти по какому-либо поводу, хотя бы самому ничтожному, а тем более – не ничтожному? Если он строг к голосу своей совести, если прислушивается к нему как подобает пастырю Церкви, то он не станет решать этих вопросов сам, не проверив себя совестью другого пастыря. Он предпочтет отказаться от своего мнения по данному вопросу, если оно будет расходиться с образом действий церковной власти, дабы не внести соблазна в души верующих своим выступлением. К сожалению, ныне не те времена. Я опасюсь, что меня даже не поймут такие любители печатных выступлений. «Как? – скажут они. – Миряне могут, а нам нельзя? Да кто же больше понимает дело церковное, мы или миряне?» Таким я сказал бы: успокойтесь, отцы, никто не запрещает вам, не отнимает у вас свободы печатно высказывать свои мнения в известных, законом указанных пределах; я и не говорю о вашем гражданском праве на этот счет. Я напоминаю вам ваш долг как служителей Церкви. Да, вы нравственно обязаны всенепременно сверять свои действия с законом совести, и не просто только действовать, как вам ваш разум подскажет, хотя бы он и сослался в этом случае на вашу «спокойную» совесть, а непременно – проверить ее голос

мнением и советом лица, которому вы доверяетесь как духовному отцу. Так будет несомненно лучше и безопаснее. Не подумайте, что я говорю о внешней опасности для вас со стороны той же власти, – нет, а опасность есть погрешить праздным, для верующих вредным, словом, если будете критиковать действия своей власти. Ведь очень возможно, что помысл ваш идет слева, хотя бы вы и не приражены лично к своей власти. Враг хитер и подсказывает нам иногда под благовидным предлогом ревности о Церкви сеять недоверие к авторитету церковной власти критикой ее действий. Известно, что у хлыстов, спиритов, баптистов и всех еретиков и раскольников правило: искать недостатки в духовенстве Православной Церкви и критиковать их. То же прикровенно бывает и с мирянами, и с иереями, критикующими власть церковную. Не говорю: бывает сознательно, но враг пользуется всяким случаем, чтоб подрывать доверие к духовенству, к власти церковной, чтоб мало-помалу расшатывать веру в самую Церковь и охлаждать любовь к ней в лице ее власти и ее служителей. Можно ли допустить, чтоб этому содействовал, хотя косвенно, хотя бессознательно, служитель самой Церкви?

Не все то золото, что блестит, говорит народная мудрость. Не все то добро, что кажется добром. Не всякая «правда» имеет право на всеобщее оглашение. И если иезуит говорит, что «цель оправдывает средства», а потому и все средства хороши, если ведут к доброй цели, то православный иерей, как служитель своей Церкви, не может так думать, так говорить, тем менее так действовать. Если он видит зло, видит беспорядок, требующий исправления, то его долг – сказать об этом тому, кто может исправить этот беспорядок. И довольно с него. Он сложил с своей совести на совесть того, кому поведал о зле и беспорядке, и может быть спокоен. Другое дело, если он сам должен исправить зло и беспорядок, если это – долг его служения Церкви. Тогда пусть он – не говорит только, но и действует. А если сам он исправить не может, если это выше его меры, то довольно с него, если скажет власти свою мысль. А выходить на улицу и кричать пред толпою, жаловаться толпе на бездействие власти – это уже само по себе составляет

непорядок, предвосхищение не принадлежащего ему права. Ты кто еси, говорит Апостол, судяй чуждему рабу? И кто такое эта толпа, улица, то есть масса неведомых тебе читателей печатных листов, на которых ты выступаешь с своими обличениями, кто они, чтоб быть судиями властей? В громадном большинстве они и дела-то не понимают, и пускаются вслед за тобою судить вкривь и вкось о деле, и возбуждают друг в друге неудовольствие на власть...

Обычно нетерпеливые критики действий власти в своих печатных выступлениях легкомысленно нападают на лиц, стоящих близко к власти, имеющих возможность воздействовать на власть. Поучительно в этом отношении то, что говорил великий мудрец прошлого века, святитель Филарет Московский. В 1856 году А. А. Пороховщиков, сообщая ему впечатления своей первой встречи с представителями славянофильского учения, выразил изумление, что такие даровитые и просвещенные сторонники Самодержавия, как славянофилы, не только не пользуются у нас доверием правительства, но еще отмечены каким-то неопределенным пятном политической неблагонадежности. Было высказано г. Пороховщиковым и предположение о том, что если бы предоставить этим славянофилам открыто исповедовать свое учение, то одним изданием доступного массе изложения своего мировоззрения они вызвали бы в народе такой отклик, который рассеял бы все подозрения и взамен Царя недоумевающего увидели бы Царя – единомышленника и заступника.

«Быть может, вы и правы в своих предположениях, – сказал святитель, – да только время не пришло. С годами убедитесь, что законы роста не допускают исключений. Посеянному зерну для всхода нужно время. Так и тут».

«Но разве люди в таком исключительном положении, как настоящее положение московского митрополита, не могут своим участием приблизить это время», – возразил Пороховщиков.

«Не могут, – сказал митрополит, – потому что ныне и митрополиту могут сказать: не твое дело. Я не доживу до того дня, когда рассеются недоразумения в этом вопросе, когда в защиту его заговорят не одни митрополиты, когда сами славяне

потянутся к нам сознательно; но вы, Бог даст, доживете... доживете, пожалуй, и до Царя-единомышленника».

Святитель действительно не дожил до того дня: он умер в 1867 году, а уже в 1875 году созрела мысль о своевременности приступить к окончательному решению так называемого «восточного вопроса».

Так рассуждал мудрый святитель и был глубоко прав в своих суждениях. Он зорко следил за событиями, бодро стоял на страже Церкви и отечества, выступал там, где повелевал ему долг, но когда не видел пользы от своих выступлений, то умолкал, предоставляя Богу сотворить потребное в свое время.

Помню, поведал мне покойный мой авва, о. Леонид, наместник Сергиевой Лавры, как он, будучи еще молодым иеромонахом, в беседе с великим святителем московским Филаретом, говоря о непорядках того времени, – дело было в середине шестидесятых годов, – дерзнул сказать святителю: «Владыко святой, все ждут вашей власти: кто же дерзнет, кроме вас, сказать правду ей, да и кого же ей слушать, как не вас?» И услышал о. Леонид ответ святителя, сказанный со вздохом: «Говорил, да не слушают». Значит, что требовала совесть святителя Божия, то он говорил, не молчал, но пока дело касалось земных порядков, пока не касались догматов веры, святыни сей неприкосновенной, дотоле и его совесть была спокойна: «Говорил, да не слушают». А ныне какой-нибудь либерал-батюшка, усмотрев какой-нибудь непорядок в церковной жизни, выступает уже с резкими обличениями его в каком-нибудь не всегда чистоплотном органе, не замечая того, что тут же, рядом с ним, стоят с своими статьями открытые враги Церкви, иудеи или иудействующие кадеки, им же ныне несть числа... И вступает такой иерей на наклонную плоскость дешевой популярности, и попадает в сети вражды, и постепенно катится по этой плоскости, забывая печальные примеры Григориев Петровых, Михайлов Семеновых, Илиодоров – Труфановых и им подобных. Спириты говорят, что лицам духовным особенно опасно заниматься вызыванием духов, и тем сами обличают того, кто руководит ими. Нечто подобное можно сказать и в отношении обличительных выступлений: в

духовном отношении они опаснее для лиц духовных, чем для мирян: кому много дано, с того много и взыщется, и если своими неразумными, может быть, слишком дерзновенными выступлениями иерей оскорбит носимую им благодать священства, требующую от него особенной чистоты совести и строгого отношения к своим поступкам, то враг скорее найдет доступ к его душе и возобладает им, как это мы и видели на примере вышеупомянутых несчастных расстриг...

Да, повторю: не всякую и правду можно оглашать, выходя на газетную улицу. Не всякую «правду» обязана выслушивать и обличаемая власть. Вспомним, как относились к «правде», высказываемой сатаной, Сам Христос Спаситель и Его Апостолы. Разве не правду говорили нечистые духи, взывая Господу: «знаю, Кто Ты – Святой Божий!» Разве лгал дух пытливый в несчастной отроковице, о которой говорится в Деяниях Апостольских (16,17), когда ее устами взывал во след Апостолов: это – рабы Божии, они возвещают нам путь спасения? Но принял ли во внимание Апостол Христов такое непрошеное свидетельство о его Божественном посланничестве? Напротив, он с негодованием отверг его и заставил молчать злого духа, не допуская даже мысли о том, чтобы использовать такое свидетельство, казавшееся даже благоприятным для него.

Само собою разумеется, я говорю о тех обличительных выступлениях иереев в печати (слава Богу – немногочисленных), в которых звучит голос недовольства, критики, раздражения против власти. Тут нет сомнения, что все таковые выступления – слева и от лукавого. И слушать их не стоит. Должно обращать внимание на самих авторов, на их духовное настроение; надо пожалеть их и позаботиться об их вразумлении и отрезвлении. Ибо что такое их выступления, как не плод некоего опьянения самомнением и немирным чувством к своей власти?..

Есть другого рода выступления, в коих о недостатках церковной и государственной жизни говорится без раздражения, спокойно, даже благожелательно. Но и тут я советовал бы пастырям Церкви держаться построже правила: пользуйся

своим правом только тогда, когда оно станет твоим долгом. Всякое право налагает обязанности, а такую и является исполнение долга. Хочешь использовать свое право? Спроси свою совесть: требует ли от тебя этого долг? Если – да, то исполни этот долг. Если – нет, то вспомни пословицу: слово – серебро, молчание – золото, и посоветуйся с теми, кто опытнее тебя в духовной жизни. Может быть, опытный человек скажет тебе, что использование тобою права наложит на тебя тяжелую обязанность, которой ты не имел в виду принимать на себя.

Ныне так много охотников «писать», что не беда, если одним будет меньше. Всякому хочется сказать свое слово «на пользу общую», а нередко выходит одно празднословие из этого. Говорят нередко то, что давно уже сказано, и сказано умнее, дельнее, а пишущий думает, что никто еще не говорил того, что он хочет сказать... Так не лучше ли и в самом деле иной раз помолчать?..

О честолюбии и властолюбии

Доброе слово некоторым инокам и пастырям Церкви

Кто хочет поглубже заглянуть в свое сердце, в свою душу, кто не хочет быть только по имени христианином, для того нет лучшего времени в году, как Великий пост. Для лечения телесных недугов люди отправляются в больницы или, по совету врачей, – куда-нибудь на лечебные воды и там в известное время года проходят курс лечения под руководством опытных врачей. Наша духовная лечебница – наша святая Церковь, наш лечебный сезон – преимущественно Великий пост. И если сим святым временем спешит воспользоваться каждый православный христианин, то тем паче должен это сделать служитель Церкви, пастырь Церкви, а равно и тот, кто ушел от мира в святую обитель, принял там звание инок, обязывающее его и жить иначе, чем мирянин, не только в посты, но и во всю свою жизнь. Мы живем в тревожное, можно сказать – грозное время: не напрасно некоторые вдумчивые и внимательные к себе люди вопрошают, не настали ли уже последние времена, не близок ли последний суд?.. Но времена и лета положил Господь в Своей власти, и никто не знает – даже Ангелы Божии – последнего дня и часа суда Божия, а вот готовиться к сему суду необходимо, если кто не хочет пойти в муку вечную с дьяволом и аггелами его. Вот почему мне хотелось бы сказать доброе слово наипаче своим собратиям по монашеству и сослужителям во Христе – пастырям Христовой Церкви, – сказать то, что наболело на душе при виде наших духовных немощей, иногда уж слишком ярко выступающих и показывающих, что некоторые из нас забыли обеты свои и пошли путем мира сего лукавого – пусть сами в совести своей решат: куда ведет и заведет их этот путь!..

Святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов указывает три ветви, исходящие из основного корня греха: похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую. Все наши грехи суть разветвления и плоды этих главных ветвей греха; враг зорко следит: к чему более склонна душа человека, на какой, так

сказать, ветви греха чаще останавливается ее мысленный взор, и соответственно сему искушает человека. Для того чтобы птица попала в руки ловца, довольно, чтобы она хотя одним коготком запуталась в его сетях: так и для гибели души довольно одной какой-либо страсти овладеть душою всецело. И мы замечаем, что у каждого грешника есть свой излюбленный им идол, которому он служит, своя страсть, которая господствует в его сердце. Само собою разумеется, что это не исключает служения и другим страстям, но сии страсти обычно уступают первенство господственной страсти и нередко прикрывают ее от духовного взора даже самого пленника сей страсти. Так постыдная страсть плотская иногда прикрывается страстью якобы благородной гордости, страсть скупости – лицемерным человеколюбием и тщеславием.

У святых отцов есть пророчество о монахах последних времен, что будут они спасаться не великими подвигами внешнего делания, а великим смирением. И за таковое смирение некоторые из них превзойдут древних чудотворцев. А противоположная смирению страсть, конечно, есть гордыня, питаемая тщеславием и честолюбием. Знает это враг и искушает современных нам иноков, а также и служителей алтаря Христова, наипаче всего честолюбием, тщеславием, а затем, конечно, и гордынею. Это заметил еще великий святитель Филарет митрополит Московский. «Опаснее всего, – говорил он, – для монаха – честолюбие». С лишком сорок лет живу я в монастыре, благодарю Бога, что моим духовным руководителем в продолжении многих лет был незабвенный ученик великого в своем монашеском смирении старца Оптиной пустыни о. Макария архимандрит Леонид (Кавелин), который постоянно твердил мне о первом завете своего старца – послушании и смирении, об отсечении своего смышления и искании воли Божией наипаче во внешних обстоятельствах жизни. С этой точки зрения покойный старец оценивал нравственный облик каждого монаха, ему подчиненного; никакие внешние достоинства в его глазах не имели большой цены, если монах имел склонность ценить самого себя. «Самоцен – первый враг монаха», – говаривал он. И все

внимание старца, как настоятеля монастыря, было обращено на воспитание в подчиненных духа смирения, отсечения своей воли и смышления, сознания той животворящей в духовном отношении истины, что не мы делаем доброе, если что делаем, а Господь Своею всемошною благодатью, и если мы себе приписываем какое-либо добро, то крадем его, это добро, у Бога. Это в корне подсекало в иноках, внимающих своему спасению, всякий самоцен, а следовательно, отнимало почву и у честолюбия, стремления к наградам, к повышению в священном сане и под. Послушник может еще мечтать о монашеском звании, но должен помнить, что монах-то и есть, по выражению преподобного Иоанна Лествичника, «бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа» (Леств. гл. 23,27). В таком настроении придет ли человеку на мысль расценивать свои достоинства и заслуги и мечтать о каких бы то ни было наградах? Если данные Господом Иисусом Христом нравственные законы обязательны для всякого верующего, то тем более они обязательны для инока, для служителя Церкви, облеченного благодатью священства. И тот и другой должны помнить, что Господь не нуждается в их, говоря человечески, услугах в великом деле спасения людей в Церкви Его, а потому за великое счастье должны почитать, если Господь соделает что-либо чрез них, так что они удостоятся быть живыми органами Его жизнедеятельности в Его святой Церкви. Мысль о земных, человеческих наградах являлась бы для них кощунством, ибо их награда – то благодатное утешение, какое переживают они в своей совести, сознавая свою близость к Господу Спасителю. Но все мы немощны, ко всякому из нас может приразиться искусительный помысл самоцена, а потому те, кто стоит на страже спасения души монаха, имеют долг постоянно напоминать ему об этом, а когда потребно, то и ставить преграды к проявлению самоцена. Так и делал покойный о. Леонид. Помню, одно высокопоставленное лицо, мирянин, вздумал ходатайствовать пред ним о рукоположении скитского иеродиакона в сан иеромонаха. «Я и сам думал об этом, – сказал старец, – но теперь вижу, что ему рано быть иеромонахом; извините, ваше превосходительство, у меня уж

такая дурная привычка: за кого ходатайствуют миряне, того – подальше поставить от повышений, пока у него простынет искушение самоцена». И действительно, он отложил рукоположение иеродиакона почти на три года, дабы не повадно было и монахам искать повышений и наград чрез мирян, а мирянам ходатайствовать за них ко вреду их. А когда таких преград к исканию повышений не ставится, когда начальство прислушивается к тому, что вот такой-то инок «скорбит», что его «забыли», долго не повышают, не награждают, то среди монашествующих быстро развивается честолюбивое искательство наград и повышений, и тогда начальству приходится постоянно слышать попреки, что оно несправедливо к тому или другому иноку, и конца не будет таким упрекам. Страсть честолюбия положительно ненасытима, как и всякая, впрочем, другая страсть. Послушник мечтает быть манатейным монахом, но не для того, чтоб усилить подвиги иноческого жития, – этого ему не запретит отец духовный и в состоянии послушничества, – а для того, чтобы пройти по церкви, распустив свою мантию: смотрите-де, я теперь уже не послушник, а монах... Конечно, я говорю не о всех монахах, а только о тех, которые усиленно добивались пострижения. Но не долго утешает таких и мантия: скоро является желание сана иеродиакона, а затем и иеромонашества. А там пойдут эти награды: набедренник, крест, а если есть возможность, то и орден... Я встречал несчастных иноков, одержимых страстью честолюбия до того, что они наводили справки: какое братство или общество какой дает значок своим членам, чтоб купить себе и повесить этот значок, внося известную сумму как пожертвование на братство или общество. И обвешивает себя такой «инок» подобными значками, и не замечает, что добрые люди благодушно смеются над его страстью к таким значкам. Но дело и сим не ограничивается: скоро эти значки ему наскучивают, страсть честолюбия ищет себе новой пищи и постепенно превращается в страсть к властолюбию. Какой-нибудь простец, не умеющий правильно написать своего имени, чуть не по складам читающий Евангелие, мечтает быть уже настоятелем в каком-нибудь монастыре, а с настоятельством

получить и сан игумена, а затем и архимандрита... Где предел такому духовному уродству?.. Иначе я не умею назвать такое печальное явление в среде иночества... К несчастью, в наше путаное время чего не бывает? И такие честолюбцы на горе себе и подчиненным иногда достигают своих целей и увенчают свою главу митрами... Я сказал: на горе другим – это понятно, ибо какой уж будет настоятель – человек без опыта духовного, преданный страсти властолюбия, ослепленный мнением о себе, как о некоем выдающемся таланте, как о заслуженном человеке? Но он получает искомое и на горе себе: всегда должно помнить, что в области духа, в жизни Церкви, такое предвосхищение власти с целью обратить ее на служение идолу честолюбия не проходит безнаказанно для честолюбца. Бог помогает только тому, кто Ему служит, а без Божией помощи проходить служение делу спасения ближних невозможно. Посему честолюбец предоставляется собственным силам в новом своем положении и скоро начинает чувствовать это оставление его благодатию вспомоществующею... Его постигают неудачи по службе, нестроения в среде братии, которая не может питать к нему должного доверия и уважения, начинаются искушения, от которых он готов был бы бежать... Кто не своею волею стал на место начальника, кто не искал сего места, тот в таких случаях имеет дерзновение просить у Бога помощи: «Господи, Тебе было благоугодно поставить меня на это место: Ты и помогай мне!» А кто сам домогался места начальнического, кто достиг его кривыми путями, тот не смеет, не может с таким дерзновением обращаться к Богу в трудные минуты жизни. Его мучает совесть, его вера слаба, а враг не дает ему свободы отрезвиться, спокойно взглянуть на свое прошлое, раскаяться в своем честолюбивом искательстве... Мало того: Божиим попущением бывает, что пока он жил в обители подначальным, дотоле не знал некоторых искушений, оберегаемый от них всем строем монастырской жизни, а оказавшись на некоторой свободе, мало-помалу поддается и сим искушениям, которые доводят иных настоятелей-искателей до гибели...

Я назвал служение страсти честолюбия «уродством»: оно таково и есть на самом деле. Человек отрекся от мира, дал обет глубокого смирения и борьбы с своими страстями, имеет к тому и средства в самой обстановке монашеской жизни и постоянное о том напоминание в самых одеждах своих: его цель – достигнуть такой глубины смирения, чтобы считать себя как бы лежащим под всю тварю – хуже всякой твари, а у св. отцов есть даже выражение, что монах должен считать себя хуже самого беса (ибо, объясняют отцы, бес бесу не вредит, а человек человеку может вредить, следовательно, он в сем случае поступает хуже беса), и вдруг – свое «я» он ставит выше всего, начинает служить своему самоцену, как идолу, отдает и время и силы на это служение, извращает весь порядок духовной своей жизни: разве он не представляет из себя урод, вроде, например, горбача? Не напрасно же преподобный Нил Синайский называет гордость «опухолью души». Всякая страсть, когда она всецело овладеет человеком, представляет как бы помешательство, но страсть гордости, самоцена, славолубия есть по преимуществу помешательство, ибо справедливо, говорит св. Лествичник, что если блудных могут еще исправить люди, то гордых только Сам Бог. В самом деле: чтобы вы ни говорили зараженному самоценом иноку о монашеском смирении, о воле Божией, о необходимости бороться с своим самоценом, – он упорно будет стоять на своем: «Я-де не хуже других, вот такой-то награжден, почему же меня обошли?» – и прочие неумные глаголы. У него будто вытравлено нравственное чувство, лучше сказать – оно извращено у него: все, что по долгу монашеского смирения он должен бы сказать в пользу брата, он говорит о себе, и наоборот: что должен бы сказать о себе, то говорит о брате... Тяжело да, пожалуй, и бесполезно говорить с такими людьми: они не понимают вас, не хотят понимать. У них одно на уме – их собственные достоинства, их заслуги, большею частью, конечно, мнимые.

Я назвал страсть честолюбия помешательством. Из всех страстей, воюющих на душу, она чаще всего и действительно переходит в помешательство. Знаю немало таких примеров. Дело в том, что есть так называемые в психиатрии «навязчивые

мысли», а по-нашему, по-монашески, неотступные помыслы, которые Божиим попусшением к смирению человека, и вражеским воздействием так овладевают умом его, что он перестает отличать свою мечту от действительности; и вот мечтал, например, о набедреннике, и мнится ему, наконец, что уже получил его; мысль идет дальше: он уже мечтает о дальнейших наградах и в своем помысле и мечте воображает, что получил уже их... Так один несчастный иеромонах в Сергиевой Лавре дошел до того, что вообразил себя белгородским (почему-то!) патриархом, целые ночи проводил на молитве, готовясь якобы к служению, и кончил тем, что начал буйствовать и умер в доме умалишенных... Все, одержимые манией величия, несомненно в здравом состоянии мечтали о повышении, наградах, что и дало почву для их помешательства. Известно, что кому больше дано, с того больше и взыщется. Монаху, по самому званию его, больше известны законы духовной жизни, по крайней мере – нравственные требования, каково смирение, например; этому учат в монастырях каждого послушника, хотя бы только на словах. Потому монах знает и козни вражи больше, чем мирянин. Он должен знать и то, как враг приражается к душе человека на почве его немощей духовных, а потому и должен стоять постоянно на страже своего сердца. Пока помысл грешный есть только приражение, мимолетная мысль, чужая еще сердцу, дотоле его легко прогнать от себя молитвенным вздохом ко Господу, пожаловавшись Ему на немощь свою и сознав эту немощь как духовную болезнь грехолюбивого сердца. О сем и говорят святые отцы: блажен, иже имет и разбьет младенца сего о камень крепкой веры и упования на промысл Божий, самопреданием водительство Божию. Но если человек допустит помысл ближе к сердцу, войдет с ним в собеседование, то тут уже есть опасность согласиться с ним, допустить в сердце этого змееныша, а там уже он совет себе гнездо и станет грызть душу грешным желанием чести, награды и под. Бывает и так, что враг нападает на душу внезапно, не давая ей опомниться, вдруг зажигая в ней грешное желание под каким-либо впечатлением совне. И в том и в другом случае

борьба с помыслом бывает нелегкая. Лучшее средство для поражения врага и изгнания его из сердца – это откровение помысла старцу или отцу духовному. Это то же, что поймать поджигателя и предать его кому следует. В другой раз он уже не осмелится войти в нашу сердечную храмину, как обличенный уже в покушении на мир нашей души. А мир этот глубоко возмущается помыслами тщеславия: обуреваемый ими человек как бы носится превыше всего окружающего, намеренно закрывает глаза на достоинства других, считая их своими соперниками на пути к повышению, мало того – старается увидеть в их глазу спицу, чтобы из нее сделать целое бревно... И особенно гибельна и для всех соблазнительна эта страсть в том, кто стоит ближе к благодати священства, кто стоит в передовых рядах воинствующей Церкви, разумею монашествующих и лиц духовного звания.

Что сказал я о монахах, то приложимо и к пастырям Церкви. Откровенно скажу: тяжело читать в «Колоколе» и других духовных изданиях статьи о наградах духовенству: Не то меня смущает, что речь идет о наградах: если Апостол Павел признавал добре труждающихся в слове и учении достойными сугубой чести, то почему бы и не оказывать так или иначе честь таковым, ее достойным, в виде ли духовных наград: скуфей, камилавки, крестов (хотя во времена Апостолов и этого не было) или же в виде гражданских наград – орденов, исключая, впрочем, ордена неправославные, например, Станислава, не признаваемого нашею Церковью святым. Смущает меня то, что говорят о наградах сами кандидаты на эти награды. Не Христовым духом веет от таких рассуждений... Пусть простят меня отцы публицисты! Были случаи, когда духовные лица сами просили себе наград, да еще с жалобой на то, что их забыло ближайшее начальство! Где же тут дух смирения, без коего немислим служить алтарю Христова?.. Не вмещается как-то в голову мысль о таком забвении духа Христова...

Да, невольно вспоминается святое слово Христово: «аще соль обуяет», потеряет силу, – «чим осолится?». Если цвет Христовой Церкви, монашество и пастырство, заражаются мирскими мечтами о суетных в сущности своей наградах, то

чего ждать от мирян, рядовых христиан? Правда, когда все кругом заражено, то трудно устоять и духовным лицам; правда, нечужды стремлению к повышению и наградам и стоящие повыше рядовых монахов и сельских батюшек; зараза как будто носится в воздухе, отравляя людей и духовно их ослепляя... Но, отцы и братия! Ужели с этим можно мириться? Ужели сознание долга, мысль о том, что Господь зрит с небес и видит все наши помыслы, все движения нашего грешного сердца, видит и будет строго судить нас за эту измену святым Его заветам смирения, измену Его делу, нам порученному, за служение суетной страсти тщеславия – особенно в то время, когда Его святая Церковь отовсюду обуревается ересями и расколами, когда народ родной несет тяжелый крест борьбы за веру православную и несчастных братьев, гонимых тевтонами, – ужели, говорю, одна мысль о всем этом не может пробудить нашу совесть, отрезвить наш ум, заставить нас забыть суетные мечтания о наградах и повышениях?.. На нас, ближайших служителей алтаря Господня, отовсюду устремлены взоры чад Церкви; от нас ждут утешения все скорбящие, ждут молитвенных воплей к небу от имени матери Церкви, ждут духовного руководства в жизненной борьбе за святые идеалы Евангелия, а мы... ужели мы в такое-то время будем писать статьи о том, как и кого следует награждать, будем спорить и упрекать власть за ее якобы невнимание к нашим «заслугам»?.. Ведь страшно подумать о всем этом! Страшно сказать: до чего оземленились мы! Забыли заповедь: «Да не увести шуйца, что творит десница...» Хотим, чтобы все видели, все знали, все ценили наше доброе служение Церкви Божией и награждали нас за это! Выходит: если и делаем что доброе, – забывая, что ничего и не можем делать доброго без помощи Господа, – хотим все делать, так сказать – за наличный расчет: «Я-де вот неустанно проповедую, учредил у себя общество трезвости, попечительство, устроил школу и т.под., – начальство должно меня за это представить к такой-то награде, этого-де требует простая справедливость». Что ж? Может быть, начальство и наградит, но от Господа как бы не услышать тебе на оном суде: «Восприял еси благая в животе твоём, и доволю с тебя!» Не

захотел ты поработать для небесного Домовладыки, так сказать, в кредит, в силу Его обетования, что и чаша студеной воды не будет забыта у Него, – получай же, но знай, что ты уже не сын послушания, а расчетливый, своекорыстный наемник, а может быть, и еще хуже того: ведь нам сказано, что если и все поведенное нам исполним – а где же все-то исполнить? – мы должны считать себя рабами неключимыми, ни на что не годными, потому что сделали только то, что должны, обязаны были сделать, и если бы не сделали, то были бы наказаны как рабы ленивые.

Отцы и братия! Тяжело говорить, тяжело писать все это... На память приходят грозные речи пророка Божия Илии к израильтянам: «Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте за Ним; а если Ваал, то ему последуйте». В совести громко раздаются и слова Господа: «Не можете в одно и то же время Богу работать и мамоне». Нельзя истинному последователю Христа делить свое сердце пополам и одну половину отдавать Богу, а другую – врагу Божию. Господь Бог – Бог ревнитель есть и не потерпит такого двоедушия. Что-нибудь одно: или надо целым сердцем служить Ему единому и в Нем едином искать себе всякого утешения и награды, веруя неложному Его обетованию, – или же... мне страшно произнести это слово, – нет, да не будет сего! Дело немощи духовной я не хочу называть сознательной изменой Христу Спасителю, сознательным уподоблением тем древним фарисеям, против которых гремели громы обличения Христова. Пусть каждый из нас, носящий духовную одежду, чаще ставит пред своею совестью светлое зеркало Христова смирения и проверяет себя: отображается ли в нем образ сей божественной добродетели? Нет ли в нем пятен самоцена, столь искажающих сей образ до неузнаваемости? И если что заметит, то скорее да прибегнет к вернейшему средству очищения – самоукорению и покаянию пред Господом, Иже есть кроток и смирен сердцем. И в подражании Ему да обрящет покой смятенной душе своей!

День райской радости

Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебе!

В Киево-Печерском Патерике есть такое сказание: однажды в светлый день Пасхи, во время утрени, игумен вошел в пещеры, чтобы покадить святые мощи почивающих там угодников Божиих. Он остановился в пещере, где было несколько гробов их, покадил и в духовном восторге воскликнул: «Отцы и братие, Христос воскрес!» И от всех гробов, от всех мощей услышал он громкий всерадостный привет: «Воистину воскрес!».».

Так еще почивающие во гробах своих, еще только ожидающие всеобщего воскресения угодники Божии уже как бы живые откликнулись на привет воскресения, на это животворящее, всерадостное наше «Христос воскрес!». Что же будет, когда все умершие услышат глас Сына Божия, оживут и изыдут из гробов своих в последний день мира, изыдут и в веселии и радовании вознесутся на облаках небесных навстречу Воскресителю и Спасителю своему, грядущему судить живых и мертвых? Какую песнь они воспоют?

Можно думать, что и тогда, во услышание всего мира, раздастся все та же вечно радостная, вечно животворящая песнь воскресения: «Христос воскрес!» Ведь Он воскрес и Своим воскресением сущим во гробех жизнь даровал, Он воскрес и смерть поправ, воскрес, и с Ним воскреснем все мы, с Ним и в Нем едином найдем и уже обретаем – нашу жизнь, нашу радость, наше блаженство.

И в сей светлорадостный день Пасхи Христовой, когда небо сливается с землею, а земля становится небом, наша мысль, наше сердце переносятся туда, где наши братья, наши дети душу свою полагают за веру православную, за Царя и отечество, где много-много их упокоилось в сырой земле, исполнив святую заповедь о любви к ближнему... И душа просит воскликнуть им и живым, и усопшим: братья-воины, воины Христовы православные! Христос воскрес! Да расточит Он

врагов наших, среди коих много истинных врагов креста Его, врагов веры святой! Да обратит Он в бегство пред лицом вашим всех ненавистников веры православной, да обрадует Он, Победитель ада и смерти, и вас, и нас, ради светлого Своего воскресения, славную победу над супостатами! И слышит наше сердце это всерадостное ответное «воистину воскресе», слышит и из окопов, и из могил, и веруем мы, что и «сущий во гробех», почившие в могилах, душу свою за исполнение Христовой заповеди положившие воины также отвечают нам уже из другого мира: «Воистину! Воистину Христос воскрес!»

О как счастливы мы, верующие, что воскресение Христово отнимает жало у самой царицы ужасов – смерти, что оно смерть превращает в тихий покой, как бы отдохновение для тех, кто в сей жизни подвигом добрым подвизался, долг свой исполнил, а особенно для тех, кто и душу свою положил, кровь свою пролил при исполнении своего святого долга! «Смерть бо мужу – покой», – говорит слово Божие. Оттого она и называется на языке св. Церкви «успением», а умершие именуются «усопшими». Но и сии усопшие – мы веруем – сегодня слышат наш привет: «Христос воскресе», – и таинственным языком отвечают нашему сердцу: «Воистину воскресе!» Мы и живем, и умираем во Христе и со Христом, как члены тела Его – Церкви святой; оттого и поет св. Церковь, как бы от лица каждого верующего: «Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебе, сраспинахся Тебе вчера: Сам мя спрослави, Спасе, во царствии Твоем!» А тот, кто умирает во исполнение Христовой заповеди, тот со Христом сораспинается, состраждет Христу, со Христом умирает, а потому и совоскресает со Христом, духом пробуждаясь в другом мире к блаженству во Христе, а затем, когда вострубит труба Архангела в последний день, восстанет он из могилы своей и телом своим по обетованию Того, Кто все создал единым словом Своим, Кто имеет ключи ада и смерти... Тако веруем, тако исповедуем, исповедуем наипаче в сей преславный день воскресения Жизнодавца Христа! И в сем исповедании нашей веры в воскресение Христа Спасителя нашего и в наше в Нем

воскресение, в воскресение всех наших собратий, ныне душу свою за Христову веру положивших, обретаем новый источник светлой радости о Христе, и всем сердцем, пред лицом неба и земли, ликуя со Ангелами Божиими и всеми святыми, взываем:

«Христос воскрес! Христос воскрес, Христос воскрес».
Аминь.

Послание христоролюбивым земледельцам

Божие благословение всем вам, в поте лица своего трудяющимся на нивах родной Русской земли!

Да благословит Господь сторицею плоды трудов ваших, да укрепит силы ваши, да ниспошлет воздухи благорастворенные и дожди благовременные на нивы, сады и огороды ваши!

Возлюбленные о Господе братия, вы знаете, совесть ваша говорит каждому из вас, что благословение Божие подается только тому, кто заслуживает его, кто Бога боится. Бога любит, помнит заповеди Его и по силе-возможности старается исполнять их. «Аще любите Мя, – глаголет Господь, – заповеди Моя соблюдайте». А заповеди Его не тяжелы: все оне заключаются в одном слове: «люби». Любовь есть тот воздух, которым дышит душа христианская. Без любви нет христианства, без нее человек – мертвец. Но и веровать, и любить надобно не на словах, а на деле. «Не любим словом, ниже языком, – учит святой Апостол Иоанн Богослов, – но делом и истиною». Всего лучше любовь показывает себя в делах милосердия и помощи ближнему. И многообразен милования образ, как говорит св. Иоанн Златоуст, и широка заповедь сия. Но бывают времена, когда пред нами открывается особенно широкое поле для дел любви и помощи ближнему: это – времена общественных бедствий. Таково наше время, время великих скорбей и тяжкого испытания, испытания нашей веры и любви ко Господу. Жестокий, беспощадный враг напал на наше отечество, и миллионы наших христоролюбивых воинов грудью отстаивают нашу матушку Русь православную на полях битв. А их семьи, их матери, жены и дети остаются беспомощными в работах и заботах о хлебе насущном. Многие защитники наши – воины уже и душу свою положили за нас на поле брани, а их вдовы и сироты плачут в своих убогих хижинах, и реки слез льются повсюду на лице родной земли. Настала весна, надобно возделывать поля, сеять хлеб, овес, картошку, – надо спешить, чтобы на будущую осень и зиму не остаться без куска хлеба. И вот выйдет на свою полоску бедная солдатка, посмотрит,

зальется горячими слезами: нет у нее кормильца – работника-мужа, некому возделать эту землю, чтоб пропитать милых детушек... Или пойдет в храм Божий с своими детками, станет там у святой иконы Заступницы усердной и будет выплакивать свое горе безутешное. Призри, Владычица, Матерь милосердая, на слезы этой бедной женщины! Отри их Своею ласкою, пошли ей добрых людей, чтобы помогли ей перенести тяготу жизненную, чтоб утешили ее малюток по-родному, по-божьему. Сказано ведь в слове Божиим: «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов» (Эта статья, отпечатанная отдельным листком, послана в действующие армии в количестве 100000 экз.).

А кто же поможет им, этим осиротелым труженицам, этим вдовам и сиротам? Кто заменит им отцов, кто пойдет на их полоску, чтобы вспахать ее, заборонить, засеять? Кто – как не вы, православные? Вот где Сам Бог зовет вас на доброе дело: помогите семьям тех, кто отстаивает за всех нас нашу матушку Русь, нашу святую веру православную, нашего Царя-батюшку – Божия Помазанника. Наши братья-воины своей жизни не щадят, чтоб исполнить свой святой долг, чтоб защитить нас от нашествия немцев и турок – супостатов: как же нам не исполнить нашего святого долга – позаботиться о семьях их, наших защитников, помочь им – не деньгами, а трудом праведным? Ужели кто откажет им в такой помощи? И то надо помнить: ведь вдовы и сироты воинов, а если – помилуй Бог – война не кончится до осени, то и жены, и дети воюющих, останутся все же на вашем попечении; при нынешней на все дороговизне казенного пайка им неостанет: так не лучше ли теперь же, весною, озаботиться, чтоб у этих жен, у этих матерей, у этих сироток был тогда свой кусок хлеба. А это и будет, если только вы не откажете им целым миром обработать их поля и огороды, засеять их, а к осени, когда Бог благословит урожаем, и убрать плоды земные. Ужели кто откажется сделать такое доброе дело?

Нет! Этого не будет! Этого не допустит ваше доброе русское сердце! Это было бы, тяжким грехом и пред Богом, и пред Царем, и пред родиной – Русской землей. Стыд и позор тому,

кто сказал бы: «Это – не мое дело, мне недосужно!» Бог накажет такого самолюбца! Бог лишит его благословения в его трудах. Да, думаю я, хочется верить, что такого жестокосердного и не найдется у нас, в нашем добром русском народе. Не такая душа у русского человека, чтоб не помочь, отказать в помощи бедной вдове, бедной семье, сироткам, оставшимся после убиенного христолюбца. Русский православный человек ночи не поспит, а доброго дела не оставит недоделанным. И Бог не оставит его Своею милостью, Своею помощью. И сам он не заметит, как все у него будет спориться, как на всем явно будет почивать Божие благословение. У Бога уж такой закон: ты делай добро, а Бог в долгу у тебя не останется. Сторицею воздаст тебе за твое доброе дело. Ведь всякое доброе дело – Божье дело; не ты его делаешь, а Бог чрез тебя, это – Он тебе помогает, вразумляет тебя, силы и средства тебе посылает. Видишь: какой ты счастливiec, когда ближнему помогаешь: ты – Божий работник, Божий сотрудник! Это ли не счастье для тебя? А сколько грехов-то тебе Бог простит за любовь твою к сирым и вдовицам, к беспомощным женам и матерям наших воинов христолюбцев! Потрудиcь же, родной, постарайcь ради Господа Бога! Каждый день весною дороже золота. Подсчитайте, православные: сколько у вас в деревне взято воинов, сколько семей осталось без работников. Сообразите: как помочь им. Разделите свой труд или сообща, целым миром обработайте их поля. Снесите по решетцу, по ковшичку семян, чтоб засеять их. А воинам напишите, чтоб о своих полях, о своих семьях не беспокоились: все-де будет исправно, родные наши, только свое дело делайте, отстаивайте Русь православную, гоните супостатов прочь от ее границ, а мы тут за вас поля ваши вспашем и засеем, и деток ваших накормим, и все дела ваши управим общими силами.

Подумайте: какую отрадою в сердцах воинов наших отзовется такая весточка из родных деревень – весточка о том, что их односельцы позаботились о семьях их, позаботились о полях их, потрудились за них так, что семьи их и на будущий год не останутся без хлеба насущного. Да ведь это – удвоит их

силы, одушевит их, да и Господь за такую любовь вашу к ним пошлет им победу и одоление на врагов, и они вернутся домой победителями, радостные, что есть к чему им руки приложить, что хозяйство их не запущено без них и есть за что сказать сердечное спасибо вам, своим землякам.

Слово Божие говорит: «Брат от брата помогаем, яко град тверд». Еще в Ветхом Завете было заповедано: «Аще узриши осяга врага твоего, падшее под бременем его», под тяжелою ношею, «да не мимоидеши е», не моги проходить равнодушно мимо его, «но да воздвигнеши е с ним» – помоги врагу твоему поднять на ноги бедное животное. Видите: слово Божие велит помогать даже врагу, даже скоту твоего врага в его непосильной работе: как же нам не помочь бедным семьям наших братьев, душу свою за нас полагающих на поле брани со врагом? Да не будет сего! Аминь.

О духовной прелести и самоубийстве

В Петроградской духовной академии произошло страшное событие: сатана похитил юную душу студента, покончившего самоубийством. Событие вызвало много толков, вкривь и вкось объясняющих это событие, но ни одно из объяснений нельзя считать вполне удовлетворительным с нашей, монашеской, точки зрения. А с другой точки зрения, думается, нельзя и судить о нем.

Из совокупности тех данных, какие стали известны по этому случаю, видно, что несчастный юноша, увлекшись ложным мистицизмом, впал в «прелесть». А в состоянии прелести человек усиленно ищет якобы духовных утешений, коих в сущности еще не достоин по нечистоте своего сердца. Святые отцы пишут: «Божия о себе приидут, тебе неоощающу, но – аще место будет чисто, а не скверно». Иначе есть опасность услышать страшный оный приговор: «Како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?» Святитель Феофан-затворник пишет: «Углубленная молитва ко Господу возбуждает теплоту. У опытных отцев строго различаются – теплота телесная, простая, бывающая вследствие сосредоточения сил к сердцу вниманием и напряжением, – теплота телесная, похотная, тут же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагом, и – теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двух родов: естественная, вследствие соединения ума с сердцем, и благодатная. Различать каждую из них научает опыт. Теплота эта сладостна, и поддерживать ее желательно, как ради самой этой сладости, так и ради того, что она сообщает благонастроение всему внутреннему. Но кто усиливается поддерживать эту теплоту за одну сладость, тот разовьет в себе сластолюбие духовное».

Вот тут-то и бывает опасность для юных молитвенников: никем не руководимые, не проверяющие своих внутренних переживаний так называемым «откровением помыслов» старцу, испытав первый вид теплоты телесной, простой, бывающей вследствие соединения ума с сердцем, теплоты естественной, они принимают ее за теплоту благодатную, а враг всевает в них

мысль, что они уже удостоились Божией благодати, и подстрекает их всячески усиливать эту теплоту. Бывает, по свидетельству опытных в духовной жизни старцев, что враг незаметно подменивает эту, так сказать, безгрешную саму в себе теплоту, теплоту естественную, уже – прямо – грешную, похотную, что так часто наблюдается в хлыстовщине и лжемистических сектах искаженного монашества. Но если и не бывает такой подмены, то увлечение «духовным сластолюбием» ведет к прелести: человек начинает воображать, будто он уже угодил Богу, сподобился Его благодати, – в нем растет, совершенно для него незаметно, внутренний фарисей; он усиленно ищет мнимо-духовных наслаждений, а последствием всего бывает то, что сии наслаждения сменяются страшным духовным угнетением, невыносимой тоскою, унынием... Надо сказать еще, что в исканиях сладости прельщенный дает волю своему воображению: рисует себе отверстое небо, представляет образ Господа, сидящего на престоле, окруженного тьмами Ангелов и святых. Если наступает период уныния, то при таких мечтаниях ему чудится, что он уже осужден судом Божиим, недостоин и жизни на земле, что он должен себя «казнить»... И вот – почва для самоубийства уже готова! Враг перепутывает все его понятия, влечет, насилует душу несчастного отчаянием, которое представляется ему как бы исполнением суда Божия над ним. А благодать Божия удаляется от такого человека за его самомнение, за его вторжение в тот «чертог брачный», в который не входят не имущие одеяния брачного, то есть чистоты сердечной, по крайней мере очищения души от страстей, на нее особенно воюющих. Он сам не допускает к себе своею гордостью, грехом иудина самоосуждения или отчаяния, сей спасительной благодати. Если он падает в какой-либо грех, то не кается так, как каются смиренные грешники, а начинает окаявать себя, как мирской «честный» человек: «Да как это я мог позволить себе? как я смел это сделать?..». Как будто бы он в другое-то время и непричастен греху!

Таково бывает настроение прельщенного; такова опасность, которая ему постоянно угрожает, если он не смирится, не

признает избранный им путь заблуждением.

Следует еще сказать, что в состоянии прелести враг обычно вторгается в область воображения и рисует человеку разные видения, кажущиеся ему реальными: врачи называют их галлюцинациями. И этого мало: чтобы глубже втянуть душу в прелесть и внушить человеку, будто он совсем уже стал святым, враг, Божиим попусшением, делает его в своем роде прозорливцем: он видит на расстояниях, обличает пороки других, нечто как бы предсказывает, видит воочию бесов и якобы ангелов... И все это кончается сумасшествием и самоубийством!

Состояние прелести отпечатлевается на самой наружности прельщенного: глаза его горят каким-то неестественным блеском; когда он говорит о духовных предметах, то дышит, как страдающий одышкой, на лице – печать какого-то воодушевления...

Все эти признаки отмечены в отношении к несчастному студенту Сумарокову в статье о нем г. профессора А. А. Бронзова. Правда, г. профессор характеризует его как сумасшедшего; но ведь надо же сказать и причину сумасшествия, а эта причина, по нашему мнению, есть прелесть, в которую он впал вследствие отсутствия надлежащего духовного руководства в самовольно начатом им духовном делании. «У всех отцев, писавших руководства к духовной жизни, – говорит наш аскет – святитель Феофан, – первым пунктом в правилах для вступающего во внутреннюю жизнь ставится: иметь духовного отца-руководителя и его слушаться. Вот что говорит св. Григорий Синаит: «Без учителя самому успеть в умном делании невозможно. Что делаешь сам по себе, а не по совету предупевших, то рождает опасное самомнение. Если Сын Божий ничего не творил Сам о Себе, но как научил Его Отец, так творил, и Дух Святой не о Себе глаголал, то кто это такой между нами до толикой достиг высоты совершенства, что уже не требует никого иного, кто бы руководил его? Гордость это, а не добродетель! Такой уже в прелести состоит, то есть вступил на ложный путь уклонения к заблуждениям». А вот слова Каллиста Патриарха: «Прежде

всего поспеешь найти себе наставника и учителя непрелестного и, нашедши его, вполне отдайся ему, как отцу родному сын отцелюбивый, ходя по повелениям его неуклонно и на него взирая, как на Самого Христа. Кто хочет жить самоугодно, без наставника, тот, по слову Лествичника, легко уклоняется в заблуждение и погибает, хотя бы он всю премудрость мира сего исчерпал. Без совета ходящие ходят будто в сонном мечтании; они много сеют, но пожинают очень мало и, вместо пшеницы, увы! собирают плевелы».

Духовное делание, духовная жизнь есть наука из наук, искусство из искусств. Научиться сему искусству без опытного руководителя, по одним книгам нельзя. Вот, может быть, почему в наших духовных школах доселе нет систематического изучения этой великой науки как особого предмета, книжным образом. Есть нравственное богословие, есть другие сродные с ним науки, но аскетики в собственном смысле мы не имеем как науки. Ее надо проходить непременно личным опытом, а не по книгам, непременно под руководством опытного старца-наставника, а не просто ученого профессора. Книжное изучение – одно, а опыт – дело другое.

Если нельзя изучать физику или химию без «опытов», то тем менее возможно изучать душу человеческую в ее соприкосновении с духовным миром без опытного руководителя в духовной жизни. Самые термины духовных переживаний без опытного истолкования их не будут достаточно понятны для изучающего или же могут быть поняты в превратном смысле. Это конечно, не значит, что вовсе не следует касаться в учебных заведениях аскетики: это противоречило бы самому назначению духовно-учебных заведений, цель коих – приготовление пастырей, а в академиях – и архипастырей для служения Церкви Божией. А пастыри должны знать законы духовной жизни, чтобы и пасомых не слепо вести по пути крестоношения к вечной жизни. Но постановка этого святого дела должна быть совершенно иная, чем преподавание всех прочих предметов. В основу всего должно быть положено воспитание духа смирения и отсечения своего смышления и опыт духовной жизни под руководством старца. К сожалению, в наше время «оскуде

преподобный». Но и ныне – ищай обретает, и толкущему отвергается.

В последние годы в наших духовных академиях умножилось число постригаемых в иночество. С одной стороны это – явление отрадное, свидетельствующее, что в юных душах питомцев духовных школ еще теплится искра Божия, жажда духовной жизни. С другой стороны, с заботой смотрим мы, старики, на быстрое прохождение таких юных, духовно незрелых монахов по степеням священства: едва постригут, как монах становится еще на школьной скамье священнослужителем. Где же опыт послушничества? где опыт отсечения своей воли, борьбы с своею самостью, не говорю уже о борьбе с другими страстями, воюющими на душу? Едва кончил курс такой монах, как его назначают преподавателем в семинарию или училище: он еще не видал настоящего монашества, как становится в положение наставника не только по данному ему предмету, но и в качестве «воспитателя» и руководителя юношества. Правда, некоторые академии поставлены в более счастливые условия для юных монахов-студентов: так московская академия пользуется близостью Зосимовой пустыни с ее духовно-опытными старцами, но да будет позволено сказать откровенно: студенты-монахи являются в этой пустыни ведь не в качестве настоящих послушников, а лишь в качестве, так сказать, «дилетантов» монашества: хотят они пользоваться советами и руководством старцев – идут к ним, не хотят – никто их к тому не может принудить, и они живут в сущности по своей воле, руководятся своим смыслением. Не знаю, как стоит дело в других академиях: о духовном руководительстве юных монахов там что-то не слышно.

Позволяю себе высказать пожелание, чтобы студентов, желающих «иноческого жития», вовсе не постригать в бытность их студентами, а по окончании курса посылать в благоустроенные обители, где еще не угасло старчество, вроде Оптиной, Глинской, Саровской или Зосимовой пустыни, подчинять их там строгому укладу настоящей монашеской жизни примерно года три, и только тогда, когда старцы признают их способными к монашеству, постригать и посылать на

послушание туда, куда найдет благопотребным церковная власть. При таких условиях меньше будет тех печальных, в духовном отношении уродливых явлений, какие – надо сознаться – бывают в среде незрелых, искусственно выведенных в ряды монашества питомцев духовной школы...

Православие могучий устой нашей государственности

Гремит гроза Божия над грешным миром. Сверкают молнии гнева небесного над народами земли. Пламя войны разгорается с неудержимою силою, и с наступлением весны неизбежны великие, небывалые в истории битвы миллионных армий, лучше сказать – целых народов... Полюются снова реки крови, содрогнется земля от ужаса этих битв...

Мужайся, христолюбивый Русский народ! Стойте крепко, наши дорогие братья, православные воины! Бог видит, что мы стоим за святую правду Его, что не мы начали эту ужасную войну, что мы не хотим дать в обиду родных братьев наших, коим грозит немецкое духовное и материальное рабство, что мы сознаем свое недостойнство быть орудиями Его всеблагого Промысла, но и не дерзаем отречься от нашего священного долга в надежде на Его милосердие, – все это Бог видит и – веруем крепко – нас не обидит!

Чем дальше разворачивается свиток истории, чем быстрее раскрывается пред нами величественная картина совершающихся событий, тем яснее, тем неоспоримее становится та истина, что – с нами Бог! Да, мы недостойны этой великой милости Божией, мы не имели права ожидать ее, но за смирение души народной, за любовь народа нашего к святому православию, за его верность родной церкви, Господь, наказуя нас за грехи наши, в то же время великою скорбью очищает нас и соделывает нас служителями Своего Промысла в жизни родных нам по плоти и по вере народов славянских, и особенно наших братьев, русских людей, много веков страдавших под игом немецкого насилия в родной Галичине и Червонной Руси. Пусть немцы на каждом предмете своего вооружения, на ружьях, касках, штыках и даже снарядах ставят святые слова: «С нами Бог!» – мы веруем, что Бог с нами, а не с ними, ибо наши штыки не имеют губительных пилообразных зазубрин, рвущих раны, чтоб нельзя было их зашить, мы не стреляем разрывными или отравленными пулями, мы не кидаем ужасных,

на смерть бьющих стрел с аэропланов в толпы женщин и детей, выходящих из церкви; мы не вырезаем языков, не отрезаем ушей у пленных, наши воистину христоролюбивые воины не только щадят раненного врага, но и отдают ему последний кусок хлеба, под пулями вражьи перевязывают ему раны, уступают ему место в перевязочных пунктах, словом – обращаются с врагом как с братом, как скоро он обезоружен... Не хвалимся мы такими деяниями наших воинов-христоролюбцев, нет, мы только с умилением читаем правдивые рассказы о таких подвигах любви ко врагам, мы благодарим Бога, что мы – православные, мы дети той Церкви, которая умеет воспитывать душу народную в такой любви, в таком поистине христианском устройении. И вот за сию-то благодатную мать нашу, Церковь православную, за сие-то бесценное сокровище наше – веру православную и стоит наша Русь, наше воинство, наш возлюбленный, Богом венчанный и за Свое смирение превознесенный Царь наш батюшка со всеми вождями нашего воинства христоролюбивого. Ведь в сущности настоящая война есть война сатаны против Христа Господа, война адовых врат против Церкви Христовой, война предтечь антихристовых против служителей Христовых. Наш народ всем своим существом чувствует, что измена православию есть измена народу, есть духовная гибель, начало рабства духовного, а затем и материального. В самом деле: загляните в историю: уцелел ли в самостоятельной государственной жизни хоть один славянский народ, изменивший православной вере? Все эти – чехи, хорваты, словаки, даже соседи наши поляки, с отступлением от православия, которое им было всем завещано первоучителями нашими Кириллом и Мефодием, потеряли свою независимость, подпали власти немцев, и если им есть еще надежда на освобождение, то – только от родной им по крови – православной России. Не то же ли грозит и братьям нашим, нами освобожденным болгарам, порвавшим свою связь с матерью – Церковью Греческою и пребывающим в схизме, вне общения с нами в молитве и таинствах? Понимают это и враги наши и вот уже полсотни лет стараются всячески отравить наш православный народ своею верою, лучше сказать – ересью

немецкой, баптизмом, штундою, адвентизмом и прочими погибельными мудрованиями. Берегись их, родной православный народ! Гони от себя прочь всякого проповедника их нечестия! Такие совратители обычно являются в виде кротких агнцев, коим-де дорого спасение души и своей собственной и души брата, православного христианина; они приносят и книжки, в коих таится яд их нечестия, их противления Церкви святой и хулы на истины нашей веры православной. И вот горе: такие книжки попадают даже в лазареты, даже в окопы к нашим героям-воинам и отравляют некоторых из них. Пишут священники, что некоторые воины, заранее совращенные в баптизм и штунду немецкую или же зараженные уже в войсках, присылают своим женам такие нечестивые книжки, советуя бросить родную Церковь и идти к баптистам. Это уж настоящая погибель душевная: изменить своей родной матери православной Церкви и пойти в веру врагов наших немцев, в которой нет ни спасительных таинств (кроме крещения), ни святых никаких!.. Жгите, православные, такие книжки или несите своим пастырям, от Бога поставленным: они растолкуют вам, в чем яд ложных баптистских и штундистских учений. Верить хулителям Церкви родной – значит лишать себя Божия благословения, значит добровольно идти в духовный плен к ненавистникам нашей святой веры православной, значит, губить свою душу навеки и навеки лишать себя молитвы церковной по смерти. Ведь за еретиков, за отступников от православной веры, святая Церковь и по смерти их не может молиться. Вот где опасность для нашего святого дела: это отлично знают наши враги и вот уже полсотни лет сеют ереси в народе нашем, особенно на юге, где много поселилось немцев-колонистов, которые за сто с лишком лет не породнились с русским народом, живут как пришельцы в земле чужой и отравляют наш простой добрый народ своими ересями, чтобы оторвать его от корня русского, чтобы подменить у него душу русскую – душою немецкою. Говорят, у немцев и у совращенных ими в штундобаптизм русских людей, на месте портретов Царя нашего Православного, красуются портреты еретика – кайзера немецкого. О, если бы прозрели очи

наших простецов, в штунду совратившихся! Если бы проснулась в них русская, по природе православная душа! Если бы они с негодованием отвернулись от немецкой еретической веры – штунды и баптизма и обратились с покаянием к родной, святым князем Владимиром нам завещанной, вере! Какая радость была бы не только здесь на земле, в Церкви Божией, но и на небе – у Ангелов Божиих! Об этом ведь говорит Сам Господь наш Иисус Христос: «Радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнике кающемся» (Лук. 15, 10). И ужели какой-нибудь немец колонист, да хотя бы и самый ученый из ученых немцев, лучше знает слово Божие, чем наши пастыри и архипастыри, чем знали и понимали его святые отцы, Богом прославленные? У них, немцев, немало даже среди так называемых пасторов людей, не верующих в Божество Господа нашего Иисуса Христа; много так называемых ученых, которые и самое слово Божие считают писанием человеческим. У них столько сект, что и не перечесть, и каждая секта толкует слово Божие по своему убогому смыслению, кому как на ум придет, кому как нравится. А у нас один Господь, едина и вера православная, едина и Церковь, Христом созданная на твердом камени исповедания Божества Христова, как Сам Он сказал: «На камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей» – никакие ереси, никакие расколы не в силах разрушить святую веру Православную и ее хранительницу – Церковь Христову православную.

И слава Богу: народ наш крепко держится сей святой своей матери – Церкви, носит в сердце своем ее заветы, любить и благоговейно чтить ее святыни, пребывает в послушании ее пастырям и сею верою – тако веруем – победит всякого врага и супостата! Да уже и побеждает. Не говорю уже о победах и одолении врагов на поле брани, победах, какими Бог доселе благословляет наше воинство, но – побеждает врага своею любовью, своим великодушием: разве это не победа, когда наш солдат отдает врагу последний кусок своего хлеба, когда на поле брани перевязывает ему раны, когда уступает ему свое место в лазарете? Разве не победа, когда весь мир, даже мир инославный, удивляется доблестям русской души и воздает

должную дань уважения не только к воинским подвигам, но и к проявлениям добродетелей русского солдата? А кто воспитал в нем эти добрые качества? Кто вдохнул в него дух христианской любви? Всем этим народ наш всецело обязан своей родной Церкви православной! Это – она, и только она одна, в крепком союзе с родными царями и князьями, начиная с святого князя Владимира, выпестовала, на протяжении почти тысячи лет, православный народ в его преданности вере. Богом поставленной власти и заветам Христова Евангелия.

Слава Богу: это сознают и наши вожди победоносные. «Мы победим, – говорил мне герой Перемышля, почтеннейший генерал А. Н. Селиванов, – победим, потому что так хочет народ, а глас народа – глас Божий. Нет в армии солдата, который бы сомневался в победе, потому что русский солдат знает, что война идет – за веру православную!»

В православии – непобедимая сила нашей Руси. Оттого и ненавидят нашу Церковь православную совершенную ненавистью враги наши, оттого и стараются всеми силами подкопаться под этот могучий устой нашей государственности, нашего счастья и самобытности. Вот почему русский человек всегда стоял до смерти за православие: он знал и, слава Богу, теперь знает и твердо помнит, что пока он остается верным сыном Церкви православной, дотоле цела и непорушна будет его родная Россия, а как только он изменит вере православной – ее ждет гибель, подобно тому как погибли некогда великие монахи, изменившие своему призванию в истории народов земных...

Смертный грех европейской истории

Два раза в год, в святую Пасху и Рождество Христово, наши светские газеты пишут на темы религиозные и помещают стихи и фантастические рассказы как будто тоже в религиозном духе, но, говоря откровенно, лучше бы таких рассказов вовсе не было. От фантазии их авторов веет нередко духом если не прямо язычества, то жалкого религиозного невежества. Но в статьях самих редакций иногда попадаются такие дорогие в наше время крупички, коих нельзя не отметить как отрадные проблески религиозной мысли наших скорбных дней.

В пасхальном номере «Нового Времени» редакция говорит о «грехе европейской истории». «Разве не грех было, – говорит она, – забыть ради каких-то новейших книжонок, с их недомыслием или детской мыслью, самый фундамент, на котором возросла вся европейская история: вот эту трагедию жизни и греха, страдания и искупления, трагедию победы вечной жизни над временною гибелью? Воистину европейцы променяли религиозное «первородство» на позитивную «чечевичную похлебку» и платятся теперь кровью, голодом, разрушениями городов и стран».

Немного кудревато выражено, автору хочется быть оригинальным, иному читателю может показаться, что он как будто стыдится «исповедовать Христа», но из дальнейшего видно, что эта кудреватость в светской газете как будто и нужна: иначе, пожалуй, и читать не станут: что поделаешь? И Апостол Павел похвалою мнимому благочестию Афинян начал к ним свою знаменитую речь в их ареопаге.

Зато автор указывает на самое больное место современной европейской истории, на страшную гордыню, совершенно непростительную среди христиан. «Вместо мирного сожительства, – говорит он, – и гармонического развития своих сил, один народ захотел стать «сверхпервым», нагло объявил: «Германия да будет над всеми», – и сейчас же облился весь кровью, заливая кровью и своих соседей. Вместо разума – бессмыслица, вместо силы – угроза завтрашней слабостью,

буквально – вместо просвещения тьма. Но почему? Где источник? Забвение Бога и религии, забвение, спасительных «неисповедимостей» религии. Человек измельчал. Человеку стала «не по плечу» религия... Едва подточился фундамент, как зашаталось все здание...» Все это – «мистерии», о которых помнит мужик в деревне, помнит и боится, но о которых забыли в берлинских дворцах, и чего же там пугаться «этих суеверий»? Ну, – не испугались и ринулись... И все залилось кровью, кровью и пожарами, огнем и смертью».

«Христос указал «смирение» человеку, – говорит далее автор. – «Скромность» и «смирение» – это не личные добродетели отдельного человека, не «хорошие качества» тех или иных людей, а это есть нравственный и религиозный фундамент самой цивилизации. Без этого в этой цивилизации, – все будет безуспешно, безнадежно, опрометчиво; хотя без этого могли расти отлично Греция и Рим, без этого могут процветать Япония и Китай. Да, им возможно: но нам запрещено. Тем, Кто есть наш Бог и Искупитель. Из этой закваски все у нас выросло и может расти далее только из этой же закваски. «Живи-живи, а подумывай и о смерти»; «Без Бога ни до порога» – вот опасливые русские поговорки, на которых народ наш перевел этот канон Христовой и христианской жизни. Самоупоенность, самоуверенность, гордость, тщеславие – смертные грехи в нашей цивилизации, именно в нашей. Христос именно умертвил эти грехи, как бы показав миру: «Вот Я – Бог и умираю». Человечество вздрогнуло, зарыдало и испугалось. И с тех пор мы все боимся «быть гордыми». Как бы «не наказал Бог». И вот поскольку мы боимся этого, боимся своей «выпуклости» над другими – мы мирно живем, или, вернее, Господь нас сохраняет в мире и невидности. Мы боремся против «Германия над всеми» «и никогда на место его не поставим «Россия над всеми». Так Бот устроил наше сердце, что нам это просто противно. Противно, не нужно и враждебно. Мы и всегда хотим жить среди народов, как один из них, не помышляя ни о каком водительстве, гегемонии и первенстве. Один Христос есть «первый», но и Он – пострадал, а человеку указал границы его смиренной доле. «Первенство», «гегемония» и «выше всех»

есть языческий принцип, на почве коего всегда будет не удаваться у европейцев: и что составляет драгоценнейшую черту Руси, воистину святую в ней особенность – это то, что решительно никакому русскому это «первенство» не снится, не мерещится и окончательно не нужно. «Все умрем, и праведную смерть надо себе заработать» – вот коротенькая мысль, с почвы которой если не сойдет Русь – она поистине не приобщится смерти. А она с почвы этой мысли не сойдет, ибо мысль эта в каждой крестьянской хижине, она живет у нас и в избах и в дворцах».

Прекрасными словами заканчивает автор свою статью.

«Будем, православные, хранить свою религию; будем горячее вдумываться в глубины ее. Ибо глубины эти бездонны, и глубины эти окончательны. И оне – спасительны, животворны. Пусть другие народы ищут «живой воды» в естествознании; мы «живую воду» найдем у своего приходского священника. У того простого священника, у которого находили «живую воду» и Ярослав Мудрый, и Александр Невский, находил каждый век «наш» и каждое поколение «наше». Будем скромны, несамонадеянны, просты. И Господь нас убережет и спасет. Он – Спаситель!».».

Так говорит самая распространенная светская газета. Та же газета, как это было мною в свое время отмечено, и в Рождественском номере своем говорила о православной Церкви, как дорогом сокровище нашего народа. Теперь она указывает на отличительное свойство нашего православия и говорит, что это свойство есть в то же время нравственный и религиозный фундамент истинной цивилизации: это – смирение и скромность. Смирение – завет Господа нашего Иисуса Христа; это воздух, которым дышит Церковь Христова, это – аромат всех добродетелей, без которого они – то же, что поддельные цветы – без жизни, без силы, один вид добра, без внутреннего духа. Смирение есть стихия жизни Церкви православной, им проникнуты самые догматы, без него и все учение Церкви, как нравственное, так и догматическое, не может быть усвоено в должной и спасительной степени духом верующего. Только смиренным подается благодать, просвещающая и ум и сердце и

укрепляющая волю верующего в познании истин веры и в благом следовании за кротким и смиренным сердцем Господом Иисусом Христом. Кто был Антоний Великий, отец пустынножителей? Безграмотный простец. Но богомудрое смирение, руководившее его в подвиге очищения сердца, открыло ему такие тайны духовной жизни, о коих мудрецы века сего и понятия не имеют. Кто был наш Серафим Саровский? Тоже простец, хотя и грамотный, но не проходивший почти никакой, кроме начальной, школы; а его духовной мудрости удивляются мудрейшие богословы, когда, например, читают записанные с его слов другом его Мотовиловым рассуждения о духовной жизни и о главной цели христианина на земле. В то время, когда отколовшийся от единства вселенской Церкви папист пытается все религиозное знание уложить в рамки каких-то юридических умозаключений, а отрешившийся от папизма протестант идет еще дальше в самочинном мышлении по вопросам веры и дает полную свободу гордому своему разуму, – православный простец смиренно склоняет главу пред учением Церкви, помышляя главнее всего о неуклонном исполнении заповедей Господних и церковных, отсекая свое смышление пред отцом духовным и «стяжая себе», по выражению преподобного Серафима Саровского «Святаго Духа Божия». А плодом такого смирения является то духовное воспитание, то смиренное настроение, не каким любят даже люди, не понимающие духа нашей церковности и воспитанные вне нашей Церкви. Правда, и в латинской церкви послушание ставится выше всех добродетелей, но ведь формальное послушание еще не свидетельствует о смирении духа. Можно и послушанием гордиться, любоваться в самом себе, питая внутреннего фарисея. В таком «послушании» будет расти только настроение старшего брата, о коем говорит Господь в притче о блудном сыне. Нет простоты мысли в таком формальном послушании, а между тем некоторые психологи самое смирение-то определяют как «простоту мысли». Сын православной Церкви всегда помнит, что сколько бы он добра ни делал, его добро не есть какая-то заслуга пред Богом: «Еже должни бехом сотворити – сотворихом»; сын латинской церкви, при учении этой церкви, о

каких-то сверхдолжных заслугах святых, невольно придает некую цену своим добрым делам, как «заслугам». Таков принцип самого учения его церкви. Церковь православная учит, что доброделание есть, во-первых – проявление нашей любви ко Христу Спасителю: «Аще любите Мя, – глаголет Он, – заповеди Моя соблюдайте»; во-вторых – проявление жизнедеятельности Самого Христа Спасителя в нас, как членах Его таинственного тела – Церкви, проявление благодати Духа Божия, ниспосылаемого нам любовью Бога Отца по заслугам его едиnorodного Сына. «Без Мене не можете творити ничесоже», – говорит Господь. А если так – какие же тут могут быть наши заслуги? Да, мы отдаем Господу свою волю, свое сердце, делая добро, но ведь Он-то в том не нуждается: этого требует наша же польза, наше спасение: можно ли говорить тут о «заслугах»? И святым Божиим наносится оскорбление, когда им приписываются какие-то «сверхдолжные» заслуги, коих они не знали за собою и почли бы за святотатство приписывать их себе, как бы присвоив дела благодати Божией самим себе. Если они творили добро, то лишь свободно отдавая свою волю в послушание воле Божией, которая благодатию и восполняла их немощь, укрепляя сию волю в исполнении заповедей Божиих. Каждый из них глубоко сознавал и переживал в своем сердце известное слово Апостола Павла: «Не еже хошу доброе, творю, но еже не хошу злое, сие содеваю». Да, они вели неустанную борьбу с этим злым началом в себе самих, но ни на минуту не приписывали себе, своим усилиям даже малейший успех в этой борьбе. Предав свою волю Божью, они в благоговении как бы стояли пред лицом Божиим и созерцали действие благодати Божией в них и чрез них самих. Это не значит, что они как бы подневольно, пассивно исполняли волю Божью, были невольными орудиями благодати в своем доброделании: но они не допускали и мысли о том, чтобы давать цену своему доброделанию, всецело предоставляя сие единому Богу Сердцеведцу, Который подаст нам и силы, и средства, и желания, и самую жизнь для доброделания, и самое соприкосновение с добродееющею в них благодатию почитая для себя высшем благом, предначатием вечного с Господом

пребывания в будущей жизни. Латинская церковь, говоря простым языком, своим учением о сверхдолжных заслугах святых как бы подает счет Господу Богу на эти «заслуги» и тем подает повод своим чадам на добрых делах больше, чем следует, основывать свою надежду спасения. Православное учение, не отрицая значения добрых дел, как проявления нравственной свободы спасаемого, так сказать, переносит центр тяжести этой надежды с добрых дел на близость к доброделающему человеку самой благодати Божией, творящей сии дела чрез спасаемого человека. Вот почему величайшие праведники, всю жизнь свою творившие добро, умирая говорили: «Боюсь суда Божия!» А когда им напоминали их добрую жизнь, отвечали: «Ин есть суд Божий и ин – человеческий». Думать о своих добрых делах может только еще неопытный в подвиге спасения, а чем ближе человек к Богу, тем больше сознает себя безответным грешником. «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь», – говорил преподобный Сисой Фивейский. «Когда я был юн, – говорил преподобный Матой, – я думал сам с собою: может быть, я делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела». Преподобный Памва в час смерти своей говорил: «Отхожу к Богу так, как бы никогда не начинал служить Ему». Другой подвижник, преподобный Сисой, в минуту смерти, когда уже открылись его духовные очи и он увидел Ангелов Божиих, пришедших взять его святую душу, говорил: «Я еще и не начинал покаяния». И это смирение, конечно, было не на словах только, – оно проникало все существо угодников Божиих: они самым искренним образом считали себя хуже всех на свете, ставили себя ниже бессловесных.

Вот в каких понятиях, на каких примерах смирения и в какой школе духовного воспитания держит своих сынов святая Церковь православная. Отрадно отметить, что высокую, неоценимую ценность этого святого свойства православия начинают ценить люди, хотя и не порвавшие (и слава Богу, что не порвавшие!) с родною Церковью, но воспитанные под сильным влиянием инославных начал. Слава Богу, что и у инославных, союзных с нами народов, по крайней мере у

лучших и беспристрастных их представителей, открываются очи, и они начинают с удивлением наблюдать проявления в жизни нашей православной «культуры». Говорят: одна ласточка еще не приносит весны. Но мы радуемся и появлению хотя одной ласточки: все же это говорит о близости весны, о приближении времени, когда, Бог даст, и наши родные, и инославные интеллигенты будут ближе к идеалам нашей родной Церкви, а следовательно, и к идеалам родного нашего народа. Дай-то Бог!..

Митрополит Филарет о войне и воинском звании

В переживаемые нами великие дни особенно поучительно напомнить себе великие заветы незабвенного святителя Московского Филарета, который так мудро-отзывчив был ко всем современным ему явлениям как в церковной, так и в государственной жизни.

Ободряя и благословляя воинов, идущих на брань, святитель говорил им: «Если бы на какой дом напали разбойники: кто из семейства, имея силу и возможность, не восстал бы на защиту себя и своих и общественного достояния? Не с большим ли самопожертвованием должно восстать против врагов, которые на великий дом Царя нашего, на Россию, напали без правды и, нарушив закон честной войны, позволяют себе разбойнические хищения и опустошения?»

Как эти слова мудрого святителя Божия идут к тем событиям, какие совершаются в наши дни! Немцы и их союзники – турки, нарушая все обычаи и законы честной войны, обратили свою войну в настоящий разбой: они не щадят ни пола, ни возраста, грабят и опустошают все населенные местности, бесчеловечно издеваются над беззащитным населением, бесчестят и терзают жен, девиц, отрубают им руки, пронзают своими зазубренными наподобие пил штыками детей, отрезают уши и языки у пленных воинов, вырезают у них на ногах «лампасы», то есть полосы кожи, обливают раненых керосином и поджигают... распинают даже не крестах! Да скажите: делают ли так даже и разбойники? Не хуже ли всяких злодеев эти изверги рода человеческого, эти выродки?.. Кровь стынет в жилах, когда читаешь об этих зверствах наших врагов; они превзошли древних дикарей в жестокости всякого рода. И вот горе: еще смеют называть себя христианами! Давно отреклись от Христа, давно потеряли не только образ Божий, но и образ человеческий, мало того: стали хуже зверей, как истые слуги сатаны, а все еще лицемерят, все еще подбодряют себя и хвалятся мнимым своим христианством... Как не восстать со

всею ревностью против таких врагов, уже не наших только врагов, а и Божиих?

Вот что дальше говорит наш святитель: «Некогда, во время нападения иноплеменников на землю народа Божия, Иессей трех старших сынов своих послал на брань за отечество; а младшего Давида посылал потом доставить им пищу в походе: и сей носитель пищи внезапно сделался воином и победителем врагов. Так праведные жертвуют отечеству тем, что имеют любезнейшего: так и праведный Бог дает благородному самопожертвованию дивную помощь и силу».

И ныне, как во времена оны древния, есть отцы, и их так много по милости Божией, которые отдали всех своих сыновей на защиту отечества, но этого мало: и дочерей своих послали служить раненым воинам, и вся Россия обратилась как бы в великий лазарет, а весь цвет ее бьется на полях брани с лютым врагом... Помогите им, Господь! Укрепи их мужеством, пошли им Ангелов-хранителей и сподборников на вражью силу! Поистине можно повторить вместе с святителем Филаретом уже не к одним воинам, но и ко всем русским людям: «Братия! По вере и вы народ Божий: продолжайте и подвигами являть в себе народ Божий! Для такого народа не оскудеет дивная помощь Божия!»

Нынешняя война – позор для человечества, позор именно для тех, кто начал ее, кто, как разбойник и грабитель, напал на своих добрых соседей, позор для немцев, – не говорим уже об их послушном орудии – турках: эти – не христиане, не называют себя сим священным именем, а потому им простительнее, чем немцам, такой позор. Но чем позорнее война для ее зачинщиков, тем славнее отражение ее для нашего христоролюбивого воинства, для наших благородных союзников, тем выше подвиг защиты родной земли, родного Царя, а паче всего – веры православной. Немцы ведь давно мечтали не только завоевать хотя часть земли нашей, но и похитить из русской души заветное ее сокровище – веру православную: было бы тяжким грехом пред Богом, преступлением пред родным народом изменою пред отечеством и Царем нашим, Божиим Помазанником, спокойно смотреть на такое ужасное злодеяние врагов наших. Наш священный долг – отразить

нечестивцев, стать грудью за наши святыни, за нашу Святую Русь! И наше воинство свято исполняет свой долг. И Господь благословляет его святой подвиг. «Господь, – говорит святитель Филарет, – Господь, нарицаемый Богом мира, нарицает Себя также «Господом воинств». Бог «научает руки» верных Своих «на ополчение, персты их на брань» (Пс. 143, 1). Авраам, образец кроткой веры, не воевал ли за своих родных и за союзных царей? Не войной ли, по повелению Божию, народ Божий приобрел землю Обетованную? Не Ангел ли Божий сделал гумно Гедеоны военно-учебным поприщем и сильным небесным словом образовал его для победы над мадианитянами? Дух Божий, Который носился над Давидом от дня помазания его, не управлял ли рукою его, не только тогда, когда он извлекал из десятиструнной псалтири пророчесственные звуки, но и тогда, когда он победоносно стрелял в Голиафа, хотя и не из лука стрелою, а камнем из пращи? Равноапостольный Царь Константин для чего первее всего употребил крест Христов, только что им познанный? Для брани и победы. Итак: Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как на земле есть немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частию надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию».

Обращаясь к воинам, святитель Филарет говорил: «Посвятить себя подвигам за Царя и Отечество на жизнь и на смерть – какое прекрасное, возвышенное призвание! Если приятен подвиг по воле отца, и тем более приятен, чем более дает упражнения сыновней преданности в преодолении трудностей: как должен быть радостен подвиг по воле Отца миллионов народа! И не тем ли более радостен, чем более соединен с самопожертвованием? Если приятно бодрствовать и трудиться для блага и спокойствия семейства: как должно быть вожделенно стоять на страже и в подвиге для спокойствия у безопасности Отечества! Земная жизнь дается человекам на время; и у многих время берет ее обратно даром. Какое же

преимущество – обратить свою жизнь в талант для приобретения Царю и Царству спокойствия, победы, славы, – сделать жизнь свою священной жертвою верности и любви к Царю и Отечеству, – приближаться чрез самопожертвование к высшей степени святой любви, по суду Самого небесного Судии: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. 15,13).

«Благословение и слава побеждающим, благословение и блаженство приносящим в жертву жизнь свою с верою в Бога, с любовью к Царю и Отечеству! Сказано в Писании о древних подвижниках за Отечество: «Верою победиша царствия» (Евр. 11,33). Верою победоносны будете и вы».

Святитель дает воинам такие драгоценные наставления, что руководимый ими православный воин становится идеалом воинской чести и доблести. «Честь воина, – говорит он, – не в одной пылкой храбрости, но также и в строгом повиновении Начальству, в единодушии с соратниками, в непоколебимой стойкости, в недремлющей осторожности от нападающего с оружием и от подкрадывающегося с смертоносным словом, в кротости к безоружным, в уважении к собственности, даже неприятельской; в умеренности, довольной, как учил Иоанн Креститель, своими оброки (Лук. 3,14). Высшая же сила воина – в вере и уповании на Господа сил, Бога воинств небесных и земных, праведно подвизающихся для царствия земного и небесного».

«Не забывают, – говорит святитель в другом своем слове воинам, – не забывают, что добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно, а гнев и грозу берегите для врагов Отечества. Наипаче не забывают, что добрый воин Царя Благочестивейшего должен быть равномерно «добр воин Иисус Христов» (2Тим. 2,3). Надобно ли в подтверждение сего вновь напоминать вам о древних победоносцах и уверять вас апостольским словом, что они «верою победиша царствия» (Евр. 11,33)? Вы это ближе и проще знаете из деяний наших предков, наших Царей, наших избранных вождей. Тот воин истинно непобедим, которому венец мученичества за веру, Царя и Отечество так же любезен,

как и венец победы. Тот лучший слуга Царев и надежнейший защитник Отечества, кто в верном Богу сердце, в чистой совести носит верную надежду Отечества небесного».

Не видим ли мы в сем идеальном изображении воина-христианина доблестный облик всего нашего христоролюбивого воинства? И непоколебимая стойкость, и кротость к безоружным или обезоруженным пленным врагам, и уважение к собственности даже неприятельской, и львиное мужество против вооруженных врагов, и недремлющая осторожность не только от вооруженных врагов, но и от тайного союзника вражия – какого-нибудь баптиста или штундиста, подкрадывающегося к православной душе воина, и наконец крепкая, побеждающая мир вера, питающая столь же крепкую надежду на помощь Божию – вот те доблести нашего христоролюбивого воинства, коих свидетелями мы являемся наипаче в наши дни, во дни сей почти всемирной, небывалой еще в истории человечества, брани...

Но святитель Филарет напоминает и нам, мирным гражданам, наш великий долг пред нашим воинством: «И мы, – говорит он, – не призванные в воинский стан и безоружные, не совсем чужды участия в войне, – участия не только мысленного, но и действительного. Мы не участвуем в деле войны: однако более или менее участвуем в достижении более или менее совершенного в ней успеха».

«Молитва веры должна приобрести Царю союзника и поборника в Царе небесном. Если наша молитва о подвизающихся на поле брани братьях наших единоплемянна, усердна, крепка, чиста, достойна: то она способна более или менее способствовать им в приобретении вернейшего залога побед – Божия благословения и помощи. Так, подвизаясь в молитве, мы становимся действительными духовными сподвижниками подвижников брани. Но если наша о них молитва не единоплемянна, не усердна, не крепка, не чиста, не достойна, то, по мере сих недостатков, она будет лишена действия и мы лишим подвизающихся за нас братьев наших некоторой доли споспешествования, которую могли и должны были доставить им. Если же и совсем уклоняемся от молитвы

за них, то уподобляемся малодушным воинам, бегущим с поля битвы, которые и мужественных смущают и затрудняют. Говоря сие, нимало не уменьшаем ни значения и самостоятельности естественных сил и способностей, ни важности воинских дарований, искусства, ревности. Отдадим справедливость верности, благородству, искусству, мужеству наших вождей и воинов; но если молитва, Божие благословение и Божия помощь также не суть слова без значения, то Церковь и народ, молящиеся за воинство, суть немаловажный для воинства подкрепительный, а может быть, пред очами духа, и предваряющий к победе отряд, по силе и достоинству молитвы». Свои умозаключения святитель далее обосновывает на слове Божиим и примерах из истории избранного народа. «Помощь Божия даруется не просто, не в произвольное отличие избранному народу, но под определенным условием нравственным и духовным: «Аще быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил: ни о чесом бы убо враги его смирил бых» (Пс. 80, 14, 15). Веруй, Израиль в Бога, молись Ему, слушай слова Его, поступай по заповедям Его справедливо, благонравно, человеколюбиво; если согрешил, не медли покаяться и исправиться; надейся не на себя, а на Бога; и Он готов «ни о чесом же» смирить врага твоя, даровать тебе легкую и верную победу над ними».

Святитель приводит пример победы Израильян при помощи молитвы Моисея, воздевшего руки к Богу; победы Иисуса Навина, когда «союзное с ним небо стреляло в его врагов каменным градом, а он по необычайной надежде на Бога, не произнося даже слов молитвы, собственным повелением останавливает солнце, чтобы иметь время засветло довершить свою победу». Была и такая война, когда несправедливо нападающий враг смирен был точно «ни о чесом же», без оружия и ратоборства со стороны потерпевшего нападение: Сеннахирим, домогаясь совершенного порабощения иудеев, дерзнул на богохульство, и тогда иудейский царь Езекия понял, что война переносится с земли на небо, и, во храме пред Богом развернув богохульное рукописание, сказал: «Отверзи, Господи, очи Твои и виждь». И Бог отвечал чрез пророка

Исаию, что на Себя приемлет защиту Иерусалима: «И бысть в ночь ону, и сниде Ангел Господень, и уби от полка ассирийского сто осмьдесят и пять тысяч» (4Цар. 19,35).

Поучая и воинов, и всех православных русских людей молитве, святитель Филарет и сам молился вдохновенною молитвою о победе на супостаты, причем выражал свою молитву не своими словами, а избрал для сего слова из псалмов Давидовых: «Заступниче наш, виждь, Боже, и призри на лице Помазанника Твоего» (Пс. 83,10). «Се врази Твои возшумеша, и ненавидящие Тя воздвигоша главу. На люди Твоя лукавноваша волею, и совещаща на святых Твоя» (Пс. 82, 3, 4). «Да обрящется рука Твоя всем врагом Твоим, десница Твоя да обращет вся ненавидящая Тебе» (Пс. 20,9). «Помози нам, Боже, Спасе наш, славы ради имени Твоего» (Пс. 78,9).

«Вы слышите, – говорил святитель, – что я говорю о настоящем положении дел словами древнего народа Божия. (Слово сказано в 1853 году, во время Крымской войны.) Счастливы это для нас, что самые обстоятельства поставляют нас в положение народа Божия против врагов Божиих. Враги наши суть враги креста Христова. Следственно, мы можем просить от Бога защиты и победы не только для себя, но и для славы имени Христова. «Помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имени Твоего!»

Что говорил мудрый учитель Церкви слишком 60 лет назад, то вполне применимо и к событиям нашего времени. Правда, немцы, именно германцы, называют себя еще христианами, но ведь они не почитают креста Христова, они называют его – прости мне, Господи, слово сие – орудием позорной казни, а не древом спасения, не тем подножием ног Христовых, поклоняться коему заповедал еще Царь Давид: «Поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть» (Пс. 98,5). Посему справедливо называть и их, наравне с союзниками их турками врагами креста Господня, врагами нашей православной веры и Церкви.

Слово правды нашим патриотам-антисемитам

Давно совесть требовала сказать слово правды по адресу наших почтенных патриотов в защиту святой Библии... Да, приходится не просто сказать, а крикнуть некоторым из них: «Не касайтесь Библии, не трогайте нашего Священного Писания, в котором мы, верующие, видим и знаем только слово Божие!»

В самом деле: возьмешь в руки патриотическую газету и едва ли не в каждом номере читаешь о возмутительных, изменнических проделках иудеев, об их продажности, жестокости и других качествах, и тут же, как бы на справку, приводятся факты из ветхозаветной истории, в подтверждение того, что и всегда они таковы были, начиная с праотца Авраама... Не щадят наши патриоты ни Авраама, которого Апостол называет «другом Божиим», ни Давида, которого Церковь называет «Богоотцем», то есть праотцем Самого Господа Иисуса Христа, ни других великих патриархов и святых мужей Ветхого Завета, которых наши ревностные антисемиты не стесняются ставить в один ряд с современными «жидами» и приписывать им те же качества, какие наблюдаются в современных, Богом отверженных иудеях. Сказать правду: страшно становится за этих почтенных людей, пускающихся в море толкования Писаний без кормчего и позволяющих себе дерзновенно обращаться с Священным Писанием как с самой обыкновенною книгою. Нельзя, решительно нельзя древних евреев мерить меркою современных жидов. Нельзя, грешно таких мужей священной древности, как пророк Давид, патриарх Авраам и другие, судить по Талмуду, о коем еще тогда и помысла ни у кого не было. Что современный, сам себя отдавший под клятву жид творит по талмуду, во имя ненависти ко Христу и христианам, того нельзя брать меркою действий, упомянутых мужей. Это было бы по меньшей мере грехом среднего Ноева сына, если, бы даже применять к ним меру новозаветного духа Писаний; но ведь надо помнить, что Ветхий Завет есть только тень Нового, что великие мужи того завета суть младенцы в духовном отношении в сравнении с

новозаветными, коим Бог не в меру дает Духа. Ведущий естества нашего немощи Господь в Ветхом Завете снисходит многому, чего не разрешает в Новом. Тогда было и многоженство, и наложничество; тогда и строгий, по нашим понятиям, закон мести: «Зуб за зуб, око за око», был в сущности лишь ограничением жестокости нравов человеческих: позволяется тебе отомстить око за око, зуб за зуб, но отнюдь не смей, не позволяй себе больше сего, не вырывай оба глаза за один, не выбивай два зуба за один...

А наши публицисты забывают все это и произносят свой строгий суд на мужей древности по мере нашей современности. Вот тому самый последний пример (а таких примеров и не сочтешь). В Петрограде был устроен Союзом Русского Народа патриотический вечер. Говорились речи, очень дельные и очень одушевленные. Один почтенный оратор, член Государственной Думы, известный патриот и один из вождей Союза, характеризуя германцев, указал на их безбожного лжефилософа Ницше как на предтечу антихриста и сказал, что, объявив войну, они пошли со своим «старым богом» впереди. «Этот бог, – продолжал оратор, – очень похож на старого иудейского бога, бога талмуда, диктовавшего иудеям те пути, по которым следуют теперь германцы. В книге Царств, в Библии, описан поступок древних иудеев с аммонитянами: «А народ, бывший в Равве, он (кто – он? Оратор намеренно умолчал по понятным причинам, – это был сам царь Давид) вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, топоры и бросил их в обжигательные печи». Так воюют с нами теперь германцы, взявшие себе в союзники иудейский народ, а в покровители старого иудейского бога.

Конечно, с точки зрения наших современных христианских понятий о гуманности, царь Давид поступил очень жестоко. Но пророк-бытописатель, рассказывая о такой жестокости, говорил о ней спокойно, потому что в те времена такие жестокости были обычным явлением у всех тогдашних народов; притом евреи смотрели на всех идолопоклонников как на врагов Божиих, им было заповедано Богом совсем истреблять некоторые народы, населявшие землю им обетованную. Полторы тысячи лет назад

блаженному Феодориту, епископу Киррскому, предлагали вопрос: за что Давид подверг столь тяжким казням аммонитян? И святитель отвечал: «Должно помнить, как поступали они (аммонитяне) с израильтянами, выкалывая им правый глаз. Пророки извещают и о других жестокостях их. Посему понесли они наказание, равное своим злодеяниям». В другом месте тот же святитель объясняет, что выколоть правый глаз, значит – сделать человека совершенно неспособным к битве, потому что во время битвы левый глаз обычно закрывался щитом, держимым левою рукою. Как видите, блаженный Феодорит не так строго относился к царю Давиду, как наш оратор-патриот. Но суть не в том еще. Талмуда при Давиде еще не было. И Бог времен Давида есть не бог талмуда, а тот же истинный Бог, в Которого и мы веруем. Не видно из повествования, чтобы Давид поступил в данном случае по какому-либо особому повелению Божию; может быть, он просто следовал обычаям своего времени, которые не считал противными и воле Божией, ибо не мог он забыть повелений Божиих, данных Моисею и Иисусу Навину – истреблять идолопоклоннические народы с лица земли обетованной.

Православные богословы, такие, как митрополит Филарет, в своих толкованиях на Ветхий Завет никогда не позволяют себе таких дерзновенных суждений в отношении событий, записанных в библейских канонических книгах, какие позволяют себе современные публицисты; богословы помнили, что имеют дело с священными книгами, что дело касается времен давно минувших, когда были другие отношения, другие мерки, другое мировоззрение, обусловливаемое тогдашним состоянием умственного и нравственного развития человечества. У них, этих богословов, надо бы поучиться и нашим публицистам, особенно патриотам, а не идти за немцами тюрингенской школы, которые не только отвергают всякую богодухновенность Библии, но и отрицают историческую подлинность священных книг и достоверность самих событий, в них записанных. Ведь не хочется думать, что наши патриоты совсем расходятся в своих взглядах на Библию с нашими пастырями Церкви православной, которые смотрят на сии книги очами веры и

Церкви и не позволяют себе считать сии книги простым человеческим писанием. Патриоты наши должны помнить, что ведь они стоят за веру православную, а стало быть, за Церковь православную, и их долг – прислушиваться к голосу родной Церкви, если только они не считают себя умнее Церкви, если хотят оставаться ее верными чадами. Иначе – она не нуждается в их защите и не может дать им своего благословения на их деятельность...

Я привел только один пример, так сказать, нецерковного отношения наших публицистов-патриотов к Библии.

Говорю о патриотах потому, что от них-то надо бы ожидать совсем иного отношения: о не-патриотах, о вольномыслящих не стоит и говорить. К сожалению, и патриоты наши пишут не случайные только статьи в газетах, не в речах только проявляют такое легкомысленное отношение к Библии, но и пишут целые книги, полагая в основание те же начала немецкого вольнодумного отношения, какие проявляются в их речах. Есть очень серьезное сочинение одного почтенного знатока еврейского вопроса, большая и дорогая книга, вся проникнутая тем же духом отрицания к историческим данным ветхозаветных книг, не говорю уже об их богодухновенности... Происходит все это оттого, что не хотят положить резкой, самим Богом положенной грани между ветхозаветным иудеем и современным нам жидом, потомком распинателей и заклятым врагом нашего Господа Иисуса Христа. Предки современных жидов сами призвали на себя грозную клятву, когда кричали Пилату: «Кровь Его на нас и на чадах наших!» Отверженные Богом, они измыслили свою богохульнейшую книгу талмуд и наполнили ее клеветами на Самого Господа Бога. Иначе как клеветами на Господа нельзя назвать те вымыслы, какие читаются в этой книге. Вот пример: Господь три часа в сутки плачет об Иерусалиме, три часа играет с левиафаном, три часа обдумывает судьбы своего народа и т.д. ... Что это, как не хула на Величие Божие? И мог ли так думать ветхозаветный иудей, пока он не был отвержен Богом? Сказал некогда Господь Свое грозное слово, Свой приговор над богоотступным народом: «Се оставляется вам дом ваш пуст!» И свершилось слово сие,

благодать Божия отступила от народа богоубийц, и место ее занял человекоубийца искони, диавол, и подменил им Библию талмудом, подменил истинное понятие о Боге крайне уродливым представлением, с которым не мирится простой человеческий разум. И даже доселе лежит покрывало на их сердцах, как пишет апостол Павел, и закрывает пред ними истинный смысл Ветхого Завета, когда они читают сии книги. Здравый разум человеческий как-то не мирится, чтобы умный, развитый иудей мог верить всем тем басням, коими наполнен талмуд. К несчастью для иудеев, их более интеллигентные, более развитые люди вместо того, чтобы спокойно проверить свои верования с учением Христовым, бросаются в учения безбожные, построенные на началах грубого материализма и полного отрицания духовного мира, теряют веру во всякие нравственные принципы, всецело отдаваясь мечтам о всемирном владычестве и заражая тем же своих соплеменников, менее развитых, но фанатически верующих в идею всемирной власти своего мессии. Иудеям-интеллигентам выгодно держать своих сородичей в их заблуждении, так как они являются вернейшими слугами их в достижении поставленной ими цели. Кто хочет подробнее ознакомиться с этим всемирным заговором против христианства, тот пусть прочтет, хотя бы знаменитые «Протоколы сионских мудрецов» (Протоколы, между прочим, напечатаны в книге Нилуса: «Великое в малом», ч. II, «Близ грядущий антихрист».) – этот гениальный план завоевания всего мира иудеями. Весь мир опутан их сетями. И в числе средств к разрушению христианства они не пренебрегают и подрывом авторитета самой Библии: ведь что такое эта книга для их «ученых», потерявших веру во все духовное, отдающих все силы своего ума, все материальные средства, всю душу служению одной цели – покорению мира жидовскому племени и его ожидаемому царю-лжемессии – антихристу?..

Вот что хотелось мне сказать нашим патриотам, не желающим руководствоваться взглядами Церкви на священные книги Ветхого Завета и тем – надо правду сказать – отталкивающим нас, служителей Церкви, от близкого

сотрудничества в борьбе с врагами Церкви и родной нашей православной России...

Русь под крестом

Святая Русь – под тяжким крестом... Стомиллионный православный Русский народ смиренно склоняет свои рамена под этот крест с молитвою: «Да будет воля Твоя, Господи». Не впервые нести ему такой крест, его история есть история постоянного крестоношения. И он знает, где источник благодатных сил этого великого подвига крестного: он спешит к своей благодатной матери Церкви. И сия мать широко раскрывает свои объятия для чад своих, и под ее благодатным кровом совершается великая тайна общения православных людей с небом и небесными гражданами родной земли.

Поучительно, отрадно, в высшей степени животворно это общение с небом верующих душ. Кто хочет освежиться душой, обновиться, укрепиться духом, соделаться причастником этого общения, тот пусть уйдет хотя ненадолго из омута житейского в тихую пристань какой-либо, особенно чтимой народом, святой обители и не мудрствуя лукаво сольется с народной волной простецов-богомольцев. Бог привел мне провести три недели в родной мне Лавре Преподобного Сергия. С раннего утра до поздней ночи, а иногда и всю ночь эти чада Божии тянутся непрерывной вереницей от святых ворот обители до самой раки угодника Божия, терпеливо выжидая по несколько часов своей очереди, чтоб прикоснуться своими устами к священному покровцу на главе его. И не только взрослые, но и малые дети тут же жмутся около своих матерей, несмотря на усталость, на полночную тьму, а иногда и на дождь и непогоду... И чувствует сердце, что угодник Божий ходит среди них, с любовью всех их принимает, безмолвно, но сердцу их внятно, утешает их, укрепляет на великий подвиг послушания воле Божией и по вере их творит среди них чудеса.

Иноки славной Лавры преподобного печальника Русской земли свидетельствуют, что давно не было такого стечения богомольцев, какое замечается в нынешнем году. Под праздник св. Апостолов Петра и Павла святые ворота не запирались всю ночь. Усталые путники, достигнув своей святой цели,

приложившись к св. мощам преподобного Сергия, уже не покидали обители до первой ранней литургии и располагались на короткий отдых на кладбищах Лавры между могил. Монастырская трапеза также была полна народа. В этот день обедало до 5000 человек. То же было и 5 июля в праздник преподобного Сергия.

Рассказывают, что ночью на Петров день совершилось тут чудо: муж привел больную жену, у которой одна рука висела как плеть. Бедная женщина крепко веровала, что угодник Божий поможет ее горю, исцелит ее парализованную руку. И совершилось чудо: усталая богомолка в укромном уголке под открытым небом, у соборной стены, крепко заснула пред утром. Ударили к первой ранней литургии, и муж разбудил ее. Она стала приводить в порядок платок на голове, и муж видит, к своему великому изумлению, что она действует обеими руками... А та даже и не замечает, что чудо уже совершилось: ее рука исцелела. Муж называет ее по имени и говорит ей: «Смотри, да ты владеешь больной рукой». И бывшие тут старушки – случайные свидетельницы чуда – прославили Бога, дивного во святых Своих...

Я записал это со слов старушек. Кто была исцеленная, откуда – они не догадались спросить. А сама она и муж ее, поблагодарив угодника Божия, уже ушли в путь свой радуясь. Немало таких чудес совершают святые Божии. Такие чудеса в глазах простого нашего верующего народа – как бы совершенно естественные явления: простые люди не считают нужным объявлять о них начальству монастырскому, по своей скромности опасаясь, чтоб не подумали, будто хвалятся они своею верою: «Смиловался угодник Божий, утешил, исцелил, и слава Богу, благодарение чудотворцу милостивому». Уже после, иногда спустя довольно времени, узнаешь, что совершилось такое чудо, и вместе с простецами верующими умилишься сердцем и поблаговаришь Бога, что еще жива вера народная, творящая чудеса чрез святых Божиих.

Идешь по монастырю – со всех сторон стремятся люди Божии, чтоб принять благословение. Нередко слышишь: «Помолись, батюшка, о воине Петре или Иване, помолись об

упокоении убиенного воина такого-то»... И чувствуя свое недостойнство, невольно в умилении сердца возносишь к Богу сердечный вздох, чтоб слиться в молитве с сими чадами Божиими, чтобы на крыльях их крепкой веры вознеслась к небу и твоя немощная молитва. О Русь, святая, наша Русь православная! Велика вера твоя! Веруем, что призрит Господь на смирение твое и услышит сердечные мольбы твои за молитвы как тех сынов твоих, которые уже отошли к Богу, так и ныне еще страждущих и обремененных в сей юдоли земной...

Вот еще проявление той же веры тех же простых сердец людей. В 4 часа дня против святых ворот обители Сергиевой на площадь вышел крестный ход во главе с наместником Лавры архимандритом Кронидом. Совершался молебен о победе на супостаты. Это – молитва простых русских женщин, мужа и сыновья которых подвизаются там, на полях брани, в окопах, в кровавых битвах проливая свою кровь за Русь родную, за веру православную, за Царя-батюшку. Это они – жены и матери наших воинов – просили отслужить в утешение им такой молебен. Можно ли было не откликнуться на это святое желание верующих простых сердец? И о. наместник сказал им теплое слово утешения и доброго назидания, и нет сомнения: после такого моления им легче будет нести свой тяжелый крест.

Да, война, как великое испытание Божие, сделала великое дело: проснулась народная душа, заговорила совесть христианская, и русские люди вспомнили заветы отцов своих, совсем было забытые под гипнозом пьянства и других пороков, и обратились на пути стародавней старины... Дай Бог, чтоб это пробуждение не было временным, чтоб оно охватило не только народные массы, но и верхние слои народа, которые, надо сознаться, еще не глубоко прониклись этим покаянным чувством. А без этой благодатной закваски невозможно обновление духа, ненадежны все те законодательные меры, о коих много толкуют в печати и обществе. Начни каждый сам с себя, с своего внутреннего человека, и, Бог даст – будет положено прочное начало твоему духовному возрождению. Внешнее делание, говорят святые отцы, без внутреннего цены не имеет и плода не приносит. Оно имеет свою цену только при

внутреннем подвиге, как содействующее сему последнему средство и как его плод. Посему первое всего должно заботиться о перевоспитании человека в духе смиренной веры и послушания Церкви, а все прочее – само собою приложится уже в силу требований совести, руководимой страхом Божиим. Посейте семя, и оно само найдет себе формы своего произрастания при Божиим благословении. Останется только оберегать эти формы от искажения их неблагоприятными влияниями...

О великом отступлении

Да не обольстит вас никто никак, ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление... (2Сол. 2, 3)

Чем дольше идет война, тем больше с ужасом думаешь: да уже не пришло ли время исполниться пророчеству Апостола Павла об «отступлении»?.. (2Сол. 2, 3).

«Отступление» было всегда, во все времена христианства: всегда были отдельные личности вроде Иулиана-отступника, всегда находились хульники и безбожники, отвергавшие бытие Божие и Божество Господа нашего Иисуса Христа, но никогда, сколько запомнит история, не было такого массового, всенародного отступничества от Христа, какое являет теперь миру немецкое племя.

Каждый день мы читаем об их бессмысленных, именно – бессмысленных жестокостях, совершаемых над нашими пленными, но этого мало: теперь мы читаем уже показание одного пленного офицера о том, что высшее военное начальство в Германии нарочито обучает солдат жестокостям, – да: обучают жестокостям... «Только озверелые солдаты хорошо сражаются, – говорят германские офицеры, – но для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русских пленных, которые, как изменники своей родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают». Видите: тут уже не простое варварство, тут издевательство над несчастным пленником, над его чувством любви к отечеству, пытка над его душой... И вот для «упражнения солдат в жестокостях», наших братьев, имевших несчастье попасть в плен этим сверхзверям, жгут, заживо хоронят, режут на части, топят в реках и болотах, прикалывают и пристреливают как бешеных животных. С ужасом читаешь: 3600 пленных заживо погребено, 5000 расстреляно и пр. ... И это делают – так называемые «христиане»... Нет, это уже не христиане, это даже не звери, это выходцы из ада, это слуги сатаны, это не только не христианство, даже не человечество, – это – «дьявольство», как выразился недавно в своей новой книге почтенный А. А.

Тихомиров. Да, ради этих отступников от Христовых заветов приходится изобретать новые слова, ибо в христианском словаре их не находится. Они порешили, что весь шар земной должен им, и только им, принадлежать, а потому они имеют право истреблять всех людей, все народы земные, чтоб очищать себе место на земле. По их понятиям, кроме немцев, и людей на свете нет: есть человекоподобные животные, которых позволительно истреблять, как тараканов или клопов. Тут уже не может быть и речи о христианстве, о любви к ближним, о справедливости, человечности: тут жидовский талмуд вступает во все свои права. Ведь и жида никто, кроме своего племени, за людей не считают: их талмуд учит, что Бог дал «гоям», то есть не жидам, человеческий облик только для того, чтоб им, жидам, было непротивно пользоваться услугами этих «гоев», как животных. Вот так же смотрят на людей и немцы и не стыдятся говорить это открыто... Скажите, добрые люди: не есть ли это в полном смысле «отступление», отречение от христианства, от заветов Господа нашего Иисуса Христа? А если так, то не близок ли час пришествия того, кто «откроется как человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2Сол. 2, 4)?

Времена и лета Бог положил в Своей власти: нам не дано знать их; но указаны признаки совершения времен, и один из таких признаков – отступление от веры, от Христа. На протяжении всей истории Церкви Христовой были отступники – отдельные лица или некоторые сообщества лиц; это – еретики и лжеучителя.

Первое великое отступление от Церкви было – отпадение папы с подчиненными ему западными церквами, великий раскол, посеявший семя самочиния в недрах Церкви, последствием чего было второе отступление или отпадение уже от западной церкви того же папы, – это протестанство во главе с еретиком Лютером. На наших глазах совершается новое великое отступление уже от христианства в среде народов, увлеченных Лютером в гордыню самочиния, самосмышления,

отречения от всякого авторитета Церкви. Это уже отречение и от всякого сознания братства сынов Адамовых, отречение от всякого человечества и – страшно сказать – духовный союз, сочетание, сродство с исконным врагом Бога и людей – сатаной... Одно некое малое утешение: это породнение, побратание с сатаной пока происходит со стороны только немецкого племени, духовного потомства злостного врага Церкви отступника Лютера и его единомышленников, подписавших некогда решения тайного съезда масонов в 1536 году. Еще тогда несчастный народ немецкий стал уже на невозвратный путь отступничества сначала от Церкви, а потом и от Христа. Тайна беззакония, этого страшного отступления, совершалась на протяжении почти четырех столетий, незаметно для самих немцев под неослабным руководством масонов, этих давних союзников сатаны.

Промыслом Божиим для всего христианского мира обнаружилась эта тайна богоотступничества, прикрываемая слишком прозрачным, лицемерным покровом яко бы «христианства»: пусть на всех оружиях, на амуниции, на касках и поясах у немцев стоит святое слово «С нами Бог», – не Бог с ними, а враг Божий – сатана, научающий их всем ужасам истребления безоружного населения соседних с ними стран, потопления в море плавающих мирных путешественников, бессмысленного, отвратительного издевательства над святынями, дорогими христианскому сердцу. Великий урок дает всем народам христианским эта великая война: вот до какого осатанения доводит отступничество от заветов Церкви, самочиние в вере, гордое отвержение всякого авторитета в области духа. За осатанением неизбежно последует одичание, вырождение и гибель народа-самоубийцы. Сохрани Бог весь род человеческий от такого пути: он неизбежно поведет к взаимному истреблению, к великому рабству, сначала духовному, а потом и политическому – рабству грядущему врагу Божию – антихристу.

Я сказал, что отношение немцев к пленным и вообще к населению воюющих с ними стран напоминает дух талмуда. Достоин внимания, что иудеи, последователи талмуда, усвоили себе в качестве родного языка – немецкий язык, хотя в

самом искаженном виде, а немцы, как мы видим, восприняли дух их талмуда. Не напрасно же наши военачальники выселяют иудеев из пределов военного района: иудеи слишком резко подчеркнули свое духовное родство с немцами фактами измены, предательства, встречами немцев с хлебом-солью и под. Стоит прочесть знаменитые «Протоколы сионских мудрецов», чтоб видеть, что немцы неуклонно следуют заветам этих мудрецов. Очевидно, они усвоили их принципы, предвосхитили их идею о всемирном владычестве и не отказываются от их сотрудничества в этом преступном деле. Надолго ли этот союз – кто кого обманет, превратит в раба – время покажет. А всем народам земли дается предостережение Промыслом Божиим: смотрите, куда ведет отступление от заветов Христа, во что обратится все человечество, если пойдет по пути сего отступления. Земля тогда обратится в ад крошечный, люди станут без смысла истреблять друг друга, это будет какой-то всемирный дом сумасшедших, дышащих друг против друга адской ненавистью и злобой... Напрасно немцы думают, будто, разжигая ненависть и жестокость против русских, французов и англичан, они станут любить друг друга – немцы немцев: сердце, зараженное ненавистью, обученное жестокости, не способно к любви к кому бы то ни было. Ненависть становится стихией его жизни, ад, весь ад со всеми его обитателями, приходит в такое сердце и вселяется тут... И настанет день, когда, если не покаются, эти люди станут пожирать друг друга, как бешеные звери...

Вот куда пошли несчастные немцы. Человечество должно благодарить Бога, что имеет возможность еще целым сердцем ухватиться за заветы Христа и отшатнуться от народа-изменника Христу, оберечься от заражения его гордынею, злобою и ненавистью. А чрез это – отдалит и появление среди себя того «человека беззакония и сына погибели», о коем говорит Апостол Христов. Чтуй да разумеет!..

Удушливые газы

Германцы изобрели против людей, как против каких-нибудь насекомых, удушливые газы; но есть люди, которые давно предупредили их: они изобрели другой способ отравлять и душить людей – ложью, клеветой, инсинуациями – в печати. Известно, что простой русский человек каждую напечатанную строку считает за чистую истину; он все еще не может себе представить: как это можно позволять печатать ложь и клевету, как не стыдно печатающим, как не грешно разрешающим печатать?.. Он не понимает, для чего дана такая свобода – печатай что хочешь, лишь бы какого министра не задеть... Недалеко, правду сказать, ушли от простого мужичка и наши глаголемые интеллигенты: попробуй разубедить иного в чем-нибудь похожем на сплетню: он ткнет перстом в газету – вот, читай, так напечатано! Напечатано – значит – правда. А при воспитанной немцами на протяжении почти двух столетий склонности нашего интеллигента к протесту, к критике всего, что стоит выше его, бесполезно было бы и доказывать ему противное.

Вот всем этим и пользуется собирательный иудей, чтобы достигать своих целей. Он захватил в свои цепкие руки печать в подавляющем ее большинстве; он зорко следит за всяким благотворным для Церкви, но опасным для его темных целей, явлением в церковной жизни; он тщательно замалчивает это явление в своей печати, а когда не удастся это, он старается его дискредитировать в глазах читателей, представить в извращенном виде, набросить на него тень, очернить тех, кто является виновником такого нежелательного для него явления. Вспомните, как наша, так называемая либеральная, печать относилась к великому событию в жизни Церкви – открытию святых мощей Саровского чудотворца Серафима двенадцать лет тому назад. Большинство иудействующих газет притворилось, как будто ничего особенного на Руси не случилось, и только Царское путешествие в Саров вынудило их заговорить о том, что там творится. Но и тут – ни слова о

чудесах, которые приизобильно источались у раки нового чудотворца, у его источника, даже у его уединенных келлиек пустынных. Чувствовалось какое-то презрительное отношение иудействующего полуинтеллигента ко всему этому. И это не случайное явление. Помню великое торжество в Троицкой Лавре в 1892 году, обитель преподобного Сергия, а с нею и вся Русь православная праздновала 500-летний юбилей блаженной кончины великого печальника Русской земли; из Москвы шел величественный крестный ход в несколько десятков тысяч богомольцев; подъем народного духа был столь высок, что все мы, свидетели этого великого торжества, переживали часы, не повторяемые в жизни каждого. Лесные звери, медведи, когда-то благодетельствованные великим старцем-подвижником, как бы выслали от себя своего рода депутацию: приходила к скиту большая медведица с двумя медвежатами в самый день юбилея, как это истолковали простые богомольцы, и умилились сердцем, приняв и это в некоторое знамение и поучение себе. А наша печать? Интеллигенты? Исключая патриотических газет, вроде «Московских Ведомостей», остальные едва обмолвились несколькими замечками. Так было и при открытии святых мощей новых чудотворцев: Феодосия, Иоасафа, Питирима, так бывает всегда, когда в народной жизни проявляется вера народная, когда Церковь русская светло красуется своими великими переживаниями...

Иудеи и их приспешники так искусно перевоспитывают мирозерцание своих читателей, так отравляют их духом скептицизма, что последние, даже из числа тех, которые считают себя еще верующими, мало-помалу начинают «стыдиться Христа»: им становится как-то не по себе, когда духовное лицо начинает разговор о чудесах, о Страшном суде Христовом, даже о злых духах, о всем сверхчувственном. Они боятся шуток, если не прямо насмешек со стороны уже неверующих. Их начинает стеснять даже присутствие духовного лица. Этот ложный стыд переносится даже на обстановку: вы не скоро найдете глазами святую икону в богатом зале, она ютится где-нибудь в уголке, за драпировками, и мне случалось у очень почтенных людей иногда спрашивать хозяина: где икона, чтобы

помолиться пред обедом? Стыдятся Христа! И стыдятся, и не хотят сознаться в том. «Не принято теперь иметь большие иконы в домах». Кем не принято? Кто является законоположителем такого деспотического гонения на святыню нашей веры? Вам не ответят. «Так принято, так не принято» – вот и весь ответ... И напрасно вы будете доказывать, что так относиться к священному обычаю, лучше сказать, преданию родной матери-Церкви -. завету наших предков – иметь святыню на виду – грешно: это значило бы лишать себя и свой дом заведомо Божия благословения. Новый, модный, враждебный заветам Церкви обычай окажется сильнее ваших доказательств, выше вашего авторитета, будь вы не только простой священник, но даже сам митрополит. Увернутся, может быть, извинятся ради приличия, чтоб не обидеть вас, а икон повиднее не поставят: это значило бы прослыть в обществе ханжами, лицемерами, людьми отсталыми... И сказать правду: святым иконам, пожалуй, и не место в зале, украшенном картинами иногда не особенно скромного содержания. Вот такие картины иметь – не зазорно: это – «дань уважения искусству». Еще немного, и иконы совсем будут вынесены из раззолоченных покоев наших интеллигентов, как уже изгоняется из их души церковное мирозерцание.

Я взял пример из обыденной жизни, из современной домашней обстановки нашего времени. На этом примере яснее видно, как «удушливые газы» в области духа делают свое дело. А делают они главным образом теперь чрез печать, чрез эти газетные листы, эти еженедельники и месячники, без которых не могут жить наши современные интеллигенты. Любимая газета нашего интеллигента – его постоянный, неразлучный друг и собеседник: он читает ее еще в постели, лишь только откроет глаза, он хватается за нее в вечерний час: теперь, благодаря войне, завелись газеты, выходящие даже дважды после обеда. Какое могучее средство для перевоспитания русского мирозерцания, но – увы – не к добру, а для отравления русской души ядовитыми идеями иудейской лжи, клеветы, всяких инсинуаций! Как легко распространять все гибельные теории материализма, дарвинизма, социализма!. Тут не надо

даже самых элементарных доводов, соображений: довольно выставлять «последнее слово» каждой такой теории, как неоспоримо доказанную истину, и цель достигнута: кто посмеет критиковать автора, если он сошлется на «великие» авторитеты науки с немецкими притом фамилиями? Ведь именно так и делают все неверы – газетные сотрудники: для них, например, в вопросах о Библии величайший авторитет какой-нибудь Гарнак, Делич, но на деле разве только в редких случаях эти господа видели самые книги этих многоученых, но, большею частью, принадлежных и потому крайне пристрастных немцев. С ветру хватают их догадки, гипотезы, выдают за истины непреложные и тем гипнотизируют массы полуграмотных, полуинтеллигентных читателей, особенно пылкой молодежи, неспособной глубоко вдумываться в суть дела, горячо схватывающей всякую, новинку и потому легко отравляющейся этими немецкими «удушливыми газами» их безбожной полунауки. Об этом я уже не раз говорил, это – страшное зло, с которым необходимо бороться всеми мерами.

Но зло идет дальше. Та же система отравления ложными идеями применяется к распространению клеветы на правительство, на тех, кто имел несчастье попасть в немилость «руководителей общественного мнения», проще говоря – газетных заправил. Дело ведется обычно так: пускается слух или сообщается искаженный до неузнаваемости факт, касающийся доброго имени намеченного к истязанию посредством печатной травли лица; этот слух, это сообщение дружно подхватывается всею иудействующею печатью не только в столицах, но и в губерниях... Напрасно вы будете обращаться к властям: вам скажут: «Суды суть и анфипаты суть... туда и обратитесь». А пойдете в суд – натерпитесь горя прежде, чем получите удовлетворение. Пока суд да дело – вас многожды еще обольют помоями в тех же газетах, и вам пришлось бы вести подобные процессы в судах без конца. А между тем ваше имя в этих, враждебных вам, газетах станет нарицательным, им станут называть всех подобных вам борцов, например, против иудейского или немецкого засилья. Мы знаем немало таких имен, против которых в обществе под влиянием

травли на них со стороны газет сложилось предубеждение. В самом деле: ведь известно, что и капля долбит камень не силою, а частным падением, так и эта дружная травля в конце концов делает свое грязное дело. Самый мужественный борец бессильно опустит руки, сознавая бесполезность борьбы. Вот чего теперь и добиваются наши всех видов «либералы», когда требуют полной свободы печати. Надо помнить, что у клеветников, у всех противников власти есть специальный язык, на котором они пишут, подобно тому, как у промышляющих добычею чужого добра есть так называемый «воровской язык». Никакой суд их не изловит, не уличит: всегда найдут изворот и избегнут наказания: не окажется «состава преступления».

Невольно вспоминаются печальной памяти годы «освободительного движения». Все это практиковалось тогда в самых широких размерах. Особенно травили нас, служителей Церкви, травили беспощадно, до того, что мы, многие из нас, немало получали и смертных приговоров, очевидно, не от самих революционеров, – им не было интереса предупреждать, а от отравленных ими читателей-мечтателей, доводимых клеветою, злобными инсинуациями до фанатизма. И были тогда случаи, когда эти натравленные газетами фанатики являлись, даже не спросясь своих неведомых им руководителей, добровольцами-исполнителями таких приговоров, из усердия к служению «идеи», проповедуемой газетами... Настоящие Смердяковы!

Опыт 1905 года открыл тактику наших домашних врагов; мы уже знаем, что если начался обстрел, то значит – готовится и атака. Не со вчерашнего дня идет травля против Церкви, а в последнее время она усилилась и приняла характер систематического обстрела: едва не каждый день читаешь то в той, то в другой газете известного лагеря выступления против монашества, монастырей, архиереев и добрых пастырей из белого духовенства. Говорю: добрых, потому что, к несчастью, есть и среди батюшек сторонники левых взглядов, вторящие выступлениям левых газет, особенно если речь идет об архиереях или монахах. За самое последнее время можно указать на несколько выпадов со стороны левых: снова, как в

1905 году, заговорили о каких-то несуществующих монастырских миллиардах, о неотзывчивости будто бы монастырей к нуждам войны, о доходах лавр, об их богатых ризницах, о необходимости якобы каких-то ревизий монастырских сокровищ, другими словами – обыска (как будто монахи что-то скрывают, как будто у них нет ни описей ризничного имущества, ни других документов, как будто нельзя доверяться их показаниям на основании таких документов, если бы в том настояла крайняя нужда). Заговорили о доходах архиереев; забыты уже те данные, какие лет пять-семь назад были представлены в Государственную Думу бывшими обер-прокурорами. Подстрекают белое духовенство к всероссийскому съезду без участия архиереев, как будто духовенство в Церкви может иметь самостоятельное значение, как будто архиереям не следует доверять, как будто такое разъединение кому-нибудь полезно. Критикуют послание Св. Синода о посте и молитве, почему-де оно не говорит о взяточничестве, не перечисляет грехов против десяти заповедей, почему не запретил Синод священникам брать за молебны в эти дни, и в то же время сетуют, что актеры остались без заработка на четыре дня. Нападают на отдельных святителей, как, например, на Варшавского, оставившего Варшаву в такое время, не желая вовсе знать, что сей мужественный святитель готов был и в плен пойти, но не мог же он не исполнить воли, выше его стоящей... Ловят, искажают каждое слово архиерея, сказанное с кафедры, как это недавно было с Тверским архиепископом, чтобы всячески подорвать авторитет архипастыря. Разве вы не видите, что начался обстрел всех позиций Церкви? Разве не чувствуете, что близится момент атаки на нее всех сил преисподней? Да она уже и началась: уже «прогрессивный блок» постановил требовать, – легко сказать: требовать! – полной свободы исповеданий, а это значит на языке наших всякого рода либералов – свободы пропаганды, совращения, развращения малых сил, православных верующих душ разными сектантами и раскольниками, разными хлыстами, не говорю уже о немецких агентах – баптистах, штундистах и прочая, и прочая... Это значит – открытый поход против Церкви, война

против нее с целью смести ее с лица земли. Что ж? Церковь на земле сущая и называется воинствующею; ей не привыкать стать воевать с врагом рода человеческого, сатаною и всеми его приспешниками. Что ж? Она не боится этой войны: она непозыблемо верует божественному обетованию своего Божественного Основателя: «И врата адова не одолеют ей!» Кто пойдет против Церкви, тот да ведает, что идет он против Христа Бога истинного, тот – в союзе со врагом Христа. Не впервые церкви, невесте Христовой, быть «яко крин в тернии», пребывать в великих скорбях, бедах и гонении. Но она не разрушится, она пребудет до скончания века, ибо с нею и в ней обетовал пребывать Сам ее Глава и Основатель – Христос. «Се, – глаголет Он, – Аз с вами есмь до скончания века – аминь!» Да, «аминь», истинно так! Лишь бы мы были верны Ему, а Он нас не оставит. Сице веруем, сице уповаем! И никакие «удушливые газы» иудейской печати не заставят нас молчать – «не умру, – глаголет пророк, – но жив буду и повем дела Господня!» А с пророком дерзаем говорить и мы, служители Церкви Христовой, аще и недостойные, дерзаем даже и еще сказать нечто большее: помни, Русь наша матушка родная, что Господь обетовал вечно, до скончания мира, пребывать в Церкви, а не в государстве, что дотоле Он не оставит и тебя, пока ты сама пребудешь верна Его Церкви, а если изменишь, то возьмется от тебя светильник истины, отыметсся «царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его» – какому – Ему единому известно, но так говорит история Церкви, история народов, коим были вверены словеса Божии, – раскрой страницы сей истории и поглубже вдумайся в их смысл... Пока не поздно, пока враги не расхитили твоего вечного сокровища – святыни православия, пока не отнята от тебя милующая десница Божия и покров Заступницы усердной рода христианского – Матери Божией! «Буди верен до смерти, – глаголет Господь, – и дам ти венец живота».

Порок языка

Есть пороки, которые до того внедрились в массы народные, что мы, пастыри Церкви, кажется, устали бороться с ними и опускаем руки, благо не видим от них таких вопиющих последствий, какие, например, видим от пьянства. А между тем они не меньше пьянства растлевают душу народную, заражают духовную атмосферу на Руси и иногда становятся прямо нетерпимыми. Таков порок сквернословия и «черного слова». Не говорю уже о деревне, где пьяные отцы еще так недавно нарочито давали уроки пятилетним малюткам этой мерзости, – даже в городах, даже в наших столицах, на улицах совершенно безнаказанно звучит скверно-матерное слово. Даже пословицы есть: «Ругается, как ломовой, как извозчик, как сапожник». Как ни мерзостно слышать эту ругань, а поневоле ее терпишь: ведь пока едешь по улице, то, если бы привлекать к ответственности ругателей, пришлось бы раза два-три остановиться, чтоб «составить протокол». Да еще свидетелей потребуют. «Пробовал я, – говорил мне один почтенный батюшка, – делать так: если мой извозчик произносил матерное слово, я останавливал его, заявлял ему, что больше не хочу ехать с ним, потому что глубоко оскорбляет и меня, и прохожих своею руганью, но ничего не выходило: опять приходилось прибегать к полиции, чтобы отвязаться от него – он требовал вознаграждения за проезд – стоит ли заводить с ним дело, когда он же будет торжествовать над тобою победу, ибо кому охота быть свидетелями его безобразия, не говоря уже о потере времени и неприятностях при этом?»

Но этого мало. Порок этот – как ни странно это сказать – довольно распространен и среди наших интеллигентов. Если не скверно-матерное, то «черное» слово получает даже право гражданства в самой печати. Не говорю о мелкой «уличной прессе», – даже в такой солидной газете, как «Новое Время» – пусть простит меня почтенная редакция – встречаются имена духа тьмы в их народном произношении. Читаю корреспонденции с театра войны: солдаты и их командиры,

нисколько не стесняясь, перекидываются «черным» словечком, то – в милую шутку, то – в виде привычного красного словца, то – как крепким бранным словом. А что гг. корреспонденты не выдумывают эти словечки, а пишут с «натуры», это может подтвердить каждый священнослужитель, находящийся теперь среди войск в самом близком общении с нашими героями-воинами. Правда, есть еще чистые души, свободные от этой заразы, и их, конечно, немало, которые сторонятся и «черного», и матерного слова: они берегут себя, но не смеют громко протестовать против проявления этого порока среди товарищей, чтоб не получить кличку «святоши», «красной девицы» и под.

Они смущаются, иногда приписывают неудачи военные именно сквернословию товарищей, но тем и кончается дело. Скорбят душою, а что могли бы они сделать?

Вот что пишет мне один добрый пастырь из глуши Саратовской губернии.

«Недавно мне пришлось услышать от своей прихожанки, жены мученика-воина, убитого на войне, о таком сетовании. Муж ее, после излечения от полученной на войне раны в одном из лазаретов, был отпущен на некоторое время домой на поправку. И вот он, человек, по общему признанию, очень богобоязненный, кроткий и смиренный, жаловался ей, жене своей, что на войне, среди нашего войска, страшно развито сквернословие, в котором виноваты все – и нижние чины, и самые высшие начальники. «Какая это война, – говорил этот воин, теперь покойник, убитый после вторичной отправки на войну. – На каждом слове ругань, куда ни повернись – сквернословие»... И действительно, стараясь проверить справедливость этой жалобы, я убедился, что сквернословие, присущее очень многим, особенно развито среди военных. Многие из прихожан заявляли мне, что многие нижние чины, учителя новобранцев и ополченцев, унтер-офицеры и фельдфебели на всяком слове сквернословят, как будто не могут обойтись без крепких слов. Я часто возмущался этим, но в то же время утешал себя мыслию, что на войне-то, на самом поле битвы, едва ли дозволяют себе этот грех. Оказывается, что все равно – и пред глазами смерти не могут расстаться с

пагубною привычкою. Рассуждая далее и становясь на точку зрения упомянутого солдата, я стал думать: уж не за то ли нас Господь наказывает на войне и не дает успеха, что весь воздух заражен сквернословием, как бы удушливым газом, и помощь Божия и благословение отгоняется таким, почти общим, грехом наших воинов? Прочитав же вашу статью «Хитрые сети», я и вовсе подумал: не есть ли сквернословие такая же измена русских людей православной вере и учению христианскому, как наше сектантство и идолопоклонство евреев?»

В заключение автор просит «поднять свой голос на борьбу с грехом сквернословия и обратиться с воззванием ко всем русским людям, и в частности к воинам – оставить пагубную привычку, оскорбляющую Господа и отвращающую милость Его от нас и от наших воинов на поле брани».

Порок сквернословия – старорусский порок; едва ли он не составляет наследие еще татарского ига. Против него всегда боролись пастыри Церкви, писатели-иноки, гражданские законы... И писать особое «воззвание» после немалой литературы есть ли надобность? Из наиболее сильных, готовых поучений против сего порока укажу хотя бы на свой «Троицкий Листок», под заглавием «Беседа о сквернословии и о матерном слове», или на поучение известного проповедника протоиерея Полисадова: «Кто учит людей срамословию?» Указываю на эти листки потому, что они уже имеются именно в форме листков, как наиболее удобной для массового распространения (Тр. Листки № № 88 и 719). Надо такие и подобные листки распространять тысячами среди войск. Надо, чтобы военные священники неустанно твердили при всяком удобном случае, что порок этот сквернит и душу, и тело, отгоняет ангела-хранителя от человека, отнимает покров Матери Божией и прочее.

Наши воины – души, восприимчивые ко всему, что идет от Церкви, от отца духовного. Правда, привычка делается второю природою, особенно привычка языка: невольно, незаметно для самого себя сквернослов станет повторять гнусные слова, но уже и то хорошо, если человек будет почаще упрекать себя за привычный порок: сознание во грехе – уже начало его

исправления. Совесть верующего воина, ввиду постоянной опасности смерти, бывает особенно чутка: духовники говорят, что воины в окопах с радостью откликаются на предложение исповедаться и причаститься Св. Тайн при всяком удобном случае. Вот время, зело благоприятное для напоминания им о необходимости борьбы с привычным пороком. И мы знаем, что добрые пастыри не упускают при этом случая вразумить сквернословия, но обычно слышат: «Что делать, батюшка? Привычка уж такая, не утерпишь». Дают обещание сдерживаться, но снова и снова впадают в тот же грех.

Офицеры должны бы прийти на помощь пастырям в борьбе с этим пороком. К сожалению, и сами они, многие из них, сквернословия за грех не считают. Хорошо бы, если бы высшие военные начальники обратили внимание офицерства на этот порок. Надо помнить религиозную природу русской души: она не может жить без мистики, она черпает силы в мистических, религиозных настроениях, в молитве, в покаянии, в чистой совести. Она, слава Богу, как я выше сказал, чутка к требованиям совести. Она верует, что Бог помогает тем, кто помнит заповеди Божии, лишает благодатной помощи тех, кто оскорбляет Его грехом. Она смиренна по духу нашей матери Церкви, воспитывающей нас в духе смирения. Такова в общем природа русской православной души. Надо стараться, чтобы русский православный воин был всегда готов вступить в бой с врагом его веры, Царя и отечества с чистой совестью. Это дает ему дерзновение уповать на помощь Божию. Известно, что нечистая совесть бездерзновенна. Сквернословие каждый воин считает грехом. Ругается по скверной привычке языка, но в душе, вспомнив Бога, говорит: «Прости, Господи». Вот и надо глубже запечатлеть в его чуткой душе сознание, что сквернословие есть тяжкий грех, лишаящий его Божия благословения и помощи, что поэтому надо бороться с ним всемирно, дабы победить врага Божией помощью. Наш враг забыл Бога, не только не сдерживает, но и поощряет в своих солдатах всякого рода жестокость: он полагает, что чем более солдат ожесточен против врага, чем отчаяннее будет натиск, тем скорее будет одержана победа. Известно, что пред

приступом, пред атакой, германцы поят своих солдат коньяком и другими одуряющими напитками. Слава Богу, что наши христоролюбивые воины в этом не нуждаются. С крестным знаменем, с твердою надеждою на Бога, они идут в бой. Чем смиреннее пред Богом, чем покаяннее настроена душа воина, тем ближе к нему помощь Божия. Призыв к покаянию, к сознанию своей греховности не может внушать уныния: уныние, по учению св. отцов, есть порождение гордыни, а покаяние – приближение к Богу и обновление духовных сил. Мы, русские православные люди, вместе с царем Давидом твердо помним, что Господь – «не на силу коня смотрит, не к быстроте ног человеческих благоволит; благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (Пс. 146, 10, 11). А потому и Церковь наша не престанет призывать к покаянию, к исправлению жизни как всех сынов родной земли, так и воинов христоролюбивых.

Об условном языке

Живем мы в век гласности; казалось бы, при условии гласности, свободы печатного слова, не должно быть неясности, недоговоренности, туманности, если только люди говорящие и пишущие сами ясно сознают, что говорят и пишут. Ведь если мысль не ясно сложилась в голове, то не следует ее и высказывать: к чему туман пускать по ветру? Однако же на деле выходит так, что куда ни посмотри – всюду встретишь эти туманные пятна, недомолвки, тонкие намеки на что-то неопределенное, слова, в которые можно по желанию вложить всякий смысл. Приходится догадываться, что туманными фразами тебе хотят сказать что-то такое, чего по цензурным условиям нельзя сказать прямо. Отсюда выработался особый язык условных выражений, намеков, язык, называемый прямолинейно мыслящими людьми «эзоповским». В этом языке имеются термины, которые означают многое такое, о чем нельзя, неудобно говорить вслух. Десять лет назад пущено было, например, словечко «освободительное движение» и свободно гуляло по газетным столбцам взамен слова хотя и иностранного, но всем понятного – «революция». Таковы же новые слова: «новый режим», «новая эра», кто пишет, тот знает, что надо понимать под этим словом в отношении, например, государственного устройства: это – «конституция»; но в последнее время понемногу взамен «нового режима» нет-нет и проскользнет словечко «наша конституция», – непременно «наша», чтоб отвести глаза цензурным аргусам: у нас-де совсем не то, что разумеют под конституцией в других странах, у нас – «самобытная» конституция, по идее древнерусской Царской Думы. Тут уже и цензор опустит перо с красными чернилами на кончике: нельзя придраться. Подождите еще года два-три: слово «наша» исчезнет и останется только слово «конституция». Можно бы написать целый том – словарь «эзоповского языка», и наши патриоты оказали бы немалую услугу русскому обществу, особенно простым русским людям, если бы взяли на себя труд составления такого словаря и от времени до времени

пополняли бы его. Этим они значительно рассеяли бы туман, пускаемый газетами по адресу рядового читателя, не умеющего переводить с эзоповского языка.

Так называемые «либеральные» идеи имеют свойство распространяться подобно эпидемической заразе: сначала они заражают легкомысленную зеленую молодежь, потом, особенно с вступлением этой молодежи в жизнь, заражают интеллигентное общество, далее спускаются в полуинтеллигенцию, в среду деревенских грамотеев, и наконец в народ. То же наблюдается и в отношении тех сторон жизни, к коим соприкасаются эти идеи: сначала они носятся около внутренней политики, разных реформ управления, потом касаются народного образования и воспитания и наконец проникают уже в область церковной жизни, касаясь даже канонов и догматов Церкви. Если Лютер когда-то смело пошел против латинской церкви, сразу поставив вопрос о реформации, то наши маленькие лютеры действуют осторожнее, исподтишка, понемногу, по каплям вливая свои идеи в сознание верующих и прикрываясь мнимой ревностью о благе самой Церкви. Они избирают и такие моменты в государственной жизни, когда все внимание верующих устремлено на тревожные события: так было в недоброй памяти 1905 году, так есть и теперь. Тогда заговорили о необходимости церковных реформ, теперь – то же самое. Тогда пошли в моду «обновленческие идеи», теперь – о «субботничестве канонов», о «раскрепощении церковной жизни от мертвящих ее бюрократических пут», причем предупредительно объясняется, что тут разумеется не светская только власть, но «духовная бюрократия», в которую-де превратилась церковная иерархия. Далее идут обычные либеральные фразы, что Церкви «нужна свобода, нужна, как воздух для легких, без нее жизнь церковная гаснет и замирает», что «церковную жизнь мертвит произвол и неправда чиновников в рясах и клобуках», что наше духовенство есть «крепостное сословие, лишенное всякой защиты закона», что «бесправие заставляет всех, кто имеет возможность избежать положения архиерейской челяди (выходит: все иереи, все духовенство, по автору, не больше, как архиерейская челядь – до того

бесправны!), бежать от рясы в акцизники, в ветеринары, куда угодно, только под защиту закона. Бесправие и произвол (конечно, архиереев), от которого нет защиты, породили в Церкви, долженствующей быть союзником любви, такое озлобление и ненависть низших против высших, примеров которым трудно еще где-либо найти». Величая архиереев «духовными бюрократами, чиновниками в рясах», автор говорит, что они «играют в каноны, как в шашки», что в настоящее время «пастырей, избранных голосом самой Церкви, единомышленников с нею в учении, – обошедших каждую семью своей церкви, таких, единственно каноничных и законных пастырей церкви, или вовсе нет, или слишком мало». Как видите, предъявляется целый обвинительный акт против нашей иерархии, акт, полный самых тяжких обвинений, и если бы, помилуй Бог, эти обвинения были справедливы, то оказалась бы неизбежно реформация во всех частях церковного управления. И все это печатается в самой распространенной газете, с очевидною целью – посеять недоверие к иерархии, возбудить неудовольствие в среде духовенства против иерархии, против существующих порядков в Церкви, внести туман в понятия православных, словом: обвинить иерархию в том, в чем сами пишущие кругом виноваты: «в сознательном замалчивании правды в расчете на некомпетентность (малую осведомленность или вовсе неосведомленность) общества в сложных церковных проблемах (вопросах), в полной собственной неосведомленности относительно духа и порядков жизни в древней Церкви». Я нарочито беру эти фразы у г. Царевского, чтобы читатель видел, как он пытается обвинить «чиновников в рясах» именно в том, в чем сам кругом виноват. В самом деле, что значит хотя бы вот эта фраза: «Ныне нет или очень мало пастырей, избранных голосом самой Церкви, единомышленных с нею в учении, обошедших каждую семью своей Церкви»? Нет, говорит г. Царевский, таких пастырей, «единственно каноничных или законных»? Стало быть, весь епископат Русской Церкви «неканоничен и незаконен»? Ведь сама «церковь», под коею автор понимает паству, не имеет даже возможности «избирать» себе епископа, не говоря уже о том,

как понимать это «избрание». Как, например, стала бы вологодская паства, раскинутая на миллион квадратных верст, состоящая, по статистическим данным, из полутора миллиона душ, избирать себе архипастыря? Как могли бы эти полтора миллиона душ проверить правоспособность того или другого кандидата во епископа к ним? Как понимать это «единомыслие в учении с паствою», о коем говорит г. Царевский? Да разве нужно единомыслие в учении только с своею будущею паствою, а не со всею вселенскою Церковию? И как стали бы избиратели определять степень православности своего избранника? Кто стал бы его экзаменовать? Его же будущие пасомые? И куда девать слова Господа: «Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас», обращенные к Апостолам, первым Епископам Его Церкви? Или автор хочет свести все к протестантскому способу избрания пасторов? Ведь вот до чего можно договориться – намеренно или ненамеренно – Бог тому Судья, – задавшись целью «раскрепостить Церковь» от засилья «духовных бюрократов» – епископов. Я не имею в виду подробно разбирать статью г. Б. Царевского, я хочу только показать пример, как под самыми красивыми фразами сеется полною рукою смута в умах читателей светской газеты, далеко не всегда способных разобраться в этом тумане напыщенных фраз.

Теперь в моде слово «приход». О приходе говорят и в Г. Думе, и в печати, и в обществе. Но никто не задумывается над вопросом: а кого можно и должно считать «прихожанином»? Между тем с этого вопроса надо начинать суждение о благоустройстве прихода. Такое благоустройство – дело необходимое, но оно должно быть выполнено крайне осторожно. Кому же не известно, что в среде именующих себя православными ныне немало язычников, не только по жизни – един Бог без греха – но, что опаснее, по мирозерцанию, по взглядам, не скажу – убеждениям, ибо ныне и этим великим словом злоупотребляют, называя «убеждением» то, что вычитано из первой попавшейся под руки иудейской газеты? Как отделить вот таких полуязычников от истинно православных, в простоте верующих прихожан? А ведь лишь только будут даны формальные права приходу, как вот эти-то полуязычники

выступят руководителями «общественного мнения» в приходе: для них ведь ни канонов, ни правил, ни указов правящей церковной власти не существует, им нужны только «права», чтобы вмешиваться во всякое дело, составлять оппозицию (тоже термин из эзоповского языка) священнику, мутить простецов и распоряжаться в приходе по-хозяйски. Достоин внимания, что гг. пишущие о приходе совсем замалчивают вопрос о признаках правоспособности прихожанина: по-видимому, они думают, что достаточно быть в списке прихожан той или другой церкви, и это уже дает право и на все права прихожанина. Но избави Бог от таких прихожан в будущем преобразованном приходе! Это было бы не «обновление», а полное разрушение церковной жизни, внесение в нее растлевающих начал, заражение ее теми микробами, коими болеет вся наша земская, общественная жизнедеятельность, все те учреждения, где самоуправление является основным принципом жизни. Но попытайтесь поставить вопрос о признаках православного прихожанина в желательном для Церкви смысле, и вы увидите, как обрушатся на вас все эти радетели «обновления приходской жизни». Заслуживает осторожного внимания и то обстоятельство, что больше всего говорят и пишут о приходе газеты, коим, по составу их редакции, казалось бы, нет никакого дела до церковной жизни нашей православной России. Простое чувство порядочности, деликатности должно бы подсказать всем этим Кугелям, Нотовичам, Гессенам, что им не следует говорить о таких вопросах, в коих они ничего не понимают: довольно с них той свободы, с какою они толкуют о равноправии иудейского племени... Но разве можно этого требовать от них? На то и изобретен ими эзоповский язык, чтобы мутить воду на Руси. Печально то, что они сумели загипнотизировать нашу интеллигенцию до такой степени, что только и слышишь у разносчиков газет: подай «Речь», подай «День», «Биржевые», и это считается как бы признаком хорошего тона, как будто это – самые надежные газеты во всех отношениях.

Война и монашество

Мы, люди церковные, не можем не обратить внимание на то, что иудействующая печать с каким-то особенным усердием следит за всем, что касается Церкви православной, ее идеалов и ее жизни. Казалось бы: какое дело господам Нотовичам, Кугелям и прочим представителям иудейского племени до православия, до Церкви и ее служителей? Однако же не проходит, кажется, номера из печатных листов, в коем не касались бы они этих, для нас столь дорогих вопросов. Само собою понятно, что все это делается их газетами под благовидным предлогом забот о самой же Церкви, о благе русского народа, пользах отечества. Но будем откровенны: кто же поверит, чтоб иудеи, хотя даже когда-то и крещенные, заботились о сих благах усерднее самих нас, православных? Мы отлично должны знать и помнить, что когда они заговаривают о Церкви, то не благо Церкви и отечества у них на уме. И мы хорошо знаем, что цель у них совсем другая: их озабочивает возможность противодействия Церкви их замыслам – по меньшей мере обессилить Церковь в борьбе с их разрушительными намерениями, ввести смуту в ясные понятия церковных людей, подорвать доверие сынов Церкви к их матери и таким образом лишить народ православный той крепкой опоры, которою он держался почти тысячу лет и в которой доселе черпает свои нравственные силы в борьбе с темными силами сатаны, где и в чем бы они ни проявлялись.

Недавно один из архимандритов (вероятно, протест) с несколькими иноками подавал прошение в Святейший Синод о том, чтоб ему было разрешено вступить в ряды войск в качестве простого рядового солдата. Сим объяснено, что не воспрещается послужить войску в качестве санитаров и духовных утешителей раненых воинов, но что проливать кровь, даже животных, не только людей, правила церковные воспрещают священнослужителям. Простые иноки еще могли бы при крайней нужде это сделать, но так как, милостью Божией, у нас нет такой великой нужды в рядовых воинах, чтоб

иноки – капля в народном море – становились в ряды бойцов, то довольно иноку послужить воинам раненым, вынося их из пыла битв и обвязывая их раны. Бог видит и этот подвиг любви; и при этом не исключена возможность принять венец мученический для монаха и для священнослужителя, а между тем не будет нарушено церковное правило.

Вот по этому-то случаю и пришлось читать в иудейской печати нотацію монастырям, что они не посылают своих монахов на войну. А то забыто, что вся молодежь, послушники, почти поголовно, за исключением разве неспособных, уже ушла туда и сражается в рядах доблестного воинства, проливая свою кровь за веру, Царя и отечество. Монастыри наполовину опустели. В больших обителях, где совершается по десяти литургий, иногда на клиросе чувствуется недостаток в певцах. О других послушаниях говорить нечего: приходится искать добрых мирян для обычных послушаний в поварне, хлебной, просфорной, на конном дворе и пр. Известно ведь, что ранее 30-летнего возраста постригать нельзя, а потому все послушники до этого возраста подлежат воинской повинности. Но в известных газетах об этом тщательно умалчивается; напротив, усиленно говорят: почему монахи не идут по примеру Пересвета и Осляби при Димитрии Иоанновиче Донском? Но история свидетельствует, что и сии два инока не своею волею пошли на поле бранное, а за послушание своему святому игумену, что их просил у преподобного Сергия Великий Князь Димитрий как опытных воевод в деле ратном: ведь они были воеводами – один в Брянске, другой – в Любецке. Это были не простые воины, рядовые, а люди очень нужные Великому Князю. Их мужество, храбрость и воинское искусство были еще у всех в свежей памяти: всецело посвятив себя Богу, они могли служить примером для воинов. И преподобный Сергей тотчас же приказал Пересвету и Ослябе готовиться в путь. Взамен лат и шлемов игумен повелел им возложить на себя схимы, украшенные изображением креста Господня: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, – говорил при сем преподобный, – да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!» И обращаясь

к Великому Князю, святой игумен сказал ему: «Вот тебе мои оруженосцы и послушники, а твои избранники!»

И святое послушание было исполнено в точности. Когда из полков вражеских выступил великан Челибей-Темир-Мурза, вызывая на единоборство русского воина, то сразиться с ним вызвался славный Александр Пересвет. Доблестный инок-воин окропил себя святою водою, заочно простился с отцом своим духовным, преподобным Сергием, простился с собратом своим – Андреем-Ослябею, с Великим Князем и воинством православным, и в одном иноческом одеянии, без лат и шлема, вооруженный тяжеловесным копьем, подобно молнии устремился на своем быстром коне против страшного татарина... Раздались, говорит сказание, восклицания с той и другой стороны, противники сошлись, крепко ударили друг друга копьями и – оба пали мертвыми.

А инок Андрей – Ослябя остался жив и спустя 18 лет путешествовал по поручению князя Василия Дмитриевича в Царьград; но и для него была особенно памятна и дорога память о Куликовской битве и о собрате Пересвете: он погребен рядом с сим последним в церкви Рождества на Симонове.

Так вот как совершил свой великий подвиг, великое послушание святому игумену Сергию славный инок Александр Пересвет. Он не вызывался на этот подвиг, но и не отказался от него: святой игумен не навязал его Великому Князю, а послал тогда, когда стал просить того сам князь. В монашестве нет ничего показного, самозваного, самочинного: пошлют – добрый инок идет, не посылают – делает в обители свое дело со тщанием. Но посылают на дело ратное иноков только в крайней нужде, когда по нужде и закону применение бывает.

Вот еще исторический пример того, как наши предки – иноки смотрели на дело ратное. Всем известно, как защищала себя обитель преподобного Сергия в достопамятные дни 16-месячной осады от литовцев и поляков в 1608–1610 гг. Спустя девять лет после осады прибыл в Москву Иерусалимский патриарх Феофан. Он посетил Лавру Сергиеву. Святитель пожелал видеть старцев, защитников Лавры. Одобрив и благословив подвиг всей братии, в особенности он пожелал

беседовать с теми иноками, которые во время беды ратной дерзнули возложить на себя броню и с оружием в руках сражались против врагов. Преподобный Дионисий, тогдашний настоятель Лавры, принял было это желание с недоумением; но подвижники брани добровольно вызвались: «Яви нас, отче, владыке нашему; буди все по воле его». Ясно, что и тогда вопрос о том, может ли инок с оружием в руках защищать отечество, тревожил совесть строгих иноков. И были представлены патриарху более двадцати иноков, среди коих первым был Афанасий Ощерин, «зело стар сый и весь уже пожелтел в седилах».

Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал над вои мученическими?» Афанасий отвечал: «Ей, владыко святой, понужен был слезами кровными». Патриарх спросил еще: «Что ти свойственнее, иночество ли в молитвах особо или подвиг пред всеми людьми?» Афанасий, поклонясь, отвечал: «Всякая вещь и дело, владыко святой, во свое время познается: у вас, святых отец, от Господа Бога власть в руку прощати и вязати, а не у всех; что творю и сотворих – в повелении послушания». И, обнажив седую голову свою, наклонился к патриарху и, показывая ее, сказал: «Известно ти буди, владыко мой, се подпись латынян на главе моей от оружия; еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в келлии сидя, в молитвах, как можно найти было из воли таких будильников к воздыханию и стенанию? А все се бысть не нашим изволением, но пославших нас на службу Божию». Патриарх, без сомнения удовлетворенный дознанием, что над воинственным одушевлением тем не менее господствует дух иноческого благочестия, смирения и простоты, благословил старца, целовал его «любезне» и прочих его сподвижников отпустил с «похвальными словесы». (См. Житие преп. Дионисия Радонежского чудотворца, написанное Симоном Азарьиным.)

Итак, в то время, когда мирские люди вольною волею могут идти в ряды войск на защиту отечества, и это справедливо признается великим подвигом, награждаемым и здесь, на земле, от Царя земного, и там, от Царя небесного, –

восприявшие монашеское пострижение могут идти на свой подвиг только за святое послушание, ведь монах уже отрезал свою волю вместе с своими волосами, ведь у него нет своей воли так же, как у его мантии нет рукавов, как же он может распоряжаться собою? А в духовной жизни даже и добровольный вызов на подвиг, хотя бы и с благословения игумена, не всегда бывает безопасен для монаха: «Не вернешься, брат, в келлию таким, каким вышел из нее», – говорит мудрость монашеская. Тем паче следует это сказать об обители.

Кто бы что ни говорил, что бы ни писал по этому вопросу, у монахов есть свое воззрение на это дело, от которого они не могут отказаться, если хотят оставаться истинными монахами. Вся разница в том, что «мир видит в них людей бесполезных для гражданских обществ, полагая, что он-то с своею волею, с своим умом, он-то с своими шумными уставами и есть единственный благодетель обществ. Но мир не понимает значения нравственных сил для общества, не знает ни силы молитвы, ни обширности зрения духовного». Так говорит святитель Черниговский Филарет. «В благочестивых пустынножителях, отрекавшихся от мира, – говорит другой святитель, великий митрополит Московский Филарет, – мир не думает видеть деятельных сынов отечества и мужей государственных. (Он даже презирает, ненавидит их, добавим от себя.) Но справедлив ли мир, когда он ненавидит людей, которые, оставляя его на всю жизнь, в то же время на всю жизнь обрекают себя желать ему истинного добра в непрестанных молитвах, и не только желать, но самым делом доставлять то, чего желают? Святые подвижники подвигами благочестия и чистыми молитвами отводят от него громы раздраженного неба и низводят на него могущественные и действенные благословения, а мир отвергает сих благодетелей! Если бы мир судил о них хотя бы только по одним временным выгодам, и тогда он отвергал бы в них свою собственную пользу, ибо если он считает их ни к чему не полезными, то ясно, что он не знает собственных выгод». Не знает своих польз, не верит в силу молитв, не хочет верить даже в то, что монахи

молятся за грешный мир, и требует осязательных, так сказать, грубо материальных доказательств того, что монахи хотят служить и служат ближнему. Иудействующие газеты готовы сказать: оставь монастырь, возьми оружие и становись в ряды воинов. «Послушники», не постриженные еще в монашество, в большинстве это и сделали из послушания к закону. Но миру мало этого: он хотел бы и настоящих монахов послать туда же. Хорошо, что закон не требует этого. Довольно монаху послужить санитаром, а если он имеет священный сан, то и духовным отцом для воинов. Но нельзя же монастыри доводить до того, чтобы в них прекращалась служба Божия. Нельзя допускать, чтоб остались в монастырях одни старики, чтоб народ лишился утешения чрез сокращение служб, а главное, чтобы, оставив подвиг духовный, отложив в сторону свои прямые обеты, монах самозвано пошел на подвиг бранный... Не напоминают ли эти требования известные крики: сними со креста! Мир не верит, что монахи молятся о нем; но суть подвига истинного инока в том и состоит, чтобы никто не видел и не знал его подвига. Для этого древние иноки бежали в пустыни и там умирали, безвестные миру. Но и среди монастырских иноков всегда есть истинные рабы Божии, даже своим собратиям-инокам маловедомые, которые, однако же, делают великое дело. Немного их, но вспомните, что Господь еще в Ветхом Завете обещал Аврааму пощадить Содом и Гоморру ради десяти, хотя бы только десяти праведников. Жил я тридцать лет в обители и теперь не лишен общения как с родной Лаврой, так и с другими обителями, и скажу по совести, что в каждой обители найдется хоть один, хоть два-три истинных инока, ради которых Господь щадит и нас, грешных. И народ знает это, и если бы сказали простецу-крестьянину, что надо послать всех монахов на войну, то он ответил бы: «Помилуй Бог, как это можно? А кто же будет молиться-то за нас, грешных? Кто будет служить у святых мощей угодника Божия? Кто будет совершать службу Божию?»

В страшное время мы живем. Темные силы ада пользуются всеми способами, чтобы затемнить в сознании верующих, даже в сознании самих монахов, истинный смысл духовной жизни, вытравить из души суть идеалов православия, принизить их,

подменить их утилитаризмом; благо к тому есть поводы, и такие приличные! Вы, которые пошли работать Богу в звании иноческом: как зеницу ока берегите эти святые идеалы! К ним подкрадывается уже давно собирательный иудей, который в конце времен подменит и Христа своим антихристом. Делайте то, что велит вам святое послушание. Вот ныне обители ваши призваны великою нуждою народною упокоить страдальцев-воинов, дать приют несчастным беженцам: это и делайте с тою святою любовью, с тем самоотвержением, с отречением от своих удобств и даже потребностей. Но помните: это – только «второе» дело. Это дело – Марфы, а прямое ваше дело – дело Марии. Вас зовет Господь ныне и на то, и на другое дело: блаженны будете, если сумеете сохранить святой порядок сего делания. Не вызывайтесь на подвиг, коего от вас не требуют. Не забывайте того подвига, на какой вас Господь призвал, который вы вольною волею себе избрали: ведите прежде всего и паче всего войну с своими страстями, боритесь с врагом незримым в самих себе. Если это поставите правилом своей жизни, то и внешнее делание, внешний подвиг служения ближнему, страдальцам-воинам и беженцам, будет содействовать вам в внутреннем вашем подвиге. Если забудете это правило, то и внешний подвиг может послужить вам к соблазну, к духовной гибели. Ваши отцы духовные знают, о чем я говорю. Припомните, что сказал преподобный Сергей во время знаменитой осады Лавры одному им исцеленному старцу, въяве явившись ему: «Скажи всем в обители: не так гнусен мне смрад мирян, согрешающих блудом, как иноков, нерадящих о своем обещании. И под стенами обители моей всех пришедших врагов истреблю, и во обители моей нечисто и двоемысленно живущих погублю же, и со осквернившимися управлюсь...» И видно, благопотребно было это вразумление, когда преподобный повторил его воинам, встретив идущих на вылазку против поляков: «Что вы трепещете? Если и никто из вас не останется в живых, Господь не предаст святого места сего. Не будет услышано во вразех, яко пленником обитель Пресвятыя Троицы! Скажите в обители, что нечисто живущие в святом месте сем

погибнут. Господь не нечестивыми спасет место сие, но имени ради Своего без оружия избавит».

И особенно благовременно напомнить инокам и инокиням сии заветы и предостережения угодника Божия великого печальника родной Русской земли, теперь, когда во многих обителях поселились миряне – беженцы; когда многие из иноков и инокинь призваны послужить в лазаретах болящим воинам, когда, как я сказал выше, повременная печать, в большинстве своем захваченная врагами Церкви, усиленно старается подорвать доверие к самым идеалам монашества в его сущности: блюдите, како опасно ходите!.. Теперь-то и стойте с особенным, удвоенным вниманием на страже своего сердца. А для сего приложите к подвигу внешнему и подвиг внутренний: пусть каждый из вас, кроме молитвы в церкви, при богослужении, положит себе и в келии особое правило: полагать несколько поклонов пред лицом Божиим за избавление земли родной от нашествия лютых супостатов. Вот это и будет то оружие, коим вы будете помогать сражающимся на брани воинам – незримо для них, но ощутительно. Вспомните молитву Моисея во время битвы израильтян с амалекитянами. Вспомните, как Аарон и Ор поддерживали старческие руки пророка Божия к молитве. И когда Моисей держал руки воздетыми горе, то побеждали израильтяне, а когда опускал их, то одолевали амалекитяне. Воздевайте же свои преподобные руки в тайной молитве, в келлиях тихих и в общецерковной молитве, в храме Божиим; возводите свои мысленные очи к Богу, Господу воинств небесных, просите Его всемогущей помощи нашему воинству, и воины наши почувствуют сердцем в окопах своих, что с ними и за них молится вся Русь православная, все русские люди, их отцы и братия, наипаче же те, кто себя Богу на молитву и подвиг посвятил. И восчувствуют они прилив бодрости духа, прилив мужества и храбрости, прилив тех сил, коими некогда побеждали царства мужи древние, славные герои священной истории, о коих пишет апостол Павел с великою похвалою вере их. Нет силы сильнее христианского смирения и возносимой к Богу молитвы! И сию-то силу должны проявить прежде всего и паче всего – вы, иноки

Русской земли, ибо и вся жизнь ваша должна быть единою молитвою, смиренною беседою с Богом. Как сказал некто из святых подвижников, монах есть делатель непрестанной молитвы, он есть «бездна смирения, в которой он потопил всякого злого духа» (Леств. ст. 23, гл. 24,27)...

Правые и левые

Когда, в минуту досуга, наедине с самим собою, начинаешь вдумываться в то, что творится вокруг нас, чем живет наше так называемое интеллигентное общество, что его волнует, чего оно ищет; когда начинаешь прилагать ко всему этому мерку нашего родного православного мирозерцания, то невольно возникает вопрос: да куда же мы, наконец, идем? Куда ведут нас так называемые «руководители общественного мнения?» Слышатся слова, в которые можно вложить смысл – какой кому нравится, слова будто благозвучные, заманчивые, но – увы, часто – пустые, такие, что если вы будете их употреблять, то собеседник иного мирозерцания будет понимать их по-своему – не так, как вы понимаете, а как ему хочется их понимать... Возьмем хотя бы слово: «прогресс». Слово не русское; в переводе значит просто – «движение вперед». А куда, в каком направлении – вперед? Толкуют – к лучшему будущему. Но в чем и как понимается это лучшее будущее? В чем признаки лучшего? Тут уж каждый понимай как знаешь. Тоже – слова: «свобода», «просвещение» и много других.

Но есть два слова, которые в наши дни то и дело слышишь направо и налево и оба обозначают искание лучшего будущего; это – слова: «правый» и «левый». Правые партии, течения, газеты; левые партии, левые газеты, направления и пр. Признаюсь: когда я слышу эти слова, то невольно приходят на мысль те страшные слова, которые в последний день мира «речет Царь сущим одесную Его, речет и сущим ошуюю Его...» (Матф. 25, 34 и 41). Боюсь упрека в кощунственной параллели между Судиею мира и тем, от кого направо и налево сидят думцы и другие члены общественных и государственных учреждений: не о председателях у меня речь, – и сами они могут быть правыми или левыми, – а только о делении на правых и левых: уже очень оно характерно по самым принципам их разделения и по той свободе, с какою сами они пошли на ту или другую сторону, свободно сами избрали себе название правых и левых. Мне хотелось бы спросить: вспомнил ли хоть

один из правых, к чему он обязывает себя, называя себя «правым»? О «левых» не говорю: они гордятся своею принадлежностью к левым партиям, и уж конечно не веруют в грядущий суд страшный, хотя многие из них и называют еще себя «христианами».

Мне скажут, что название «правых» и «левых» никакого отношения к Евангелию не имеет. Я и не утверждаю этого. Ни та, ни другая сторона, по крайней мере, об этом не думали. Но вот, подите же, какое совпадение. Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы «правыми», а противники их – «левыми»? Почему те и другие и в государственных учреждениях садятся именно направо и налево от г. председателя? Почему те и другие, особенно левые, нисколько не обижаются, когда им усвоят именно такие названия? Так привыкли, так вошло в обычай. И хорошо. Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы таким образом являются как бы мерилom правизны и левизны. Хорошо в том отношении, что мы знаем идеалы Церкви, не только ее небесные идеалы, но и земные по руководству небесных. Церковь хочет видеть и на земле некое отображение неба. Левые не хотят знать неба и мечтают устроить свое небо на земле. Церковь стремится и земное как бы приподнять к небу; мир, коим являются левые, хочет и небо оземлнить и все идеальное притянуть к земле, заставить служить земному. Церковь всегда имеет в мысли вечность: мир забыл о ней, не верует в нее, считает ее сказкой. Поэтому и на уме у него только временное. Когда левые говорят о Церкви, то – или говорят о ней пренебрежительно, как об учреждении уже отжившем, как о пережитке давних веков, – это крайние левые; или же стараются перестроить ее в своих видах, чтобы сделать ее послушным орудием своих мечтаний, – это левые полусознательные, готовые служить и Богу, и мамоне, равно – и небу, и земле. Не отрицаю, что к левым примыкают иногда и верующие, бессознательно увлекаемые, главным образом, левою печатью и ее хитрым гипнозом. В наше время забывается, что в основу русского народного мирозерцания,

как общественного, так и политического, глубоко залегло воззрение именно церковное. Русский народ, восприняв православное христианство, отдался ему всецело, не допуская никаких сделок с совестью, всецело веруя, что идеалы Церкви суть чистая, богопреданная истина, не допускающая никаких человеческих поправок в своей сущности и лишь в своих словесных выражениях допускающая некоторые изменения, не касающиеся сущности. Вот наши «правые» и тщатся в меру своих сил крепко держаться церковного воззрения, причем, как люди, иногда слишком держатся буквы, иногда же, отыскивая дух, сбиваются с прямого пути и несколько уклоняются в сторону. «Левые», наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения и берут себе образец в западных воззрениях, где человеческое смешано с божественным, иногда берет верхи над ним, языческое перемешано с христианским, а потому и вносит дисгармонию в общее мировоззрение человека. Отсюда у «правых» – воззрения сродны душе народной, у «левых» – чужды ей и внушают правым опасение: как бы не потерять дорогое родное, если их усвоить в жизни.

В последний день мира будет решительное и совершенное отделение «правых» от «левых»; теперь этого еще нет: как на ниве пшеница нередко перемешана с плевелами, так на грешной земле люди «правые» мешаются с «левыми», да и в самих людях нередко воззрения правые смешиваются с довольно левыми. Оттого происходит, так сказать, пестрота: иной считает себя вполне «правым», но в нем таится такое левое воззрение, что правый остерегается входить с ним в близкое общение. Пример: некоторые патриоты позволяют себе неуважительно отзываться о праведниках Ветхого Завета, применяя к их деяниям высокие идеалы Нового Завета и таким образом входя в коренное противоречие с учением Церкви и святыми отцами. Истинно правый человек сего никогда себе не допустит: он верный сын Церкви, и ее учения для него выше всех личных соображений, хотя бы казалось и «научных».

В наши дни всего острее разделяют правых и левых основные вопросы государственной жизни, которые ставятся

«правыми» на их знамени: Православие, Самодержавие и Народность. Казалось бы: еще православие – вопрос прямо церковный, а самодержавие и народность какое отношение имеют к Церкви?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Теперь, благодаря войне с немцами, стало для всех очевидно, к чему ведет наш простой народ вера немецкая, штунда и баптизм, не говоря о других сектах. Несчастные совращенные перестают быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряют облик своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужим для их души, они начинают предпочитать немецкого кайзера родному Царю. Все их мирозерцание становится чужим; не русским. Есть свидетельства, что даже и внешний их облик становится нерусским. Ясно, что такие люди потеряны для России как дети, как верные сыны. Люди «правые» видят это, скорбят и ревностно отстаивают веру православную даже во имя самой России, не говоря уже о духовной стороне дела, о спасении душ своих братии. А для левых – все веры хороши, они готовы дать полную свободу всякой пропаганде, будь то немецкая или еще иная какая. Для них и превращение русских в немцев не имеет большого значения, – лишь бы их идол – принцип свободы исповеданий был сохранен. Равным образом для правых самодержавный образ правления в родной России – неприкосновенная святыня, за которую они готовы душу свою положить; тогда как для левых – это устарелый режим, который надо упразднить. Правые видят в лице своего Царя – родного отца, с которым входить в какие-то договоры, в конституцию – есть святотатство, грех пред Богом, отступление от заповеди Божией: «Чти отца твоего и мать твою», потому что Царь есть Богом данный отец народа, беззаветно любимый, облеченный от Самого Бога, Божией милостью, всеми правами отца, законодателя, как бы во образ Бога Вседержителя. «Бог, – говорит митрополит Филарет Московский, – по образу Своего Вседержительства дал нам Царя Самодержавного», которого и помазал в великом таинстве миропомазания, даровав ему и силы, и мудрость для управления народом. Левые ничего этого

не признают: для них Царь – такой же человек, как и все «президенты», с которым можно входить в договоры, условия, а следовательно, которого, в известных им случаях, можно и не слушаться; это само собою вытекает из учения об ограниченной царской власти. Отсюда – мечты о конституции, о постепенном, если уж нельзя сразу, захвате власти, о превращении Царя в какой-то безвольный фетиш, который только «царствует, но не управляет», Церковь учит и правые веруют, что сердце царево в руке Божией; левые никогда этого не скажут: они совершенно чужды этого мистического элемента в народной душе. И пока Россия православна, дотоле она будет и самодержавна: это отлично понимают вожди левых, стараются всемерно ослабить православие, предоставляя всякие льготы для инославных, для раскольников и еретиков. В глубокой основе православия лежит святая христоподражательная черта – смирение; всецелое, в простоте сердца, доверие и верность Богу и Его Церкви; а отсюда и Богом поставленному Царю; православный думает, что не его дело рассуждать о каких-либо его гражданских, политических правах, пока эти права не станут его долгом, особенно в отношении к государству. Исполнить долг – он должен, даже до мученичества, и тем легче он исполнит его, если это его право. Левые думают обратно: они всюду ищут своих прав, нередко забывая даже о долге. И другим они всячески внушают искать разных «прав» во всех областях жизни. Их мышление идет в обратном порядке: правый говорит: забудь о своих правах, исполняй прежде всего свой долг, а право осуществляй только тогда, когда оно станет твоим долгом. Левый говорит: ты должен прежде всего добыть свои права, а потом уже будешь исполнять свой долг. По мысли правого, прежде долг, потом право, как плод долга, как бы награда за его исполнение. Вот почему он и ждет спокойно этого права, зная о нем, но не мечтая приобретать его иначе, как принимая его в качестве долга. Левый признает «право» как бы прирожденным человеку: уже в силу того, что он – человек, без отношения к тому, заслужил ли он свое право, он может, а если может, то, пожалуй, и должен получить его. А годен ли он, способен ли осуществлять свое право – об этом левый не

думает. У правых началом жизни служит нравственное начало, у левых – юридическое, да и то иногда сомнительное даже в юридическом смысле. Простительно мечтать о свободе пропаганды еретикам, раскольникам, всякого рода инославным, иномыслящим, но православный правый никогда не поймет: как это православная русская власть может позволить, да еще на основании закона, проповедовать неправославное учение среди православных людей? Если православие есть истина, то – как правительство, как отец народа, как слуга великого Отца – Царя, может спокойно допускать, чтоб его детей развращали какие-нибудь пропагандисты, еретики, не только загубляя его душу, но и отрывая от целостности народную людей, членов живого народного тела, и делая их врагами народной веры, даже народного духа? Целостность мировоззрения, здравый смысл искренно преданного сына России этого допустить не могут. Мало ли чего захотели бы, например, немцы, чтоб дали свободу их проповедникам гулять по родной России, совращать простецов православных в их баптизм, штунду и прочие ереси! Что ж? Ужели им надо давать свободу? Может ли правый, любящий родную ему Русь и святую веру православную, может ли он спокойно допустить это? А вот наши левые, именующие себя еще «прогрессистами», то есть идущими «вперед», это не только допускают, но готовы и требовать этого... Хорош прогресс – «движение вперед»! Куда? В область тьмы, лжеучений, от света истины православной? Да, это движение, только не к лучшему, а, несомненно, к разрушению России, к гибели народной... Но таковы левые. Таково их отношение к родной вере, родной, говорю, потому, что ведь если посчитать хотя бы членов Государственной Думы, именующих себя членами «прогрессивного блока», то окажется, что русских там больше, чем иноверцев, инославных – по паспорту, конечно!

Итак, у правых и левых совсем противоположное мирозерцание. Даже самая основа этого мирозерцания различна до противоположности: там, у правых, как я сказал выше, христоподражательное смирение; здесь, у левых, – самоцен. Там христианский нравственный принцип, здесь – языческий юридический смысл. Там прежде долг, потом право;

здесь – прежде право, потом долг. Там впереди общее, общегосударственное, общецерковное благо, с забвением личного блага; здесь – впереди личность, потом уже общее благо, притом не общецерковное, не небесное, а только земное. Но и при этих условиях правым еще можно было бы если не примиряться с существованием левых партий, то, по крайней мере, вести с ними честную борьбу на почве принципов: ведь истина одна, и кто честно ее ищет, тот найдет ее, только бы не лукавил в своей совести, только бы сознавал, что надо по совести, честно относиться к противнику. Но увы, такова уже совесть левых, а потому и такова их логика, что во имя их идей все можно забыть, и совесть, и долг, и святую истину уже не искать, а прятаться от нее, если бы даже она очевидна была, за разные софизмы... Тут уже и самые очевидные факты забываются, – тут все в сторону, только бы торжествовал их софизм! И это понятно: у многих левых блеснуло иудейское золото в глазах, многим недалеким, увлекаемым модою левого направления, подставлены очки левою печатью; многим стыдно не быть левыми: ведь это ныне в моде, а многим и выгодно быть таким, выгодно и материально, ибо можно хорошее местечко заполучить, и не материально, ибо и в газетах похвалят, как людей передовых, либеральных, и в обществе, которое – увы – не имеет собственного мнения, а довольствуется все теми же газетами, – можно быть в почете, считаться тоже «умным», неотсталым человеком. А общество, а печать наша – это известно – в чьих руках. Понятно после сего, что правым приходится очень тяжело: они не могут же пустить в ход тех нечестных средств, коими так широко пользуются левые при помощи, главным образом, своих газет. Иногда просто не найдешь, где напечатать свое правдивое слово. Правда, есть две-три правых газеты, но число их подписчиков в сравнении с читателями левых газет так скромно, что ваш протест, ваша горячая статья останется почти незамеченною. Борьба становится неравною. Идеи левых все растут, расширяются, овладевают массами читателей, а отпора им почти нет. Из левых образовалось немало сообществ, законом не признанных, но тем не менее действующих открыто и имеющих

в государственных учреждениях своих представителей, объединяющихся в группы. В самое последнее время левые забрали такую силу, что увлекли за собою и некоторые более умеренные группы и объединили их с собою под именем «прогрессивного блока». Нужно ли говорить о вреде для государства таких объединений, такой свободы зла, ибо, как угодно, с нашей православной точки зрения, по нашему убеждению – единственно возможной, это значит вести нашу православную Русь, наш добрый, верующий Русский народ в конце концов на шую страну Грядущего судить живых и мертвых?.. И можно ли служителю Церкви молча смотреть на это гибельное явление, лишаящее нашу Россию Божия благословения?..

Пишу я эти строки и в то же время думаю: услышит ли кто эту скорбь души? Перестанут ли играть с огнем? Пожалеют ли многоскорбный народ, а с ним и дорогую Русь православную?..

Матерь Божия! Спаси землю Русскую!..

«Мои дневники», 1916

Когда, в минуту досуга, наедине с самим собою, начинаешь вдумываться в то, что творится вокруг нас, чем живет наше так называемое интеллигентное общество, что его волнует, чего оно ищет; когда начинаешь прилагать ко всему этому мерку нашего родного православного мирозерцания, то невольно возникает вопрос: да куда же мы, наконец, идем? Куда ведут нас так называемые «руководители общественного мнения?» Слышатся слова, в которые можно вложить смысл – какой кому нравится, слова будто благозвучные, заманчивые, но – увы, часто – пустые, такие, что если вы будете их употреблять, то собеседник иного мирозерцания будет понимать их по-своему – не так, как вы понимаете, а как ему хочется их понимать... Возьмем хотя бы слово: «прогресс». Слово не русское; в переводе значит просто – «движение вперед». А куда, в каком направлении – вперед? Толкуют – к лучшему будущему. Но в чем и как понимается это лучшее будущее? В чем признаки лучшего? Тут уж каждый понимай как знаешь. Тоже – слова: «свобода», «просвещение» и много других.

Но есть два слова, которые в наши дни то и дело слышишь направо и налево и оба обозначают искание лучшего будущего; это – слова: «правый» и «левый». Правые партии, течения, газеты; левые партии, левые газеты, направления и пр. Признаюсь: когда я слышу эти слова, то невольно приходят на мысль те страшные слова, которые в последний день мира «речет Царь сущим одесную Его, речет и сущим ошуюю Его...» (Матф. 25, 34 и 41). Боюсь упрека в кощунственной параллели между Судиею мира и тем, от кого направо и налево сидят думцы и другие члены общественных и государственных учреждений: не о председателях у меня речь, – и сами они могут быть правыми или левыми, – а только о делении на правых и левых: уже очень оно характерно по самым принципам их разделения и по той свободе, с какою сами они пошли на ту или другую сторону, свободно сами избрали себе название правых и левых. Мне хотелось бы спросить: вспомнил ли хоть один из правых, к чему он обязывает себя, называя себя «правым»? О «левых» не говорю: они гордятся своею принадлежностью к левым партиям, и уж конечно не веруют в грядущий суд страшный, хотя многие из них и называют еще себя «христианами».

Мне скажут, что название «правых» и «левых» никакого отношения к Евангелию не имеет. Я и не утверждаю этого. Ни та, ни другая сторона, по крайней мере, об этом не думали. Но вот, подите же, какое совпадение. Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы «правыми», а противники их – «левыми»? Почему те и другие и в государственных учреждениях садятся именно направо и налево от г. председателя? Почему те и другие, особенно левые, нисколько не обижаются, когда им усвоят именно такие названия? Так привыкли, так вошло в обычай. И хорошо. Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы таким образом являются как бы мерилom правизны и левизны. Хорошо в том отношении, что мы знаем идеалы Церкви, не только ее небесные идеалы, но и земные по руководству небесных. Церковь хочет видеть и на земле некое отображение неба.

Левые не хотят знать неба и мечтают устроить свое небо на земле. Церковь стремится и земное как бы приподнять к небу; мир, коим являются левые, хочет и небо оземлнить и все идеальное притянуть к земле, заставить служить земному. Церковь всегда имеет в мысли вечность: мир забыл о ней, не верует в нее, считает ее сказкой. Поэтому и на уме у него только временное. Когда левые говорят о Церкви, то – или говорят о ней пренебрежительно, как об учреждении уже отжившем, как о пережитке давних веков, – это крайние левые; или же стараются перестроить ее в своих видах, чтобы сделать ее послушным орудием своих мечтаний, – это левые полусознательные, готовые служить и Богу, и мамоне, равно – и небу, и земле. Не отрицаю, что к левым примыкают иногда и верующие, бессознательно увлекаемые, главным образом, левою печатью и ее хитрым гипнозом. В наше время забывается, что в основу русского народного мирозерцания, как общественного, так и политического, глубоко залегло воззрение именно церковное. Русский народ, восприняв православное христианство, отдался ему всецело, не допуская никаких сделок с совестью, всецело веруя, что идеалы Церкви суть чистая, богопреданная истина, не допускающая никаких человеческих поправок в своей сущности и лишь в своих словесных выражениях допускающая некоторые изменения, не касающиеся сущности. Вот наши «правые» и тщатся в меру своих сил крепко держаться церковного воззрения, причем, как люди, иногда слишком держатся буквы, иногда же, отыскивая дух, сбиваются с прямого пути и несколько уклоняются в сторону. «Левые», наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения и берут себе образец в западных воззрениях, где человеческое смешано с божественным, иногда берет верхи над ним, языческое перемешано с христианским, а потому и вносит дисгармонию в общее мировоззрение человека. Отсюда у «правых» – воззрения сродны душе народной, у «левых» – чужды ей и внушают правым опасение: как бы не потерять дорогое родное, если их усвоить в жизни.

В последний день мира будет решительное и совершенное отделение «правых» от «левых»; теперь этого еще нет: как на ниве пшеница нередко перемешана с плевелами, так на грешной земле люди «правые» мешаются с «левыми», да и в самих людях нередко воззрения правые смешиваются с довольно левыми. Оттого происходит, так сказать, пестрота: иной считает себя вполне «правым», но в нем таится такое левое воззрение, что правый остерегается входить с ним в близкое общение. Пример: некоторые патриоты позволяют себе неуважительно отзываться о праведниках Ветхого Завета, применяя к их деяниям высокие идеалы Нового Завета и таким образом входя в коренное противоречие с учением Церкви и святыми отцами. Истинно правый человек сего никогда себе не допустит: он верный сын Церкви, и ее учения для него выше всех личных соображений, хотя бы казалось и «научных».

В наши дни всего острее разделяют правых и левых основные вопросы государственной жизни, которые ставятся «правыми» на их знамени: Православие, Самодержавие и Народность. Казалось бы: еще православие – вопрос прямо церковный, а самодержавие и народность какое отношение имеют к Церкви?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Теперь, благодаря войне с немцами, стало для всех очевидно, к чему ведет наш простой народ вера немецкая, штунда и баптизм, не говоря о других сектах. Несчастные совращенные перестают быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряют облик своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужим для их души, они начинают предпочитать немецкого кайзера родному Царю. Все их мирозерцание становится чужим; не русским. Есть свидетельства, что даже и внешний их облик становится нерусским. Ясно, что такие люди потеряны для России как дети, как верные сыны. Люди «правые» видят это, скорбят и ревностно отстаивают веру православную даже во имя самой России, не говоря уже о духовной стороне дела, о спасении душ своих братии. А для левых – все веры хороши, они готовы дать полную свободу всякой пропаганде, будь то немецкая или еще

иная какая. Для них и превращение русских в немцев не имеет большого значения, – лишь бы их идол – принцип свободы исповеданий был сохранен. Равным образом для правых самодержавный образ правления в родной России – неприкосновенная святыня, за которую они готовы душу свою положить; тогда как для левых – это устарелый режим, который надо упразднить. Правые видят в лице своего Царя – родного отца, с которым входить в какие-то договоры, в конституцию – есть святотатство, грех пред Богом, отступление от заповеди Божией: «Чти отца твоего и мать твою», потому что Царь есть Богом данный отец народа, беззаветно любимый, облеченный от Самого Бога, Божией милостию, всеми правами отца, законодателя, как бы во образ Бога Вседержителя. «Бог, – говорит митрополит Филарет Московский, – по образу Своего Вседержительства дал нам Царя Самодержавного», которого и помазал в великом таинстве миропомазания, даровав ему и силы, и мудрость для управления народом. Левые ничего этого не признают: для них Царь – такой же человек, как и все «президенты», с которым можно входить в договоры, условия, а следовательно, которого, в известных им случаях, можно и не слушаться; это само собою вытекает из учения об ограниченной царской власти. Отсюда – мечты о конституции, о постепенном, если уж нельзя сразу, захвате власти, о превращении Царя в какой-то безвольный фетиш, который только «царствует, но не управляет», Церковь учит и правые веруют, что сердце царево в руке Божией; левые никогда этого не скажут: они совершенно чужды этого мистического элемента в народной душе. И пока Россия православна, дотоле она будет и самодержавна: это отлично понимают вожди левых, стараются всемерно ослабить православие, предоставляя всякие льготы для инославных, для раскольников и еретиков. В глубокой основе православия лежит святая хриstopодражательная черта – смирение; всецелое, в простоте сердца, доверие и верность Богу и Его Церкви; а отсюда и Богом поставленному Царю; православный думает, что не его дело рассуждать о каких-либо его гражданских, политических правах, пока эти права не станут его долгом, особенно в отношении к государству. Исполнить долг – он

должен, даже до мученичества, и тем легче он исполнит его, если это его право. Левые думают обратно: они всюду ищут своих прав, нередко забывая даже о долге. И другим они всячески внушают искать разных «прав» во всех областях жизни. Их мышление идет в обратном порядке: правый говорит: забудь о своих правах, исполняй прежде всего свой долг, а право осуществляй только тогда, когда оно станет твоим долгом. Левый говорит: ты должен прежде всего добыть свои права, а потом уже будешь исполнять свой долг. По мысли правого, прежде долг, потом право, как плод долга, как бы награда за его исполнение. Вот почему он и ждет спокойно этого права, зная о нем, но не мечтая приобретать его иначе, как принимая его в качестве долга. Левый признает «право» как бы прирожденным человеку: уже в силу того, что он – человек, без отношения к тому, заслужил ли он свое право, он может, а если может, то, пожалуй, и должен получить его. А годен ли он, способен ли осуществлять свое право – об этом левый не думает. У правых началом жизни служит нравственное начало, у левых – юридическое, да и то иногда сомнительное даже в юридическом смысле. Простительно мечтать о свободе пропаганды еретикам, раскольникам, всякого рода инославным, иномыслящим, но православный правый никогда не поймет: как это православная русская власть может позволить, да еще на основании закона, проповедовать неправославное учение среди православных людей? Если православие есть истина, то – как правительство, как отец народа, как слуга великого Отца – Царя, может спокойно допускать, чтоб его детей развращали какие-нибудь пропагандисты, еретики, не только загубляя его душу, но и отрывая от целостности народной людей, членов живого народного тела, и делая их врагами народной веры, даже народного духа? Целостность мировоззрения, здравый смысл искренно преданного сына России этого допустить не могут. Мало ли чего захотели бы, например, немцы, чтоб дали свободу их проповедникам гулять по родной России, совращать простецов православных в их баптизм, штунду и прочие ереси! Что ж? Ужели им надо давать свободу? Может ли правый, любящий родную ему Русь и святую веру православную, может

ли он спокойно допустить это? А вот наши левые, именующие себя еще «прогрессистами», то есть идущими «вперед», это не только допускают, но готовы и требовать этого... Хорош прогресс – «движение вперед»! Куда? В область тьмы, лжеучений, от света истины православной? Да, это движение, только не к лучшему, а, несомненно, к разрушению России, к гибели народной... Но таковы левые. Таково их отношение к родной вере, родной, говорю, потому, что ведь если посчитать хотя бы членов Государственной Думы, именующих себя членами «прогрессивного блока», то окажется, что русских там больше, чем иноверцев, инославных – по паспорту, конечно!

Итак, у правых и левых совсем противоположное мирозерцание. Даже самая основа этого мирозерцания различна до противоположности: там, у правых, как я сказал выше, христоподражательное смирение; здесь, у левых, – самоцен. Там христианский нравственный принцип, здесь – языческий юридический смысл. Там прежде долг, потом право; здесь – прежде право, потом долг. Там впереди общее, общегосударственное, общецерковное благо, с забвением личного блага; здесь – впереди личность, потом уже общее благо, притом не общецерковное, не небесное, а только земное. Но и при этих условиях правым еще можно было бы если не примиряться с существованием левых партий, то, по крайней мере, вести с ними честную борьбу на почве принципов: ведь истина одна, и кто честно ее ищет, тот найдет ее, только бы не лукавил в своей совести, только бы сознавал, что надо по совести, честно относиться к противнику. Но увы, такова уже совесть левых, а потому и такова их логика, что во имя их идей все можно забыть, и совесть, и долг, и святую истину уже не искать, а прятаться от нее, если бы даже она очевидна была, за разные софизмы... Тут уже и самые очевидные факты забываются, – тут все в сторону, только бы торжествовал их софизм! И это понятно: у многих левых блеснуло иудейское золото в глазах, многим недалеким, увлекаемым модою левого направления, подставлены очки левою печатью; многим стыдно не быть левыми: ведь это ныне в моде, а многим и выгодно быть таким, выгодно и материально, ибо можно хорошее

местечко заполучить, и не материально, ибо и в газетах похвалят, как людей передовых, либеральных, и в обществе, которое – увы – не имеет собственного мнения, а довольствуется все теми же газетами, – можно быть в почете, считаться тоже «умным», неотсталым человеком. А общество, а печать наша – это известно – в чьих руках. Понятно после сего, что правым приходится очень тяжело: они не могут же пустить в ход тех нечестных средств, коими так широко пользуются левые при помощи, главным образом, своих газет. Иногда просто не найдешь, где напечатать свое правдивое слово. Правда, есть две-три правых газеты, но число их подписчиков в сравнении с читателями левых газет так скромно, что ваш протест, ваша горячая статья останется почти незамеченною. Борьба становится неравною. Идеи левых все растут, расширяются, овладевают массами читателей, а отпора им почти нет. Из левых образовалось немало сообществ, законом не признанных, но тем не менее действующих открыто и имеющих в государственных учреждениях своих представителей, объединяющихся в группы. В самое последнее время левые забрали такую силу, что увлекли за собою и некоторые более умеренные группы и объединили их с собою под именем «прогрессивного блока». Нужно ли говорить о вреде для государства таких объединений, такой свободы зла, ибо, как угодно, с нашей православной точки зрения, по нашему убеждению – единственно возможной, это значит вести нашу православную Русь, наш добрый, верующий Русский народ в конце концов на шую страну Грядущего судить живых и мертвых?.. И можно ли служителю Церкви молча смотреть на это гибельное явление, лишаящее нашу Россию Божия благословения?..

Пишу я эти строки и в то же время думаю: услышит ли кто эту скорбь души? Перестанут ли играть с огнем? Пожалеют ли многоскорбный народ, а с ним и дорогую Русь православную?..

Матерь Божия! Спаси землю Русскую!..

«Мои дневники», 1916

Год 1916

Когда, в минуту досуга, наедине с самим собою, начинаешь вдумываться в то, что творится вокруг нас, чем живет наше так называемое интеллигентное общество, что его волнует, чего оно ищет; когда начинаешь прилагать ко всему этому мерку нашего родного православного мирозерцания, то невольно возникает вопрос: да куда же мы, наконец, идем? Куда ведут нас так называемые «руководители общественного мнения?» Слышатся слова, в которые можно влагать смысл – какой кому нравится, слова будто благозвучные, заманчивые, но – увы, часто – пустые, такие, что если вы будете их употреблять, то собеседник иного мирозерцания будет понимать их по-своему – не так, как вы понимаете, а как ему хочется их понимать... Возьмем хотя бы слово: «прогресс». Слово не русское; в переводе значит просто – «движение вперед». А куда, в каком направлении – вперед? Толкуют – к лучшему будущему. Но в чем и как понимается это лучшее будущее? В чем признаки лучшего? Тут уж каждый понимай как знаешь. Тоже – слова: «свобода», «просвещение» и много других.

Но есть два слова, которые в наши дни то и дело слышишь направо и налево и оба обозначают искание лучшего будущего; это – слова: «правый» и «левый». Правые партии, течения, газеты; левые партии, левые газеты, направления и пр. Признаюсь: когда я слышу эти слова, то невольно приходят на мысль те страшные слова, которые в последний день мира «речет Царь сущим одесную Его, речет и сущим ошуюю Его...» (Матф. 25, 34 и 41). Боюсь упрека в кощунственной параллели между Судиею мира и тем, от кого направо и налево сидят думцы и другие члены общественных и государственных учреждений: не о председателях у меня речь, – и сами они могут быть правыми или левыми, – а только о делении на правых и левых: уже очень оно характерно по самым принципам их разделения и по той свободе, с какою сами они пошли на ту или другую сторону, свободно сами избрали себе название правых и левых. Мне хотелось бы спросить: вспомнил ли хоть

один из правых, к чему он обязывает себя, называя себя «правым»? О «левых» не говорю: они гордятся своею принадлежностью к левым партиям, и уж конечно не веруют в грядущий суд страшный, хотя многие из них и называют еще себя «христианами».

Мне скажут, что название «правых» и «левых» никакого отношения к Евангелию не имеет. Я и не утверждаю этого. Ни та, ни другая сторона, по крайней мере, об этом не думали. Но вот, подите же, какое совпадение. Почему защитники Церкви, сторонники родных преданий, названы «правыми», а противники их – «левыми»? Почему те и другие и в государственных учреждениях садятся именно направо и налево от г. председателя? Почему те и другие, особенно левые, нисколько не обижаются, когда им усвоят именно такие названия? Так привыкли, так вошло в обычай. И хорошо. Мы так и будем знать. Чем дальше от Церкви, тем левее. Чем ближе к Церкви, тем правее. Церковь и ее идеалы таким образом являются как бы мерилom правизны и левизны. Хорошо в том отношении, что мы знаем идеалы Церкви, не только ее небесные идеалы, но и земные по руководству небесных. Церковь хочет видеть и на земле некое отображение неба. Левые не хотят знать неба и мечтают устроить свое небо на земле. Церковь стремится и земное как бы приподнять к небу; мир, коим являются левые, хочет и небо оземлнить и все идеальное притянуть к земле, заставить служить земному. Церковь всегда имеет в мысли вечность: мир забыл о ней, не верует в нее, считает ее сказкой. Поэтому и на уме у него только временное. Когда левые говорят о Церкви, то – или говорят о ней пренебрежительно, как об учреждении уже отжившем, как о пережитке давних веков, – это крайние левые; или же стараются перестроить ее в своих видах, чтобы сделать ее послушным орудием своих мечтаний, – это левые полусознательные, готовые служить и Богу, и мамоне, равно – и небу, и земле. Не отрицаю, что к левым примыкают иногда и верующие, бессознательно увлекаемые, главным образом, левою печатью и ее хитрым гипнозом. В наше время забывается, что в основу русского народного мирозерцания,

как общественного, так и политического, глубоко залегло воззрение именно церковное. Русский народ, восприняв православное христианство, отдался ему всецело, не допуская никаких сделок с совестью, всецело веруя, что идеалы Церкви суть чистая, богопреданная истина, не допускающая никаких человеческих поправок в своей сущности и лишь в своих словесных выражениях допускающая некоторые изменения, не касающиеся сущности. Вот наши «правые» и тщатся в меру своих сил крепко держаться церковного воззрения, причем, как люди, иногда слишком держатся буквы, иногда же, отыскивая дух, сбиваются с прямого пути и несколько уклоняются в сторону. «Левые», наоборот, не хотят держаться родного русского, а следовательно, и общецерковного мировоззрения и берут себе образец в западных воззрениях, где человеческое смешано с божественным, иногда берет верхи над ним, языческое перемешано с христианским, а потому и вносит дисгармонию в общее мировоззрение человека. Отсюда у «правых» – воззрения сродны душе народной, у «левых» – чужды ей и внушают правым опасение: как бы не потерять дорогое родное, если их усвоить в жизни.

В последний день мира будет решительное и совершенное отделение «правых» от «левых»; теперь этого еще нет: как на ниве пшеница нередко перемешана с плевелами, так на грешной земле люди «правые» мешаются с «левыми», да и в самих людях нередко воззрения правые смешиваются с довольно левыми. Оттого происходит, так сказать, пестрота: иной считает себя вполне «правым», но в нем таится такое левое воззрение, что правый остерегается входить с ним в близкое общение. Пример: некоторые патриоты позволяют себе неуважительно отзываться о праведниках Ветхого Завета, применяя к их деяниям высокие идеалы Нового Завета и таким образом входя в коренное противоречие с учением Церкви и святыми отцами. Истинно правый человек сего никогда себе не допустит: он верный сын Церкви, и ее учения для него выше всех личных соображений, хотя бы казалось и «научных».

В наши дни всего острее разделяют правых и левых основные вопросы государственной жизни, которые ставятся

«правыми» на их знамени: Православие, Самодержавие и Народность. Казалось бы: еще православие – вопрос прямо церковный, а самодержавие и народность какое отношение имеют к Церкви?

Ответ на эти вопросы дает сама жизнь. Теперь, благодаря войне с немцами, стало для всех очевидно, к чему ведет наш простой народ вера немецкая, штунда и баптизм, не говоря о других сектах. Несчастные совращенные перестают быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряют облик своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужим для их души, они начинают предпочитать немецкого кайзера родному Царю. Все их мирозерцание становится чужим; не русским. Есть свидетельства, что даже и внешний их облик становится нерусским. Ясно, что такие люди потеряны для России как дети, как верные сыны. Люди «правые» видят это, скорбят и ревностно отстаивают веру православную даже во имя самой России, не говоря уже о духовной стороне дела, о спасении душ своих братии. А для левых – все веры хороши, они готовы дать полную свободу всякой пропаганде, будь то немецкая или еще иная какая. Для них и превращение русских в немцев не имеет большого значения, – лишь бы их идол – принцип свободы исповеданий был сохранен. Равным образом для правых самодержавный образ правления в родной России – неприкосновенная святыня, за которую они готовы душу свою положить; тогда как для левых – это устарелый режим, который надо упразднить. Правые видят в лице своего Царя – родного отца, с которым входить в какие-то договоры, в конституцию – есть святотатство, грех пред Богом, отступление от заповеди Божией: «Чти отца твоего и мать твою», потому что Царь есть Богом данный отец народа, беззаветно любимый, облеченный от Самого Бога, Божией милостью, всеми правами отца, законодателя, как бы во образ Бога Вседержителя. «Бог, – говорит митрополит Филарет Московский, – по образу Своего Вседержительства дал нам Царя Самодержавного», которого и помазал в великом таинстве миропомазания, даровав ему и силы, и мудрость для управления народом. Левые ничего этого

не признают: для них Царь – такой же человек, как и все «президенты», с которым можно входить в договоры, условия, а следовательно, которого, в известных им случаях, можно и не слушаться; это само собою вытекает из учения об ограниченной царской власти. Отсюда – мечты о конституции, о постепенном, если уж нельзя сразу, захвате власти, о превращении Царя в какой-то безвольный фетиш, который только «царствует, но не управляет», Церковь учит и правые веруют, что сердце царево в руке Божией; левые никогда этого не скажут: они совершенно чужды этого мистического элемента в народной душе. И пока Россия православна, дотоле она будет и самодержавна: это отлично понимают вожди левых, стараются всемерно ослабить православие, предоставляя всякие льготы для инославных, для раскольников и еретиков. В глубокой основе православия лежит святая христоподражательная черта – смирение; всецелое, в простоте сердца, доверие и верность Богу и Его Церкви; а отсюда и Богом поставленному Царю; православный думает, что не его дело рассуждать о каких-либо его гражданских, политических правах, пока эти права не станут его долгом, особенно в отношении к государству. Исполнить долг – он должен, даже до мученичества, и тем легче он исполнит его, если это его право. Левые думают обратно: они всюду ищут своих прав, нередко забывая даже о долге. И другим они всячески внушают искать разных «прав» во всех областях жизни. Их мышление идет в обратном порядке: правый говорит: забудь о своих правах, исполняй прежде всего свой долг, а право осуществляй только тогда, когда оно станет твоим долгом. Левый говорит: ты должен прежде всего добыть свои права, а потом уже будешь исполнять свой долг. По мысли правого, прежде долг, потом право, как плод долга, как бы награда за его исполнение. Вот почему он и ждет спокойно этого права, зная о нем, но не мечтая приобретать его иначе, как принимая его в качестве долга. Левый признает «право» как бы прирожденным человеку: уже в силу того, что он – человек, без отношения к тому, заслужил ли он свое право, он может, а если может, то, пожалуй, и должен получить его. А годен ли он, способен ли осуществлять свое право – об этом левый не

думает. У правых началом жизни служит нравственное начало, у левых – юридическое, да и то иногда сомнительное даже в юридическом смысле. Простительно мечтать о свободе пропаганды еретикам, раскольникам, всякого рода инославным, иномыслящим, но православный правый никогда не поймет: как это православная русская власть может позволить, да еще на основании закона, проповедовать неправославное учение среди православных людей? Если православие есть истина, то – как правительство, как отец народа, как слуга великого Отца – Царя, может спокойно допускать, чтоб его детей развращали какие-нибудь пропагандисты, еретики, не только загубляя его душу, но и отрывая от целостности народную людей, членов живого народного тела, и делая их врагами народной веры, даже народного духа? Целостность мировоззрения, здравый смысл искренно преданного сына России этого допустить не могут. Мало ли чего захотели бы, например, немцы, чтоб дали свободу их проповедникам гулять по родной России, совращать простецов православных в их баптизм, штунду и прочие ереси! Что ж? Ужели им надо давать свободу? Может ли правый, любящий родную ему Русь и святую веру православную, может ли он спокойно допустить это? А вот наши левые, именующие себя еще «прогрессистами», то есть идущими «вперед», это не только допускают, но готовы и требовать этого... Хорош прогресс – «движение вперед»! Куда? В область тьмы, лжеучений, от света истины православной? Да, это движение, только не к лучшему, а, несомненно, к разрушению России, к гибели народной... Но таковы левые. Таково их отношение к родной вере, родной, говорю, потому, что ведь если посчитать хотя бы членов Государственной Думы, именующих себя членами «прогрессивного блока», то окажется, что русских там больше, чем иноверцев, инославных – по паспорту, конечно!

Итак, у правых и левых совсем противоположное мирозерцание. Даже самая основа этого мирозерцания различна до противоположности: там, у правых, как я сказал выше, христоподражательное смирение; здесь, у левых, – самоцен. Там христианский нравственный принцип, здесь – языческий юридический смысл. Там прежде долг, потом право;

здесь – прежде право, потом долг. Там впереди общее, общегосударственное, общецерковное благо, с забвением личного блага; здесь – впереди личность, потом уже общее благо, притом не общецерковное, не небесное, а только земное. Но и при этих условиях правым еще можно было бы если не примиряться с существованием левых партий, то, по крайней мере, вести с ними честную борьбу на почве принципов: ведь истина одна, и кто честно ее ищет, тот найдет ее, только бы не лукавил в своей совести, только бы сознавал, что надо по совести, честно относиться к противнику. Но увы, такова уже совесть левых, а потому и такова их логика, что во имя их идей все можно забыть, и совесть, и долг, и святую истину уже не искать, а прятаться от нее, если бы даже она очевидна была, за разные софизмы... Тут уже и самые очевидные факты забываются, – тут все в сторону, только бы торжествовал их софизм! И это понятно: у многих левых блеснуло иудейское золото в глазах, многим недалеким, увлекаемым модою левого направления, подставлены очки левою печатью; многим стыдно не быть левыми: ведь это ныне в моде, а многим и выгодно быть таким, выгодно и материально, ибо можно хорошее местечко заполучить, и не материально, ибо и в газетах похвалят, как людей передовых, либеральных, и в обществе, которое – увы – не имеет собственного мнения, а довольствуется все теми же газетами, – можно быть в почете, считаться тоже «умным», неотсталым человеком. А общество, а печать наша – это известно – в чьих руках. Понятно после сего, что правым приходится очень тяжело: они не могут же пустить в ход тех нечестных средств, коими так широко пользуются левые при помощи, главным образом, своих газет. Иногда просто не найдешь, где напечатать свое правдивое слово. Правда, есть две-три правых газеты, но число их подписчиков в сравнении с читателями левых газет так скромно, что ваш протест, ваша горячая статья останется почти незамеченною. Борьба становится неравною. Идеи левых все растут, расширяются, овладевают массами читателей, а отпора им почти нет. Из левых образовалось немало сообществ, законом не признанных, но тем не менее действующих открыто и имеющих

в государственных учреждениях своих представителей, объединяющихся в группы. В самое последнее время левые забрали такую силу, что увлекли за собою и некоторые более умеренные группы и объединили их с собою под именем «прогрессивного блока». Нужно ли говорить о вреде для государства таких объединений, такой свободы зла, ибо, как угодно, с нашей православной точки зрения, по нашему убеждению – единственно возможной, это значит вести нашу православную Русь, наш добрый, верующий Русский народ в конце концов на шуюю страну Грядущего судить живых и мертвых?.. И можно ли служителю Церкви молча смотреть на это гибельное явление, лишаящее нашу Россию Божия благословения?..

Пишу я эти строки и в то же время думаю: услышит ли кто эту скорбь души? Перестанут ли играть с огнем? Пожалеют ли многоскорбный народ, а с ним и дорогую Русь православную?..

Мать Божия! Спаси землю Русскую!..

«Мои дневники», 1916

Дорогие строки из писем святителя Феофана-Затворника

Есть имена, особенно близкие православному русскому сердцу: каждая строка из письма такого человека – нам дорога, как памятник отшедшего к Богу мудрого и любвеобильного наставника в духовной жизни, как бы его отголосок из того, другого мира, куда он ушел.

Таков был незабвенный подвижник-затворник епископ Феофан. Прошло уже более двух десятков лет, а в духовных изданиях и ныне еще появляются его драгоценные письма, и чем-то сердечным, родным, задушевым веет от этого, почти неизменного начала каждого письма: «Милость Божия буди с вами!» Искреннее спасибо тем, кто сохранил для нас его дорогие строки, чего бы они ни касались; будто встречаешь живого старца-святителя, когда увидишь в оглавлении той или другой книжки: «Письма епископа Феофана» к тому-то.

Недавно вышла, как отдельный оттиск из «Трудов И. Киевской Духовной Академии», книжка протоиерея о. И. Королькова: «Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке». Особенность этой переписки, по справедливому замечанию о. издателя, заключается, между прочим, в том, что епископ Феофан не только преподавал С. А. Первухину советы по разным вопросам, но и сам спрашивал у него мнения по вопросам аскетического характера, придавая значение его суждениям. Это – непреложное свидетельство о его глубоком смирении и готовности отсечь свое смышление даже пред мирянином и чрез него узнать истинный путь Божий. Умилительно, например, читать эти строки великого подвижника-затворника: «Скажите мне, пожалуйста, как молиться. Совсем весь толк в этом потерял... То будто ништо, то совсем никуда негоже. Может быть, книжное дело мешает... но ведь надо же что-нибудь делать? Расскажите, пожалуйста, как быть?» В другом письме святитель говорит: «Вы не все сказали. Мне хотелось еще слышать вашу мысль о молитве. Я

понимаю молитву чувства, которая и внимание сковывает единым, и благоговейную теплоту дает; но не умею в толк взять, что есть духовная молитва?.. Вообще же я очень скуден опытами духовными, – сознается великий подвижник-святитель. – И молитва моя обычно идет дурно... Все уходит ум в пустомыслие. Никак не сладишь. Как его ни тяни, никак не присадишь на место. Вы как думаете?» Как поучительно это смиренное мнение о своем духовном опыте в деле молитвы епископа Феофана, особенно в наши дни, когда иной, только что надевший на себя рясу монаха, уже мнит себя быть учителем молитвенного делания, пишет целые книги о предмете, коего и краем перста не касался, и в духе гордыни дерзает осуждать не только святителя-затворника, но и всю церковную власть за мнимую ересь, сам будучи близок к ереси!.. Печальное знамение времени, скорбное явление, свидетельствующее об удалении от животворного духа смирения Христова даже тех, которые должны бы идти впереди других!

Тем же духом смирения и вместе неисчерпаемого благодушия веет и от письма, коим ответил преосвященный Феофан на желание Первухина поселиться близ Вышенской пустыни, чтобы постоянно пользоваться личною беседою с святителем: «Что вы намерены около меня поселиться, не могу одобрить. Самый худой делаете вы выбор. Соблазнов от моей дурной и нерадивой жизни не оберетесь. Речи иногда таки бывают сносные, а уж дела – Боже упаси! Я затем и в пустыню ушел, чтобы не разорять душ христианских своею дурнотою и чтоб неведующих меня хоть словом попользовать, в чаянии, не сжалится ли ради того надо мною Господь и не даст ли хоть под конец жизни дух покаяния в очищение грехов моих – и великих, и бесчисленных».

Особенною глубиною мысли отличаются те письма, в коих святитель говорит о бестелесности ангелов и души человеческой, в опровержение мыслей еп. Игнатия Брянчанинова. «Мысли о форме души и ангелов лучше бы отложить в сторону. Лучше уж так говорить: они – дух, а как они есть – не ведаю. Рассуждениями о форме затемняется мысль о духовности. Дух, имеющий протяженную форму, предельность,

очертание, подлежащий трем измерениям – в длину, ширину и высоту – что за дух? Трехмерное протяжение мыслимо ли без частей разделяемых? И мыслим ли дух делимый? След., эти понятия несочетаваемы в одном и том же существе. Если дух, то не протяжен, и если протяженно что, то не дух». Затем, приведя указания на святых отцов, которых святитель подробно уже разбирал в своей книжке: «Душа и ангел – не тело, а дух», он говорит: «Остается решить, как они являются в протяженной форме и действуют на вещественные предметы? Лучшее решение: как им Бог определил, так и действуют, так и являются. Беда у нас одна – привычка все оформлять. О чем ни стань рассуждать, все вставляется в форму. И о Боге рассуждать не можем бесформно, как ни толкуем себе, что этому не следует быть. Тут мы с собою ничего не поделаем. Остается одно: властно повелеть себе – не смей пространственной формности переносить в мир духовный. Хотя не можешь совершенно отрешиться от этой формности при размышлении даже о духовном мире и даже о Боге, но верь, что там эта категория неприложима».

Положив это правило «указом», святитель сознается, однако же, что «трудно представить душу или ангела иначе, нежели как они являются... Спросите: кто, рассуждая об них, не воображает их такими? И я это всегда делаю, верно и вы, и все другие. Признаюсь, мне часто приходит на мысль – не уступить ли тем, которые придают душе и ангелам оболочку тонковещественную? Тогда все недоумения относительно формы порешатся сами собою. Естество души и ангелов будет дух, сознательная, свободно-разумная сила, а оболочка эфирная будет придаток к сему естеству, приданный ради необходимости их являться и действовать среди вещественного мира. И св. Максим Исповедник, порицая считавших душу и ангела телом, говорит, однако же: иное дело иметь тело и иное быть телом. Он будто говорит, что ангел не тело, а имеет тело, по крайней мере не порицает такой мысли. А я той мысли, что если уж не можем отрешиться от формы при представлении души и ангела, то гораздо рациональнее будет признать их облеченными в тонкое какое тело, нежели признать их духом и

вместе с тем допускать и доказывать, что они имеют и форму протяженную по своей природе, ибо в последнем противоречие себе, а в первом ничего сего нет».

Святитель, видимо, глубоко вдумывался в вопрос о бестелесности духов, взвешивал все, что собрал в своих писаниях по этому вопросу преосвященный Игнатий, и нет сомнения, если бы последний дожился до того, что писал первый, то они оба сошлись бы в этом вопросе на подобном решении, какое только приведено нами из письма Епископа Феофана. Подходя к такому решению очень осторожно и «уступая» в вопросе о некоем «тонком теле», какое имеют духи для воздействия на мир вещественный, Епископ Феофан рассуждает: «Мы не можем ни о чем мыслить без значка, без черты какой-либо, означающей и отличающей мыслимый предмет. На самые отвлеченные идеальные предметы мысль кладет значок и под сим значком их представляет. Даже когда о Боге мыслить и свойствах Его, то же она делает».

Как эти суждения было бы полезно принять к руководству тем афонитам, к которым, несомненно, относится строгое правило св. Григория Богослова: «Как больному глазами нельзя смотреть на солнце, так и неученому в богословских науках нельзя и учить о новых догматах». Я разумею имебожников, которые – увы! – дерзнули и самого святителя Феофана обвинять в искажении св. отцов и упорно обвиняют как вселенских патриархов, так и наш Св. Синод чуть ли не в ереси...

Есть в письмах строки, очень характерные для самого святителя и поучительные для мирян, внимающих своему спасению. Так в одном письме он говорит: «Я совсем не жил среди молвы житейской. Все один да один. Потому совсем не могу судить, насколько смутительны шум и гам житейский и как держать душу свою прямо при них. Когда я жил в Питере, помню, хаживал к Бурачку (Бурачек Степ. Онис., издатель «Маяка».) по Невскому, задавая себе не привести ни к нему, ни от него домой никакого впечатления от того, что встречалось на Невском, а вы знаете, что это за толкотня?! Иногда это удавалось. Бывают состояния, что человек видя не видит,

слыша не слышит, оттого что войдет вниманием в иной предмет... Вот сию вещьцу надо вам устроить у себя дома, т.е. в сердце. Тогда из пушек пали – и то не слышно. Архимед-язычник – и в вещи не первой важности вошел так глубоко вниманием, что его враги застали углубленным после взятия города, которое без большого шума не могло быть».

Невольно вспоминается, что когда святитель был в Москве для совета с врачами по случаю болезни своих глаз, то приказывал афонцам Пантелеймоновского подворья, у коих останавливался, чтобы не сопровождали его по городу, а если нужно проводить, по незнанию улиц, то провожатый должен был идти позади, поодаль от него. Иноки так и полагали, что он и в путном шествии бывает погружен в молитву или богомыслие. Об этом с глубоким почтением к святителю-подвижнику передавали мне афонские иноки, жившие тогда в Москве.

Для богослова интересно прочитав мнение епископа Феофана о значении духовных видений: «Видения, – пишет он, – не суть представления духовного мира, как оно есть в действительности, а только назначаются для того, чтобы дать вкусить сладость оно́го века и тем очистить вкус души – к духовному и дать ей ощущать горечь всех сластей земных, человеческих, не исключая и тех, кои носят имя невинных удовольствий». «Форма не выражает существа тамошних вещей, – говорит он в другом письме, – ибо они не похожи на наши, и видения не для того даются, чтобы дать познание, а сердце оторвать от земли. Потому – форму надо в сторону, а все отдавать этой единой цели». Святитель спрашивает Первухина: что он думает по сему вопросу? Впрочем, в другом месте оговаривается: «Речь о видениях уж не лучше ли оставить? Грешным куда лезть на такую высоту? Я припомнил подобный случай в Скитском околотке. Там старец один в подобном случае сказал: ну, монахи полезли на небо звезды считать и забыли про грехи, кои следует оплакивать...»

В заключение приведем здесь поучительную выдержку о времени празднования Нового года: «О времени Нового года что спорить? От этой минуты, в которую читаете сии строки, до соответственной ей минуты следующего года – ровно год

пройдет и прошел уже с подобной минуты прошлого года. И извольте признать сию минуту началом Нового года, и как всякая минута такого же свойства, то всякую минуту и празднуйте Новый год! Есть у святых Божиих мысль, что началом своей жизни должно считать минуту пробуждения страха Божия и решимости угождать Ему. Это есть настоящее начало нового лета. Потом иные учат: каждый день начинай, а иные – каждую минуту начинай, т.е. жизнь-то по Богу. Следовательно, каждая минута и да будет для нас началом новолетия духовного... чтоб непрестанно обновляясь, расти в обновлении жизни по Богу в правде и преподобии истины... А эти гражданские счета – как себе хотят, так и пусть считают».

Не приводим уже известного любителям слова Божия мнения святителя Феофана о переводе Священного Писания Ветхого Завета на русский язык: он крепко держался мысли, что не следует переводить с еврейского, что греческий перевод 70-ти для нас важнее еврейского подлинника.

Вообще письма святителя Феофана к разным лицам всякого общественного положения и звания составляют неиссякаемый источник назидания и читаются с таким захватывающим интересом, что нельзя не поблагодарить всех, кто тщательно сберег их и теперь дает возможность любителям духовного чтения ими пользоваться. Особенно надо поблагодарить Афонский Пантелеймоновский монастырь за полное издание не только всех его писем (в 8 выпусках, с указателем к ним), но и всего, что вышло из-под пера великого труженика-писателя о духовной жизни.

Слово правды о кинематографах

Со всех концов Русской земли приходится получать письма преданных Церкви, Царю и Отечеству православных людей с горьким протестом против усиливающегося развращающего влияния так называемых кинематографов. Их захватили в свои цепкие руки иудеи и употребляют как сильнейшее средство к развращению русской души. Напрасно протестуют против них отцы и матери, пастыри Церкви и архиереи: все делается «на законном основании», и гражданская власть ничего не может поделать с этой нравственной отравой. Когда я был в Вологде, против самой семинарской церкви был открыт такой кинематограф: протестовали мы, но бесплодно, ибо сказалась лишняя сажень расстояния, дававшая право хозяевам учреждения открыть его. Видно, остается в таких случаях Богу только жаловаться: так оно и вышло: скоро учреждение прогорело и само собою закрылось.

Почему-то к театрам относятся как будто строже, чем к кинематографам, тогда как должно бы быть наоборот: театр требует для себя огромных расходов – на устройство сцены, декораций, подбор актеров и содержание их, тогда как кинематограф обходится небольшим числом прислуги да запасом лент при одном аппарате. Но тогда как пьесы театра подвергаются хоть какой-нибудь цензуре, – ленты кинематографа, кажется, никто не цензурует, а при таких условиях иудею полное раздолье отравлять народ за 20–30 коп. самыми безнравственными, порнографическими представлениями. И вот ими переполнены наши столицы: пройдите по Невскому – кажется, нет дома, разве кроме казенных зданий, где не было бы этого учреждения, куда не манили бы в вечернее время публику разноцветные фонарики. От столиц не отстают и губернские, а за ними и остальные города и даже большие села: где-где нет этой отравы? Еще так недавно русский народ свободно вздохнул от работы страшному пороку пьянства. Русь радостно праздновала свое освобождение и возносила горячие молитвы Богу за своего

Боговенчанного Царя, Своим царским словом положившего предел этому рабству. Теперь, как бы взамен пьянства, народ усиленно отравляют другою страстью, прививая ему страсть к зрелищам. Не говорю на сей раз о так называемом «народном театре» – об этом я говорил в свое время, – останавливаю внимание на кинематографе, и твердо заявляю: это много опаснее театра уже по тому одному, что легче устраивается, всюду может легко проникать, а главное – до сего времени нет никакой цензуры для его лент... Страсть к зрелищам опасна не менее пьянства. Она так же может разорять население, как и водка; она опустошает народную душу, приучает простого человека к праздности, отвлекает от семьи, засоряет его воображение; сеет в его душе грех... И если театр вреден, то кинематограф для простого человека во много раз вреднее. И если мы стали на путь борьбы с пороком пьянства, то необходимо помнить, что в жизни духовной, как и в физической, природа не терпит пустоты: так или иначе народ избавлен от великого, губительного соблазна пьянства, на место этого порока стремится уже другой, третий!.. Уже слышатся жалобы отовсюду на всё более развивающуюся картежную игру, а где карт нет, там изобретают их суррогаты, и вот доходит уже дело до того, что нищие проигрывают своим товарищам собираемые ими куски хлеба прежде, чем успели собрать их. А тут еще искусственно хотят привить простому народу страсть к зрелищам, и притом самым развращающим, посредством кинематографов. Мы, служители Церкви, давно и громко взываем, указывая на эту опасность, но кто нас слушает?.. Все помешались на «свободе»: как можно стеснять свободу предпринимателей, открывающих кинематографы? Как стеснять свободу публики, желающей пойти в эти заведения? Отлично пользуются этой свободой все, кто не разбирается в средствах добывать деньги, но тут же есть и «идейные» работники: это те, кому нужно развращать народ, заражать его пороками. Нельзя сказать, чтоб этого вовсе не замечали те, кому ведать сие надлежит: слышно, что готовятся законопроекты об упорядочении дела кинематографов, но когда это будет – Богу

ведомо. А вред, страшный вред от этих заведений растет и растет, народ развращается не хуже недоброй памяти кабака.

Но слава Богу, есть на Руси еще люди добрые, власть имущие, которые не отравлены веянием всяких «свобод», которые в наши грозные дни спокойно проявляют свою власть, не считаясь с тем, либерально это или нет. «Из Киева, – говорит «Новое Время», – пришло известие, которое давно желательно было прочесть: по распоряжению военных властей запрещено демонстрирование в кинематографах картин уголовного и эротического характера». Итак, понадобилось военное положение, чтобы принять меру, необходимость которой, казалось бы, слишком очевидна, говорит газета. Пусть это не входит в круг непосредственной борьбы с внешним врагом, но можно только приветствовать решимость и почин киевских военных властей в деле общественной дезинфекции. Зло так разрослось и так бьет в глаза, что кто бы и как бы ни начал борьбу с этим «внутренним» врагом, его пример должен вызывать на подражание. Ведь на наших глазах происходит что-то совершенно ненормальное и никогда ранее небывалое. Ведь лет 20–25 назад никто бы не поверил, что возможно такое публичное «оказательство» своего рода зрительных прелюбодеяний, которое представляют собою программы безусловно всех наших кинотеатров, – все это откровенная популяризация порнографии и всякой скверной уголовщины, даже без риска привлечения по 1001 и прочим статьям.

Газета с негодованием говорит, что зрительные, залы кинематографов переполнены учащейся молодежью обоих полов. «Гимназистам воспрещается появляться на улице позже 8 час. вечера, дабы не подвергать их нравственность возможным уличным искушениям, а «искушения» в самой непринужденной форме разворачиваются на полотне любого кинематографического заведения за 20–30 коп. входной платы! Рано или поздно, однако, над этими «приготовительными классами» уголовщины и разврата придется подумать. Понятно, что в первые годы такого нового дела, как кинематограф, пока еще не выяснилась его эволюция в порнограф, безобразие могло процветать. Но теперь оно создано и для всех очевидно.

Пора приняться и за ликвидацию – хоть бы по Киевскому образцу» (Нов. Вр. № 14251, от 11 ноября).

От души приветствуем этот голос мирянина в защиту основных устоев всякой общественной и государственной жизни. А вот этот голос окажется слышнее наших архиерейских протестов, ходатайств, обращений куда следует... Прискорбно, а надо сказать, что верные сыны Церкви, болящие душой за народ, за его нравственную целостность, не по адресу шлют нам, пастырям Церкви, свои упреки, свои мольбы о прекращении того или иного общественного зла, как, например, хотя бы тех же кинематографистов, возмутительных театров, газетного кощунства, это – прямое дело законосоставительных учреждений, которым дано право инициативы в законодательстве, которые и могли бы дать хороший закон, обуздывающий всякое зло в общественной жизни. Мы же можем только писать, говорить, проповедовать, а уж услышат ли нас – это уже дело тех, кто имеет уши слышать и хочет – слышит, не хочет – не слышит...

Отеческая любовь святителя Николая Чудотворца

Святителю Божий, Николае Чудотворче! Не в Мирах Ликийских только, но и во всем мире, во всей вселенной имя Твое, как миро изливанное, повсюду благоухает ароматами полных любви деяний Твоих, и красуется Тобою Церковь Божия, яко великим светильником благодати, всех озаряющим светом и теплотою любви Христовой. Знают Тебя как великого и теплого пред Богом заступника не только народы христианские, но и язычники нашей далекой Сибири, и поклонники лжепророка Магомета, и прибегают к Тебе в нуждах своих, и – о дивное дело – Ты не отказываешь им, Ты помогаешь им в их нуждах, тем самым привлекая их к вере Христовой! А в мире христианском Ты непрестанно чудодействуешь, Ты незримо пребываешь среди верующих, откликаешься на все их молитвенные прошения, как отец чадолюбивый. И вызывают к Тебе, просят Твоей помощи с верою и горячею к Тебе любовью все скорбящие и обремененные, все утешения Христова чающие; но и этого мало для любви Твоей: Ты внемлешь неразумному лепету младенцев, не отвергаешь, по-видимому, пустых, недостойных Тебя молитв о таких вещах, которыми, говоря по-человечески, и докучать Тебе не подобало бы. Для Твоего любвеобильного сердца нет таких просьб, в которых Ты отказал бы: лишь бы была вера просящего, было бы произволение получить то, что не противно воле Божией. Ты и ныне, как при жизни Твоей на земле, готов быть всем вся, как говорит Апостол Христов, дабы Твоею любовью ко всем всех привлекать ко Христу...

На сии мысли навело меня письмо из Ярославля, поведавшее об одном деянии великого милостивца святителя Николая для бедного мальчика, который с верою обратился к нему с своим детским горем. Рассказ записан со слов ярославского купца, ныне покойного В. Я. Кузнецова. Передаю его в том виде, как он записан.

«Я отдан был родителями моими для обучения торговому делу в мальчики к хозяину и раз был вместе с другими

приказчиками и мальчиками послан им сопровождать возы с товаром на ярмарку. Дело было зимой. Железных дорог в той местности тогда еще не было, ехали на лошадях. Хозяин дал мне на дорогу старый меховой картуз и строго приказал беречь его. Долго мы ехали; сидя на возу, я задремал и сладко заснул. Вдруг чувствую, что голове холодно, просыпаюсь, а картуза-то и нет: видно, дорогой свалился с головы, упал и потерялся. Страшно я перепугался тогда: и не то было мне страшно, что голова зябнет, а то, что скажу я хозяину и как он меня накажет... И заплакал я горькими слезами тогда. А едем мы мимо какого-то монастыря. Спрашиваю: какой это монастырь? Говорят: Николо-Бабаевский. Тогда я стал в снегу на колени и молюсь со слезами: «Святителю отче Николае, помоги, избавь от беды: я Тебе заслужу». Смотрю, а в снегу какой-то комочек темный лежит. Беру в руки и с удивлением вижу, что это – совсем новенькая котиковая шапка. С радостью надел я ее: как будто на меня шита, и поехал дальше. Но надо покаяться: много лет прошло с тех пор, а я запомнил свое обещание, данное святителю Николаю. Я был уже богатым торговцем, почетным гражданином, известным благотворителем, много жертвовал в разные обители и церкви, только в Бабаевский монастырь ничего не делал, хотя и бывал там нередко. Вот однажды был я в Бабаевском монастыре с женою и родными; после обедни напились мы чаю и пошли гулять в монастырскую рощу, было очень жарко, и я снял свою дорогую шляпу-панаму и повесил на дерево. Посидели мы, отдохнули и решили направиться к пристани, куда скоро и пароход должен был подойти. Хватился я, а шляпы-то моей и нет...

Никто мимо не проходил, взять никто не мог, а шляпа пропала. Вот тут-то я вспомнил, что еще не исполнил обещания, данного в юности святителю Христову. Тотчас же пошел я к о. архимандриту и говорю ему: «Скажите, ради Бога, не нужно ли вам что-нибудь для монастыря: я ведь должник святителя Николая, дайте мне возможность услужить ему». О. архимандрит говорит мне: «Право, не знаю, что нам нужнее. Разве вот не поновите ли живопись в теплой церкви». Конечно, я с радостью обещал ему это сделать и благодарил святителя,

что он милостиво напомнил мне мое обещание. А в Ярославль я поехал уже в шляпе, данной мне монахами».

Читаешь подобные рассказы о милостях великого милостивца, святителя Христова Николая, и сердцем умиляешься, – так все это «по-нашему», по-человечески совершается, будто сам угодник ее подкинул ему. Надо же было ему остановиться, сойти с воза на снег именно на том месте, где кто-то обронил шапку. Но вот облагодетельствованный мальчик забыл оказанную ему милость, проходит много лет, он забыл обещание свое, и святитель напоминает ему новую потерю, исчезновением его шляпы, и обет вспоминается с благодарностью, и приводится в исполнение так, как, конечно, мальчик не мог бы исполнить, и живопись в храме является памятником попечения угодника Божия о благодетеле его обители. И конечно, покойный Василий Яковлевич не раз поведал добрым людям это обстоятельство и тем научил многих обращаться к святителю с теплою молитвою в своих нуждах.

Радуйся, Николае, великий и преславный чудотворче!..

Странички из современного патерики

Соберите избытки укрух, да не погибнет ничтоже. (Иоан. 6,12)

После чудесной трапезы в пустыне, когда Господь насытил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбицами, Он заповедал Апостолам собрать все крохи, оставшиеся от трапезы, да не погибнет от них ничтоже. Проблески духовной жизни в Церкви Христовой, конечно, дороже крошек видимого хлеба, ибо питают души живыми примерами добродетелей, увлекают сердце к подражанию. Вот почему от веков древних повелся обычай ревнителей духовной жизни собирать хотя бы и отрывочные сказания о всех подвижниках, о всяком их деле и слове. Так образовались Патерики, Лимонари, Лавсаики и подобные сборники, это сокровище многоценное опыта духовного и жизни христианской.

Жива Христова Церковь и поныне, ибо неложно слово Его: «Аз есмь с вами», верующими, «Во вся дни до скончания века, и врата адова не одолеют ей». Но жизнь духовная есть сокровище сокровенное: в полноте своей оно ведомо единому Богу. Дух хриstopодражательного смирения не попускает православному делать добро напоказ: это противно душе его. «Не носи своего добра на языке своем, чтоб не склевали его адские птицы» – вот завет отцов наших, древних подвижников. Оттого и выходит наружу, против воли самих подвижников, очень немногое – только то, чего нельзя скрыть, что само собою светится по слову Христову: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрыя дела ваши и прославят Отца вашего, Иже на небесех». Но тем ценнее эти жемчужины духа, тем они светлее, тем достохвальнее православная жизнь, тем паче славится в Церкви Своей вечная Глава ее – Христос Спаситель.

Смиренная добродетель православная (говорю «православная», а не просто христианская, ибо не всякое христианское исповедание так подчеркивает смирение, как это делает наша православная Церковь) не только сама себя

укрывает, но и искренно сама себя «не знает», почитая самым естественным явлением в духовной жизни то, что она творит. Человек не может жить без дыхания: вот так же подвижник не может не исполнять заповедей Христовых, не понуждать себя к сему деланию, а следовательно: какая же в том заслуга пред Богом? За что хвалить себя? За то, что хоть с трудом, а все же дышишь? Да это – милость Божия, а не твоя заслуга. Но добро имеет свойство согревать не только подвижника, но и всех, кто около него: оно благоухает, и окружающие, имеющие, по выражению митрополита Филарета, очищенное чувство духовное или по крайней мере ищущие сего очищения, не могут сердцем не ощущать сего благоухания. И те, кому дорого это сокровище, кому Бог положит на сердце, иногда не только запоминают, поведают другим, но и письменно передают свои наблюдения на пользу читающим. Иногда эти заметки простых людей отличаются наивностью, но тем они дороже для верующих, дороже умно написанных мемуаров великих мира сего.

У меня в руках тетрадь одного простеца-инока родной моей обители, долго прожившего в пустыни Святого Параклита, подчиненной Троицкой Лавре, покинувшего эту пустынь за святое послушание. В назидание тех, кто не критикует современное монашество, а ищет в среде его того сокровища, которое в наше грешное, гордое время особенно дорого, делаю выписки из рукописи сего инока. Может быть, утилитарист нашего времени не найдет тут ни подвигов просвещения народа, ни особых выдающихся дел милосердия, но я верю, что мой читатель, любящий Церковь и верующий в нее целым сердцем, отдохнет душой и найдет утешительное подтверждение того, что не напрасно существуют наши обители, что в них еще веет дух подвижничества, завещанного преподобными от веков древних.

I. Послушник Стефан

17 февраля 1877 года в пустыни Святого Параклита скончался старичок, рясофорный послушник Стефан. Он всегда занимался молитвою Иисусовой и соблюдал строгое воздержание. По простоте своей не умел он скрывать своего молитвенного настроения, всегда вслух творил молитву Иисусову, даже и тогда, когда занимался рукоделием, так что на нем буквально исполнялось учение святых отцов: «Дело в руках, а молитва в устах». Послушание его было – делать грабли и топорища, и он настолько был усерден к своему делу, что после его смерти его изделий осталось в запасе на много лет. А худощав и легок он был настолько, что живший в то время на кухне послушник Сергей (ныне духовник пустыни, иеромонах Серапион), глубоко чтивший старца Стефана, бывало, возьмет его в охапку и принесет к себе в келлию, чтоб напоить чайком. И старец, не имевший своего самовара, бывал этому по-детски рад. Но и за чаем он не оставлял своего духовного делания и повторял: «Эх, брат! Мы вот чаек попиваем, а что нам будет на том свете-то?» Иногда и заплачет при таких размышлениях. Напоминая всем о втором пришествии Господа, он был общим любимцем всей братии. И скончался он яко един от древних: по напутствовании святыми Таинствами Церкви, с молитвой на устах затихло его дыхание и дух его возвратился к Богу, а тело предано земле около церкви обители!

II. Рясофорный послушник Георгий

1889 года июля 20 в пустыни Святого Параклита скончался старичок Георгий Родионов. В миру он занимался мелочной торговлей вразноску. В пустынь поступил уже под старость: но ревность ко спасению имел наравне с молодыми. В церкви он был свечником, а в трапезе старшим трапезником. Ко всем службам являлся за полчаса, несмотря на то что в то время утренняя бывала в полночь. Все службы он выстаивал с благоговением, не позволяя себе садиться без времени. Неопустительно совершал он и келейное правило, свою «пятисотицу». В трапезе он готов был подбежать к каждому и спросить: не нужно ли чего подать? Чаю вовсе не пил; если иногда разрешал себе до обеда съесть ломтик хлеба с квасом, то потом каждому жаловался: «Вот я какой грешник, не дотерпел, не удержался, поел прежде времени». Так он чуток был к упрекам своей совести. От долгого стояния у него отекали ноги и открылись раны, из коих сочился гной. Наконец, однажды, во время акафиста преподобному Сергию, к удивлению всех, старец присел: тут все поняли, что приближается конец его жизни. С неделю пользовали его домашними средствами, потом пособоровали, причастили святых Христовых Тайн и отправили в больницу Лавры, где он и скончался. Погребен в родной ему пустыни Св. Параклита.

III. Юноша Петр

1899 года мая 4 скончался в лавровской больнице юный послушник Петр. Сей юноша украсил свою жизнь целомудрием Иосифа Прекрасного и послушанием преподобного Досифея. Мальчиком жил он в Петрограде у богатого хозяина. Он был очень красив лицом: когда пришел в возраст, его красота пленила его хозяйку, которая стала его склонять на грех. Страх Божий, страх душевной гибели и страх срама пред людьми сделали то, что он бросил шумный город и убежал в обитель и сделал это так быстро, что и расчета не взял у хозяина, поручив это сделать своему отцу, который жил тоже в Петрограде. Какими-то судьбами Бог направил его в пустыню Святого Параклита. В то время подвизался там старец схимонах Онуфрий, имевший много учеников. Принятый в обитель, юноша Петр с великим усердием и горячею ревностию пошел к старцу, рассказал ему всю свою жизнь и просил его принять под свое руководство, обещаясь повиноваться во всем. И когда старец согласился, юноша с того же дня предался ему, по выражению святых отцов, как железо ковачу. Скоро его чистая душа усвоила молитву Иисусову. Он стал блюсти строгое воздержание: с утра выходил голодным на послушание, за обедом ел довольно, а за ужином съедал только нижнюю корку хлеба, которую и жевал в продолжение всего ужина, дополняя этот скудный стол тремя ложками щей и несколькими крупинками каши. Жалея его, братия говорили ему, чтобы он кушал больше, но он уклончиво отвечал: «Простите, я насытился и больше не хочу есть». А иногда скажет: «Простите, у меня грехов много, помолитесь». Так он подвизался два года. В 1898 году найден был на луговине пустынной умерший странник. Это было в июле месяце. Пустынь св. Параклита находится в пределах Владимирской губернии, поэтому расследование этого дела должно было производиться не Сергиево-Посадской полицией, а из города Александра следователем. Прошло тринадцать дней, пока явился следователь. Все это время пустынная братия обязана была

стеречь тело умершего день и ночь. Наравне с другими был назначен на это послушание и юноша Петр. С покорностью принял он это послушание, но жуткость лесная, темнота ночная, сырость и холод, безотчетный страх и зловоние от трупа смутили юношу и подействовали вредно на его здоровье. С того времени он стал недомогать, слабеть и бледнеть. Настал Великий пост, ему хотелось поститься по-прежнему, старец не давал на то совета, но он, по ревности своей, держал строгий пост и на все предложения братии сожалеть себя отвечал: «Простите, не хочется есть». На Страстной неделе он совершенно изнемог. Пропели «Христос Воскресе», разговелись, разговелся и он, с большим трудом проглотив кусочек кулича, но больше уже ничего не мог есть. Его причастили святых Христовых Тайн и отправили в лаврскую больницу, там он недели две протянул и скончался. Незадолго до смерти он сказал окружающим: «Отнесите меня на мою койку». Так некогда преподобный Никон, умирая, говорил: «Отнесите меня в светлую храмину, уготованную мне молитвами отца моего: не хочу здесь более оставаться».

Скончался Петр на 20-м году своей жизни. Погребен на братском кладбище в Боголюбовской киновии.

«Скончался в мале, исполни лета долга».

IV. Схимонах Стефан

В 1899 году июля 21 дня скончался схимонах Сергиевой Лавры Стефан, в монашестве Савватий. Он происходил из дворовых людей; как только произошло освобождение крестьян, он покинул мир и поступил сначала к «блаженному» Филиппишке в киновию, которая тогда только что устраивалась, потом, как хороший садовник, был взят в Лавру, в братский сад. Хотя он занимал должность старшего садовника, у которого под рукой было немало людей, о. Савватий всегда был сам за работой: всегда можно было его застать с лопатой в руках в полумантии, с четками на шее, в монашеской шапочке. Многим он напоминал в этом виде преподобных Сергия и Серафима, трудившихся вот так же на своих огородах. Каждый день он являлся на братский молебен в 2 часа ночи и бодро выстаивал все продолжительные богослужения. Тайно носил он вериги и власяницу, а за подобные помыслы наказывал себя стоя голыми коленями на жестяной терке. Терка и крест от вериг и теперь хранятся у его почитателей. Все эти телесные удручения он продолжал до пострижения в схиму, которую принял в 1896 году с именем Стефана. В схиме он продолжал свои подвиги под руководством духовника, старца иеромонаха Тимолая. Многие не только из братии, но и из богомольцев обращались к нему за советом в разных обстоятельствах жизни. Особенно любил он учить послушанию воле Божией: в ней он указывал главное основание для спокойствия души. А если ему кто начинал противоречить в этом самопредании воле Божией, он умолкал, пока обстоятельства не оправдывали его слов. В таких случаях старец говорил: «Вот теперь познал волю-то Божию?» Всем богоугодно живущим, по слову преподобного Иоанна Лествичника (гл. 4, 105), свойствен дух прозорливости: не лишен был сего дарования в некоторой степени и о. Савватий. Еще в 1878 году, когда была война с турками, старец, провидя духом хотящая быти, спрашивает пришедшую к нему на совет послушницу Хотькова монастыря Анисию: «Вот, матушка, я уже стар стал; но что если меня назначат ходить за ранеными

солдатами, идти ли мне или отказаться?» – «Нет, батюшка, – сказала Анисия, – отказываться нельзя, начальники назначат – надо идти». – «Так, матушка, верно, – подтвердил старец, – надо слушаться начальников». Действительно: когда привезли раненых, Анисию назначили ходить за ними. Одна монахиня просила у него благословения ехать в Белев, в гости к знакомой монахине. Он сказал ей: «Пожалуй, в чужом монастыре можно и умереть». Так и случилось: на пути в Белев она простудилась, заболела тифом и умерла в Белеве. Удручаемый страстью и немощью, он пособоровался и перешел в больницу. К этому времени он раздал все, что было в келлии, и, выходя, гадательно сказал: «Чрез 20 дней за мной придут». И действительно: ровно чрез 20 дней за ним пришла смерть. За все время пребывания в больнице он причащался св. Христовых Тайн чрез день с полным молитвенным приготовлением. Он был настолько целомудрен, что никогда не мог принудить себя отправить естественную нужду в комнате, где находились св. иконы, так что в самый день его кончины его выводили под руки: никто не видал его обнаженным. Даже белье в болезни переменил сам и, только когда уже не в силах был этого сделать, допустил служителя помочь ему в этом. В болезни своей он не употреблял никаких лекарств, всецело предавая себя надежде на Бога, на Матерь Божию и преподобного Сергия.

За день до смерти старца его служителю, который спал на соседней койке, приснилось, будто он находится на Смоленском кладбище Лавры, близ могилы, в которой должен был быть погребен старец. И видит он, будто на песке на месте могилы лежат спелые ягоды, малина и клубника, за которыми он и потянулся, чтобы набрать их, но земля расступилась могилой, и послышался голос: «Это могила святого». Послушник от страха проснулся и подошел к больному, думая, не умер ли он; но старец лежал и крестился. В последний раз он причастился 20 июля, а на другой день утром пришел к нему духовник, иеромонах Тимолай, и, видя его слабость, предложил ему опять причаститься св. Тайн. Но старец вспомнил, что вчера с вечера не выслушал правила, ответил: «Благодарю Господа Бога,

вчера я сподобился св. причащения, а если Богу угодно будет, то завтра причащусь». Духовник ушел, а немного спустя приехали из Москвы монахини посоветоваться с о. Стефаном и проститься, но он уже не принял и чрез служителя сказал: «Обо всем говорено раньше, а теперь уже поздно». После сего служитель занялся уборкой палаты; прошло с пол часа, и он заметил, что о. Стефан перестал креститься и мух уже не отгоняет. Подошел, окликнул, ответа нет, взял за пульс: жизнь уже кончилась. Согласно его завещанию тотчас дали знать тем, кто пользовался его расположением и советами: они пришли и стали готовить его к погребению. Скончался он на 73 году отроду. Ученики и почитатели его поставили на его могиле памятник.

V. Монах Пимен

(многоболезненный)

29 сентября 1899 года в больнице Сергиевой Лавры скончался монах пустыни Святого Параклита Пимен, страдавший от костоеды много лет, с ранней юности.

Тимофей Чугунов – так звали его в миру – занимался в Туле сапожным мастерством. Когда он удостоверился, что болезнь его неизлечима, то прикончил хозяйство и пошел в монастырь ради спасения души своей. Это было в 1882 году. Поступил он в пустынь Святого Параклита и проходил послушание в сапожной мастерской. А так как он обладал приятным голосом, мог петь и прекрасно читал, то его поставили канонархом; это послушание он и исполнял до последнего ослабления сил болезнью. Костоед на правой ноге выше колена наделал много ран до самого бедра: раны всегда гноились и причиняли ему нестерпимую боль. Надо было каждый день промывать их и делать перевязку. Какого терпения стоило все это, особенно когда приходилось отдирать от ран присохшие бинты! Но и при таком страдании не оставлял он храма Божия и канонаршества. За такое усердие и ревность к благочестию в 1895 году постригли его в мантию и назвали его Пименом, да будет не только в страдании сообразен киево-печерскому многоболезненному Пимену, но и именем тезоименит ему.

Особенно, хорошо, проникновенно читал он каноны; он настолько углублялся в них, что даже забывал о болезни и нередко плакал от духовного умиления. В последний год его жизни на Страстной седмице нога его так разболелась от продолжительных служб, что он иногда зубами заскрипит, а из храма Божия не уйдет, мужественно выстаивая все службы наравне с прочей братией. Особенно трудно пришлось ему в Великую Субботу: не зная, чем заглушить свою боль, он взялся читать на литургии паремии, коих насчитывается до 15-ти. Читал их с особенным одушевлением, стоя на одной ноге. После Пасхи болезнь стала усиливаться все больше и больше, и он принужден был отправиться в Москву. Там в больницах

сделали ему две мучительных операции: вынули отделявшиеся небольшие косточки.

Но эти операции не улучшили его здоровья, а потому он решил отправиться в лаврскую больницу, чтобы там умереть. Во время пребывания своего в городских больницах и вообще во время всей болезни не оставлял он своего монашеского правила: каноны, акафисты, молитвы вычитывал сполна, сидя или лежа; удивляться надо было его терпению: он некогда ни на кого не пороптал, но только повторял одно и то же: «Видно, на все воля Божия».

Много горя видел он от этой болезни, много слез пролил, много раз обращался к врачам, прибегал и к Врачу небесному, бывал в святых местах, у чудотворных икон, источников, просил угодников Божиих, но исцеления не получал. Какую же тут надо было иметь веру, какое непоколебимое упование на Промысл Божий и преданность в Его волю! Воистину твердой души было делание сие! Оправдались на нем слова Священного Писания: «Верен же Бог, Иже не оставит вас искуситься паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести» (1Кор. 10, 13). Преподан был избыток благодати сему рабу Божию, терпеливому страдальцу, и, укрепляемый ею, он все претерпел до конца.

Видя свое крайнее истощение, он особоровался и, часто причащаясь св. Христовых Тайн, в мирном духе ожидал последнего дня своей жизни. Накануне своей смерти он собственноручно написал письмо своему старцу о. Серапиону, прося его поскорее прийти из пустыни, чтобы проститься с ним и благословить его. Но, не дождавшись старца, утром 29 сентября, по принятии св. Тайн, радуясь духом, отошел ко Господу. Прибыли пустынножители и после отпевания похоронили его на братском кладбище Боголюбовой киновии.

VI. Послушник Павлуша

12 февраля 1906 года в пустыни Святого Параклита скончался рясофорный послушник Павел-сапожник, которого за простоту нрава прозвали Павлушей. В обитель поступил он в 1893 году и с первых же дней начал подвизаться под руководством старца схимонаха Онуфрия. Охотно проходил он подвиг безответного послушания, смирения и терпения, а так как все добродетели пребывают в союзе между собою, то и Павлуша постепенно стал присоединять подвиг к подвигу: пищу употреблял он только в трапезе, притом всегда с тайной молитвой Иисусовой, а иногда и со слезами, осуждая себя, якобы он недостойн сего вкушения; за ужином ел очень мало, чаю вовсе не пил, на молитве простаивал все службы, не опуская и келейного правила, спал сидя, так что от стояния на молитве и сидячего сна ноги опухли и стали как бревна. Когда узнал об этом старец, то запретил ему спать сидя, и он стал ложиться в подряснике на голых досках. Однажды он заснул при зажженной сальной свече, сидя за книгой; свеча догорела, на подсвечнике загорелись спички, огонь добрался до книги и листов пять уже попортил, когда отец Павел проснулся, заслышав, что на голове у него уже трещат волосы. В другой раз, поспешив к утрени, он забыл загасить свечу и ушел в церковь. Сальная свеча также догорела, растопилась, сало вылилось на скатерть, которая и загорелась. Промыслом Божиим, к счастью всей пустыни, один брат, живший на конном дворе, проспал и, спеша к утрени, заметил в келлии Павлуши огонь. Он поднял тревогу, и огонь скоро погасили. Испуганный Павлуша вообразил, что отец игумен немедленно выгонит его из обители и после утрени бросился к нему просить прощения. На коленях он умолял его ради Бога простить: «Что хочешь со мной делай, только не выгоняй из монастыря!» Игумен был тронут таким его смирением и любовью к обители, поставил его на поклоны в трапезе на неделю и келлию дал на время на конном дворе. После сего брат Павел стал еще больше смиряться: носил одежду самую худую и грязную, старался

быть небрезгливым, часто назначали его прислуживать престарелым больным и умирающим. Однажды братия вошла в келлию больного старца, смотрят – Павлуша кормит его из своих рук, крошки хлеба падают изо рта больного на его грязную рубашку и на пол, а Павлуша бережно подбирает их и кладет себе в рот... Это напомнило, как один египетский пустынный кормил прокаженного, у которого сгнили уста.

Дар слез у Павлуши был необыкновенный. Известно, что от постоянного углубления в себя, от самоукорения и смирения, а также от постоянного памятования своих грехов и смертного часа рождаются источники слез. И вот, бывало, стоит он в церкви и хлюпает от плача; а во время говения подходил к св. Причастию всегда с великим благоговением, с закрытыми глазами, из-под век коих катились крупные капли слез. Сам старец его, о. Онуфрий, удивлялся его настроению и в назидание другим говорил: «Удивляюсь я на о. Павла: приходит он иногда с маловажными погрешностями и, открывая их, часто проливает слезы ручьями: откуда только они у него берутся?»

В жизни духовной обычно, что людям, избравшим путь произвольного смирения, приходится терпеть унижение, приводящее к смирению, и невольное. Бывало: приближается праздник. Рождества Христова, Пасха, Троицын день, братии готовятся утешения: кому рясочка, кому рясофор, кому пострижение в мантию, а Павлуше все ничего. Хотя и дали ему рясофор за два года до смерти, но и то неожиданно, можно сказать, был он утешен Божиим Промыслом. О. игумен, по обыкновению, получил благословение от о. наместника Лавры дать рясофор пятерым; Павлуши в числе их не было; но один послушник, по убеждению своей совести, отказался от рясофора и просил о. игумена постричь в рясофор Павлушу. О. игумен внял смиренной просьбе послушника и одел в рясофор Павлушу. А в пустыни это считается великим утешением. С этого времени братия стали звать его уже не Павлу шей, а отцом Павлом.

За год до смерти постигло и сего смиренного раба Божия искушение во испытание крепости его духа и произволения. Раз он сделал что-то самочинно, без ведома настоятеля, в

рухольной: о. игумен отнесся к нему строго и властно и дал ему почувствовать, что в таких самочинниках обитель не нуждается. Смутился бедный о. Павел, пошатнулось его терпение, и сложился он с мыслию бежать в киновию Боголюбовскую. Но Бог не попускает искушений выше сил наших: за молитвы старца и по увещанию его он все же остался в пустыни. Надо удивляться, как враг сильно воюет против подвижающихся в монашестве: раньше Павлуша просил и молил о. игумена: «Что хочешь со мной делай, только не гони из обители»; а тут от одного строгого выговора начальника смутился было и хотел бежать. И убежал бы, если бы не уговорил его старец. Но это было уже предсмертное искушение для смиренного подвижника, ибо и св. отцы свидетельствуют, что когда диавол заметит, что жизнь человека приближается к концу, тогда сильнее нападает на подвижника и наводит ему искушения. Действительно: скоро о. Павел почувствовал упадок сил, у него открылась чахотка. Несмотря на это, он не оставлял церковных служб: бывало, едва переступает ногами, а все-таки бредет к началу службы. А когда совсем ослабел, то братия из любви к нему привозили его, едва дышащего, в церковь на саночках. Так, изнемогая, он как свеча догорал и близился к кончине. В последний день пребывания на земле он пожелал еще раз соединиться со Христом в таинстве св. причащения, после чего погрузился в тайную молитву, ушел весь в себя. Заметив это, братия удалились, чтобы оставить его наедине. Прошло несколько минут, вошел к нему прислуживавший ему брат с молитвой, но обычного ответа на молитву не последовало. Смотрит брат: о. Павел как сидел на койке, на голых досках, так и сидит, привалившись к подушке. На коленях у него Псалтырь, раскрытая на 17-й кафисме (псалом 118-й), в руках четки. Брат стал прислушиваться: дыхания не было слышно. В испуге брат воскликнул: «Отец Павел, да ты умер?!» – «Да», – слышалось тихо из уст отходящего к Богу раба Божия. С этим словом выпали у него из рук четки и все члены опустились...

В девятый день по кончине святая Церковь совершает поминание всякого новопреставленного в напоминание о том, что в этот день душа сподобляется, по верованию церковному,

видеть райские селения и блаженство святых. И душа о. Павла не могла не поделиться этой радостью с отцом своим духовным: он явился во сне старцу и сказал: «Иди к нам, батюшка, у нас очень хорошо»...

Скончался на 35 году жизни.

VII. Монах Израиль

30 января 1907 года в Гефсиманском скиту скончался старичок монах Израиль. В миру звали его Иван Никитич. Прожил в скиту 33 года, из коих 20 лет был водильщиком по пещерам. Особенно он отличался простотою, незлобием и любовью к храму Божию. Придет, бывало, в церковь за час до службы, лишь бы церковь была отперта, обойдет весь храм, прикладываясь ко всем иконам с земными поклонами, долго поминает на проскомидии близких ему людей о здравии и за упокой, так что иные роптали на него, не перенося его неопрятности. За неделю до кончины заболел, а в самый день смерти утром исповедался, причастился св. Христовых Таин, в полдень пособоровался, а в четыре часа по полудни скончался. Минут за десять до смерти говорит послушнику, который прислуживал ему: «Брат Иван, что это: крестный ход, что ли, пришел или именинник кто?» Послушник говорит: «Прости, батюшка, крестного хода никакого нет». – «Как нет, – возразил умирающий старец. – А вот вокруг моей койки-то все в белых ризах стоят»... И эти слова были последние. Можно думать, что вслед за белоризцами пошла и душа его...

VIII. Рясофорный монах Никодим

Многоразличны пути Божий, коими Господь зовет людей на путь спасения. Одного влечет Он духовными утешениями, другому указывает путь к монашеству скорбями и тревожностями моря житейского.

30 мая 1908 года скончался в пустыни Святого Параклита рясофорный монах Никодим. В миру звали его Николай Мирошников; он имел консервную фабрику в Тобольске. За хорошее производство рыбных консервов он получил три медали. Дело шло хорошо; по обычаю он отпускал свой товар в кредит, должники честно платили долги. Но вот однажды три сильных компаньона забрали у него товару на несколько тысяч, а платить отказались. Дело было подорвано. Пришлось закрыть фабрику. Мирошников увидел в этом указание, что пора бросить земные заботы и подумать о спасении души. Он решил с должниками не судиться. Родным, конечно, такое решение было не по душе: особенно журила его жена-старуха. Тогда он, желая узнать волю Божию, стал усердно молиться, чтобы Господь указал ему, куда идти. Случайно, а лучше сказать, промыслом Божиим, попало ему в руки житие преподобного Сергия; с жадностью прочитал он его не один раз и почувствовал непреодолимое влечение ехать к преподобному и там поступить в монастырь. Немедля он стал заканчивать все свои мирские дела, обеспечил старуху жену и, устроив все так, чтоб его больше не беспокоили житейскими заботами, отправился к угоднику Божию Сергию. На пути его ждала нечаянная встреча с одним из крупных должников. Должник падает ему в ноги, просит прощения, сознавая свою вину. Старец великодушно простил его и в знак благословения перекрестил его и поцеловал.

Благополучно прибыл он в Сергиеву Лавру и явился к наместнику архимандриту Товии. Выслушав все обстоятельства старого человека, о. наместник послал его в пустынь Святого Параклита с письмом к игумену, чтобы тот принял его. Увидев пустынь, старец несказанно возрадовался духом; он припал к

ногам о. игумена, рассказал ему в простоте сердца всю свою историю и просил принять его в число братии. Уже не о подвигах говорил он, не о трудах, а просто просил упокоить его старость. Ему было уже 75 лет. О. игумен принял, поставив ему некоторые условия соответственно его старости. К удивлению всех, Мирошников показал, что хоть он и стар летами, но юн усердием. Ему дано было послушание в трапезе служить братии, что и исполнял он с великим усердием. Иногда, по старости, проходя по трапезе, он шатался, как трость, ветром колеблемая, а все же не хотел оставлять своего послушания. Он был очень прост, неліцемерен, всем воздавал должную честь. Церковь и богослужение так любил, что когда по немощи не приходилось быть в церкви, то плакал, как ребенок. Братия, как умели, утешали его и иногда водили к богослужению под руки.

Пострижение его в рясофор совершилось как-то неожиданно, промыслом Божиим. В великую пятницу на вечерне о. игумену пришла мысль постричь Николая. Он не внял ей. Мысль снова приходит с большей настойчивостью. Наконец и в третий раз тоже. После службы о. игумен призвал Николая и говорит: «Я хочу тебя постричь в монахи». Старец так обрадовался, что упал в ноги игумену и залился слезами. Только молчание и эти слезы были его ответом на предложение. О. игумен был тронут таким смирением Николая и приказал все приготовить на утро к пострижению. На другой день, в Великую Субботу пред литургией совершилось пострижение, и Николай был назван именем Никодима, имя которого часто упоминается в стихирах и канонах в эти святые дни.

Когда старец настолько ослабел, что не мог уже ходить даже по келлии и братия перестала возить его в церковь, то, бывало, как только заслышит звон колокола, начинал плакать и с этими слезами, лежа на постели, прочитывал акафисты Спасителю, Божией Матери, святителю Николаю, преподобному Сергию и другим святым угодникам Божиим. Никогда ни на что он не жаловался, питался обычною братскою пищею, а перед кончиной за несколько дней не вкушал ничего, а только причащался св. Тайн. За сутки до кончины вошел к нему в

келлию служивший ему брат и видит, что старец находится в каком-то возбужденном состоянии. Послушник спрашивает его: «Отец Никодим, что с тобой?» А он резким тоном отвечает ему: «Разве ты не видишь? Вон они!» – и показывал рукою в угол к потолку. Послушник говорит: «Батюшка, перекрестись: здесь никого нет». Старец же, снова показывая пальцем, возразил: «А вон – это кто?» Брат убоялся и, дабы успокоить себя и старца, предложил ему помолиться с ним вместе и начал читать акафист Сладчайшему Иисусу. Старец успокоился. Утром 30 мая после литургии еще раз сподобился он принять св. Тайн и вскоре начал показывать в два угла келлии с словами: «Вон – они, вон – они! Но теперь я их не боюсь». В два часа пополуночи он мирно предал дух свой Богу.

Св. Иоанн Лествичник говорит: «Не должно оуждать отрекающихся мира по некоторым обстоятельствам, ибо невольные отречения некоторых бывают тверже и основательнее тех, кои учинены были с намерением и по произволению». Так и сей старец, при старческой дряхлости и неудачах в хозяйстве, оставил мир и пришел в монастырь, но и он получит награду свою с пришедшими хотя во единоедесятый час.

IX. Иеромонах Венедикт

18 августа скончался в пустыни Святого Параклита иеромонах Венедикт. В миру именовался Василий Сахаров, сын священника Тамбовской губернии. По окончании курса в духовной семинарии он сначала поступил в учителя, но потом соблазнился светской жизнью, перешел в Москву и там дошел до нищеты. Безвыходное положение напомнило ему евангельскую притчу о блудном сыне, в его совести прозвучал голос: «Колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же гладом гиблю: встав иду к Отцу моему небесному» (Лук. 15, 17), и он решил поступить в монастырь. В Лавре ему указали пустынь Святого Параклита, как место удобное для спасения, и он пошел туда пешком, не имея ни гроша в кармане. На пути к Гефсиманскому скиту какой-то добрый человек подал ему серебряный рубль, и это благодеяние так его тронуло, что он всю жизнь потом молитвенно поминал благодетеля. Принятый в пустынь, он с усердием проходил все послушания, был канонархом и наконец был удостоен священного сана. Прожил там 20 лет: под старость Господь посетил его болезнями: ноги и живот опухли, появилась на ногах слоновая кожа; в гололедицу вывихнул кисть, которая срослась неправильно, покривился спинной хребет, и стал он уродом... Но чреды священнослужения не оставлял до последнего изнеможения. Года за два до смерти его разбил паралич, так что в церковь его возили на саночках. Каждую седмицу причащался он святых Тайн, раза два соборовался, наконец, совсем слег в постель, но ум его был чист и речь ясная. Приставили к нему монаха Дорофея для услужения. В первых числах августа Дорофей приносит ему пищу, а он говорит: «Отец Дорофей, подними меня, мне самому не встать, да поди за духовником: причастить бы меня». Его причастили, и, по его желанию, прочитали ему отходную. Простившись потом с братией, он слабым голосом сказал: «Пришел конец моей временной жизни, и мне уже не встать». Это были его последние слова: язык отнялся, и в таком положении он был восемь дней. Все время лежал с закрытыми

глазами и правою рукою благословлял подходивших к нему, узнавая их. 13 августа он мирно отошел к Отцу небесному, к Которому стремилась душа в самом начале иноческого подвига.

Поведал о себе монах Дорофей: «Признаюсь, что я имел некое осудительное сомнение о жительстве старца о. Венедикта; когда же во время отпевания подошел, поклонился гробу до земли и мысленно просил у почившего прощения, а затем с чувством любви к нему и осуждения себя поцеловал его клобук и руку, то ту же минуту почувствовал облегчение на душе и успокоение в совести. И припомнилось мне, что старец никогда не пороптал на свои болезни, никого не обвинял, но за все благодарил Бога, считая и болезни свои за милости Божии. Со слезами говорил он: «Слава Богу за все, по грехам моим этого еще мало. Когда я был в миру, то хаживал на совет нечестивых, бывал на путях грешных, сиживал и на седалищах губителей»...

И почувствовалось мне, что человек и по смерти может, по изволению Божию, неким таинственным образом входить в общение с живущими на земле».

Так заключил свой рассказ о. Дорофей. Старец Венедикт скончался на 63 году жизни.

Х. Иеромонах Иннокентий

4 декабря 1912 года в лаврской больнице скончался иеромонах пустыни Святого Параклита Иннокентий. В пустынку он убежал от городского соблазна и от ухаживания за ним женского пола. Лет тридцать он был уставщиком в пустыни. На нем, Божиим попущением, исполнились слова Господа: «Не судите, да не судимы будете», и другое мудрое изречение: за что осудишь ближнего, за то и сам осужден будешь. Не раз он осуждал слабых собратий: однажды на пути в Лавру он встретил охмелевшего монаха и подумал про себя: «Вишь – нарезался, да разве можно монаху так напиваться? Ведь этим люди соблазняются и монашество посрамляется». Ему и в голову не пришло, что он тяжко согрешил, и он остался спокойным в своей совести. Но вот, Божиим попущением и вражеским искушением, он сам стал увлекаться пьянственной страстью. Постепенно она обратилась у него в запой. И много раз приходилось ему самому пьяненьким возвращаться домой из Лавры или киновии по той дорожке, на которой он встретил пьяненького монаха и осудил... По два, по три дня иногда он скрывался в киновии или в Лавре; возвратившись же домой в пустынь, горько оплакивал свое падение, затворялся в келье, по несколько дней наказывал себя тем, что сидел на квасе и хлебе, и когда, оправившись, приходил в церковь, то у всех просил прощения. Тогда-то познал он свой грех, грех осуждения ближнего, и горько раскаивался в нем. За то своим страданием от болезни запоя стяжал он великую добродетель неосуждения, которая у св. отцов именуется без труда спасением. Зная это, некоторые братья иногда начинали в его присутствии разговор осудительный о ком-нибудь, чтобы испытать: как он отнесется к сему? Но он благоразумно уклонялся, выставляя на вид свою страсть. Только, бывало, и услышишь: «На то есть начальство, оно лучше нас знает. Я сам неисправен». Недели за две до смерти он ушел в лаврскую больницу, пособоровался, через день причащался св. Тайн. Утром в день смерти я зашел к нему пред ранней литургией; он сидел на постели и, по-видимому,

читал на память исследование ко св. причащению. Я положил ему на плечо руку и беседовал с ним. Под рукой я чувствовал, что, казалось, можно было пересчитать его косточки: так он иссох от болезни. Спросил я о молитве Иисусовой, зная, что он был делателем сего священного упражнения: «Како ти, отче, молитва Иисусова?» Он, показывая на свое чело, сказал: «Умом только». В утешение я сказал ему: «И за это, батюшка, Бога благодарите, а когда еще ослабеете, то имейте только память Божию и довлеет с вас». После ранней обедни причастили его св. Тайн; тут пришли его друзья проститься с ним и предложили ему прочитать отходную. Он согласился и внимательно слушал. Потом попросил поднять его с койки и посадить в кресло. Он посидел немного, с особенной приятностью взглянул в последний раз на св. Лавру (через окно), улыбнулся и стал кончаться. И так мирно в начале поздней обедни он предал дух свой Богу. Пустынная братия взяла тело его для отпевания и погребения в родную ему обитель Святого Параклита. На нем повторилось сказание Пролога под 30 марта. Когда он был еще здоров, один брат, видя его выпившим, спросил его: «Отче, ужели вы не боитесь внезапной смерти? Ведь в таком состоянии можно умереть». Он ответил: «Ах, брат, боюсь и молюсь Господу Богу, чтобы избавил сего: ведь Он может в один миг исправить меня, может и наказать. Прошу постоянно великомученицу Варвару, да избавит меня от внезапной смерти». И он умер в день святой великомученицы Варвары...

В ночь 39 дня после его смерти один брат пустыни видел во сне о. Иннокентия как бы живого. «Как вам?» – спросил его брат. Он ответил довольно ясно: «Ничего, хорошо за молитвы Церкви. Трудно было проходить мытарства, да ведь и всем так придется. Там, как на суде, за каждый рубль, за каждого таракана раздавленного спрашивают». – «А где же вы теперь? Вместе с братией?» – «Нет, – говорит, – нас человек пять»...

После его смерти, при разборе его келлейных пожитков, между книг нашлось много листков и записочек, им самим писанных. Тут были разные молитвы и воззвания к Богу в чувстве покаяния, смирения и самоукорения. Из этого можно

видеть, в каком настроении духа он находился, борясь с своею страстию...

XI. Два друга война

Полковник и фельдфебель вместе служили Царю земному, вместе защищали отечество во дни Севастопольской осады, вместе послужили и Царю небесному в монашеском жительстве в пустыни Святого Параклита. Полковник Николай Иванович Степанов на царской службе учил воинов страху Божию, воодушевлял упованием на Бога, особенно советовал им изучать на память псалом 90-й. По окончании военной службы фельдфебель Петр Павлов получил пенсию и поступил в послушники в пустынь Святого Параклита, а полковник получил место смотрителя детского приюта в Москве. Часто навещал полковник своего друга-пустынника и наконец сам переселился туда же. Прежде всех приходил он в церковь и выходил после всех; нередко лицо его орошалось слезами во время молитвы. Из получаемой им пенсии (91 р. 40 к. в месяц) он 40 р. отдавал игумену, а остальные немедленно раздавал кому приходилось. «Очень хорошо жить без денег, – говаривал он благодушно, – с деньгами трудно управляться с собой». Плохую келлию, данную ему вначале, он не хотел переменить на лучшую, которую предлагал ему игумен. Спал в гробе, в котором и был погребен. Он так полюбил обитель, что называл ее не иначе как «земным раем», а братий называл ангелами. И зиму и лето ходил без теплой одежды: в будни в подряснике, а в праздники в мундире, надевая в торжественные дни и знаки отличия. Замечательно, что, когда в церкви читали «Помилуй мя, Боже», он стоял с особым умилением, а иногда и на коленях. Спросили его: почему псалом 50-й его так трогает? Он отвечал: «Когда я был еще отроком, у нас в доме случился пожар, меня разбудили, и я, вскочив с постели, бросился на колени и стал читать этот псалом. Об этом после мне говорили родители, вот этот случай мне и вспоминается при чтении псалма 50-го». К концу жизни у него усилилась одышка, он стал изнемогать. Часто причащался святых Тайн, но собороваться не решался. Но вот в ночь перед самой смертью он призывает духовника и иеродиакона и просит их пособоровать. «Лежу я, – говорит он, – с закрытыми глазами,

потом открываю и вижу пред собою собор Пресвятой Богородицы со множеством святых, а справа – преподобный Сергей. Подумал я, что это – галлюцинация, и закрыл глаза. Чрез несколько времени опять открываю и вижу то же самое. Так делал несколько раз. Думаю: значит, мне надо пособороваться, и послал за вами. Тогда и видение кончилось». Во время утрени его пособоровали, а после литургии причастили. Он со всеми простился и, сказав: «Слава Богу за все!» – тихо предал Богу свою душу. Это было 8 июля 1909 года, на 76-м году жизни почившего. Положили его в том гробе, в котором он спал, и на могиле поставили крест им же самим сделанный с простою надписью: «Послушник Николай».

Остался теперь один старец фельдфебель Петр Павлович, уже почти потерявший зрение. Усердно посещал он храм Божий, да и возвратившись из храма, не спешил отдыхать по немощи старческой, а долго, бывало, стоит у аналая, исполняя свое келейное правило, которое выучил наизусть. Видя его усердие к делу спасения, о. игумен тайно постриг его в мантию с именем Павла. И вырыл о. Павел себе могилу на кладбище в поларшина глубины и каждый день ходил к ней размышлять о смерти. Умилительно было видеть убеленного сединами старца, который с обнаженной головой, оперевшись на палочку, стоит над могилой и покачивает головой... На два года пережил он своего полковника, каждый день приготавливаясь к смерти. В последний день жизни он так ослабел, что его сочли умершим, стали опрятывать тело его, но когда повернули, старец открыл глаза, отдышался и сказал: «Ах, я ныне, кажется, еще не причащался: позовите, пожалуйста, духовника». Духовник пришел, причастил его, и он тут же скончался на 85 году жизни. Особую любовь имел он к священным изображениям: найдет брошенную кем-то картиночку с таким изображением, приберет или сожжет, только бы лики святых не были попираемы ногами. Похоронили его в той могиле, которую начал он сам себе готовить...

XII. Мир иноков иной мир

Кто не поскучал прочитать эти «Страницы из современного Патерика», как назвал я рукопись инока, до конца, тот, думаю, согласится со мною, что мир иноков, мир монастырский – иной мир в сравнении с миром внешним, житейским. Присмотритесь только и вдумайтесь: как мирно, спокойно, будто домой, к Отцу небесному, готовятся к смерти и старцы, и юноши в святой обители! Я привел только несколько выдержек из рукописи; можно было бы и еще привести, но опасаясь утомить читателя некоторым однообразием рассказов. Вот, например, заболел молодой монах пустыни Параклита Памфил черной оспой; он уже знает, что не встать ему от болезни, приготовился к смерти святыми таинствами причащения и елеосвящения, а его настроение вовсе не похоже на настроение умирающего. «Слава Богу, – твердит он, – очень хорошо поболеть-то!» Его постригают в мантию, он даже не может смотреть в книгу, ибо глаза его закрыты сплошными струпьями оспы; он повторяет обеты за своим евангельским отцом, но душою он ликует. Его спрашивают на другой день пострижения: «Как себя чувствуешь, отец Памфил?» – «Очень, батюшка, хорошо, очень радостно, весело, все бы так быть – и умереть не страшно». Иноки, добре пожившие в обители своей, не боятся смерти: они сами готовят себе все потребное к погребению, некоторые с благословения старца или отца духовного готовят себе и гроб, а иногда, как выше сказано, и могилу. Я знал старца, который обычно имел у себя в келлии гроб для себя, но когда кто-либо из его друзей умирал раньше его, то он отдавал покойнику свой гроб, а себе готовил новый.

Прошу иметь в виду, что я беру выписки из рукописи, повествующей преимущественно об иноках пустыни Святого Параклита: это потому, что автор много лет жил в сей пустыни. Но это вовсе не значит, что и в других обителях нет тех же поучительных проявлений духовной жизни, какие отмечает автор. Есть они, знаю по родной мне Лавре преподобного Сергия, есть и в других обителях на святой Руси; только сами

иноки, как я уже сказал, стараются сокрыть их в своем смирении, а их собратия, которые, по примеру моего автора, могли бы записать, не делают этого отчасти потому, что подобные явления не считают чем-то сверхъестественным, заслуживающим записи, запротоколивания; отчасти же – и сие скажу прежде всего о себе самом – по лености и некоторому нерадению. Услышишь рассказ о собрате, в Бозе почившем, иногда до слез умилишься, а записать его – да все недосужно, а там и забудешь... Впрочем, кое-что мои читатели найдут в «Душеполезном Чтении» прошлых годов и отчасти в моих же дневниках за минувшие годы, а также в моей книжке: «Чем жива русская православная душа?».

Ныне стараются всю жизнедеятельность православного христианина свести, по примеру инославных христиан, к внешнему доброделанию, да притом еще так, чтоб это доброделание было видно другим, чтобы другие могли оценить его. А о внутреннем делании стараются забыть, как будто его вовсе нет. Но Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть» – и берется оно с усилием. И есть великая наука из наук – внутренний подвиг, миру незримый и потому миром неценимый. И если теперь интересуются люди умные какими-нибудь йогами Индии, говорят и пишут о «сверхсознании» и «подсознании», то как бы не заинтересоваться им своим родным «искусством из искусств» – подвигом внутреннего очищения от страстей при помощи Божией благодати? Хотя бы задумались над тем: почему это такие старцы, как Макарий и Амвросий и прочие подвижники Оптиные, привлекали к себе сердца многих тысяч людей? Как это они зажигали в сердцах и веру, и надежду на Бога и иногда творили прямо чудеса духовного обновления человека? В чем их сила? Да вот именно в деятельном прохождении великой науки духовного самоочищения, а это, как некое благоухание духовное, привлекало и доселе привлекает верующие души, ищущие спасения. Смотрите: и в пустынь Параклита, почти безвестную по газетам, идут искать душевного мира и спасения, идут не только ищущие уединения, решившиеся быть монахами, но и миряне, вроде полковника Степанова, и обретают то, чего ищут. Церковь Божия живет, Дух

Божий управляет сердцами, дело Христово совершается на земле, слово Христово исполняется: «Всяк ищай обретает и толкущему отверзаются» двери царствия Божия.

Для нас, живущих среди мира, волнуемого напастей бурей, особенно дорого знать и верить, что наша святая Православная Церковь имеет постоянное свидетельство пребывания в ней Духа Божия, что мы на корабле, ведомом Великим Кормчим, тогда как вне нашей Церкви лишены этой крепкой веры и упования. То же утешительное свидетельство истины наших православных упований имеем мы и в непрестающих в нашей Церкви чудесах Божиих, совершаемых у святых нашей Церкви: святых мощей угодников Божиих и у чудотворных икон, особенно икон нашей небесной Заступницы рода христианского, Матери Божией.

Лишь бы мы были верны заветам Церкви, а Церковь наша устроит наше спасение во славу своего Божественного Основателя и Главы, Господа нашего Иисуса Христа. И не только вечное спасение, но и земное наше странствование благословит, и мир умирит, и во всем благопоспешит яже ко благу и спасению нашему. Буди, буди!

Я кончил свои «Странички из современного патерика», когда нашел в своих бумагах подлинное письмо незабвенного Мудреца – святителя Московского митрополита Филарета к некоему «Превосходительству» (к сожалению, не видно – к кому), следующего содержания:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь.

О рукописи, мне сообщенной, желал бы я лично и обстоятельно сообщить вам мои мысли: но, не находя вскоре времени, возвращаю оную при сем.

Убедительно прошу первую статью о ските и его жителях не подвергать гласности напечатания.

Мирские люди боятся обнаружения пороков: монахи гораздо больше боятся похвалы их добродетелям, и разглашение их подвигов может заставить их бежать от места, где сие случилось бы. Сочинитель, надеюсь, не захочет гнать из спокойного места невинных людей.

Кроме сего, есть в статье то, чего не одобрит обыкновенная цензура. При случае объясню обстоятельнее.

Призывая вам благословение Божие, с истинным почтением и преданностию пребываю. Вашего Превосходительства покойнейший слуга Филарет, митрополит Московский. Мая 2. 1848».

Вот, между прочим, причина, объясняющая ту скудость сведений относительно современного подвижничества у нас на Руси, о коей я упомянул выше. Не в духе монаха говорить о своих добродетелях; это противно его душе; это страшно вредит его духовному преуспеянию, и он готов скрыться от самого себя, только бы не уведала шуйца его, что творит десница его. И эту «сопрятанность», эту сокровенность чтут и берегут все, кто около подвижника, не выносят наружу его подвигов, пока Господь не позовет его в горний мир. Но до того времени, как я говорил уже, многое и забывается, и приходится по крохам собирать оставшиеся крупичицы его подвигов, как плод его духовной сокровенной жизни. А в полноте своей она ведома только Богу...

Какие есть у нас воины христоролюбивые

Господь обещал праведному Аврааму пощадить нечестивые города Содом и Гоморру, если там найдется хотя только десять праведников. Много согрешила наша когда-то «святая», а ныне грешная Русь пред Господом, но верится, что в миллионах русских православных людей есть еще те праведники, ради коих щадит Господь грешную Русь. Не видны они, эти рабы Божии, но видит их Господь и милует нас, грешных. Есть, воистину есть такие рабы Божии и в среде нашего воинства христоролюбивого, что засвидетельствовано дивными примерами их христианских подвигов, их любви ко врагам, христианского мужества и смирения, совершенной преданности в волю Божию и истинно христианской кончины на полях брани и в лазаретах. Среди православных воинов есть и истинные подвижники, напоминающие тех рабов Божиих, о коих мы читаем в житиях святых, в патериках и древних летописных сказаниях. Это люди – не от мира сего, и потому мир, даже в лучших своих представителях, не понимает их во всей их духовной красоте, высоте и благоухании... Они кажутся слишком «странными», хотя люди от мира не могут не преклоняться пред их духовным обликом, не могут не воздавать им глубокого почитания и, скажу необычное для мира слово, не смиряться пред ними...

Вот что рассказывает об одном из таких героев в «Армейском Вестнике» офицер, по-видимому, его начальник. Рассказ так и озаглавлен: «Странный человек». Подзаголовок говорит: «Памяти мл. унт.-офицера Трофима Федоровича Скачкова, погибшего (надо бы сказать: душу свою положившего за исполнение своего долга) 25 июня сего года под деревней Дарево».

«Странный человек» – так его прозвали солдаты. Скачков – запасной солдат, уроженец Каменец-Подольской губернии, проживший некоторое время во Владивостоке; в наш полк прибыл 2 сентября 1915 г. В строю был с самого начала кампании, но наград, к сожалению, не имел. Главная отличительная черта его на поле брани – религиозно-

нравственная чистота и безлицемерность. Очень редкое явление встретить такую глубокую веру, как была вера Скачкова. На фоне религиозного безвременья такие личности резко выделяются из равнодушной толпы и стоят особняком, одиноко, как прямой пушистый кедр среди кривого тальника.

Охарактеризовав так своего воина, автор не утерпел, чтобы не высказать своего интеллигентского взгляда на его веру. «Правда, – говорит он, – глубокая вера Скачкова была слепа, она не была продуктом долгой критической работы мозга, что принято у нас называть религиозным или иным убеждением».

Лучше бы автор не писал этих строк: он, кажется, забыл, что вера не от мозга, не от его «критической работы», а от доброго сердца; что такой вот вере ему и следовало бы поучиться у Скачкова. Впрочем, автор оговаривается тут же. «Суть, – говорит он, – заключается не в этом, а в его высоких нравственных основах и непреклонной силе воли, смогшей противостоять соблазну беспринципности, какая наблюдается в настоящее время в народной массе. При самых неблагоприятных условиях боевой жизни, он, единственный в полку, неуклонно соблюдал все постные дни. На одном черном хлебе и чае он без вреда для здоровья выносил семь недель Великого поста. Ежедневно, утром и вечером, прочувствованно и долго молился, не обращая внимания на неуместные, иногда колкие, шутки и насмешки не понимавших его психологии товарищей. «Глядь-ко, Митроха, – говорит, бывало, один солдат другому, указывая пальцем на молящегося, – в святые ладит». – «Звестно дело, монахом бы ему и быть», – отвечает тот. «А ты знаешь, отчего у него на коленях часто шароварки дырявы бывают?» – «Поползай-ка ты каждодневно так-то, небось и тяткину кожу продырявишь». Но Скачков без малейшего смущения продолжал молиться и, что удивительно, никогда не сердился. Его обращение ко всем без исключения сослуживцам было самое теплое и искреннее. Он всегда был готов услужить каждому... При стоянках ли, на походе ли его вещевой мешок всегда был перегружен, а в дополнение имелось еще несколько узелков и кошелечков. Однажды командир батальона, удивившись невероятной нагрузке, спросил его: «Что это ты,

молодец, таскаешь так грузно?» – «Всего помаленьку, ваше высокоблагородие». – «Именно?» – «Да все, что идет на потребу солдатскую: рубашки, подсумочки патронные, провизия, книжечки Божественные вот... журнарики, очень интересные рассказы есть в них про жизнь людскую и нашу солдатскую». – «Ну, журналы, газеты, книги – это твое дело, – сказал командир, – а сколько тебе рубах да подсумок тех надо?» – «Да мне одному немного надо, а вот случись у кого из солдатиков что износится, порвется или ненароком утерется... а то и сухариков не хватит: я и дам ему... В походе где взять-то? А у меня всего помаленьку есть про запасец... Таскать-то по привычке мне не тягостно, ваше высокоблагородие». За такую нагрузку солдаты прозвали его в походах «двухколка». «Мотрика, Грицко, вот и наша «двухколка» выехала, – добродушно смеялись они, завидя входящего в строй пред передвижением Скачкова. Иные объясняли это по-своему: «Ох, не грехи ли свои он искупляет этим? Наверное, в душе его таится какой-нибудь тяжкий грех. Из-за чего же иначе он так мучает себя».

Эти русские простецы, думаю, лучше мудрецов понимали, сердцем чувствовали, что Трофим Федорович не напрасно носил эту «нагрузку»: это были его вериги, которыми он «удручал» себя ради Бога, подражая древним подвижникам-юродивым.

«Вообще, – говорит автор очерка, – в отношении сохранности снаряжения и обмундирования Трофим Федорович был исправнейший солдат. В то время как другие беспощадно разбрасывали все лишнее, даже и положенное, он подбирал все, что только годного попадало ему на глаза: грязного ли пара белья – поднимет, вымоет и в свой мешок; заржавленный ли патрон – возмет его вычистит и в мешок; тогда как в походах иной молодой тяготится 100–150 патронами, стараясь при всяком случае «сбавить», он имел по крайней мере 250–300 шт. всегда при себе. И при надобности готов был отдать последнюю с себя рубаху соседу.

Трофим Федорович никогда не был угрюм. Он очень редко защищал себя от напрасных обид и нападок, но если это ему случалось делать, то говорил противникам так убедительно и

обоснованно, что возражать или оправдываться никто не смел. В таких случаях пред ним как-то невольно преклонялись. Исправность его по службе была безусловная. Он был всегда готов на любое дело, на любой подвиг. При всяких обстоятельствах военного времени показывал удивительнейшее хладнокровие. В последнем сражении, когда он пал геройской смертью у самых проволочных заграждений противника, бывши отделенным командиром, он, по словам товарищей, выказывал необычайную храбрость. Но здесь его роковой удел свершился при несколько странных обстоятельствах. «Цепь шла в атаку, он был ранен, – заверяют очевидцы, – достал свой молитвенник, опустился на колени и молился. Но шальная пуля убила его наповал».

В унтер-офицерское звание он был произведен только нынешним летом и тогда же был назначен отделенным командиром. Казалось, мягкость и скромность его характера не позволяли ему быть начальником, но на деле получилось нечто неожиданное: его отделение вело себя образцово. Необыкновенная сила воли делала свое, когда с ним сошлись близко. «Как-то стыдно его не слушать, – говорили его подчиненные, – совесть на него не поднимается». И он действительно своим пристальным, уверенным взглядом умел заставить себя любить и уважать».

Что нашел «странного» в обстоятельствах геройской смерти Скачкова автор сообщения о нем – не понимаю. Воин-христианин, раненный, опускается на колени, вынимает молитвенник, начинает молиться Богу – все это так естественно для верующего, а вот интеллигентный автор видит что-то странное в этом. Так далеко мирозерцание наших, даже лучших, интеллигентов ушло от мирозерцания простых русских людей православных. Печальное это явление, но оно постепенно и незаметно входило в интеллигентную душу в продолжение последних двух веков, и удивляться этому не приходится. Будем надеяться, что небывалая по своей жестокости и губительности война и христианские подвиги православных воинов откроют глаза нашим интеллигентным слоям на ту могучую нравственную силу, которая скрывается в

православной народной душе, на ту цельность христианского мирозерцания, которое делает из наших простых воинов – сверхгероев, отдающих Богу душу с молитвой на устах...

Я только что кончил свою статью, как в «Новом Времени» прочитал еще отрывок из корреспонденции с фронта. Описывается кратко смерть воина – одна из тех смертей, которыми полны летописи современной войны. Эти смерти там, на фронте, явление самое обычное.

«На носилках лежит молодой сибирский стрелок. Доктор, нагибаясь, спрашивает: «Куда ранен?» Бледные губы чуть слышно шепчут: «В живот». Доктор отворачивает шинель, суконную рубаху, нижняя вся в крови. Долго смотрит на рану, медленно поднимается и, точно угадав мой безмолвный вопрос, чуть слышно отвечает: «Разрывная, тут не доктор нужен, а батюшка». На пороге стоит священник с походной дарохранительницей в руках. Просит уйти нас, остается с умирающим один. Сердце рвется туда, к раненому. Кончена исповедь, и я вхожу в перевязочную. Никогда не забыть мне светлого начального обряда св. Причастия. Медленно, почти беззвучно повторял умирающий солдат за священником святыя слова. Красивое лицо молодого стрелка побледнело, губы темнеют все больше и больше, по высокому матовому лбу пробегает предсмертная желтизна. Окончен обряд причащения. Священник наливает в стакан воды и протягивает умирающему. Жадно, большими глотками пьет он холодную воду, это последнее облегчение. Батюшка медленно опускается на колени к изголовью смертельно раненого. «Ну что, легче стало?» – «Спасибо, гораздо легче». Не знаю, солнечный ли луч проник сквозь окно в перевязочную, но лицо раненого воина озаряется светом. Ни единого стога, ни единой жалобы, а внутри все порвано, смешалось, уничтожено, но нестерпимые муки не отразились в эти короткие минуты на его лице. Боже мой, какая прекрасная смерть мученика!»

Простите, читатель: не мог писать этих строк без слез умиления. Какие сокровища духа сокрываются в нашей православной душе! И этими сокровищами она обязана единственной своей родной матери – Церкви... И когда

подумаешь, что на эту нашу матушку родимую теперь делается столько покушений со стороны всяческих секундантов, со стороны немцев, со стороны – скажу прямо – многих наших же русских интеллигентов, то и больно, и страшно становится, и хочется крикнуть: прочь, непрошеные просветители-помрачители, прочь, иудейские союзники, немецкие наемники – реформаторы церковные!.. Мы не уступим вам ни единой йоты из священных заветов нашей матери – Церкви, мы веруем в силу Божию, обитающую и действующую в ней: ею мы, вся Русь православная, живем и движемся, в ней – весь смысл нашей не только частной, семейной, общественной, но и государственной жизни. Не культуру земную, немецкую призван народ наш нести в историю человечества, а святое православие, чистые заветы Евангелия, царствие Божие в душах людских... И все эти сокровища – в нашей Церкви-матери, и горе тому, – гнев Божий грозит ему, – кто изменит своей матери, кто перейдет на сторону ее врагов ради корысти, ради выгод земных!.. Горе тому, имже соблазн приходит!

Великое испытание совести народной

Хорошо называют всякую войну великим испытанием. Как золото очищается от посторонних примесей огнем, так и душа христианская очищается скорбями, так целый народ Божиим попущением подвергается великому испытанию войною: никогда так ярко не обнаруживаются душевные свойства народа, как во время бедствий войны. Будто со дна души поднимаются и добрые качества, и те страсти, которые таятся в самой глубине сердечной; и начинается между ними борьба, и благо тому народу, в душе которого добро возьмет верх над злом, добрые свойства его души над недобрыми... На наших глазах за эти два года войны раскрылась во всей наготе душа немца: это – настоящий потомок древних гуннов, бессердечный, бесчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей; в его глазах только его соплеменники – люди, остальное человечество – что-то вроде животных, коими он может пользоваться как рабами, почти как бессловесною тварью. Тут обнаруживается что-то сродное с иудейским талмудическим мировоззрением. Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нее, как от крепкого вина. Если еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить... Вызвала ли война в немецкой душе что-либо доброе – мы не знаем: пусть об этом судит единый Ведущий человеческие сердца.

Обратимся к родному народу, посмотрим, что вызвала на поверхность его души эта ужасная война, зла в мире больше, чем добра, а потому больше приходится замечать явления отрицательные, чем положительные. Мир ведь во зле лежит.

Думали ли мы, пастыри Церкви, что война вызовет из глубин души народной беспредельную, ужасающую страсть корыстолюбия?.. Правда, она проявилась сначала не в массах народных, – она прежде всего обозначилась в том сословии, о котором еще древний мудрец сказал: «Купец едва может избежать погрешности; как посреди скреплений камней вбивается гвоздь, так посреди и купли вторгается грех» (Сир.

26, 27; 27, 2). Но как пламя пожара, страсть наживы быстро распространилась повсюду, где только открывалась возможность нажить: все без исключения быстро стало дорожать: и товары, и труд рабочих, и самые первые потребности жизни... Будто опьянели все: что вчера стоило несколько копеек, то стало стоить рубль, и что всего хуже: дороговизна все растет, и нельзя сказать: когда и на чем она остановится... Будто люди сказали своей совести: «Уйди ты от нас, не докучай нам: видишь, настало время, когда так легко можно нажить, такого времени мы и не вспомним, да едва ли когда еще и будет: как же не попользоваться, как не скопить денег на черный день?». И копят, и прогнали от себя совесть, и она замолчала, и то, что свойственно отверженному Богом племени, будто стало общим достоянием всех, кто только видит возможность под тем или другим предлогом взять втридорога, а иногда и еще дороже. И будто все правы: «С меня дерут, как же мне не брать?». И не знаешь: да к чьей же совести обратиться? Увы, она спряталась куда-то у всех, не только торгующих, но и трудящихся... Дело в том, что явилась в жизнь какая-то невольная круговая порука: все вздорожало как бы поневоле, и только тот, кто не имеет возможности поднять цену на свой труд, например чиновник, священник, учитель, живущие жалованьем, несут всю тяготу этого вздорожания, только они обречены на голод и всю невыносимость дороговизны... Довольно сказать, что профессора высших учебных заведений, люди с высшим образованием, с видным общественным положением, люди, занимающие высшие должности в правительственных учреждениях, но не имеющие посторонних источников для своего содержания, кроме жалованья, начинают завидовать простым фабричным рабочим, которые сами повышают цену своего труда пропорционально росту дороговизны жизни. Что это, как не повальное сумасшествие? Люди в сущности обманывают друг друга, ибо если ты требуешь за свой труд, за то, чем ты торгуешь, больше прежнего, то и с тебя требуют также больше прежнего: повышается твой приход, но повышается и расход, если ты только хочешь остаться честным человеком. Но в том-то и горе, что этого мало: ты

снова повышаешь цену своего труда или товара, чтобы что-нибудь нажать, но и с тебя снова повышают требование за все... Будет ли этому когда конец? Ведь так можно дойти до того, что рубль обратится в копейку: подумайте, как же тогда жить тем, у кого не может быть такого превращения, кто живет тем же рублем, каким жил три-пять лет назад? Ведь ему придется умирать с голоду!.. Пишет мне один многосемейный чиновник: «Вот, приходит осень, зима: жалованья, которого прежде доставало кое-как на квартиру, отопление, на пищу и одежду семьи (а она у меня состоит из 11-ти человек), теперь едва достанет на скудный стол да на полуотопление, – будем уже согревать квартиру наполовину своим дыханием; детям ходить в учебные заведения – не в чем: ни теплой одежды, ни обуви, да и за учебу вносить нечего; в церковь выйти в праздники и думать не приходится: будут сидеть до весны дома – ведь совсем одичают... Помогите, чем можете». Но ведь таких тысячи: как и чем им помочь? И это еще те, у кого хоть на кусок хлеба-то достанет, а как жить нищете безысходной, вот этим вдовицам духовного ведомства, получающим из своего попечительства по рублю в месяц, как быть тем, которые вовсе не получают ни гроша, а для труда нет у них ни силы, ни умения. У миллионеров бездна бездну призывает, по 500% наживают, куда деньги девать – не знают: рядят своих жен в бриллианты, которые, говорят, страшно вздорожали, одевают в шелки, которые стали дороже серебряной парчи, прожигают время в театрах да веселых домах, проигрывают целые состояния в одну ночь в карты, – а беднота плачет с голоду и холоду, а младенцы новорожденные не имеют капли молочка, а больные беспомощные старички и старушки зябнут в нетопленных хатах или подвалах, и нет у них корки хлеба, чтобы размочить да голод утолить!.. Господи, помилуй их, напитай их!.. А Господь словами песнопевца отвечает: «Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник»... Вы, забывшие Бога, у которых совесть молчит! Услышьте хотя вопль и стенание, слезы и рыдание этих несчастных! Вы, роскошно пирующие подобно евангельскому богачу, бросьте хоть ту корку хлеба несчастным сиротам и беднякам, которую вы небрежно

бросаете своим псам, что под вашею трапезою подбирают крошки! Вы, власть имущие, обуздайте жадность торгашей, вы, законодатели, издайте законы, или лучше сказать: напомним существующие уже законы, не позволяющие брать свыше известного процента! Ведь вопли бедноты, стоны вдов и сирот вопиют к небу, и внемлет им Господь – Судия праведный, – поспешите умиловать Его, пока до конца не прогневался Он на всех нас!..

Но почто пишу я эти многоскорбные строки? Кто будет читать их? Все уклонишася, вкупе неключими быша, – все сошли с ума, все, кто забрал в свои руки так называемые предметы первой потребности! Все опьянели страстью наживы, подобно тому, как немцы опьянели страстью гордыни, зверства, жадности! Вот мы каждый день умоляем Господа, чтобы помог Он Царю нашему одолеть врага и супостата, но сами что делаем? Прогневляем Господа. Услышит ли Он молитву нашу? Русские люди, – не говорю уже о живущих среди нас не русских, коим дела нет до русского народа, до блага родной земли, – вы, именующие себя русскими, православными людьми! Опомнитесь! Убойтесь Бога, Судии праведного! Призовите в помощь свою забытую, прогнанную вами совесть! Спросите ее: чем умиловать гнев Божий, грядущий на нас? Она вам подскажет. В ее голосе вы услышите голос Божий. И лишь только послушаетесь этого голоса, как увидите воочию Божие благословение на вас и на делах ваших, как почувствуете в сердцах своих прикосновение Божией благодати, милующей и спасающей нас. Лишь только вы протянете руку помощи горюющим беднякам, лишь только откроете житницы ваши – не говорю уже для бесплатной раздачи хлеба алчущим, а хотя бы только для продажи по совести, без большого барыша, тех запасов, какие у вас имеются, – вы сразу почувствуете, что над вами будто небо раскрылось: так станет у вас светло на душе, вы сознаете, что есть на земле счастье повыше всех ваших удовольствий, и настолько выше, что, как небо от земли, так это счастье отстоит от всех ваших балов, театров, игр, наслаждений... Ужели вы так и умереть хотите, не изведав этого счастья, – счастья делать добро, жить по совести, счастья

чувствовать близость Божией благодати к себе, счастье быть уверенным, что есть вечноблаженная жизнь, которая начинается еще здесь на земле, в сердце нашем, когда начинаем исполнять Божий заповеди, освещая себя святыми таинствами Церкви, нашей матери? Ведь вы же, русские люди, называете себя еще православными: вы еще не отреклись от Церкви, от Христа: вы не хотите этого – да? Так проснитесь же, отрезвитесь, сбросьте вражье наваждение, ослепляющее вас страстью наживы! Ах, братья – купцы и торговцы! Если бы вы знали, какое теперь, именно теперь благоприятное время для вас, чтобы с Богом прогневанным примириться, чтобы себе царствие Божие – еще здесь на земле купить, в свое сердце стяжать, чтобы начать жить по-божьи здесь и перейти туда, в вечность, с мирной совестью, с верою и упованием на Божию милость! Ведь я говорю с русскими людьми, а русские люди веруют в Бога, не то что немцы, – правда, увлекаются страстями и грехами не меньше немцев, но все же, по-русскому обычаю, когда гром грянет, и перекрестятся. Вот, гремит гром небесный над Русской землей: перекреститесь же! Ведь гроза Божия может прямо разразиться над вами, – отведите же ее от себя милосердием и простою справедливостью! Пожалейте родную землю, родной народ, будьте русскими!..

Законы правды Божией непреложны; когда люди не хотят знать их, они свершаются над ними с неумолимой строгостью. Около четырех тысяч лет тому назад прогремело грозное повеление Божие на Синае: «Не укради!» Всякий бессовестный продавец нарушает эту святую заповедь Божию, а потому над ним висит гнев Бога правосудного; он не только сам лишает себя благословения Божия, но и призывает на себя проклятие. «Сладок, – говорит древняя богодуховенная мудрость, – сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою, но после рот его наполнится дресвою (Притч. 20,17); строящий дом свой на чужие деньги – то же, что собирающий камни для своей могилы. (Сир. 21,10), а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным (Прит. 28,20), потому что богатство его, по пословице, прахом пойдет, или, как говорит премудрый

Соломон, оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу» (Пр. 23,5)...

Никакой народ не умеет так каяться, как наш православный Русский народ. И слава Богу: хоть редко, хоть единично, а я имею утешение видеть такое – русское – покаяние. Приведу самый последний пример. Вот что пишет мне один почтенный старец из торговых людей. Само собою разумеется, я не назову ни его имени, ни адреса, хотя думаю, что он был бы согласен и на это. «В дни моей молодости, когда мне было лет восемнадцать (а теперь мне уже 67 лет), я служил конторщиком в купеческой конторе. Раз приказчик считал деньги для сдачи их хозяину, когда хозяин позвал его к себе в соседнее помещение. Он поспешил на зов хозяина и оставил деньги на столе. В конторе остались я да бухгалтер. И вот кому-то из нас – кажется, что мне, пришла мысль подшутить над приказчиком, спрятать часть денег, и я взял – не помню, одну или две пачки по сто рублей и спрятал в свой ящик с мыслию: хватит ли приказчик? (Как видите, враг хитер: он не стал внушать тут же присвоить – попросту украсть – деньги: он учит только «подшутить», спрятать их.) А приказчик по возвращении в контору, не считая денег, убрал их в свой ящик, поспешая куда-то, чтобы исполнить приказание хозяина. В этот ли или на другой день у нас с бухгалтером явилась мысль, что у приказчика, вероятно, столько хозяйских денег, что он и не хватит взятых нами, а потому можно их и вовсе не отдавать ему. Действительно, сразу он и не хватился, что у него денег недостает, но потом по его беспокойству мы заметили, что он денег не досчитывается, но все-таки взятых денег ему не возвратили, а разделили их пополам, то есть украли... (Вот как враг ведет человека от шутки ко греху: может быть, стыдно уже стало признаться в «шутке».) Много лет спустя у меня зашевелилось сознание греха, и я был бы очень рад возвратить эти деньги по принадлежности или наследникам того приказчика, но к розыску его не принял мер, а потому вовсе потерял его из виду. Вот я прибегаю к вам, владыко, с почтительнейшей просьбою: прилагаемые двести рублей

употребить по вашему усмотрению и помолиться о прощении моего греха».

Прошло пятьдесят лет, а совесть все мучила русского человека. Надо бы, конечно, и теперь возвратить хотя наследникам того приказчика, но и они не известны. В успокоение кающейся совести, я послал эти деньги в распоряжение Волинского святителя, в помощь его бедному духовенству, лишенному крова после разорения их жилищ немцами, присоединив и от себя нечто, дабы быть участником в покаянной жертве доброго христианина. Думаю, что самая мысль поступить так, пришла ему под впечатлением недавно напечатанной моей заметки под заглавием «Совесть заговорила». Там я рассказал, как тоже некто, взявший у странника 15 рублей и не возвративший ему, прислал мне 30 рублей с просьбою послать на фронт нашим воинам «Троицких Листков» в виде духовной милостыни, потому что он не знает, кто и где живет, даже жив ли тот странник, у кого он взял деньги, ибо прошло уже лет пятнадцать, как это было.

Так вот как поступают люди, у которых совесть еще не погасла, которые еще внимают ее неумолимому требованию и боятся чуда Божия. Вот добрый пример тем из торговых людей, которые уж слишком много перебрали за свои товары с добрых людей: пусть они вспомнят еще евангельский пример мытаря Закхея, пусть в своем сердце повторяют его золотые слова: «Господи, се, пол имения моего раздам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею!» Зато и услышал из уст Самого Господа: «Днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть». Вот настоящий путь, указываемый Самим Господом и нашим купцам, если только они не хотят отречься от Христа Спасителя. Господь говорит, что радость бывает на небесах у Ангелов Божиих, когда и один грешник кается: какую же радость самим Ангелам Божиим доставили бы наши купцы, если бы по примеру Закхея стали бы обращаться, каяться или хотя бы полагать начало покаянию, продавая товар по совести, не обижая ближнего, не повышая цен... Ужели в самом деле они так заглушили свою совесть, что перестали быть христианами?

Не хочу верить!..

Я кончил статью, когда пришел ко мне один настоятель, только что назначенный в монастырь. Его рассказ подтвердил мне то, что я думаю о русской душе. Она способна на великие подвиги, на самоотречение в самых, казалось бы, насущных и крупных материальных интересах. Предместник о. настоятеля оставил монастырских долгов на несколько десятков тысяч. Кредиторы, все торговые люди, явились к новому настоятелю с своими заявлениями об этих долгах. Настоятель сказал им прямо, что монастырь не имеет чем платить. «Как же нам быть? Что посоветуете?» Он сказал: «Если хотите выслушать мой совет, то скажу вам откровенно: судиться с прежним настоятелем – один соблазн, да и у него ничего нет; обитель посвящена Матери Божией: Она и должна вам в сущности. Если вы простите Ей этот долг, то Она будет вам помощницей в ваших делах и Сама наградит вас... Вот и весь мой совет». Купцы подумали немного и решили: «Быть так! Верим Царице небесной». И заявили, что они прощают монастырю весь долг...

Широка натура русская. Это отметил еще наш славный поэт граф Алексей Толстой в своем известном стихотворении. Это сказалось даже и в том печальном явлении, которое называется дороговизной. «Если уж наживать – так без меры, без пощады». И наживают... И народ простой на тот же путь примером своим толкают. И вот мужик требует 5 рублей только за то, чтобы перевезти кубик хворосту за две версты для соседа, беспомощного старика, у которого нет ни лошади, ни денег заплатить... Какое-то бессердечие, – страшно подумать!.. Но не верится, что так и дальше будет. Гремят громы Божий, крестятся уже русские православные люди. Ужели люди торговые, именующие себя русскими, не опомнятся, не перекрестятся? Не хочу верить...

Утешение у яслей Христовых

Слава в вышних Богу и на земли мир... Лук. 2, 14.

И послав Ирод, изби вся дети, сущия в Вифлееме и во всех пределах его... Мф. 2, 16.

Небесным миром и благодатною радостью наполняется сердце наше в светлый праздник Рождества Христова у священных яслей Младенца – Превечного Бога. В песнопениях Церкви громко звучит торжествующая песнь небожителей: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» Всему миру, всему человечеству возвещается радость велия: «Днесь родися вам Спас, Иже есть Христос Господь во граде Давидове» (Лк. 2, 11).

Но когда мысль наша, отвлекаемая от яслей Христовых шумом бурного моря житейского, обращается к тому, что творится в мире в наши скорбные дни, то и сердце наше начинает смущаться, начинает вопрошать: где – в человецех благоволение? Восстали царства на царства, народы на народы; миллионные войска не прерывают ужасных битв; на пространстве нескольких тысяч верст льются обильные потоки крови, не говорю уже о слезах, коими столь же обильно орошается вся земля. Где же столь возжеленные мир и благоволение?

«Да не смущается сердце ваше, – глаголет Богомладенец от яслей Своих, – зрите, не ужасайтесь: подобает бо всем сим быти».

Да, подобает быти: так было и тогда, когда явился на земле Сам Он, великий Примиритель неба и земли; и тогда, едва успели Ангелы воспеть дивную песнь мира, как на земле началась неслыханная война: с одной стороны царь Ирод и весь Иерусалим, с другой – Отроча Иисус и Его телохранители – младенцы Вифлеемские. И полилась тогда кровь неповинная сих младенцев-мучеников, и церковное предание говорит, что воинами бесчеловечного Ирода умерщвлено в Вифлееме и его окрестностях до 14000 малюток... Видно, у Господа Бога таков уж закон для земнородных: никакая радость, никакой мир на

земле не стяживается без скорбей и страданий. И этому закону благоволил подчиниться Сам Законодатель, ради нашего спасения претерпевший все скорби человеческие. В первые же дни Своей земной жизни Он претерпел и законное обрезание, и гонение от Ирода и благоволил воспрять в соучастники Своих страданий, яко начаток от искупляемого им рода человеческого, целые сонмы невинных младенцев-мучеников, увенчав их венцами нетленной славы.

Применим же, братие, этот закон к себе и поищем в самых скорбях наших утешения себе. Великими скорбями испытуетя верующая Русь в наши дни. Испытуется, яко злато в горниле, и очищается от греховности своей испытанием тяжелой войны. Сотни тысяч уже легло костями и наших братьев, верных сынов отечества, и их кровь, их мученическая кончина дают дерзновение нашей матери Церкви веровать, что они, положившие душу свою во имя той любви, выше которой нет на земле, – любви к вере своей православной, к Царю Помазаннику Божию и к родному народу, родной Руси Святой, увенчиваются там на небе венцами мученическими. А если так, то не можем ли мы с тем же дерзновением смиренной веры уповать, что эти страдальцы за все, что священо и дорого для Русской православной души, выходившие на последний в их жизни подвиг с верою во Христа Спасителя, с самопреданием Его святой воле, особенно после приготовления к мученической смерти причащением Божественных Тайн Христовых (о чем свидетельствуют многие военные священники), – что они, возлетев с полей брани душами своими туда, где ликуют сонмы мучеников за Христа, где блаженствуют невинные души Вифлеемских страдальцев, не забудут пред престолом Господа, Судии Праведного, родной им Русской многоскорбной земли и будут просить ей у Господа победы и одолений на супостата, мира и благоволения Божия?..

Ирод не победил Божественного Отрочати: «Воинство младенцев, – по выражению святителя Филарета, – не предало Вождя своего в руки врагов, но своею кровию пожертвовало за жизнь всеобщего Искупителя». И ныне, – мы веруем, мы уповаем на милость того же Победителя ада и смерти, в яслях

смиренно почивающего, но в то же время адского льва и змия попирающего, что новый Ирод, беспощадно истребляющий своими подводными лодками и убийственными газами мирных жителей и путешественников, среди коих множество и женщин, и детей, и старцев, и беспомощных больных, не одолеет нас, что наше христоролюбивое воинство, беззаветно душу свою полагающее, победит его и своею кровию умилоствует прогневанного грехами нашими Господа.

Видел некогда возлюбленный наперсник Христов евангелист Иоанн Богослов под жертвенником Божиим души убиенных за веру, которые возопили громким голосом: «Владыка Снятый и Истинный! Доколе не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И сказано было им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Апок. 6, 9–11).

Невольно вспоминается это пророческое видение великого таинника Божественных откровений в глубокой скорби нашей, и если мученики за веру вопиют к праведному Судии об отмщении за кровь их, невинно пролианную, то, дерзаем думать, что и наши страдальцы воины, во имя любви душу свою положившие, не безмолвствуют пред престолом правды Божией, и, указуя на кровь свою, на истерзанные части тела своего, паче же на великую скорбь всей верующей Руси православной, дерзают в молитве пред Господом ходатайствовать об умирении всего мира, и, если не об отмщении всемирному супостату, то об усмирении и вразумлении его и об окончательной победе над ним.

Возлюбленные о Господе братия! Кто из нас с тревогою в сердце не вопрошает: когда же будет конец этой ужасной войне? На этот вопрос отвечаем словами Божественного Откровения: когда дополнится число убиенных за веру и отечество братий наших. Великий сонм душ их с полей брани возносится к престолу Божию, как жертва любви их к родной земле, сколько еще судил Господь присоединить к ним – это ведает один Он, Бессмертный, в руках Коего и жизнь, и смерть наша. Един Он ведает и то, когда наступит конец этой небывалой войне.

Церковь ублажает Вифлеемских младенцев-страдальцев, яко мучеников за Христа, она обещает и нашим христолюбивым воинам, на брани душу свою положившим, венец мученический. А посему – никтоже да плачет о них, – их души в руке Божией! Никтоже да отчаивается за исход войны: с нами Бог! Никтоже да унывает духом: Господь призирает с высоты небесной на все наши немощи, наши нужды и не попустит нам искушения выше сил наших!

В светлый праздник мира и радости о Господе Спасителе нашем, нас ради от Девы родившемся, припадая к Его яслям и смиренно склоняя главу свою пред Возлежащим в них, сами себя и воинов наших, и все судьбы нашего отечества Христу Богомладенцу предадим. И в этом самопредании Богу мы обретем тот мир благодатный, которого жаждет наше многоскорбное сердце и о котором говорит единый Примиритель неба и земли Господь наш: «Мир оставляю вам, мир Мой даю Вам, не якоже мир дает. Аз даю вам» ([Иоан. 14, 27](#)): это – мир с Богом, мир с совестью, о котором воспели Ангелы: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Аминь. Архиепископ Никон.